

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

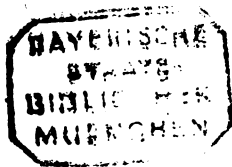
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1865.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 23-го января 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

(XVIII столѣтія).

V.

Реформы западной Европы, о которыхъ я говорилъ въ первой статьѣ, не были личными выдумками правителей. Улучшеній требовало время. Это значить, что средневѣковое государство, съ его привилегіями, корпораціями, цехами, угнетеніемъ низшихъ классовъ народа, существовать далѣе не могло, и что это понимали очень хорошо всѣ разсудительные люди. Реформаціонныя правительства явились только представителями этого сорта людей—и больше ничего.

Во Франціи преобразованія начались точно также административнымъ путемъ. Тюрго хотѣлъ уничтожить главнѣйшія злоупотребленія феодалной системы и уравнивать по возможности права; ввести новый земельный налогъ (кадастръ); облегчить положеніе землевладѣльца; уничтожить гильдіи и цехи; закрыть большую часть монастырей; составить для всей Франціи одно общее законодательство; улучшить образованіе, дать свободу печати и т. д. Но Тюрго, какъ и Иосифъ II, ошибался, что все это можно ввести тѣми средствами, какими онъ располагалъ. Только-что Тюрго приступилъ къ своимъ улучшеніямъ, какъ на него поднялись такіе страшные крики всѣхъ привилегированныхъ людей, а особенно придворныхъ болтуновъ, въ сущности не понимавшихъ въ чемъ дѣло и сердечно привязанныхъ къ старому, потому что оно старое,—что Тюрго долженъ былъ отказаться отъ своихъ попытокъ и министерства.

Этого, конечно, слѣдовало ожидать заранѣе, потому что было совершенно неблагоразумно предполагать, чтобы старая партія придворныхъ проникнулась внезапно тѣми экономическими соображеніями, которыми руководился Тюрго; чтобы многочисленное и сильное дворянство и духовен-

ство вдругъ почувствовало бы необычайную нѣжность къ народу и, отказавшись отъ своихъ привилегій, начало бы платить подати наравнѣ съ какими нибудь мужиками; чтобы доминиканцы, бернардины, францисканы и т. д. вообразили бы ни съ того, ни съ сего, что они совершенно ненужны для Франціи, оставили бы свои монастыри и принялись бы трудиться, какъ всѣ остальные люди; наконецъ, чтобы цехи и корпораціи принесли бы себя добровольно на закланіе.

Въ какой степени средневѣковая система извращала понятія людей и особенно высшихъ сословій, на уступчивости которыхъ Тюрго основывалъ свой провѣтъ реформъ, покажетъ слѣдующій фактъ. Пэрэмъ показалось разъ, что ихъ уважаютъ не въ такой степени, какъ заслуживаетъ того ихъ высокое происхожденіе, и потому они просили, чтобы закономъ были предоставлены имъ нѣкоторыя особыя преимущества. Именно: пэры получаютъ причастіе только изъ рукъ епископа; въ церкви на своихъ мѣстахъ они имѣютъ подушки; имъ принадлежатъ въ церкви первыя мѣста; въ монастырскихъ церквяхъ ждутъ ихъ прибытія къ литургіи полчаса. Дворянство должно уступать всегда дорогу пэрэмъ: верхомъ ли, въ экипажѣ — все равно. Пэры имѣютъ право садиться въ каретѣ на заднюю скамейку и не обязаны, даже изъ учтивости, предлагать это мѣсто людямъ низшаго происхожденія; тосты за здоровье пэровъ пьются ранѣе всѣхъ другихъ, даже прежде тостовъ за здоровье хозяина и хозяйки дома; въ театрѣ пэрэмъ принадлежатъ первыя ложи, и лица, занявшія ихъ ранѣе, въ случаѣ пріѣзда пэра, должны уходить на другія мѣста, потому что неприлично, чтобы пэры сидѣли ниже простыхъ дворянъ. Пэръ не обязанъ выходить на дуэль съ простымъ дворяниномъ, даже если бы пэра поколотили палкой. Также недосыгаемо высоко стоитъ и лакей пэра предъ лакеями другихъ людей. Лакей пэра долженъ скорѣе перенести самыя тягостныя побои, чѣмъ рѣшиться унижить честь своего господина, вступая въ драку съ лакеемъ, низшимъ себя. Никто не можетъ получать никакой должности прежде, чѣмъ она не была предложена пэрэмъ, и если между ними не найдется охотниковъ, то только въ этомъ случаѣ, мѣсто предоставляется низшему дворянству. Какъ все это ни хорошо, а дальше еще лучше. Пэры увѣряли, что матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы, принадлежитъ къ чему-то такому высокому, что, по закону, природы, имъ бы не слѣдовало имѣть никакихъ отношеній къ людямъ иной породы; но какъ, съ другой стороны, эти бѣдняки могутъ совѣмъ погибнуть,

если пэры откажутъ имъ въ частичкѣ своего свѣта, то пэры готовы осчастливить низкихъ людей и употреблять ихъ иногда для своихъ дѣлъ, а *поэтому*: никакой купецъ или ремесленникъ не смѣетъ жаловаться, если пэръ не платитъ имъ своихъ долговъ, и отъ благорасположенія пэра зависитъ отдать долгъ, когда онъ найдетъ это удобнымъ; работы на пэровъ исполняются предпочтительно предъ всѣми прочими: такъ что, если есть другіе заказы, то ихъ слѣдуетъ оставить, чтобы работать на пэра. Нѣчто подобное случалось нѣкогда съ Соломономъ и съ Александромъ Македонскимъ, но исторія еще не представляла фактовъ, чтобы сходило съ ума цѣлое сословіе. Очевидно, что нравъ, ность Тюрго была велика, если онъ рассчитывалъ на благоразуміе и разсудительность сѣумасшедшихъ. Наконецъ, Тюрго, при всемъ своемъ умѣ и благородномъ сердцѣ, обнаружилъ великое незнаніе людей и даже исторіи, не смотря на то, что онъ занимался ею весьма тщательно и даже оказалъ услуги историографіи. Не было притѣра, чтобы люди измѣняли свою природу и дѣйствовали ей наперекоръ. Средневѣковыя феодальныя учрежденія создали во Франціи нѣсколько разновидностей человѣческой породы; ужъ это не былъ тотъ homo sapiens, который нѣкогда явился на лонѣ природы, какъ первообразъ челоуѣка. Первоначальный homo sapiens распался во Франціи на пэровъ, дворянъ, доминикановъ, францискановъ, бернардиновъ, разныхъ цеховыхъ, землевладѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ пролетаріевъ. Каждая такая разновидность жила своимъ особеннымъ міромъ, имѣла свои спеціальныя особенности, свой взглядъ на вещи, свои привычки, однимъ словомъ, свой инстинктъ, созданный средой и обстоятельствами въ которыхъ люди жили цѣлыя столѣтія, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе признаки своей породы. Кажется, революція могла служить французамъ весьма поучительнымъ урокомъ; но развѣ она измѣнила понятія тѣхъ, кто пострадалъ отъ нея болѣе всѣхъ? Милый князь де-Линъ порхалъ тѣмъ же мотылькомъ въ 70 лѣтъ, на вѣнскомъ конгрессѣ, и былъ также остроуменъ, какъ нѣкогда при версальскомъ дворѣ; маркизы и виконты старой монархіи не утратили ни на волосъ своей шаловливости во все время своей эмиграціи и чрезъ двадцать пять лѣтъ явились при дворѣ Людовика XVIII такими же юными и элегантными, какими они были при дворѣ Людовика XVI. На эту-то особенную породу людей Тюрго хотѣлъ дѣйствовать своими реформаціонными планами и предупредить тотъ страшный переворотъ, который

съ каждымъ дне-мъ становился ближе и неизбежнѣе. Но старые дюки, маркизы и вьковты не только не были способны предвидѣть хода событій, но даже объяснить смыслъ и значеніе уже наступившаго переворота.

А почему этотъ переворотъ случился во Франціи, а не въ Испаніи, не въ Австріи или вообще въ Германіи, гдѣ народныя бѣдствія были ни меньше и гдѣ вьковты и маркизы отличались не меньшей любезностью и остроуміемъ, какъ и во Франціи? Германія въ періодъ реформациі стояла впереди всѣхъ европейскихъ народовъ и пыталась разрѣшать не одни религіозные вопросы; можно бы ожидать, что она и теперь пойдетъ впереди другихъ, а оказалось напротивъ. Случилось это просто потому, что въ XVIII столѣтіи Германія стояла по развитію гораздо ниже, чѣмъ въ XVI. Во время реформациі каждый нѣмецъ разсуждалъ и толковалъ о религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ. Но нѣмцы потерпѣли неудачу, потому что не имѣли способныхъ вождей. Сто лѣтъ спустя, австрійскій императоръ и имперскій князь Валленштейнъ и многіе другіе нѣмецкіе и шведскіе полководцы, въ своемъ католическомъ и протестантскомъ усердіи, выжгли Германію вдоль и поперекъ и истребили на половину ея жителей, такъ что пашни поросли лѣсомъ, потому что некому было ихъ обрабатывать. Конечно, это было большое бѣдствіе; но рядомъ съ нимъ шло другое, еще большее — потеря народомъ его прежнихъ политическихъ правъ. Кромѣ того, со времени тридцатилѣтней войны, Германія утратила это знаніе, т. е. утратило его не только простонародье, но даже и бароны, и какъ германская почва заросла лѣсомъ, такъ точно заросъ бурьяномъ и умственный вертоградъ германскаго народа. Съ этихъ поръ во главѣ европейскаго континентальнаго развитія становится Франція.

Во Франціи существовало народное представительство, въ видѣ собранія государственныхъ чиновъ, которыхъ созывали короли въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и въ видѣ парламентовъ.

Правда, что государственныхъ чиновъ не созывали съ 1614 года, т. е. почти двѣсти лѣтъ; правда, что Ришелье сильно смирилъ парламенты, а Людовикъ XV совершенно ихъ преобразовалъ. Но Людовикъ XVI снова возстановилъ парламенты въ прежнемъ ихъ видѣ. Члены парламентовъ стояли весьма независимо, потому что мѣста ихъ были наследственны; повтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда распоряженія правительства задѣвали интересы сословія, къ которому

принадлежали члены парламентовъ, они обнаруживали весьма мятежническій духъ.

Конечно, парламенты не изображали собой прогрессивной силы, и интересы, которые они отстаивали подъ названіемъ народныхъ, были собственно буржуазные и бюрократическіе, интересы служебной аристократіи парламентовъ. Но они отстаивали иногда и интересы просто народа, если видѣли въ нихъ связь съ своими собственными. Во всякомъ случаѣ, парламенты изображали извѣстнаго рода и довольно независимое представительство, составлявшее постоянную оппозицію мѣрамъ правительства, оппозицію довольно сильную, имѣвшую цѣлую армию адвокатовъ, ходатаевъ по дѣламъ и писцовъ. Вотъ существенная и чрезвычайно важная разница въ политическихъ правахъ Франціи и Германіи въ концѣ прошедшаго столѣтія.

Но со времени революціи, во Франціи исчезло прежнее провинціальное дѣленіе, съ его особенными правами и особенными мѣстными установленіями, и Франція сложилась въ одну націю, съ общими, однообразными законами и однородной администраціей. Департаменты, на которые раздѣлили государство, явились дѣленіемъ исключительно административнымъ, безъ всякаго отншенія къ мѣстнымъ особенностямъ и къ прежней провинціальной исключительности. Судебная часть совершенно преобразована; прежніе парламенты и другіе разнохарактерные суды уничтожены и учреждены трибуналы, общіе для всѣхъ французовъ и однообразные для всѣхъ департаментовъ и дѣлъ. Учрежденъ кассационный судъ, который наблюдаетъ за единствомъ пониманія закона и уничтожаетъ рѣшенія, основанныя на ошибочномъ пониманіи или толкованіи постановленій. Суды поставлены внѣ всякой зависимости отъ королевской власти, а также и судьи, которые, вмѣсто прежняго королевскаго назначенія, стали выбираться народомъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ учреждены присяжные, которыми опредѣлялась не только виновность подсудимаго, но, что еще важнѣе, — предавать ли обвиняемаго суду или вѣтъ. Эту послѣднюю судебную гарантію отиѣнилъ потомъ Наполеонъ. — Учреждены мировые судьи; уничтожена пытка и всѣ варварскія средневѣковыя наказанія, отиѣнены произвольные аресты и обезпечена личная свобода. Въ гражданскомъ судопроизводствѣ сдѣланы тоже улучшенія. Въ гражданскомъ правѣ сдѣлана коренная реформа введеніемъ двухъ особенно важныхъ законоположеній: бракъ признанъ гражданскимъ договоромъ, но желающіе могли освящать его и религиозными обрядами; церковное его освященіе удержано для тѣхъ, чья ед-

дѣсть не была удовлетворена однимъ соблюденіемъ гражданскихъ формальностей. Уничтоженъ маіоратъ, преимущества братьевъ предъ сестрами въ наслѣдствѣ безъ завѣщанія, ограниченъ произволъ завѣщателя дозволеніемъ ему распорядиться только нѣкоторой частью имущества и уничтожены субституціи. Въ дѣлахъ церковныхъ преобразованія были тоже довольно радикальны. Уничтожены всѣ церковныя подати, отобраны церковныя имущества, духовенству назначено жалованье изъ государственныхъ источниковъ, монашескіе ордена и монастыри отмѣнены, — послѣднее только въ смыслѣ юридическомъ, — но никому не запрещено идти въ монахи или устраивать духовныя братства. Священники и епископы, какъ въ первыя времена христіанства, должны были избираться народомъ и поставлены внѣ зависимости отъ папы, хотя и не запрещены съ нимъ братскія сношенія. Въ эконоическомъ отношеніи предоставлена всѣмъ лицамъ полная свобода внутри страны, такъ что каждый могъ заниматься какимъ ему угодно промысломъ, ремесломъ, торговлей, переселяться съ мѣста на мѣсто, не спрашивая ничего разрѣшенія. Этими всѣ прежнія привилегіи, цехи, корпораціи, заставы и разныя другія стѣсненія, связывавшія французскую промышленность, были сразу уничтожены. Раздѣленіемъ конфискованныхъ и отобранныхъ церковныхъ земель на мелочныя участки и продажей въ частныя руки доставлены средства существованія многимъ тысячамъ людей съ большей независимостью и обезпеченіемъ, чѣмъ прежде. Въ податахъ установлена, небывалая до того, уравнительность, и ими обложенъ каждый, безъ исключенія, соответственно его имуществу. Всѣ сословныя различія, привилегіи, титулы и вообще всѣ феодальныя права уничтожены, и всѣ граждане признаны въ глазахъ закона равными. Провозглашена полная свобода печатнаго слова. Наконецъ, составлены новые законы, которые вышли впоследствии съ нѣкоторыми измѣненіями подъ именемъ Наполеонова кодекса.

Хотя всѣ учрежденія и вся система средневѣковой монархіи были погребены реформой окончательно, но и въ новомъ лежали начала того, что привело впоследствии Францію опять къ революціоннымъ попыткамъ. Это неизбежный ходъ исторіи, и только люди, подобные доктринерамъ, или тѣ, кто никогда не размышлялъ о судьбѣ человечества, могутъ искать въ этомъ виноватыхъ или отрицать способности народа или партіи, служащей представительницей извѣстныхъ его стремленій, — никакъ это позволяетъ себѣ буржуазія. Если бы французское революціонное движеніе было подобно нѣмецкой реформациі XVI столѣтія, тог-

да, пожалуй, еще можно говорить, что реформаторы не сдѣлали своего дѣла, потому что нѣмецкіе вожди дѣйствительно были менѣе способны стоять во главѣ движенія, чѣмъ французскіе, и остановились на полдорогѣ, удержавъ націю отъ попытокъ осуществить свои стремленія. Но во Франціи всѣ силы страны были употреблены въ дѣло, и если чего не удалось сдѣлать, то, очевидно, не по винѣ отдѣльныхъ лицъ, а потому, что французскій геній встрѣтилъ препятствіе самъ въ себѣ, въ недостаткѣ собственныхъ силъ. Сущность всѣхъ реформъ и улучшеній заключается исключительно въ уничтоженіи стараго зда—и только; при этомъ новаго никто не строитъ, а оно является само собой, какъ слѣдствіе новыхъ обстоятельствъ. Сравненіе реформъ съ ломкой стараго зданія и съ постройкой новаго—никуда не годится, потому что не имѣетъ смысла, хотя это сравненіе очень нравится многимъ и употребляется часто и всегда не кстати. Вѣрна только первая половина сравненія; что же касается до постройки, то никто не знаетъ, какая она выйдетъ, ибо ее выстроить время, въ которое никакой реформаторъ, даже въ лицѣ цѣлаго народа, проникнуть не можетъ. Тѣ же, кто такъ хлопочетъ о планахъ новой постройки, въ сущности стараются только объ удержаніи большей или меньшей частицы изъ той стороны, противъ которой направилась реформа. Французы въ своихъ преобразованіяхъ шли самымъ послѣдовательнымъ образомъ. Они только отмѣняли то, что имъ мѣшало жить, но какъ долженъ былъ сложиться будущій порядокъ, того не зналъ никто. Когда дѣло коснулось экономическихъ вопросовъ, французы поступили также: они уничтожили цехи, корпораціи и дали каждому полную свободу для его экономической дѣятельности. Больше ничего нельзя было сдѣлать, потому что никто не зналъ, въ какомъ видѣ обнаружится и къ чему приведетъ новое отношеніе разнообразныхъ экономическихъ элементовъ. Время однако показало, что противъ рабочаго, лишеннаго собственности и живущаго только своими собственными двумя руками, выступилъ новый врагъ, созданный новыми экономическими условіями; противникъ болѣе смѣлый и сильный, чѣмъ тотъ, противъ кого дѣйствовала реформа, потому что онъ воспользовался всѣми выгодами, какія дала вновь созданная экономическая свобода. Прежде рабочій имѣлъ защиту и поддержку въ цехѣ и корпораціи; это была крѣпость, спасавшая его отъ внѣшнихъ враговъ; но когда корпораціи и цехи исчезли, рабочій увидѣлъ себя совершенно одинокимъ, предоставленнымъ

своимъ собственнымъ силамъ. Что могъ онъ сдѣлать противъ того, у кого были средства вести дѣло въ болѣе широкомъ видѣ? Съ этихъ поръ начинается та борьба труда и капитала, которая, придава особенный характеръ исторіи XIX вѣка. Среднее сословіе явилось представителемъ капитала, а рабочій, пролетарій — труда. Одинаковыя стремленія и денежные интересы скоро сплотивъ среднее сословіе въ одно сильное цѣлое, прежде, чѣмъ рабочій понялъ, что оставленъ одинъ среди степи. Но наконецъ сталъ думать и рабочій, сталъ придумывать даже нѣкоторыя средства, чтобы выйдти изъ своей безпомощности; но борьба съ среднимъ сословіемъ, пользовавшимся всѣми средствами капитала и политическихъ правъ, была ему не подь силу; и въ такомъ видѣ стоитъ дѣло еще и нынче.

Рядомъ съ демократической партіей, представительницей народныхъ интересовъ, стоитъ партія средняго сословія, начавшаго французскую революцію. Партія эта владѣетъ огромными средствами; она дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ своего сословія и почти одна пользуется всѣми политическими выгодами. Въ конституціи 1791 года она установила такія условія выборной системы, что только однимъ богатымъ и преимущественно — если не исключительно, — городскимъ жителямъ доставалось правительственное значеніе. Граждане дѣлились на двѣ категоріи: дѣйствительныхъ гражданъ и избирателей. Къ первымъ причислялись всѣ французы не моложе двадцати пяти лѣтъ, имѣющіе осѣдлость, платящіе прямыми налогами сумму не менѣе трехдневной заработной платы (6 франковъ въ годъ), записанные въ національную гвардію и не находящіеся въ домашнемъ услуженіи. Такимъ образомъ съ самаго начала установлено различіе между молодыми на основаніи ихъ богатства: платящій 6 франковъ — гражданинъ, а платящій 5 1/2 — нѣтъ. Но далѣе, относительно избирателей это начало получило еще большее развитіе. Избраннымъ могъ быть только тотъ, кто имѣлъ въ городѣ недвижимую собственность или аренду, приносящую доходъ, равный 100, 150 или 200 дневной заработной платѣ; въ сельскихъ же мѣстностяхъ требовалось, чтобы доходъ былъ не менѣе 150 дневной платы для землевладѣльца, а для не собственника (фермера) 400 дневной; этимъ установленіемъ исключались изъ избирателей не только всѣ недостаточные люди, но и предоставлялась выгода исключительно городскимъ жителямъ и землевладѣльцамъ. Въ сельскихъ же мѣстностяхъ установлено самое стѣснительное различіе между владѣльцами и не-владѣльцами, такъ что владѣлецъ попадалъ въ избиратели, имѣя только

300 франковъ доходу, а не-землевладелецъ, для достиженія того же права, долженъ былъ имѣть 800 франковъ. Въ основаніи такого установленія лежала та мысль, что люди съ средствами должны быть развитѣе и образованнѣе бѣдныхъ людей и что на нихъ (богатыхъ) можно положиться безошибочно при выборѣ депутатовъ, т. е., что они выберутъ именно такихъ, какіе нужны для поддержанія новыхъ, либеральныхъ учреждений. Когда составлялась конституція 1791 года, никто не думалъ о послѣдствіяхъ устанавливаемой разницы между людьми по богатству. Тогда полагали, что избиратели изъ богатыхъ будутъ всегда одушевляемы тѣмъ чувствомъ и будутъ владѣть тѣми-умственными качествами, которыми отличались сами составители конституціи, и потому, принявъ богатство мѣриломъ человѣческой мудрости, конституція говорить дальше, что въ депутаты можетъ быть избранъ всякій дѣйствительный гражданинъ, предполагая, конечно, что депутатъ будетъ такой же мудрецъ, какъ и его избиратель. На дѣлѣ вышло однако иначе, и начало ценза, удержанное Франціей и впоследствии, послужило только къ тому, что депутаты служили представителями лишь интересовъ буржуазіи. Поэтому конституція 1791 года, желавшая устроить во Франціи парламентарную монархію, была вмѣстѣ съ тѣмъ и представительницей интересовъ средняго сословія.

Хотя конституція 1791 года удержалась недолго и монархію смѣнила республика, но республиканская конституція 1793 года не была осуществлена въ дѣйствительности. Конституція 1793 года отбѣняла народное представительство, вводила всеобщую подачу голосовъ и непосредственную верховную власть народа. Палата депутатовъ считалась только комиссіей, составлявшей проекты закона, но утверждалъ или уничтожалъ ихъ весь народъ, отъ котораго зависѣли, такимъ образомъ, война и миръ, подати и налоги, гражданскіе и уголовные законы, управленіе національными имуществомъ, доходами и расходами государства, общественное обученіе. Послѣ паденія демократической партіи, явилась конституція 1795 года, повторившая начала конституціи 1791 года, а затѣмъ явился Наполеонъ, какъ представитель новаго, невиданнаго во Франціи порядка. Наполеонъ положилъ конецъ всѣмъ революціоннымъ стремленіямъ Франціи.

VI

Въ частной жизни Наполеонъ отличался большимъ добродушіемъ: онъ былъ хорошій семьянинъ и добрый родственникъ, что онъ и доказалъ,

подълавъ своихъ родныхъ королями и королевами, принцами и принцессами. Но я, какъ историческій дѣятель, Наполеонъ является представителемъ менѣе добродушнаго начала. Франція, разставшись съ своей прежней монархической системой, заявила два новыхъ политическихъ принципа: парламентарную или, какъ принято говорить обыкновенно, конституціонную монархію, съ конституціей 1791 года, и народовластіе, съ республиканской конституціей 1793 года. О конституціи 1795 г. говорить не стоитъ, потому что ею пытались примирить начала первыхъ двухъ конституцій, но безъ монархическаго представителя власти. Этотъ средний, примиряющій путь, какъ бываетъ всегда, не удовлетворилъ ни монархистовъ, ни республиканцевъ, и съ появленіемъ Наполеона конституція 1795 года исчезла, какъ дымъ. Такимъ образомъ Наполеонъ нашелъ во Франціи двѣ партіи, обѣ довольно сильныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно слабыя: сильныя по своимъ стремленіямъ осуществить свои начала, но слабыя тѣми препятствіями, которыя они дѣлали другъ другу. Это были два враждебные лагеря, всегда готовые вступать въ бой, чтобы дать побѣду своимъ началамъ и утвердить ихъ въ странѣ. Вмѣсто того, чтобы предстать къ которому нибудь изъ этихъ лагерей и подтвердить его, Наполеонъ раскинулъ свой собственный, и вокругъ него образовалось, изъ перебѣжчиковъ, новая партія, извѣстная подъ названіемъ бонапартистской.

Чтобы создать эту партію, самую разнохарактерную и пеструю по своимъ началамъ, необходимо было, разумѣется, чтобы въ народѣ жила уже нужная для того матеріалъ и чтобы въ Наполеонѣ соединились всѣ качества, необходимыя для подобнаго архитектурнаго дѣла. Безъ этого Наполеонъ былъ бы невозможенъ. Следовательно очевидно, что Наполеонъ былъ только выраженіемъ того, что, хотя и существовало до него, но не создало еще формы, въ которой бы могло проявиться. Изъ этого понятно, что всякое враждебное обращеніе лично къ Наполеону становится невозможнымъ и что всякое порицаніе, въ которомъ упоминается имя Наполеона, относится не къ нему лично, а къ той системѣ, которой онъ явился представителемъ.

Оставивъ внезапно Египеть, Наполеонъ уже зналъ за какимъ дѣломъ онъ ѣдетъ въ Парижъ. Тамъ ждала его цѣлая партія и цѣлый заговоръ въ его пользу. Но люди, замыслившіе переворотъ, хотѣли только перемены конституціи и доставленія Наполеону мѣста въ правительствѣ. Разумѣется, и это было уже измѣной; но еще хуже, какъ привели провѣтъ въ исполненіе и къ нему сталъ стремиться Наполеонъ. Въ

совѣтъ старцевъ онъ справился легко, потому что, когда старцы, возставъ въ защиту конституціи, объявили Наполеона всѣмъ законамъ, то Наполеонъ погрохоталъ имъ своими гренадерами и старцы струсили. Въ совѣтѣ пятисотъ дѣло было труднѣе. Тамъ возстали энергически противъ вооруженнаго насилія и подняли противъ Наполеона такой крикъ, что онъ совѣтъ смѣшался и долженъ былъ оставить поле страженія, чего ему до тѣхъ поръ дѣлать не случалось. На выручку явился братъ его Люціанъ и, въ качествѣ президента совѣта, приказалъ генералу Бонапарту, именемъ закона, разогнать заговорщиковъ, угрожающихъ, будто-бы, въ совѣтѣ лишить его (президента) жизни, и объявить совѣтъ пятисотъ распущеннымъ. Наполеонъ, разумѣется, отвѣтилъ, что приказаніе будетъ исполнено, и командировалъ Мюрата, который, какъ мастеръ своего дѣла, распорядился такъ, что его гренадеры, республиканцы, воображивъ себя зуавами, вынулись въ штыки на депутатовъ народа и выбросили ихъ за окно. Такъ кончила свое существованіе директорія и конституція 1795 года и началось консульство.

Съ перваго же шагу Наполеонъ занялъ самъ собой мѣсто председателя и прибралъ къ рукамъ ничтожныхъ людей, его окружавшихъ. По новой конституціи, которую, повидимому, составляла цѣлая комиссія, но въ сущности Наполеонъ передѣлывалъ и направлялъ, какъ ему хотѣлось, первый консулъ (Бонапартъ) былъ признанъ правителемъ страны. Въ его рукахъ сосредоточилась вся исполнительная власть; только ему поручалось обнародованіе законовъ, назначеніе министровъ и членовъ государственнаго совѣта, посланниковъ, судей, сухопутныхъ и морскихъ офицеровъ. Остальные два консула были только совѣтниками перваго консула. Впоследствии Наполеонъ стягивалъ все болѣе и болѣе власть къ своимъ рукамъ, такъ что наконецъ весь личный составъ администраціи, т. е. всѣ чиновники завистли исключительно отъ него. Но эта зависимость была замаскирована, если не особенно хитрымъ образомъ, то все-таки такъ, что не оскорбляла щекотливости французовъ. Законодательная власть была ввѣрена законодательному корпусу и трибунату, которые наполнялись довольно оригинальнымъ образомъ. Въ каждомъ округѣ составлялась избирательная компанія отъ ста двадцати до двухсотъ членовъ. Эта компанія по списку, сообщенному ей правительствомъ, избирала членовъ въ департаментскую избирательную коллегію. Затѣмъ каждая департаментская коллегія представляла двухъ кандидатовъ на каждое вакантное мѣсто въ законо-

дательномъ корпусѣ и въ трибунатѣ, и какъ всѣхъ департаментовъ было 83, то на каждое мѣсто представлялось, значить, 166 кандидатовъ. Изъ нихъ избиралъ депутата уже сенатъ. Если судить о вещахъ только по названію и по наружности, то все это, пожалуй, очень хорошо: французскій сенатъ можно вообразить въ родѣ римскаго, избирателей—мудрецами, депутатовъ—олицетвореніемъ республиканскихъ доблестей. Но въ дѣйствительности такихъ доблестей не процвѣтало тогда во Франціи, ни въ сенатѣ, ни въ законодательномъ корпусѣ, и совѣтъ не потому, чтобы не нашлось во Франціи доблестныхъ людей, а потому, что при системѣ, устроенной Наполеономъ, такимъ людямъ была закрыта дорога. Наполеонъ замаскировалъ свое самовластье сенатомъ и такимъ образомъ назначеніе членовъ въ трибунатъ, въ законодательный корпусъ и на другія высшія мѣста совершалось весьма благовидно, хотя въ сущности вся выборная сила сосредоточивалась въ рукахъ Наполеона, такъ что въ дѣйствительности назначеніе дѣлалось имъ, а не сенатомъ. Это произошло потому, что сенатъ зависѣлъ вполне отъ Наполеона. Сначала сенатъ избиралъ самъ воишь членовъ, но изъ кандидатовъ, предлагаемыхъ первымъ консуломъ, который, разумѣется, зналъ кого предложить; а потомъ вакансіи замѣщались самими Наполеономъ.

Каждый сенаторъ получалъ 25,000 франковъ жалованья, и плата эта была такъ привлекательна, что никто не хотѣлъ съ ней разстаться, особенно, если обратимъ вниманіе на то, что уже съ самаго начала Наполеонъ назначалъ въ сенаторы также людей, которыхъ совѣтъ легко успокоивалась титулами, лентами и деньгами. Такимъ образомъ сенатъ вышелъ собраніемъ угодливыхъ придворныхъ, которые не только назначали на всѣ мѣста тѣхъ, кого нужно было Наполеону, но впоследствии дошелъ до такого раболѣпія, что служилъ самымъ послушнымъ орудіемъ Наполеона.

Чтобы имѣть и въ администраціи такое же послушное орудіе, было отлажено постановленіе конституціи 1794 года, что всякій гражданинъ могъ обвинять чиновника въ незаконномъ дѣйствіи. Эту гарантію противъ чиновничьяго произвола Наполеонъ замѣнилъ новымъ постановленіемъ, по которому чиновникъ могъ быть преданъ суду только по рѣшенію государственнаго совѣта. Повидимому, и тутъ нѣтъ ничего опаснаго для гражданской свободы, потому что государственный совѣтъ составлялся, конечно, изъ лучшихъ людей Франціи, изъ цвѣтковъ народной мудрости.

Но дѣло въ томъ, что цвѣтки эти выбиралъ самъ Наполеонъ и составлялъ изъ нихъ такой букетъ, какой ему былъ нуженъ: глава государства назначалъ и отрѣшалъ безусловно членовъ совѣта. Изъ этого слѣдовало, разумѣется, то, что наказывались только тѣ превышенія и злоупотребленія власти, дѣланныя большими и малыми чиновниками, которыя противорѣчали правительственной системѣ Наполеона; если же онѣ были выгодны для его власти, то ихъ никто не наказывалъ.

Наполеонъ не упускалъ ничего, чѣмъ могъ усилить свою власть, и при своей, дѣйствительно замѣчательной, изобрѣтательности, ему удалось достигнуть того, чего еще никогда не видѣла Франція. Недовольствуясь тѣмъ, что въ сенатѣ и въ администраціи онъ имѣлъ самое покорное орудіе, Наполеонъ, заключеніемъ конкордата, прибралъ въ руки и духовенство: епископы назначались имъ и только утверждались папой. Понятно, что они явились покорными слугами Наполеона. Вместе съ тѣмъ Наполеонъ далъ громадное развитіе полицейскимъ учрежденіямъ, сообщивъ имъ направленіе, дотолѣ неизвѣстное. Конечно, крайнее развитіе полиціи было вызвано заговорами приверженцевъ бурбоновъ и республиканцевъ. Но если это и такъ, то все таки ничѣмъ нельзя оправдать заключенія людей безъ суда, по одному полицейскому распоряженію, или казней за несуществовавшія преступленія, какъ поступили съ Арена и съ извѣстнымъ скульпторомъ Черракки, которыхъ покушеніе на жизнь Наполеона существовало только въ воображеніи Фуше. Въ подобныхъ гнусныхъ дѣлахъ Наполеонъ, разумѣется, не виноватъ; но давъ ходъ системѣ, для поддержанія которой были необходимы такія ничтожныя личности, какъ Талейранъ, Фуше, Савари, Гюлленъ — президентъ суда, совершившаго юридическое убійство герцога Энгьенскаго — Наполеонъ проложилъ путь къ тому порядку дѣлъ, невыгоды котораго ему пришлось испытать впоследствии на себѣ. Господа, подобные Савари, Камбасаресу и Талейрану, своей ложью побудили Наполеона рѣшиться на арестованіе герцога Энгьенскаго. Савари и его шпіоны сочинили то, чего никогда не было, а Камбасаресъ и Талейранъ подтверждали ложь, увѣривъ Наполеона, что донесеніе, будто бы герцогъ участвуетъ въ заговорѣ противъ Наполеона — тогда какъ герцогъ жилъ въ Эттенгеймѣ просто потому, что былъ влюбленъ въ принцессу Роганъ, — совершенно вѣрны. И фальшиваго доноса шпіона и подтвержденія лжи такими господами, какъ Савари, Камбасаресъ и Талейранъ, было достаточно, чтобы убить невиннаго человѣка.

Безъ сомнѣнiя, Наполеонъ былъ правъ; когда относился презрительно къ окружающимъ его людямъ и закупалъ ихъ титулами, лентами и деньгами. Наполеонъ говорилъ открыто, что для французовъ нужны еще игрушки, которыя бы льстили ихъ суетности и удовлетворяли ихъ корыстолюбію, и потому онъ щедро награждалъ и обогащалъ своихъ маршаловъ и приближенныхъ изъ такъ называемыхъ контрибуцій съ завоеванныхъ земель. Всѣ маршалы Наполеона нажили громадныя состоянія. Этимъ путемъ, ему казалось, онъ приобретаетъ себѣ вѣрныхъ людей, и своей покорной администраціей и разнообразной полиціей, всѣ нити которыхъ сходились у него въ рукахъ, создаетъ несокрушимую прочность своей монархіи. Но одно событіе во время русскаго похода показало, что на томъ основаніи, на которомъ строилъ Наполеонъ свое зданіе, воздвигнуть прочнаго ничего нельзя. Въ Парижѣ въ сѣумасшедшемъ домѣ заключался нѣкто Мале, бывший бригаднымъ генераломъ, человекъ, всей душой преданный системѣ 1793 года. При Наполеонѣ онъ постоянно не ладилъ съ бонапартистами и, по подозрѣнію въ заговорѣ противъ императора, былъ подвергнутъ заключенію. Другимъ его, однако, удалось выхлопотать ему облегченіе, и Мале перевели въ больницу для умалишенныхъ. Пользуясь большою свободою, Мале задумалъ сдѣлать переворотъ и учредить во Франціи республику. Планъ Мале былъ гениаленъ по своей простотѣ. Онъ хотѣлъ распуścić слухъ, что Наполеонъ погибъ въ Россіи и затѣмъ провозгласить временное правительство. Для исполненія этого плана у него было всего два помощника: одинъ аббатъ, сидѣвшій съ нимъ вмѣстѣ въ сѣумасшедшемъ домѣ, тоже за политическую вину, и находившійся при больницѣ капралъ. Аббатъ занимался приготовленіемъ фальшивыхъ документовъ, необходимыхъ для произведенія переворота, а капралъ дѣлалъ разные заказы. Мале рассчитывалъ на генераловъ Лагори и Гидаля, содержащихся въ заключеніи, и хотѣлъ вовлечь ихъ въ свое дѣло обманомъ, что ему и удалось. Когда Мале показалось, что время благоприятное для исполненія плана наступило, онъ, облачившись въ генеральскій мундиръ и нарядивъ капрала въ мундиръ адъютантскій, явился къ полковнику десятой кагорты національной гвардіи и, предъявивъ ему свои фальшивыя бумаги, потребовалъ отъ него солдатъ. Полковникъ отрядилъ команду, подъ начальствомъ маіора, и съ нею Мале, придя въ тюрьму Іа-Рогсе, освободилъ Лагори и Гидаля. Освобожденные, конечно, были весьма изумлены; но изумленіе ихъ увеличилось еще болѣе, когда имъ были вручены декреты: — Лагори объ

арестованіи Савори и занятіи его мѣста, а Гидалью о назначеніи его префектомъ полиціи, вмѣсто Пажье, котораго онъ долженъ былъ арестовать тоже. Изъ тюрьмы Іа Форсе Мале послалъ приказы къ другимъ полкамъ парижской гвардіи, чтобы занять сенатскій дворъ, казначейство, парижскія заставы и банки, и все это было исполнено въ точности командирами. Между тѣмъ Лагори отправился съ командой для арестованія министра полиціи и префекта. Того и другого отправили въ тюрьму и начальникъ ея засадилъ ихъ въ казематы съ тѣмъ же безпрекословіемъ, какое показали и военные начальники. Полковникъ же десятой кагорты, оставивъ свой отрядъ передъ ратушей, самъ съ офицерами отправился въ нее, чтобы приготовить комнаты для временнаго правительства, при чемъ префектъ Сенскаго департамента, Фрошо, помогалъ ему съ предупредительностью, весьма рекомендующей служебное усердіе и исполнительность этого чиновника.

Въ то же время самъ Мале пошелъ арестовать парижскаго коменданта, Гюлена, но Гюлень не хотѣлъ ему отдаться и потребовалъ, чтобы ему предъявили повелѣніе объ арестѣ. Мале въ отвѣтъ застрѣлилъ его, и уже отправился въ ордонансъ-гаузъ, чтобы захватить печати, какъ былъ узнавъ находившимся тутъ случайно инспекторомъ полиціи, схваченъ и отведенъ въ тюрьму; Лагори и Гидаль тоже. Это арестованіе удивило ихъ еще болѣе, чѣмъ освобожденіе, особенно когда они узнали, что были орудіями человѣка, выскочившаго изъ сумасшедшаго дома.

По прибытіи Наполеона въ Парижъ, виновные были уже разстрѣляны. Наполеонъ остался недоволенъ строгостью военной комиссіи. Въ этомъ обвиненіи Наполеонъ былъ точно также неправъ, какъ и въ упрекахъ, которыми онъ осыпалъ, въ лицѣ государственнаго совѣта, своихъ чиновниковъ. Такъ поступали уже нѣсколько разъ и всегда къ удозольствію Наполеона; почему же въ настоящемъ случаѣ усердіе судей не встрѣтило одобренія императора? Очевидно, императоръ былъ неправъ, потому что они дѣйствовали и прежде, и нынче по одной и той же логикѣ, и если прежде это было хорошо, то также хорошо было оно и теперь.

Когда вступили союзники въ Парижъ, то сенатъ принялъ предложеніе и низложеніе Наполеона также безпрекословно, какъ онъ принималъ всѣ повелѣнія своего императора; но не забывъ при этомъ выговорить, что новая конституція должна сохранить сенатъ и законодательскій кор-

нужь. А въ засѣданіи на другой день сенатъ издалъ декретъ, въ которомъ, объявляя Наполеона низложеннымъ и приводя причины низложенія, онъ перечислялъ какъ разъ все то, на что давалъ Наполеону свое согласіе и что самъ декретировалъ нѣкогда. Это уже называется быть очень непоследовательнымъ, а еще болѣе—продажнымъ. И низлагая Наполеона, сенату слѣдовало изложить и всѣхъ своихъ членовъ, потому что, обвиняя Наполеона въ произволѣ и въ нарушеніи конституціи, сенатъ не могъ не знать, что всѣ эти нарушенія дѣлались только при посредствѣ сената, его декретами. Впрочемъ, сенатъ зналъ это очень хорошо, также, какъ и то, что двадцать пять тысячъ франковъ совсѣмъ не такая мелочь, которую бы можно найти на улицѣ.

По своимъ политическимъ взглядамъ, Наполеонъ былъ эклектикъ: онъ хотѣлъ примирить разнообразныя элементы, составлявшіе французское общество, и образовать смѣсь изъ стараго и новаго. Такая примиряющая политика поднимала противъ Наполеона всѣ партіи; отсюда тѣ заговоры, которые нѣсколько разъ въ дѣйствительности грозили жизни Наполеона—не говоря уже про тѣ, которые сочиняли шпіоны и Фуше, и возбуждали необходимость принимать особенно тщательныя мѣры предосторожности. Какъ даровитый человѣкъ, Наполеонъ умѣлъ устроить отлично все, за что онъ ни брался; но ему не удалось примирить непримиримое, т. е. слить въ одно дѣло тѣ противоположныя элементы, на костяхъ которыхъ выросла его колоссальная власть. При постройкѣ своего званія изъ новыхъ и старыхъ матеріаловъ онъ выбиралъ только то, что было готово подчиниться безусловно его волѣ и золоту.

Первой представительницей старой придворной суетности явилась жена Наполеона. Жозефина была женщина весьма добросердечная, но легкомысленная, суетная и нѣсколько двусмысленнаго поведенія. Еще когда Наполеонъ былъ сдѣланъ первымъ консуломъ и поселился въ Тюильери, Жозефина, воспитанная въ старыхъ понятіяхъ и чувствовавшая сильное влеченіе къ пышности и блеску, начала устроить вокругъ себя нѣчто въ родѣ двора и, отказавшись отъ республиканскаго названія гражданки, ввела у себя, чтобы ее называли madame. Тоже Жозефина чувствовала особенное влеченіе къ ксендзамъ, можетъ быть потому, что католическое духовенство вообще такъ снисходительно къ слабостямъ и грѣхамъ сильныхъ и разрѣшаетъ легко всякія прегрѣшенія; ну, а Жозефина была не безгрѣшна. Но не одна Жозефина любила пышность и блескъ, не одна она была воспитана въ

понятіяхъ время Людовика XV, не одна она нуждалась и въ отпущеніи прегрѣшеній. Такихъ людей было во Франціи легіонъ; особенно, когда Наполеонъ, задумавшій создать монархію—сначала исключительно на началахъ 1789 года—сталъ употреблять въ дѣло людей прежняго времени. Въствѣ съ этими людьми явились и старыя идеи. Что бы понять, на сколько вліяніе такихъ господъ было сильно и почему ихъ мнѣнія могли показаться мнѣніемъ всей Франціи, достаточно указать на такіе факты, что изъ 80,000 именъ, стоявшихъ въ спискѣ эмигрантовъ, въ теченіе царствованія Наполеона осталась только одна тысяча. Такая армія возвратившихся эмигрантовъ, воспитанныхъ въ легкомысленныхъ понятіяхъ старой французской монархіи, ни въ какомъ случаѣ не могла служить представительницей тѣхъ новыхъ общественныхъ нуждъ, интересовъ и понятій, которые явились во Франціи со времени переворота 1789 года. Между тѣмъ, кромѣ той спеціальности, для которой эти люди были собственно пригодны, ихъ стали употреблять и въ дѣлахъ, для которыхъ ихъ рѣшительно не создала природа. Такимъ образомъ люди, не имѣвшіе никакого понятія о смыслѣ совершившагося переворота, явились его судьями, взяли на себя роль представителей Франціи и общественнаго мнѣнія и, какъ прішрители стараго и новаго, выбрали изъ стараго какъ разъ то, что годилось только для нихъ, или иначе, что не годилось ровно никому.

Но, не смотря на это, царствованіе Наполеона было не только блестятельно и шумно, вслѣдствіе его побѣдъ, но въ теченіи наполеоновскаго владычества поднялось значительно матеріальное благосостояніе народа и пролетарій былъ спокоенъ и доволенъ. Причины этого не нужно искать исключительно въ талантахъ Наполеона, какъ это дѣлали его безусловные хвалители. Таланты Наполеона безспорно были велики: онъ устроилъ суды, сформировалъ новую администрацію, привелъ въ порядокъ финансы, такъ что Франція, не смотря на свои постоянныя войны, никогда не нуждалась въ деньгахъ; онъ создалъ кредитъ, котораго не было; онъ прорылъ каналы, устроилъ шоссе; онъ не обременялъ народа податями и вообще заботился о простолюдинѣ, такъ что Франція при Наполеонѣ пришла въ такое цвѣтущее состояніе, котораго 25 лѣтъ раньше никто не могъ себѣ и представить. Но было бы слишкомъ легкомысленно приписывать всѣ эти чудеса Наполеону. Въ устройствѣ администраціи, судовъ, дорогъ, финансовъ почти вся заслуга принадлежитъ Наполеону, особенно въ финансахъ, гдѣ, придерживаясь древне-римской теоріи, онъ умѣлъ уstra-

ивать свои обширные военные предприятия, не обременяя французов. Секретъ такого фокуса очень простъ: Наполеонъ воевалъ всегда на чужія деньги. Когда онъ былъ еще простымъ генераломъ, то уже предлагалъ эту старинную систему, и не только велъ войны, не спрашивая у директоріи ни копѣйки, но еще посылалъ милліоны для пополненія пустой правительственной шкатулки. При безпощадной безцеремонности съ побѣжденными и особенно съ ихъ кошельками, Наполеонъ располагалъ не только самъ огромными средствами для своихъ завоевательныхъ цѣлей и создалъ своего личнаго капитала двѣсти милліоновъ франковъ, но и обогатилъ всѣхъ своихъ маршаловъ. Напримѣръ, въ первый итальянскій походъ, Ломбардія заплатила французамъ 20,000,000 франковъ, и Наполеонъ буквально ограбилъ всѣ итальянскія государства, забравъ отъ нихъ не только то, что было возможно деньгами, но побрезгавъ даже очистить сберегательныя кассы бѣдныхъ, но обобралъ библиотеки, музеи и вообще поступилъ подобно Гейзериху, ограбившему некогда Римъ. При походѣ французовъ въ Швейцарію, съ одного толькоерна было взято въ первые дни деньгами и припасами на 42 милліона франковъ. Съ Пруссіи, въ компанію 1806 г., было взято 906 милліоновъ франковъ. При такомъ способѣ веденія войны, гдѣ побѣжденный долженъ былъ платить побѣдителю съ излишкомъ всѣ сдѣланные имъ расходы, государственное казначейство Франціи могло не бояться банкротства, и совершенно напрасна была боязнь тѣхъ, кто думалъ, что Наполеону придется наконецъ прекратить свои войны по недостатку денегъ: пока его противникамъ было еще чѣмъ платить, ему нечего было бояться банкротства, потому что онъ билъ ихъ за ихъ же деньги.

Что же касается до экономическаго развитія страны, изданія новыхъ законовъ и разныхъ постановленій, имѣвшихъ благотѣльное вліяніе на жизнь простанародья, то въ этомъ заслуга Наполеона очень не велика. Наполеонъ явился только продолжателемъ тѣхъ началъ, которыя были провозглашены предшествовавшею общественною реформою, и имѣлъ для своего руководства 10,000 постановленій по всѣмъ вѣтвямъ государственнаго управленія, изданныхъ республиканскимъ правительствомъ; изъ этихъ-то постановленій Наполеонъ и черпалъ, какъ изъ готоваго источника, все то, что, подходя къ Франціи, не мѣшало его личнымъ интересамъ. Тому же времени принадлежитъ и начало народнаго экономическаго благосостоянія. Уничтоженіе всѣхъ прежнихъ преградъ, раздробленіе и прода-

жа земель; уничтоженіе прежнихъ законовъ о наследствѣ—вотъ гдѣ корень народнаго доволства. Вліяніе этихъ преобразованій было такъ благотвѣтельно для Франціи, что, не смотря на конскрипціи Наполеона, поглотившія 3,000,000 самаго цвѣтущаго и крѣпкаго населенія, а народонаселеніе Франціи увеличилось при Наполеонѣ, все-таки на 5%.

Отъ Наполеона никто не можетъ отнять его великихъ и разнообразныхъ талантовъ, его рѣшительности и желѣзной энергіи. Франція, конечно, не имѣла у себя еще подобнаго правителя; но, при всѣхъ своихъ способностяхъ, Наполеонъ сбился съ истиннаго пути и былъ далеко ниже той роли, какую онъ взялъ на себя. Хотя Сіесъ и сказалъ про Наполеона, что это человѣкъ, который все можетъ, все хочетъ и все умѣетъ сдѣлать, но въ этихъ словахъ больше красоты, чѣмъ правды; результатъ показалъ, что Наполеонъ дѣлалъ рѣшительно не то, что ему слѣдовало. Онъ былъ человѣкъ атилловскаго духа и наклонностей Чингисъ-Хана, умягченныхъ европейскимъ образованіемъ. Отсюда и то презрѣніе къ массамъ и отрицаніе народности, какое выказалъ Наполеонъ въ своихъ крайкахъ европейскихъ государствъ. Человѣкъ этотъ былъ громадной силы и громадныхъ способностей; но своимъ руководителемъ имѣлъ онъ не духъ новаго времени, а мрачные идеалы такъ называемыхъ великихъ завоевателей древности, стремившихся къ всемірнымъ монархіямъ. Наполеонъ не понималъ даже того, что время такихъ монархій для Европы миновало, а не понималъ онъ этого потому, что считалъ массы новаго времени такими же, какими онъ были при Атиллѣ.

VII

Не смотря на завоевательныя стремленія Наполеона, Франція стояла все-таки неизмѣримо выше всей остальной континентальной Европы. У Франціи было словесное и гласное судопроизводство; у нея были совершенновыя законы; она избавилась отъ цеховъ, привиллегій, феодальныхъ отношеній между крестьянами и землевладѣльцами; у нея явились милліоны новыхъ собственниковъ, не имѣвшихъ прежде ничего; подати и налоги распредѣлялись равномерно между всѣми; военная повинность сдѣлалась общей; высшія должности были открыты для всѣхъ безъ различія. Ничего этого не знала остальная Европа, особенно Германія. Германія была обременена податями и связана въ своей экономической дѣятельности цехами, корпораціями и другими стѣснительны-

на упрещеніи. Государственный механизмъ Германіи заржавѣлъ, колеса двѣдлись медленно и только скрипѣли; было очевидно, что машина никогда не ходитъ; но бароны уперно стояли за скрипъ равныхъ колесъ, потому что и ихъ собственный изобретеній представляла такую же ржавую и никогда негодную машину. Между тѣмъ Наполеонъ располагалъ людьми другой пробы, и только энергіи этихъ людей было одолженъ своими побѣдами; безъ силы народа не было бы силы и у Наполеона; а какъ велика была эта сила, можно видѣть изъ того, что послѣ русскаго похода, гдѣ Наполеонъ лишился всей арміи, онъ сформировалъ въ три мѣсяца и снабдилъ всѣмъ, чѣмъ нужно, новую армію въ 500,000 человекъ. И это въ странѣ, которая уже выставила почти 3 м. конскриптовъ. Кого же могла выставить Германія противъ такого энергическаго противника, предводительствуемаго величайшимъ полководцемъ вѣка и располагающаго десятками способнѣйшихъ генераловъ, созданныхъ той же революціей?

Печальныя послѣдствія общественнаго положенія Германіи обнаружилось съ первыхъ столкновеній Франціи съ Германіей, въ знаменитой капитуляціи австрійскаго главнокомандующаго Мака. Ни ему и никому изъ его подчиненныхъ даже и не приходило въ голову, что обязанность ихъ, какъ военныхъ, сражаться съ врагомъ даже въ томъ случаѣ, когда они не видятъ впереди ничего, кромѣ смерти. Но Макъ и его офицеры думали иначе, потому что были убѣждены, что Австрія выиграетъ гораздо больше, если жизнь такого числа полезныхъ и благороднаго происхожденія гражданъ сохранится. Въ силу такого благоразумнаго рѣшенія, Макъ сдалъ безъ бою 23,000-ную армію, съ 18 генералами и 60 орудіями. Правительство предало Мака суду, который лишилъ его званія и чиновъ; но это было несправедливо. Макъ насколько не былъ виноватъ въ томъ, что его, человека лишеннаго всякихъ дарованій, возвели въ главнокомандующіе и послали тягаться съ Наполеономъ. Ульмская капитуляція Мака была только плодомъ той системы, которая утвердилась въ Австріи, и правительство горячилось тутъ точно также напрасно, какъ Наполеонъ въ дѣлѣ Мале. Пруссаки старались доказать тоже, что и они, не хуже австрійцевъ, понимаютъ свой долгъ. Въ компанію 1806 г. малодушіе прусскіхъ генераловъ и офицеровъ было такъ велико, что со стороны можно было подумать, что ихъ предупредительность при сдачѣ крѣпостей является просто слѣдствіемъ подкупа. Напримеръ, Массенбахъ отдалъ въ плѣнъ 12,000 человекъ безъ бою. Потомъ сдались безъ всякой обороны крѣпости Шпан-

дау и Потсдамъ, за ними Штеттинъ и Кюстринъ. Слѣдя Штеттина занятельна въ томъ отношеніи, что крѣпость была снабжена всѣмъ необходимымъ, имѣла сильный гарнизонъ и отдадась гусарамъ. Дѣло несмысленное въ военныхъ дѣтписяхъ, такъ что Наполеонъ имѣлъ полное право замѣтить, что ему совсѣмъ не нужна артиллерія, если гусары берутъ крѣпости. Въ Кюстринѣ, окруженномъ рѣдотами, предупредительность командира была такъ велика, что, сдавъ крѣпость по первому предложенію непріятеля, онъ еще послалъ лодки, чтобы перевезти французскъ. Любезность совершенно достойная придворнаго или дворянѣ, хотя комендантъ Кюстрина не былъ, ни тѣмъ, ни другимъ. Но самымъ блистательнымъ подвигомъ пруссаковъ была сдача Магдебурга, отлично укрѣпленной крѣпости, съ гарнизономъ въ 24,000 ч. съ 7000 лошадей и съ 600 орудій, Клейстъ, совершившій этотъ подвигъ, имѣлъ вдвое боѣе войска, чѣмъ Ней, и послѣдній былъ чрезвычайно изумленъ сдачей крѣпости безъ малѣйшей пощты къ оборонѣ. Даже предложеніе о сдачѣ было сдѣлано комендантомъ.

Можно ли послѣ этого обвинягъ Наполеона и французовъ въ высокомеріи, когда въ нѣмцахъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, они не встрѣчали ничего, кромѣ трусости и униженія? Конечно, съ моральной точки зрѣнія, пренебреженіе къ ближнему считается чѣмъ-то очень дурнымъ; но какъ оно ни дурно, оно стоитъ все-таки неизмѣримо выше отсутствія въ людяхъ чувства собственнаго достоинства; поэтому едва ли справедливо укорять французовъ въ высокомеріи.

Если нѣмецкія правительства не отличались особеннымъ сознаніемъ своего достоинства предъ Наполеономъ, то чего же можно было ожидать отъ старыхъ бароновъ?

Эти люди, воспитанные въ механической обрядности стараго порядка вещей, годились только для тѣхъ дѣлъ, гдѣ требовалась одна привычка, но были совершенно неспособны сообразить что нибудь, если это «что нибудь» не было старой рутинной. Пока все дѣло ограничивалось разъ и на всегда введеннымъ порядкомъ, нѣмецкіе бароны оказались очень способными чиновниками, воинами, дипломатами, государственными людьми, но они, и никакаго другой нѣмецъ не имѣли поводовъ думать, чтобы это могло быть иначе, потому что машина хотя шла и туго, но все-таки шла, не останавливаясь. И вдругъ, среди этого спокойнаго теченія дѣлъ, стали наступать съ запада какіе-то новые люди. Все у этихъ людей было иначе, чѣмъ привыкли видѣть бароны у себя. Солдаты, какъ будто и не солдаты, а что-то выше; офицеры годились въ генералы любой нѣ-

ицкой армии, генералы — въ фельдмаршалы, а про Наполеона ужъ и говорить нечего. Все какіе-то гиганты, люди невиданные и необыкновенные; ну, какъ съ ними бороться, — и вѣщцы побѣждали въ паническомъ страхѣ и начали сдавать безъ бою свои крѣпости. Попробовали попытать счастья въ дипломатіи и въ разныхъ старыхъ уловкахъ, но и тутъ новые люди оказались непобѣдимыми. Бароны упорно держались старыхъ преданій, самохвальничали подвигами своихъ предковъ и считали себя сильными и способными только потому, что въ тридцатилѣтнюю и семилѣтнюю войны они выставили нѣсколько способныхъ людей; бароны упрямылись, они хотѣли умничать, и нужно было, чтобы Наполеонъ прошелъ Германію нѣсколько разъ вдоль и поперекъ, прежде, чѣмъ бароны убѣдились, что они своимъ умомъ сдѣлать тутъ ничего не могутъ и что Германію можно спасти только народомъ. Прежде, чѣмъ вѣщцы дошли до этого убѣжденія, они старались сдерживать вездѣ народное неудовольствіе и, по примѣру знаменитаго князя Гацфельда, убѣждали народъ быть спокойнымъ, потому что «спокойствіе есть первая обязанность гражданина, въ которой заключается высшій и единственно высокій общественный интересъ». Ради того, чтобы безпокойствомъ не нарушить этотъ высшій интересъ, Гацфельдъ, бывший комендантомъ Берлина, не позаботился вывезти запасы пороха и оружія изъ городскихъ складовъ, такъ что по вступленіи Наполеона въ Берлинъ все это досталось французамъ. И, не смотря на свои неудачи на каждомъ шагу, люди, подобные Гацфельду, считали себя способными бороться съ французами новаго времени.

Въ Пруссіи были приняты мѣры болѣе дѣйствительныя; партіи свѣжихъ людей удалось выбиться на свѣтъ божій, потому что стало очевидно, что съ героями семилѣтней войны не сдѣлаешь никакого дѣла. Шарригорстъ, — нѣкогда крестьянинъ, а потомъ военный министръ — и другіе патриоты, однихъ съ нимъ взглядовъ, начали преобразовывать войско, чтобы сдѣлать его достойнымъ борьбы съ французами. Отмѣнили вербованье и ввели конскрипцію; уничтожили палки, фухтеля, сквозь строй и тому подобныя изобрѣтенія старой прусской системы; оставили прежнюю мелочность и педантизмъ въ требованіяхъ дисциплины и служебной исполнительности, солдатамъ открыли дорогу къ офицерскимъ чинамъ; измѣнили самую систему военного образованія; наконецъ, ввели новый порядокъ обученія въ одиночку и цѣлыми массами. Вообще, были приняты мѣры поднять и облагородить духъ солдатъ, возбудить въ нихъ чувство чести и личнаго достоинства.

Въ то же время баронъ Штейнъ задумалъ и привелъ въ исполненіе нѣкоторыя изъ реформъ, которыя должны были подѣйствовать благотворно и на гражданское населеніе Пруссіи. Идея этихъ преобразованій заимствована, разумѣется, отъ того врага, который заставилъ наконецъ итѣцъ понять, что противъ новыхъ людей нельзя идти съ старыми средствами, и что французовъ можно бить только ихъ оружіемъ. Штейновская партія думала ввести въ Пруссію то, что создало силу Франціи, т. е. уравнивать права всѣхъ гражданъ, уничтожить цехи, корпорации, привилегіи; дать право свободной торговли и промысла внутри государства всѣмъ безъ исключенія; отобрать въ казну монастырскія имущества; дать городамъ новое положеніе; распредѣлить равномерно подати и налоги; опредѣлять точно отношеніе крестьянъ къ дворянамъ-землевладѣльцамъ и дозволить крестьянамъ выкупать свои повинности. Многое изъ этого было приведено въ исполненіе; даже подумывали о представительномъ управленіи съ празомъ прямого участія гражданъ въ законодательствѣ, въ установленіи податей и въ наблюденіи за государственнымъ хозяйствомъ; но осуществленіе такихъ смѣлыхъ замысловъ найдено было въ то время неудобнымъ. Какъ ни скромны были попытки Штейна, но обскуранты испугались страшно и обвинили реформатора чужь не въ ереси и въ государственной измѣнѣ. Темные люди были поддержаны Наполеономъ, который видѣлъ въ Штейнѣ челоуѣка, враждебнаго французскимъ завоевательнымъ тенденціямъ, и король уволилъ барона. Баронъ бѣжалъ сначала въ Богемію, а потомъ уѣхалъ въ Петербургъ. Но и то, что удалось сдѣлать Штейну, принесло Пруссіи огромную пользу и положило основаніе тому хорошему (хоть и не совсѣмъ) управленію и благосостоянію, которыми Пруссія отличается въ настоящее время отъ Австріи и другихъ государствъ Германіи.

Эти преобразованія, вѣсть съ вліяніемъ французскихъ учреждений въ Рейскомъ союзѣ и въ Вестфаліи, принесли скоро свои плоды: — итѣцы почувствовали нравственную силу, и съ этихъ поръ начинаютъ уже мѣняться отношенія Германіи къ Франціи: прусскія войска перестали бѣгать въ паническомъ страхѣ, и французы увидѣли, что взятіе крѣпостей гусарами становится невозможнымъ. Но для борьбы съ Наполеономъ однѣхъ регулярныхъ, постоянныхъ войскъ было еще недостаточно, и тогда прибѣгли не только къ ополченію, но и прямо зывали къ народу. Энтузіазмъ правителей и народа былъ великъ; врага одолѣли.

Какъ бы то ни было, но даже и въ томъ, что удалось устроить партіи Штейна, заключа ась уже порядочная доля хорошаго, въ кото-

ромъ пруссаки должны быть обязаны вовсе не Штейну, а исключительно Наполеону и французамъ. Во-первыхъ, самыя идеи подобныхъ учреждений принадлежали французамъ, имъ же принадлежала и практика; и благосостояніе Франціи убѣждало каждаго, кто не затыкалъ себѣ ушей и глазъ, что реформы Франціи были превосходны. Умные люди понимали это очень хорошо, также какъ и то, что старая прусская рутинка никуда не годится, ни въ военныхъ, ни въ гражданскихъ учрежденіяхъ, и что пока Пруссія не сдѣлаетъ преобразованій, подобныхъ французскимъ, ей нечего думать бороться успешно съ своимъ могущественнымъ противникомъ. Такимъ образомъ, прогрессъ Франціи создалъ прогрессъ и остальной континентальной Европѣ, потому что стоять на одномъ мѣстѣ—значило тогда погибнуть отъ сильнаго врага; кто не хотѣлъ гибнуть, долженъ былъ равняться съ нимъ силой, а поравняться можно было только заимствованіемъ французскихъ учреждений и новыхъ государственныхъ принциповъ, которые только одни и создали богатство и могущество Франціи. Конечно, Наполеонъ прямымъ образомъ не принималъ никакого участія въ прусскихъ реформахъ; напротивъ, онъ ихъ даже не хотѣлъ, потому что ему нужны были противники не сильные, а слабые; но гнетъ французозъ былъ такъ силенъ, наборы ихъ такъ велики, обращеніе такъ оскорбительно, что всего этого было совершенно достаточно для того, чтобы вызвать реакцію противъ прежней прусской системы, которая одна только и была причиною общаго бѣдствія страны и ея матеріальнаго и нравственнаго безсилія.

И въ другихъ государствахъ Европы, сопредѣльныхъ съ Франціей, реформы были введены Наполеономъ, который вообще держался системы слиянія завоеванныхъ земель съ Франціей посредствомъ общихъ учреждений и законовъ. Прежде всѣхъ подверглась преобразованіямъ Италія, гдѣ республиканская Франція устроила сначала цѣлый рядъ республикъ, по образцу французской, а потомъ, когда Наполеонъ сдѣлался императоромъ, онъ началъ строить Итальянское королевство. Церковная область не избѣгла тоже французскаго вліянія, и Наполеонъ требовалъ отъ папы введенія въ области французскаго уложенія полной свободы для всѣхъ вѣроисповѣданій, уничтоженія монашества и безбрачія духовенства. Въ одно время съ переворотомъ, сдѣланнымъ въ Италіи, подверглась реформѣ и Швейцарія, въ которой немногія знатныя фамиліи, забравъ въ свои руки власть, не только устранили народъ отъ управленія, но и обращались съ сельскимъ населеніемъ, какъ съ своими крѣпостными. Демократы, возбужденные новыя идеями,

поднялись против аристократовъ, позвали французовъ на помощь и ввели у себя управление, сходное съ французскимъ. Вместо прежней швейцарской республики, составленной союдом многихъ отдельныхъ республикъ, явилась одна, общая Гельветическая республика. Съ этихъ поръ Швейцарія находилась въ тѣсной связи съ Франціей, и каждое прогрессивное политическое движеніе швейцарцевъ отражалось и на учрежденіяхъ Швейцаріи. Изъ германскихъ государствъ наиболее сильное вліяніе французовъ обнаружилось въ Баваріи, гдѣ по приказанію Наполеона, какъ и въ другихъ государствахъ Рейнскаго союза, введена была конституція. Привилегіи дворянства исчезли, подати и налоги разложены на всѣхъ, дворянство потеряло право на извѣстныя должности, и доступъ къ нимъ открытъ и для простолюдиновъ; преобразована военная часть, улучшены финансы, измѣнены судъ и полиція, ограничена помѣщичья власть, смягчена цензура и даже обѣщана вѣротерпимость и гражданская свобода. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ хотя и не была дана конституція, но слѣдано тоже много улучшеній и введено, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, французскій кодексъ. Въ Вестфалии явилось тоже, небывалое до того времени, равенство; личныя привилегіи исчезли; все, что задерживало развитіе земледѣлія и промышленности, было отиѣнено; введены представительное правленіе и французскій кодексъ. Съ этими переиѣнами повѣяло отъ Вестфалии новымъ духомъ и пробудилось въ народѣ, а особенно въ среднемъ сословіи, небывалое до того чувство собственнаго достоинства и сознаніе своей гражданской равноправности. Вообще, вліяніе французовъ на государства Рейнскаго союза было такъ громадно, что со времени наполеоновскаго владычества для нихъ наступила новая эра, которой безъ французовъ они едва ли дождались бы и черезъ сто лѣтъ. Прежняя дичь, безтолочь и неурядица исчезли сразу, привилегіи и разныя исключительности смѣнились повсюду равноправностью, старые, скрѣпчѣе и мучительно-медленные суды замѣнены новыми, во многихъ государствахъ улучшено положеніе крестьянъ, улучшены законы на основаніяхъ французскаго уложенія, промышленность и торговля освобождены отъ прежнихъ путъ и среднему сословію открыта дорога къ тому благосостоянію и правамъ, которыми оно начало пользоваться въ ущербъ простонародью. Даже въ Испаніи, и въ то время, какъ народъ велъ самую отчаянную борьбу противъ французовъ, кортесы составили проектъ новаго уложенія, уничтожавшаго сословныя преимущества и всѣ старыя, стѣснительныя учрежденія и установленія, мѣшавшія экономическому и гражданскому развитію страны.

Въ основаніе этого уложенія принято разведеніе законодательной, судебной и исполнительной властей.

Почтенная Германія, отличающаяся всегда флегмой и спокойствіемъ и потому считавшая себя разсудительной, не обнаруживала, однако, этого качества въ отношеніи французовъ. Нѣмцы огорчало то, что французы одолѣвали ихъ и на полѣ битвы, и въ дипломатическомъ кабинетѣ, что французы отобрали отъ нихъ нѣсколько миллиардовъ гульденовъ или талеровъ, что побили около 4,000,000 народу, что трактовали нѣмецкихъ государей и ихъ сановниковъ, какъ своихъ вассаловъ, что обращались неперемонно съ народомъ и прекраснымъ поломъ. Все это совершенно справедливо; но зачѣмъ же нѣмцы позволяли поступать съ собой такимъ образомъ? Зачѣмъ они преклонялись въ прахъ не только предъ Наполеономъ, но и предъ каждымъ его маршаломъ и дипломатомъ? Брняя французовъ, они умалчиваютъ, что они сами не были ни на что способны. Отчего же съ англичанами Наполеонъ обращался иначе? Конечно, униженіе, до котораго дошла Германія, не могло быть больше; но въ этомъ виноваты не французы.

Не французы были виноваты и въ томъ, что феодальная Европа, рано или поздно, должна была столкнуться съ духомъ новаго времени и уступить ему. Не меньше ста лѣтъ нужно было для того, чтобы такіа простыя, повидимому, понятія, какъ сознаніе необходимости равноправности, справедливаго и безпристрастнаго сула и экономической свободы, были бы признаны европейскими правительствами и привилегированными сословіями за несомнѣнныя истинны, да и для этого признанія потребовались годы, кровопролитныхъ войнъ и боязнь за свое политическое существованіе. Поэтому, есть полное основаніе думать, что безъ Наполеона и страшной энергіи французовъ, Европа увидѣла бы, можетъ быть, только десятую долю тѣхъ улучшеній, которыя явились въ послѣдствіи. Кровопролитія, униженія личностей, контрибуціи и разныя притѣсненія и несправедливости, причиненныя Европѣ французами, можетъ быть, и были очень велики, но исторія не станетъ ихъ помнить; исторія замѣтилъ только тотъ фактъ, что съ паденіемъ французской имперіи началось для Европы новое время, т. е. возникли новыя отношенія, а съ ними явились новые вопросы и новыя стремленія.

И. Шолгуновъ.

Въ 410 году, готы, подъ предводительствомъ Алариха, взяли и ограбили Римъ; въ 455 году, вандалы, подъ начальствомъ Гепсериха, переправились изъ Африки въ Италію; въ теченіе двухъ недѣль они хозяйничали въ Римѣ по своему, а потомъ уѣхали къ себѣ домой, нагрузивъ свои корабли разными драгоценностями и множествомъ плѣнниковъ. Въ 476 году, начальникъ геруловъ, Одоакръ, прекратилъ существованіе западной римской имперіи и объявилъ себя королемъ Италіи; въ 490 году, въ Италію пришли остготы и, послѣ трехлѣтней войны, разрушили царство геруловъ. Въ 556 году, сильное войско византійскаго императора Юстиніана, подъ начальствомъ Велисарія, проникло въ Италію, чтобы выгнать остготовъ. Жестокая война продолжалась нѣсколько лѣтъ; Римъ нѣсколько разъ брали приступомъ то греки, то остготы; стѣны этого города были срыты, и запустѣніе его было такъ велико, что уцѣлѣвшіе въ немъ жители хотѣли переселиться изъ него въ какое нибудь другое мѣсто. Наконецъ, въ 568 году, явились лангобарды и завоевали всю сѣверную Италію. Но въ какомъ положеніи должна была находиться страна, выдержавшая въ теченіе полутора вѣка шесть варварскихъ нашествій? На этотъ вопросъ отвѣчать очень трудно; люди шестого столѣтія не занимались статистикою, а мы, въ настоящее время, врядъ ли можемъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ.

VIII.

Въ 410 году, готы, подъ предводительствомъ Алариха, взяли и ограбили Римъ; въ 455 году, вандалы, подъ начальствомъ Гепсериха, переправились изъ Африки въ Италію; въ теченіе двухъ недѣль они хозяйничали въ Римѣ по своему, а потомъ уѣхали къ себѣ домой, нагрузивъ свои корабли разными драгоценностями и множествомъ плѣнниковъ. Въ 476 году, начальникъ геруловъ, Одоакръ, прекратилъ существованіе западной римской имперіи и объявилъ себя королемъ Италіи; въ 490 году, въ Италію пришли остготы и, послѣ трехлѣтней войны, разрушили царство геруловъ. Въ 556 году, сильное войско византійскаго императора Юстиніана, подъ начальствомъ Велисарія, проникло въ Италію, чтобы выгнать остготовъ. Жестокая война продолжалась нѣсколько лѣтъ; Римъ нѣсколько разъ брали приступомъ то греки, то остготы; стѣны этого города были срыты, и запустѣніе его было такъ велико, что уцѣлѣвшіе въ немъ жители хотѣли переселиться изъ него въ какое нибудь другое мѣсто. Наконецъ, въ 568 году, явились лангобарды и завоевали всю сѣверную Италію. Но въ какомъ положеніи должна была находиться страна, выдержавшая въ теченіе полутора вѣка шесть варварскихъ нашествій? На этотъ вопросъ отвѣчать очень трудно; люди шестого столѣтія не занимались статистикою, а мы, въ настоящее время, врядъ ли можемъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое

нашествіе варваровъ, и до какихъ размѣровъ могутъ доходить та голая нищета, та безнадежная забитость и подавленность, та одичалость людей и земли, которыя являются естественными и неизбежными слѣдствіями подобныхъ событій. Современники Юстиніана говорятъ, что Италія превратилась въ пустыню и что война, голодъ и моровая язва погубили въ ней, при этомъ императорѣ, до пятнадцати милліоновъ жителей. Цифра показана, разумѣется, на угадъ; считать было некому, некогда и не зачѣмъ; но видно, во всякомъ случаѣ, что тогдашніе люди были сильно поражены кровавою безалаберщиною, своей эпохи, и что они, пуская въ ходъ крупную цифру, хотѣли выразить, какъ можно нагляднѣе, всю глубину испытанныхъ ими общественныхъ страданій. Въ такое мрачное и безтолковое время человѣкъ естественнымъ образомъ тупѣетъ и безотчетно боится всего, что его окружаетъ. Разорительныя войны, голодъ и повальные болѣзни составляютъ тотъ историческій фундаментъ, на которомъ утвердилось прочное зданіе папской власти. Такъ какъ во всей остальной Европѣ огромное большинство людей находилось также въ самомъ бѣдственномъ положеніи, то папство, родившееся въ Италіи, легко проложило себѣ дорогу во Францію, въ Германію, въ Англію и въ земли далекаго скандинавскаго сѣвера. Въ 590 году, римскимъ епископомъ или папою сдѣлался человѣкъ умный, энергическій и опытный, Григорій I. Многосторонняя дѣятельность этой крупной исторической личности намѣтила по всеѣмъ направленіямъ тѣ пути, которые должны были впослѣдствіи привести римскаго епископа къ подновластному господству надъ умами и кошельками средневѣковыхъ европейцевъ. Во-первыхъ, Григорій обратилъ серьезное вниманіе на тѣхъ варваровъ, на которыхъ его предшественники смотрѣли съ тупымъ страхомъ и съ близорукимъ презрѣніемъ. Онъ отправилъ въ Британію миссіонеровъ и такимъ образомъ подчинилъ своему вліянію тамошнихъ полуудинныхъ язычниковъ; онъ вытѣсался въ дѣла галльско-германской церкви и запретилъ тамъ продажу церковныхъ должностей; онъ принялъ въ нѣдра католической церкви Испанію, отказавшуюся въ это время отъ аріанской ереси; онъ искоренилъ язычество. Такая дѣятельность была, разумѣется, несравненно полезнѣе для будущаго могущества папы, чѣмъ бесплодныя соотвѣщенія съ патриархами александрійскимъ и константинопольскимъ. Эти духовныя лица ни модъ какими видошъ не уступили бы римскому епископу господства надъ вселенскою церковью; отуманить ихъ историческими

аргументами было невозможно, они сами знали историю церкви по хужо папы и могли забросать его доказательствами, совершенно опровергающими всякую мысль о законности римских притязаній. А кроме того, — и это самое главное — пресирательство съ восточными патриархами непременно приводило папу въ столкновение съ византійскимъ императоромъ, который все-таки считалъ папу своимъ подданнымъ и не разъ напоминалъ ему этотъ печальный фактъ очень жесткимъ и чувствительнымъ образомъ. Поэтому, сближаться съ греческимъ востокомъ — значило для папы отказываться отъ своей исторической будущности. Выгоды папъ требовали помозительно, чтобы они исподоволь, безъ скандала, превратили всякія сношенія съ восточными церквями и поворотили бы всю свою дѣятельность на сѣверъ и на западъ, гдѣ они могли открыть и завоевать своимъ духовнымъ оружіемъ тѣлмя обширныя государства. А духовное оружіе Рима было тогда очень сильно. Утомительные и опасные подвиги миссіонерства соотвѣтствовали, какъ нельзя лучше, всему характеру той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Григорій I. Люди цѣнили въ это время свою жизнь очень дешево, по той простой причинѣ, что она вездѣ давала имъ много страданій и вездѣ была очень мало обезпечена противъ разнообразнаго насилія. Монастырей было очень много, и въ каждомъ монастырѣ можно было найдти много настоящихъ монаховъ, глубоко и чистосердечно ненавидѣвшихъ собственное тѣло и постоянно старавшихся причинять этому лютому врагу всевозможныя непріятности. Такому монаху епископъ могъ сказать преспокойно: «сынъ мой, ступай въ такую-то землю. Что ты тамъ найдешь и что съ тобою тамъ сдѣлаютъ, этого я не знаю. Но я даю тебѣ мое благословеніе и буду поминать тебя въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ». — И этого было довольно. Монахъ пускался въ путь и старался исполнить въ точности все, что ему было приказано. Если онъ по дорогѣ проваливался въ трясину, если онъ умиралъ отъ голода или отъ лихорадки на снѣжномъ сугробѣ или въ непроходимомъ лѣсу, если его заѣдалъ медвѣдь, если его заколачивали до смерти изъ пустого озорства дикіе предки Либиха и Александра Гумбольдта, словомъ, если онъ пропадалъ безъ вѣсти по той или по другой причинѣ, то Римъ не терялъ ровнѣ ничего. Однимъ монахомъ меньше — однимъ мученикомъ больше; церковь вносила въ свои поминанія новое имя, а на мѣсто погибшаго брата находились, по первому востребованію, сотни новыхъ

охотникомъ. Если же, по преществіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ Римъ приходилъ одичавшій человѣкъ, весь заросшій волосами и бородою, одѣтый въ звѣриныя кожи, и если этотъ человѣкъ, съ чисто монашескимъ смиреніемъ, падалъ на колѣни передъ епископомъ и докладывалъ ему, что онъ, недостойный грѣшникъ такой-то, благодаря святымъ молитвамъ епископа и церкви, сподобился основать новую христіанскую общину въ землѣ такого-то племени, — то выгода для Рима была очевидная. Вѣдь не стануть же новообращенные варвары задавать себѣ лукавые вопросы на счетъ духовнаго первенства римскаго престола. Не стануть они разузнавать, дѣйствительно ли папа есть прямой и законный преемникъ апостола Петра? И дѣйствительно ли преемникъ Св. Петра выше всѣхъ другихъ епископовъ? И не долженъ ли самъ папа подчиняться рѣшеніямъ вселенскаго собора? И что думаютъ о папѣ въ Константинополѣ и въ Александріи? — Константинополь, Александрія, вселенскій соборъ — все это непонятные звуки для простодушныхъ дикарей, обработанныхъ такимъ же простодушнымъ монахомъ. Имъ сказано, что папа — глава церкви, самый великій и самый святой человѣкъ во всемъ мірѣ, — они это и затвердили. Только одного папу они и знаютъ. И дѣти, и внуки ихъ вырастаютъ въ тѣхъ же самыхъ понятіяхъ. А между тѣмъ, новая церковь раздвигаетъ свои предѣлы, и цѣнность завоеванія, сдѣланнаго смѣлымъ миссіонеромъ, увеличивается съ каждымъ десятилѣтіемъ. вмѣстѣ съ важною всѣхъ сдѣланныхъ завоеваній, растетъ и мировое значеніе папства. Высшая степень папскаго могущества относится къ тому времени, когда всѣ обращенные варвары достигли той степени умственнаго развитія, которая даетъ народу возможность выработать себѣ, такъ или иначе, опредѣленный государственный механизмъ. А потомъ, когда сознаніе варваровъ не остановилось на этой точкѣ и когда оно стало поемногу приниматься за критику существующихъ идей и учреждений, тогда, разумѣется, могущество римскаго престола начало клониться къ упадку. Вся историческая роль папства связана совершенно неразрывно съ общественною и умственною жизнью тѣхъ варваровъ, на которыхъ Григорій въ первый разъ обратилъ серьезное вниманіе. Обращая въ христіанство людей совершенно необразованныхъ, Григорій зналъ, какими средствами слѣдуетъ на нихъ дѣйствовать. Онъ понималъ, сознательно или инстинктивно, что этихъ господъ не проймешь логическою аргументаціею; имъ, какъ малолѣтнимъ ребятамъ,

доступно только то, что бросается въ глаза, поражает чувства, за трогиваетъ воображеніе. Имъ подавай блеску, нестроты, театральн^{ой} пышности, картинности, музыкальности, величественной таинственности, эффектовъ, освѣщенія и перспективы. Для нихъ истина, добро и красота понятны только въ самыхъ вычурныхъ проявленіяхъ. Строгая разумность и безыскусственно-изящная простота для нихъ недоступны. Понимая эти свойства неразвитой человѣческой природы, и понимая ихъ тѣмъ глубже, что самъ онъ въ этомъ отношеніи недалеко ушелъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей, папа Григорій заботился очень усердно о пышности и торжественности церковнаго церемоніала. Праздненства, процессіи, облаченіе священниковъ и причетниковъ, убранство храмовъ—все это было расположено такъ, чтобы поражать чувство и воображеніе поклонниковъ. Съ этою цѣлью, Григорій сталъ поощрять искусства. Скульптура, живопись и музыка были приняты имъ подѣ особенное покровительство церкви. Храмы наполнились статуями и картинами; церковное пѣніе было усовершенствовано самимъ Григоріемъ. Преемники этого папы постоянно подражали его примѣру; они ввели въ церковь органъ, возвысили пѣніе до небывалой виртуозности, сформировали такихъ архитекторовъ, какъ Браманте, Брунеллески и Микель-Анджело, такихъ живописцевъ, какъ Рафаэль и Леонардо-де-Винчи, такихъ музыкантовъ, какъ Палестрина, и наконецъ превратили католическую обѣдню въ концертъ и въ театральное представленіе. Они же создали и настоящій театръ, который, какъ извѣстно, выработался изъ духовныхъ мистерій, разыгрывавшихся съ большими эффектами во всѣхъ католическихъ церквяхъ. Кромѣ пышнаго церемоніала, есть еще одна сторона, дѣйствующая съ неотразимою силою на чувство и воображеніе простыхъ людей. Я говорю о мнимо сверхъестественныхъ событіяхъ, о сношеніяхъ человѣка съ невидимыми существами, о видѣніяхъ и чудесахъ, играющихъ такую важную роль въ безчисленныхъ средневѣковыхъ легендахъ, которыя изобрѣтались на счетъ истинныхъ чудесъ и которыя для нашей, православной церкви не имѣютъ никакого каноническаго значенія. Въ началѣ среднихъ вѣковъ всякія чудеса и видѣнія были особенно многочисленны; они творились на каждомъ шагу, единственно потому, что всѣ были необразованы, всѣ были расположены принимать за чудо каждое естественное событіе въ природѣ и въ человѣческой жизни, всѣ разсказывали свои сны и галлюцинаціи, — всѣ съ жадностью слу-

ввали эти рассказы и, украсив их цвѣтами собственной фантазіи, пускали ихъ дальше; въ общее обращеніе. Легенды составлялись тогда точно такнмъ же образомъ, какнмъ въ началѣ, историческое время вырабатываются въ узкихъ городкахъ чудовищная смѣтн. Легенда—та же сплетня, только обращенная въ чѣтъ своеобразный фантастическій колоритъ, который соответствовалъ умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ тогдашняго времени. Папа Григорій всеми своими силами содѣйствовалъ процвѣтанію войннхъ легендъ, во-первыхъ потому, что человѣческое легковѣріе было выгодно для могущества римской іерархіи, а во-вторыхъ, и потому, что онъ самъ, какъ человѣкъ своего времени, обладалъ достаточною пылкостью воображенія и слишкомъ достаточною неразвитостью ума. Въ какомъ направленіи производилась фабрикація легендъ—это не трудно будетъ увидѣть и понять изъ двухъ отдѣльныхъ примѣровъ. Остготскій король Теодорихъ Великій, царствовавшій въ Италіи въ началѣ VI вѣка, былъ приверженцемъ аріанской ереси. За это его ненавидѣло итальянское духовенство, которому потанный еретикъ не дѣлалъ однако же никакихъ критическихъ. Въ своихъ переговорахъ съ византійскимъ императоромъ Юстиномъ, Теодорихъ выражалъ, между прочимъ, слѣдующія мысли: «Стремиться къ господству надъ человѣческою совѣстью, значить, похищать то, что принадлежитъ одному Богу. Но самой природѣ вещей, власть государей должна проявляться только въ политическомъ управленіи. Они имѣютъ право наказывать только тѣхъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Самая опасная ересь состоитъ въ томъ, когда государь отдѣляется отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ за то, что ихъ вѣра не сходится съ его собственными религиозными понятіями.» Если взять во вниманіе, что, слишкомъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ Теодориха, Филиппъ II испанскій довелъ своихъ нидерландскихъ подданныхъ до вооруженнаго возстанія, что Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи полезныхъ и покорныхъ Мавровъ и что Людовикъ XIV еще позднѣе распорядился такимъ же образомъ съ французскими протестантами, если припомнить, что всѣ эти и многія другія штуки дѣлались въ Европѣ по религиозной враждѣ, то не трудно будетъ понять и оцѣнить умъ и характеръ остготскаго короля, писавшаго свое посланіе къ Юстину въ VI вѣкѣ. Однако, итальянское духовенство сочло необходимымъ составить противъ Теодориха заговоръ и завести тайныя сношенія съ византійскимъ правительствомъ. Теодорихъ узналъ

всѣ эти продѣлки. Начались аресты, допросы, пытки и казни. Преслѣдованіе было направлено не противъ религіи, а противъ политическаго преступленія. Въ заговорѣ былъ замѣшанъ папа. Теодорихъ посадилъ его въ тюрьму и продержалъ его въ заключеніи до его смерти. Вскорѣ послѣ этихъ событій, Теодорихъ умеръ, и тотчасъ послѣ его кончины, духовенство пустило въ ходъ легенду, что черти утащили его душу въ кратеръ вулкана Липари, считавшійся въ то время отверстіемъ геенны огненной. Кто же это видѣлъ? — Видѣлъ нѣкій отшельникъ. А не солгалъ ли сей отшельникъ? И находился ли онъ въ здоровомъ умѣ и въ полной памяти? — Этихъ вопросовъ никто себѣ не задавалъ, потому что поставить такіе вопросы, значило бы обнаружить неумѣстную и предосудительную пытливость гордаго ума. Легенда была, очевидно, выгодна для духовенства. Духовенство приняло рассказъ отшельника благосклонно, а можетъ быть, даже выдумало этотъ рассказъ собственными силами, впусивъ въ него особу отшельника, какъ подставное лицо. Духовенство сообщило этому рассказу обязательный авторитетъ и, черезъ два-три десятилѣтія, эта игривая выдумка сдѣлалась твердою истиною, назидательною для вѣрующихъ и неприкосновенною для скептиковъ, если бы скептики осмѣлились только появиться и возвысить голосъ въ VI или въ VII столѣтіи.

Другая легенда, составленная позднѣе, еще откровеннѣе носитъ на себѣ печать фабриканта. Французскіе короли, постоянно страдавшіе безденежемъ, очень часто обращали свои тоскливые взоры на богатыя помѣстья духовенства, не платившаго рѣшительно никакихъ повинностей. Они много разъ заводили рѣчь о бѣдственномъ положеніи государственной казны и о громадности церковныхъ имуществъ, но духовенство ко всякому подобному разговору относилось чрезвычайно неодобрительно и пересыпало свои отвѣты такими ужасами, которые навсегда должны были отвадить свѣтскую власть отъ нескромныхъ поползновеній. Въ одномъ изъ суровыхъ отвѣтовъ духовенства встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: «Придиць Карлъ первый изъ всѣхъ франкскихъ королей и князей расхитилъ и раздробилъ имущества церкви, и, единственно по этой причинѣ, онъ осужденъ на вѣчное мученіе. Мы знаемъ дѣйствительно, что Св. Эвхерій, епископъ орлеанскій, находясь на молитвѣ, былъ перенесенъ въ міръ духовъ, и что, въ числѣ другихъ предметовъ, показанныхъ ему Господомъ, онъ увидѣлъ Карла, терзаемаго въ самыхъ

глубоких безднах ада. Ангелъ, служившій ему проводникомъ, на вопросъ его объ этомъ предметѣ, отвѣчалъ ему, что на будущемъ судѣ тѣло и душа человѣка, взявшаго или раздѣлившаго имущества церкви, будутъ преданы, даже раньше кончины міра, на вѣчное мученіе, по приговору святыхъ, засѣдающихъ въ судилищѣ вмѣстѣ съ Господомъ. Это святотатственное дѣло прибавить къ его собственнымъ грѣхамъ все грѣхи всехъ тѣхъ людей, которые думали, что купили себѣ прощеніе своими пожертвованіями, сдѣланными изъ любви къ Богу въ пользу святыхъ обитателей, на освѣщеніе храмовъ при богослуженіи и на пропитаніе служителей христовыхъ.»—Чтобы опѣнить всю красоту этой легенды, надо замѣтить, что прицъ Карлъ, подвергаемый такому строгому наказанію, есть тотъ самый великій воинъ и защитникъ христіанства, Карлъ Мартеллъ, который разбилъ испанскихъ аравитянъ при Пуатье, въ рѣшительномъ сраженіи, положившемъ предѣлъ успѣхамъ магометанскаго оружія въ западной Европѣ. Непростительное *расхищеніе* было сдѣлано именно для того, чтобы собрать и прокормить сильную армию, необходимую для отраженія опаснаго врага, котораго, по всей вѣроятности, самыя раздирательныя легенды не убѣдили бы въ неприкосновенности церковныхъ имуществъ. — Интересно также то обстоятельство, что видѣнія епископа Эвхерія употребляются какъ серьезныя и полновѣсныя доказательства въ обсужденіи финансоваго вопроса, имѣвшаго громадную важность для всего государственнаго хозяйства Франціи. — Чтобы поддерживать авторитетъ легендъ, надо было систематически давить всякое проявленіе научной дѣятельности; и съ этой стороны, энергія и послѣдовательность папства оказались также очень замѣчательными. Папы поняли очень хорошо, что наука и искусство—двѣ вещи совершенно различныя, хотя эти два слова обыкновенно ставятся рядомъ, когда заходитъ рѣчь о какомъ нибудь золотомъ вѣкѣ, въ родѣ вѣка Перикла или Августа. Папы поняли, что искусство—ихъ лучший другъ, потому что скульпторы, музыканты, живописцы могутъ быть простодушны и довѣрчивы, какъ грудные младенцы; а наука, напротивъ того, ихъ непримиримый врагъ, потому что ученость и безгранично: простодушіе взаимно исключаютъ другъ друга. Григорій I особен.о любилъ повторять, что «невѣжество есть мать истиннаго благочестія, и такъ какъ онъ подъ словомъ «истинное благочестіе» понималъ способность вѣрить слѣпо розказаньямъ каждаго монаха, то его любимое

изреченіе оказывается неопровержимою аксіомою. Любимое изреченіе Григорія не оставалось для него мертвою буквою; онъ выгналъ изъ Рима всѣхъ учителей математики, сжегъ Палатинскую бібліотеку, основанную Августомъ, запретилъ чтеніе латинскихъ классиковъ, изломалъ всѣ древнія статуи, находившіяся въ его власти, и старательно уничтожалъ всѣ рукописи, попадавшіяся ему на глаза. Онъ самъ, потомокъ римскихъ патриціевъ, не зналъ правилъ латинскаго языка, и гордился тѣмъ, что его собственныя сочиненія были переполнены грамматическими ошибками. Одному священнику, осмѣлившемуся преподавать латинскую грамматику, Григорій сдѣлалъ строжайшій выговоръ. — Такимъ образомъ, политика папства характеризуется тремя главными стремленіями: 1) сближаться съ варварами; 2) дѣйствовать на воображеніе массъ театральными эффектами и фантастическими разсказами; 3) истреблять всякую научную дѣятельность.

IX.

Папская политика и папское могущество составляютъ естественный продуктъ мрачной и мутной исторической эпохи. Приписывать вліянію папства всѣ гадости, которыя дѣлались въ средневѣковое время въ Италіи и въ самомъ Римѣ, въ церкви и въ обществѣ, въ частной жизни и въ политикѣ, — было бы несправедливо. Папство дѣйствовало неразумно и дурно, и сами папы были часто дурными и безчестными людьми, потому что весь характеръ ихъ времени былъ звѣрообразенъ до крайности. Люди ежеминутно грызлись между собою за каждую пеструю тряпку и за каждую обглоданную кость. Кто не былъ воромъ, разбойникомъ и убійцею, тотъ, навѣрное, дѣлался самъ жертвою неотразимаго насилія. Самые великіе люди этого времени замараны грязью и кровью, потому что, принимая дѣятельное участіе въ тогдашней исторической жизни, не было ни малѣйшей возможности уберечься отъ такихъ пятенъ. Италія, наводненная варварами всевозможныхъ племенъ, была развращена и измучена болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ земель; ее грабили и раздирали на части мелкіе тираны, ничѣмъ не отличавшіеся отъ разбойничьихъ атамановъ; такіе же разбойники, называвшіе себя римскими патриціями, буянили въ самомъ Римѣ и ежедневно поливали кровью римскія улицы, ведя между собою мелкія и безконечныя

войны, въ которыя виѣщивались безпрестанно и духовенство, и простой народъ. Всѣ эти люди—аристократы, духовенство и народъ,—участвовали въ назначеніи папъ; можно себѣ легко представить, какими странными сценами сопровождались выборы и какія дикія фигуры появлялись иногда, вслѣдствіе этихъ сценъ, на папскомъ престолѣ. Въ VIII, въ IX и въ X столѣтіяхъ исторія папства переполнена скандалами и преступленіями. По смерти папы Павла I, вступившаго на престолъ въ 757 году, герцогъ непейскій заставилъ епископовъ посвятить въ папы Константина. Въ 768 году, выборы эти объявлены незаконными. Папою сдѣлался Стефанъ IV. Константину выкололи глаза. Одному изъ его приверженцевъ, епископу Федору, отрѣзали языкъ. Затѣмъ, Федора заперли въ тюрьму, въ которой онъ и умеръ—отъ жажды. Въ 795 году, племянники умершаго папы Адриана схватили на улицѣ преемника его, Льва III, втащили его въ сосѣдную церковь и собиравшись выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ, но, во время самой ожесточенной свалки, прибѣжали приверженцы папы и отбили его отъ свирѣпыхъ враговъ. Преемника Льва, Стефана V, съ позоромъ выгнали изъ города, въ 816 году. Слѣдующаго папу, Пасхалиса I, обвинили въ томъ, что онъ ослѣпилъ и зарѣзалъ въ латеранскомъ дворцѣ двухъ священниковъ; дѣло было отдано на разсмотрѣніе императорскимъ комиссарамъ, потому что въ это время западная римская имперія была уже восстановлена и императоръ былъ Людовикъ Благочестивый, сынъ Карла Великаго. Но, раньше окончанія слѣдствія и суда, папа умеръ, очистивъ свою совѣсть клятвою въ невинности, данною торжественно, въ присутствіи тридцати епископовъ. Исторія объ ослѣпленіи и зарѣзаніи осталась, такимъ образомъ, неразъясненною. Въ 872 году, папа Іоаннъ VIII былъ принужденъ платить дань магометанамъ, утвердившимся въ нѣкоторыхъ приморскихъ пунктахъ Италіи. Епископъ неаполитанскій находился въ тайномъ союзѣ съ этими врагами христіанства и получалъ отъ нихъ, какъ лазутчикъ, часть добычи, достававшейся имъ отъ папы. За эти продѣлки, папа отлучилъ его отъ церкви, и соглашался дать ему прощеніе только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ заманилъ магометанъ въ западную и собственноручно зарѣзалъ бы ихъ главныхъ начальниковъ. Сношенія съ магометанами вовсе не составляли въ то время рѣдкаго и исключительнаго явленія. При томъ же самомъ Іоаннѣ VIII, римское духовенство составило заговоръ; положено было убить папу, захва-

тить церковныя сокровища, отворить поддѣльными ключами ворота Св. Панкратія и впустить въ городъ магометанъ. Папа, имѣвшій, повидимому, достаточное число искусныхъ шпионовъ, открылъ и разстроилъ этотъ заговоръ. Въ 891 году, папою сдѣлался Формозъ, участвовавшій въ этомъ заговорѣ и отлученный отъ церкви. Въ 896 году, ему наследовалъ Бонифацій VI, котораго два раза лишили духовнаго сана за непомерную безнравственность и негодность. Преемникъ этого папы, Стефанъ VII, приказалъ вырыть изъ могилы трупъ Формоза, нарядилъ его въ новое святительское облаченіе, посадилъ его на кресло и сталъ производить надъ нимъ судъ. По суду, безотвѣтный Формозъ оказался виновнымъ во многихъ преступленіяхъ; тогда трупъ его былъ брошенъ въ Тибръ. Стефана, вскорѣ послѣ этого, посадили въ тюрьму, а потомъ задушили. Въ теченіе пяти лѣтъ, отъ 896 до 900 года, перемѣнилось пять папъ. Въ 904 году, папу Льва V посадилъ въ тюрьму одинъ изъ его капеллановъ, Христофоръ, котораго въ слѣдующемъ же году выгнали изъ Рима Сергій III, овладѣвшій папскимъ престоломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Съ этого времени начинается въ Римѣ дѣятельность трехъ женщинъ, Теодоры-старшей и двухъ ея дочерей, Марозіи и Теодоры-младшей. Красота, безнравственность, богатство и неукротимая отвага этихъ женщинъ доставляли имъ, въ продолженіе тридцати лѣтъ, полновластное господство надъ Римомъ, и даже надъ всею среднею Италіею. Особенно сильна была Марозія, вышедшая замужъ за Альбериха, маркграфа камерннскаго, самаго богатаго и могущественнаго изъ тогдашнихъ мелкихъ тирановъ средней Италіи. Марозія владѣла въ Римѣ крѣпостью Св. Ангела и, вслѣдствіе этого, держала въ повиновеніи весь городъ. Теодора-старшая сдѣлала одного изъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ епископомъ равенскимъ; а потомъ, въ 915 году, она же доставила ему папскій престолъ, на который онъ вступилъ подъ именемъ Іоанна X. Въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, любовь Теодоры поддерживала его на папскомъ престолѣ; но его ненавидѣла Марозія, и въ 926 году эта ненависть рѣшила его участь. Марозія захватила его въ латеранскомъ дворцѣ, убила его брата Петра, а самого папу посадила въ тюрьму, гдѣ его задушили подушками. Въ 931 году, Марозія сдѣлала папою своего собственнаго сына, Іоанна XI. Отецъ этого юноши былъ доподлинно неизвѣстенъ; многіе полагали, что Іоаннъ XI—сынъ папы Сергія III, но сама Марозія думала, что она

родила его отъ Альбериха; впрочемъ, Марозіи въ этомъ отношеніи, при многосложности ея занятій, очень легко было спутаться въ генеалогическихъ и хронологическихъ соображеніяхъ. Другой сынъ Марозіи, Альберихъ, посадилъ въ тюрьму свою мать и своего брата, папу Іоанна XI. Въ 956 году, девятнадцатилѣтній сынъ этого второго Альбериха сдѣлался папою подъ именемъ Іоанна XII. Поступки этого молодого человѣка были уже до такой степени неприличны, что возбудили противъ себя негодованіе всей католической Европы и дали поводъ императору Оттону Великому созвать соборъ для изслѣдованія преступленій рѣзваго юноши. Оказалось, что папа братья взятки за посвященіе епископовъ, что онъ сдѣлалъ епископомъ десятилѣтняго мальчика, что онъ совершилъ однажды обрядъ посвященія въ коиюшѣ, что онъ выкололъ глаза одному священнику, что онъ оскотпилъ другого, что оба эти человѣка умерли вслѣдствіе этого увѣчья, что латеранскій дворецъ наполненъ безнравственными женщинами, что папа постоянно пьетъ, играетъ и даже вѣруеть въ Юпитера и въ Венеру. За все это безобразіе Іоанна низложили; папою сдѣлался, въ 963 году, Левъ VIII; но Іоаннъ не упалъ духомъ,—произвелъ въ Римѣ возмущеніе, одолѣлъ своихъ противниковъ и поступилъ съ ними такъ, какъ этого можно было ожидать отъ его характера; иныхъ замучилъ до смерти; инымъ выкололъ глаза; многимъ отрѣзалъ пальцы, руки, уши, носы и языки. Кончилъ онъ свою бурную жизнь тѣмъ, что его убилъ одинъ римлянинъ, у котораго онъ соблазнилъ жену.—Долго еще продолжались въ Римѣ грязныя трагедіи, подобныя тѣмъ, которыя описаны въ предыдущихъ строкахъ. Іоанна XIII задушили въ темницѣ; Бенедикта VII, по приказанію Бонифація VII, уморили въ тюрьмѣ голодною смертью; Іоанна XIV посадили въ крѣпость Св. Ангела и убили; по смерти Бонифація VII, римская чернь разорвала на части его трупъ и протатила его по улицамъ города. Въ 996 году, императоръ Оттонъ III назначилъ папою своего родственника Бруно, который принялъ имя Григорія V. Сынъ Теодоры-младшей, Кресценцій, владѣвшій въ это время крѣпостью Св. Ангела, выгналъ изъ Рима Григорія и посадилъ на папскій престолъ Іоанна XVI. Но въ 997 году, Оттонъ опять пришелъ въ Римъ съ войскомъ, взялъ крѣпость Св. Ангела, захватилъ самого Кресценція и отрубилъ ему голову. А Іоанну XVI, по приказанію императора, выкололи глаза и отрѣзали носъ и языкъ; потомъ, этого изувѣченнаго человѣка посадили на осла, лицомъ къ

хвосту, и провели въ такомъ видѣ по улицамъ города; наконецъ его предоставили въ полное распоряженіе римской черни, которая всегда готова была потѣшиться надъ тѣмъ, кто не могъ защищаться. Въ 1033 году, папою сдѣлался одиннадцатилѣтній мальчикъ, Бенедиктъ IX. По своему образу жизни, онъ былъ еще грязнѣе Іоанна XII. Римляне два раза выгоняли его и онъ два раза возвращался, по милости всѣхъ сильныхъ родственниковъ и друзей, которые разбойничали съ нимъ вмѣстѣ въ Римѣ и его окрестностяхъ. Захвативши папскую тиару во-второй разъ и не надѣясь удержать ее за собою, Бенедиктъ назначилъ на нее аукціонный торгъ, и, въ 1045 году, папское достоинство было куплено Григоріемъ VI.

Прочитавши этотъ утомительный перечень невѣроятныхъ скандаловъ, читатель, мало знакомый съ исторією среднихъ вѣковъ, подумаетъ, можетъ быть, что папство сдѣлалось совершенно безсильнымъ и потеряло въ глазахъ европейскихъ народовъ всякій нравственный авторитетъ. Читатель сильно ошибется. Папство, обезчестившее себя всѣми пороками и преступленіями, достигло въ это время высшей точки своего могущества. Въ 1045 году, папство продавалось съ аукціоннаго торга, а въ 1073 году, на папскомъ престолѣ сидѣлъ уже Гильдебрандъ, тотъ самый Григорій VII, который заставилъ нѣмецкаго императора Генриха IV стоять три дня на дворѣ замка Каноссы, въ одной рубашкѣ, съ голыми ногами, въ положеніи кающагося грѣшника, вымаливающаго себѣ прощеніе. А въ концѣ того же одиннадцатаго столѣтія, папа Урбанъ II поднимаетъ всю Европу противъ магометанъ, удержавшихъ въ своей власти святыя мѣста. А въ XIII столѣтіи, Иннокентій III превращаетъ южную Францію въ огровавленную и обожженную пустыню и учреждаетъ ордены нищенствующихъ монаховъ; преемникъ его, Григорій IX, основываетъ судилище инквизиціи. Какъ же объяснить себѣ это странное противорѣчіе? Папъ бьютъ, уродуютъ, сажаютъ въ темницы и убиваютъ, какъ самыхъ низкихъ преступниковъ, а въ то же время папство растетъ, усиливается и захватываетъ въ свои руки, на нѣсколько столѣтій, всю историческую жизнь европейскаго міра. Это явленіе объясняется довольно легко и совершенно удовлетворительно. Историческая судьба папства зависѣла не отъ него самого, а отъ совершенно постороннихъ причинъ. Папство было вообще пассивнымъ идоломъ, передъ которымъ европейцы лежали ницъ до тѣхъ поръ, пока вообще-историческая жизнь не разшевелила ихъ умовъ и не навела

ихъ на мысль подняться на ноги. Средневѣковыми европейцамъ идолъ казался необходимымъ; безъ него они, по своей тогдашней неразвитости, не могли существовать. Это стремленіе къ идолу не изъ ничего было создано папствомъ; оно составляло коренную особенность младенчаствующаго ума; папство сзумѣло только конфисковать это стремленіе въ свою пользу; ему помогли въ этомъ дѣлѣ отчасти миссіонерскіе подвиги монаховъ, отчасти же,—и притомъ гораздо сильнѣе—военные подвиги Карла Великаго, окрестившаго насильно почти всю внутреннюю Германію. А окрестить въ то время, значило обратиться не ко Христу, а къ папѣ. Сдѣлавшись идоломъ, папство могло уже творить все, что ему было угодно. Ни глупости, ни подлости, ни преступленія, ничто не могло разрушить его авторитета; человѣкъ обожаетъ идола не за его достоинства, а за то, что онъ предполагаетъ въ немъ совершенно особенную, сверхъестественную силу. Тунгузы иногда бьютъ своихъ идоловъ кнутомъ, и все-таки поклоняются имъ. Такъ это дѣлалось и съ папами. Императоръ могъ ошельмовать папу, какъ послѣдняго каторжника; но если этотъ самый, ошельмованный папа успѣвалъ пустить противъ императора проклятiе, то это проклятiе сильно дѣйствовало на умы, и противъ него надо было употребить советъ особый приемъ; надо было выбрать, съ соблюденіемъ законныхъ формальностей, новаго папу, —и приказать этому новому, чтобы онъ проклялъ стараго. Тогда равновѣсіе восстанавлилось, умы массы успокоивались, и успѣхъ того или другаго папы зависѣлъ уже только отъ числа и храбрости ихъ вооруженныхъ приверженцевъ. Пока на папскомъ престолѣ сидѣлъ глупый или дрянной человѣкъ, до тѣхъ поръ идолъ спокойно стоялъ на мѣстѣ и европейцы преклонялись передъ нимъ по пассивной привычкѣ, еще не вытѣсненной образованіемъ и размышленіемъ. Если же папою становился человѣкъ честный, умный и энергическій, то идолъ мгновенно оживлялся и начиналъ ворочать историческими событіями. Индивидуальная сила сама по себѣ ничего не могла сдѣлать, но въ соединеніи съ привилегированнымъ положеніемъ эта сила дѣлала чудеса. А привилегированное положеніе все-таки было создано исключительно тою фазою умственнаго развитія, въ которой находилась тогда европейская мысль.—Папству могли повредить не преступленія его представителей и не ошибки его общей политики; а только успѣхи образованія. Поэтому, опаснѣйшими врагами папства были иснанекіе магометане. Они подорвали силу папства не оружіемъ,

а неотразимымъ вліяніемъ утонченной роскоши, блестящей поэзіи, смѣлой философіи и точной науки.

X.

Въ 711 году, Аравитяне перешли изъ Африки въ Европу и быстро завоевали почти весь пиренейскій полуостровъ. Въ 759 году, разорвалась политическая связь между магометанскою Испаніею и азятскимъ халифатомъ. Новое государство, не смотря на внутреннія волненія и постоянныя войны съ испанскими христіанами, стало быстро развиваться по всѣмъ направленіямъ. Уже въ концѣ VIII вѣка Испанія вела обширную морскую торговлю съ сѣвѣрною Африкою, съ Византіею и съ магометанскимъ востокомъ; ея военный флотъ господствовалъ на Средиземномъ морѣ и держалъ въ постоянномъ страхѣ Италію, Сицилію, Корсику, Сардинію и южную Францію. Испанскіе пираты по своей предприимчивости и ловкости могли поспорить съ норманнами. Береговымъ жителямъ всей тогдашней Европы житья не было отъ этихъ двухъ хищныхъ породъ; да и внутри страны не всегда можно было разсчитывать на безопасность, потому что и норманны, и сарацины имѣли дурную привычку подниматься на лодкахъ вверхъ по теченію рѣкъ и грабить всѣ города и села, стоявшіе по обоимъ берегамъ рѣки. Въ десятомъ столѣтіи, въ царствованіе Абд-Эррахмана III и сына его Гакема, магометанская Испанія стала на такую высокую степень могущества и благосостоянія, какою она не достигала никогда, ни прежде, ни послѣ этого времени. Въ составъ магометанскаго государства входили нынѣшнія провинціи: Арагонія, Валенсія, Новая-Кастилія, Мурсія, Эстремадура, Андалузія, Гранада и южная половина Португаліи. Въ настоящее время въ этихъ областяхъ считается около девяти милліоновъ жителей; а при Абд-Эррахманѣ ихъ было отъ 25 до 30 милліоновъ, — значить, втрое больше. Эта цифра основана не на пустыхъ догадкахъ, а на точныхъ статистическихъ данныхъ. Для магометанъ статистика была необходима, потому что они имѣли обыкновеніе облагать поголовною податью всѣхъ жителей не мусульманской религіи. Во владѣніяхъ Абд-Эррахмана процвѣтала торговля, а земледѣліе, горная промышленность и фабрики находились въ такомъ блестящемъ положеніи, какового они послѣ того никогда не достигали въ Испаніи. Для орошенія полей были устроены резервуары и очень

сложныя системы плотинъ, шлюзъ, трубъ и насосовъ. Законъ тщательно опредѣлялъ правила, съ которыми слѣдовало соображаться при пользованіи этою водою; въ противномъ случаѣ, при безпорядочномъ хозяйствѣ, наличная масса воды, драгоцѣнной въ сухомъ климатѣ Испаніи, могла бы оказаться недостаточною для орошенія полей. Аравитяне внесли въ Испанію рисъ, сахарный тростникъ и хлопчатую бумагу; они же насадили въ Испаніи превосходныя фруктовые сады, состоящія изъ такихъ деревьевъ, которыя до того времени еще не появлялись въ Европѣ. Ихъ же стараніями разведены тутовыя деревья и шелковичныя черви. Въ окрестностяхъ Хереса и Малаги возникли, не смотря на строгія запрещенія Корана, роскошныя виноградники, и винодѣліе было доведено до того совершенства, которое сохранилось до нашихъ временъ и разнесло по всему міру славное имя двухъ испанскихъ городовъ. Производство различныхъ тканей, гончарное дѣло, фабрикація металлическихъ вещей занимали тысячи искусныхъ рукъ и раскупались съ жадностью домашними и чужеземными потребителями. Клинки толедскихъ фабрикъ славились въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ наравнѣ съ саблями сирійскаго города Дамаска, въ которомъ надъ обработкою стали трудились также магометане. Кожевенное дѣло находилось также въ блестящемъ положеніи; въ Испаніи выдѣлывался превосходный сафьянъ; когда, въ началѣ XVII вѣка, слабоумный Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи всѣхъ мавровъ, тогда они перенесли съ собою фабрикацію сафьяна въ Марокко, и сафьянъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ сталъ называться мароканскою кожею (по французски — *maroquin*; по нѣмцки — *Marokin*; по англійски — *Marocco leather*). Скотоводствомъ испанскіе арабы занимались съ особенною любовью и съ большимъ знаніемъ дѣла; они сформировали знаменитую породу испанскихъ тонкорунныхъ барановъ или мериносовъ. О лошадяхъ и говорить нечего; извѣстно, что каждый арабъ любитъ свою лошадь, какъ лучшаго друга, страстно и восторженною любовью; съ нею онъ дѣлитъ въ пустынѣ послѣднюю горсть ячменя и послѣдній глотокъ воды; въ ея честь онъ сочиняетъ днѣфирамбы и эпопеи; каждая арабская лошадь имѣетъ свою генеалогію, и осквернить чистую арабскую кровь неблагородною примѣсью, значитъ, по мнѣнію араба, сдѣлать непростительное преступленіе. Въ цвѣтущее время магометанской культуры, арабскіе историки писали біографіи халифовъ, и въ то же время добросовѣстно описывали, для назиданія по-

томства, поучительную жизнь прославившихся лошадей и знаменитых верблюдовъ. Эта конюшенная исторія и эта берейторская поэзія, разумѣется, покажутся намъ уродливвыми и смѣшными крайностями, но мы очень сильно ошибемся, если рѣшимся сказать, что та основная страсть, изъ которой развились эти крайности, сама по себѣ неблагоприятна и бесплодна. Она благоприятна, потому что для кочевого араба лошадь составляетъ дѣйствительно незамѣнимую драгоценность. Она (т. е. страсть, а не лошадь) полезна потому, что, благодаря своей страсти, арабы развели въ Испаніи превосходную породу андалузскихъ лошадей, а всякій здравомыслящій и практическій человекъ знаетъ, конечно, какъ нельзя лучше, какое значеніе имѣетъ хорошая лошадь для самыхъ важныхъ отраслей народнаго труда. Во всякомъ случаѣ, страсть къ лошадямъ неизмѣримо полезна, чѣмъ страсть къ безпредметному искусству, а между тѣмъ, никто не смѣется надъ поклонниками этого искусства, и очень многіе смѣются надъ обожателями скачекъ и рысистыхъ бѣговъ.—Изъ всего, что я говорилъ выше, видно, что испанскіе арабы производили и могли производить множество разнообразныхъ предметовъ. Торговля ихъ была чрезвычайно обширна, тѣмъ болѣе, что въ тогдашней Испаніи было очень много евреевъ, которые вездѣ, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ обнаруживаютъ во всякихъ коммерческихъ оборотахъ изумительную сметливость, подвижность и предприимчивость. Арабы съ евреями сдружились очень скоро. Ихъ сблизило единство семитическаго происхожденія и общій религіозный догматъ строгаго монотеизма. Обширныя торговыя предпріятія велись ими съобща, компаніями, въ которыя, безъ различія вѣроисповѣданій, входили капиталисты обѣихъ національностей. У нихъ были факторіи и консулы на берегахъ Азовскаго моря и Дона; черезъ внутреннюю Азію, они поддерживали постоянныя сношенія съ Индією и съ Китаемъ; по восточному берегу Африки, они спускались на югъ, далеко за экваторъ, до острова Мадагаскара. Успѣхи торговаго дѣла обращали на себя вниманіе мыслящихъ теоретиковъ, и уже въ половинѣ X столѣтія, просвѣщенные арабы, подобные Абуль-Кассему, писали научные трактаты о разумныхъ основаніяхъ коммерческихъ оборотовъ. При такомъ положеніи страны, не мудрено, что ея повелитель, Абд Эррахманъ III, получалъ до пяти съ половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, то есть, до 37 милліоновъ рублей серебромъ годового дохода (Draper, vol II p. 42). Не трудно также согла-

ситься съ замѣчаніемъ Шлоссера, который говоритъ, что въ то время испанскій халифъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ свѣтѣ.» (Всемирная исторія. Т. V. стр. 116). Столица магометанской Испаніи, Кордова, заключала въ себѣ двѣсти двѣнадцать тысячъ зданій, не считая лавокъ и караванъ-сараевъ (постоялыхъ дворовъ), число которыхъ доходило до восьмидесяти пяти тысячъ. Въ числѣ городскихъ зданій Кордовы было шестьсотъ мечетей. «Трудно повѣрить всемъ этимъ даннымъ, замѣчаетъ Шлоссеръ, но, сравнивая старую Кордову съ большими европейскими городами нашего времени, не должно упускать изъ виду, что въ ней не было, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ, шести и семи-этажныхъ домовъ.» (Всемир. Ист. Т. V. стр. 117). Жителей въ Кордовѣ считалось болѣе милліона. Улицы этого города были вымощены камнемъ и освѣщались фонарями. Въ теченіи многихъ столѣтій, послѣ времени Абд-Эррахмана III, обитатели Лондона и Парижа тонули въ непроходимой грязи и боролись по вечерамъ съ непроницаемою тѣнотою, доставлявшею огромныя выгоды всемъ художникамъ по части кражи и грабежа. Дворецъ халифа, составлявшій цѣлую часть города, отличался сказочнымъ великолѣпіемъ, — не тою грубою роскошью, которая безъ толку громоздитъ груды золота, серебра и драгоценныхъ камней, а тѣмъ утонченнымъ и глубоко-обдуманымъ изяществомъ комфорта, которое дѣйствительно ласкаетъ и нѣжитъ чувства и до безконечности разнообразитъ наслажденія жизни. Балконы изъ полированного мрамора тонули въ тѣни апельсиновыхъ деревьевъ; каскады и фонтаны освѣжали воздухъ въ садахъ и въ комнатахъ, въ которыя проходилъ пріятный и таинственный полусвѣтъ сквозь разноцвѣтныя стекла высокихъ остроконечныхъ оконъ; въ нѣкоторыхъ комнатахъ свѣтъ падалъ сверху, пробиваясь черезъ водяную струю, текущую подъ стекляннымъ потолкомъ; стѣны и полы были украшены тонкою мозаичною работою. Лѣтомъ, искусно устроенные вентиляторы вливали въ комнаты, изъ обширныхъ цвѣтниковъ, волны свѣжаго воздуха, пропитаннаго ароматомъ рѣдкихъ и дорогихъ растений. А зимою, цѣлая система трубъ, вложенныхъ въ стѣны, проводила въ комнаты нагрѣтый и ароматическій воздухъ изъ подземныхъ сводовъ, въ которыхъ топились печи и сжигались разныя благовонныя вещества. Мебель дворца, отличавшаяся еще болѣе удобствомъ, чѣмъ красотою, была сдѣлана изъ сандалнаго и лимоннаго дерева, съ инкрустаціями изъ перламутра, слоновой

кости, серебра и золота; диваны и кушетки были обиты шелковыми матеріями; вазы изъ горнаго хрустала, этажерки, уставленныя китайскимъ фарфоромъ, и столы изъ превосходной мозаики были разставлены по комнатамъ въ изящномъ беспорядкѣ, между многочисленными мраморными колоннами, на которыя опирались своды потолка, расписаннаго блестящими и пестрыми арабесками. Въ зимнихъ покояхъ полы и стѣны были обиты мягкими персидскими коврами. Цвѣтущія растенія, привезенныя изъ далекихъ земель, дополняли свою свѣжею красотою убранство комнатъ. Горячая и холодная вода была проведена, посредствомъ металлическихъ трубъ, изъ особыхъ резервуаровъ въ мраморныя купальни; кромѣ того, купающіеся могли окачивать себя сверху искусственнымъ дождемъ различной температуры. Въ садахъ, расположенныхъ между различными строеніями дворца, цвѣты были посажены по всѣмъ правиламъ искусства, такъ, чтобы ихъ краски и ароматы не мѣшали другъ другу, а напротивъ того, сливаясь между собою въ надлежащихъ пропорціяхъ, производили на гуляющихъ самое гармоническое впечатлѣніе. Между клумбами деревъ, кустарниковъ и цвѣтовъ, между бесѣдками изъ розъ, между скамейками, вырубленными въ скалѣ, между свѣжими гротами, сложенными изъ дикаго камня, били по разнымъ направленіямъ крупныя и мелкія фонтаны, или разстилались искусственные озера, въ которыхъ кормилась рыба для халифскаго стола. Были тутъ и звѣринцы для чужеземныхъ животныхъ, и птичныя дворы для рѣдкихъ птицъ.—Въ одеждѣ испанскихъ арабовъ господствовало тоже утонченное изящество, которымъ отличались у нихъ жлица всѣхъ достаточныхъ людей. Ихъ верхнее платье дѣлалось, большею частью, изъ шелковой ткани, расшивалось пестрыми шнурами и золотомъ, и украшалось часто драгоценными камнями. Яркія краски, богатая матерія, золото, хризолиты, геацинты, изумруды и сафиры составляли страсть арабскихъ женщинъ, и какою-то любезный поэтъ ихъ націи сказалъ совершенно справедливо, что комната, въ которой собираются дамы въ своихъ блестящихъ нарядахъ, становится похожа на цвѣтущій лугъ, вспырнутый весеннимъ дождемъ. — На всю эту необузданную роскошь въ жилищахъ, въ одеждѣ, во всемъ образѣ жизни, мыслящій человекъ не можетъ смотрѣть безъ пуританскаго негодованія. Конечно, высшіе классы общества здѣсь, какъ и вездѣ, брали себѣ львиную часть изъ общей массы продуктовъ народнаго труда; но народъ не бѣд-

ствовавь, не голодалъ, не былъ давленъ непосильнымъ трудомъ и непомерными налогами. Если Абд-Эррахманъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ тогдашнемъ мѣрѣ, то можно утверждать, съ другой стороны, что и народъ его былъ самымъ счастливымъ изъ всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Для жителей Франціи, Англіи и Германіи было мало пользы отъ того, что ихъ правители жили въ какихъ-то деревянныхъ сараяхъ, безъ печей, безъ оконъ и съ простымъ отверстіемъ въ крышѣ для дыма; грязь, копоть, сырость и свозной вѣтеръ, господствовавшіе въ этихъ первобытныхъ дворцахъ, нисколько не мѣшали жителямъ быть такими жалкими, ограбленными и замученными существами, о какихъ мы теперь съ трудомъ можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, не смотря даже на то, что современный европейскій пауперизмъ можетъ доставить нашему воображенію превосходные матеріалы. Въ тогдашней Европѣ всѣмъ было скверно жить; мужикъ выбивался изъ силъ за работою и все-таки выработывалъ мало; воинъ отнималъ у мужика послѣдній кусокъ хлѣба и все-таки былъ одѣтъ въ вонючія тряпки, покрытъ чесоткою и насѣкомыми, подверженъ всякимъ болѣзнямъ, лишенъ врачебной помощи и совершенно неспособенъ доставить себѣ то, что всякій, даже самый грубый человѣкъ, называетъ наслажденіемъ. Съѣсть цѣлый окорокъ ветчины, выпить чѣть не полведра какой нибудь хмѣльной бурды, — вотъ все, что могъ сдѣлать тогдашній богатый и сильный воинъ, когда ему хотѣлось повеселить свою душу. Это все — чрезвычайно немного; ему становилось невыносимо скучно и досадно; хоть бы поколотить кого нибудь, приходило ему въ голову; и онъ колотилъ своихъ сосѣдей, топталъ крестьянскія жатвы, жегъ ихъ хижины, получалъ за всѣ эти подвиги порядочныя затрецины отъ другихъ скучающихъ рыцарей, и жизнь, такимъ образомъ, кое-какъ наполнялась впечатлѣніями. Роскоши не было, но это отсутствіе роскоши не доставляло рѣшительно никому ни пользы, ни удовольствія. Роскоши не было, но за то было очень большое озорство и безобразіе, которое было убыточнѣе самыхъ утонченныхъ затѣй Абд-Эрахмана и его придворныхъ. Арабскіе халифы кутили въ Испаніи слишкомъ семьсотъ лѣтъ, и, тѣмъ не менѣе, при взятіи Гранады, въ 1492 году, арабы были богаты, дѣятельны и предприимчивы, — значитъ, основной капиталъ народа не былъ истраченъ; умъ, характеръ и сильное тѣлосложеніе людей остались неприкосновенными; производительныя си-

лы страны также не истощались. А испанскіе короли распорядились совсѣмъ иначе: они ограбили арабовъ, ограбили мексиканцевъ, ограбили перуанцевъ, всѣми награбленными сокровищами не доставили себѣ тѣхъ удобствъ жизни, которыми пользовались халифы, и, при всемъ томъ, уже въ семнадцатомъ столѣтіи довели свое государство до совершенной нищеты, а народъ до замѣчательной степени отупѣнія. Эта поучительная параллель доказываетъ намъ, что не роскошь высшихъ классовъ общества губить и разоряетъ народъ, а умственная неподвижность, узость понятій и односторонность стремленій. Когда въ обществѣ кипитъ живая дѣятельность мысли и когда силы народа поддерживаются и развиваются разнообразіемъ труда, тогда являются неизбежно неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, накопленіе большихъ капиталовъ и, вслѣдствіе этого, немѣренная роскошь въ высшихъ слояхъ денежной аристократіи. Эти явленія вредны для благосостоянія народа, но они составляютъ зло переходное и поправимое. Болѣзнь сама приноситъ съ собою лекарство. Высшіе классы разоряются и уступаютъ мѣсто среднему сословію, болѣе образованному и трудолюбивому; изъ этого сословія выходятъ люди, обогащающіе народъ открытіями и задумывающіеся серьезно надъ положеніемъ трудящагося большинства. Эти люди поддерживаютъ и направляютъ дѣятельность народнаго ума и, благодаря ихъ усиліямъ, обиженное большинство понемногу начинаетъ вступать въ свои естественныя права.

XI.

Для испанскихъ арабовъ было бы, разумѣется, лучше, если бы Абд-Эррахманъ и его преемники строили себѣ менѣе великолѣпные дворцы. Но, для европейской цивилизаціи вообще, роскошь испанскихъ халифовъ была незамѣнимымъ благодѣяніемъ. Надо было, чтобы просвѣщеніе являлось передъ дикарями въ самомъ блестящемъ и неотразимо обаятельномъ видѣ; надо было, чтобы оно шевелило дикаря со всѣхъ сторонъ, чтобы каждая фибра грубой нервной системы дрожала въ немъ отъ зависти при видѣ недоступныхъ ему наслажденій, или отъ удовольствія, въ томъ случаѣ, когда ему удавалось подышать нѣсколько времени разнѣживающею атмосферою цивилизованной жизни. Надо было, чтобы основная мысль цивилизаціи являлась передъ дикаремъ въ самой популярной формѣ; а разумѣется, матеріаль-

ныя удобства жизни составляютъ самое наглядное и популярное изложене тѣхъ преимуществъ, которыя достаются на долю образованнаго человѣка. Доказать дикарю, что наука — вещь хорошая, что она расширяетъ умъ человѣка, облагораживаетъ его стремленія, доказать все это дикарю совершенно невозможно. Ему надо *показать*. Вотъ, молъ, любезный, посмотри, пощупай, понюхай, отвѣдай, да и соображай. — Весело было жить на свѣтѣ проклятымъ басурманамъ, и ихъ веселость нашла себѣ выраженіе въ легкой и игривой поэзіи, воспѣвавшей и красоту женщинъ, и сладость запрещеннаго вина, и всѣ радости беззаботной молодости. Эта поэзія, сама по себѣ пустая и ничтожная, и бесполезная для того народа, среди котораго она возникала, была замѣчательна, какъ новая приманка для европейцевъ, какъ новое и совершенно понятное изложене такой житейской мудрости. Веселая поэзія, какъ зараза, разлилась изъ Испаніи въ сосѣднія христіанскія земли. И въ южной Франціи, и въ сѣверной Франціи, и въ Сициліи, и въ Италиі, а потомъ и въ Германіи, и въ Англіи, вездѣ зазвучали лиры и полились пѣсни любви и грѣховныхъ помысловъ о разныхъ мірскихъ наслажденіяхъ. «Въ монастыряхъ, говоритъ Дреперъ, голоса, произнесшіе объѣтъ цѣломудрія, запѣли тайкомъ такіе романсы, которые врядъ ли были бы одобрены Св. Иеронимомъ; много было здоровыхъ аббатовъ, которые, подобно веселымъ грѣшникамъ Хереса и Малаги, умѣли восхвалять игривыми куплетами прелести женщинъ и вина, не смотря на то, что одинъ ихъ этихъ предметовъ составлялъ запрещенный плодъ для магометанина, а другой для монаха. Солидные сѣдые бороды Кордовы уже давно просили главнаго судью запретить пѣсни испанскаго еврея, Абраама Ибнъ-Сагала, потому что не было въ городѣ юноши, женщины или ребенка, которые не могли бы повторить ихъ наизусть. Ихъ безнравственныя тенденціи составляли публичный скандалъ. Легкая веселость Испаніи отразилась и въ болѣе грубыхъ привычкахъ сѣверныхъ странъ. Уже въ десятомъ столѣтіи, люди, имѣвшіе склонность къ книжному ученію или къ блестящимъ общественнымъ удовольствіямъ, находили себѣ дорогу въ Испанію изъ всѣхъ сосѣднихъ земель» (Vol. II р. 34.). Вся эта поэзія трубадуровъ, труверовъ миннезингеровъ, разумѣется, плавала очень мелко, но, не смотря на ея совершенную безбидность, историческое значеніе этой поэзіи, родившейся на басурманской почвѣ, чрезвычайно важно въ двухъ отношеніяхъ. Въ этой поэзіи

въ первый разъ, со временъ классической древности, выразилась свѣжая, могучая и неистребимая любовь человѣка къ жизни. Голосомъ своихъ простодушныхъ пѣвцовъ, несчастный средневѣковой человѣкъ въ первый разъ заявилъ громко и ясно, что ему все-таки хочется жить, не смотря на то, что его бьютъ и грабятъ. И дѣйствительно, наслажденіе облагородилось, какъ только оно перестало прятаться въ темныхъ углахъ. Грубое пьянство превращается поемногу въ веселое пированіе, оживленное остроумными шутками и застольными пѣснями, а животная чувственность, оскорблявшая и даже тиранившая женщину, уступаетъ мѣсто рыцарской страстности, сладкой, болтливой и пѣвучей, очень смѣшной въ своихъ проклятіяхъ, но, по крайней мѣрѣ, уже относившейся совершенно неодобрительно къ стеганію любимаго предмета плетью или къ трепанью его по щекамъ. А тогда и за это надо было говорить спасибо. Въ наше время пѣсни о винѣ и поцѣлुяхъ ни на что ненужны. Когда всѣ образованные люди вѣрують въ прогрессъ, то есть, въ неистощимую творческую силу жизни, тогда нѣтъ никакой надобности будить въ обществѣ любовь къ жизни. Вся наша наука и вся наша практическая дѣятельность цѣликомъ основаны на этой любви. Намъ не зачѣмъ говорить другъ другу: «я хочу жить,» потому что это и безъ того видно и всякому извѣстно, и само собою разумѣется. Но въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ было совсѣмъ не то. Свѣтлая и естественная вѣра въ жизнь была подорвана страданіями и завѣшена чернымъ репомъ суевѣрія. Люди X-го вѣка были серьезно убѣждены въ томъ, что въ 1000 году произойдетъ свѣто-преставленіе. Въ то самое время, когда Абд-Эррахманъ III и Гакемъ II пили полную чашею всѣ наслажденія, доступныя смертному, сосѣди ихъ, предки нынѣшнихъ Французовъ, собирались хоронить заживо себя и все человѣчество, и весь грѣховный міръ. Не было у тогдашнихъ людей надежды впереди, не было и бодрости, не было, стало быть, и возможности дѣйствовать благоразумно и цѣлесообразно. Но 1000-ый годъ прошелъ безо всякаго особеннаго переворота, и въ это время, когда люди увидѣли необходимость жить и работать обыкновеннымъ порядкомъ,—было особенно полезно произнести громко и смѣло, пропѣть весело и увлекательно, на разные голоса и съ безчисленными вариациями, великія и простыя слова: «я хочу жить.» Эта мысль, засѣвши въ народную память и пропигнувъ глубоко въ народное сознаніе, составила ту необходимую

канву, по которой было вышито впоследствии много блестящих и превосходных узоровъ. Я хочу жить. Мое желаніе совершенно естественно и нисколько не предосудительно. Я имѣю право жить. Я имѣю право украшать и разнообразить жизнь удовольствіями. Я имѣю право устроить ее удобно и приятно. Я имѣю право считать удобнымъ и приятнымъ то, что *мнѣ самому* нравится. Я имѣю право размышлять о томъ, что можетъ доставить мнѣ удобства и приятности. Я имѣю право размышлять обо всемъ. — Вотъ какіе узорчики вышила понемногу человѣческая мысль на простой канвѣ, данной ей павнымъ выраженіемъ того животнаго инстинкта, который называется чувствомъ самосохраненія. Поэзія трубадуровъ была первымъ проблескомъ того умственнаго движенія, которое породило Лютера, а потомъ, разгораясь съ каждымъ десятилѣтіемъ сильнѣе и сплынѣе, проникло во все сферы науки и жизни. Не трубадуры выдумали ту мысль, которая составляетъ основу ихъ поэзіи, но они прокричали, прозвонили эту мысль на всѣхъ перекрѣткахъ, а это — важная услуга. Началось же это веселое пробужденіе средневѣковаго человѣчества въ южной Франціи, потому что она лежитъ рядомъ съ Испанією и потому что прелесть поганаго басурманства оказались ужъ чѣрезчуръ соблазнительными. Веселый и легкомысленный тонъ пѣсней трубадуровъ не понравился безчисленнымъ представителямъ и агентамъ римскаго двора. Обскурантамъ было невыгодно, чтобы народъ веселился, потому что чело-вѣкъ, подавленный горемъ и страхомъ, подчиняется суевѣрію гораздо полнѣе, чѣмъ чело-вѣкъ, способный балагурить и смѣяться. Обскурантамъ стали тѣснить странствующихъ пѣвцовъ; стали гнѣваться; пѣвцы стали изподтишка метить имъ насмѣшками. Народу пришлось такимъ образомъ колебаться между тѣмъ, чего онъ привыкъ бояться, и тѣмъ, что доставляло ему непосредственное удовольствіе. Такая борьба можетъ длиться цѣлыя столѣтія, но она всегда оканчивается побѣдою живаго инстинкта надъ искусственною привычкою: рано или поздно, люди непременно идутъ не туда, куда имъ велѣно идти, а туда, куда ихъ тянетъ собственное желаніе. На легкія сатиры трубадуровъ и труверовъ обскуранты отвѣчали часто палочными ударами и уголовными наказаніями; борьба, повидимому, была невыгодна для пѣвцовъ, но ихъ пѣсни, какъ дождевыя капли, медленно размягчали ту сухую кору, подъ которою долго были затаены живыя силы наоднаго ума, и силы эти, подъ влияніемъ различныхъ внѣшнихъ и

внутреннихъ, предъ нами, наконецъ начали разсвѣтываться. Сатра, побѣда и слабая въ своемъ младенчествѣ, побѣдила сѣрихъ сильныхъ и суровыхъ враговъ, хотя и раумѣеяся, и на трубадуры, и на тогдашніе агенты римскаго двора, ии тогдашній народъ, не могли даже представить себѣ, что такая побѣда возможна. — Сатирическій характеръ, истраченный въ поэзію труверовъ и трубадуровъ, составлялъ, такимъ образомъ, вторую важную сторону ихъ историческаго значенія. Сначала трубадуръ говорилъ просто: «я жую» жияъ», но потомъ ему пришлось прибавить: «а вы, книжники и фарисеи не забывайте, импѣ, жиять». Народъ слушалъ эти пѣсни, и его естественный здравый смыслъ подсказывалъ ему, сначала робко, а потомъ смѣло и амѣло, что въ желаніяхъ трубадура нѣтъ ничего предосудительнаго, кетатомъ даже, точно такія же желанія высказывались, но дугстороню ниренейскихъ горъ, смуглыми пѣвицами, принадлежавшими къ европейской или къ арабской національности. Веселая иерсія, простодушная и безсознательно стремилась сглаживать или смягчать тѣ международныя антипатіи, изъ которыхъ падекій обскурантизмъ старался, напротивъ того, выковать себѣ надежное оружіе для истребленія: вѣхъ иновѣрцевъ, еретиковъ и индифферентистовъ.

XII.

Всѣ чудеса арабской роскоши были построены на прочномъ фундаментѣ глубокаго и многосторонняго знанія. Въ X и XI столѣтіи умственная дѣятельность кипѣла на всемъ прострѣствѣ тогдашняго магометанскаго міра. Отъ предѣловъ Индіи и Татаріи, говоритъ Шюссеръ, до внутренней Африки, Сициліи и Испаніи появился цѣлый рядъ разсадниковъ высшей образованности. Благодаря легкой связи сообщенія, они находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ и связи между собою. У аравитянъ уже въ самую славную эпоху Аббасидовъ (въ IX столѣтіи) были хорошія дороги съ каравансараями или гостиницами; въ пустыняхъ поддерживались источники, и еще со времени халифа Муави (661-680) были учреждены почты. Кроме того, правительство содержало пѣшихъ казенныхъ курьеровъ, которые отиравлялись чрезъ каждые восемь или десять дней и проходили по десяти нѣмецкихъ миль въ сутки (по семидесяти верстѣ). — Частныя лица учились или преподавали по очереди въ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ династій, и, не взирая на вражду

ижду владѣтелями, великіе ученые находили повсюду почетъ и покровительство. Во всѣхъ значительныхъ городахъ были устроены библиотеки, которыя своимъ богатствомъ могли поспорить съ новѣйшими. Повсюду проявлявшееся уваженіе къ образованію и учености содѣйствовало распространенію поразительной у магометанъ вѣротерпимости. Такъ, напримѣръ, почти всѣ придворные врачи были огнепоклонники, и той же религіи принадлежалъ и секретарь двухъ первыхъ эмировъ изъ саввианъ Бундовъ, не только писавшій всѣ ихъ декреты, но и завѣдывавшій ихъ частною корреспонденціею.» (Всем. ист. Т. V Стр. 175, 176.) «Вышнія училища и обсерваторіи Бухары и Самарканда, говорить далѣе тотъ же историкъ, вошли въ сношенія съ учеными учреждениями Александріи и Дамаска, и на основаніи ихъ наблюденій и вычисленій были составлены персидскія таблицы, оставшіяся краеугольнымъ камнемъ магометанской астрономіи до самаго пятнадцатаго вѣка.» (Стр. 181.) «Багдатскій халифъ Аль-Мамунъ, (813—833), говорить Дренеръ, въ письмѣ къ византійскому императору Феофилу, выражалъ свое желаніе посѣтить Константинополь, если не встрѣтитъ препятствій со стороны своихъ общественныхъ обязанностей. Онъ просилъ его позволить греческому математику Льву пріѣхать въ Багдаты, для того, чтобы подѣлиться съ нимъ, Аль-Мамуномъ, своими познаніями; халифъ обязывается притомъ своимъ честнымъ словомъ доставить ученаго обратно въ совершенной сохранности. «Пусть различіе религіи или національности, пишетъ онъ, не заставляють васъ отвергнуть мою просьбу. Сдѣлайте то, въ чемъ дружба не отказала бы другу. Въ замѣвъ того, я предлагаю вамъ сто фунтовъ золота, вѣчный союзъ и миръ.» Феофилъ угрюмо и дерзко отклонялъ эту просьбу, говоря, что ученость, прославившая римское имя, никогда не сдѣлается достояніемъ варвара.» (VoI. II p. 39.) Однако, *варвары*, при томъ же самомъ Мамунѣ, опередили грековъ въ астрономіи и геометріи, какъ это видно изъ ихъ тогдашнихъ стараній опредѣлить математически величину земного шара. «Удивительное измѣреніе, говорить Шлоссеръ, градуса широты въ Санджарской пустынѣ было произведено въ присутствіи Мамуна извѣстными математиками, сыновьями Музы, Мухаммедомъ, Хосайномъ и Акмедомъ, и для точности повторено еще разъ. Мамунъ собралъ мастеровъ для изготовленія астрономическихъ инструментовъ и устроилъ въ Шемасіи, близъ Багдаты, обсерваторію. Здѣсь было по-

лощено начало наблюдений и вычислений, которые впоследствии принадлежали и пополнялись во всех частях средневѣковой имперіи арабѣвъ. Они послужили для составленія тѣхъ таблицъ движенія небесныхъ тѣлъ, безъ которыхъ Пеплеръ и Ньютонъ не могли бы основать новайшей астрономіи.» (Т. V. Стр. 199.) «Въ то время, когда въ Римѣ, говоритъ Дреперъ, господствовало, во всей своей цѣлостности, мнѣніе о плоской формѣ земли, испанскіе арабы, въ своихъ элементарныхъ школахъ, преподавали географію по *албукаси*. Въ Аоритѣ, въ напсской библіотекѣ, магометане берегли, почти съ религиознымъ уваженіемъ, одинъ бронзовый глобусъ, который, какъ они думали, принадлежалъ нѣкогда великому астроному Птоломею.» (Vol. II. p. 40.) «Въ то время, говоритъ Шлоссеръ, когда народъ латинскаго племени не имѣлъ еще ни одной порядочной библіотеки, и всего два университета, заслужившіе это имя, въ Испаніи считалось до семидесяти большихъ библіотекъ, со многими тысячами томовъ, и до шестнадцати высшихъ учебныхъ заведеній.» (Т. V. Стр. 207.) При каждой мечети, говоритъ Дреперъ, была устроена публичная школа, въ которыхъ *дети бедныхъ людей* учились читать и писать и знакомились съ предписаніями Корана. Для болѣе достаточныхъ классовъ существовали академіи, въѣщавшія съ собою обыкновенно 25 или 30 отдѣленій, при чемъ каждое отдѣленіе было устроено для четырехъ студентовъ; вся академія находилась подъ управленіемъ ректора. Въ Кордовѣ, въ Гранадѣ и въ другихъ большихъ городахъ существовали университеты, которыми часто управляли евреи; магометане держались того правила, что дѣльная ученость человека имѣетъ болѣе важное значеніе для успѣхованій, чѣмъ его личныя религиозныя мнѣнія.... Въ университетахъ профессора изящной словесности читали лекцію о классическихъ арабскихъ произведеніяхъ; другіе преподавали риторику или поэтику, или математику, или астрономію, или другія науки. Отъ этихъ учрежденій заимствованы многіе обычаи, существующіе до сихъ поръ въ нашихъ коллегіяхъ. Въ началѣ учебнаго года, они, подобно намъ, устраивали торжественныя собранія, на которыхъ, въ присутствіи публики, читались поэмы и произносились рѣчи. Кроме этихъ обще-образовательныхъ училищъ, у нихъ были еще спеціальныя школы, въ особенности для изученія медицины.» (Vol. II. p. 35.) «Многіе ученые посвящали себя основательному изученію языковъ; они составляли лексиконы арабскіе, греческіе, латинскіе, еврейскіе; одинъ арабскій лексиконъ заклю-

часть пятидесятых десяти тысячъ годовъ, и потому, не будучи словоупотребительницей, ищагами и видъ классическихъ арабскихъ писателей. Блавади Аль-Фараби, составленный въ началъ одиннадцатаго вѣка, и до сихъ поръ считается у европейскихъ ориенталистовъ важнымъ пособіемъ при изученіи арабскаго языка, замѣчательнаго по своему богатству и по своей трудности. Въ магританской Испаніи образованіе распространилось и на женщинъ. «Замѣчательнымъ и несомненнымъ явленіемъ въ восточныхъ народахъ, говоритъ Шоссартъ, было то, что у испанскихъ аравитанъ женщины также получали образованіе: см. *учебника: *l'aveil de l'islam**. Некоторые изъ нихъ писали даже стихи, и некоторые учились въ школахъ и некоторые надписывались на стѣнахъ бамболова дворца Абд-Эррамана.» (Т. V. Стр. 112.). Дима, любимая суженница Гама II, известна двоими историческими и поэтическими сочиненіями; кромѣ того, намъ извѣстенъ цѣлый рядъ знаменитыхъ испанско-арабскихъ писательницъ.» (Т. V. Стр. 206.). Дреперъ, число этихъ писательницъ называетъ Веледу, Аіашу, Хабану и Алгасанію; онъ прибавляетъ къ этому замѣчанію, что некоторыя изъ нихъ были дочери халифовъ. Еще любопытнѣе то обстоятельство, что въ Испаніи были женщины, занимавшіяся медициною и хирургією; эти медики женскаго пола дѣлали [надъ женщинами тѣ] операціи, при которыхъ страдаетъ стыдливость пациентки. Объ этомъ говоритъ Дреперъ на стр. 38 второго тома, ссылаясь при этомъ на свидѣтельство арабскаго врача, Альбукази, жившаго въ Кордовѣ. — По обширности своего распространенія и по своей энергіи, умственное движеніе, господствовавшее во всемъ магританскомъ мірѣ отъ IX-го до XIII-го столѣтій, далеко превосходитъ все, что представляетъ намъ въ этомъ отношеніи классическая древность. У Арабовъ не было, можетъ быть, такихъ титановъ, какъ Аристотель и Архимедъ, но за то, числомъ своихъ замѣчательныхъ ученыхъ, равносѣйно ихъ грудочка практическимъ знаніемъ ихъ дѣятельности, обиліемъ ихъ открытій, арабы далеко оставили за собою древнихъ грековъ. Геніальный человекъ есть все-таки снахливая случайность. Рожденіе Аристотеля или Архимеда вовсе не зависѣло отъ тѣхъ обихъ причинъ, дождь вліяніемъ которыхъ выработались гдическія особенности греческой цивилизаціи. Отець Архимеда могъ умереть въ молодыхъ лѣтахъ или жениться на какой-нибудь дурѣ, и тогда легко могло бы случиться, что многія открытія, сдѣланныя Архимедомъ, были бы сдѣланы гораздо позднѣе, усиліями многихъ обыкновенныхъ рабочихъ

ковъ. Тогда не было бы того ослѣдительнаго блеска, который сосредоточивается вокругъ одного великаго имени; если мы, такимъ образомъ, раздѣляемъ на мелкую монету всѣхъ великихъ людей древней Греціи, если мы оставимъ совершенно въ сторонѣ обаятельную красоту блестящихъ личностей и обратимъ все наше вниманіе исключительно на число вѣковъ и на массу сдѣланной работы, словомъ, если мы скажемъ: греческій міръ прожилъ столько-то времени, и принесъ столько-то прочной пользы, арабскій міръ прожилъ столько-то, и принесъ столько-то, — то окажется въ результатѣ, что арабы прожили меньше, а сдѣлали больше. Этотъ результатъ и показываетъ намъ, что энергія умственнаго движенія, находящаяся въ прямой связѣ съ обширностью его распространенія, въ арабскомъ мірѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ въ греческомъ. У грековъ была всего только одна яркая, свѣтящаяся точка — александрійскій музей; у арабовъ такія точки считаются десятками, и онѣ были разсыпаны на всемъ громадномъ пространствѣ, лежащемъ между Татаріею и Атлантическимъ океаномъ. Каждая изъ этихъ точекъ была помельше александрійскаго музея; но всѣ онѣ, въ общей сложности, были гораздо больше. Кроме того, десять небольшихъ ученыхъ обществъ гораздо лучше, чѣмъ одно большое. Одно общество, совершенно изолированное отъ другихъ, неизбежно погружается въ филистерство и превращается въ муравейникъ, въ которомъ отдѣльные муравьи славятъ и превозносятъ другъ друга. Является кумовство. «Кукушка хвалитъ цѣтуха, за то, что хвалитъ онъ кукушку.» При существованіи многихъ отдѣльныхъ обществъ, является, напротивъ того, живой общій мыслей, бдительный контроль другъ надъ другомъ и сильное соперничество. Ученымъ некогда заснуть, потому что въ такомъ случаѣ они отстанутъ отъ общаго движенія идей, и ихъ загрызутъ, не на животъ, а на смерть, болѣе дѣятельные ученые, принадлежащіе къ другимъ обществамъ и, стало быть, не связанные съ лежебоками узами служебнаго кумовства. Наконецъ, для арабскихъ ученыхъ было чрезвычайно полезно то, что они принуждены были много путешествовать, чтобы учиться у знаменитыхъ профессоровъ, жившихъ въ различныхъ пунктахъ магометанскаго міра. Для умнаго, наблюдательнаго человека путешествіе полезнѣе многихъ десятковъ хорошихъ книгъ; путешествіе составляетъ превосходный противовѣсъ тому исключительно книжному и теоретическому направленію, въ которое очень

легко и охотно впадают ученые всѣхъ вѣковъ и народовъ. Во время своихъ путешествій, арабскіе ученые сталкивались съ людьми всякаго разбора, съ политиками, съ чиновниками, съ военными авантюристами, съ сельскими хозяевами; они приглядывались къ ихъ образу мыслей, къ ихъ нуждамъ, къ ихъ дѣловой смѣтливости, къ ихъ ремесленнымъ знаніямъ, и всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, всѣ эти сопркосновенія съ текущею жизнью вливали въ арабскую науку тотъ здоровый, практическій и прикладной характеръ, который рѣзко отличаетъ ее отъ науки древнихъ грековъ. Арабы писали много по статистикѣ, по топографіи, по агрономіи, по фармакологіи, по акушерству. Арабскіе ученые пользовались уваженіемъ, не только со стороны правительства, но и со стороны народа. Между магометанами всѣхъ соловій были въ ходу нѣкоторыя поговорки, ясно показывающія взглядъ народа на ученую дѣятельность. Напримѣръ: «чернила ученаго также драгоценны, какъ кровь мученика.» — «Рай принадлежитъ одинаково тому, кто честно дѣйствовалъ перомъ, и тому, кто убить непріятельскимъ мечомъ.» — «Весь міръ держится на четырехъ вещахъ: на учености мудраго, на справедливости сильнаго, на молитвѣ добраго и на мужествѣ храбраго.» — Всѣмъ подобнымъ изрѣченіямъ арабы приписывали очень почтенное и даже полу-религіозное происхожденіе; они говорили, что такія слова произнесъ или какой нибудь великій халифъ, или какой нибудь личный другъ и товарищъ пророка. Зятю Магомета, халифу Али, приписывается много нравственныхъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ также относятся къ дѣятельности ученыхъ съ величайшимъ уваженіемъ. Напримѣръ: «Ученая знаменитость выше всѣхъ почестей.» — «Тотъ не умираетъ, кто отдаетъ жизнь наукѣ.» — «Величайшее украшеніе человѣка есть ученость.» — Арабскій народъ не осуждалъ своихъ Анаксагоровъ на смерть, не называлъ своихъ Демокритовъ сумасшедшими, не собирался побивать своихъ Эсхиловъ камнями и не подносилъ своимъ Сократамъ чаши съ ядомъ. Это обстоятельство дѣлаетъ одинаковую честь, какъ умному народу, такъ и практически-дѣльнымъ ученымъ. Связь между наукою и жизнью была у арабовъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ у грековъ, и этимъ объясняется значительная плодотворность арабской науки. Конечно, политическая жизнь арабовъ была совершенно неразвита, и наука нисколько не успѣла подчинить ее своему влиянію. Но спрашивается, гдѣ же и когда же на успѣла это дѣлать? До сихъ поръ политива вездѣ шла ошу-

пью и валила через пень колоду.—Ужь не знаменитое ли английское равновѣсіе трехъ властей составляетъ торжество науки? Такихъ торжествами лучше было бы и не хвастаться. Еще въ одномъ отношеніи арабская цивилизація была счастливѣе греческой. У арабовъ гораздо меньше умственныхъ силъ превращалось въ пустоцвѣтъ. Живопись и скульптура для арабовъ были совершенно закрыты, потому что Коранъ строго запретилъ своимъ поклонникамъ изображать людей и животныхъ. Передовые люди очень скоро переросли Коранъ, но, такъ какъ художнику необходима публика и такъ какъ публика продолжала уважать книгу Магомета, то живописцамъ и скульпторамъ невозможно было распушить крылья. Для украшенія стѣнъ и потолковъ употреблялись разные фестоны, камки и завитушки, извѣстные подъ названіемъ *арабесковъ*. Эта уцѣлѣвшая частица живописи была, очевидно, такъ узка и бѣдна, что сильные таланты никакъ не могли посвящать себя этой отрасли дѣятельности. Поэтому, тѣ прекрасныя силы, которыя у Грековъ уходили въ пластическое искусство, у Арабовъ цѣлкомъ сохранялись для науки. Если же мнѣ кто нибудь замѣтитъ, что великій художникъ, по самому складу своего ума и темперамента, не можетъ сдѣлаться великимъ ученымъ, то я, въ отвѣтъ на это неосновательное возраженіе, назову только два имени: Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело. Оба они принадлежать къ числу величайшихъ живописцевъ въ мірѣ, но первый былъ, кромѣ того, величайшимъ механикомъ и инженеромъ, а второй величайшимъ архитекторомъ своего времени. А въ архитектурѣ одною силою фантазіи не много возьмешь. Дѣйствовать въ ней ошупью тоже невозможно. Тутъ надо все заранѣе вычислить, размѣрить и предусмотрѣть. Стало быть, если Микель-Анджело могъ быть великимъ въ архитектурѣ, то онъ могъ быть такимъ же великимъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ прикладной математики. О Леонардо-де-Винчи и говорить нечего. Дреперъ ставитъ его рядомъ съ Архимедомъ. Слѣдовательно, Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело совершили бы много великихъ подвиговъ въ наукѣ, если бы они не тратили своего драгоценнаго времени на картины и статуи. Запрещеніе Корана неразумно, въ этомъ никто не сомнѣвается, но въ данномъ случаѣ оно принесло арабамъ пользу. Въ заключеніе этой длинной главы объ арабской наукѣ, постараюсь представить короткій списокъ тѣхъ услугъ, которыя оказаны арабами европейской цивилизаціи. Само собою разумѣется, что въ этотъ

списокъ войдутъ только такіе предметы, которыхъ значеніе будетъ совершенно понятно для читателя. — *По математикѣ.* Онъ ввелъ въ общее употребленіе тѣ цифры, которыя до сихъ поръ называются *арабскими*; самое слово цифра принадлежитъ арабскому языку. По арабски *муфра* значить пробѣлъ, пустое мѣсто. Этими именемъ арабы называли *муль*, и у англичанъ слово *cipher* до сихъ поръ употребляется въ этомъ смыслѣ. Не сами арабы выдумали эту нумерацию, но они заимствовали ее у индѣйцевъ, и принесли ее въ Европу. Если хотите оцѣнить всю важность этой услуги, попробуйте сдѣлать *римскими* цифрами самое простое умноженіе или дѣленіе. Тогда сами увидите и почувствуете. — Арабы создали *алгебру*, которая своимъ именемъ до сихъ поръ обнаруживаетъ свое арабское происхожденіе. Въ наше время открыта, правда, книга грека Диофанта, доказывающая, что алгебра родилась у грековъ, но очевидно, что на труды греческихъ математиковъ эта наука имѣла очень мало вліянія; стало быть, если арабы не сами создали первую мысль объ алгебрѣ, то, во всякомъ случаѣ, они дали этой мысли полное и стройное научное развитіе. *По астрономіи.* Мы уже видѣли выше, что астрономическія таблицы, составленныя арабскими учеными по вычисленіямъ и наблюденіямъ, производившимся на арабскихъ обсерваторіяхъ, послужили основаніемъ для великихъ открытій Кеплера и Ньютона. *По механикѣ.* Арабскій ученый Ибнъ-Юнсъ первый приложилъ маятникъ къ измѣренію времени. *По физикѣ.* Аль-Газенъ положилъ основаніе современной оптики. Греки думали, что лучи свѣта выходятъ изъ нашего глаза и направляются къ тѣмъ предметамъ, на которые мы смотримъ. Аль-Газенъ, жившій въ началѣ XII вѣка, доказалъ, что, напротивъ того, лучи идутъ отъ свѣтящагося предмета къ глазу, что изображение предмета отпечатывается на сѣтчатой оболочкѣ, и оттуда, черезъ оптический нервъ впечатлѣніе передается мозгу. Тотъ же Аль-Газенъ знаетъ, что лучъ свѣта преломляется въ воздухѣ; онъ знаетъ дальѣе, что плотность атмосферы возлѣ самой поверхности земли значительнѣе, чѣмъ въ отдаленіи отъ земли; онъ знаетъ, что плотность эта уменьшается, по мѣрѣ того, какъ разстояніе отъ земли увеличивается, и что, вслѣдствіе этого, лучъ свѣта, проходящій черезъ атмосферу, описываетъ кривую линію. Онъ измѣряетъ математически высоту атмосферы и находитъ, что она равняется $58\frac{1}{2}$ милямъ. Одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ ученыхъ, Рожеръ

Беконъ, жившій въ XIII вѣкѣ, замѣтилъ въ своемъ оптическомъ открытіи у Аль-Гарена, а тамъ, гдѣ онъ расходится съ арабами, тамъ онъ начинаетъ врать. На имени Джафаръ, жившій въ концѣ VIII столѣтія, открылъ селитряную кислоту и парную воду. До него люди не знали болѣе сильной кислоты, чѣмъ крайній уксусъ. «Его имя говорить Дреперъ, незабвенно въ химіи, потому что оно означаетъ собою въ развитіи этой науки эпоху одинаковой важности съ эпохою Пристли и Лавуазье... Для насъ существованіе химіи безъ кислотъ совершенно немыслимо.» (vol. I. p. 398). Разсѣлъ, въ IX столѣтіи, приготовилъ серную кислоту. Бемилъ добылъ фосфоръ. До медицины и хирургіи. Множество лекарственныхъ составовъ было впервые приготовлено арабскими аптекарями. Фармакологія до сихъ поръ употребляетъ много арабскихъ словъ; напримеръ, сиропъ, ядъ, элекваръ. Многія важныя операціи по хирургіи и по акушерству введены въ употребленіе арабами. Ножомъ и валеиномъ желѣзомъ арабы дѣйствовали очень рѣшительно и искусно. Наконецъ, надъ назвать еще три открытія, имѣющія чрезвычайную важность для практической жизни: во-первыхъ — огнестрѣльное оружіе; во-вторыхъ — компасъ; въ-третьихъ — бѣлье. Мы привыкли думать, что порохъ выдуманъ нѣмцемъ, Бертольдомъ Шварцомъ, и что свойства намагниченной стрѣлки открыты въ итальянскомъ городѣ Амальфѣ, но Дреперъ утверждаетъ положительно, что и порохъ и компасъ созданы арабами. (vol. II. p. 42). Употребленіе бѣлья было неизвѣстно древнему міру. Полудиніе германца также не имѣли о немъ понятія; они носили звѣриныя шкуры, а потомъ стали шить себѣ платье изъ выдѣланной кожи. Отсутствие бѣлья производило, разумѣется, значительную нечистоплотность, которая, въ свою очередь, вела за собою множество мучительныхъ жакожныхъ болѣзней и, между прочимъ, знаменитую средневѣковую *проказу*. Выучивъ европейцевъ употреблять бѣлье, арабы оказали имъ неоцѣненную услугу; Въ европейскихъ языкахъ сохранились слѣды этого историческаго факта. Французскія слова *chemise* (рубашка) и *colon* (хлопчатая бумага) взяты изъ арабскаго языка.

XIII.

Въ интеллектуальномъ отношеніи, вся исторія среднихъ вѣковъ представляетъ собою продолжительную, унорную, многосложную и

разнообразную въ своихъ проявленіяхъ борьбу между римскимъ обскурантизмомъ и наукою. Я брошу теперь бѣглый взглядъ на нѣкоторые эпизоды этой интересной и чрезвычайно драматической борьбы. Въ первой половинѣ X вѣка, одинъ юноша, воспитывавшійся въ орильякскомъ аббатствѣ, въ провинціи Оверни, обратилъ на себя вниманіе Бореля, графа барселонскаго. Отправляясь изъ Франціи въ сѣверную Испанію, принадлежавшую въ то время наслѣдникамъ Карла Великаго, Борель взялъ съ собою молодого орильякскаго монаха, котораго звали Гербертомъ. Гербертъ сталъ учиться математикѣ, астрономіи и медицинѣ. Онъ отправился путешествовать по всей Испаніи, жилъ нѣсколько времени въ Кордовѣ, гдѣ царствовалъ тогда знаменитый халивъ Абд-Эррахманъ III, выучился арабскому языку, слушалъ лучшихъ тамошнихъ профессоровъ и на всю жизнь привязался всѣми силами своей страстной и даровитой природы къ той великой цивилизаціи, которая такъ великодушно приняла, обласкала и надѣлила полезными знаніями его, иностранца и иноувѣрца. Изъ Испаніи онъ, вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, Берелемъ, поѣхалъ въ Римъ, гдѣ находился въ то время императоръ Оттонъ Великій. Гербертъ поправился Оттону, умѣвшему цѣнить въ людяхъ умственные способности и основательныя знанія. Оттонъ сталъ давать Герберту нѣкоторыя порученія, требовавшія большого искусства. Гербертъ исполнялъ ихъ безукоризненно и, въ награду за свою расторопность былъ назначенъ аббатомъ въ Боббіо. Итальянскіе монахи не влюбили его, отчасти за то, что его назначилъ на это мѣсто пѣмецъ Оттонъ, отчасти оттого, что онъ самъ былъ родомъ французъ, водилъ хлѣбъ соль съ магометанами и обладалъ такими знаніями, о которыхъ монахи его боялись даже подумать. Разными ежедневными неспрiятностями почтенные иноки Баббіо такъ съумѣли насолить своему аббату, что тотъ бросилъ все и опротивѣвъ бѣжалъ изъ своего аббатства, сначала въ Римъ, а потомъ во Францію, въ городъ Реймсъ. Въ Реймсѣ существовало училище, основанное, вѣроятно, при Карлѣ Великомъ; тутъ преподавались не только богословіе и то, что называлось тогда философіею, но и кое-какія дохмоты реальныхъ наукъ. Гербертъ съ удовольствіемъ пристроился къ этому училищу, тѣмъ болѣе, что въ числѣ наставниковъ были честные и неглупые люди, которые добросовѣстно оцѣнили умъ, знаніе и усердіе скитающагося аббата. Архіепископъ реймскій, Адельберонъ, бывшій въ то время канцле-

ромъ французскаго короля, также полюбилъ Герберта и скоро назначилъ его директоромъ реймскаго училища. Гербертъ съ большою энергіею принялся за свое любимое дѣло, за распространеніе и оживленіе любви къ научнымъ занятіямъ. Онъ старался подѣлиться съ своими учениками всѣмъ, что онъ пріобрѣлъ въ Испаніи. Онъ преподавалъ музыку, арифметику, геометрію, медицину, высшую грамматику, написалъ популярный учебникъ риторики, собиралъ вѣрные списки произведеній древнихъ писателей и распространялъ ихъ во множествѣ копій. Онъ ввелъ въ своемъ училищѣ употребленіе арабскихъ цифръ и сталъ преподавать географію по глобусу, вывезенному имъ изъ его возлюбленной Кордовы. Глобусъ возбуждалъ всеобщее удивленіе, но ни свѣтское, ни духовное начальство не мѣшало Герберту употреблять его при своемъ преподаваніи. Франція въ этомъ отношеніи была не такъ разборчива, какъ Италія. Въ Италіи глобусъ былъ бы непремѣнно запрещенъ, какъ басурманское нововведеніе, совершенно несогласное съ мыслями Августина и Лактанція о видѣ земли и о невозможности антиподовъ. Но и въ Реймсѣ на Герберта смотрѣли съ какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ, похожимъ на страхъ. О немъ сохранились слухи, что онъ смотрѣлъ на звѣзды черезъ какія-то особенныя трубы, что онъ состроилъ часы, что онъ придумалъ органъ, приводившійся въ движеніе посредствомъ пара. — Всѣмъ средневѣковымъ ученымъ приписывалось обыкновенно такое множество изумительныхъ изобрѣтеній, у каждаго изъ этихъ людей ихъ современники видѣли столько небывалыхъ и даже невозможныхъ снарядовъ, инструментовъ и машинъ, что, читая подобные рассказы, историкъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается игра воображенія. Иное, пожалуй, и возможно, но было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, это рѣшить очень мудрено. На счетъ Герберта достовѣрно, во всякомъ случаѣ, то, что, живя въ Реймсѣ, онъ сильно подѣйствовалъ на умы своихъ современниковъ. — При вступленіи на престолъ Гуго Капета, французское духовенство, начинавшее уже сознавать свою національную самостоятельность, повздорило съ папою, желавшимъ, по обыкновенію, вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ католическихъ государствъ. Епископъ орлеанскій произнесъ очень смѣлую рѣчь на соборѣ французскаго духовенства въ Реймсѣ. Рѣчь эта была написана Гербертомъ, скромнымъ и ученымъ директоромъ реймскаго училища. Въ этой рѣчи заключались сильныя упреки противъ римскаго невѣжества: «Нѣтъ въ

Видишь ли одного чедовѣка, говорилъ епископъ, что это известно? — Кто-то былъ обладавъ достаточными свѣдѣніями, чтобы быть порядочнымъ привратникомъ. Съ какого же права осмѣливается! учить другихъ то, что, кто самъ ничему не учится?» Слово *тажъ* обозначаетъ, здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ сама папа; отъ папы требуютъ ошета, въ его зацінхъ; но папѣ говорятъ, что чонъ не годится въ дворяники; что же это такое? Реформація, что ли, совершилась? въ Х столѣтіи? ничуть не бывало. Эту еретическую хулу, за которую, въ теченіе многихъ послѣдующихъ столѣтій, перевѣшали, порерѣзали и мазарили тысячи престоупныхъ и откровенныхъ людей, эту самую хулу, говорю я, произноситъ публично, въ торжественномъ собраніи католическаго духовенства, католическій прелатъ; единственно потому, что того требовали въ данную минуту политическіе интересы. А Гербертъ, разумеется, съ величайшею радостью становится адвокатомъ этихъ минутныхъ интересовъ, потому что онъ находитъ здѣсь удобный случай высказать вслухъ всему католическому міру тайны истины, которыя, во всякое другое время, непремѣнно подвѣли бы неосторожнаго обличителя подъ уголовный судъ, въ тюрьму и; можетъ быть, на кастеръ. Далѣе слѣдуютъ истины, еще менѣе способныя доставить папѣ удовольствіе. «Если бы посланники короля Гуго могли дать взятку папѣ и Кресценцію, то дѣло короля приняло бы совершенно другой оборотъ.» Потомъ говорится подробно о томъ, какъ папы взаимно другъ друга истребляли. «И неужели такимъ людямъ, спрашиваетъ епископъ, папозивнымъ всякою скверною и лишенымъ всякихъ познаній, человѣческихъ и божественныхъ, неужели имъ должны подчиняться всѣ служители церкви, люди, извѣстные всему міру обширностью своей учености и святостью своей жизни? Первосвященникъ, который, такимъ образомъ, грѣшитъ противъ своего брата и, при увѣщаніи, не хочетъ слушать голоса совѣта, — становится мытаремъ и грѣшникомъ.» Далѣе, на счетъ папы предлагается вопросъ: «не есть ли онъ антихристъ?» Папу называютъ «человѣкомъ грѣха» и «пучиною беззаконія.» — Епископъ бросаетъ общій взглядъ на положеніе всего историческаго міра и бьетъ папство по самымъ большимъ его мѣстамъ. «Римъ, говорить онъ, уже давно потерялъ всякое вліяніе на Востокъ. Александрія и Антиохія, Африка и Азія оторваны отъ него; Константинополь прервалъ съ нимъ сношенія; средна Испанія понятія не имѣетъ о папѣ.» Злѣйшій врагъ католичества не могъ бы нанести ему болѣе чувствительныхъ ударовъ, чѣмъ тѣ, которые наноситъ

ему въ всѣхъ епископѣхъ орлеанскихъ; что Гербертъ написалъ такую рѣчь, это вовсе не удивительно; но что ее рѣшился произнести на соборѣ прелатовъ, не жившии никогда въ магометанской Испаніи и не вынесшии отсюда непримиримой ненависти въ невѣжеству и обскурантизму — это въ высшей степени замѣчательный фактъ, объясняющійся только тѣмъ общезвѣстнымъ явленіемъ, что, при всѣхъ семейныхъ раздорахъ, именно самыя близкія родственники выкапываютъ обыкновенно самыя позорныя кучи домашней грязи, такія кучи, которыхъ посторонніе люди, быть можетъ, и не счумѣли бы отыскать. Всѣ знали, къмъ была написана рѣчь, произнесенная епископомъ орлеанскимъ; это обстоятельство такъ сильно выдвинуло Герберта впередъ, что онъ, почти тотчасъ послѣ собора, получилъ санъ архіепископа реймскаго. Но, въ то же время, онъ, естественнымъ образомъ, навлекъ на себя непримиримую ненависть папы и всѣхъ его корыстныхъ и безкорыстныхъ обожателей. Вслѣдствіе этого, положеніе Герберта, какъ архіепископа реймскаго, было очень шатко и двусмысленно. Строгіе католики смотрѣли на него, какъ на еретика и узурпатора. Гербертъ старался приобрести себѣ любовь и довѣріе подчиненнаго ему духовенства, относясь кротко и снисходительно къ тѣмъ естественнымъ стремленіямъ человѣческой природы, съ которыми постоянно боролись фашистики и противъ которыхъ декламировали лицемѣры. «Я не запрещаю брака, говорилъ онъ. Я не осуждаю вторичныхъ браковъ. Я не порицаю тѣхъ, которые ѣдятъ мясо.» Эта политика Герберта была очень искусна, и для католической церкви спокойное обсужденіе вопроса о бракѣ духовныхъ лицъ было въ то время особенно необходимо, потому что до времени Григорія VII, занимавшаго папскій престолъ въ концѣ XI вѣка, этотъ вопросъ былъ еще не рѣшенъ. Было бы, вѣроятно, гораздо лучше для всего католическаго міра, если бы этотъ важный вопросъ рѣшился въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Гербертъ. Но не въ эту сторону направлялось общее теченіе тогдашнихъ идей и событий. Благоразуміе было ненавистно тогдашнимъ людямъ, именно потому, что оно — благоразуміе, и что, вслѣдствіе этого, оно противоположно, съ одной стороны, всѣмъ безпорядочнымъ взрывамъ чувства, страсти и фантазіи, а съ другой стороны, финансовымъ интересамъ тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ обращать эти взрывы въ источники не малыхъ доходовъ. Герберту не помогла никакая политическая мудрость. Папа торжественно запретилъ ему отправлять архіепископскія обязанности. Пап-

скій легать, Левъ, произнесъ по этому случаю любопытную рѣчь, которая должна была служить противодіемъ знаменитой рѣчи епископа орлеанскаго. «Викаріи Петра и ихъ ученики, говорилъ онъ между прочимъ, не хотятъ имѣть своими учителями Платона, Виргилія, Теренція и все остальное стадо философовъ, которые носятся въ высотѣ, подобно птицамъ воздушнымъ, и погружаются въ глубину, подобно рыбамъ морскимъ; и, вслѣдствіе этого, вы говорите, что они недостойны быть привратниками, потому что не обладаютъ искусствомъ писать стихи. Петръ, дѣйствительно, привратникъ, но привратникъ неба». Что папа беретъ взятки, этого легать нисколько не отрицаетъ, но онъ доказываетъ, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. «Развѣ, спрашиваетъ онъ, Спаситель не принялъ приношенія волхвовъ?» Онъ также нисколько не сомнѣвается въ дѣйствительности преступленій, совершенныхъ папами; онъ не хочетъ только, чтобы эти преступленія выводились на свѣтъ». Хамъ, говоритъ онъ, былъ проклятъ за то, что открылъ паготу отца своего.»—Разсужденія краснорѣчиваго легата Льва до такой степени понравились его слушателямъ, что Гербертъ не нашелъ себѣ въ нихъ никакой поддержки. Онъ сложилъ съ себя санъ архіепископа и удалился въ Германію, ко двору малолѣтнаго короля Оттона III. Тамъ онъ сдѣлался наставникомъ Оттона, сталъ заниматься научными опытами и наблюденіями, и далъ своему воспитанику образованіе, блистательное для тогдашняго времени. Въ 996 году, шестнадцатилѣтній король Оттонъ, пылкій, честолюбивый и образованный, пошелъ съ войскомъ въ Италію, чтобы утвердиться въ Римѣ и уничтожить тамошнюю кровавую неурядицу. Гербертъ находился въ свитѣ Оттона и, въ качествѣ его бывшаго наставника, пользовался особеннымъ уваженіемъ и дружбою молодого короля. Въ 998 году, Оттонъ сдѣлалъ Герберта архіепископомъ равенскимъ; а на слѣдующій годъ, по смерти папы Григорія V, Гербертъ, по приказанію своего бывшаго воспитаника, вступилъ на папскій престолъ, подъ именемъ Сильвестра II. Это явленіе было въ высшей степени оригинально. Папою сдѣлался тотъ самый человѣкъ, котораго вся Европа знала, какъ умнѣйшаго и опаснѣйшаго противника папства и клерикальной политики. Всѣ свои духовныя должности Гербертъ занималъ постоянно независимо отъ духовенства, и наперекоръ его желаніямъ. Аббатомъ Боббіо его назначилъ Оттонъ I; архіепископомъ реймскимъ—Гуго Капетъ; архіепископомъ равенскимъ—Оттонъ III; наконецъ на

папскій престолъ его посадилъ тотъ же Оттонъ III. Но изъ Боббіо и изъ Реймса его вытѣснили интриги клерикаловъ; изъ Равенны его не успѣли вытѣснить отчасти потому, что онъ пробылъ тамъ недолго, а отчасти потому, что Оттонъ былъ въ это время въ Италіи, и не любилъ шутить съ тѣми людьми, которые не хотѣли ему повиноваться. Наконецъ Гербертъ сдѣлался главою католическаго міра, а Оттонъ все-таки продолжалъ жить въ Италіи, такъ что каждое слово новаго папы почерпало себѣ силу и обязательный авторитетъ изъ присутствія нѣмецкой арміи. Можно было ожидать важныхъ преобразованій въ управленіи церкви и во всемъ строѣ тогдашняго общества. Оттонъ былъ молодъ, уменъ, полонъ энергіи; замыслы его были очень широки, и чрезмѣрная крутость его характера, проявившаяся въ его поступкахъ съ возмущившимися римлянами, начинала смягчаться, по мѣрѣ того, какъ онъ становился опытнѣе и разсудительнѣе. Папа и императоръ были воодушевлены одинаковыми стремленіями: оба ненавидѣли невѣжество и презирали испорченность тогдашняго духовенства; ихъ соединенныя усилія могли, по видимому, сдѣлать много добра. А между тѣмъ, всѣ ихъ прогрессивныя желанія пропали даромъ. Итальянцы ненавидѣли ихъ обоихъ, какъ иностранцевъ, а нѣмцы обижались тѣмъ, что ихъ король Оттонъ живетъ въ Италіи, а не въ Германіи. Оттону надо было постоянно то улаживать своимъ присутвіемъ ревнивыхъ и любящихъ нѣмцевъ, то укрощать, также своимъ присутвіемъ, шаловливыхъ и ненавидящихъ итальянцевъ. Такъ онъ и мыкался постоянно между Италіею и Германіею, не успѣвая принести существенную пользу ни той, ни другой странѣ. А совершенно отказаться отъ Италіи было невозможно, не говоря уже о томъ, что честолюбіе молодого короля не позволяло ему поступить такимъ образомъ. Отказаться отъ Италіи значило отдать папство въ руки всякихъ негодяевъ, въ родѣ Альбериха, Кресценція, Марозіи, Теодоры и разныхъ другихъ продуктовъ тогдашней итальянской жизни. Опять пошла бы таже исторія: этого задушили, другого изуродовали, третьяго уморили голодомъ и такъ далѣе. А такія событія, совершающіяся надъ главою церкви, производили болѣзненное потрясеніе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ тогдашней Европы, и потому было не все равно, кто сидитъ на папскомъ престолѣ, и кто управляетъ дѣйствіями папы. Папа, находящійся въ рукахъ какого нибудь Кресценція могъ своею подкупностью и своими недобросовѣстными дѣйствіями возбуждать

омуты и междоусобныя войны, и въ Германіи, и въ Англии, и во Франціи. Стало быть, Оттона и его преемниковъ невозможно осуждать за то, что они всё непремѣнно дѣзутъ въ Римъ за императорскою короною, и стараются, во что бы то ни стало, утвердиться въ Римѣ силою оружія. Они ни подъ какимъ видомъ не могли разойдтись съ папствомъ полюбовно; надо было или подчинить папство, или покориться ему. А когда человѣку приходится тѣмъ образомъ быть непремѣнно или наковальнею, или молоткомъ, тогда отъ него невозможно требовать, чтобы онъ добровольно выбралъ себѣ пассивную роль наковальни. Такая травоядная кротость составляетъ очень жалкую добродѣтель, какъ въ частномъ человѣкѣ, такъ тѣмъ болѣе въ историческомъ дѣятелѣ. — Пока Оттонъ мыкался между Италіею и Германіею, Сильвестръ II держался кое-какъ въ Римѣ, благодаря тому страху, который чувствовали римляне передъ именемъ молодого и энергическаго императора. Но производить какія нибудь рѣшительныя преобразованія, какія нибудь значительныя передвиженія въ личномъ составѣ высшаго итальянскаго духовенства — объ этомъ, до поры до времени, нечего было и думать. Дѣйствовать на проломъ было неудобно. Во-первыхъ, результаты такихъ дѣйствій обыкновенно бывають очень непрочны и не окупаютъ собою сдѣланныхъ успій. А во-вторыхъ, вниманіе Оттона и силы его монархіи не могли постоянно сосредоточиваться на римскихъ дѣлахъ. Поэтому Сильвестръ рѣшился сначала осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, узнать характеръ окружающихъ людей и разяснить себѣ игру тѣхъ многосложныхъ страстей и интересовъ, которые опутывали со всѣхъ сторонъ папское могущество. Но итальянцы не долго позволили Сильвестру предаваться этимъ предварительнымъ изслѣдованіямъ. Въ 1002 году умеръ Оттонъ III, а вслѣдъ за нимъ скончался и папа. Оба умерли въ Италиі, и есть сильныя основанія думать, что оба умерли отъ яда. Клерикальная партія, то есть, почти все духовенство, черное и бѣлое, продолжала ненавидѣть Герберта и въ то время, когда онъ былъ уже Сильвестромъ II. Клерикалы очень хорошо умѣють сами различать въ папѣ — человѣка, и человѣкъ никакъ не становится для нихъ священнымъ съ той минуты, какъ онъ надѣваетъ тиару, не смотря на то, что тѣже клерикалы требуютъ отъ всѣхъ другихъ людей безусловнаго уваженія къ папѣ, совершенно независимо отъ его личныхъ достоинствъ. Тѣже самые клерикалы, которые, голо-

сомъ легата Льва, указывали на поступокъ Хама и на послѣдствія этого поступка, тѣже самые клерикалы очень усердно стали открывать наготу отца своего, когда отцомъ ихъ сдѣлался человекъ, ненавистный имъ по своимъ познаніямъ и по своему взгляду на вещи. Духовенство постаралось распуścić о папѣ Сильвестрѣ, по всей Европѣ, самые нелѣпые слухи, рассчитанные на то, чтобы возбудить въ народѣ недовѣріе и ненависть къ главѣ католической церкви. Тутъ пошла въ ходъ даже клевета, а не только раскрываніе наготы. Простодушнымъ горожанамъ и поселянамъ тогдашней Европы стало доподлинно извѣстно, что въ самой затаенной комнатѣ римскаго дворца запрятанъ у папы карликъ, видомъ безобразный, и что сидитъ въ томъ карликѣ нечистая сила; и что носить тотъ карликъ сарацинскую чалму; и что есть у него кольцо, которое дѣлаетъ его невидимымъ; а другіе на это возражали, что это неправда, и что кольцо у него на то, чтобы являться разомъ въ двухъ мѣстахъ, въ одно и тоже время; потомъ разсказывали, что въ глухую полночь слышались часто странные звуки изъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ никого, кромѣ папы, не было. И соображали доморощенные мыслители, что мудренаго тутъ ничего нѣтъ, и что этого всегда слѣдовало ожидать, потому что не даромъ же папа жилъ въ Испаніи съ погаными нехристями; тамъ онъ запродалъ сатанѣ свою душу, съ тѣмъ условіемъ, чтобы сатана сдѣлалъ его главою христіанской церкви; теперь условіе выполнено, и пришла пора окончательнаго расчета. Поэтому, вѣроятно, папа и воетъ по ночамъ, стараясь отбиться отъ нечистой силы. Да, говорили съ таинственнымъ видомъ глубокомысленные монахи: *«homagium diabolo fecit et male finivit»* (покорился діаволу и пришелъ къ худому концу). Такъ жилъ, такъ умеръ и такъ поминался своими современниками одинъ изъ самыхъ раннихъ предвѣстниковъ нашей цивилизаціи. Извѣстное дѣло: ласточка еще не приводитъ съ собою весну, но настоящая ласточка, птица, и не прилетаетъ въ наши края тогда, когда весна еще не установилась. Въ мірѣ людей дѣло другое: тутъ случается очень часто, что неосторожная ласточка прилетаетъ слишкомъ рано изъ теплаго климата и терпитъ холодъ и голодъ въ той негостеприимной странѣ, гдѣ ей приходится жить. За то въ мірѣ людей такія ласточки, своимъ раннимъ появленіемъ и своими страданіями, дѣйствительно ускоряютъ наступленіе той весны, которая должна пригрѣть и накормить ихъ отдаленныхъ потомковъ.

XIV.

Начавшись въ X вѣкѣ, вліяніе арабской цивилизаціи на Европу постоянно и быстро усиливалось въ теченіе трехъ послѣдующихъ столѣтій. Арабская философія незамѣтно разливалась во всѣ стороны по тѣмъ неуловимо-тонкимъ каналамъ, по которымъ всегда проходитъ успѣшно всякая идея, заключающая въ себѣ зародышъ новой исторической жизни. Европейская мысль начинала шевелиться, и ея первое пробужденіе выразилось въ разсужденіяхъ о религіозной догматикѣ. Не трудно понять, почему умственные силы мыслящихъ людей направились прежде всего именно въ ту область, въ которой умъ всегда оказывается безсильнымъ. Во-первыхъ, всѣ люди, имѣвшіе возможность и желаніе заниматься размышленіями, принадлежали въ то время къ духовному сословію. Во-вторыхъ, теологія поглощала въ то время всѣ науки; ни о солнцѣ, ни о лунѣ, ни о землѣ, ни о водѣ, ни о животныхъ, ни о людяхъ, рѣшительно ни о чемъ нельзя было размышлять серьезно, не ставиваясь, такъ или иначе, съ теологіею, и не чувствуя надъ собою ея вліянія. Вопросы, которые теперь рѣшаются посредствомъ телескопа, микроскопа, химическаго анализа или анатомическаго ножа, рѣшались въ то время безусловно и безапелляціонно приговоромъ папы или собора. Мыслящіе люди занялись теологіею просто потому, что кромѣ теологіи въ умственной жизни тогдашней Европы не было рѣшительно никакого содержанія. А какъ только начались серьезные размышленія о догматикѣ, такъ начались немедленно и тѣ разпогласія, которыя на языкѣ клерикаловъ называются ересями.—Теоретическія мнѣнія средневѣковыхъ еретиковъ и возраженія ихъ противниковъ для насъ нисколько не интересны, по появленіе ересей очень важно, какъ барометрическое указаніе на положеніе умственной погоды; исторія нѣкоторыхъ ересей также очень интересна, потому что въ нихъ можно разглядѣть, каковы были характеры, умы, страсти и взаимныя отношенія тогдашнихъ людей, корпорацій и народныхъ массъ. Еретикомъ назывался въ средневѣковой Европѣ такой человекъ, который имѣлъ противъ себя матеріальную силу, а за себя—свое личное убѣжденіе, неспособное избавить его ни отъ тюрьмы, ни отъ плетей, ни отъ кроста. Личное убѣжденіе, противоположное мнѣніямъ сильныхъ людей и большинства,

может возникнуть только путем размышления; а такое размышление, которое заставляет человека идти в тюрьму или на смерть, возможно только там и тогда, где и когда существует уже сильное умственное движение. Вот это я и называю барометрическим указанием. Как держать себя одинокая личность, вооруженная только силою индивидуальнаго убѣжденія, как смотреть на эту личность общество, как ведутъ себя въ отношеніи къ ней представители матеріальной силы — все это очень интересно для характеристики данной эпохи. — Въ половинѣ XI столѣтія, Беренгаръ Турскій началъ разсуждать о таинствѣ пресуществленія. Его разсужденія очень не понравились духовенству. На нѣсколькихъ соборахъ они были объявлены еретическими, и наконецъ, второй латеранскій соборъ, при папѣ Николаѣ II, предложилъ Беренгару выбрать одно изъ двухъ: или смерть, или отреченіе. Беренгаръ доказалъ своимъ выборомъ, что онъ человекъ очень неглупый. Онъ отрекся отъ своей ереси, но какъ только гроза прошла мимо, онъ тотчасъ снова сталъ разсуждать и учить по-прежнему. На него опять посыпались благонамѣренные доносы, и дѣло его на этотъ разъ могло придти къ очень дурному концу, потому что онъ оказался уже нераскаяннымъ и неисправимымъ еретикомъ. Во второй разъ ему врядъ ли предложили бы выборъ. Но, къ счастью его, на папскомъ престолѣ сидѣлъ въ то время Григорій VII, и, — о ужасъ! — этотъ знаменитѣйшій изъ папъ самъ сочувствовалъ еретическому мнѣнію Беренгара. Григорій взялъ еретика подъ свое покровительство. Для большей убѣдительности, Григорій выдумалъ даже, будто онъ видѣлъ видѣніе и будто сама Пресвятая Дѣва являлась ему, чтобы засвидѣтельствовать справедливость мнѣній Беренгара. Клерикалы сами очень часто опирались на видѣнія, какъ на уважительное и надежное доказательство. Они обязаны были вѣровать въ подлинность видѣнія и теперь, тѣмъ болѣе, что о видѣніи говорилъ самъ папа, и притомъ папа Григорій VII, лучший и непоколебимѣйшій защитникъ папства. Однако вышло иначе. Клерикалы оказались скептиками, и когда разгорѣлась борьба между Григоріемъ VII и германскимъ королемъ Генрихомъ IV, соборъ нѣмецкихъ епископовъ провѣялъ папу, какъ приверженца беренгаровской ереси, и какъ болдуна. Оказывается, такимъ образомъ, что непогрѣшимость папы никогда не была серьезнымъ дѣломъ для самихъ клерикаловъ. Какъ только папа дѣлалъ не то, чего имъ хотѣлось,

такъ сейчасъ являлась критика его поступковъ, и, вслѣдъ за критикою, клевета, въ которой клерикалы обращались всегда съ особенными удовольствіемъ. Но Беренгара итъ такъ и не удалось изжарить. Въ XII столѣтіи итъ пришлось испытать еще болѣе жестокия оговоренія. Число училищъ быстро увеличивалось. «Изъ этихъ звѣденій XI и XII вѣка, говоритъ Шлоссеръ, особенно часто упоминаются школы въ Реймсѣ, Канѣ, Лапѣ, Турнѣ, Камбрѣ, Суассонѣ, Шалонѣ-на-Марнѣ, Амьенѣ и Аррасѣ, но самыми знаменитыми изъ нихъ были школы въ Люттихѣ, Безансонѣ, Шартрѣ, Орлеанѣ и Парижѣ. Кромѣ того, называютъ школы въ Мецѣ, Турѣ, Верденѣ, Санѣ, Буржѣ, Пуатье, и Анжерѣ. Въ Германіи въ то же время славилась училища въ Кельнѣ, Майнцѣ, Падерборнѣ и Брауншвейгѣ.» (Т. VI. Стр. 352). Но вся премудрость всѣхъ этихъ училищъ не удовлетворяла горячей любознательности тогдашнихъ передовыхъ умовъ. Неодолимая сила тянула ихъ на самый далекій западъ, въ университеты магометанской Испаніи, и эта притягательная сила съ каждымъ годомъ становилась значительнѣе и дѣйствовала успѣшнѣе. То, что во время Герберта было единичнымъ случаемъ, обратилось понемногу почти въ общее правило. Петръ Достопочтенный, аббатъ монастыря Ключни, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Кордовѣ, и не только выучился превосходно говорить по арабски, но даже перевелъ Коранъ на латинскій языкъ. На этотъ послѣдній фактъ стоитъ обратить вниманіе. Духовное лицо, пользовавшееся важнымъ значеніемъ, безукоризненною репутаціею и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ своихъ современниковъ, переводить ту ужасную книгу, на которой основана вся религія поганыхъ басурмановъ, самыхъ опасныхъ враговъ христіанства. Значитъ, уже въ XII столѣтіи были въ Европѣ люди, способные смотрѣть на чужую религію безъ фанатической ярости, и способные изучать каноническія книги этой религіи просто и спокойно, какъ важный историческій фактъ, имѣвшій огромное влияние на судьбу многихъ милліоновъ людей.—Этотъ Петръ Достопочтенный говоритъ, что во время пребыванія его въ Испаніи, тамошніе университеты были наполнены духовными лицами, пріѣхавшими изъ разныхъ государствъ Европы, чтобы пенабраться всякой премудрости отъ магометанскихъ ученыхъ. Между прочимъ, было много англичанъ, прилежно изучавшихъ астрономію. Въ XII вѣкѣ, умственные занятія становятся уже для многихъ европейцевъ насущною потребностью. Появляются уже такіе люди, которые блѣднѣютъ, сохнутъ, сходятъ.

отъ ума: надъ мѣстами, и за нижними идеи, безъ страха и безъ сожалѣнiя, отдавать свою жизнь. Безплодны и неуѣстны были многія усилiя атлѣхъ людей, мечтательны и неосуществимы ихъ стремленiя, уволн. горизонтъ ихъ мысли, но велика и безкорыстна была ихъ любовь къ истинѣ, тревожно и неутомимо ихъ исканiе, неупротина и непоколебима ихъ желѣзная воля. Это были въ самомъ дѣлѣ мученики; они, въ теченiе всей своей жизни, сжигали въ упорномъ и безплодномъ трудѣ свои великiя умственные силы, и все для того, чтобы, рано или поздно, столкнуться съ римскимъ обскурантизмомъ и разлетѣться въ дребезги отъ этого столкновениа. Для насъ, для людей, уже имѣющихъ возможность трудиться и бороться за истину совершенно сознательно, для насъ должны быть дороги и священны воѣ ошибки, воѣ мучительныя разочарованiя, воѣ безплодныя усилiя, воѣ умственные, нравственныя и физическiя тѣшенiя, даже воѣ непроходимыя глубости честныхъ, великихъ и уже забытыхъ работниковъ мысли, изнывавшихъ среди безмыслицъ средневѣковой Европы. Мы должны всегда помнить, что жизнь, по выраженiю Некрасова, «жертвъ искупительныхъ просить». Для того, чтобы одинъ человѣкъ открылъ плодотворную истину, надо, чтобы сто человѣкъ испепелили свою жизнь въ неудачныхъ поискахъ и печальныхъ ошибкахъ. Если бы средневѣковые философы не бродили скупую, то европейцамъ ХІХ столѣтiя приходилось бы и бродить, и вытѣть, и пробовать надъ каменною стѣною крѣпость человѣческаго черепа. А что любовь къ истинѣ и жажда знанiя не угасли среди неудачъ и насмѣшекъ, подъ гнетомъ невыносимой скуки тогдашнихъ философствованiй и подъ ударами разъяренного невѣжества, что эта любовь и эта жажда, напротивъ того, разгорались сильнѣе послѣ каждаго новаго пораненiя,—это можетъ служить намъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за несокрушимую живучесть и блестящую будущность европейской цивилизацiи. Однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ двигателей просвѣщенiя въ ХІХ вѣкѣ былъ Петръ Абеляръ, знаменитый и несчастный любовникъ знаменитой и несчастной Элоизы. У обоихъ двухъ людей любовь къ умственной дѣятельности и желанiе разливать вопругъ себя знанiя доходили не до страсти—это выраженiе слишкомъ слабо—а до наступленiя, до бѣшенства, до неизлѣчимой мономанiи. И эта нервная болѣзнь дѣйствовала заразительно на тѣхъ людей, которые приходили съ ними въ близкое соприкосновенiе. Конечная цѣль умственной дѣятельности была для нихъ

неясна, но зато пылъ ихъ страсти былъ неукротимъ. Они учились сами и вовлекали въ ученіе другихъ, потому что безъ этой работы они не могли жить. Элоиза получила образованіе въ Архангельскомъ монастырѣ. «Она познакомилась тамъ, говоритъ Шлоссеръ, не только съ священнымъ писаніемъ и сочиненіями отцовъ церкви, музыкой и церковнымъ пѣніемъ, но изучила также хирургию и медицину, потому что въ то время женщины часто должны были замѣнять недостатокъ врачей.» (Т. VI. Стр. 352). Въ магометанской Испаніи, какъ я говорилъ выше, женщины также занимались медициною и хирургіею; мы видимъ такимъ образомъ, что уже очень давно затаился въ человѣчествѣ зародышъ того разумнаго взгляда на образованіе и трудъ женщины, за который принуждены бороться до сихъ поръ всѣ здравомыслящіе люди обоего пола. И гдѣ же мы находимъ этотъ зародышъ? Съ одной стороны, у магометанъ, которыхъ мы привыкли осуждать (высока за ихъ гаремы; съ другой стороны, у европейцевъ XII вѣка, надъ которыми мы привыкли смѣяться за ихъ безчисленные предрасудки. Кажется, именно имъ, магометанамъ и средневѣковымъ католикамъ, слѣдовало бы возставать съ особеннымъ неистовствомъ противъ женскаго труда и противъ всякаго соприкосновенія женщинъ съ областью реального знанія. А выходитъ совсѣмъ напротивъ; такъ что многіе изъ нашихъ домашнихъ мыслителей могли бы позаимствовать себѣ болѣе разумный взглядъ на женщинъ у архангельскихъ монахинь и кордовскихъ могоженцевъ. — «Она (т. е. Элоиза), продолжаетъ Шлоссеръ, возвратилась въ Парижъ, въ домъ своего дяди Фульберта, цвѣтущей восемнадцатилѣтней красавицей. Въ то время Абеляръ съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ въ Парижѣ и, какъ самъ говоритъ, получалъ много денегъ. Элоиза также желала слушать его уроки, и Фульбертъ, прельстившись деньгами, принявъ его къ себѣ на житье и совершенно предоставилъ ему воспитаніе племянницы. Элоиза выучилась у него греческому и еврейскому языкамъ, но особенно первому, которымъ, какъ положительно извѣстно, Абеляръ обладалъ вполне. — Старый подлець Фульбертъ съ самаго начала подготовилъ весь романъ, разыгравшійся между несчастными молодыми людьми, а потомъ, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сталъ имъ же мстить за то, что было единственнымъ послѣдствіемъ его собственной гнусности и глупости. Такая молодая дѣвушка, которая, на двадцатомъ году своей жизни, училась

и выучивается читать въ подлинникѣ Аристотеля, разумѣется, должна влюбиться до безумія въ такого слѣпного, пылкого и блестящаго мыслителя, въ такого страстнаго и неутомимаго работника, какъ Абеляръ. А Абеляръ былъ бы чурбаномъ, если бы онъ не отдался всѣми силами своего существа такой дѣвушкѣ, у которой съ красотой и молодостью соединяются страстная любовь къ знанію и желѣзная сила воли, заставляющая ее преодолевать всю неисчерпаемую скуку азбуки и грамматики. Кого же и любить, какъ не такую дѣвушку?—Читая и философствуя вдвоемъ, внося въ серьезныя и сухія занятія весь пылъ своей молодой и еще несознанной любви, Абеляръ и Элонза еще сильнѣе разогрѣвали другъ въ другѣ страсть къ знанію, и наконецъ довели себя въ этомъ отношеніи до той неизлечимой мономаніи, которая наложила свою печать на всю ихъ послѣдующую жизнь. Но этимъ не могли ограничиться ихъ взаимныя отношенія. Такіе энергическіе и даровитые люди ни въ чемъ и никогда не останавливаются на половинѣ дороги. Они неизбежно должны были привести свой романъ къ естественной развязкѣ. Элонза родила сына и дала ему имя: *Астролябія*. Это имя показываетъ ясно, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ дошла ея мономанія. Кому, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ неистовствующей Элонзы, могло прійти въ голову наградить несчастнаго ребенка такою нелѣпо-ученою кличкою? Назвать сына въ честь математическаго инструмента, кажется, это единственный случай во всей исторіи человечества.—Рожденіе Астролябіи Петровича надѣлало его родителямъ много неприятностей. Фульбертъ вломился въ амбицію и, слишкомъ поздно вздумавши охранять честь своей племянницы, сталъ требовать отъ Абеляра, чтобы онъ женился на Элонзѣ. Абеляръ и не думалъ отказываться, но тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Во второй половинѣ XI столѣтія, безбрачіе сдѣлалось обязательнымъ для всего католическаго духовенства. Только духовныя лица имѣли право преподавать теологію. Если бы Абеляръ женился, то онъ былъ бы принужденъ выйти изъ духовнаго сословія и отказаться отъ преподаванія теологіи. Стало быть, ему надо было принести въ жертву или свою общественную дѣятельность, или честь любимой женщины. Не знаю, на что бы онъ самъ рѣшился, но Элонза сразу положила конецъ всякимъ колебаніямъ. Она объявила наотрѣзъ, что слышать не хочетъ о бракѣ, что она никогда не согласится сдѣлаться женою Абеляра и отнять такимъ образомъ у общества и у науки величайшаго учи-

теля. Фульберту удалось однако уладить между молодыми людьми тайный брак, но эта полумбра никого не могла удовлетворить. Фульберту хотѣлось доказать своимъ знакомымъ, что его племянница замужемъ и, стало быть, имѣеть законныя основанія рожать дѣтей. Но для этого надо было огласить бракъ, а на это Элоиза ни подъ какимъ видомъ не соглашалась, потому что тогда враги и завистники Абеляра тотчасъ согнали бы его съ кафедры. Когда Фульбертъ намекалъ кому нибудь на существованіе тайнаго брака, тогда Элоиза возражала тотчасъ, что все это чистый вздоръ и что она совсѣмъ не жена, а любовница Абеляра. За эти неистовыя рѣчи Фульбертъ очень сильно гнѣвался и, при случаѣ, билъ свою неукротимую племянницу. Молодые люди рѣшили покончить все это безобразіе. Абеляръ отвезъ Элоизу въ Аржантельскій монастырь и она поступила тамъ въ монашество. А Фульбертъ подослалъ къ Абеляру наемныхъ людей, которые его оскониди. Вылечившись отъ своихъ тяжелыхъ ранъ Абеляръ поступилъ въ монастырь Сенъ-Дени. Съ Элоизою онъ поддерживалъ постоянную переписку. Свѣжесть и энергія его ума нисколько не поколебались отъ поразившаго его несчастья. Напротивъ того: видя, что личное счастье сдѣлалось для него невозможнымъ, онъ весь безраздѣльно отдался своей общественной дѣятельности, и преподаваніе его съ этого времени сдѣлалось еще болѣе увлекательнымъ. Въ монастырѣ Сенъ-Дени Абеляръ не могъ ужиться, аббатъ и монахи были слишкомъ грубы и развратны. Абеляръ убѣжалъ во владѣнія графа шампанскаго и поселился близъ города Провена, въ уединенной мѣстности, уступленной ему монахами города Труа. Здѣсь онъ опять взялся за преподаваніе и немедленно собралъ вокругъ себя множество восторженныхъ слушателей. Стеченіе учащихся въ пустынѣ Абеляра сдѣлалось до такой степени значительно, что профессора всѣхъ высшихъ училищъ центральной Франціи пришли въ ужасъ и въ негодованіе. Ихъ, почтенныхъ профессоровъ, не слушаютъ, а къ негодному развратнику и скопцу Абеляру бѣгутъ студенты со всѣхъ сторонъ. Этому безчинству надо было положить конецъ. Всего удобнѣе было состроить противъ Абеляра искусный и ученый доносъ, такъ и сдѣлали два почтенные профессора реймскаго училища. Они подняли суматоху, распустили слухъ, что Абеляръ извращаетъ догматы о Святой Троицѣ, собрали въ Суассонѣ соборъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа реймскаго, засудили на смерть еретиче-

скую философию и заставляли Абельяра собственноручно съечь ту книгу, въ которой были изложены преступныя мнѣнія. Кромѣ того, Абельяра посадили для наказанія въ монастырь Св. Медара, а потомъ, когда кончился опредѣленный срокъ тюремнаго заключенія, его отослали въ Сенъ-Дени, съ строжайшимъ приказаніемъ непремѣнно ужиться съ тамошними монахами. Профессора торжествовали: Сирена, отвлекаяшая къ слушателей, была взята въ ежовыя рукавицы и принуждена прекратить свое соблазнительное пѣніе. Въ Сенъ-Дени на Абельяра посыпались новыя несчастія. Въ простотѣ души своей, онъ высказалъ однажды замѣчаніе, что Діонисій Ареопагитъ совсѣмъ не тотъ Діонисій, который утвердилъ христіанскую религію во Франціи, что эти два Діонисія были двумя совершенно различными лицами. Аббатъ придраясь къ этому замѣчанію и усмотрѣвъ въ немъ государственное преступленіе. Аббату, разумѣется, не было никакого дѣла до историческихъ доказательствъ; онъ просто хотѣлъ погубить человѣка, и погубилъ бы его навѣрное, если бы Абельяру не удалось еще разъ убѣжать во владѣнія графа шампанскаго. Пока его разыскивали, аббатъ умеръ, а монастырскій канитулъ былъ такъ великодушень, что простилъ Абельяру его великое преступленіе и позволилъ несчастному грѣшнику жить, гдѣ ему заблагоразсудится. Абельяръ поселился въ одномъ уединенномъ мѣстѣ около Ножана на Сенъ, въ епархіи города Труа; здѣсь онъ, при помощи друзей, построилъ себѣ домикъ, превратилъ его, съ разрѣшенія епископа, въ часовню, и опять началъ читать лекціи. Сирена опять запѣла, а профессора ездящихъ городовъ опять застрегатали зубами въ своихъ опустошенныхъ аудиторіяхъ. «Около его дома, говоритъ Шлоссеръ, образовалась вскорѣ настоящая школа. Число его учениковъ въ короткое время возрасло до шестисотъ; они выстроили себѣ хижины, [поселялись вокругъ часовни и построили вовлѣ нея изъ дерева и камня новый домъ, такъ что образовался настоящій монастырь; Абельяръ назвалъ его *Параклетомъ*, то есть, духомъ утѣшителемъ въ пустынь, посвятить это зданіе, вмѣстѣ съ часовней, Святому Духу.» (Т. VI стр. 355). Но профессора не дремали; они подняли противъ Абельяра такое ржаніе и инчаніе, что Абельяръ, во избѣжаніе новаго осужденія за какую нибудь воображаемую ересь, принужденъ былъ прекратить свои лекціи и удалиться въ Бретань, гдѣ онъ сдѣлался аббатомъ въ монастырѣ Рюж. Черезъ нѣсколько времени, его вызвали оттуда жалобы Эло

изы, которая была уже въ это время настоятельницею аржантельскихъ монахинь; Элоиза писала къ своему другу, что она со всеми своими монахинями осталась совершенно безъ приюта, потому что аббатъ Сенъ-Дени выгналъ ихъ вопъ изъ аржантельскаго монастыря. Абеляръ тотчасъ прѣѣхалъ къ нимъ на помощь и уступилъ имъ весь Параклетъ; здѣсь онѣ устроили себѣ монастырь, и аббатиссой этого монастыря сдѣлалась Элоиза. «Элоиза, говоритъ Шлоссеръ, считала своею нравственною обязанностию учить сестеръ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, но главнымъ предметомъ ея изученія было священное писаніе. Встрѣчая затрудненія, которыхъ не могла рѣшить сама, она обращалась къ Абеляру, который имѣлъ родъ высшаго надзора надъ монастыремъ. Абеляръ написалъ для параклетскихъ монахинь Герсаэмеронъ или сочиненіе о сотвореніи міра и его шести дняхъ. По словамъ Бейля, въ воспоминаніе объ учености Элоизы, въ монастырѣ Параклетъ, ежегодно на Троицынъ день, совершалась служба на греческомъ языкѣ». (Т. VI. Стр. 356). Изъ этихъ фактовъ читатель видитъ, что монашество Элоизы нисколько не укротилось съ того времени, какъ она родила на свѣтъ Астролабію. Неугомимая жажда знанія и умственной дѣятельности осталась въ ней на всю жизнь преобладающею страстью. Абеляръ также не измѣнилъ себѣ до конца. Пристроивъ Элоизу въ Параклетъ, онъ отправился въ Парижъ и своимъ преподаваніемъ еще разъ поднялъ противъ себя жесточайшую бурю профессорскихъ, учительскихъ и наставческихъ страстей. На этотъ разъ, враги рѣшились стереть его съ лица земли. Они извлекли изъ сочиненій Абеяра множество еретическихъ тезисовъ, созвали въ Сантъ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ французскій король Людовикъ VII, и, что всего важнѣе, натравили на Абеяра знаменитаго Бернара изъ Клерво, истиннаго фанатика, уже извѣстнаго во всей Европѣ неограниженою силою своего пламеннаго краснорѣчія, того самаго Бернара, который, вскорѣ послѣ санскаго собора, поднялъ на ноги всю Европу для втораго крестоваго похода. Бернаръ принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ и страстныхъ людей, на которыхъ всегда ѣздятъ верхомъ отъявленные мошенники и которые всегда дѣлаютъ по глубокому и чистосердечному убѣжденію то, чего желаютъ негодяи по своимъ мелкимъ и корыстнымъ расчетамъ. Бернаръ, нападая на Абеяра, былъ убѣжденъ въ томъ, что ратуетъ во славу и величіе религіи и церкви; на самомъ же дѣлѣ, онъ воевалъ только во славу бездари-

ныхъ и завистливыхъ педантовъ, которымъ ни до церкви, ни до религiи, ни до Бога не было рѣшительно никакого дѣла. Бернаръ погубилъ Абеяра не столько силою своего краспорѣчiя, сколько громадною тяжестью своего авторитета. Всѣ знали, что Бернаръ въ самомъ дѣлѣ честный человѣкъ, и поэтому мелкимъ и криводушнымъ врагамъ Абеяра было особенно выгодно выдвинуть впередъ такого неподкупнаго бойца. Санскiй соборъ осудилъ Абеяра и представилъ Папѣ ужаснѣйшiй докладъ о дерзкомъ вольнодумцѣ, подкапывающемъ основанiя религiи. «Онъ опустошаетъ, говорилось въ этомъ памятникѣ клерикальнаго озлобленiя, всю христіанскую вѣру, пытается постигнуть человѣческимъ разумомъ природу божества. Онъ восходитъ на небо, онъ нисходитъ въ адъ. Ничто не остается для него неприкосновеннымъ ни въ высочайшей высотѣ, ни въ глубочайшей глубинѣ. Его вѣтви простираются надъ всю землю. Онъ хвастаетъ, что у него есть послѣдователи въ самомъ Римѣ, даже въ Коллегiи кардиналовъ. Онъ увлекаетъ всю землю за собою. Поэтому пора обуздать его языкъ апостольскою властью.»—Папа Иннокентiй II, склоняясь передъ неотразимымъ авторитетомъ, исполнилъ всѣ требованiя гонителей Абеяра: онъ велѣлъ сжечь всѣ его книги, а его самого посадить на всю жизнь въ темницу и отнять у него всѣ средства распространять свое ученiе.—Побѣда обскурантовъ оказалась однако безплодною. У Абеяра нашелся сильный, вѣрный и мужественный другъ, который рѣшился и счумѣлъ защитить его противъ всѣхъ властей католическаго мiра. Не обращая вниманiя ни на санскiй соборъ, ни на короля Людовика VII, ни на Бернара, ни на Иннокентiя II, аббатъ могущественнаго и богатаго монастыря Клуэньи, тотъ самый Петръ Достопочтенный, который учился въ Кордовѣ и перевелъ Коранъ, взялъ къ себѣ въ аббатство гонимаго Абеяра, не выдалъ его никому и сталъ покровить и ласкать его, какъ больного и замученнаго ребенка. Вместе съ тѣмъ, этотъ умный, честный, твердый и всѣми уважаемый человѣкъ сталъ ходатайствовать за осужденнаго въ самыхъ высшихъ инстанціяхъ церковной iерархiи; ему удалось успокоить безтолковаго, но честнаго Бернара, а какъ только Бернаръ помирился съ Абеяромъ, такъ и папа, не имѣвшiй противъ знаменитаго преподавателя никакой личной ненависти, согласился предать все дѣло забвенiю и волѣ божіей. Однако Абеяръ прожилъ не долго. Санскiй соборъ происходилъ въ 1140 г., а въ 1142 г. утомленный, но непоколебимый боецъ кончилъ свою трудовую, бурную и не-

радостную жизнь. Тѣло его было передано его Элонзѣ и погребено въ монастырѣ Параклетѣ. При своемъ колоссальномъ умѣ, Абельяръ могъ бы дойти до степеней очень извѣстныхъ, если бы только онъ согласился насиловать естественное теченіе своихъ мыслей и пригонять ихъ искусственнымъ образомъ къ заранее уставленному результату. Но именно этого фокуса онъ никогда не умѣлъ и не хотѣлъ дѣлать. Онъ никогда не управлялъ своею мыслью; онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, отдавался ея свободному и неудержимому теченію. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается тайна того обаятельнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ многочисленныхъ слушателей. Какъ бы ни были недостаточны его фактическія знанія о природѣ и о человѣкѣ, какъ бы ни было узко его матеріальное міросозерцаніе, какъ бы ни были бесплодны его усилія, — онъ все-таки былъ всегда искреннимъ мыслителемъ, неподкупнымъ и неустрашимымъ искателемъ истины. Вся его жизнь была полуинстинктивною, полусознательною, но всегда честною и мужественною борьбою за самостоятельность и полноправность человѣческаго мышленія. Много разъ его сшибали съ ногъ допросы, обвиненія и приговоры; всякій разъ, избитый и измученный, онъ опять поднимался на ноги и все-таки пускался въ путь, и все-таки шелъ дальше, совсѣмъ не по тому направленію, которое могло довести его до степеней извѣстныхъ; и шелъ, и боролся этотъ человѣкъ до тѣхъ поръ, пока упалъ и умеръ на дорогѣ. Такіе цѣльные характеры, такіа «сердца изъ золота и стали» навсегда упрочиваютъ за собою глубокое и страстное уваженіе всѣхъ людей, имѣющихъ малѣйшее понятіе о томъ, что значить съ наслажденіемъ трудиться, страдать и бороться за любимую идею. — Есть основаніе думать, что доктрины Абельяра хватили очень далеко и что въ нихъ заключались зародыши такихъ преобразованій, которыя, нѣсколько столѣтій спустя, дѣйствительно стали прокладывать себѣ дорогу въ церковь и въ общество. Въ числѣ учениковъ и страстныхъ поклонниковъ Абельяра пахотился одинъ молодой человѣкъ, Арнольдъ, уроженецъ итальянскаго города Брешиа (Brescia) извѣстный въ исторіи подъ именемъ Арнольда Брешианскаго. Этотъ молодой человѣкъ хотѣлъ сдѣлать въ XII вѣкѣ то, о чемъ до сихъ поръ хлопочутъ напрасно государственные люди западной Европы. Онъ хотѣлъ совершенно отдѣлать церковь отъ государства. «Онъ явился въ Римъ, говорить Шлоссеръ, и съ большимъ успѣхомъ сталъ проповѣдывать въ народѣ, что духовенство

обязано заниматься только тѣмъ, къ чему призвано, и не должно ни принимать участія въ земныхъ дѣлахъ, ни пользоваться свѣтскою властью. Арнольдъ сдѣлался совершеннымъ оракуломъ римлянъ». (Т. VI. стр. 445). Проповѣдь Арнольда началась около 1140 года. На нѣсколько времени онъ принужденъ былъ удалиться изъ Рима въ Швейцарію, но въ 1145 году онъ опять вернулся въ Римъ, съ толпой прозелитовъ, пріобрѣтенныхъ въ Швейцаріи, и на этотъ разъ сталъ дѣйствовать такъ успѣшно, что римляне выгнали вонъ папу Евгенія III, учредили, по примѣру своихъ предковъ, сенатъ и возстановили всѣ формы древней республики. Пированіе это продолжалось до 1154 года; римляне XII вѣка не были однако похожи на древнихъ республиканцевъ; они постоянно чувствовали свою слабость и постоянно искали себѣ покровительства у германскаго императора, Конрада III, къ которому они очень важно и величественно писали письма отъ имени сената и народа римскаго (Senatus populusque romanus). Любопытно замѣтить, что Конрадъ, которому, по всей вѣроятности, крѣпко надоѣли претензіи духовенства, питалъ грѣховное сочувствіе къ еретическимъ мыслямъ Арнольда, стоявшаго тогда во главѣ римской республики. «Онъ соглашался, говоритъ Шлоссеръ, что духовные не должны были ни вести войнъ, ни возбуждать вороволитій, и что ихъ призваніе ограничивается только проповѣдями и богослуженіемъ, хотя провести эту мысль въ Германіи ему было гораздо труднѣе, чѣмъ новому римскому сенату въ Римѣ.» (Т. VI. стр. 453). Однако изъ этого сочувствія Конрада ровню ничего не вышло. Конрадъ умеръ въ 1152 году; римляне призвали къ себѣ назадъ папу Андріана IV, а въ концѣ того же самаго года, преемникъ Конрада, Фридрихъ Барбаросса, вступая въ Римъ для коронованія, обѣщалъ папѣ уничтожить римскую республику, схватить Арнольда и выдать его клерикаламъ. Все это было исполнено, и папа приказалъ немедленно ежечь дерзкаго еретика. Такимъ образомъ погибали въ средневѣковой Европѣ всѣ люди, искренно преданные благу человѣчества и возлагавшіе свои надежды на стойкость и благоразуміе народныхъ массъ. Массы въ то время были изъ рукъ вонъ плохи. Онѣ могли придти въ неистовый восторгъ и двинуться цѣлыми ордами въ Азію, послушавшись жалобныхъ воекликаній какого нибудь Петра пустытника или Бернара, но спокойно и твердо стоять за сознательно понятое право, онѣ были рѣшительно неспособны. Впрочемъ, въ природѣ не пропадаетъ ни одна частица ма-

терин. А въ исторіи человѣчества ни одна мысль, ни одна попытка, ни одна неудача и ни одна ошибка не остаются безъ послѣдствій. Все это западаетъ въ умы людей, зрѣетъ и развивается въ нихъ незамѣтно, и потомъ вдругъ воплощается въ новомъ переворотѣ или въ новой бытовой формѣ.

XV.

Театромъ первой серьезной борьбы между папствомъ и самостоятельнымъ человѣческимъ мышленіемъ сдѣлалась та самая земля, въ которой вліяніе магометанской Испаніи породило поэзію трубадуровъ. Южная Франція въ XII вѣкѣ была богатою, промышленною и образованною страной. Большіе города ея пользовались самоуправленіемъ и вели обширную торговлю; въ каждомъ изъ такихъ городовъ, въ Монпелье, въ Арлѣ, въ Тулузѣ, въ Нарбоннѣ, въ Безье, находились высшія училища, въ которыхъ превосходные еврейскіе ученые съ большимъ успѣхомъ преподавали медицину, не смотря на протесты и угрозы епископовъ и монаховъ. Рыцари и благородныя дамы занимались стихоплетствомъ, оказывали покровительство странствующимъ пѣвцамъ и вовсе не были расположены преслѣдовать фанатическою ненавистью ученыхъ еврейскихъ врачей или смотрѣть на и спанскихъ арабовъ, какъ на гнусное отродье сатапы. Достаточные горожане умѣли читать и писать, и обнаруживали склонность къ умственнымъ занятіямъ. Многіе изъ нихъ читали библію и углублялись въ серьезные размышленія о несовершенствахъ церковной іерархіи и о протаворѣчии, существующемъ между образомъ жизни духовныхъ лицъ и точнымъ смысломъ евангелическаго ученія. Агенты папства ловили и сжигали тѣхъ людей, которые высказывали громко свои нескромныя замѣчанія; но всѣхъ было невозможно перехватать и зажать. Движеніе мысли распространялось и число еретиковъ быстро увеличивалось. Они поражали римскую іерархію и серьезными аргументами, и остроумными сатирами. Они увлекали за собой дворянство и даже часть духовенства. Они говорили, что святость священника заключается не въ его звани, а въ нравственной чистотѣ его жизни; что богатство духовенства есть слѣдствіе и источникъ многихъ злоупотребленій; что епископы не должны вмѣшиваться въ войны и участвовать въ кровопролитіяхъ. Они отрицали чистилище и продажу индульгенцій. Они

требовали, чтобы священное писаніе было переведено на народный языкъ, и чтобы на этомъ же языкѣ совершалось богослуженіе. Словомъ, реформа Лютера по своей идеѣ была уже готова въ XII столѣтіи. Но остальная Европа въ это время была непохожа на южную Францію, и папѣ Иннокентію III, вступившему на престолъ въ 1198 году, безъ особеннаго труда удалось двинуть цѣлую орду рыцарей, монаховъ и разбойниковъ въ цвѣтуція земли провансальскихъ вольнодумцевъ. Въ 1209 году начался знаменитый крестовый походъ противъ Альбигойцевъ; такъ называли еретиковъ южной Франціи по имени города Альби; крестоносцы сдѣлали свое дѣло, какъ слѣдуетъ; богатство, промышленность, поэзія, медицина, ересь — все потонуло въ крови. Римская іерархія перепахала всю страну запово, и посѣяла въ ней свое сѣмя такъ основательно, что въ настоящее время южная Франція можетъ смѣло похвастаться своимъ безукоризненнымъ клерикализмомъ, своею яростною ненавистью къ протестантамъ, и своимъ глубокимъ невѣжествомъ. Во время революціи прошлаго столѣтія, католическая реакція была особенно сильна въ тѣхъ самыхъ большихъ городахъ южной Франціи, въ которыхъ до крестоваго похода противъ альбигойцевъ, развивалось реальное знаніе и выростала свободная мысль — Клерикалы серьезно задумались надъ событіями XII вѣка; смѣлое философствованіе отдѣльныхъ личностей, быстрое распространеніе ересей въ народныхъ массахъ — все это было для нихъ совершенно ново. Они сообразили, что пришла пора перемѣнить тактику: держаться чисто-отрицательныхъ мѣръ, то есть, давить безъ разбору всѣ проблески образованія. — Это было очень удобно въ VI и въ VII вѣкѣ; но въ XII и въ XIII такая работа становилась уже затруднительною. Можно было задать страху еретикамъ посредствомъ поголовнаго истребленія; но часто прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ, и одерживать такія блестящія побѣды — было опасно: нѣтъ той системы, которая могла бы постоянно поддерживать себя конвульсивными потрясеніями. Надо было измыслить какую нибудь машину, такую, которая давила и извращала бы человѣческій умъ ровно, спокойно, постоянно, безъ открытой войны, безъ опустошенія цѣлыхъ областей. Машина эта дѣйствительно была изобрѣтена и пущена въ ходъ въ началѣ XIII вѣка. Она состояла изъ трехъ главныхъ частей, которыя, однако, были очень тѣсно связаны между собою. Во-первыхъ, пищевую

ще ордена, во-вторых — церковная схоластика и въ-третьих — инквизиція. — Два фанатика, Францискъ и Доминикъ, основали, въ началѣ XIII вѣка, два монашескіе ордена, францисканцевъ и доминиканцевъ; люди, поступающіе въ эти ордена, обязывались жить милостивною, отказываться отъ всякой роскоши, ходить по городамъ и селамъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ говорить народу проповѣди на народномъ языкѣ. Посредствомъ этихъ орденовъ, разросшихся съ изумительною быстротою, римская іерархія приобрѣтала постоянное и очень сильное вліяніе на низшіе классы народа. Обязательная бѣдность францисканцевъ и доминиканцевъ зажимала ротъ тѣмъ еретикамъ, которые обращали вниманіе народа на богатство и изнѣженность римскаго духовенства. Къ словамъ аббатовъ или епископовъ, одѣтыхъ въ бархатъ и заплывшихъ жиромъ, народъ могъ относиться съ предубѣжденіемъ; онъ могъ смотрѣть на этихъ людей, какъ на чиновниковъ, получающихъ огромное жалованіе за свою службу. Но когда тѣже самыя мысли высказывались человѣкомъ, переносящимъ добровольно всякія лишенія, тогда эти мысли должны были получить въ глазахъ массы значительный вѣсъ. Тутъ вся наружность оратора говорила ясно, что онъ нигѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть подкупленъ. Но надо было устроить такъ, чтобы воодушевленіе этихъ нищихъ ораторовъ постоянно поддерживалось и подогрѣвалось. Кромѣ того, надо было строго наблюдать за тѣмъ, чтобы они не сбивались въ сторону, чтобы они говорили дѣйствительно все то и только то, что, по соображеніямъ римской іерархіи, слѣдовало говорить. Въ противномъ случаѣ, все ихъ вліяніе на простой народъ могло бы обратиться противъ папства, и вмѣсто того чтобы быть полезнѣйшими защитниками папскихъ принциповъ, они могли сдѣлаться ихъ опаснѣйшими врагами. Чтобы застраховать нищенствующихъ монаховъ отъ ереси, римская іерархія ухитрилась направить всѣ ихъ умственные силы къ безконечнымъ діалектическимъ турнирамъ схоластическаго богословія. Вся философія и все богословіе средневѣковой Европы называется въ настоящее время схоластикою. Самое слово *схоластика* не заключаетъ въ себѣ никакого порицательнаго значенія. Оно происходитъ отъ латинскаго слова *schola* — что значитъ *школа*. Философія и богословіе тѣхъ временъ называются *школьными*, по той простой причинѣ, что они господствовали въ тогдашнихъ школахъ. Но та схоластика, которую старался раз-

вивать римъ, носить на себѣ совершенно особенную печать. Ея типическое свойство заключается въ томъ, что результатъ, къ которому обязанъ придти мыслитель, всегда извѣстенъ заранее. Напримѣръ, Абельяръ, не имѣвшій ничего общаго съ тою спеціальною схоластикою, которую взлелѣяли клерикалы, — написалъ очень неприятную для Рима книгу, подъ заглавіемъ «*Sic et non*» (Да и нѣтъ). Въ этой книгѣ онъ доказываетъ, что сочиненія многихъ церковныхъ писателей, считавшихся непогрѣшимыми, заключаютъ въ себѣ огромное количество внутреннихъ противорѣчій, что эти писатели противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагу, что объ одномъ и томъ же вопросѣ они говорятъ и да, и нѣтъ. Ясное дѣло, что такая книга составляетъ результатъ критическаго изслѣдованія, не направленаго къ предвзятой цѣли. Абельяръ читалъ, изучалъ, сравнивалъ писателей, нашелъ въ нихъ непримиримыя противорѣчія и откровенно высказалъ свои умозаключенія. Настоящій схоластикъ долженъ былъ взяться за дѣло совершенно иначе. Еще не раскрывая ни одной книги, онъ уже зналъ твердо, что въ такихъ-то писателяхъ никакихъ противорѣчій быть не можетъ. Этотъ выводъ стоялъ непоколебимо, и къ нему онъ долженъ былъ непременно придти въ концѣ своего изслѣдованія. Значитъ, все дѣло его состояло въ томъ, чтобы, посредствомъ діалектическихъ маневровъ, примирить всѣ крайности, даже и такія, которыя никакъ не могутъ примириться. Если одинъ авторитетъ говоритъ: «да» а другой: «нѣтъ,» то схоластикъ долженъ доказать, что оба правы и что оба между собою согласны. Чтобы устроить такой фокусъ, схоластикъ, разумеется, долженъ напустить такого тумана, который отнялъ бы у слушателей и учителей всякую возможность понимать различіе между *да* и *нѣтъ*. Такъ схоластики и поступали дѣйствительно. У доминиканцевъ величайшимъ искусникомъ по части напусканія тумана считался Фома Аквинскій, жившій въ XIII вѣкѣ и наполнившій своими діалектическими хитросплетеніями двадцать три фоліанта. У францисканцевъ нашелся свой искусникъ, Дунсъ Скотъ (то есть, шотландецъ), жившій въ одно время съ Фомою, но написавшій только двадцать фоліантовъ. Нищенствующіе монахи такъ возлюбили своихъ мудрецовъ, что дальше ихъ уже не пошли; францисканцы называли себя *скотистами*, а доминиканцы *фомистами*. Скотисты съ фомистами очень горячо спорили, причежъ спорящія стороны съ замѣчательнымъ искусствомъ прикидывались, будто понимаютъ другъ друга.

Иногда споръ переходилъ въ драку, и тогда взаимное пониманіе становилось уже непритворнымъ. Цѣль римской іерархіи достигалась; умственные силы горячихъ фанатиковъ вертѣлись въ заколдованномъ кругу, воспламенялись въ безвыходныхъ спорахъ, отвлекались отъ опаснаго вольнодумства и устремлялись противъ всѣхъ не фомистовъ или не скотистовъ со всею энергіею безтолково-полемическаго задора. Доминиканцы утверждали совершенно серьезно, что прочитавъ книги Фомы Аквинскаго, значитъ, проглотить всю человѣческую мудрость. Доминиканцы были самымъ надежнымъ воинствомъ папы, гораздо надежнѣе францисканцевъ. Поэтому папа Григорій IX поручилъ имъ хватать, судить, пытать и жечь всѣхъ еретиковъ. Инквизиція была изобрѣтена самимъ Доминикомъ, и духовныя дѣти этого великаго палача сдѣлались инквизиторами.—Опираясь на нищенствующиыхъ монаховъ, на усовершенствованную схоластику, на шпионовъ и палачей священной инквизиціи, папство смѣло и бодро вступило въ борьбу съ пробуждающимся самосознаніемъ средневѣковаго чловека, у котораго не было никакихъ орудій, кромѣ мысли и воли. Въ XIII вѣкѣ, папство, раздавившее альбигойцевъ, было всесильно. Долго ли продолжалось это всемогущество и какимъ образомъ европейская мысль старалась завоевать себѣ самостоятельность объ этомъ я поговорю довольно подробно въ отдѣльной статьѣ, подъ особымъ заглавіемъ.

Д. Писаревъ.

СТЕПАНЪ РУЛЕВЪ

(ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ХОРОШИХЪ ЛЮДЕЙ).

ХІ.

Возвратившись изъ поѣздки, Рулевъ канъ-то вечеромъ отправился къ Вальтеру. Въ квартирѣ послѣдняго Рулеву сказали, что Вальтеръ ушелъ съ мальчикомъ на фабрику, — и Рулевъ отправился туда.

За фабрикой, на берегу рѣки Вальтеръ прилаживалъ огромный летучій змѣй и привязывалъ къ его хвосту длинныя красныя, синія и бѣлыя ленты, — а тутъ же на травѣ лежалъ Миша щепочникъ и внимательно смотрѣлъ на работу. Вальтеръ пожалъ руку Рулева, улыбнулся и продолжалъ свое занятіе. Потомъ, когда змѣй наладилъ, Вальтеръ приподнял его, мальчикъ побѣждалъ съ нитками и великолѣпный змѣй поднялся на воздухъ.

Вальтеръ легъ на траву и закурилъ сигару.

— Я хотѣлъ было начать съ того, чтобы учить мальчугана читать, сказалъ онъ. Но теперь не хочу и браться за ученье.

— Отчего? спросилъ Рулевъ.

— Я былъ у доктора. Говорить, что мальчуганъ не доживетъ до весны: слишкомъ ужъ изстрадался. Думаю, что въ такомъ случаѣ пусть себѣ наслаждается — ѣсть, спать, играетъ—къ чему тутъ ученье...

— Совершенно справедливо, замѣтилъ Рулевъ, — если только у самого не будетъ охоты учиться.

— Конечно, тогда не откажу, сказалъ Вальтеръ. — Гдѣ были и что видѣли? спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

Рулевъ разсказалъ ему свою поѣздку, обрисовалъ и болѣе выдающіяся личности, какія встрѣчалъ, но говорилъ о всемъ этомъ такъ безразлично, что его можно было считать и промышленникомъ, и ученымъ, извѣдывающимъ плохо знакомую землю, и просто привыкшимъ къ бродячей жизни человѣкомъ.

Мальчикъ съ распушеннымъ зѣвомъ усѣлся на берегу рѣки. Внизу текла гладкая, какъ зеркало, похолодѣвшая рѣка; зѣвъ тихо качался въ вышинѣ, колебля своимъ красными, синими и бѣлыми лентами; дышалось надъ рѣкой пріятно, свѣжо и легко, а грудь мальчика точно уставала и отъ этого чистаго воздуха.

— Ну, умереть, заговорилъ Вальтеръ. Что мнѣ въ немъ? Знаю я его немного дней, привыкнуть не успѣлъ, а вѣдь жаль.

— Человѣка жаль, замѣтилъ равнодушно Рулевъ.

— Да, повторилъ Вальтеръ. На счастливую жизнь онъ имѣлъ такое же право, какъ вы или я. А вѣдь это не одинъ погибающій ребенокъ.

Рулевъ засмѣялся.

— Ихъ, гибнетъ по крайней мѣрѣ, въ четверо больше, чѣмъ остается въ живыхъ, отвѣчалъ онъ на вопросительный взглядъ Вальтера.

— Развѣ это такъ и должно быть?

— Конечно нѣтъ. Но я полагаю, что намъ съ вами нестойтъ и говорить объ этомъ: зло мы видимъ и дѣлаемъ что можемъ.

— Отчего мы такъ мало можемъ! горько проговорилъ Вальтеръ.

Быстро темнѣло; вѣтеръ стихалъ; рѣка бѣжала точно тише; камышъ точно засыпалъ, а вдали за рѣкой изъ утесѣ развели огонь, и медленно опускалось и поднималось его пламя. Города не стало видно и не было слышно кругомъ человѣческаго голоса, только перелетали птицы и вдали слышался гулъ изъ города, точно быстрый топотъ лошадей въ степи. Пишу эту картину не ради ея самой, а потому, что Рулевъ и Вальтеръ были люди, въ которыхъ ночь въ полѣ, въ степи или лѣсу, на берегу рѣки, съ свободно вѣющимъ вѣтромъ — шевелила въ памяти много разныхъ воспоминаній и дѣлала бесѣду друзей болѣе интимною.

Рулевъ заговорилъ откровеннѣе.

— Отчего, сказалъ онъ, повернувшись къ Вальтеру: вы не русскій, а любите нашего простолюдина, какъ можно любить человѣка только сжившись съ нимъ, да п горе его разузнавъ основательно.

— А оттого, сказалъ онъ тихо, что съ тѣхъ поръ, какъ я началъ думать о людяхъ, я жилъ только среди этого народа. Землю я видалъ только русскую, пѣсни слышалъ только русскія и другой жизни не знаю.

Вальтеръ подумалъ немного и опять продолжалъ.

— Горе его я тоже знаю, но силъ избавиться отъ этого горя пока не вижу—это-то и горько... Я, Степанъ Андреевъ, полжизни даромъ шатался, а такъ, безъ дѣла, тяжело жить... Какое же дѣло?.. Ну, ребенка вотъ накормилъ... Что же дальше?

— Силъ нѣтъ, такъ создавайте ихъ, замѣтилъ Рулевъ—хоть жить учите...

— Приходится и жить учить...

— Да наконецъ и силы есть, если на то пошло, прибавилъ Рулевъ, вставая, бросилъ папиросу и отправился къ мальчику. Тотъ медленно сматывалъ змѣй, прислушиваясь къ его трещанью.

Вальтеръ думалъ какъ дѣйствовать дальше, чтобы Рулевъ лучше узналъ его и отбросилъ всякіе намеки и околичности. Обратнo поѣхали въ лодкѣ: Рулевъ вызвался грести и лодка быстро пошла по тихой и темной рѣкѣ.

— Вы здѣсь ни съ кѣмъ не знакомы? спросилъ Вальтеръ.

— Хорошо ни съ кѣмъ почти.

— Хотите вы познакомиться съ одной умной дѣвушкой?—она здѣсь учительницей.

— Познакомьте, сказалъ локонически Рулевъ, ловко и весело работая веслами.

— Она моя невѣста, прибавилъ Вальтеръ, принимаясь за руль.

— Познакомьте, повторилъ Рулевъ.

— Мальчикъ, улегшійся на днѣ лодки, долго присматривался къ блещущимъ при свѣтѣ мѣсяца весламъ и потомъ заплѣлъ въ тактъ гребли какую-то монотонную пѣсню.

XII.

Вальтеръ познакомилъ Рулева съ учительницей Тиховой. Вотъ и еще личность, съ которой Рулевъ нѣсколько сошелся и имѣлъ на нее вліяніе. Тихова дѣйствительно, какъ говорилъ Вальтеръ, была умная и добрая дѣвушка. Какъ и большая часть нашихъ женщинъ, она мало видѣла, мало испытала и, говоря короче, была создана не полною жизнью съ времени, а жизнью тѣснаго кружка, въ которомъ ей приходилось дѣйствовать. Созданная этимъ тѣснымъ кружкомъ, она естественно не могла имѣть широкаго, свѣтлаго взгляда на жизнь, хотя и въ ней безсознательно выражались иногда еще не совсѣмъ уясненные потребности современнаго человѣка.

Тихова была умная и работающая дѣвушка. Она ребенкомъ еще постоянно работала съ матерью. Мать шла за работой кольцовскія пѣсни: — скоро и дочь, ради этихъ пѣсенъ, выучилась читать, а потомъ и мать и дочь распѣвали вмѣстѣ. Былъ тогда у дѣвочки братъ, теперь гдѣ-то убитый. Съ братомъ этимъ она ходила по утрамъ къ родственницѣ, учившей ихъ тому немногому, что она сама знала. На улицахъ братъ, — на томъ основаніи, что онъ мальчикъ, а она дѣвочка и ходила очень тихо, — сталкивалъ ее въ канавы, прогонялъ прочь, и бѣдная дѣвочка горько плакала, не отставая все-таки отъ брата изъ страха заблудиться. Она была въ такомъ же положеніи, какъ собаченка, которую на улицѣ бьетъ капризный ребенокъ, которая визжитъ, страдаетъ, но опять таки бѣжитъ за этимъ ребенкомъ. Жаловаться матери дѣвочка не хотѣла, и кончила тѣмъ, что перестала любить брата и привязалась къ одной только матери. Въ вѣчномъ разговорѣ съ матерью, за работой въ тихой комнатѣ, гдѣ передъ образомъ Спасителя постоянно горѣла лампадка, дѣвушка, взрослая на поэзіи, подъ вліяніемъ горячей любви и нѣжности, сдѣлалась религіозной.

Мать отдала ее въ женское училище; дѣвушка прекрасно кончила тамъ курсъ, да тамъ же и осталась уже въ качествѣ учительницы. Точныхъ и самостоятельно усвоенныхъ знаній она, конечно, не имѣла, но все-таки знала больше другихъ въ ея лѣтахъ дѣвушекъ.

Она была красивая, стройная. Русые волосы ея малень-

кой головки были густы и необыкновенно мягки, немного блѣдное лицо очень нѣжно. Ходила она легко, говорила спокойно, и любимая ея привычка была—во время разговора облокотиться на столик или ручку кресла, опуститься щекой на свою блѣдную руку и пристально смотрѣть своими выразительными глазами на лицо говорящаго. И судѣла она неподвижно, лицо ея было внимательно и задумчиво. Случайно познакомилась она съ Вальтеромъ. Послѣ свиданій работы, она любила иногда гулять за городомъ въ полѣ, —она и ходила съ Вальтеромъ и съ какой нибудь изъ своихъ ученицъ.

Вальтеръ привыкъ къ ней, полюбилъ ее и рассказалъ ей свою жизнь безъ всякихъ утаекъ. Не мудрено, что къ нему Тихова тоже привязалась. Теперь они считались уже женихомъ и невѣстой.

Рулевъ держался своего убѣжденія, что когда предстоитъ дѣло и есть силы, то нужно дѣйствовать, а нѣтъ силъ, такъ нужно искусственно создавать ихъ. Онъ видѣлъ въ Тиховой дѣвушку умную, да еще занимающуюся такимъ дѣломъ, какъ воспитаніе, поэтому считалъ полезнымъ передать ей свой взглядъ на жизнь и воспитаніе. — Не все же спокойной посредственностью наслаждаться и въ самодовольствіи жить, думалъ онъ. — Пусть узнаетъ другія требованія и мнѣнія, поработаетъ надъ ними, сравнитъ... Этакъ прочтѣе будетъ ея дѣятельность.

Онъ разбивалъ Тихову при каждомъ возникавшемъ спорѣ, потому что, если спорилъ, то всегда прежде всего выставлялъ строго научные, математически-доказанные факты, соглашался, что они недостаточно еще полны, но предлагалъ, чтобы и для поддержанія противнаго мнѣнія выставлялись болѣе полные или доказательные факты. Значитъ, ни на какія сердечныя убѣжденія передъ нимъ нельзя было ссылаться.

Одинъ разъ говорили на счетъ воспитанія.

— Какое же, по вашему мнѣнію, призваніе человѣка? спросила Тихова.

— Почему же вы думаете, что непременно призваніе должно существовать? также спросилъ Рулевъ.

— Въ такомъ случаѣ, весь складъ частной жизни человѣка, по вашему, только отъ него одного и зависитъ, что всякая случайность...

— Я никакихъ случайностей не признаю и не знаю, сказалъ Рулевъ.

— Какъ такъ?.. Тихова, конечно, удивилась.

— Не признаю, сказалъ Рулевъ. Случайностью прикрываютъ теперь наше незнаніе.

— Что же дѣлать? спросила она однажды Рулева послѣ долгаго и энергическаго разговора съ нимъ.

Рулевъ задумался и началъ ходить по комнатѣ. — «Стремленія есть у ней, а есть ли силы?» думалъ онъ. Онъ остановился по срединѣ комнаты и взглянулъ на Тихову.

Тихова ни слова не могла произнести послѣ этого и молча опустила на спинку стула. Рулевъ горько улыбался и опять началъ ходить по комнатѣ.

— Нѣтъ, заговорилъ онъ, мало по малу овладѣвая собой. Всякому слѣдуетъ дѣлать то, что онъ можетъ, и больше этого ни отъ кого нельзя требовать... Вотъ вамъ, напримѣръ, — вамъ тяжело видѣть страданье человѣка, — ну и смягчайте это страданье. гдѣ встрѣтите: — развѣ мало его вокругъ васъ и развѣ противъ него нѣтъ у васъ никакихъ средствъ?

— Я мало знаю, что дѣлается вокругъ меня, сказала Тихова, какъ-будто въ отвѣтъ на поразившія ее слова Рулева. Она знала, что если Рулевъ говоритъ что нибудь, то имѣетъ на это основаніе, но ей страшны были его слова, какъ слышавшійся ночью набатъ и крики о пожарѣ.

— Войдите же въ эту жизнь... Войдите только, а тамъ съ вашей любовью къ человѣку вы сами увидите, гдѣ ваша помощь нужна будетъ.

— Вотъ, говорилъ Рулевъ на прощаньи, есть случай познакомиться вамъ съ женскимъ работающимъ народомъ. Я встрѣтилъ здѣсь одну молодую дѣвушку. Она швея и работаетъ на магазинъ — значить, терпитъ за свой трудъ нужду и, вѣроятно, оскорбленія. Въ дѣвушкѣ этой очень много любопытнаго. Она очень неглупа и молода, но всю свою жизнь прожила въ одномъ кругѣ, за одной механической работой. Въ этомъ замкнутомъ кругѣ ей, конечно, душно, и она пустилась въ разныя мечтанья и устроила въ головѣ своей особый фантастическій міръ. Дайте ей знанія, познакомьте ее съ жизнью — и ея умъ, который тратится теперь на пустяки, можетъ пригодиться на хорошее дѣло.

— Давно вы ее знаете? спросила Тихова.

— Нѣтъ, одинъ только разъ говорилъ съ ней.

Тихова съ удивленіемъ взглянула на него. Рулевъ засмѣялся.

— Я, видите ли, убѣжденъ, сказалъ онъ, что характеръ человѣка создается его впечатлѣніями. А жизнь этой дѣвушки и преобладавшія надъ ней впечатлѣнія я знаю: она сама, какъ ребенокъ, рассказала ихъ. — Такъ дѣло, какъ вы видите, въ томъ, чтобы дать этой дѣвушкѣ болѣе благодарную работу и средства къ образованію.

— Я могу сдѣлать и то и другое, сказала Тихова.

— Превосходно, — весело сказалъ Рулевъ и вскорѣ затѣмъ ушелъ. Онъ не безъ основанія распространялся о развитіи характера человѣка. — «Полезно, думалъ онъ. Пусть не воображаетъ, что однимъ хорошимъ воспитаніемъ можно сдѣлать и хорошаго человѣка.»

XIII

На другой день вечеромъ, Рулевъ младшій отправился въ отцовскій домъ. Въ маленькой комнатѣ, выходящей на дворъ, старый капитанъ въ фуфайкѣ и картузѣ своемъ сидѣлъ у столика, придвинутаго къ окну и игралъ въ карты съ старымъ ротнымъ товарищемъ, такимъ же сѣдымъ и израненнымъ великаномъ.

— Вашъ младшій сынъ пріѣхалъ? спрашивалъ гость, замигививъ черезъ окно Рулева, когда тотъ входилъ въ калитку отцовскаго домъ.

— Пріѣхалъ, коротко отвѣтилъ старикъ.

— Вы съ нимъ что же, капитанъ? Въ разладѣ? спрашивалъ полковникъ.

— Нечего мнѣ съ нимъ возиться, произнесъ старый Рулевъ, останавливаясь и поднимая свою сѣдую голову. — Онъ мнѣ не сынъ; а объ отцѣ своемъ ему бы надо было спросить у своей матери, докончилъ онъ и сверкнулъ глазами. Потомъ онъ опять опустилъ голову и дрожащими руками продолжалъ сдавать карты.

Степанъ Рулевъ проходилъ мимо окна и все слышалъ. Онъ поспѣднѣлъ, потому что на клевету и сплетню смотрѣлъ, какъ на такого рода мошенничество, которое мѣшаетъ судить о лю-

дяхъ по ихъ дѣйствіямъ, представляя честные поступки въ уродливомъ и грязномъ видѣ. Къ клеветѣ и всякой лжи онъ относился въ высшей степени безпощадно. Здѣсь же дѣло шло еще объ умершемъ человѣкѣ, и Рулевъ чувствовалъ себя въ такомъ же положеніи, какъ если бы стоялъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, бившимъ беззащитнаго ребенка. Онъ прямо пошелъ на верхъ.

Плакса сидѣла за работой одна и пѣла свою пѣсенку. Рулевъ поздоровался съ ней и сѣлъ. Онъ былъ, повидимому, спокоенъ, но немного блѣднѣе обыкновеннаго.

— Вотъ что, говорилъ онъ ласково, вы можете найти работу гораздо выгоднѣе теперешней. Вамъ нужно будетъ сходить для этого къ одной очень хорошей и доброй дѣвушкѣ—переговорить. Вотъ адресъ ея.—Вы читать умѣете?

— Нѣтъ, тихо сказала Плакса, не умѣю.—Она ужъ не смотрѣла, какъ прежде, на Рулева и тихо работала.

Рулевъ прочиталъ ей адресъ.

— Не забудете? спросилъ онъ ласково.

— Не забуду, отвѣтила она также тихо и все работала.

— Если забудете,—можно будетъ попросить когонибудь прочитать,—сказалъ Рулевъ; положилъ адресъ, всталъ и прошелся по комнатѣ. Въ саду ходилъ Андрей Никитичъ съ Сашей. Внизу все еще говорили. Рулевъ прислонился къ стѣнѣ, закурилъ папиросу и посмотрѣлъ на руки—руки дрожали.

— Вы завтра, можетъ быть, будете имѣть время? спросилъ онъ опять Плаксу.

— Завтра я зайду къ ней.

— Хорошо; прощайте пока! сказалъ Рулевъ и спустился внизъ. Онъ прошелъ въ садъ, сѣлъ около воротъ на скамью, снялъ фуражку и задумчиво началъ курить. Андрей Никитичъ увидѣлъ брата и подошелъ къ нему.

— Здравствуй! сказалъ онъ.

— Здравствуй! равнодушно отвѣтилъ тотъ, бросилъ папиросу и молча началъ ломать какую-то вѣтвь.

Андрей Никитичъ почувствовалъ себя несовсѣмъ ловко.

— Давно ты здѣсь? спросилъ онъ садясь.

— Недавно.

Наступило молчаніе. Старшій братъ кусалъ губы.

— Теперь, заговорилъ Степанъ Рулевъ съ желчной улы-

кой, ты себя вопросы задаешь: зачѣмъ я тутъ сижу? Тебя я не искалъ, въ домъ не иду, прочь не убираюсь и тебя ни о чемъ не спрашиваю—спросилъ бы прямо: чего, молъ, тебѣ надо? да и конецъ.

Онъ посмотрѣлъ на брата и засмѣялся. Тотъ тоже смѣялся.

— Такъ знай же, что мнѣ съ отцомъ надо переговорить, — да у него гость, объяснилъ Рулевъ.

— Съ отцомъ? спросилъ, удивившись, старшій братъ.

— Съ отцомъ, повторилъ Рулевъ младшій и, увидѣвъ уходящаго полковника, надѣлъ фуражку и ушелъ изъ сада.

Старый капитанъ все сидѣлъ у стола, надвинувъ на глаза картузъ и перебирая карты. Начинало темнѣть. Вошелъ его младшій сынъ. Старикъ взглянулъ на него и продолжалъ тасовать карты.

— Я хочу съ вами говорить, сказалъ Рулевъ, закрывая окно и сядя у другого конца стола.

Капитанъ все сидѣлъ въ прежнемъ положеніи,

— Мнѣ нужно было, вы говорите, спросить мою мать о моемъ отцѣ? прямо началъ Рулевъ, смотря на отца.

— Ого! сказалъ, выпрямившись, старикъ. Это чтожь будетъ?

— Разговоръ будетъ, холодно отвѣтилъ Рулевъ. Какое право имѣли вы сказать это? На чемъ основывались?

Старый капитанъ облокотился на столъ и положилъ подбородокъ на ладони. Глаза его засверкали изъ подъ сѣдыхъ бровей на сына. Онъ нѣсколько минутъ молча смотрѣлъ на него.

— Ты, братъ, думаешь, что я толковать съ тобою стану? спросилъ онъ сурово.

— Читайте, сказалъ онъ, бросивъ на столъ передъ отцомъ записку учителя.

Старикъ взялъ ее и прочиталъ. Руки его тряслись, поблѣднѣвшія губы дрожали. Онъ [положилъ записку на столъ, всталъ и прислонился къ печкѣ.

— Поняли? спросилъ Рулевъ.

Старикъ отрывисто кивнулъ головой.

— До сихъ поръ вы на нее клеветали, продолжалъ Рулевъ, вставая и подходя къ старику. Теперь вы клеветать не станете? спросилъ онъ.

Рулевъ говорилъ тихо и сдержанно, потому что не терпѣлъ

никакого крика. «Злость беретъ, такъ убей, раздави, а орать нечего», говаривалъ онъ обыкновенно. Старикъ тоже говорилъ тихо и глухо, потому что у него дыханье захватывало отъ гнѣва.

Они стояли лицомъ къ лицу. Старикъ взглянулъ было на сына и опять опустилъ глаза.

— Да и не для чего, говорилъ Рулевъ, подходя къ столу и беря фуражку, — теперь она ужъ не обидится, не заплачетъ, не станетъ въ ногахъ валяться. Уложилъ — ну, и конецъ игрѣ!

Старикъ вѣ себя выступилъ впередъ съ сжатыми кулаками, но покачнулся и упалъ на полъ. Кровь хлынула у него горломъ. Рулевъ положилъ его на кровать, открылъ окно, позвалъ брата и сѣлъ на столъ.

— Ты убилъ его! вскричалъ Андрей Никитичъ.

— Гдѣ тутъ, братъ, доктора найти? Онъ и для тебя, кажется, нуженъ, — насмѣшливо сказалъ Рулевъ младшій, надѣлъ фуражку, зашелъ къ доктору и отправился къ себѣ на квартиру. Онъ былъ просто золъ въ это время — ничего больше. Глаза его горѣли, лицо было угрюмо, всѣ движенія какъ-то сдерживались, точно всѣ мускулы были въ напряженіи. Людей, съ которыми онъ могъ обойтись и хуже, было очень много; но много, хоть и меньше, было и такихъ людей, которые знали Рулева за добрѣйшаго и деликатнѣйшаго человѣка.

Но здѣсь была дикая, враждебная сила, а ей нечего было ждать отъ Рулева никакой пощады.

XIV

Вскорѣ послѣ этой сцены, Рулевъ опять уѣхалъ изъ города. Въ своихъ странствіяхъ онъ иногда натыкался на крѣпкихъ и дѣльныхъ людей, могущихъ помогать его работѣ. Такіе люди хотя и не часто встрѣчаются, но есть теперь вездѣ. Въ одной деревнѣ встрѣтилъ онъ страннаго, хромого и угрюмаго господина, торговавшего книгами, грифельными досками и бумагой. Господинъ этотъ носилъ бороду, длинные волосы, ходилъ въ старенькомъ сюртучкѣ и брюкахъ, запущенныхъ въ сапоги. Звали его Илья Кудряковъ. При первой встрѣчѣ Рулевъ услышалъ слѣдующій разговоръ этого Кудрякова съ мальчикомъ, покупавшимъ азбуку:

— Учиться хочешь? спросилъ Кудряковъ.

— Смерть хочется, отвѣчалъ мальчикъ.

— А кто учить тебя будетъ?

— Сестра выучить.

Кудряковъ подумалъ.

— Хочешь за зиму и читать и писать выучиться? спросилъ онъ потомъ.

— За зиму? повторилъ мальчикъ и засмѣялся.

— Хочешь—такъ я тебя стану учить... Приѣду сюда зимой и выучу.

Въ другой разъ Рулевъ встрѣтилъ его на дорогѣ, и еще сильнѣе поразила его эта шпрокопчая, угрюмая и прихрамывающая фигура. Кудряковъ въ одной рубашкѣ и штанахъ, засунутыхъ въ сапоги, шелъ по окраинѣ дороги за повозкой и покуривалъ трубку.

Рулевъ попросилъ у него огня.

— Далеко ѣдете? спросилъ Рулевъ.

— А вотъ въ этой же деревнѣ и заночую, отвѣтилъ Кудряковъ, показывая трубкой впередъ.

— Книгами торгуете?

— Книгами... Прощайте! торопливо прибавилъ Кудряковъ, приподнявъ фуражку и, прихрамывая, зашагалъ за своей повозкой.

Рулевъ подумалъ, подумалъ и порѣшилъ къ ночи вернуться въ эту деревню. Къ закату солнца онъ дѣйствительно вернулся въ нее и опять встрѣтилъ Кудрякова, ведущаго поить лошадь. Они поклонились другъ другу.

Рулевъ остановился у знакомаго мужичка Сивожелѣзова.

У Сивожелѣзова же ночевалъ и Кудряковъ. Придя въ избу, онъ спросилъ поужинать, вынулъ бутылку съ водкой, выпилъ рюмку и началъ преспокойно ужинать.

— Вы — Степанъ Никитичъ Рулевъ? обратился онъ къ Рулеву.

— Рулевъ, отвѣтилъ тотъ съ удивленіемъ.

— Я на вашъ слѣдъ частенько нападаю въ послѣднее время. Недавно я видѣлъ вашихъ пріятелей такихъ-то и такихъ-то.

— Я-то ужь не по твоимъ ли слѣдамъ брожу? подумалъ Рулевъ и началъ раиспрашивать его о здѣшнемъ краѣ. Куд-

ряковъ зналъ его несравненно лучше Рулева и, какъ нарочно, сообщалъ такія данныя, которыя интересовали Рулева больше всего.

— Вы специально занимаетесь статистикой? спросилъ на послѣдокъ Кудряковъ.

— Да, отвѣчалъ Рулевъ.

На дворѣ заржала его лошадь и нетерпѣливо затопала ногами, ходя вокругъ столба, къ которому была привязана. Рулевъ вышелъ разсѣдлатъ ее и дать ей корма.

XV.

Илья кудряковъ былъ сынъ рыбака. Отецъ его былъ мужикъ умный и начитанный, хотя и отличался не то суровостью, не то мрачностью характера. По отцѣ и Илья Кудряковъ вышелъ уменъ.

Братъ его отецъ на рыбную ловлю. Ъздили они вмѣстѣ по широкой рѣкѣ, весной далеко заливавшей берега, такъ что на водѣ стояли деревья и росли кусты. Отецъ не разговаривалъ много, а удилъ рыбу, напѣвалъ пѣсни и взрѣдка только перекидывался съ Ильей нѣсколькими словами. Илья смотрѣлъ себѣ кругомъ, слушалъ, бѣгалъ по берегу и глубоко, на долгіе годы запали ему въ память и рѣчной воздухъ, и глубокое безмолвіе степи, крутые берега, изрытые весенними ручьями и поросшіе лѣсомъ, крикъ птицъ, пролетавшихъ надъ водой; стало ему въ городѣ душно и нехорошо—вѣчно хотѣлось въ поле, на рѣку, — бѣгать и купаться.

Въ городѣ случилось съ нимъ еще несчастіе. Баринъ, промчавшійся по улицѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, переломилъ ему ногу. Это было такъ: Илья игралъ на улицѣ въ бабки; за видѣвъ дрожки, побѣжалъ онъ прочь съ дороги, и упалъ, а дрожки проѣхали по его ногѣ. Илья заревѣлъ, попробовалъ было, опираясь на землю, встать, но, конечно, уже не могъ. Пришелъ отецъ, блѣдный больше, чѣмъ изувѣченный сынъ, — посмотрѣлъ и поднялъ Илью.

— Чего реवेशь? спросилъ онъ угрюмо дсрогой. Ни ревомъ, ни бранью ничего тутъ не подѣлаешь.

Долго лежалъ Илья въ душевной горницѣ, вспоминалъ о рѣкѣ, о ходьбѣ, о бѣганьи по лѣсистому берегу, и горько плака-

ль. Отецъ, возвращаясь съ промысла, ходилъ по горницѣ, слушалъ его стоны и хмурился.

— Чего ревешь-то? тебѣ говорю, утѣшалъ онъ его... Выростешь, — самъ увидишь, что терпѣть надо... Терпи.

Наконецъ, понемногу сталъ Илья ходить по улицамъ, и первымъ привѣтствіемъ ему были насмѣшки товарищей. Сначала Кудрякову стало невыносимо тяжело. Долго раздумывалъ онъ и злился, а потомъ и злиться пересталъ и, подъ влияніемъ суроваго отца, началъ смотрѣть на людскія отношенія съ глубокою ненавистью. Разумѣется, такой взглядъ не создался разомъ, — было много колебаній и всякихъ сомнѣній; но объ этихъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ я не стану распространяться, потому что надѣюсь въ послѣдствіи полнѣе анализировать развитіе Кудрякова. Вѣчно онъ или сидѣлъ на заборѣ, смотрѣлъ на улицу и въ темный вечеръ швырялъ въ прохожихъ камнями, или уѣзжалъ съ отцомъ на промыселъ и словно отдыхалъ на тихой рѣкѣ.

Въ домѣ у нихъ нанималъ квартиру гимназистъ — сынъ какого-то сельскаго священника. Къ нему Кудряковъ часто хаживалъ послушать хорошую книжку. Это было поводомъ къ сближенію молодыхъ людей. Разъ какъ-то, наслушавшись историческихъ разсказовъ, Кудряковъ въ восторгѣ обнялъ гимназиста и на другой день сказалъ ему:

— Хочешь у насъ даромъ жить?

— А что?..

— Учи меня читать; а денегъ за квартиру мы не станемъ съ тебя брать. Я такъ и отца упрошу.

Гимназистъ согласился, согласился на эти условія и отецъ Кудрякова, и Илья съ этого дня началъ учиться. Ему въ это время было уже 15 лѣтъ и потому онъ очень скоро выучился читать и поступилъ въ гимназію. Къ товарищамъ и учителямъ онъ относился грубо и холодно и жилъ полнымъ нелюбимомъ. Онъ работалъ неутомимо, успѣвалъ прочитывать громадное число книгъ и, по чуткости своей природы, усвоивалъ изъ нихъ только жизненные, реальныя знанія. Всѣ безплодныя метафизическія бредни онъ въ эти лѣта глубоко презиралъ.

Онъ кончилъ гимназическій курсъ, подумалъ, закупилъ книги, бумагу, карандаши и тому подобныя вещи, и отправился

торговать по деревнямъ и селамъ. Дѣтская любовь къ не жилищу, вольному мѣсту, рѣкамъ, лѣсамъ и полямъ сказалась теперь въ немъ, хотъ далеко не одна эта любовь навела его на эту дѣятельность. Въ немъ впоследствии Рулевъ нашелъ своего лучшаго друга и сотрудника.

ЛVI.

Рулевъ младшій шелъ какъ-то къ Вальтеру, съ которымъ онъ уже хорошо сошелся. Дорога пролежала около монастыря, и когда Рулевъ огибалъ монастырскія стѣны, изъ воротъ обители вышла Тихова.

— Степанъ Никитичъ, позвала она задумчиво проходившаго Рулева.

Рулевъ поднялъ голову.

— Здравствуйте, Анна Михайловна! сказалъ онъ наконецъ и пожалъ ей руку.

— Мнѣ нужно съ вами переговорить объ одномъ очень серьезномъ дѣлѣ, сказала Тихова.—На блѣдномъ лицѣ ея теперь игралъ румянецъ, глаза блестѣли ярче обыкновеннаго.

Рулевъ пошелъ съ нею обратно.

— Вальтеръ, заговорила Тихова съ какимъ-то сдержаннымъ спокойствіемъ, спросилъ меня сегодня: — хочу ли я быть его женой?.. Онъ меня любитъ давно уже...

— Вальтеръ—человѣкъ честный и правдивый, сказалъ Рулевъ, не поднимая головы.

— Да. Я вижу одно только препятствіе отвѣчать ему утвердительно, тихо продолжала Тихова.—Препятствіе въ томъ, что я люблю васъ, докончила она, вздрогнувъ и посмотрѣвъ на Рулева.

Ей давно думалось, что съ Рулевымъ нельзя говорить иначе, какъ прямо и вполне откровенно; въ его присутствіи ей чувствовалось, что такой разговоръ съ нимъ въ высшей степени простъ и естественъ.

Рулевъ продолжалъ идти.

— Анна Михайловна, заговорилъ онъ, и голосъ его точно дрогнулъ. Я не люблю васъ: я люблю только одно мое дѣло. А вы...

Ему хотѣлось сказать ей, что, по его мнѣнію, она не только

не поддержитъ его въ его дѣлѣ, но скорѣе свяжетъ. Но ему какъ-то жаль стало ее, и онъ смолчалъ.

— Думаете ли вы, Рулевъ, что я могу все-таки выйти за Вальтера? спросила Тихова, останавливаясь.

— Отчего же нѣтъ? спросилъ Рулевъ, смотря на нее своимъ свѣтлымъ взглядомъ.

— И больше вы ничего не можете и не хотите мнѣ сказать?

— Ничего, отвѣтилъ Рулевъ.

Тихова хотѣла что-то еще сказать ему, но не смогла: у нея голова закружилась...

— Прощайте, Рулевъ! произнесла она, усиливаясь сохранить спокойствіе и протягивая ему руку.

— До свиданья, Анна Михайловна! отвѣтилъ онъ, но не такъ уже ясно и спокойно, какъ прежде.

Тихова крѣпко и страстно пожала ему руку и ушла. У нея слезы навертывались на глазахъ. А Рулевъ опять пошелъ къ Вальтеру; но ему стало тяжело и грустно. Точно будто отъ горячо любимыхъ людей отрывался онъ въ дальнее плаваніе по морю, гдѣ впереди угрожаютъ ему бури, ураганы, подводныя мели и битвы. Бури и битвы были бы, впрочемъ, пріятны Рулеву, потому что за ними была близка и цѣль, къ которой онъ шелъ; но долго еще придется ему испытывать однообразное плаваніе, извѣдываніе и ожиданіе.

— Трудно вырваться изъ жизни, какъ бы она ни была пошла, думалъ онъ; трудно создать свою — съ иными радостями и наслажденіями, болѣе нормальными. Почему это? Потому, конечно, что окружающая безмятежная жизнь имѣетъ свою втягивающую, заманчивую силу, противъ которой бороться не легко. Вынесу ли я эту борьбу? не увлекусь ли гдѣ нибудь нѣжнымъ, сладкогласнымъ, располагающимъ къ нѣгѣ пѣніемъ?.. Вздоръ, порѣшилъ Рулевъ и насмѣшливо улыбнулся.

Онъ пришелъ къ Вальтеру довольно спокоенъ и рѣшительнъ.

— Помните ли вы нашъ разговоръ въ полѣ, когда мы змѣй пускали? спросилъ онъ, плотно затворивъ дверь и усаживаясь на диванъ.

— Помню, сказалъ Вальтеръ, остановившись по серединѣ комнаты.

— Я сказалъ тогда, что «силы есть у насъ», продолжалъ Рулевъ, поглаживая бороду и пристально смотря на Вальтера. Теперь я хочу пояснить это, прибавилъ онъ твердо.

XVII.

Воротившись домой, Тихова долго ходила, а потомъ съѣла за фортепяно и заиграла что-то грустное, точно прощальное. Изъ сосѣдней комнаты вышла Плакса въ новомъ простенькомъ платьѣ, съ шалью на головѣ.

— Въ церковь? спросила чуть слышно Тихова.

— Ко всеобщей, отвѣтила Плакса, облакачиваясь на фортепяно.

Тихова опять заиграла. Плакса нѣсколько минутъ слушала ее; она хотѣла было поговорить съ ней, но, замѣтивъ, что она не расположена говорить, Плакса вздохнула и тихонько ушла.

Горячо молилась она въ угрюмой древней церкви, стоя на колѣняхъ въ углу. Молилась она больше о Рулевѣ. Неотразимо стояла передъ нею его спокойная, высокая фигура, съ честнымъ и добрымъ лицомъ, съ свѣтлыми, умными глазами. Плаксѣ теперь хорошо жилось. Работала она, пока не уставала, училась, наслаждалась музыкой Тиховой, слушала ея рассказы о другихъ странахъ, а прежняя нужда и непосильная работа были забыты. За все это она была безконечно благодарна Рулеву, и свою затаенную признательность къ этому человѣку она выражала теперь, какъ умѣла, въ своей простодушной молитвѣ.

А Тихова въ это время задумчиво сидѣла надъ фортепяномъ. Думалось ей теперь: неужели нѣтъ другого исхода для ея любви къ Рулеву? Она была молода, онъ тоже; она любила его; неужели же непременно слѣдовало изъ этого — связать ея жизнь съ его жизнью? Да и могла ли бы она быть его сотрудницей въ его работѣ; хватило ли бы у ней силъ для такой суровой жизни, которую ведетъ Рулевъ?—И силилась она убѣдить себя въ невозможности и бесполезности этой любви, хотя всѣ мысли и чувства ея по-прежнему были на сторонѣ Рулева.

Пришелъ Вальтеръ. Онъ смотрѣлъ теперь какъ-то особенно весело и браво. Тихова пожала его руку и старалась

улыбнуться. Они долго ходили по комнатамъ и говорили. Вальтеръ передалъ ей планы Рулева. Тиховой опять стало невыносимо тяжело.

Она уѣзжаетъ, прибавилъ Вальтеръ.

На долгов?

Не знаю; да и самъ Рулевъ не знаетъ.

— Ахъ, Рулевъ, Рулевъ! съ глубокимъ вздохомъ повторила Тихова, и затѣмъ крѣпче сжала руку Вальтера, прислонилась къ его плечу и тихо зарыдала.

XVIII.

На другой день вчеромъ Рулевъ младшій она работай—писалъ письма; Боже мои старший братъ епиди не снпшая фуражки, подошелъ къ столу. Рулевъ посмотрѣлъ на него и, все сказавши слова, продолжалъ писать; и ушелъ онъ болон

— Отецъ умираетъ, огривисто произнесъ Андрей Никитичъ.

— Ну, сказалъ онъ рывко, смотря брагуивъ лицо.

— Ийдешь ты къ нему?

— А онъ велѣлъ звать меня?

— Зоветь, простылся хочеть.

Рулевъ началъ ходить по комнатамъ.

— Что же? спросилъ тотъ.

— Да что, саркастически заговорилъ Рулевъ младшій. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно водится просить обоюдного прощенья... А на мой взглядъ—пока жили мы, такъ и дѣлали по своему разумнью дѣло; а принципъ конецъ, такъ и толковать нечего, потому—дѣлу всякому конецъ.

— Умираетъ онъ, братъ...

Рулевъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Ты, кажется, хочешь сказать этими словами, что—ты же, молъ, милый братецъ, и убилъ его? а?

— Да, сказалъ Андрей Никитичъ и лицо его поблѣднѣло.

— Для тебя собственно,— продолжалъ онъ, становясь лицомъ къ лицу съ братомъ,— я могу сказать, что когда я говорилъ съ отцемъ въ послѣднй разъ, такъ дѣлалъ честно

то, и повторить его не откажусь никогда— понялъ? сказалъ онъ отрывисто...

— Прощай! сказалъ Рулевъ старшій, надвывая фуражку.

— Прощай! отвѣчалъ младшій братъ, и сѣлъ за работу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ всталъ и легъ на кровати. Лежалъ онъ и часть, и другой.

По лѣстницѣ кто-то шелъ, тяжело и медленно ступая. Рулевъ обернулся. Вошелъ Кудряковъ въ своемъ скотучкѣ и брюкахъ, запущенныхъ въ сапоги, въ накинутаго сверху верблюжьемъ плащѣ и старомъ картузѣ. Онъ поставилъ въ уголъ палку, снялъ плащъ и крѣпко пожалъ руку Рулеву. Рулевъ былъ искренно радъ ему.

— Пріѣхалъ въ городъ нарочно повидаться съ вами еще разъ до вашего отъѣзда, сказалъ Кудряковъ, садясь на стулъ.

Загорѣлое лицо Кудрякова, на первый взглядъ, было упрямое, но всмотрѣвшись пристальнѣе, можно было найти въ его чертахъ одно только глубокое, твердое спокойствіе. Люди, подобные Рулеву и Кудрякову, выработавшіе самостоятельный взглядъ на жизнь и опредѣлившіе себѣ извѣстный родъ дѣятельности, — всегда обладаютъ полнымъ сосредоточеннымъ спокойствіемъ. Ихъ можно растерзать, раздавить, убить, но запугать или заставить согнуться — нельзя. Они знаютъ это.

Кудряковъ закурилъ свою трубочку.

— Я сомнѣвался застать васъ, сказалъ онъ.

— У меня на рукахъ есть еще чужія дѣла — дѣла завода, сказалъ Рулевъ.

— Я объ этомъ и не подумалъ, замѣтилъ Кудряковъ, они проговорили далеко за полночь. А старый капитанъ умиралъ въ своемъ маленькомъ домикѣ. Передъ образами горѣли лампады, на столѣ свѣчи. Шелъ дождь и стучалъ въ саду по листьямъ деревьевъ. Старый товарищъ капитана, полковникъ, сидѣлъ подлѣ кровати умирающаго. Тутъ же лежалъ, вынутый по просьбѣ старика, капитанскій мундиръ, въ которомъ старый Рулевъ геройствовалъ въ битвахъ, и лучи свѣта играли на его пуговицахъ.

Старшій сынъ ходилъ по комнатѣ, а младшаго старикъ еще ждалъ напрасно.

— Не придетъ, сказалъ онъ наконецъ глухо.

Дождь стучалъ. Андрей Ничитичъ ходилъ по комнатѣ, и шаги его рѣзко отдавались по всему безмолвному дому. Заскребли гдѣ-то мыши, вѣтеръ зашумѣлъ деревьями, застучала

въ конюшни лошадей. — Жизнь съ страшною ясностью свѣща-
лась умирающему въ каждомъ звукѣ и точно звала его.

— Похороните меня въ этомъ мундирѣ, сказалъ онъ опять.

Часы пробили двѣнадцать. Гдѣ-то запѣли пѣсню. Она томи-
тельно отозвалась въ ухахъ капитана. Ему хотѣлось бы,
чтобы онъ умеръ гдѣ нибудь въ темномъ погребѣ, гдѣ бы
ни вода не капала съ сырыхъ стѣнъ, не шевелился воздухъ,
не слышалось ни одного звука. Ему хотѣлось бы, чтобы весь
мїръ умеръ вмѣстѣ съ нимъ.

— Степанъ, Степанъ! стоналъ онъ.

— Ты, Андрей, хоть заочно попросишь бы у него старику
прощенья, сказалъ онъ съ глубокой тоской.

Къ вечеру онъ умеръ, не дождавшись своего младшаго сына.

XIX.

Пришла и свадьба Вальтера. Рулевъ стоялъ на хорахъ въ
темномъ углу и облокотился на перила. Церковь блистала
огнями, вокругъ колоннъ горѣли свѣчи, Все къ лучшему про-
говорилъ Рулевъ и пошелъ внизъ. Вслѣдъ ему гремѣло ра-
достное, стройное пѣнье. Онъ затворилъ тяжелую церковную
дверь и пошелъ по улицѣ.

Долго ходилъ онъ по набережной рѣки, обдумывая марш-
рутъ и планы предстоящей поѣздки.

На возвратномъ пути Рулевъ проходилъ мимо новой, освѣ-
щенной квартиры Вальтера. Въ раскрытыя окна слышалась
музыка, мелькали женщины въ бальныхъ платьяхъ... Рулевъ
остановился на минуту, потомъ пошелъ домой и легъ спать.
Завтра ночью онъ порѣшилъ уѣхать.

XX.

Передъ отъездомъ Рулевъ зашелъ къ брату, чтобы пере-
говорить кой о чемъ. Андрей Никитичъ сидѣлъ на окнѣ: пе-
редъ нимъ стояла Саша и плакала. Замѣтивъ Рулева, кото-
рый въ это время только что показався въ дверяхъ, Саша
быстро ушла въ другую комнату. Рулевъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ,
сѣлъ на столъ и опять взглянулъ на брата.

— Ты на ней не женишься? спросилъ онъ сурово.

— Она еле-еле читать умѣетъ.

— Научи.

— Не годится она мнѣ въ жены, сказалъ съ досадою старшій братъ, переходя на диванъ и ложась.

— Однакожъ изъ тебя, братъ, вышелъ порядочный мерзавецъ, сказалъ ему Рулевъ съ разстановкой. — Она и одна голодала—куда же ты ее съ ребенкомъ отправляешь?..

— Это лично мое дѣло, глухо отвѣчалъ старшій братъ. — А за слово мерзавецъ ты, я полагаю отвѣтишь мнѣ?

У него глаза заискрились. Съ пистолетами въ рукахъ онъ равенъ былъ бы брату. Эта борьба была бы ему по силѣ...

Рулевъ насмѣшливо смотрѣлъ на него.

— Драться? сказалъ онъ тихо. — Она охота! Ты, какъ видно, меня за героя какого-то при Стрѣляться и нисѣ! къ мнѣ не стану! Назовешь ты меня мерзавцемъ на расно, такъ я объ тебя мою палку обломаю, а го престо избыюкакъ себеку. За дѣло назовешь, такъ я съ тобой соглашусь, а дѣло поправлю. — Онъ опять посмотрѣлъ на брата и какъ то жалка показавшись ему, эта блѣдная фигура, прицавшая головой къ спинкѣ дивана, и безсильно кусавшая свои тонкія, красивыя губы.

— Вотъ, что, продолжалъ Рулевъ съ-какою то жалостью въ голосѣ, ведено терзаться и проклинать себя. Съ такимъ настроеніемъ духа можно до одного только подвига дойти: любь себя прострѣлить. Сегодня я бду отсюда, такъ на прощанье сдѣлаемъ мы хоть одно порядочное дѣло вѣстѣ.

Андрей Никитичъ упорно молчалъ.

— Сиди да давай возможность зарабатывать деньги, продолжалъ Рулевъ. Она можетъ взять нѣсколько дѣвушекъ и брать заказы. — Вотъ мои деньги, продолжалъ онъ, вставляя бумажникъ; ты, конечно, столько же дашь своихъ, и для начала будетъ довольно. — Ты передашь ей деньги?..

— Нѣтъ, коротко отвѣтилъ Андрей Никитичъ и насмѣшливая улыбка заиграла на его скривившихся, блѣдныхъ губахъ. Онъ опять таки власть свою хотѣлъ показать.

Рулевъ послѣ этого надѣлъ фуражку и пошелъ было къ двери, но остановился и опять посмотрѣлъ на брата.

Тотъ неподвижно лежалъ и самоуверенно улыбался. Рулевъ такъ и ушелъ, не сказавъ больше ни слова. Дома онъ написалъ о Сашѣ записку Тиховой и уѣхалъ.

Дальнѣйшей судьбы его я пока не знаю.

СЪУМАСШЕДШИЙ ВЪ ГОСТИНИЦѢ БЪЛАГО ДЪВѢДА

ИЛИ

НѢМЕЦКІЯ ГАЗЕТЫ.

(ПЕРВЫЯ ГЛАВЫ БОЛЬШОГО СОЧИНЕНІЯ).

(ИЗЪ ВЕРНЕ*)

ГЛАВА I.

«Готтгару фонъ-Диберхенъ, юристу изъ «окной» Германіи, было повезено добить въ Парижѣ убѣжденіе, что суды присяжныхъ и публичное обсужденіе дѣлъ вообще вредны. Онъ принялъ на себя это дѣло съ величайшими удовольствіемъ, и при проѣздѣ черезъ Франкфуртъ, гдѣ я живу, поспѣшилъ меня. Почему онъ, направляясь въ Страсбургъ, сбѣжалъ кругъ и забѣжалъ во Франкфуртъ, — этого я не знаю, да мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Въ прежнее время онъ былъ демагогъ, теперь еще отчасти страдаетъ этою болѣзнію и, можетъ быть, хотѣлъ предпринять во Франкфуртѣ аристократическое леченіе. Какъ бы то ни было, но онъ пріѣхалъ и сдѣлалъ мнѣ честь познакомиться со мною. Каждое новое знакомство, дѣлаемое мною, увеличиваетъ добрую славу моихъ скромныхъ сочиненій, потому что я обладаю искусствомъ нравиться меньше, чѣмъ они, и еще ни одинъ новый знакомый не ушелъ отъ меня безъ того, чтобы не сказать про себя: «кто могъ бы подумать это!» Но въ тотъ день, когда меня повѣстилъ г. фонъ-Диберхенъ, мнѣ рѣшительно не далось это счастье. Герръ фонъ-Диберхенъ обладалъ

(*) Статья эта помѣщена здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями: *Перев.*

особенным дарованіемъ заставлятъ бесѣдовать и я говорилъ такъ прилежно, что въ одинъ часъ сказалъ больше, чѣмъ могъ въ другое время наговорить за цѣлый день. Я былъ весьма разговорчивъ, поучителенъ, почти милъ. Когда пробило десять часовъ и намъ пришлось разстаться, мы еще ничѣмъ не рѣшили вопроса, о которомъ толковали битыхъ пять часовъ, — и оба разомъ, точно мы только-что окончили какую нибудь вѣгантную газету, воскликнули: «продолженію впредѣ». Такъ легко сходатся умные люди, и такъ гораздо легче издѣваться надъ своими цѣпями, чѣмъ сорвать ихъ съ себя! — Мой новый знакомый пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ на слѣдующій день въ гостиницѣ, гдѣ онъ стоялъ, и я принялъ это приглашеніе тѣмъ охотнѣе, что оно пришлось въ четвергъ — день, въ который, ради кислой капусты, въ «Бѣломъ Лебедѣ» собирается самое изысканное общество. Кислая капуста есть чисто нѣмецкое кушанье; нѣмцы изобрѣли его и любятъ его, и ухаживаютъ за нимъ съ тою нѣжностью, на которую они такъ способны. Луденъ, въ своей превосходной исторіи Германіи, говоритъ о своемъ отечествѣ: «Германія — одна изъ прекраснѣйшихъ странъ, какія только солнце освѣщаетъ въ своемъ вѣчномъ путешествіи. Услаждая взоръ, развеселяя и возвышая духъ, Германія даетъ все, что нужно человѣку для сохраненія и развитія его духовныхъ силъ». Нѣтъ сомнѣнія, что когда Луденъ писалъ эти строки, онъ думалъ о кислой капустѣ. Но ему слѣдовало прямо высказать свою мысль, потому что, такъ какъ онъ не сдѣлалъ этого, то многіе ослѣпѣли не дождавшаго мѣста.

Когда на слѣдующій день я пришелъ къ г. фонъ-Либерхенъ для того, чтобы, согласно нашему условію, прогуляться съ нимъ по городу до обѣда, то засталъ его очень блѣдымъ и сердитымъ. Онъ пожаловался мнѣ, что цѣлую ночь не давалъ ему спать безпокойный вѣсѣлъ, который все время болталъ, кричалъ, вздыхалъ и смѣялся, и вообще шумѣлъ, точно одаренный дьяволомъ... Въ эту самую минуту вѣсѣлъ снова занемогъ. Онъ топалъ, какъ лошадь, смѣялся и стоналъ, и такъ громко говорилъ самъ съ собою, что мы могли ясно слышать многія слова и фразы, достаточно худощавыя для того, чтобы проскользнуть сквозь щели и замочную скважину дверей. Мы слышали: «Сирота тайнаго савѣтника!.. Ахъ, вы, добродушные медвѣди!.. инспекторъ садовъ... гофратъ... Попка... ха, ха, ха!.. попка... о, скотина, глупая, бессмысленная скотина!...» Последнія слова онъ произнесъ взволнованнымъ, почти плачущимъ голосомъ. Послѣ этого послышался стукъ

чего-то, съ силой брошеннаго въ двери, и раздался звонъ, какъ будто въ разбитой чашки или стаканѣ. Герръ фонъ-Либеркенъ вышелъ изъ себя, вскочилъ и хотѣлъ бѣжать въ соседній номеръ, чтобы избежать непогоды. Я старался успокоить его, но все было напрасно; онъ вырвался отъ меня и былъ уже у двери, когда, къ счастью, вошелъ кельнеръ съ шоколадомъ. Я началъ осматривать его вопросами, а впрямь — жалобами на незнакомца. Кельнеръ улыбнулся и положилъ палецъ сперва на губы, а потомъ на лобъ. Этими онъ хотѣлъ объяснить намъ, что мы должны говорить потише и что незнакомецъ не совсѣмъ здоровъ головою. Мы продолжали спрашивать и слушать. Оказалось, что незнакомецъ живетъ уже шесть недѣль въ гостиницѣ, что онъ богатъ, но сумасшедшій. — Богатъ и сумасшедшій? спросилъ я съ изумленіемъ кельнера; вы вѣрно не адвѣкатъ? — Нѣтъ, отвѣчалъ кельнеръ, дружески кивнувъ головой — я изъ Регенсбурга. — Затѣмъ онъ расказалъ слѣдующее: незнакомецъ говоритъ рѣдко и ерничливо, но когда уже начинаетъ говорить, то балтаетъ громко и безъ умолку. Онъ пріятливъ, добродушенъ, вообще ведетъ себя какъ всякій разумный человѣкъ, и только по временамъ находитъ на него припадки. Это обыкновенно случается утромъ, иногда за обѣдомъ и очень часто вечеромъ, когда онъ приходитъ домой изъ казино. — Меня разобрако любопытство незнакомца съ человѣкомъ, который бываетъ сумасшедшимъ только три раза въ день, и я повпросилъ кельнера посидѣть нась за обѣдомъ рядомъ съ этимъ господамъ. Кельнеръ отвѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ это очень охотно, что его даже радуешь выказанное нами желаніе, потому что онъ уже не знаетъ, куда сажать незнакомца, такъ какъ почти всѣ гости избѣгаютъ его общества. — Причины этого — прибавилъ кельнеръ — я рѣшительно не понимаю, потому что незнакомецъ никою не затрогиваетъ. Должно быть, однако, тутъ есть что-то особенное: по крайней мѣрѣ, еще недавно г. легационеръ фонъ-Фистель, одинъ изъ нашихъ господъ абонентовъ, отвѣлъ другаго кельнера въ сторону, положилъ ему въ руку два императорскихъ червонца и сказалъ, что незнакомецъ опасный человѣкъ и что онъ, кельнеръ, долженъ слѣдить за всѣмъ, что онъ будетъ дѣлать и говорить, и обо всемъ доносить ему, г. легационеру.

Донесеніе біографа-кельнера состояло изъ двухъ противоположныхъ частей — классической и романтической. Классическая, именно та, въ которой было много объ опасномъ характерѣ сумасшедшаго незнакомца,

привлекла больше внимание Гофрата: романтическая же, касавшаяся шумной честности его, больше заинтересовала меня. Такъ или иначе, въследствіе этого, мысли наши вошли совершенно противоположными дорогами, то по уходѣ кельнера разговоръ не завязывался и мы больше говорили каждый съ самимъ собою, чѣмъ другъ съ другомъ. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы вознаградить себя за то, что было потеряно мною накануне; я былъ очень окученъ; юристъ превозносилъ мои сочиненія и скоро смедно задремать. Въ это время ходилъ по комнатамъ и волею предавался своимъ мыслямъ.

ГЛАВА II.

Я такъ громко декламировалъ такъ, что возбуждалъ бы всю гостиницу, если бы былъ счастливъ, мой юристъ не проснулся отъ этого шума и не положилъ конца моему разлагающемуся. Онъ всталъ, красный отъ сна и досады, и спросилъ: опять огула съ модной вонюшкой? Нѣтъ, отвѣчалъ я кратко, это я. — Тогда онъ сѣлъ на кровать, и сильно зѣвнулъ.

Любезный читатель! Если мой юристъ наведетъ на тебя окуку, то въ части предполагаю, — и ты изъ вѣжливости скроешь это отъ меня, то право я не благодарю тебя за эту деликатность, потому что она была бы одолженіемъ, за которое я никогда не могъ бы заплатить тѣмъ же. Будемъ всегда откровенны другъ съ другомъ. Чистосердечно сознаюсь тебѣ, что мнѣ самому сильно надоѣлъ этотъ Гофратъ изъ южной Германіи, потому что я рѣшительно не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, глядя на которыхъ, считаешься можно ли захотѣть въ послѣдніе дни или нѣтъ. У него есть голова, и сердце, и въ общемъ онъ материнскимъ молокомъ точно такъ же, какъ и мы; но его красная кровь холодна, и вместо костей Человѣческихъ, у него кости рыбы, которыя, правда, очень гибки, но въ тоже время очень прочны. Я не отражаюсъ вкушать его, и въследствіе этого, не смотря на то, что сначала имѣлъ наѣтъ удерживать его во Франкфуртѣ восемь дней, — отправлю завтра же на почтовыхъ въ Страсбургъ.

Было половина перваго; до обѣда оставалось еще полчаса, и рѣшеніе мое — сходить въ это время на биржу, было принято. Выйдя изъ воротъ гостиницы, я увидѣлъ передъ собой длинную, худощавую фигуру, удалявшуюся быстрыми шагами; она показалась мнѣ знакомою

и я догадалъ ее. О небо! о радость! Это былъ Генрихъ Валлеръ, мой милый, длинный Генрихъ, мой незабвенный вздохъ на ослѣ изъ Монморанси. Я подошелъ къ нему, прижался къ его груди и слезы выступили у меня на глаза. Въ его глазахъ тоже сверкнуло что-то; но кто могъ бы рѣшить, что именно это было? Жесткія и вроткія черты этого удивительнаго человѣка всегда отдѣлялись отъ другихъ, какъ укусъ отъ масла, а если какое нибудь внезапное волненіе иногда и смѣшивало ихъ, то это смѣшеніе длилось не болѣе минуты. Я протянулъ ему мою маленькую руку, которую онъ спряталъ и пожалъ въ своей огромной рукѣ. — Какимъ чортомъ вы сюда попали? воскликнулъ онъ. — У Генриха первое и послѣднее слово — чортъ, но оно попадается часто и въ серединѣ фразы; — нѣтъ человѣка, у котораго чортъ былъ бы чаще на губахъ и рѣже въ сердцѣ. — Онъ удивился, что увидѣлъ меня во Франкфуртѣ, потому что, не смотря на то, что во Франціи мы цѣлый годъ были неразлучны съ нимъ, онъ ни разу не спросилъ меня, гдѣ моя родина...

На горячей и пыльной мостовой, которую никто не заботился поливать, я и Генрихъ вспомнили прекрасные, свѣжіе дни въ лѣсахъ Монморанси, припомнили нашихъ друзей Солье и Копа, припомнили и то, какъ часто, въ сообществѣ этихъ людей, мы изготовляли себѣ изъ нѣмецкой кислоты, французскаго сахара и англійскаго спирта разговоръ, оживлявшій и согрѣвавшій насъ не хуже пуха. Говорили мы и о другихъ вещахъ; и среди сотни вопросовъ безъ отвѣтовъ дошли до Браунфельса. — Пойдемте назадъ, сказалъ я своимъ сотрудникамъ, биржа уже закрыта. На встрѣчу намъ стали попадаться евреи; они шли рядами въ двѣнадцать, двадцать человѣкъ и двигались какъ колеса (они дѣйствительно колеса, только не экипажныя, а часовыя) по проѣзжей дорогѣ, предоставляя пѣшеходную бѣднякамъ. Какой либеральный народъ, какъ онъ любить гласность! У нихъ нѣтъ на сердцѣ ничего такого, о чемъ бы они не разсуждали при всѣхъ, на улицѣ. И какой основательный народъ! Ничего не можетъ быть поучительнѣе многочисленныхъ примѣчаній, которыми ихъ руки, ноги и головы сопровождаютъ текстъ ихъ рѣчей. Я замѣтилъ въ ихъ числѣ многихъ друзей и ихъ, подошелъ къ нимъ и поздравилъ ихъ. Они поблагодарили и звякнули деньгами, лежавшими въ ихъ карманахъ. Валлеръ пожелалъ узнать, по какому случаю я поздравилъ евреевъ? Я разсказалъ ему, что вчера они получили давно желанное позволеніе на браки своихъ дѣтей. — Какъ, спросилъ Генрихъ, развѣ они хотѣли же-

нить ихъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства? — Нетъ, отвѣчалъ я; но здѣсь ни одинъ еврей не имѣетъ права жениться безъ дозволенія вправительства. — И что же, въ этомъ дозволеніи иногда отказываютъ имъ? — Законъ говоритъ, что бракъ долженъ быть запрещенъ для всѣхъ евреевъ; изъ этого запрещенія исключается только пятнадцать паръ въ годъ. — Но вѣдь это гнусность, это сущее вифлѣмское убіеніе младенцевъ! — Не совсѣмъ! будемъ скорѣе радоваться, что человечество сдѣлало такіе большіе успѣхи; даже ремесло палача обогородилось. Дѣйствительно, можетъ ли быть способъ казни болѣе человѣчественный, чѣмъ убіеніе дѣтей еще до ихъ зачатія? Всего четыре тысячи лѣтъ назадъ, египетскому фараону пришла политико-экономическая мысль уменьшить еврейское населеніе; но наши христіане употребляютъ болѣе кроткія средства, они запрещаютъ евреямъ жениться. — Христіане! да развѣ вы послѣ этого христіане? — И еще какіе! У насъ есть горячіе протестанты, которые, изъ-за того, что наши граждане веселятся въ воксалѣ, со страхомъ ожимаютъ для этого города участи Содома и Гоморы, а за то, что католическая церковь дозволяетъ въ праздничные дни продажу вишенъ, сравниваютъ эту церковь съ вавилонскою блудницей. Имѣемъ мы также набожныхъ католиковъ, считающихъ себя святыми, на томъ основаніи, что они чувствуютъ себя избавленными отъ разума. — Но гдѣ же право, гдѣ человѣчность? — Право и человѣчность, мой добрый Валлеръ, — вещи свѣтскія, которыми наши протестанты и католики, не позволяютъ себѣ развлекаться. — И неужели евреи переносятъ безропотно эти гоненія? — Ихъ металлическія деньги и банковыя акціи приносятъ имъ пять процентовъ, а честь, не приносящая процентовъ, для нихъ вещь совершенно негодная. — Какоевъ попъ, такоевъ и приходъ, сказалъ Генрихъ, сжалъ кулакъ и воскликнулъ: о Господи! Господи!... Я зналъ эту вооруженную молитву... Въ это время въ гостиницѣ раздался обѣденный колоколь. Алефъ, Бетъ, Ламетъ, Куфъ и много другихъ евреевъ тоже очутились въ «Бѣломъ Лебедѣ», они пришли ради кислой капусты.

Я очень обрадовался обѣду и сѣлъ за столъ между Валлеромъ и юристомъ, принявъ предосторожность разъединить ихъ. Это я сдѣлалъ вотъ почему: герръ фонъ-Либерхенъ изучилъ не только юриспруденцію, но и камеральныя науки, и выработалъ изъ себя отличнаго полицейскаго художника. Въ какой нибудь часъ онъ узналъ о жизни Валлера больше подробностей, чѣмъ я могъ бы узнать за цѣлый годъ.

Генрихъ былъ откровеннѣе, какъ открытое море, но это не мешало г. фонъ-Анберкену выпытывать, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что хитрость иногда кладетъ свои сокровища въ незатворенные сундуки и думаетъ, что тутъ онѣ спрятаны самымъ надежнымъ образомъ: Онъ спрашивалъ, и спрашивалъ больше чѣмъ, слѣдовало, а Генрихъ отвѣчалъ, — и отвѣчалъ больше, чѣмъ требовало благоразуміе. Вслѣдствіе этого, я прекратилъ эту игру въ вопросы и отвѣты. Противъ насъ сидѣлъ легационератъ фонъ-Фистель, котораго я очень люблю за то, что разъ онъ далъ мнѣ выиграть паріи. Именно, я побился съ однимъ пріителемъ объ закладъ, что въ теченіе часа слѣваю этому легационерату сто различныхъ и точныхъ вопросовъ, и онъ отвѣтитъ на каждый изъ нихъ, не сказавъ ни разу да или нѣтъ. Такъ и вышло. Легационератъ и Валлеръ были, повидимому, знакомы другъ съ другомъ и обмѣнялись дружескими поклонами; но Генрихъ при этомъ поморщился и проворчалъ мнѣ на ухо: «чортъ его побери!» И затѣмъ продолжалъ, перемишывая свою рѣчь стаканами вина: «Мнѣ слѣдовало бы любить его, потому что онъ не сердитъ меня и способствуетъ моему пищеваренью, но если я и готовъ прижать его къ своему желудку, то ни за что не прижму къ сердцу, хотя онъ и похожъ на человѣка. Да развѣ это человѣкъ? Обыкновенный лакей носить ливрею съ краснымъ или желтымъ воротникомъ, стоитъ за стуломъ своего господина, издѣвается надъ нимъ втихомолку и имѣетъ свои собственныя мысли. Но такой дипломатическій лакей! Всѣ его кишкы одѣты въ ливрею, какъ онъ самъ; его голова и сердце выкрашены и выкроены чужою рукой; все, что онъ долженъ думать, чувствовать, говорить, скрывать, — все это ему предписано. Когда онъ хочетъ чихнуть, то долженъ прежде справиться въ своей инструкціи, какъ она велитъ ему поступить въ этомъ случаѣ. Вчера я спросилъ его, какія новости привезъ курьеръ, который пріѣхалъ изъ Парижа къ Ротшильду? Надо вамъ знать, что весь городъ говорилъ объ этомъ курьерѣ. — А! такъ сюда пріѣхалъ курьеръ? спросилъ легационератъ. — Въ этомъ состоялъ весь его отвѣтъ. Спроси я его: гдѣ вы были вчера во время страшнаго грома? — онъ, вмѣсто отвѣта, спросилъ бы меня: какъ, развѣ вчера былъ громъ? — А разговоръ его! Онъ говорить такъ тихо, что во всякое время можетъ отречься отъ того, что сказалъ. *Se langage desossè* страшно дѣйствуетъ на мои нервы; эта рѣчь течетъ изъ уха, словно супъ, и ее слышишь, не слушая. Недавно онъ громко произнесъ прекрасное слово: чортъ побери! Я былъ

изумленъ, обрадованъ и примиренъ съ нимъ; но оказалось, что это восклицаніе было только слѣдствіемъ припадка подагры, выведшаго его изъ терпѣнья. На слѣдующій день онъ не пришелъ къ обѣду, и потому восемь дней пролежалъ въ постели.

...Въ это время на столъ появился громадный кусокъ жаренаго мяса; онъ возбудилъ всеобщее изумленіе и прекратилъ всѣ разговоры. Въ то время, когда мнѣ нечего было слушать, нечего говорить и нечего ѣсть, я вспомнилъ о съумасшедшемъ сосѣдѣ гофрата. Я подошелъ къ себѣ кельнера и спросилъ: гдѣ съумасшедшій? — Да вотъ онъ сидитъ, отвѣчалъ онъ тихо. — Я посмотрѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ только знакомыя лица. — Да гдѣ же? снова спросилъ я. — Да подлѣ васъ! — Какъ! вскричалъ я съ изумленіемъ, приподнявшись на стулѣ; г. Валлеръ! — Онъ самый. — Это прелестно! подумалъ я и восторгался при мысли о восторгѣ, съ которымъ Валлеръ услышитъ отъ меня о своемъ повышеніи. Но покажѣть я не хотѣлъ нарушать его спокойствіе, такъ какъ онъ углубился въ чтеніе «Почтовой Газеты», и отложилъ сообщеніе моей новости до послѣ-обѣда.

Кельнеръ, указавшій мнѣ на съумасшедшаго, былъ въ это время занятъ перемѣною приборовъ, — и такимъ образомъ случилось, что, развлеченный моими вопросами, онъ наклонилъ одну изъ шести тарелокъ, которыя непонятнымъ образомъ держалъ въ одной рукѣ, и вылилъ на голову Валлера содержимое ея — остатокъ превосходной подливки изъ арака; она потекла на «Почтовую Газету» и придала этой послѣдней совершенно незнакомую ей принось. Генрихъ громко расхохотался, можно сказать даже возликовалъ и воскликнулъ: Попка, Попка замочился, совсѣмъ замочился! — Мы всѣ съ удивленіемъ спросили: какой попка, гдѣ, какъ? даже легаціонсратъ засмѣялся и сдѣлалъ тѣже вопросы. — Какъ, г. легаціонсратъ — спросилъ Валлеръ съ самою серьезною миной, — и вы не знаете этого? Вы не знаете, что купецъ Попка сдѣланъ коммерціи совѣтникомъ? Вотъ, прочтите сами. — Фонъ-Фишель прочелъ, сдѣлалъ на своемъ лицѣ почтительныя складки и сказалъ: — Да, это важно, это весьма похвально; въ поощреніе торговаго сословія, купецъ Поповъ, — не Попка, а Поповъ, — сдѣланъ коммерціи совѣтникомъ. — Ну, Попка или Поповъ, возразилъ Валлеръ, наливая вино во всѣ стаканы — все равно, да здравствуетъ онъ! Да здравствуетъ Стефанъ Поповъ! И Іаковъ Филаговъ, тоже сдѣланный коммерціи совѣтникомъ, тоже да здравствуетъ! Теперь еще одинъ тостъ, господа! за здоровье кассельскаго трактирщика,

вытащившаго изъ воды женщину изъ Муцига. Вотъ читайте: одна прачка въ Муцигѣ упала въ воду и непременно уточила бы, если бы одинъ гессенъ-кассельскій трактирщикъ не вытащилъ ее изъ воды... А какъ вамъ нравится новость, что инспекторъ садовъ... да гдѣ же это?.. нѣтъ, это во вчерашней газетѣ... Ну, все равно: одинъ инспекторъ садовъ пожалованъ въ гофраты. За его здоровье, господа! Но какія, въ самомъ дѣлѣ, превосходныя новости помѣщаются каждый день въ вашей «Почтовой Газетѣ!» Какъ онѣ поучительны! — Да, замѣтилъ легационсратъ, она составляется съ большимъ умѣньемъ. — И умѣньемъ, и осторожностью, и всѣмъ, чѣмъ хотите, сказалъ Валлеръ; вчера въ ней... Но погодите одну минуту, господа, я сейчасъ вернусь.

Генрихъ вышелъ и скоро возвратился съ жестяной шкатулкой, затворенной небольшимъ висячимъ замкомъ. Многіе изъ еще не ушедшихъ гостей (обѣдъ былъ уже оконченъ), окружили его, любопыествуя узнать, что заключалось въ шкатулкѣ. Нѣкоторые изъ евреевъ тоже ожидали съ напряженнымъ вниманіемъ. — Милостивые государи, спросилъ Валлеръ, можетъ ли кто нибудь изъ васъ сказать мнѣ, какой въ настоящее время курсъ билетовъ дармштатской лотереи? — Тридцать пять, отвѣчали съ нѣсколькими евреями разомъ, съ рѣдкимъ сходствомъ въ отвѣтъ и декламацин.—Тогда Генрихъ открылъ шкатулку и вынулъ оттуда газеты, ничего болѣе, какъ газеты. Евреи насмѣшливо пожали плечами и отошли прочь. Валлеръ сѣлъ къ столу, разложилъ передъ собою газеты и, перелистывая ихъ, сказалъ то, что мы услышимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

Милостивые государи! Я привыкъ говорить одинъ и не терплю никакихъ возраженій, потому что я всегда правъ. Всякаго, прерывающаго меня, я объявляю нарушителемъ спокойствія и, смотря по обстоятельствамъ, опаснымъ возмутителемъ народа. Я вижу, что вы, г. легационсратъ, удивлены; но это меня нисколько не удивляетъ, потому что мнѣ самому удивительно, что я до сихъ поръ не сдѣлался министромъ. Вы, г. легационсратъ, тоже человекъ съ достоинствами, и пойдете далеко. Но, хотя вы и не достигли еще высшей ступени почестей, я все-таки знаю, что вы уже теперь презираете обществен-

ное мнѣніе и раздѣляете мое частное мнѣніе, состоящее въ томъ, что Тацитъ не важна штука, не смотря на то, что весь свѣтъ его хвалитъ. Вы знаете его «Германію» — какъ всѣ восхваляютъ ее! А что она такое? — Здѣсь, милостивые государи, вы видите «Почтовую Газету» — вотъ настоящая Германія. Лучше и вѣрнѣе Тацитъ сообщаетъ она намъ о нравахъ, обычаяхъ, редигахъ, государственныхъ устройствахъ и правительствахъ нѣмцевъ. Всѣ восхваляютъ лаконизмъ Тацита, но настоящимъ лаконизмомъ обладаетъ «Почтовая Газета». Тацитъ для описанія Германіи употреблялъ цѣлыя главы, газета дѣлаетъ это въ одномъ словѣ. Вчера она рассказала намъ, что одна дѣвушка въ Вѣнѣ получила наследство отъ одного умершаго писателя, «Почтовую Газету» привело въ умиленіе не то, что бѣдная дѣвушка не имѣла ни отца, ни матери, не то, что благородный человѣкъ оставилъ ей свое состояніе, — нѣтъ, она заплакала, отъ того, что эта дѣвушка была «сирота тайнаго совѣтника!» (*) «Сирота тайнаго совѣтника!» Не заключается ли Германія, прошедшая и настоящая, въ этомъ единственномъ словѣ? Не знаю, милостивые государи, извѣстно ли вамъ, что я раздѣляю нѣмцевъ на два класса: на гофратовъ и тѣхъ, которые могли бы быть ими. Но, увы! какъ мало у насъ гофратовъ и какъ много могли бы быть ими! Ахъ! если бы я былъ нѣмецкимъ государемъ, дѣло пошло бы иначе. Я сдѣлалъ бы всѣхъ моихъ подданныхъ счастливыми; я произвелъ бы ихъ всѣхъ въ гофратовъ, — по крайней мѣрѣ, въ гофратовъ. И это безъ различія сословія, породы, богатства, образованія и возраста; всѣ они были бы гофраты, знатные и незнатные, граждане и государственные чиновники, бѣдные и богатые, мужчины и женщины, дѣти и старики, образованные и невежды. Когда во франкфуртской еженедѣльной газетѣ умираетъ ктонибудь, — а весьма многіе только въ ней и умираютъ, какъ только въ ней и жили, — и когда этотъ покойникъ былъ докторъ и имѣлъ еще другіе титулы, тогда еженедѣльная газета ни въ какомъ случаѣ не забываетъ перечислить всѣ эти титулы, и со времени Карла Великаго не было примѣра, чтобы хотя одинъ изъ нихъ былъ забытъ. Но ежедневная газетка знаетъ очень хорошо, что человѣкъ вообще, и журналистъ въ особенности — самое грѣховное, преступное и забывчивое существо, и поэтому въ своихъ спискахъ умершихъ никогда не забываетъ ставить передъ титулами покой-

* По нѣмецки эти три слова выражаются однимъ: *Geheimrathswaise*,
Перев.

лика буквы G. T. Но что изъ этого? Многие ли люди надѣлены титулами? Въ Германіи, по болѣеи мѣрѣ, приходится одинъ на десять чело-
 ловѣкъ. Вотъ, если бы я былъ государемъ, дѣло пошло бы иначе: тогда
 жить и умирать въ Германіи было бы сущимъ наслажденіемъ. Тогда
 въ ежедневныхъ газеткахъ писали бы: «13 числа выпѣшняго мѣся-
 ца г. G. T. гофратъ Шиндерганъ умеръ, послѣ кратковременныхъ
 страданій, на 36 году своей дѣятельной жизни.» Какъ бы эти при-
 мѣры воспламеняли во всѣхъ сердцахъ патриотизмъ! Какой народъ за-
 служиваетъ больше вѣнецнаго, чтобы всѣ его желанія были удов-
 летворяемы? Развѣ его любовь къ титуламъ не доказываетъ, что онъ
 славный, вѣрный, послушный народъ, что онъ ставитъ эти титулы вы-
 ше богатства и прасоты, добродѣтели, мудрости и силы, — выше всѣхъ
 благъ, которыя даются ему счастіемъ, Богомъ и природою! И не толь-
 ко въ высшихъ, образованныхъ классахъ, — нѣтъ, даже въ самыхъ низ-
 шихъ слояхъ народа распространено обожаніе титуловъ. Не знаю, слы-
 хали ли вы, г. фонъ Либерхель, о нѣкоемъ Юнгъ-Стиллингъ; не
 если вы и ничего не слышали о немъ, то, конечно, хорошо знаете, что
 онъ былъ гофратъ. Этотъ гофратъ Юнгъ-Стиллингъ, черезъ нѣсколь-
 ко лѣтъ послѣ смерти своей супруги, былъ сдѣланъ проректоромъ нур-
 бургскаго университета. Въ это время прѣехали къ нему нѣсколько дру-
 зей изъ другого города, и онъ захотѣлъ показать имъ могилу своей воз-
 любимой Зельмы. Онъ повелъ ихъ на кладбище; старый сторожъ
 указалъ на гробницу давно скончавшейся женщины и торжественно
 сказалъ: «здѣсь лежитъ покойная госпожа гофратша и теперешняя го-
 спожа проректорша Юнгъ.» Найдите-ка въ Плутархѣ другого народа
 такую прекрасную черту любви къ отечеству и высокаго образа
 мыслей! — Какъ-то я проѣзжалъ на почтовыхъ черезъ Лейпцигъ, и,
 между тѣмъ, какъ перемѣняли лошадей, я потерялъ свой ночной кол-
 паакъ. Мнѣ понадобился другой, и я спросилъ у служанки, гдѣ можно
 купить его? Служанка привела меня въ пассажирскую комнату и ска-
 зала низенькой старухѣ, ходившей на костыляхъ: «госпожа *оверъ-почтъ-
 смотрительница сундуковъ!* — втотъ господинъ желаютъ купить ноч-
 ной колпаакъ.» Скоро послѣ того я прѣехалъ въ одну резиденцію и
 пробылъ въ ней нѣсколько дней. Приглашенный однимъ купцомъ къ обѣду,
 я пришелъ раньше другихъ и занялся чтеніемъ именъ гостей, которыя
 были написаны на бумажкахъ и лежали на тарелкахъ. Мы сидѣли въ
 слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ правой стороны отъ меня и оканчивая

львой: я, г-жа оберъ-криминальратша (*), г. финанпрать, г-жа оберъ-цальмейстерша, г. гофъ-театръ интендантъ, г-жа гофъ-агентша, ф. оберъ-цальмейстеръ, г-жа гегайме-легаціонератша, г. оберъ-трибунальратъ, г-жа гегаймератша, хозяйнъ, г-жа штемпель-директорша, г. оберъ-криминальратъ, г-жа финанпратша, г. оберъ-штайеръ-айннемеръ, г-жа гофъ-театръ-интендантша, г. гофъ-агентъ, г-жа оберъ-трибунальратша, в. штатдт-директоръ, г-жа штатдтратша, г. гегаймеръ-легаціонератъ, г-жа штатдт-директорша, г. гегаймератъ, г-жа полицейгерихтсъ-ассесорша, г. штемпель-директоръ, хозяйка, г. штатдтратъ, г-жа салинень-инспекторша, г. салинень-инспекторъ, г-жа оберъ-штайерайннемерша. — Полицайгерихтсъ-ассесорша была вдова; я же наслаждался небеснымъ блаженствомъ, снѣя между двумя предестными женщинами, и влюбился въ обѣихъ. На хозяйна и хозяйку—такихъ милыхъ, добрыхъ людей, я не могъ смотрѣть безъ слезъ, потому что они были безтитульные; но я утѣшался тѣмъ, что они были французы и поэтому меньше чувствовали свое несчастье. Какъ въ природѣ нѣтъ пустого пространства, такъ, по законамъ нѣмецкаго естествовѣдѣнія, нѣтъ про-транства безтитульнаго. Тонкая, невидимая, эфирная титулярная субстанція проникаетъ собою всё живыя существа, оживляетъ ихъ, возбуждаетъ къ дѣйствию, согрѣваетъ, питаетъ и поддерживаетъ. Она проникаетъ всё части нашего бытія, умъ и сердце, мышленіе и чувствованіе, желанія и надежды, опасенія, воспоминанія и ожиданія. Она оживляетъ собою всё составныя части нѣмецкаго языка, ее находимъ мы въ существительныхъ и прилагательныхъ, въ нарѣчіяхъ и предлогахъ, въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Нѣмецкій народъ называютъ *широкимъ*; слѣдовало бы назвать его *высокимъ*, потому что онъ все *возвышаетъ*... У него есть благородные и высокблагородные, и высокородные люди, есть высокочтимые суды и высокое министерство, есть высокочтимое театральное управленіе... знатныя особы всё высоко образованы, и медалъ, выбитая въ день юбилея Гете, была названа *высокосовершенною* (hochvollendete). И знаете почему, милостивые государи? Потому, что Гете—высокая особа. Но знаете ли, почему Гете называютъ *высокою* особой? Не потому, что онъ великій поэтъ, но потому, что

*) За невозможностью перевести всё эти титулы, мы предпочли написать ихъ такъ, какъ они по нѣмецки,—поставивъ только русскія окончанія; при этомъ же, въ переводѣ потерялся бы комизмъ этихъ названій. Перев.

онъ министръ... Наша «Почтовая Газета» — не говорите милостивые государи, что я поздно возвращаюсь къ ней; я ни на минуту не оставалъ ее, потому что ничѣмъ не могъ восхвалять ее такъ, какъ прославленіемъ Германіи, — наша «Почтовая Газета» называетъ себя только «ночтовою» изъ скромности; собственно она — вообще государственная газета. Въ рѣчки и ручьи, текущіе изъ официальныхъ источниковъ, она соединяетъ въ одинъ прекрасный, широкій потокъ, которому нѣмцы поклоняются, какъ индійцы — Гангу. Списокъ пожалованій въ чины для нея то же, что первая книга Моисея... Все, что не официально, все, что творится Богомъ, природою и человѣчествомъ, — она рассказываетъ, когда ей придетъ охота, въ нѣсколькихъ апокрифическихъ строкахъ. Замедлить ли когда нибудь «Почтовая Газета» сообщеніемъ всѣхъ пожалованій въ чины, награжденій орденами, ознакомленіемъ насъ со всѣми титульными движеніями человѣчества? Конечно, нѣтъ; она слишкомъ хорошо знаетъ свое высокое и прекрасное назначеніе. Здѣсь, милостивые государи, вы видите списокъ сорока двухъ женщинъ, пожалованныхъ орденомъ звѣзднаго креста, со всѣми ихъ именами и именами ихъ мужей; тутъ списокъ осьмидесяти семи испанцевъ, служащихъ въ нашей арміи и получившихъ повышеніе; далѣе, добавленіе къ этому списку, состоящее изъ шестидесяти семи именъ. Какъ жаль, что эти имена такъ трудны для произношенія и не могутъ запечатлѣться на вѣки въ памяти нѣжной нѣмецкой молодежи! Когда тюрингенскій гражданинъ читаетъ: «юнкеръ донъ Діего-де-ла-Соріа-ди-Мендоза и пр., и пр. получившій золотую саблю»; когда шварцвальдскій поселянинъ читаетъ, что донъ-Алонзо-ди-Санъ-Яго-ди-Компостелла и пр. пр. пожалованъ орденомъ Чернаго Орла 3-го класса «за свою необыкновенную дѣятельность при истребленіи саранчи», — тогда эти люди, конечно, радуются, даже приходятъ въ восторгъ; но каково должно болѣть ихъ сердце отъ того, что они не знаютъ, какъ зовутъ этого юнкера и этого бича саранчи, и что даже школьный учитель ихъ не можетъ сообщить имъ этихъ именъ! Здѣсь, милостивые государи, вы узнаете, что директоръ городской школы въ Линцѣ сдѣланъ директоромъ гимназій въ Дерентѣ; тутъ — что пармезанскому барону, кавалеру ордена Леопольда, и оберъ-камеръ-юнкеру одного маленькаго нѣмецкаго государства пожаловано прилагательное «превосходительный». «Почтовая Газета» избавляетъ знатныхъ людей отъ почтовыхъ расходовъ, и о своихъ семейныхъ событіяхъ они не имѣютъ нужды извѣщать другъ друга письменно, какъ дѣлаемъ мы. Ахъ! мнѣ бы хотѣлось быть курьеромъ;

тогда мои друзья узнавали бы изъ «Почтовой Газеты», гдѣ въ какой день я пробѣжалъ, и не жаловались бы, какъ теперь, на мою лѣтнюю лѣтять письма. Когда «Почтовая Газета» хоронитъ знатнаго сановника, она окружаетъ его такою огромною свитою титуловъ, что невозможно добраться до труна, чтобы узнать, какъ покойника звали въ то время, когда онъ былъ еще живъ. Мы читаемъ: «Сегодня въ 6 часовъ утра умеръ здѣсь королевскій камергеръ, кавалеръ ордена гражданскихъ заслугъ, президентъ апелляціоннаго суда, депутатъ въ собраніи государственныхъ чинновъ королевства, ординарный членъ филолого-историческаго отдѣленія академіи наукъ и пр., и пр., баронъ-фонъ...» Тутъ мы доходимъ наконецъ до имени, и вниманіе наше крайне напряжено; но прежде, чѣмъ мы прочли это имя, въ комнату нашу входитъ жена, слуга или другой посѣтитель, отрываетъ насъ отъ чтенія и мы такъ и не узнаемъ, кто собственно умеръ. Конечно, это невѣдѣніе умѣряетъ нашу печаль.

За великими дѣлами человечества «Почтовая Газета» не забываетъ и мелкихъ дѣлъ отдельныхъ людей, потому что она пишетъ не только для высокихъ лицъ, но и для кухни. Познакомивъ насъ со всеми именными кавалерами орденовъ, свяженочеченными гофратами, тайными гофратами, финансатами и юстиратами, съ путешествіями всѣхъ курьеровъ и чиглемъ лошадей, употребляющихся на прѣздѣ всѣхъ знамѣныхъ путешественниковъ и нѣзъ знатной свиты, проведя предъ нашими глазами: смотры всѣхъ корпусовъ, рота за ротой; рассказавъ намъ о всѣхъ официальныхъ празднествахъ и рассказавъ это, для большей ясности, два раза: одинъ — сообщеніемъ программы праздника, другой — подробнымъ описаніемъ его, — сдѣлавъ все это, газета рассказываетъ и о микроскопическихъ событіяхъ маленькаго итцанскаго міра. Она сообщаетъ вамъ, что въ кухонномъ саду одного силезскаго барона растетъ тыква, имѣющая въ объемѣ 3 арш. 5 дюйм. и вѣсящая 78 $\frac{1}{2}$ ф; что одинъ кукушъ въ Саксоніи долженъ былъ заплатить 21 грш. 8 офенс. штрафу за то, что его курица выбѣжала на улицу; что въ драматической труппѣ Рангольгарда въ Кельнѣ начались дезертировки, такъ какъ теноръ Ульрихъ, надеждѣйшая опора оперы, удалился, и даже иная дѣвица Пезъ, что почти невѣроятю, измѣнила этой оперѣ. Но съ особенною любовью и теплою останавливается «Почтовая Газета» на юбилейныхъ празднествахъ. Когда брачная чета празднуетъ свою золотую свадьбу, когда какой нибудь канцеляристъ, просидѣвшій надъ

перешикой бумагъ пятьдесятъ лѣтъ, торжествуетъ свой юбилей и получаетъ похвальный аттестатъ, — «Почтовая Газета» со слезами рассказываетъ объ этихъ событіяхъ, и отъ волненія едва можетъ держать перо. Обыкновенно она называетъ подобныя торжества «несомнѣнно рѣдкими;» но она выражается такъ только изъ скромности, изъ желанія умалить свои собственные заслуги, потому что еще за четыре недѣли до того она рассказывала о подобномъ рѣдкомъ торжествѣ. Что касается до такъ называемыхъ оригинальныхъ статей и частныхъ корреспонденцій, которыми другія газеты тщеславно украшаютъ себя, то «Почтовая Газета» всегда умѣла держать себя въ сторонѣ отъ подобныхъ слабостей. Она осторожна, она принимаетъ только доказанныя извѣстія и знаетъ очень хорошо, что извѣстіе только тогда должно считатьъ доказаннымъ, когда многія газеты подтвердили его справедливость.

Такова, милостивые государи мои, «Почтовая Газета!» Можно-ли не любить ее? Можно-ли не любить горда, въ которомъ она сочиняется? Можно-ли не любить страны, въ которой этотъ городъ находится? Можно-ли не любить народа, который живетъ въ этой странѣ? Правъ я, господинъ легационсратъ? Г. докторъ, правъ я? Правъ я, Карлъ?..

Съ этими словами Валлеръ схватилъ руку оберъкельнера, — то была человѣческая рука; онъ не видѣлъ, кому она принадлежала, онъ принялъ ее за мою, — я тихимъ, умоляющимъ голосомъ сказалъ: «О, Карлъ, дай мнѣ возлюбленную, дай мнѣ божество, дай мнѣ отечество!... Вѣдь я прошу немного; дай мнѣ маленькое, крошечное отечество!..»

Затѣмъ онъ бросился на стулъ, закрылъ руками лицо и горько заплакалъ. Всѣ присутствующіе смотрѣли на него съ удивленіемъ и состраданіемъ, и то одинъ, то другой говорилъ: «Жаль, жаль... бѣдный Генрихъ! Ахъ, бѣдный Генрихъ!»

ГЛАВА IV.

Въ числѣ гостей, слушавшихъ странную рѣчь Генриха, былъ красивый старикъ, на котораго мы уже за столомъ обратили вниманіе. Онъ былъ и говорилъ мало, а пилъ и улыбался много. Блѣднѣящія волосы покрывали его цвѣтущую голову, и, не присутствуя на его лицѣ то комфортабельное спокойствіе, которое пріобрѣтается въ жизни только послѣ долгихъ и тяжелыхъ трудовъ, не будь въ его движеніяхъ той умѣренности и порядка, которые свойственны только чело­вѣку въ пре-

клонных дѣлахъ,—нельзя было бы рѣшить: рано ли онъ состарѣлся или долго сохранилъ въ себѣ юношескую силу. Валеръ, которому было мало дѣла до другихъ, старался привлечь вниманіе этого старика и заслужить его одобреніе; потому что, какъ ни необдуманно онъ говорилъ, но въ тоже время говорилъ разсудительно, и если не могъ сдержать свою дикую фантазію, то умѣлъ очень хорошо направлять ее и замѣчать все, что встрѣчалось на его дорогѣ. Но старикъ наблюдалъ и не отдавалъ себя на наблюденіе. Только разъ, когда онъ спросилъ Генриха, который часъ, и тотъ отвѣчалъ, что никогда не носить часовъ, — старикъ сказалъ: это замѣтно. Онъ вышелъ изъ залы прежде насъ и, уходя, провелъ рукою по желѣзной шкатулкѣ Генриха. Я поспѣшилъ увести моего пріятеля, чтобы избавить его отъ насмѣшекъ присутствующихъ и его собственныхъ мечтаній. Я предложилъ ему прогуляться за городъ. Онъ взялъ шкатулку подъ руку съ намѣреніемъ отнести ее въ свою комнату, и когда я попросилъ его поручить это дѣло кельнеру и избавить себя отъ труда входить на лѣстницу, онъ съ горечью спросилъ:—Вы хотите, чтобы я довѣрилъ наше дорогое отечество лакею?—Развѣ это будетъ въ первый разъ? возразилъ я. — Эли слова убѣдили его, и мы вышли. Скоро мы достигли однихъ изъ тѣхъ веселыхъ воротъ, которыя въ бывшее время охраняли нашъ прекрасный городъ какъ мрачныя стражи, а теперь стоятъ у его входа какъ привѣтливые хозяева. Мы вступили въ несравненный садъ, обвивающій городъ точно цвѣточная коса.—Былъ прелестный лѣтній вечеръ, цвѣты сладостно благоухали и лѣстивый воздухъ любезничалъ съ ихъ листьями. Только невыносимая пыль, которую поднимали пронесившіеся мимо насъ экипажи, нарушала наше наслажденіе.

— Въ Парижѣ, замѣтилъ Генрихъ, на бульварахъ, гдѣ экипажей больше, чѣмъ здѣсь пѣшеходовъ, совсѣмъ нѣтъ пыли, потому что съ утра до вечера дорогу поливаютъ водою. Но здѣсь, какъ и во всей Германіи, полиція обращаетъ больше вниманія на личности, чѣмъ на вещи. Она зорко слѣдитъ за ремесленниками, слугами, писателями и путешественниками и безпрестанно мучитъ ихъ; но отъ пыли не требуется паспорта, и она можетъ гулять гдѣ ей угодно.

Я замѣтилъ, что это происходитъ оттого, что пыль всегда является въ свѣтѣ богачей и знати... Въ эту минуту кто-то ударилъ Генриха по плечу; онъ оглянулся и увидѣлъ привѣтливаго старика, нашего товарища по обѣду.

— Молодая кровь! сказалъ старикъ; вы хорошо дѣлаете, что прохлаждаетесь.

— Молодая кровь! возразилъ Генрихъ съ улыбкою; мнѣ гораздо больше тридцати лѣтъ.

— Это все равно, замѣтилъ старикъ; только кровь дѣлаетъ человека старымъ или молодымъ, потому что только въ ней заключается жизнь.

Привѣтливый старикъ пошелъ съ нами, скоро завладѣлъ нитью разговора и направлялъ его, куда ему хотѣлось. Соловей запѣлъ свою прекрасную пѣсню въ сосѣднемъ кустарникѣ. Мы остановились и съ наслажденіемъ слушали. Генрихъ напомнилъ мнѣ о томъ лѣтнемъ вечерѣ въ Монморанси, когда мы, точно такъ же какъ теперь, слушали пѣніе соловья, а тысячи французовъ, пріѣхавшіе туда на праздникъ изъ Парижа и окрестностей — мужчины и женщины, и дѣти, и дѣвушки, и юноши, и горожане и поселяне, и влюбленные парочки — веселились отъ всей души, но проходили безъ всякаго вниманія мимо зеленого домика сладковучнаго красавца; только мы, два нѣмца, слушали ея сладкіе звуки, а французы смотрѣли на насъ и такъ сильно любопытствовали узнать, что приковало насъ на одномъ мѣстѣ...

— Это ничуть не удивляетъ меня, сказалъ нашъ спутникъ; соловей никого не чаруетъ такъ, какъ нѣмца; онъ поетъ по нѣмецки, онъ нѣмецкая птица.

Генрихъ замѣтилъ, что соловей — птица перелетная и прилетаетъ изъ Азіи.

— Въ этомъ онъ похожъ на всякое наслажденіе вообще, сказалъ старикъ; — и нѣмцы вышли изъ Азіи.

— Но, возразилъ Генрихъ, мы ничего не вынесли съ востока, кромѣ приверженности къ кастамъ...

Старикъ замѣтилъ съ улыбкою: — Я тоже надворный совѣтникъ; но, любезный другъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы уважали мои совѣты больше, чѣмъ мое совѣтничество. Вы идете къ хорошей цѣли, но фальшивымъ путемъ. Однако мнѣ кажется, что вы не слишкомъ ненавидите эту страну гофратовъ и этотъ городъ, въ которомъ издается высокоблагородная «Почтовая Газета»; по крайней мѣрѣ, я уже давно вижу васъ во Франкфуртѣ.

— Напротивъ! отвѣчалъ Генрихъ. Я живу въ Парижѣ и каждый годъ только на нѣсколько мѣсяцевъ ѣзжу въ Германію; Германія нужна мнѣ, какъ пользованіе грязными ваннами, для укрѣпленія нервовъ.

— Это вы хорошо делаете; укрѣпленіе нервовъ для васъ необходимо, сказалъ старикъ сухо и съѣлъ на скамью. Генрихъ некрасивѣлъ и началъ чертить тросточкой на пѣску. Бѣдный дымъ разговора скоро разсѣялся и осталась только его теплота. Старикъ снова заговорилъ:

— Я нѣмецъ — сказалъ онъ — и горжусь этимъ; но я всегда краснѣю этого, когда слышу, какъ сами нѣмцы надѣваются надъ своимъ отечествомъ, съ преступными насмѣшками разрываютъ узы, такъ серьезно и свято созданныя природою и исторіей, и для того, чтобы приобрести постыдную свободу мысли, вырываются изъ жгучей тюрьмы, въ которую заключила насъ любовь. Нѣтъ, никакой хорошей еднѣ не станеть бранить своего отца; если онъ не можетъ любить его, то будетъ все такъ уважать; а не можетъ уважать, — будетъ опаздывать шаржажное попеніе и строго наказывать каждаго, осмѣливающагося оскорблять его.

Генрихъ скрестилъ руки, стаалъ передъ старымъ преподѣвникомъ и сказалъ:

— Отечество! Отецъ! Мы? Злые люди говорятъ, что наша добрая матушка была очень разбѣяна и что у насъ отъ этого было много отцевъ. Такъ какъ прикажете намъ — любить нѣтъ всѣхъ или какого нибудь одного, и если одного, то какого именно? Я родился въ Майнцѣ. Младенцу рассказывали, что его отецъ — архіепископъ; любознательный мальчикъ узналъ, что онъ свободный французскій гражданинъ; у юноши высоко воздымалось сердце, когда войска его великаго императора проходили мимо него; а когда, усталый отъ любви, зрѣлый мужъ замкнулъ свое сердце, раскрылъ разумъ и оглянулся, — онъ увидѣлъ себя въ дармштадтской землѣ. Когда же я прогуливаюсь по окопамъ, окружающимъ мой родимый городъ, то справа я австріецъ, а слева пруссакъ. Кого, что любить мнѣ? Долженъ ли я носить въ груди майнцкое сердечко? Или долженъ я быть гордымъ республиканцемъ? Или долженъ я обращать взоры во Францію? Или долженъ я, въ качествѣ честнаго дармштадта, говорить цѣлую вежлю объ оперѣ, имѣющей быть представленною въ слѣдующее воскресенье? Прикажете раздѣлять мою дѣтскую любовь между городомъ и крѣпостью? Какой образъ мыслей прикажете имѣть мнѣ — австрійскій или прусскій? Или, наконецъ, сѣдуетъ мнѣ имѣть нѣмецкое союзное сердце? — Да, такое сердце долженъ я имѣть; я долженъ почитать всѣхъ моихъ отцовъ, долженъ любить всѣ мои отечества!

Мы отъ души слышали, слушая эти жалобы Валлера; но старикъ возразилъ:

— Если у насъ много отцовъ и мы сомнѣваемся, то намъ слѣдуетъ любить всѣхъ, которыхъ любила наша мать, и ужь конечно ее, потому что, безспорно, она-то у насъ одна. Она выкормила насъ, вынявчила и воспитала. Она научила насъ лепетать: отецъ, мать, и всѣ тѣ прекрасныя, серьезныя слова, которыми мы открываемъ себѣ священныя двери жизни. Она научила насъ высказывать наши маленькія желанія, требовать пищу, плакать о нашихъ огорченіяхъ и весело выражать наши радости. Она отвѣчала на первые вопросы нашей молодой любознательности, рассказывала намъ о небѣ и землѣ, о ходѣ звѣздъ и путяхъ жизни, о странахъ, горахъ, моряхъ и народахъ. И любовь ея и попеченіе не оставляютъ насъ и тогда, когда мы приходимъ въ возрастъ. Чуть только мы выступимъ изъ сада дѣтства въ широкій, невѣдомый для насъ міръ, — сладкій голосъ матери поетъ намъ про радостныя дни нашей отчизны и сопровождаетъ насъ всю жизнь, въ печаляхъ и радостяхъ, до самой могилы. Мы должны любить ее, — ее, которая, хотя и забывалась сама, но никогда не забывала насъ; — и эта мать — нашъ языкъ. Онъ соединяетъ насъ, дѣлаетъ изъ всѣхъ насъ одинъ братскій народъ, строитъ для насъ отчій домъ, въ которомъ мы живемъ подъ одною кровлею, — хотя одинъ въ верхнемъ этажѣ, другой въ нижнемъ, — и близко другъ отъ друга, — хотя въ разныхъ комнатахъ; если мы и не собираемся здѣсь, въ общей залѣ, въ грустные или веселые часы, то все-таки встрѣчаемся на лѣстницѣ и у дверей, кланяемся другъ другу и вспоминаемъ, что мы братья. Какой языкъ можетъ сравниться съ нѣмецкимъ? Какой другой языкъ богаче и сильнѣе его, мужественнѣе и граціознѣе, прекраснѣе и мягче? У нѣмецкаго языка тысяча цвѣтовъ и тысяча тѣней. Онъ имѣетъ слова для выраженія мельчайшихъ минутныхъ потребностей слова для безпочвеннаго чувства, котораго не можетъ исчерпать никакая вѣчность. Онъ силенъ въ нуждѣ, гибокъ въ опасностяхъ, ужасенъ въ гнѣвѣ, мягокъ въ состраданіи и подвиженъ для всякаго предпріятія. Онъ вѣрный толмачъ всѣхъ языковъ, на которыхъ говорятъ небо и земля, воздухъ и вода. Все, что сердито высказываетъ рокочущій громъ, все, что шадовливо говоритъ играющая любовь, все, что болтаетъ шумный день и мыслить молчаливая ночь; все, что утренняя заря рисуетъ зелеными, золотыми и серебряными красками; все, что тараторить дѣвушка, журчить тихій ручей и шипитъ ядовитая змѣя; все, что лепечетъ рѣзвый мальчикъ и хочетъ сказать старый философъ, когда устанавливаетъ свое тяжеловѣсное я и говорить: «я есмь я», — все это нѣмецкій языкъ пере-

водить и объясняетъ самымъ понятнымъ образомъ, и каждое вѣтренное ему слово передаетъ въ гораздо болѣе богатомъ и изукрашенномъ видѣ. Англичанинъ скрипитъ, французъ болтаетъ, испанецъ хрипитъ, итальянецъ лепечетъ, и только нѣмецъ говорить.

— Да, воскликнулъ Валлеръ громко и весело; нашъ языкъ великолѣпный! Но — прибавилъ онъ тише — мы не имѣемъ права дѣлать изъ него употребленіе!

— Нѣтъ, мы имѣемъ право! возразилъ старикъ. Ненависти былъ данъ мечъ, любви — слово; мы имѣемъ право говорить, потому что имѣемъ право любить. А когда не производитъ вліянія кроткое слово любви, тогда помогаетъ сильное слово гнѣва. Мы имѣемъ право угрожать, имѣемъ право устрашать. Языкъ — ножи дѣла; мы воздымаемъ спрятанный мечъ и одерживаемъ побѣды безъ пролитія крови.

Тутъ Генрихъ разразился насмѣшливымъ хохотомъ и воскликнулъ:

— Мы и мечъ! мы и побѣда! Въ желѣзныхъ ножнахъ торчитъ жестяная шпаженка — нюрнбергскій товаръ, дѣтская игрушка. Нашими играми забавляются, нашъ воинственный духъ вызываетъ снисходительный смѣхъ; но когда мы принимаемся за дѣло слишкомъ серьезно, у насъ вырываютъ игрушку, наказываютъ за храбрость и ставятъ въ уголъ. Нѣтъ, никогда не будетъ мнѣ по сердцу этотъ народъ; накогда не почувствую я себя хорошо въ этой странѣ, съ ея причудливымъ воздухомъ, сварливымъ небомъ, плаксивою весною и сердитою осенью. Гдѣ наши Альпы, на которыя мы смотримъ съ такою отрадой, когда жизненныя дороги становятся плоскими и песчаными? Гдѣ родное море, своею улыбкою облегчающее наши скорби? Гдѣ пульсъ народа, въ бѣніи котораго чувствуешь бѣніе своего сердца? Гдѣ памятники нашей исторіи? Какіе великіе подвиги оставлены нашими предками? — Немногое, совершенное ими, не сдѣлало насъ богаче, чѣмъ мы были, потому что только въ руки перворожденныхъ перешла вся земля. Когда послѣ столбныхъ соленыхъ дней насъ начинаетъ томить жажда и мы ищемъ свѣжаго питья въ источникъ нашего времени, когда намъ становится жарко въ знойномъ настоящемъ и мы ищемъ тѣни подъ деревьями нѣмецкой исторіи, — что намъ показываютъ, куда ведутъ, что даютъ? Мы ищемъ вина и находимъ пиво, ищемъ прохладнаго лѣса и находимъ обнаженные и непривѣтные стволы деревьевъ. Мнѣ противны эта гернгуттеровская тишина народа, это магистерское смиреніе ученыхъ, павлиная гордость богачей, мрачное высокомеріе нашихъ вельможъ, безсиліе всѣхъ справедливыхъ людей, змѣиная натура всѣхъ неправед-

ныхъ. Гдѣ милые знаки прошедшихъ прекрасныхъ часовъ? Звучить ли хоть одна струна, раздаются ли аккорды хоть одной арфы? Прошедшее стонетъ, настоящее визжитъ, будущее скрипитъ... Мы были ничто, мы есть ничто и будемъ ничто. Мы слабый народъ, не имѣющій корней, мы имѣемъ бѣдную жизнь безъ сердца и отечество безъ свода.

— Нѣтъ, другъ мой, перебилъ старикъ, вы неправы. Если хотите научиться знать и любить наше отечество, поѣзжайте въ чужіе края. То хорошее, что вамъ давала родина, вы позабудете тамъ, и даже тѣмъ прекраснымъ, которое покажется вамъ на чужбинѣ новымъ, вы будете въ состояніи наслаждаться только потому, что вы вѣмцы, что отечество воспитало васъ для справедливости. Англичанинъ—только англичанинъ; испанецъ—только испанецъ; французъ—только французъ, человѣкомъ же можетъ назваться только вѣмецъ. Шекспиръ, Кальдеронъ, Вольтеръ принадлежатъ намъ. Поклоненіе имъ не насильно вынуждено у насъ ихъ славою, нашу любовь мы отдаемъ имъ весело и свободно, они наши соотечественники, наши братья.

— Справедливость, замѣтилъ Валлеръ, есть добродѣтель слабыхъ; они особенно заботятся о томъ; чтобы она примѣнялась къ дѣлу, а сильный защищаетъ себя самъ.

— Благо тому—возразилъ старикъ—кто надѣленъ силою въ умѣренной степени; избытокъ силы ведетъ къ грѣху... Наша страна великолѣпна, ея воздухъ кротокъ; намъ однимъ досталась на долю прекрасная чередовка лишенія и наслажденія, — чередовка, оказывающая такое благотворное вліяніе на человѣческую природу. Не будемъ завидовать никакой странѣ, имѣющей вѣчно веселое небо; вѣчное наслажденіе равняется вѣчному лишенію.... Не спрашивайте о нашей исторіи, о памятникѣхъ нашего прошедшаго; мы—народъ молодой. У насъ нѣтъ прошедшаго, у другихъ народовъ нѣтъ будущаго. Кто счастливѣе?—Видите ли тамъ золотовудраго мальчика, копающаго въ песокъ могилку для мертваго цвѣтка? Подзовите его къ себѣ, спросите у него исторію его жизни, — онъ посмотритъ на васъ своими большими синими глазами, отбѣжитъ и станетъ снова играть травкою и цвѣтами. Вы спросите, что онъ пережилъ? Онъ живетъ. Развѣ мы не охотно обмѣнялись бы съ нимъ, развѣ мы не отдали бы съ радостью нашего вѣрнаго прошедшаго за его невѣрное будущее? Мы дѣти, и правда, что воспитаны строго; но кто не обмѣняетъ школу на жизнь, ученика на учителя. У свободныхъ людей нѣтъ праздничныхъ часовъ; мы народъ, достойный зависти. Наши учителя старѣютъ, а мы растемъ; будемъ

же наслаждаться и надѣяться. Строеііе нѣмецкой земли будетъ когда нибудь окончено и тогда, возведенное на тысячелѣтіяхъ, оно переживетъ все государство. Нѣкогда нѣмцы разрушили всемірное римское царство; когда нибудь они построятъ царство болѣе прекрасное. Они создадутъ вѣчный міръ, и тогда міръ благословитъ хорошихъ предковъ такихъ хорошихъ потомковъ...

— Да, мы хороши, сказалъ Валлеръ, но я не хочу быть хорошимъ, я хочу быть лучше. Мы способны только на тѣ дѣла, которыя ведутъ къ спокойствію, только на тѣ битвы, которыя оканчиваются миромъ; наше сердце тепло, но оно горитъ тихо и тускло и никогда не раздражается яркимъ пламенемъ. Мы неспособны ни на какое воодушевленіе, возвышающее человѣка до божества, дѣлающее созданіе создателемъ. Если полиція прикажетъ намъ воодушевиться и ликовать въ четыре часа по полудни,—мы исполнимъ этотъ назначенный часъ; а безъ приказанія не сдѣлаемъ. Какъ мы любимъ, какъ почитаемъ нашихъ великихъ людей и какъ это дѣлаютъ другіе народы! нашихъ поэтовъ, нашихъ художниковъ, нашихъ мудрецовъ, нашихъ благодѣтелей человѣчества мы, льстецы, называемъ высокопрославленными, но прославляемъ ихъ совсѣмъ не высоко и даемъ имъ умирать съ голоду. Когда умеръ Веберъ, парижскій Одеонъ далъ первый представленіе въ пользу его вдовы и сиротъ, и только немногія нѣмецкія сцены послѣдовали этому примѣру. Жанъ-Поль часто жаловался, что никогда не видѣлъ моря и Альпъ. У него было сто государей, тридцать милліоновъ соотечественниковъ—и онъ былъ бѣденъ! Въ «императорскомъ городѣ, энергически содѣйствующемъ развитію искусства и науки», какъ называлъ Вѣну справедливый Беттигеръ, Бетговенъ уже четыре мѣсяца лежитъ больной и нуждается! Когда объ этомъ узнало филармоническое общество въ Лондонѣ, оно рѣшило дать ему все, чего онъ желаетъ и въ чемъ нуждается, и тотчасъ же послало ему тысячу гульденовъ. Боже праведный! Тысячу гульденовъ послали они изъ Лондона въ Вѣну, а въ Вѣнѣ одинъ банкиръ въ одну ночь истратилъ на позорное пиршество тридцать тысячъ гульденовъ! Но правда и то, что Бетговенъ никогда не былъ, какъ Метастазіо лъстливой собакой съ шелковымъ рыломъ, и до сихъ поръ остается еретикомъ, не вѣрующимъ въ божественность вѣнской знати. Мнѣ страшно и отвратительно! Какъ можетъ любить Бога тотъ, кто не любитъ его созданій?

— Валлеръ, любезнѣйшій Валлеръ — воскликнулъ я — вы крайне взум-

доселемъ, отъ этихъ словъ: "Нашъ освобожденъ нами господинъ, плахи художники, наплывающего негодяи, и гдѣ-то чѣмъ-то благоуханный? Будемъ радоваться, что его не выдадутъ на нихъ; равнодушнымъ обязательства позора, какъ — слава. Нѣмцы думаютъ, считают, рисуютъ сердцемъ; кто скрываетъ его сердце, скрываетъ и умъ его. Будемъ продолжать оставаться свободными. Гаврошъ написалъ своего Вертера въ то время, когда еще не вѣдалъ въ знаніи; и если мы не можемъ догадаться, когда умерло его сердце — потому что его молодость не пережила его свободу, — то крошечнаемъ это.

— И что значить воодушевленіе, о которомъ вы говорите? перебилъ старикъ. — Одежда чуждая; веселіе въ теченіи одного праздничнаго дня, за которымъ слѣдуетъ покупка будничнаго дня. Нѣмцы любить цѣлый годъ умѣемъ, но всегда полно. Англичане, французы, почитаютъ и чествуютъ только великихъ людей своей страны, нѣмцы любить все прекрасное и доброе, живущее на всей землѣ. — Мы не можемъ любить всего, чему удивляемся, не можемъ благодѣлать каждому, кого любимъ. У насъ, можетъ быть, не достаетъ мнотаво? но мы нѣмцы одна, замыкающее для насъ все, — *о свободу мысли.*

Генрихъ засмѣялся.

— Да, свободу мысли, продолжалъ старикъ. Какую пользу приносятъ французамъ ихъ свободная пресса? Они могли бы сказать, что французская наука и искусство стоитъ гораздо выше вѣмецкихъ, что Шекспиръ гораздо выше Корнеля; — но они не говорятъ этого, они не могутъ этого думать. Часта дѣло ограничивается желаніемъ; но какъ вѣрно то, что за свѣтомъ слѣдуетъ тѣнь, такъ несомнѣнно, что за желаніемъ слѣдуетъ дѣло, если только желаніе чистое. Чего мы желаемъ те доаршита рано или поздно, если мы будемъ желать справедливаго и усовершенствованія въ этомъ желаніи. Английскій народъ, какъ онъ не благодаренъ, не отваживается быть справедливымъ; мы давно уже предоставили протестантамъ — католикамъ свободу и равенство. Даже могущественные государи еще затрудняются въ выборѣ рѣшенія относительно Фрейи, а мы, не колеблясь, провозгласили ее независимою.

— Да если все это и правда, то какая намъ отъ этого польза? Какая намъ польза отъ искусства и науки, запертыхъ подъ замокъ, отъ добрыхъ намѣреній, безъ исполненія ихъ, отъ добродѣтели безъ уваженія, отъ заслуги безъ славы? Я хочу радоваться жизнью, хочу наслаждаться ею. Я хочу говорить все, что думаю, дѣлать, что мнѣ кажется справедливымъ, отстранять, что мнѣ не нравится, пожинать то,

что я посылалъ: Какъ мы скучны и до какой степени скучными другіе находятъ насъ! Гдѣ у насъ прекрасная общественность французовъ? Гдѣ у насъ искусство и знаніе, сердце и умъ, чувство и остроуміе, соединяются для того, чтобы доставить намъ которыя одинъ прекрасный часъ въ полное наслажденіе жизнью?

— Не будемъ въ этомъ завидовать французамъ, возразилъ старикъ. Я тоже жилъ между ними; они отлично угощали меня, ихъ веселая жизнь понравилась мнѣ. Но подражать имъ, мы не должны. Все свое знаніе французъ расточаетъ въ разговорѣ одного часа; но вслѣдствіе того, что онъ высказываетъ все, что знаетъ, онъ говоритъ больше, чѣмъ знаетъ, и дѣлаетъ умственные долги. Нѣмецъ думаетъ больше, чѣмъ говорить, но никто никогда не видитъ дна его знанія...

Въ эту минуту пробилъ зорю, послѣ которой всѣ должны выходить изъ сада.

— Надо уходить! сказалъ я.

— Жаль, замѣтилъ старикъ: вечеръ такъ хорошъ! Но нечего дѣлать, пойдемъ!

— Что за бѣда? сказала Генрихъ. Будемъ думать, что мы продолжаемъ прогуливаться.

— Да, будемъ это думать, сказалъ я, и будемъ думать и всегда думать...

Старикъ обязательно сказалъ намъ, что очень радъ нашему знакомству, и просилъ посѣтить его на слѣдующій день, сказавъ, что онъ живетъ въ одной гостиницѣ съ нами, въ 13 номерѣ. Разставаясь, онъ протянулъ Генриху руку и воскликнулъ: *Soyons amis, Cinq!*

Какъ только мы вернулись домой, Валлеръ освѣдомился, кто живетъ въ 13 №. Ему принесли списокъ жильцевъ и, ояъ прочелъ: «Баронъ фонъ-Рудольфъ, тайный гофратъ и президентъ правленія.»

— Вотъ что! пробормоталъ онъ. — Баронъ! Президентъ! Гофратъ! Такъ вотъ отчего онъ такъ доволенъ! *Vous êtes orgévre, monsieur Jossel!*...

И. Вейнбергъ:

ДВА ПОКОЛѢНІЯ.

РОМАНЪ ШИННЬГАГНА.

ЧАСТЬ II.

I.

Короткій зимній день былъ уже на исходѣ. Прощальныя лучи солнца какъ-то уныло отражались въ мутныхъ водахъ потока, по которому тамъ и сямъ неслись льдины. Въ садикѣ передъ пасторскимъ домомъ деревушки Кирхгеймъ гуляли взадъ и впередъ старикъ и молодая женщина, между тѣмъ, какъ неподалеку отъ нихъ по всиротѣвшимъ клумбамъ рѣзвились двое дѣтей.

— Элла, дитя мое, сколько разъ я тебѣ говорила, чтобы ты не бѣгала по клумбамъ, останавливала Клара свою дочь. Дѣдушка этого не любитъ.

— Но, мама, вѣдь на нихъ ничего нѣтъ!

— Все равно, дѣти должны слушаться, когда имъ говорятъ; къ тому же, на клумбахъ подъ землею спитъ множество цвѣточковъ; когда же топчешь ихъ, они просыпаются; а такъ какъ теперь на дворѣ очень холодно, то они забнутъ и никакъ не могутъ заснуть.

— Бѣдненькіе цвѣточки! Никогда больше не буду ихъ топтать.

— То-то же, дитя мое! А теперь, поцѣлуй меня и ступайте себѣ домой: для васъ становится свѣжо.

— Охота тебѣ начинать голову ребенка такими вѣтло-

стямъ, замѣтилъ по уходѣ дѣтей герръ Амброзіусъ Кандель. Въдъ все эти сказки—просто ядъ для дѣвочки, у которой во-ображеніе и безъ того уже черезъ-чуръ дѣлательно.

— Но съ ихъ помощью я вѣрнѣе достигаю своей цѣли. Теперь, я знаю, она ни за что не ступитъ на клумбы.

— Ты развиваешь въ ребенкѣ ту самую наклонность, которая въ отцѣ этого ребенка была для тебя истиннымъ столькихъ страданій и разрушила въ конецъ твоё семейное счастье.

Клара отвѣчала не вдругъ; она глядѣла на вершины высо-кихъ липъ, на которыхъ покоился послѣдній отсвѣтъ зарп.

— Не знаю, дядя, преговорила она; быть можетъ, я была неправа. Съ нѣкоторыхъ поръ, многое въ характерѣ Берн-гарда представляется мнѣ совершенно въ иномъ свѣтѣ.

— Что ты ему отвѣтишь на его письмо? спросилъ герръ Амброзіусъ.

— Не знаю; боюсь, что ожидаемая мною минута еще не настала. Онъ пишетъ мнѣ, что весь отдался тому дѣлу, ко-торому служить; въ другомъ мѣстѣ письма, онъ прямо гово-рять: и теперь, какъ и прежде, я ничего не могу тебѣ пред-ложить, кромѣ той любви, которая не удовлетворяла тебя тогда, не удовлетворитъ тебя и теперь, когда ты научилась жить вдали отъ меня и жить счастливо.

— Да, какъ-же, счастливо! проговорилъ Амброзіусъ. Въ томъ-то и бѣда, что у тебя нѣтъ ни мысли, ни же-ланія, какъ только снова соединиться съ нимъ. Отчего ты ему это откровенно не выразишь?

— Моя единственная цѣль—видѣть Мюнсера счастливымъ со мною, если это окажется возможнымъ; если же нѣтъ, то безъ меня. Онъ долженъ впрочемъ всего убѣдиться, что не я была помѣхою его счастью.

Старикъ началъ мурлыкать себѣ подъ носъ какую-то ме-лодію, что было вѣрнымъ знакомъ, что онъ по въ духѣ.

— Конечно, я плохой судья во всемъ, что касается этихъ романтическихъ тонкостей, но, хоть убей меня, не возьму явъ толкъ, отчего бы вамъ; именно вамъ не ужиться другъ съ другомъ. Я превылъ смотрѣть на бракъ, какъ на мудреную, загадочную книгу, и благодарю судьбу, что мое званіе ограж-дало меня отъ искушенія поближе познакомиться съ ея содер-

жаніемъ. Но я всегда былъ того мнѣнія, что главнѣйшее препятствіе къ счастливому браку заключается въ разности возрѣній обоихъ супруговъ, изъ которыхъ каждый считаетъ своимъ долгомъ слѣдовать за блуждающимъ огонькомъ своего собственнаго разсудка. У васъ, конечно, дѣло тоже не обходится безъ блуждающаго огонька, но онъ у васъ, по крайней мѣрѣ, одинъ и тотъ же; оба вы равно помѣшаны на демократическихкихъ утопіяхъ. Совпаденіе вашихъ взглядовъ порой изумляло меня. Случается, что Мюнцеръ высказываетъ въ палатѣ тѣ самыя сужденія, которыя я задолго передъ тѣмъ слышалъ отъ тебя. Повторяю: никакъ не возьму въ толкъ, отчего бы вамъ не ужиться другъ съ другомъ.

Пока старикъ ворчливымъ тономъ держалъ эту рѣчь, лицо молодой жещаны все облилось яркимъ румянцемъ, но только, наврядъ ли это былъ отблескъ зарп.

— Дядюшка, заговорила она дрожащимъ голосомъ, ты и самъ не знаешь, какую ты мнѣ высокую связалъ похвалу; если я когда-либо непременно вѣрнла, что падуть преграды, отчуждающія меня отъ моего мужа, то вѣрю этому теперь. Тогда я стану для него тѣмъ, чѣмъ должна быть жена, его подругою, его добрымъ товарищемъ, какъ онъ, бывало, называлъ меня въ шутку, и тогда—только одна смерть будетъ въ состояніи насъ разлучить.

— Сдѣлай милость, племянница, уволь меня отъ слушанія всѣхъ этихъ новомодныхъ глупостей. Мужъ и жена не на то сходятся, чтобы воспроизводить діалоги Платона въ лицахъ... Ну, да что съ тобой толковать о вещахъ, на счетъ которыхъ мы никогда не могли столкнуться. А ты вотъ лучше помоги-ка разрѣшить мудреную загадку: отчего Мюнцеръ не знаетъ тебя такую, какую ты показываешься мнѣ?

— Въ этомъ, конечно, виновата я, а не онъ. Въ первое время я была слишкомъ слаба и безпомощна, чтобы служить ему опорой; потомъ, когда съ помощью книгъ, размышленій и разговоровъ съ его друзьями мой духъ возмужалъ и окрѣпъ, я не-то стыдилась моей новой мощи, не-то не довѣряла себѣ; съ тому же, и Мюнцеръ такъ мало обращалъ на меня вниманія. Когда онъ ожидалъ отъ меня, что я буду для него всею, я могла только быть для него вѣрною, любящею женою; когда же я дѣйствительно могла дать ему всколько

болѣе, онъ уже ничего дальшаго отъ меня не ожидалъ. Такъ мы прошли другъ возлѣ друга въ потенкахъ, напрасно отыскивая одинъ другого ошупью; но скоро, скоро спадетъ завѣса съ нашихъ глазъ и тогда мы съ восторгомъ бросимся другъ другу въ объятія и я буду ему вопиать женою.

Между тѣмъ старикъ снова принялся что-то мурлыкать себѣ подъ носъ.

— Все это прекрасно, вымолвлялъ онъ наконецъ, и даже слишкомъ прекрасно для Мюнцера, который никогда не съумѣетъ тебя одѣнать. Слушай, Клерхенъ, я тебя уважаю, да! я могу сказать, что ты единственный *Virens femini generes*, къ которому я когда-либо чувствовалъ уваженіе; но, потому-то я и убѣжденъ, что ты, при твоёмъ благоразуміи, не можешь на вѣки застрять въ томъ заблужденіи, которое поддерживаетъ въ тебѣ твоя любовь. Ты должна сдвинуться съ этой точки и сдвинешься съ нею непременно, какъ скоро убѣдишься, что мужъ твой разсматриваетъ любовь вовсе не съ мистической ея стороны, но напротивъ, подобно миллионамъ другихъ грѣшныхъ людей, относится къ ней чистымъ реализмомъ; что въ женщинѣ онъ прежде всего любитъ ся полъ, ну, словомъ, чтобы не вдаваться въ околичности, вовсе не соблюдаетъ въ отношеніи тебя ту вѣрность, на которую ты, болѣе чѣмъ всякая другая жена, имѣешь право.

— Такъ эта выдумка и до тебя дошла? проговорила Клара дрожащимъ голосомъ.

— Выдумка? Почему ты знаешь, что это выдумка?

— Потому что самъ Мюнцеръ мнѣ это сказалъ.

— Что онъ тебѣ сказалъ?

— Что одна чудно-красивая женщина поразила его своею красотою, и что онъ порвалъ съ ней всѣя сношенія, какъ скоро онъ почувствовалъ, что они могутъ зайти слишкомъ далеко.

— Когда онъ это тебѣ сказалъ?

— Наканувъ своего отъѣзда.

— И ты знаешь, кто эта женщина?

— Антонія фонъ-Гогенштейнъ.

— Ты знаешь ее?

— Видая нѣсколько разъ. Она дѣйствительно очень хороша собою.

— И ты вѣришь этой выдумкѣ?

— Которую распустили добрые люди?

— Нѣтъ, той, которою вздумалъ тебя морочить твой муженекъ.

— Дядя, что онъ тебѣ сдѣлалъ, что ты такъ злобно къ нему относишься?

— Мнѣ? ровно ничего; да тебя-то онъ, бѣдное дитя мое, крѣпко обидѣлъ. Я долго думалъ, сказать ли тебѣ то, что доходить до меня съ различныхъ сторонъ? Я все выжидалъ и надѣялся, что ты сама излечишься отъ этой любви, которая тебя губитъ; но вмѣсто того, я вижу, что ты все болѣе и болѣе въ нее вживаешься. И такъ, мнѣ болѣе ничего не остается, какъ сказать тебѣ правду: Мюнцеръ и не думалъ прекращать эту связь; напротивъ, до меня доходятъ слухи, что онъ щеголяетъ ею передъ лицомъ цѣлаго свѣта. А источники мои самые вѣрные: я слышалъ въ городѣ, какъ самые горячіе приверженцы твоего мужа сѣтовали на его легкомысліе, которое можетъ сильно повредить ему въ его партіи; рейнфельденскій генералъ тоже проговорился намедни при мнѣ объ этой интригѣ; онъ, ты знаешь, не любитъ стѣсняться въ словахъ. Наконецъ, сегодня управляющій изъ Резенау говорилъ мнѣ, что фрау фонъ-Гогенштейнъ прислала ему приказаніе немедленно приготовить замокъ къ ея пріѣзду, такъ какъ она думаетъ быть въ концѣ этой недѣли, да еще не одна, а съ гостями; гости будутъ, конечно, мужчины, потому что другого общества, кромѣ мужского, Антонія фонъ-Гогенштейнъ не знаетъ. Ну, а какъ ты хочешь, дѣло подозрительно. Недѣлю спустя послѣ отъѣзда Мюнцера изъ Рейнштадта, фрау фонъ-Гогенштейнъ тоже переѣзжаетъ въ столицу и возвращается тамъ въ ультра либеральныхъ кружкахъ; какъ только распустили налаты и Мюнцеръ написалъ тебѣ и своимъ избирателямъ, что ѣдетъ назадъ въ родной городъ, вдругъ фрау фонъ-Гогенштейнъ понадобилось въ средній зимы пріѣхать въ свой замокъ...

— Однако ты, Клерхенъ, что-то поблѣднѣла и на глазахъ у тебя слезы; бѣдняжка! дорого бы я далъ, чтобы не наносить тебѣ этой раны, но я не хочу, чтобы дочь моего брата изнывала отъ любви къ человѣку, который ея недостойнъ. Ступай-ка домой, моя голубка, на дворѣ свѣжѣетъ, а мнѣ

еще надо сходить къ этому старому генералу; надѣюсь, что въ послѣдній разъ, потому что я скажѹ ему, что если онъ не хочетъ образумиться, то мнѣ съ нимъ больше дѣлать нечего; я не лакей ему дался, чтобы угождать его барскимъ причудамъ. Прощай, дитя мое!

II.

Его преподабiе, герръ Амброзіусъ Кандель былъ бодрый, коренастый семидесятилѣтній старецъ. Нельзя сказать, чтобы наружность его отличалась особою привѣтливостью, да и вообще, присутствiе граціи было что-то незамѣтно ни во вѣншей его особѣ, ни въ складѣ его ума. Тѣмъ не менѣе, величайшою несправедливостью было бы не признать въ немъ добраго, честнаго человѣка. Много говорятъ уже въ пользу независимости его характера то обстоятельство, что онъ не умѣлъ снискать себѣ расположенiе ни начальства своего, ни паствы; это неумѣнье угодить ни низшимъ, ни выснимъ было ему, конечно, обще со многими честными людьми, которымъ ихъ честность не позволяетъ кривить душой.

Что сдѣлало герра Амброзіуса такимъ угрюмымъ и шероховатымъ? Этого никто не зналъ. Существовало только темное преданiе, что во дни своей молодости онъ былъ домашнимъ учителемъ въ семействѣ одного знатнаго римлянина и страстно влюбился въ мать своихъ питомцевъ; красавица отвѣчала ему такую же любовью, но романъ этотъ, какъ того и слѣдовало ожидать, кончился трагично: мужъ изъ ревности убилъ жену, а Амброзіусъ пошелъ въ монастырь, чтобы укрыться отъ преслѣдовавшаго могучаго врага, какъ утверждали одни, или же, какъ полагали другіе, чтобы укрыться отъ свѣта, такъ жестоко осмѣившаго его первую попытку быть счастливымъ.

Клара была дочь его меньшаго брата, состоявшаго учителемъ при рейнштадтской гимназіи. Дѣвочка осталась двѣнадцати лѣтъ круглою сиротою. На другой же день послѣ смерти брата, герръ Амброзіусъ явился въ домъ скорби, утѣшилъ, какъ умѣлъ, плачущую племянницу, объявивъ ей, что со времени Адама и до сего дня всѣ люди умирали, что смерть ни-

чѣмъ не страшише ея. Клара перестала плакать, не потому, чтобы доводы дяди показались ей особенно убѣдительными, но потому, что все въ этомъ странномъ человѣкѣ было какъ-то особенно симпатично рѣшительному, серьезному складу ея собственнаго характера. Герръ Амброзіусъ похоронилъ брата на свой счетъ, заплатилъ оставшіеся послѣ него долги и отдалъ Клару на воспитаніе въ монастырь, гдѣ она оставалась до семнадцати лѣтъ. Безъ сомнѣнія, онъ простеръ бы и далѣе свои попеченія о племянницѣ, если бы молодая дѣвушка не объявила, что теперь она можетъ стоять на своихъ ногахъ. Она взяла мѣсто учительницы въ женскомъ пансіонѣ и тутъ то она познакомилась съ Мюнцеромъ, преподававшимъ въ старшихъ классахъ этого учебнаго заведенія.

Вскорѣ послѣ замужества Клары, герръ Амброзіусъ написалъ ей странное письмо; въ которомъ онъ выражалъ ей свое соботѣзнованье по случаю сдѣланнаго ею шага и въ заключеніе говорилъ: — если когда-либо твою ладью разобьетъ бурей, — а что оно будетъ такъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, — то вѣдь ты знаешь, какая пристань всегда для тебя открыта. Счастливымъ во мнѣ мало толку, за то несчастные во мнѣ всегда находилъ друга. — И вотъ, когда Мюнцеръ покинулъ домъ, въ которомъ жилъ съ самой своей женьтбы, и отправился въ столицу, Клара свила подъ кровлею пасторскаго дома, въ Кирхгеймѣ, новое гнѣздышко, сѣдя въ которомъ, старалась утѣшиться въ разореніи стараго.

Выплакавъ въ пасторскомъ саду первый наплывъ своего горя, Клара начала серьезно обдумывать средства вступитъ въ болѣе тѣсный духовный союзъ съ своимъ мужемъ. И вотъ, она напала на мысль, которая, при всей своей смѣлости, не оскорбляла цѣломудренную гордость, въ которой лежала въ одно и тоже время и сила, и слабость молодой женщины. Едва успѣлъ Мюнцеръ занять мѣсто на крайней, лѣвой сторонѣ собранія, какъ сила его огненнаго краснорѣчія доставила ему видное положеніе между народными представителями. А между тѣмъ результатъ его дѣятельности далеко не оправдывалъ тѣхъ ожиданій, которыя возлагала на него его партія. Случалось обыкновенно такъ, что въ самую рѣшительную мину-

ту свою горячность переняла все дѣло, которому его же краснорѣчіе чуть была не доставило блистательный успѣхъ. Съ ужасомъ замѣчала это Клара, неустанно слѣдовавшая за преніями; не разъ, шробѣгая въ газетата рѣчи своего мужа, она готова была вскрикнуть отъ изнуга; такъ бы вотъ, казалось, и перебила она его, такъ бы вотъ и упростила его обуздать свою горячность и не ставитъ выигрышь своего на карту. И вотъ, однажды съхватила она перо и дрожащими руками, но твердая духомъ, написала письмо, въ которомъ высказывала, безъ утайки, всѣ свои желанія и опасенія, все свое удивленіе передъ нимъ, все участіе, принимаемое ею въ его судьбѣ.

Но едва окончила она это письмо, какъ ее обуяла старая робость. Не сочтеть ли Бернгардъ это письмо за преждевременную и неделикатную попытку слова наложить на него супружеское ярмо? А потому Клара, не говоря ни слова дядѣ, поручила Бальтазару переписать письмо и отправить его безъ подписи на почту. Она хотѣла, чтобы дѣйствіе этого письма, если ему только суждено было имѣть какое нибудь дѣйствіе, было совершенно самостоятельное, отрѣшенное отъ всякаго предубѣжденія въ пользу или во вредъ писавшаго. И письмо не осталось безъ дѣйствія. Съ несказанною радостью прочитала Клара, недѣлю спустя, рѣчи Мюнцера, проникнутую тѣмъ самымъ духомъ, которымъ дышало ее письмо; мѣстами даже въ рѣчи попадались выраженія, цѣликомъ взятая изъ письма. Успѣхъ, далеко превосходявшій всѣ ея ожиданія, вдовольнял ее новымъ мужествомъ; она написала второе письмо, за нимъ третье и четвертое; съ гордою радостью и, въ то же время, съ трогательнымъ смиреніемъ смотрѣла она, какъ ея вліяніе все расло и расло. Что значили, рядомъ съ этою радостью, коротенькія письма, которыя въ теченіе лѣта и осени все рѣже и рѣже приходили отъ Мюнцера? Эти письма писались къ той Клэрѣ, которая теперь уже перестала существовать. Но данъ уваженія, которую депутатъ Мюнцеръ съ высоты трибуны воздавалъ своему гемю вдохновителю, принадлежала ей, настоящей Клэрѣ.

Но, пока горизонтъ ея будущаго такъ врояснѣлся, въ настоящемъ собирались тучи. Ходъ политическихъ событій принималъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, и Клара,

при всей своей патристической готовности къ самопожертвованію, не могла не трепетать за мужа. Потомъ, здоровье Карла внушало ей серьезныя опасенія; ребенокъ все еще никакъ не могъ оправиться отъ послѣдствій своего насильственнаго купанья въ рѣкѣ. Клара подозрѣвала въ немъ начинающуюся чахотку, хотя докторъ Брандъ и старался ее успокоить. Но больше всего огорчало ее упорное нерасположеніе, почти ненависть ея дяди къ Мюнцеру. Старикъ по возможности избѣгалъ говорить съ племянницей о ея мужѣ; но каждый разъ, какъ разговоръ случайно заходилъ о немъ, отзывъ Амброзіуса былъ неумолимо строгъ. — Онъ ищетъ отъ всѣхъ отдѣлиться, стать особнякомъ, говаривалъ онъ; не смотря на всю его ненависть къ дворянству, натура у него деспотическая, юнкерская. Я убѣжденъ, что рано или поздно, твой муженекъ заключитъ компромиссъ съ тѣми самыми врагами, на которыхъ онъ теперь такъ жестоко нападаетъ.

III.

Не весело было, между тѣмъ, надъ душѣ у старика; его мучило раздумье врача, давшего больному сильное средство и вдругъ начинавшаго опасаться за послѣдствія своей собственной смѣлости. Его преслѣдовалъ страдальческій взглядъ, которымъ молодая женщина глянула ему въ лицо; то былъ взглядъ смертельно раненой лани! Амброзіусъ надвинулъ себѣ шляпу на лобъ, застегнулъ на всѣ пуговицы свой долгополый сюртукъ и зашагалъ торопливыми шагами по песчаной тропинкѣ, пролегавшей по берегу рѣки. Камень, подвернувшійся ему подъ ногу, всреполнилъ чашу его негодованія.

— Что за проклятое, глупое мѣсто этотъ свѣтъ! заворчалъ онъ себѣ подъ носъ. Ну, какъ есть, домъ сьумасшедшихъ, биткомъ набитый злыми, развратными, тупоумными, шальвыми, старыми и молодыми дураками; и старые-то, пожалуй, хуже молодыхъ будутъ: у этихъ хоть отъ того и умъ за разумъ заходитъ, что кровь бурлитъ, ну, а тѣмъ нѣтъ извиненія. И я такой же старый дуракъ, какъ и другіе; вотъ уже цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, какъ я отрекся отъ безсмысленнаго смѣшенія тщеславія и чувственности, которое у людей называется любовью, — и нужно же мнѣ было совать носъ въ чужія любов-

ныя дѣла! Или, какое мнѣ дѣло до этого помѣшаннаго рейнфельденскаго старика? Ну, и пускай бы его трепеталъ смерти, пускай бы его умиралъ во грѣхахъ и уносилъ съ собою на тотъ свѣтъ все бремя своихъ преступленій, мнѣ-то что до этого? А между тѣмъ, поди-жь ты! Изъ-за него я рву себѣ сапоги о проклятые каменя, и, того и гляди, схвачу на этой стужѣ либо насморкъ, либо ревматизмъ.—Эй, кто тамъ?

— Я!

— Я, съ досадою передразнилъ пасторъ; каждый человѣкъ называется я; языкъ, что ли, у васъ отвалится сказать, что вы Бальтазаръ. Что вы здѣсь дѣлаете, забившись въ изгородь?

— Ихъ превосходительство послали меня караулить ваше преподобіе на углу парка, и велѣли провести васъ въ замокъ паркомъ.

— Вотъ какъ! зачѣмъ же меня караулить? Развѣ я воръ и разбойникъ?

— Пожалуй, я скажу вашему преподобію всю правду, какъ она есть. Дѣло въ томъ, что Килианъ (а человѣкъ онъ, надо вамъ сказать, недобрый) съ тѣхъ поръ, какъ ваше преподобіе побывали здѣсь какъ-то вечеромъ, спускаетъ каждый разъ по закатѣ солнца большую и злоющую дворовую собаку, Плутона, и не одобровать чужому человѣку, если онъ захочетъ пройти дворомъ.

— Послушайте, Шмальгансъ, заговорилъ герръ Амброзюсъ, я всегда былъ того убѣжденія, что вы далеко не такой простачекъ, за какого считаютъ васъ добрые люди. Мнѣ, напротивъ, сдается, что ваши большія уши слышать гораздо больше, чѣмъ сколько высказываетъ вашъ большой ротъ, и что подъ вашимъ выбритымъ и; мимоходомъ будь сказано, весьма икривымъ черепомъ шевелятся не совѣмъ обыденныя мысли. Такъ скажите же вы мнѣ, съ чего это вдругъ генералъ возымѣлъ ко мнѣ такую дружбу, что на одной недѣлѣ требуетъ меня къ себѣ уже въ третій разъ?

— Развѣ онъ самъ ничего вамъ объ этомъ не говорилъ?

— Самъ чортъ ничего не пойметъ изъ чепухи, которую онъ несетъ. Такъ живо же, говорите, что ему отъ меня понадобилось?

— Этого я не знаю, отвѣчалъ Бальтазаръ. Знаю только, что какъ-то разъ онъ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ:

не знаешь ли ты человѣка, который бы не боялся ни людей, ни чорта? Я подумалъ и отвѣчалъ: знаю; такой человѣкъ господинъ пасторъ Амброзіусъ Кандель!—Тогда онъ мнѣ сказалъ: приведи его ко мнѣ!—Вотъ я пошелъ и привелъ васъ къ нему.

— Гм! Это должно быть очень лестно для меня, проворчалъ герръ Амброзіусъ. Но, допустимъ, что я дѣйствительно ничего не боюсь, что, впрочемъ, не совсѣмъ справедливо, потому что я боюсь очень многого, наиримѣръ, ревматизма, — чего же старикъ-то боится?

— Всего на свѣтѣ, отвѣчалъ Бальтазаръ: жизни, которую болѣзнь превращаетъ для него въ пытку, смерти, въ которой онъ видитъ преддверіе ада.

— И вы, стало быть, считаете старика такимъ же дурнымъ человѣкомъ, какимъ изображаетъ его общая молва?

— Да, отвѣчалъ Бальтазаръ.

— А коли такъ, то изъ какихъ же побужденій принимаете вы въ немъ участіе?

— Да, полагаю, изъ тѣхъ же самыхъ, которыя и васъ заставляютъ таскаться изъ Кирхгейма въ такую даль.

— Я совсѣмъ другое дѣло, проворчалъ Амброзіусъ; ужь такая проклятая должность, что я обязанъ помогать несчастнымъ.

— И я тоже исполняю свой долгъ, проговорилъ Бальтазаръ.

— Да что, благодѣтель онъ вамъ, что ли, какой?

— Нѣтъ, я еще ни разу отъ него добра не видалъ. Онъ споконъ вѣку издѣвался надо мною, а подъ сердитую руку, случалось, даже и бивалъ меня. Прежде я его очень боялся.

— А теперь?

— Теперь онъ внушаетъ мнѣ состраданіе, какъ ядовитая полураздавленная змѣя, въ корчахъ валяющаяся на землѣ.

— Что эта баба, ваша жена, все еще у него? Въ послѣдній разъ, какъ я у него былъ, онъ собирался прогнать ее.

— Она все у него, не-то меня бы здѣсь не было.

— Какъ такъ?

— Она грозитъ, если генераль ее прогонитъ, придти ко мнѣ, ну, а тогда мнѣ непременно надо бѣжать.

— Бѣжать? Куда же?

— Куда глаза глядятъ, хоть въ рѣку.

— Нечего сказать, пріятная подруга жизни! проворчалъ пасторъ.

Они обогнули прудъ и вошли въ гостиную, которая большою стеклянною дверью имѣла непосредственное сообщеніе съ паркомъ; на лѣво отъ гостиной была спальня генерала и, съвозъ опущенныя портьеры, видѣлся оттуда слабый свѣтъ.

— *Они*-то воображаютъ, что генералъ въ спальнѣ, шопотомъ проговорилъ Бальтазаръ, но я провелъ его въ оружейную залу. Я часто работаю тамъ до поздней ночи, приводя въ порядокъ старое оружіе, такъ они не удивятся, если услышать шумъ.

Бальтазаръ осторожно заперъ на ключъ дверь гостиной и провелъ пастора въ темнотѣ къ другой двери, которую отперъ съ тою же осторожностью. Войдя въ нее и заложивъ ее снова болтомъ, онъ шепнулъ своему спутнику: теперь погодите съ минутку, пока я добуду огня.—Кругомъ было темно, хоть глазъ выколи, и пастора, едва онъ вошелъ, такъ и обдало сырими, подвальными воздухомъ. Но вотъ вспыхнулъ синеватый огонекъ и желѣзные люди съ мечами и копьями въ желѣзныхъ рукахъ закивали на него своими пустыми шлемами. При слабомъ свѣтѣ Бальтазарова фонаря онъ успѣлъ оглядѣться, куда онъ попалъ.

Онъ увидѣлъ себя среди высокой, просторной комнаты, стѣны которой, въ верхней своей половинѣ, были убраны знаменами, значками и другими воинственными эмблемами. Понизже же тянулись огромные шкапы, биткомъ набитые оружіемъ всевозможныхъ видовъ. Кромѣ того, полъ былъ заваленъ всякаго рода хламомъ, свидѣтельствовавшимъ, что оружейная зала въ теченіе многихъ лѣтъ служила въ то же время и кладовою.

Въ самомъ отдаленномъ углу этой залы сидѣла, съезжившись, на большомъ ящикѣ какая-то фигура, въ которой пасторъ не съ разу узналъ генерала. Длинная, сухощавая фигура старика была укутана въ мѣховую хадать; плѣшивую голову прикрывалъ спальный колпакъ; старое, осунувшееся лицо, искаженное страхомъ и холодомъ, смотрѣло какъ-то еще дряхлѣе; вообще, старикъ являлся въ эту минуту предметомъ скорѣе состраданія, чѣмъ страха.

Генераль пробормоталъ что-то такое, изъ чего Амброзіусъ не понялъ ни единого слова; но Вальтазаръ раскинулъ складной стулъ и пригласилъ господина пастора присѣсть; потомъ онъ отошелъ въ сторону и принялся разбирать оружіе, при чемъ, казалось, съ намѣреніемъ производилъ больше шума, чѣмъ было нужно.

Какъ скоро Вальтазаръ удалился, генераль схватилъ руку пастора своими длинными, костлявыми пальцами и проговорилъ какимъ-то слабымъ, болзливымъ голосомъ, отъ котораго коробило слушающаго:

— Спасите меня, батюшка!

— Отъ когѣ или отъ чего мнѣ васъ спасать? спросилъ Амброзіусъ, невольнымъ движеніемъ высвобождая свою руку изъ этихъ влажно-холодныхъ пальцевъ.

— Отъ этой мерзкой бабы, отъ этой проклятой колдуньи, которая хочетъ во что бы то ни стало довести меня до висѣльни.

— Какъ же можетъ она это сдѣлать? Вѣдь въ наши дни людей не вѣшаютъ ни за что, ни про что, замѣтилъ пасторъ.

— Ни за что, ни про что, пробормотало привидѣніе въ мѣховомъ халатѣ и закивало при этомъ головою, прикритою колпакомъ, ну да, конечно, ни за что, ни про что... Стоятъ ли вѣшать изъ-за такихъ пустяковъ? И спустя столько лѣтъ? Вѣдь ужъ я старый старичокъ и одною ногою стою въ гробу..

— Знаете ли, что я вамъ скажу? заговорилъ пасторъ строгимъ и жесткимъ тономъ. Что у васъ на совѣсти нежить какое-то преступленіе, это ясно, не-то вы бы давно прогнали старую вѣдму, не обращая вниманія на ея угрозы. Не знаю, въ состояніи ли я буду вамъ помочь, скорѣе, сдается мнѣ, что нѣтъ; но ужъ если вы хотите, чтобы я вамъ помогъ, то вы должны сказать мнѣ всю правду, какъ она есть.

— Чтобы и-вы могли отправить меня на висѣльню, когда вамъ вздумается? сказалъ старикъ, и безобразная усмѣшка исказила его поблекшее лицо. Какъ бы не такъ!

— Въ такомъ случаѣ, поступайте, какъ знаете, сердито отвѣчалъ Амброзіусъ; а я, право, не имѣю ни малѣйшаго желанія схватить смертельную простуду въ этомъ проклятомъ погребѣ.—И онъ всталъ со стула.

— Оставайтесь, ради Бога, оставайтесь, захватываю привидѣніе въ мѣховомъ халатѣ. Ужь если это непременно нужно, я все вамъ скажу.

Амброзіусъ снова сѣлъ. Старикъ задумался, какъ бы не зная, какъ приступить къ своей исповѣди; наконецъ онъ вымолвилъ:

— А что, батюшка, если бы я сѣлся католикомъ?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Вѣдь католикъ, не правда ли, можетъ грѣшить, сколько ему угодно, только онъ долженъ потомъ покаяться духовному отцу; тотъ замолитъ его грѣхъ и дѣло съ концомъ.

— Ну, нѣтъ, такъ дешево и у насъ не отдѣлаешься, отвѣчалъ настоятель.

— Я никакихъ денегъ не пожалѣю, проговорилъ старикъ.

— Все это ни къ чему не поведетъ. Пожалуй, иной изъ моихъ собратьевъ по ремеслу и возьмется, за порядочный кушъ, примирить васъ съ небеснымъ правосудіемъ, да съ земнымъ-то дѣло не такъ легко улаживается, а если я не ошибаюсь, оно-то васъ пуще всего и страшитъ.

— Такъ вы ничего не можете для меня сдѣлать?

— Ничего.

— А коли такъ, то убирайтесь же ко всѣмъ чертямъ! воскликнулъ старикъ и, въ бѣшенствѣ схвативъ случившееся возлѣ него копые, приготовился заустить имъ въ голову своего гостя.

Онъ, безъ сомнѣнія, и исполнилъ бы это намѣреніе, если бы въ эту самую минуту не раздался сильный стукъ въ дверь.

— Кто тамъ? крикнулъ Бальтазаръ.

— Это я, болванъ, отвѣчалъ шипучій голосъ. Скоро ли ты уберешься домой? Ночевать, что ли, ты здѣсь расположился?

— Я сейчасъ кончу, отозвался Бальтазаръ.

— Слава тебѣ, Господи! пора! проговорилъ голосъ за дверью.

Во время этихъ переговоровъ, генераль прокрадся ползкомъ къ самой стѣнѣ и прижался къ ней, дрожа всѣмъ тѣломъ. Даже Амброзіусъ, при всей своей храбрости, искалъ вокругъ себя глазами оружія болѣе надежнаго, чѣмъ его суковатая палка.

Бальтазаръ подошелъ къ нему и шепнулъ: — я такъ и зналъ, что она не отважится сюда войти; она до смерти боится всего этого стараго хлама. Однако, ваше превосходіе, намъ пора идти; теперь она закрывается, ставни; если мы не воспользуемся этимъ временемъ, то мы пропадемъ.

— Такъ пойдемте же, отвѣчалъ пасторъ, я ничего не дамъ противъ этого.

— Но вѣдь вы опять придете, батюшка? Не правда ли, придете? Стонало привидѣніе, жаркая своимъ широкими вадц-ками по слѣдамъ пастора.

— Тамъ увидимъ, отвѣчалъ Амброзіусъ; только врядъ ли я могу вамъ помочь.

— Я охотно отдамъ вамъ половину своего состоянія, если вы меня сдѣлаете католикомъ, такъ чтобъ они не могли меня повѣсить.

— Увидимъ, увидимъ, отвѣчалъ пасторъ.

— Скорѣе, не-то мы опоздаемъ, шепнулъ Бальтазаръ.

Привидѣніе подкралось неслышными шагами къ той двери залы, которая вела во внутренніе покои; Бальтазаръ и Амброзіусъ вышли стеклянною дзерью въ паркъ. Едва они сдѣлали въ темпотѣ нѣсколько шаговъ, какъ послышался грубый голосъ, взывавшій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ: — cherche, Плутонъ, cherche. — Вслѣдъ за тѣмъ послышался трескъ ломавшихся сучьевъ; трескъ этотъ приближался по направленію къ нимъ. У Амброзіуса неволью вырвался слабый крикъ, но Бальтазаръ шепнулъ ему: — собака меня знаетъ и не тронетъ того, кто идетъ со мною; вотъ она! Здравствуй, Плутонъ, здравствуй!

Громадная собака съ веселымъ лаемъ прыгнула на школьнаго учителя и положила ему на плечи богатырскія лапы; ту же ласку оказала и пастору.

— Ну, ну! ладно, Плутонъ, а теперь ступай, ступай на мѣсто, проговорилъ Бальтазаръ, и собака снова кинулась въ кусты.

Пасторъ вздохнулъ всюю грудью; когда въ лицо нахнулъ вѣтеръ съ рѣки, безпринятственно проносившійся открытымъ полемъ.

— Не проводите ли вы меня, Бальтазаръ, до рѣки?

Въ голосъ, которымъ были сказаны эти слова, слышалось го-

раздо больше уваженія, чѣмъ въ прежнемъ тонѣ пастора съ школьнымъ учителемъ. Въ продолженіи послѣдняго часа, маленькій, застѣнчивый человѣчекъ выросъ во мнѣніи своего спутника.

— Съ удовольствіемъ, ваше преподобіе.

— Скажите-ка мнѣ, Бальтазаръ, съ которыхъ поръ эта баба стала на ножкахъ съ старикомъ? Вѣдь ей же, казалось бы, выгоднѣе было жить съ нимъ въ мирѣ и согласіи?

— Съ нынѣшней весны, ваше преподобіе, съ самой той поры, какъ здѣсь побывали господа изъ города. Она всегда была противъ того, чтобы ихъ превосходительство ладилъ съ своими родственниками. Она все попрекаетъ ему, что онъ проживается въ родню, въ особенности, въ молодого господина Вольфганга, милого, добраго юношу...

— Знаю, знаю, старикъ мнѣ рассказывалъ. Какъ вы думаете, Бальтазаръ, она не хватаетъ, что можетъ подвести старика подъ уголовщину?

— Говорить-то, она часто объ этомъ поговариваетъ; только я смотрю на это, какъ на пустую угрозу.

— Гм, гм! промычалъ пасторъ. Однако, вотъ и береговая тропица; я не хочу васъ больше утруждать.

— Вы мнѣ не дадите сегодня ничего переписывать? спросилъ Бальтазаръ.

— Ахъ да, чуть было не забылъ! вотъ вамъ работа. Да смотрите, понавѣдайтесь завтра ко мнѣ.

— Слушаю, ваше преподобіе.

Пасторъ отошелъ было нѣсколько шаговъ, но вдругъ обернулся и сказалъ:

— Не помните ли вы, Бальтазаръ, сколько времени тому назадъ умеръ красавецъ Юргенсъ изъ Кирхгейма, что служилъ у генерала въ охотникахъ.

— Тому, пожалуй, будетъ лѣтъ десять, ваше преподобіе.

— Скажите — я-то самъ былъ въ то время болѣвъ, такъ не припомню всѣхъ подробностей дѣла, — вѣдь онъ, если не ошибаюсь, умеръ скоростипжно? Какъ это случилось?

— Онъ ночью, въ нетрезвомъ видѣ, свалился съ каменной лѣстницы, что ведетъ въ башню, и притомъ такъ несчастливо, что ударился вискомъ объ острый край нижней ступени и чуть же испустилъ духъ.

— Скажите, какой несчастный случай! проворчалъ герръ Амброзіусъ. Покойной вамъ ночи, Бальтазаръ.

— Прощайте, ваше преподобіе!

IV.

Въ ту же темную, дождливую ночь нѣсколько молодыхъ людей въ военныхъ мундирахъ сидѣли въ офицерской дежурной комнатѣ форта Сэнъ Себастіана въ Рейнштадтѣ. На столѣ стояла дымящаяся пуншевая чаша, изъ которой честная компанія, видимо, успѣла уже сдѣлать не малое количество возліяній; комната была наполнена густыми облаками табачнаго дыма.

— Однако, господа, не сыграть ли намъ пульку въ отсутствіе нашего амфитріона? проговорилъ Куно фонъ-Гогенштейнъ, прерывая довольно длинную паузу, воспослѣдовавшую въ разговорѣ.

— Что-о? промычалъ баронъ фонъ-Вилламовскій, успѣвшій задремать.

— Предлагають тостъ за Камиллу фонъ-Гогенштейнъ, пояснилъ ему лейтенантъ фонъ-Визе, славившійся своимъ злымъ языкомъ.

— De tout mon coeur! отозвался баронъ съ большою готовностью, но вельми заплетавшимся языкомъ.

Громкій взрывъ хохота привѣгсовалъ эту выходку.

Вилламовскій опорожнилъ поданный ему стаканъ и снова прикурнулъ въ углу дивана. Фонъ-Визе подмигнулъ остальнымъ и окликнулъ его:

— Вилламовскій! послушайте-ка!

— Что вамъ тамъ еще понадобилось?

— Вы проговорились во снѣ, что обижаете Камиллу; Гогенштейнъ вернулся съ обхода, онъ это слышалъ и хочетъ стрѣляться съ вами.

— De tout mon coeur! снова замычалъ въ просонкахъ Вилламоскій; по мнѣ, пожалуй. Elle m'aime aussi... elle m'ai...

— Какъ разхвастался-то человѣкъ! вишь, она его тоже любить! замѣтилъ Куно.

— Ужь не хочешь ли ты, Куно, возобновить свои притя-

занія на красавицу? воскликнул фонъ-Визе. Нѣтъ, братъ, хоть ты вообще и счастливъ въ женщинахъ, но на этотъ разъ провалился со стыдомъ.

— Точь въ точь, какъ вашъ братецъ на экзаменѣ, договорилъ фонъ-Гинкель.

Это сравненіе за живое затронуло юнкера Одо, напомиравъ ему неудачу, уже вторично постигшую его три недѣли тому назадъ.

— Да ужь лучше бы я согласился еще двадцать разъ провалиться, чѣмъ такъ промаршировать, какъ Вольфгангъ сегодня на парадѣ, прорычалъ онъ.

— Ха, ха, ха! засмѣялся фонъ-Гинкель; а вѣдь точно изъ рукъ вонъ было плохо. Дядя выходилъ изъ себя, кричалъ, что всему виною большая ученость. Еще немного—и друга мнлаго засадили бы подъ арестъ...

— Либо исключили бы изъ полка, не хуже маіора, замѣтилъ фонъ-Визе.

— Ну, господа, между нами будь сказано, Дегенфельду это по дѣломъ.

— Вы читали его брошюру? Правда, что онъ въ ней чортъ знаетъ что городить?

— То есть, я вамъ скажу, изъ рукъ вонъ, что такое доказываетъ. Ничему, какъ есть, спуску нѣтъ. И вооруженіе-то, вишь, наше никуда не годится, и приемы-то наши устарѣли; всѣ парады по боку, срокъ службы сокращается до одного года для пѣхоты, и до полутора года для кавалеріи; наконецъ, въ довершеніе всего, допускается производство унтеръ-офицеровъ въ офицерскіе чины.

— Да онъ никакъ рехнулся, замѣтилъ Куно.

— Чего добраго, да!

Въ эту минуту вошелъ въ комнату унтеръ-офицеръ.

— Что вамъ надо? крикнулъ на него фонъ-Гинкель.

— Рапортъ отъ...

— Лейтенантъ пошелъ дѣлать обходъ. Что тамъ такое случилось?

— Арестовали человѣка за сопротивленіе патрулю.

— Ладно, засадите этого молодца въ арестантскую, а я ужь скажу лейтенанту, когда онъ вернется.

— Слушаю!

Унтеръ-офицеръ повернулся на каблукахъ и вышелъ.

— Вотъ такъ пошло теперь катать! замѣтилъ фонъ-Визе. Съ той поры, какъ объявлено осадное положеніе, въ одинъ вечеръ понаберется больше арестантовъ, чѣмъ, бывало, въ цѣлую недѣлю. Ну, да давно была пора принять этихъ бюргеровъ къ рукамъ. Однако, что же этотъ Гогенштейнъ пропадаетъ?

— Не бось, осматриваетъ всѣ посты до одинаго, проговорилъ Куно; его мѣщанская совѣсть безъ того не успокоится.

— Однако, господа, не пора ли намъ по домамъ; Гогенштейнъ можетъ, если ему угодно, самъ допивать свой пуншъ.

Офицеры начали застегивать сюртуки и португези.

— Что это, господа! заговорилъ Вольфгангъ, входя въ комнату, никакъ вы уже хотите разойдтись?

— Уже? отвѣчалъ фонъ-Визе; теперь часъ, а всѣ мы вернулись домой только въ шесть часовъ. Кто васъ проситъ такъ долго дѣлать обходъ.

— Я-то бѣжалъ, сломя голову.

— А коли такъ, сухо замѣтилъ фонъ-Визе, то вамъ надо отдохнуть. Покойной ночи!

Проводивъ своихъ гостей, которые шумною гурьбою повалили изъ компаты, Вольфгангъ поспѣшилъ открыть окно, чтобъ освѣжить атмосферу, насквозь пропитавшуюся табачнымъ дымомъ и винными парами; потомъ онъ позвалъ дежурнаго унтеръ-офицера и спросилъ у него, не произошло ли чего особеннаго въ его отсутствіе?

— Привели арестанта, господинъ лейтенантъ; мнѣ было велѣли запереть его вмѣстѣ съ другими, но онъ съ виду такой порядочный, что я отвелъ его, впредъ до приказаній, въ офицерскую арестантскую. Въ общей-то арестантской, господинъ лейтенантъ, кишмя кишитъ всякими насѣкомыми.

Унтеръ-офицеръ Рухель, красивый мужчина съ умнымъ, оживленнымъ лицомъ, не позволилъ бы себѣ, конечно, подобное отклоненіе отъ дисциплины съ другимъ, но Вольфгангъ успѣлъ приобрести себѣ любовь и довѣріе своихъ подчиненныхъ.

— Что же, и долженъ его задержать? спросилъ Вольфгангъ тономъ человѣка, нуждающагося въ совѣтѣ.

— Полагаю, что это не вужно, господинъ лейтенантъ; онъ еще не внесенъ въ списки? Да не угодно ли вамъ будетъ на него взглянуть?

— Пожалуй.

Унтеръ офицеръ Рюхель засвѣтилъ фонарь и повелъ Вольфганга узкимъ корридормъ, оканчивавшимся дверью, которую онъ отперъ.

— Дайте-ка мнѣ фонарь, а сами потрудитесь подождать меня здѣсь.

— Слушаю, господинъ лейтенантъ.

Вольфгангъ вошелъ въ темную комнату. За столомъ, спиною къ двери, сидѣлъ арестантъ и, казалось, дремалъ, облокотившись на столъ.

Вольфгангъ подошелъ къ нему и началъ было:

— Милостивый государь!..

Арестантъ поднялъ голову.

— Дядя Петръ!

Петръ Шмицъ гнѣвно посмотрѣлъ своими темными глазами на стоящаго передъ нимъ офицера, въ которомъ онъ, по видимому, не съ разу узналъ своего племянника. Презрительная улыбка мелькнула у него на лицѣ.

— Съ кѣмъ имѣю я честь говорить?

— Дядюшка, сказалъ Вольфгангъ взволнованнымъ голосомъ, будьте же великодушнѣе судьбы, которая ставитъ меня относительно васъ въ такое ужасное положеніе.

— Какая тамъ судьба, mon cher! воскликнулъ Шмицъ, которому его горячность не дала доиграть принятую имъ на себя роль. Судьба дѣлаетъ насъ тѣмъ, чѣмъ мы сами захотимъ быть, однихъ честными людьми, другихъ же... Однако, господинъ лейтенантъ, вы пришли, конечно, сдѣлать какія нибудь распоряженія; пожалуйста, не стѣсняйтесь, мнѣ же поскорѣе хотѣлось бы остаться одному.

— Дядюшка, дядюшка, вы будете завтра же горько жалѣть о томъ, что говорили такія рѣчи сыну вашей сестры.

Въ голосѣ Вольфганга было столько искренней, глубокой скорби, что у Петра, какъ онъ не былъ раздраженъ, дрогнуло сердце.

— Что пользы хныкать? отвѣчалъ онъ ворчливо; сдѣланнаго не воротить. Ты, если не ошибаюсь, командуешь ка-

рауломъ на нашей гауптвахтѣ, на которой твой дядя сидитъ подъ арестомъ, за то, что осмѣлился оказать сопротивление патрулю, нахально запрещавшему ему разговаривать на улицѣ съ двумя-тремя знакомыми. Оно конечно, положеніе не совсѣмъ ловкое; но, какъ я уже сказалъ тебѣ, сдѣланнаго не воротить, а потому, поступай такъ, какъ тебѣ велитъ долгъ службы. Какое мнѣ тамъ слѣдуетъ наказанье? Въ цѣпи, что ли, меня закуютъ, или, быть можетъ, прямо разстрѣляютъ?

— Полагаю, дядя, что дѣло приметъ менѣе трагической оборотъ, отвѣчалъ Вольфгангъ, грустно улыбаясь, если ты только позволишь мнѣ проводить тебя вонъ изъ крѣпости. Ты не минуты здѣсь не останешься долѣе, чѣмъ самъ пожелаешь.

— Но въ томъ-то и дѣло, что я хочу здѣсь остаться, милостивый государь! воскликнулъ Петръ; я не хочу быть игрушкой произвола, который хватаетъ свободнаго гражданина, какъ вора, бросаетъ его безъ суда и слѣдствія въ сырой подвалъ, и потомъ выпускаетъ его, когда ему вздумается.

— Но, дядюшка, если тебѣ не жаль меня, не жаль моей матери, которую вся эта исторія несказанно огорчить, то подумай, по крайней мѣрѣ, о своихъ домашнихъ, о тетускѣ Беллѣ, объ Оттиліи!

Сильнѣе всѣхъ доводовъ подѣйствовало на дядю Петра имя Оттиліи.

— Твоя правда, проговорилъ онъ; въ досадѣ я совсѣмъ было и забылъ про бѣдную дѣвчонку. О ты имѣешь въ ней, Вольфгангъ, горячую защитницу; ужь журила же она меня намедни, за то, что я тебя такъ круто привялъ; сердить я былъ въ тотъ вечеръ, ни дать, ни взять, какъ и нынче, когда ты вошелъ ко мнѣ. Однако, мнѣ отъ нея, чего добраго, опять достанется, если я не воспользуюсь твоимъ предложеніемъ выпустить меня на волю. А видитъ Богъ, Вольфгангъ, я бы охотнѣе остался.

— Вѣрю, вѣрю, дядюшка; но тѣмъ большая будетъ заслуга съ твоей стороны, выбраться отсюда.

Петръ нахлобучилъ на лобъ свою шляпу, сильно пострадавшую во время столкновенія съ патрулемъ, и направился къ двери. Вдругъ онъ остановился и тихо спросилъ:

— А что, Вольфгангъ, тебѣ не будетъ непріятностей за то, что ты меня выпустишь?

— Не думаю, дядюшка; солдаты мнѣ преданы, къ тому же, ты еще не внесенъ въ списокъ арестантовъ.

— Ну, коли такъ, то пойдѣмъ.

Вольфгангъ взялъ дядю подъ руку, отворилъ дверь и обратилъ къ Рухелю, расхаживавшему взадъ я впередъ по корридору.

— Я хорошо знаю этого господина; тутъ, видимо, произошло недоразумѣнїе. Я провожу его за крѣпостныя ворота.

— Какъ вамъ будетъ угодно, господинъ лейтенантъ....

Миновавъ нѣсколько постовъ часовыхъ, Вольфгангъ и его дядя остановились у подъемнаго моста, служившаго входомъ въ крѣпость.

— И такъ, дядюшка, покойной ночи! сказалъ Вольфгангъ.

— Покойной ночи! отвѣчалъ дядя Петръ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ протянутую ему руку Вольфганга. Но отойдя нѣсколько шаговъ, онъ воротился и сказалъ:

— Дай руку, племянникъ! Я вижу, что у тебя въ жилахъ течетъ больше шмицовой крови, чѣмъ я думалъ. А что я тамъ сказалъ про судьбу, которую каждый человекъ самъ себѣ приготовляетъ, то ты это слишкомъ-то буквально не принимай. Тебѣ тоже, поди, не легко исполнять то, что ты считаешь своей обязанностью. Прощай! да не забудь поклониться отъ меня метеру.

V.

Антонія фонъ-Гогенштейнъ уже нѣсколько дней жила въ своемъ замкѣ Розенау. Разсѣянно провѣривъ распоряженія, сдѣланныя управляющимъ къ ея'прїѣзду, она всѣмъ осталась довольна, но высказала это такимъ вялымъ тономъ, что герръ Фетлеръ и его жена, ожидавшіе себѣ совсѣмъ иной похвалы, были сильно разочарованы.

— Было изъ-за чего хлопотать, сказалъ Фетлеръ своей женѣ.

— Что и говорить! отвѣчала фрау Фетлеръ. Только, знаешь ли, барыня-то наша съ прошлой весны сильно спала съ лица; она, должно быть, больна.

— И! большіе господа никогда не хворають, отозвался герръ Фетлеръ.

А между тѣмъ, если только дурное расположеніе духа можетъ быть разсматриваемо, какъ симптомъ болѣзни, то здоровье Антонія было, безъ сомнѣнія, очень плохо. Она почти не выходила изъ своей комнаты, и каждый разъ, какъ фрау Фетлеръ являлась на ея звонокъ, почтенная экономка заставляла свою госпожу въ полулежащемъ положеніи, съ неизмѣнно тоскливымъ выраженіемъ на прекрасномъ лицѣ. Разъ было фрау Фетлеръ осмѣлилась спросить, что съ нею? и получила въ отвѣтъ:

— Мнѣ скучно.

Фрау Фетлеръ была душевно рада, когда наконецъ насталъ день, въ который госпожа ея ожидала гостей. Собственно гости должны были пріѣхать только къ обѣду, но уже въ десять часовъ утра къ подъѣзду подкатила наемная карета и, высадивъ высокаго господина въ шинели съ поднятымъ воротникомъ, снова уѣхала.

Минуту спустя, незнакомецъ и Антонія сидѣли другъ противъ друга въ гостиной. Но нельзя сказать, чтобы ихъ лица выражали особенную радость или даже ту степень пріѣтливости, которая предписывается законами общежитія.

— Какой у васъ усталый видъ, Антонія, замѣтилъ Мюнцеръ.

— Мнѣ скучно, отвѣчала Антонія.

— Въ такомъ случаѣ, вы, конечно, не засидитесь въ деревнѣ.

— Кажется, я не для своего удовольствія пріѣхала зимою въ это захолустье.

— Это такъ, и наша партія должна быть вамъ безконечно благодарна за жертву, которую вы ей приносите. Но я къ тому велъ рѣчь, что наше нынѣшнее совѣщаніе будетъ послѣднее; къ какому бы результату оно насъ ни привело, вамъ, во всякомъ случаѣ, нечего здѣсь долѣе оставаться, такъ какъ единственною цѣлью вашего пребыванія здѣсь было служить ширмами для нашихъ сходовъ. Вы какъ объ этомъ думаете?

— Ужь ты бы, кстати, называлъ меня «милостивой государыней.»

Мюнцеръ грустно улыбнулся.

— Извини меня, продолжалъ онъ, но, вѣдь ты знаешь,

когда рѣчь идетъ о политикѣ, я забываю все остальное, не исключая даже нашу... дружбу.

— Когда рѣчь идетъ о политикѣ! Да когда же о другомъ-то между нами бываетъ рѣчь?

— Стало быть, эта тема утратила для тебя всякій интересъ?

— Признаюсь, Мюнцеръ, мнѣ до смерти надоѣло слушать эти вѣчные толки о реакціи да о революціи, о социализмѣ да о комунизмѣ... или, какъ тамъ еще называются ваши коньки? И хоть бы что изъ этого выходило!

— По крайней мѣрѣ, ты должна мнѣ отдать справедливость, что не я виноватъ въ томъ, что мы не трогаемся съ мѣста.

— Пусть такъ; но что же изъ этого? Признаюсь, была минута, когда я увлеклась твоими идеями, но вѣчно и вѣчно восторгаться идеями, вѣчно парить въ воздухѣ и не чувствовать твердой почвы подъ ногами... Нѣтъ! я на это неспособна.

— Боюсь, Антонія, что мы перестали понимать другъ друга.

— Или никогда другъ друга не понимали.

— Въ такомъ случаѣ, конечно, смѣшно было бы съ моей стороны добиваться нашего взаимнаго пониманія.

И онъ отошелъ къ камину.

Легкая рука легла ему на плечо; онъ обернулся и силился отвѣчать улыбкою на тревожно испытующій взглядъ Антоніи, но улыбка ему не далась. Онъ кинулся въ кресло и закрылъ лицо руками; Антонія опустила передъ нимъ на колѣни и ласково отняла у него руки отъ лица.

— Нѣтъ, Бернгардъ, оставь меня стоять передъ тобой на колѣняхъ; я тебя обидѣла и должна на колѣняхъ вымолить себѣ прощеніе. Но, Бернгардъ, будь же и ты справедливъ ко мнѣ; развѣ я виновата, что твои мечты объ общемъ благѣ не находятъ отголоска ни въ головкѣ моей, ни въ сердцѣ? Развѣ я виновата, что у меня нѣтъ сочувствія къ толпѣ, что я живу для тебя одного и въ тебѣ одномъ? Ты, я знаю, всю жизнь свою тщетно искалъ любви и нигдѣ ея не находилъ, ни даже со мною... Да, Бернгардъ, я знаю, что ты и со мною не былъ счастливъ, какъ не былъ ты счастливъ въ объятіяхъ твоей жены. Я чувствую, что давно уже стала тебѣ въ тягость... Что? ты качаешь головою? Такъ докажи

же мнѣ, что ты меня любишь, отдайся мнѣ всецѣло, какъ я тебѣ отдалась. Поѣдемъ въ Италію, или нѣтъ, не въ Италію, тамъ еще хуже, чѣмъ у насъ... Поѣдемъ на востокъ, въ Сирию, и тамъ, въ тѣни пальмъ и кедровъ, забудемъ эту ненавистную страну съ ея ненавистной политикой.

— А дѣти мои? спросилъ Мюнцеръ, что съ ними станется? Антонія выпустила его руки.

— Я опять совсѣмъ было забыла, что ты... женатъ, проговорила она сухо. Ну, чтожъ? возьми дѣтей къ себѣ; вѣдь ты имѣешь на нихъ полнѣйшее право.

— Неземлѣримо большее право имѣеть на нихъ мать; я не могу отнять дѣтей у матери.

— Ахъ, Боже мой! такъ возьми же и мать, и дѣтей опять къ себѣ въ домъ, если тебѣ безъ нихъ не живется.

— Я такъ и думаю это сдѣлать.

— И ты нарочно такъ рано пріѣхалъ, чтобы объявить мнѣ это?

— Дѣйствительно, я хотѣлъ тебѣ это сказать, но конечно не такъ, какъ оно сказалось теперь.

— Не въ выраженіяхъ дѣло. Однако, не пойдти ли намъ въ садъ? Въ этихъ мрачныхъ комнатахъ такъ скучно.

— Не думаю, чтобы ты дѣйствительно дорожила своимъ обществомъ, продолжалъ Мюнцеръ, идя рядомъ съ нею по аллеямъ парка; мнѣ кажется, что лучшее, что я могу сдѣлать, это возвратиться, подъ тѣмъ или подъ другимъ предлогомъ, къ моему семейному очагу.

— Да ужь не отправиться ли тебѣ сейчасъ же въ Кирхгеймъ? Кстати же, эта дорога, какъ разъ, пролегаетъ туда.

Антонія молча прошла нѣсколько шаговъ, потомъ продолжала:

— И такъ, я для тебя стала ничѣмъ! И отчего ты не хочешь прямо это высказать? Я такъ часто выпроваживала своихъ любовниковъ; надо же мнѣ на себѣ испытать, что при этомъ чувствуется.

— Еще неизвѣстно, кто изъ насъ кого выпроваживаетъ, проговорила Мюнцеръ съ грустной улыбкой. Вѣрно только то, что въ наши отношенія вкралась какая-то фальшивая нота; чѣмъ скорѣе мы объяснимся другъ съ другомъ, тѣмъ лучше. Помнишь, когда ты переѣхала въ столицу, я сказалъ тебѣ, что не могу радоваться твоему пріѣзду, потому что дружба,

единственное чувство, уцѣлѣвшее на обломкахъ моего счастья, не можетъ удовлетворить тебя. Ты отвѣчала мнѣ самымъ дѣломъ; ты ринулась въ водоворотъ политической жизни, ты ввела въ заблужденіе не одного тонкаго наблюдателя тою восторженностью, съ которою ты примкнула къ нашей партіи; но я зналъ тебя лучше; я зналъ, что въ глубинѣ твоей гордой души ты презираешь то дѣло, за которое мы сражаемся. Другой, на моемъ мѣстѣ, быть можетъ, почувствовалъ бы себя польщеннымъ такою жертвою, но для меня личность и дѣло неразлучны; если бы я могъ довольствоваться богатствомъ личности, то я преклонился бы передъ тобою. Быть можетъ, ты скажешь, что я требую невозможнаго, что та любовь, которая влечетъ мужчину къ женщинѣ, не имѣетъ ничего общаго съ моими завѣтными идеями... Вотъ почему я говорю тебѣ, Антонія: оставь меня, неисправимаго мечтателя, вѣчно гоняющагося за образами своей собственной фантазіи, и живи въ дѣйствительности: она твое царство и ты королева этого царства.

— А ты мой рабъ, перебила его Антонія и, смѣясь, обвила его шею руками.

— То-то, продолжала она, «мечтатель, вѣчно гоняющійся за образами своей собственной фантазіи», мечтай себѣ, сколько хочешь, и цѣлуй меня, сколько я хочу, тогда никому изъ насъ не будетъ обидно...

Въ эту минуту раздался топотъ лошадиныхъ копытъ и въ концѣ аллеи показался всалникъ, скакавшій во весь опоръ.

— Это Вольфгангъ, проговорилъ Мюнцеръ; что привело его сюда?

Поравнявшись съ ними, Вольфгангъ осадилъ назадъ и спрыгнулъ на землю.

— Что такое случилось? воскликнулъ Мюнцеръ и Антонія въ одинъ голосъ.

— Да ничего хорошаго, отвѣчала Вольфгангъ. Счастье, что я васъ такъ скоро отыскалъ. Около часу тому назадъ, приходитъ ко мнѣ человекъ, называющій себя Каіусомъ, и передаетъ мнѣ отъ Дегенфельда записку; вотъ она: «Любезный В. вѣрьтесь вспомяните подателю этой записки и поразмыслите съ нимъ съобща, какъ поступить.» — Затѣмъ этотъ Каіусъ разсказалъ мнѣ, что Дегенфельдъ, къ которому онъ

нѣскольکو дней тому назадъ поступилъ въ услуженіе, арестованъ и что онъ знаетъ отъ одного полицейскаго служителя, своего давнишняго пріятеля, что намѣреваются арестовать еще нѣсколькихъ человекъ, въ томъ числѣ и тебя, Мюнцеръ; что ты съ утра еще отправился въ Розенау и что надо какъ можно скорѣе предупредить тебя, чтобы ты не вернулся въ западню. Я вызвался скакать къ тебѣ съ этимъ извѣстіемъ; Каіусъ одобрилъ мое намѣреніе, и вотъ, какъ видишь, я здѣсь.

— Но знаешь ли, Вольфгангъ, заговорилъ Мюнцеръ послѣ нѣсколькихъ минутъ раздумья, что ты подвергаешься большой опасности. Эта прогулка можетъ стоить тебѣ твоихъ эполетъ?

— Чтожъ! онѣ давно тяготятъ мнѣ плечи, отвѣчалъ Вольфгангъ съ грустной улыбкой. Но, Мюнцеръ, потолкуемъ лучше о томъ, какъ тебѣ спастись отъ угрожающей тебѣ опасности. По моему мнѣнію, тебѣ всего лучше, не теряя ни минуты, скакать на желѣзную дорогу; а тамъ ты можешь сойти на любой станціи и сбѣжать съ толку своихъ преслѣдователей.

— Почему бы ему не остаться здѣсь? проговорила Антонія. Вы безопаснѣе здѣсь, чѣмъ гдѣ либо, Мюнцеръ.

— Въ этомъ я что-то сильно сомнѣваюсь, сударыня, отвѣчалъ Мюнцеръ. Напротивъ, все даетъ намъ поводъ думать, что полиція, такъ или иначе, пронюхала о задуманной нами сходкѣ и только изъ предосторожности не арестовала насъ на мѣстѣ преступленія. Но твой планъ, Вольфгангъ, тоже никуда не годится; мое бѣгство компрометировало бы безвозвратно и меня, и другихъ, въ немъ увидѣлъ бы несомнѣнное доказательство нашей виновности; тогда какъ, если я спокойно дамъ себя арестовать, то они черезъ нѣскольکو дней непременно насъ выпустятъ, да еще должны будутъ извиняться въ своей глупости. И такъ, ты, Вольфгангъ, садись на своего вороного и скачи себѣ домой, а вы, сударыня, велите запрячь для меня экипажъ, который довезетъ меня до городскихъ воротъ. У воротъ я сойду и, въ качествѣ невинно гуляющаго пѣшехода, миную гауптвахту, повидаясь на дорогѣ съ Каіусомъ и другими, а тамъ, пожалуй, милости просимъ меня арестовать.

— Хорошо, воскликнула Антонія, но вы должны меня взять съ собою. Я ни за что не останусь одна въ этомъ

противномъ домѣ. Мы съ вами, Мюнцеръ, доѣдемъ до моей загородной виллы, тамъ я васъ ссажу; это же будетъ и не такъ подозрительно, какъ если вы выйдете изъ экипажа передъ самыми городскими воротами.

Четверть часа спустя, супруги Фетлеръ глядѣли вслѣдъ удалявшемуся экипажу, который увозилъ Мюнцера и ихъ госпожу.

VI.

И опять остановились станки въ заднемъ корпусѣ шмицовскаго дома; и на этотъ разъ, врядъ ли можно было надѣяться, что они когда нибудь снова примутся за работу. Комната наборщиковъ, въ которой весною прошлаго года толпилось столько бородатыхъ лицъ, опустѣла, и добродушное лицо главнаго мастера, Венцеля Мюллера, уже не показывалось у слухового окошечка, выходившаго въ комнату редакціи; да и самая редакція осиротѣла. Вывѣска на лѣво отъ двери, гласившая, что здѣсь «Контора Народнаго Вѣстника», была снята, и Петръ Шмицъ могъ считать себя въ конецъ разорившимся человѣкомъ.

Петръ Шмицъ давнымъ давно предвидѣлъ, что дѣло идетъ къ подобной развязкѣ. Чтобы остаться полнымъ хозяиномъ газеты и по возможности дольше сохранить этотъ органъ своей партіи, онъ скупилъ мало по малу всѣ акціи Народнаго Вѣстника. Прежніе акціонеры были рады радешеньки сбыть ихъ съ рукъ. Петръ Шмицъ видѣлъ, какъ эти акціи, нѣкогда столь цѣнныя, падали съ каждымъ днемъ въ цѣнѣ, пока наконецъ, изданіе газеты не стало дѣломъ совершеннѣйшей невозможности.

Но не одно сознаніе, что онъ идетъ на встрѣчу неминуемому разоренію, отравляло ему жизнь въ послѣдніе полугодья существованія Народнаго Вѣстника. Быть можетъ, еще тягостнѣе этого сознанія, была для него необходимость ратовать въ газетѣ противъ ея бывшаго главнаго редактора, депутата Бернгарда Мюнцера, и крайней партіи, во главѣ которой онъ стоялъ. Мюнцеръ былъ когда-то его лучшимъ другомъ; онъ и до сихъ поръ любилъ его, какъ не любилъ

никого въ жизни, кромѣ Оттиліи и Маргариты. Но Петръ Шмицъ ставилъ общее благо выше своего личнаго чувства, а по его, крайнему разумѣнію, Мюнцеръ сдѣлался теперь врагомъ этого блага.

Въ этой тягостной борьбѣ, во время которой сердце его исходило кровью, Петръ Шмицъ нашелъ себѣ вѣрнаго соратника въ докторѣ Гольмѣ. Положеніе послѣдняго было ничѣмъ не лучше и даже, во многихъ отношеніяхъ, гораздо хуже положенія Шмица. Онъ потерялъ въ Мюнцерѣ не только друга, но и высшій свой идеалъ; никто съ такою готовностью, съ такимъ безкорыстіемъ не воздавалъ должное генію Мюнцера, какъ Гольмъ. И нерѣдко между строкъ Народнаго Вѣстника, направленныхъ противъ Мюнцера, можно было прочесть трогательную жалобу человѣка, съ болью покоряющагося суровымъ требованіямъ долга.

И такъ, вывѣска надъ окнами, влѣво отъ двери, исчезла; это не мѣшало доктору Гольму по прежнему оставаться своимъ человѣкомъ въ домѣ Шмицовъ, особенно съ той поры, какъ онъ избралъ своею резиденціею двѣ заднія комнаты этого дома.

Фактъ этотъ вызвалъ сильное ощущеніе во всѣхъ кружкахъ, знавшихъ образъ жизни доктора Гольма. Всѣмъ было извѣстно, что онъ былъ охотникъ хорошо поѣсть, любилъ жить въ щегольскихъ, свѣтлыхъ комнатахъ; а теперь, вдругъ, этотъ избалованный человѣкъ рѣшается обѣдать, если не за убогимъ, то, по крайней мѣрѣ, за очень обыкновеннымъ столомъ, въ обществѣ ворчливаго, разорившагося бюргера и плаксивой старой дѣвы, и занимаетъ еще въ этомъ домѣ двѣ темныя и душныя комнаты; — какъ хотите, это было совершенно непонятно.—Объясненія этому странному обстоятельству стали искать въ плачевномъ состояніи его кармана, сильно пострадавшаго отъ прекращенія Народнаго Вѣстника. Искреннѣе всѣхъ была въ этомъ убѣждена тетушка Белла. Она гордилась тѣмъ, что можетъ помочь своему другу, сокративъ его издержки, по крайней мѣрѣ, на половину.

— Шмицъ въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ, сказалъ Гольмъ тетушкѣ Беллѣ, слѣдовательно, его нечего и посвящать въ частности нашего условія.—Онъ найдетъ, пожалуй, что, платя за комнаты 12 талеровъ въ мѣсяцъ, я разоряюсь,

но я платилъ сперва за такія-же комнаты вдвое дороже.— Или ему покажется, что 12 талеровъ за обѣдъ также очень дорого; да вы и сами говорите, что можете войти въ меньшую сумму, но, если бы я платилъ меньше за свои насущныя потребности, мнѣ было бы не по себѣ. Причтите къ этому еще 12 талеровъ за завтракъ, ужинъ и тому подобное, и вы увидите, что вамъ еле-еле будетъ въ пору свести концы съ концами.

Тетушка Белла въ жизнь свою ни разу не солгала, а потому и вѣрила доктору Гольму на слово. Но, какъ удивилась бы эта почтенная дѣвица, если бы узнала, что ее обманываютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ, что ея protégé отъ роду не плачивалъ дороже теперешняго, а случалось, живалъ и на гораздо меньшія деньги, что, словомъ, честный журналистъ искалъ только благовиднаго предлога, чтобы помочь Петру Шмицу въ его плохихъ обстоятельствахъ.

VII.

Дяди Петра не было дома; Оттилія расположилась у окна и глядѣла сквозь листья плюща на темнѣвшую улицу. Она подиерла голокву руками и задумалась. На концѣ улицы показался Вольфгангъ, но не въ черномъ сюртукѣ, какъ она его видѣла въ послѣдній разъ, а въ военномъ мундирѣ; онъ шелъ быстрыми шагами и еще издали не сводилъ глазъ съ балконишка дядина дома.

Оттилія протерла глаза, чтобы убѣдиться, что это не сонъ..

— Неужели это въ самомъ дѣлѣ Вольфгангъ? Какже это такъ? А и здѣсь совершенно одна.— Молодая дѣвушка стала прислушиваться съ бьющимся сердцемъ не послышатся ли на лѣстницѣ шаги.

— Нѣтъ! опъ, должно быть, прошелъ мимо; ну, слава Богу! а все же не хорошо съ его стороны, что опъ не хочетъ зайти на минутку.

Вдругъ лѣстница закрипѣла, послышались быстрые шаги вдоль галлерей и кто-то постучался въ дверь.

— Войдите! хотѣла было крикнуть Оттилія, но у нея захватило духъ; стукъ послышался снова.— Войдите! проговорила она на этотъ разъ удачнѣе прежняго, потому-что, по край-

ней мѣрѣ, мебель въ комнатѣ могла бы еще кой-какъ слышать звукъ ея голоса, если бы имѣла уши.

— Добраго вечера, Оттилія! сказалъ Вольфгангъ, входя и протягивая ей руку. Ты одна? спросилъ онъ, обводя комнату глазами.

— Дядюшка ушелъ куда-то, но скоро придетъ, а тетушка, кажется, въ кухнѣ я позову ее сейчасъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь ихъ, прошу тебя, я страшно радъ, что могу говорить съ тобою наединѣ до прихода дядюшки и тетушки. Во-первыхъ, несу тебѣ поклонъ отъ матерп, она велѣла спросить у тебя, отчего ты къ ней не ходишь?

— Какъ поживаетъ тетушка? перебила его Оттилія.

— Сегодня ей немного лучше, но на дняхъ она опять была трудно больна. Ей страшно хочется скорѣе дожидаться весны.

— Ахъ, если бы весна скорѣе приходила, и я только что объ этомъ думала. Шутка ли! вѣдь уже скоро годъ, какъ я живу здѣсь.

— А мнѣ въ этотъ долгій промежутокъ времени довелось видѣть тебя всего два раза! проговорилъ Вольфгангъ.

— Не мудрено, вѣдь ты былъ три четверти года въ отлучкѣ.

— Все же я могъ бы чаще приходить.

— Отъ тебя зависитъ наверстать прошлое.

— Развѣ можно воротить прошлое? спросилъ Вольфгангъ. Этотъ вопросъ часто меня мучитъ.

— Все должно измѣниться, проговорила Оттилія.

— Ты думаешь?

— Тетушка идетъ! воскликнула Оттилія и быстро пошла ей на встрѣчу.

— Это кто такой? спросила тетушка Белла своимъ рѣзкимъ голосомъ..

— Это я, тетушка! отвѣчалъ Вольфгангъ, отходя отъ окна. Тетушка Белла вскрикнула.

— Такъ и знала! проговорила она; мнѣ снилось сегодня, что ты придешь.

По ея взволнованному голосу Вольфгангъ никакъ не могъ догадаться, къ какой категоріи тетушка Белла относитъ свой

топъ, къ категоріи дурныхъ или хорошихъ? а потому онъ почелъ за лучшее быстро проговорить:

— Я уйду тетушка, если мое присутствіе тебѣ непріятно.

— Вотъ какъ! ты уходишь? сказала тетушка Белла. За чѣмъ же ты, въ такомъ случаѣ, приходишь? ты...

— Прощайте, любезная тетушка! перебилъ Вольфгангъ тихимъ голосомъ.

Чтобы достигнуть двери, онъ долженъ былъ пройти мимо тетушки Беллы. Когда онъ поравнялся съ нею, тетушка не выдержала и вскрикнула: Вольфгангъ!

Вольфгангъ остановился и тетушка съ стремительною нѣжностью кинулась къ нему на шею.

— Не сердись только, Вольфгангъ! приговаривала она, всхлипывая; вѣдь я горячо люблю тебя и, видитъ Богъ, какъ мнѣ тяжело, что ты насъ знать не хочешь.

— Милая тетушка...

— Вѣдь я знаю, что въ твоемъ сердцѣ не все вымерло; вотъ и къ брату, на дняхъ, ты былъ такъ добръ! Ты добрый, славный мальчикъ! развѣ я не говорила этого, Оттилія?..

Но Оттилія ушла, видя, что дѣло между тетушкой и племянникомъ пошло на ладъ. Тетушка Белла воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы доказать Вольфгангу свое довѣріе и повѣдать ему исторію шмидцовскаго семейства за послѣднее время. Не веселая то была повѣсть!

— Ты только подумай, Вольфгангъ! заключила она, что станется съ нами, если братъ скоропостижно умретъ? Конечно, онъ говоритъ, пожалуй, что долго еще проживетъ на свѣтѣ, да вѣдь этими-то безбожными рѣчамъ скорѣе всего и накликается несчастье. Я ни за что не переживу его.— Но Оттилія, это доброе, чудное дитя, вѣдь у нея уже ровно никого не остается на цѣломъ бѣломъ свѣтѣ... Я часто вижу во снѣ, что она, моя голубка, идетъ босикомъ, оборванная по большой дорогѣ... И сколько же я слезъ проливала послѣ такихъ сновъ... бѣда да и только. Эхъ, Вольфгангъ, если бы нашелся добрый человекъ, который взялъ бы съ моей души это бремя, я молплась бы ему, какъ святому.

— Ты опять мучаешь себя, тетушка, по старой привычкѣ, пустыми опасеніями, сказалъ Вольфгангъ. Дядя смотреть мо-

лодцомъ, хоть куда; ну, да положимъ, что твои пророчества сбудутся,—развѣ я не живою человѣкъ?

— Нѣтъ, Вольфгангъ, я, пожалуй, не сомнѣваюсь въ твоёмъ добромъ расположеніи, да ты-то будешь не властенъ такъ поступать, какъ тебѣ хочется, особенно если женишься. Неужели ты думаешь, что жена твоя позволитъ тебѣ хлопотать и заботиться объ Оттиліи, какъ о родной сестрѣ? Ты не знаешь, душа моя, Гогенштейновъ,—ну, не сердись на меня за это, Вольфгангъ. Я откровенно выскажу тебѣ, что лежить у меня на душѣ,—женитьба эта не дастъ тебѣ счастья; ты въ этомъ убѣдишься, когда будетъ поздно. Я не знаю твоей невѣсты; но положимъ, что она дѣвушка не злая и не тщеславная — да вѣдь этого мало. Я знаю тебя съ пеленокъ, и знаю, что у тебя за любящая и открытая душа — вѣдь у тебя, будь твой отецъ хоть двадцать разъ Гогенштейнъ, настоящее шмицовское сердце. А шмицовское сердце не довольствуется обыденною любовью; оно любитъ каждою каплею крови и требуетъ такого же отвѣтнаго чувства, а коли ему не платятъ такую любовь, то шмицовское сердце изнываетъ въ безутѣшной тоскѣ. Да, да, Вольфгангъ, я бы могла рассказать тебѣ кое-что о томъ, каково шмицовскому сердцу обходиться безъ отвѣтной любви. Коли ты мнѣ не вѣришь, взгляни на дядю, спроси-ка у него, отчего онъ остался старымъ холостякомъ?.. отчего? оттого, что онъ вообразилъ себѣ, что долженъ жить и трудиться для счастья любимой сестры; да, Вольфгангъ! А потомъ, спроси у своей матери: была ли она счастлива съ той поры, какъ оставила нашъ домъ?

Тетушка Белла замолчала. Вольфгангу нечего было отвѣчать; ему казалось, что тетушка говоритъ его собственными мыслями.

Въ комнатѣ стемнѣло; часы на стѣнѣ повторяли съ какою-то педантическою важностью свое мѣрное: тикъ-такъ, тикъ-такъ.

— Тихій ангелъ пролетѣлъ, проговорила наконецъ тетушка Белла.

Въ открытую дверь пала полоса свѣта; черезъ минуту въ комнату вошла Оттилія съ зажженною лампою въ рукахъ.

— Нужно вамъ, что ли, огня? спросила она.

— А и то! Вѣдь совсѣмъ стемнѣло, отозвалась тетушка Белла, а у меня еще куча работы! Вообрази себѣ, Вольфгангъ,

я вѣдь опять попала въ просакъ. Сосѣдкамъ нашимъ вздумалось вышить на престольный покровъ для церкви святой Бригиты,—пригласили и меня. Конечно, я согласилась. Начали мы работу въ шестеромъ,—ну, еще это куда не шло! Но вотъ одна вышла замужъ, другая куда-то уѣхала, третья заболѣла, четвертая такъ себѣ отказалась, пятая... что, бишь, съ пятой-то случилось? Ну, да что бы ни случилось, адѣло въ томъ, что я осталась одна одинешенька, и единый Богъ вѣдаетъ, какъ я кончу эту работу.

Тетушка разложила у себя на колѣняхъ громадный коверъ, протерла очки, надѣла ихъ и принялась вышивать. Оттилія подсѣла къ ней на низенькую скамеечку и взяла подъ свое вѣдѣнье одинъ изъ угловъ колоссальнаго ковра. Вольфгангъ забился въ уголь дивана и никакъ не могъ наглядѣться на этихъ двухъ женщинъ, гармонировавшихъ между собою, не смотря на огромную разницу лѣтъ.

— А у тещи-то что! мелькнуло у него въ головѣ. Его бросило въ жаръ при этой мысли, онъ вскочилъ съ дивана.

— Неужели ты уходишь, Вольфгангъ? спросила тетушка Белла, посматривая на него черезъ очки.

— Да вѣдь уже поздно, отвѣчалъ Вольфгангъ.

— И, глупости! замѣтила тетушка Белла.

— Быть можетъ, Вольфганга кто нибудь ожидаетъ, сказала Оттилія.

Вольфгангъ опять сѣлъ.

— Меня никто не ожидаетъ, проговорилъ онъ.

Вдоль галереи послышались чьи-то шаги.

— Дядюшка и докторъ Гольмъ! проговорила Оттилія, быстро вставая и отворяя дверь.

— Добрый вечеръ, господа!

— Привѣтствую васъ, прелестная дѣва! скандировалъ докторъ Гольмъ и, увидавъ Вольфганга, продолжалъ, не останавливаясь, тѣмъ же тономъ: и тебя, о юноша, чуднымъ блескомъ металла сверкающій! Привѣтствую и васъ, Беллессима—чудная тетушка; позвольте пришельцу въ залѣ очага отогрѣться...

— Нѣтъ, ужъ вы лучше садьте на стулъ, замѣтила тетушка Белла.

И докторъ Гольмъ усѣлся на диванъ.

Дядя Петръ очень ласково поздоровался съ Вольфгангомъ; онъ никакъ не могъ забыть, что ровно годъ тому назадъ онъ очень не любезно встрѣтилъ племянника въ этой же самой комнатѣ.

— Долговько же ты заставляешь ждать себя, сказалъ онъ, крѣпко пожимая руку молодому человѣку, а мнѣ давно уже хотѣлось сказать тебѣ крѣпкое спасибо за твое заступничество. Ну, какъ поживаетъ сестра?

Дядюшка Шмицъ и Вольфгангъ начали ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Вольфгангъ волей-неволей долженъ былъ сообщить ему самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ, касавшемся Маргариты. Лицо дяди Петра замѣтно омрачилось, когда Вольфгангъ сказалъ ему, что здоровье Маргариты становится все хуже и хуже. Онъ провелъ рукою по лбу и сказалъ:

— Я приду завтра провѣдать ее; вотъ уже 10 лѣтъ, какъ нога моя не была въ вашемъ домѣ, но Богъ вѣсть, много ли еще намъ съ ней осталось вмѣстѣ жить на бѣломъ свѣтѣ.

Дядя Петръ замѣтилъ, что эти слова производятъ тяжелое впечатлѣнiе на Вольфганга и потому круто перешелъ къ политикѣ. На его взглядъ, настоящее политическое положенiе Германiи было изъ рукъ вонъ плохо.

— Реакцiя, продолжалъ онъ, все запутала въ свою паутину. Военное положенiе въ большихъ городахъ придавило вслѣдую политическую жизнь; наши руки связаны, рты зажаты. Я говорю тебѣ все это не безъ цѣли, Вольфгангъ; ты знаешь, я сперва стоялъ въ самыхъ дружескихъ отношенiяхъ къ Мюнцеру; но Мюнцеръ отшатнулся отъ нашей партii. Онъ хотѣлъ преобразить германское политическое движенiе въ какое-то космополитическое; а при этомъ условiи, если только его идеи восторжествуютъ, германское единство погибло навсегда. Къ тому же, онъ мало по малу отрекся отъ политико-экономическихъ принциповъ Народнаго Вѣстника, — доказательствомъ тому служатъ его послѣднiя брошюры, въ которыхъ онъ проповѣдуетъ самый ярый социализмъ. Все это обстоятельства, которыя я, какъ членъ партii, не могу простить ему. Ошибаться можно, и я бы ничего не имѣлъ противъ него, если бы онъ только оставался послѣдователемъ самому се-

бѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что, со времени своего избранія депутатомъ, онъ впалъ въ самыя отчаянныя противорѣчія съ самимъ собою; а это, Вольфгангъ, подлежитъ уже не суду партіи, а суду общечеловѣческой нравственности. Я разошелся съ Мюнцеромъ не только какъ съ политическимъ дѣятелемъ, но, увы! я не могу въ немъ болѣе уважать и человека. Я долго отказывался вѣрить ходящимъ по городу слухамъ о его семейныхъ дѣлахъ; часто даже строго журилъ своихъ домашнихъ, когда они заводили объ этомъ рѣчь, — но теперь, признаюсь, я всему вѣрю. Къ несчастью, слишкомъ многое говоритъ не въ его пользу: разлука его съ женою, подозрительная короткость съ невѣсткою твоего отца, короткость, которая, что тамъ ни говори, вовсе не къ лицу демократу, дружба съ Дегенфельдомъ, который, не смотря на свои военно-революціонныя идеи, въ душѣ истый аристократъ, и своими наполеоновскими тенденціями, проглядывающими мѣстами въ его книгѣ, въ конецъ вскружилъ голову Мюнцеру. — Аристократы говорятъ: *Noblesse oblige*, а я скажу, что и демократизмъ налагаетъ своего рода обязательства. Лукъ, который бы вѣрно попадалъ въ цѣль, должно гнуть изъ цѣльнаго дерева. Что тебѣ, голубушка?

— Тетушка проситъ закусить, сказала Оттилія, указывая на столъ въ глубинѣ комнаты, который она успѣла тѣмъ временемъ накрыть къ ужину.

— Пойдемъ, моя малютка, пойдемъ, Вольфгангъ. А уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы роспили съ тобою послѣднюю бутылку.

Вольфгангъ направился къ столу, за которымъ успѣла уже расположиться тетушка Белла. Ужинъ, не смотря на спартанскую простоту, вполне оправдывалъ восторженную похвалу доктора Гольма; а также не стало дѣло и за бутылкой стараго вина. Все общество было въ наилучшемъ расположеніи духа.

— На душѣ у меня теперь, заговорилъ Петръ Шмицъ, точно послѣднихъ 20, 25 лѣтъ въ моей жизни и не бывало; я стою опять при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и тогда, — да и тутъ, кругомъ меня, все тоже и на прежнихъ мѣстахъ. Помните, Гольмъ, первый вечеръ, когда вы возвратились изъ Рима? Мы сидѣли за этимъ самымъ столомъ; вы, сестра Маргарита, твой отецъ, Вольфгангъ, который тогда

только что былъ объявленъ женихомъ твоей матери, и.... да! точно, и ты Белла въ тотъ вечеръ была случайно съ нами. Голова моя была набита различными планами, точь въ точь, какъ и теперь вы, Гольмъ, бредили объ Италиі; тетушка Белла сперва была немножко сентиментальна, а потомъ развеселилась, вѣдь она у меня умѣетъ порой быть веселой, и всегда бы оставалась такою, если бы знала, какъ это къ ней идетъ; молодые сидѣли также тихо, какъ и наша молодежь сегодня. Миѣ думалось въ тотъ вечеръ, что вѣкъ оно такъ останется. Ну, не всѣмъ желаніямъ сбываться; однако, тогдашнія мои мечты отчасти осуществились. Мы съ вами, Гольмъ, остались друзьями; Белла и я также начинаемъ ладить другъ съ другомъ, а если мы примемъ сына за отца, а вонъ ту кудрявую головку за мою Маргариту—то все будетъ, какъ есть, по старому. Чокнемтесь, дѣти; выпьемъ на то, чтобы старость оставалась юною и чтобы молодежь брала примѣръ со стариковъ.

Рюмки зазвенѣли и Гольмъ сказалъ великолѣпную рѣчь гекзаметрами. Вольфгангъ мало понялъ изъ этой рѣчи. Задумчивая веселость этихъ людей становилась ему укоромъ.— Они имѣютъ право быть веселыми, думалось ему, имъ не въ чемъ упрекнуть себя, имъ не нужно говорить да тамъ, гдѣ со вѣсть ихъ говорить *нѣтъ*.

Въ комнату вошла служанка и доложила, что пришелъ деньщикъ лейтенанта и желаетъ поговорить съ нимъ. Сердце у Вольфганга дрогнуло, какъ передъ бѣдою; онъ поспѣшно вышелъ.—Достаточно было бѣглаго взгляда на лицо деньщика, чтобы догадаться, что онъ пришелъ съ недоброй вѣстью.

— Что скажешь? спросилъ Вольфгангъ.

— Вотъ, господинъ лейтенантъ, письмо отъ штадтрата. Дрожащими руками вскрылъ Вольфгангъ письмо и прочелъ при тускломъ свѣтѣ фонаря слѣдующія слова: «приходи сейчасъ домой, Вольфгангъ, мать очень заболѣла.»

Твой несчастный отецъ.

— Ты куда идешь? спросилъ Петръ Шмиць, послѣдовавшій за нимъ въ сѣни.

— Мать опасно занемогла.

— Подожди съ минутку, я съ тобой пойду.

Черезъ нѣсколько минутъ оба вышли на улицу.

VIII.

— Слава Богу! наконецъ-то вы пришли! Съ этими словами встрѣтилъ ихъ штадтратъ.

Вольфгангъ подошелъ къ отцу и положилъ ему руку на плечо.

— Скажи, отецъ, матушка умерла?

— Нѣтъ, она еще жива, но страдаетъ ужасно; я не въ состояннн смотрѣть на эти муки.

Горе совершенно сломило штадтрата; даже присутствіе Нѣтра Шмица, который уже десять лѣтъ не переступалъ за порогъ его дома, не произвело на него ни малѣйшаго впечатлѣнія.

— Мужайся, братъ, сказалъ ему Петръ, понесемъ вдвоемъ то, что одному не подъ силу.

Штадтратъ подвнялъ свое искаженное горемъ лицо и бессмысленно глядѣлъ на Шмица.

— А ты крѣпко любилъ ее! проговорилъ онъ.

— Одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ крѣпко, простоналъ несчастный!

Вольфгангъ пошелъ въ комнату матери. Въ эти нѣсколько часовъ она успѣла страшно измѣниться. Молодой докторъ Брантъ былъ въ комнатѣ. Онъ отвелъ Вольфганга въ сторону и спросилъ:

— Вы на все готовы, герръ фонъ-Гогенштейнъ?

— Дѣ.

— Ваша матушка не переживетъ этой ночи.

— Много еще она будетъ мучиться?

— Она большую часть времени находится въ безпамятствѣ; я дѣлаю все, что въ моихъ силахъ. Надѣйтесь на меня.

Прошла долгая, мучительная ночь, — ночь, въ которую минуты тянутся годами. Дядя сидѣлъ недалеко отъ кровати, склонивъ свою преждевременно-посѣдѣвшую голову на руку. Разъ только, — когда Маргарита начала бредить про свой старый домъ, про брата Петра, который былъ такъ безконечно къ ней добръ и которому она такъ дурно отплатила, — Петръ Шмицъ всталъ, тихо отошелъ въ самый темный уголъ ком-

наты и зашамкалъ, какъ дитя. Да, то была долгая, мучительная ночь.

На разсвѣтъ Маргарита склонила голову на сторону; изборозженное страданіями лицо приняло свое обычное выраженіе тихой грусти. Цѣль многотруднаго странствованія была достигнута... Она вздохнула разъ, другой... и время жизни спало съ усталыхъ плечъ.

IX.

Было сѣрое, холодное утро. За высокой монастырской оградой вѣтеръ завывалъ въ верхушкахъ высокихъ деревьевъ. Отъ времени до времени крупныя капли дождя барабанили въ окна.

И въ такое-то утро Вольфгангу предстояло хоронить свою мать — свою кроткую, нѣжную мать, которая такъ любила теплоту и свѣтъ! Да ужъ не бредъ ли все это было?

Вольфгангъ прижался горячимъ лбомъ къ холодному оконному стеклу. Чья-то рука нѣжно опустилась на его плечо: то была Оттилія.

— Вольфгангъ, бѣдный Вольфгангъ! Мнѣ бы хотѣлось еще разъ взглянуть на нее, прибавила она тихо.

— Пойдемъ, Оттилія!

Вольфгангъ провелъ молодую дѣвушку въ сосѣднюю комнату, гдѣ въ открытомъ гробѣ лежала Маргарита. Оба подошли рука объ руку къ гробу и долго смотрѣли на прекрасное лицо покойницы.

— Помнишь, Оттилія, прошептала Вольфгангъ, что она сказала въ тотъ вечеръ, когда мы оба стояли у ея кровати?

— Да! отвѣчала чуть слышно Оттилія.

— Она сказала: теперь у меня двое дѣтей.—Оттилія, хочешь ли ты быть моею сестрою?

— Хочу, прошептала она еще тише и, краснѣя, наклонилась къ мертвой.

— А теперь ступай, моя дорогая! сказалъ Вольфгангъ, уводя плачущую дѣвушку изъ комнаты.

Между тѣмъ на половинѣ, занимаемой штадтратомъ много набралось народу; то были, большею частью, сослуживцы штадтрата.

Быль тутъ герръ Гейдманъ, быль и оберъ-бургмиестръ

Дашъ, который тщетно старался придать своему широкому, доспящемуся лицу выраженіе, приличное обстоятельствамъ. Президентъ и полковникъ стояли около окна и разговаривали о чемъ-то, можетъ быть о Петрѣ Шмицѣ, который стоялъ спиною ко всему обществу у другого окна и тихо барабанилъ пальцами по стеклу.

Тетушка Белла съ самой смерти Маргариты почти не оставляла, по желанію Вольфганга, домъ скорби. Сознаніе лежащей на ней обязанности, «держать себя молодцомъ» въ такую минуту, не давало ей слишкомъ предаваться печали, и она поспѣшно утирала изрѣдка набѣгавшую слезу. Что касалось штадтрада, то ничто не выводило его изъ сумрачной апатіи; онъ ровно ни о чемъ не заботился, и тетушка Белла взяла на себя распоряженіе похоронами, чтобы избавить Вольфганга отъ этой обузы.

— Ужь ты, пожалуйста, оставь меня, Вольфъ, и не заботься ни о чемъ, я со всѣмъ одна справлюсь, и если пріѣдутъ дамы, въ чемъ я, впрочемъ, сомнѣваюсь, то я ихъ приму отъ твоего имени. Ступай только, бѣдный Вольфъ!

Если бы кто зналъ, какъ ненавидѣла тетушка Белла «этнхъ дамъ», тотъ оцѣнилъ бы все величіе самоотверженія, съ которымъ она вызвалась подавить свою антипатію пзъ любви къ Вольфгангу.

Тетушка Белла отправилась встрѣчать «дамъ» въ ту самую минуту, когда Оттилія пошла еще разъ взглянуть на умершую. Дамы были какъ разъ въ томъ расположеніи духа, которое благопріятствуетъ возникновенію ссоръ. Быть можетъ, дождливая погода и ранній часъ визита были отчасти причиною этого настроенія; но всего болѣе были раздражены дамы поведеніемъ Вольфганга за послѣднее время. Онъ не только не казалъ къ намъ глазъ всѣ эти дни, но позволилъ себѣ даже отвѣчать отказомъ на приглашеніе тещи «пріѣхать по-развлечься въ ея гостиной.»

Тетушка Белла встрѣтила вошедшихъ дамъ самымъ чиннымъ поклономъ, какимъ только умѣла властвовать, и поздоровалась съ ними тономъ, который можно было назвать даже мягкимъ, если принять во вниманіе ея настоящее душевное настроеніе.

— Вы, кажется, разыгрываете здѣсь роль хозяйки, моя милая? спросила полковница.

— Если вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я исполнила желаніе Вольфганга, то да! отвѣчала тетушка Белла.

— Не хотите ли присѣсть?

— Я предпочитаю стоять, сказала президентша.

— Какъ хотите, возразила тетушка Белла.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить? спросила полковница.

— Позвольте мнѣ возвратить вамъ этотъ вопросъ, отвѣтила Белла.

— Мое имя Зельма фонъ-Гогенштейнъ.

— А меня зовутъ Арабеллою Шмицъ, проговорила тетушка, выпрамливаясь во весь ростъ.

— Однако, признаюсь, сказала полковница, повернувшись спиною къ тетушкѣ Беллѣ и обращаясь къ Камиллѣ, я рѣшительно не понимаю поведенія твоего жениха.

Камилла пожала плечами.

— Вы, должно быть, не знаете, что значить хоронить мать? сказала тетушка Белла.

— Я говорила съ невѣстой лейтенанта фонъ-Гогенштейнъ, рѣзко возразила полковница.

— Мнѣ кажется очень страннымъ, что невѣста моего племянника не находитъ ни слова въ защиту своего жениха, когда при ней его обвиняютъ въ незнаніи приличій, отозвалась тетушка Белла.

— Вотъ вы такъ, кажется, никогда не ходите въ карманъ за словами?

— Слава Богу, нѣтъ.

Появленіе Оттиліи прекратило эту перебранку. Отъ тетушки Беллы не ускользнулъ высокомерный взглядъ, которымъ молодыя дѣвицы фонъ-Гогенштейнъ съ ногъ до головы окинули Оттилію; между тѣмъ, какъ президентша направила на нее свой лорнетъ, а полковница занялась разглядываніемъ картины на стѣнѣ, чтобы только не отвѣчать на застѣнчивый поклонъ Оттиліи, тетушка Белла подозвала ее къ себѣ и сказала:

— Пойди, одѣнься, дитя мое; а потомъ, будь добра, прошу тебя, прогрѣй хорошенько мой салонъ; но, смотри, сама!

— Зачѣмъ вы ее услали? спросила президентша.

— Чтобы не подвергать ее болѣе немилосерднымъ взглядамъ этого общества.

— А лучше бы было, если бы мы остались дома, mes enfans, сказала президентша.

— Вотъ это дѣйствительно правда! сказала тетушка Белла, дѣлая шагъ впередъ. Зачѣмъ вы пріѣхали сюда? вѣдь не пзъ любви же къ усонней, потому что, пока она была жива, вы презирали ее и знать ее не хотѣли. Да-съ, сударыни мои, нечего морщитъ то носы. Меня вѣдь этимъ не замугаете. Я вѣдь не такая овечка, какъ моя бѣдная Маргарита; не будь она такая овечка, она бы давно вамъ сказала то, что я теперь говорю. Она бы сказала вамъ: оставьте меня въ покоѣ съ вашею фальшивою ласкою! я не клянусь васъ, хотя вы и были проклятіемъ всей моей родни; у меня нѣтъ къ вамъ ненависти, хотя вы и отняли у меня то, что мнѣ было всего на свѣтѣ дороже; объ одномъ я васъ прошу: оставьте меня въ покоѣ при жизни и въ гробу! Да, да, сударыни мои, она сказала бы вамъ это, да у нея смѣлости не хватало, а я не боюсь васъ и говорю вамъ это теперь отъ ея имени; а теперь, коли хотите, идите и жалуйтесь на меня моему зятю или племяннику, или кому вамъ угодно и какъ вамъ угодно; я васъ не боюсь.

И тетушка Белла, сверкнувъ на нихъ еще разъ своими темными глазами, вышла изъ комнаты.

— Она, кажется, съ ума сошла, сказала президентша.

— Нѣтъ, мы сошли съ ума, что терпимъ это, отозвалась полковница.

— Да что же намъ было дѣлать, Зельма? спросила президентша.

Дамамъ некогда было рѣшать этотъ вопросъ, потому что похороный поѣздъ тронулся въ путь.

X.

Въ полдень того же дня, въ салонѣ президентши происходила одна изъ тѣхъ сценъ, для скрытія которыхъ и были, вѣроятно, устроены толстыя дубовыя двери и тяжелыя портьеры. Фрейлейнъ Кампала и Фрейлейнъ Аврелія поругались; нѣжная мать тщетно силилась унять враждующихъ; Жоли,

съ своей стороны, принимала въ этомъ дѣлѣ участіе и выражала свое мнѣніе такимъ лаемъ, что президентъ вынужденъ изъ кабинета, чтобы освѣдниться о причинахъ страшнаго шума.

Дѣло началось съ того, что Аврелія попрекнула Камиллу, что она такъ кокетничаетъ съ Вилламовскимъ, какъ бывало, до своего обрученія; Камилла, съ своей стороны, возразила, что сестрѣ до этого нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, на что Аврелія отвѣчала, что ей, напротивъ, до этого очень много дѣла, такъ какъ она, Аврелія, вовсе не желаетъ засидѣться въ дѣлкахъ, что должно непременно случиться, если Камилла будетъ завлекать въ свои сѣти всѣхъ мужичитъ, ѣздащихъ къ нимъ въ домъ.

Президентъ только-что было открылъ ротъ, чтобы начать свое обычное: по дѣлу... какъ Аврелія перебила его:

— Я напередъ знаю все, что ты скажешь, папа! а такъ какъ я, по обыкновенію, остаюсь въ виноватыхъ, то не вижу, съ какой стати я дамъ себя выбранить въ присутствіи младшей сестры.

И Аврелія быстро вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

— Мило, фрейлейнъ Аврелія, очень мило! насмѣшливо заиѣтила Камилла, глядя ей вслѣдъ.

— Вѣдь и тебѣ, Камилла, не мѣшало бы обратить нѣсколько вниманія на свое поведеніе, сказала президентъ тономъ легкаго упрека.

— Теперь я должна выслушивать выговоръ, который заслужила Аврелія, — нѣтъ, благодарю покорно! — и молодая дѣвушка вышла въ другую дверь.

Счастливые родители переглянулись въ смущеніи.

— Боюсь, что мы съ тобой избаловали дѣтей, заговорилъ президентъ.

— Вольно-жъ тебѣ было несправедливо упрекнуть Камиллу!

— Хотѣлось бы мнѣ дожидъ до того дня, когда я у тебя буду правъ, а дѣти виноваты!

— Если ты неправъ, какъ я могу согласиться съ тобою?

— Но, па снѣге, заговорилъ президентъ самымъ вкрадчивымъ тономъ, кто же хлопоталъ объ этой несчастной помолвкѣ съ Вольфгангомъ, которая стала теперь причиною всего горя? Вѣдь я же не виноватъ, что Камилла терпѣть не можетъ Вольфганга!

Такъ какъ справедливость доводовъ президента была слишкомъ очевидна и не допускала возраженій, то президентшѣ не осталось другого выхода, какъ прижаться въ уголь дивана, вынуть платокъ и дать волю слезамъ.

Президентъ тщетно пустилъ въ ходъ всю силу своего краснорѣчія, чтобы умиротворить раздраженную супругу; наконецъ онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: опустился передъ плачущей на колѣни.

Въ это мгновеніе послышался легкій шумъ, занимавшій средину между кашлемъ и спллымъ смѣхомъ, и президентъ быстро вскочилъ на ноги.

— Любовь никогда не старѣетъ! пропищала вшедшій.

— А, mon cher ami, какъ вы поживаете, какъ идутъ ваши дѣла? привѣтствовалъ президентъ медицинальрата, торопливо протягивая ему руку; какъ вы умѣете придти всегда кстати; мы только что говорили о васъ. Опять начинается старая исторія: съ Камиллою, просто, сладу нѣтъ, да и женихъ ея — я совершенно согласенъ съ тобою, милая Клотильда, — держится относительно нея какъ-то странно, и у меня не хватаетъ почти духу обвинять дѣвушку, что ея старая страсть къ Вилламовскому опять воскресаетъ.

— Что у васъ все Вилламовскій да Вилламовскій на языкѣ, чтобы ему! огрызнулся медицинальратъ.

Супруги съ удивленіемъ переглянулись между собою.

— Извините, продолжалъ медицинальратъ, я немного погорячился, но вѣдь вы знаете мою привязанность къ вамъ и къ вашему семейству. Скажите, отчего вы не распредѣлите поклонниковъ между обѣими вашими дочерьми поровну, вмѣсто того, чтобы сосредоточивать всѣхъ на одной Камиллѣ. Вилламовскій, съ той поры, какъ получилъ наслѣдство отъ своей тетки, сталъ опять завиднымъ женихомъ. Онъ хочетъ жениться во что бы то ни стало, а потому такъ же охотно возьметъ Аврелію, какъ и Камиллу. Аврелія же, съ другой стороны, страшно надоѣло разыгрывать вездѣ второстепенную роль. Нѣтъ ничего легче, какъ ихъ свести.

Супруги еще разъ переглянулись; на этотъ разъ, съ радостнымъ изумленіемъ.

— А вѣдь, право, недурно! воскликнулъ президентъ. Но Камилла? но Вольфгангъ?

— Гмъ! промышлялъ маленькій человѣчекъ; тутъ передъ нами лежитъ двойная задача: во-первыхъ, обезпечить за Камиллою наслѣдство старика, во-вторыхъ, употребить Вольфганга, какъ средство для полученія этого наслѣдства; а лишь только онъ выгребетъ для насъ каштаны изъ огня, то его можно и спровадить. Само собою разумѣется, было необходимо согласиться съ требованіями старика, надо было дать ему свѣжнуться съ мыслью, что Камилла и Вольфгангъ его наслѣдники. Разъ достигнувъ этого, можно такъ повести дѣло, что Вольфгангъ, волею или неволею, самъ сойдетъ со сцены, и Камилла останется одна. А все это почти уже достигнуто, милостивые государи. Если не ошибаюсь, то нашъ молодякъ, не сегодня такъ завтра, готовъ возвратитъ Камиллѣ ея обѣщаніе. Теперь дѣло въ томъ, чтобы подсунуть этотъ отказъ генералу именно въ такую минуту, когда нашъ молодецъ повздоритъ хорошенько съ нимъ. Къ счастью, и въ этомъ отношеніи судьба намъ помогаетъ. Молодца нашего тяготять эполеты, — будьте увѣрены, онъ не долго ихъ проносить; вотъ тутъ-то мы и обдѣлаемъ свое дѣло.

— Не слишкомъ ли рискованна эта игра? возразилъ президентъ.

— Не рискуя, ничего не выиграешь, отвѣтилъ медицинальратъ.

— *Sher amí*, что у васъ за дипломатическая голова! воскликнула президентша съ неподдѣльнымъ удивленіемъ.

— Вы находите? проговорилъ съ самодовольствомъ маленькій человѣчекъ. Скажу вамъ еще больше. Старикъ не такъ уже жалуется Вольфганга, какъ прежде, онъ мнѣ самъ говорилъ: «молодецъ этотъ стоитъ мнѣ чертовскихъ денегъ». А деньги идутъ черезъ руки штадтрата, слѣдовательно ясно, куда онѣ исчезаютъ.

— А жаль мнѣ будетъ брата, проговорилъ президентъ, если онъ въ конецъ раззорится. Сегодня на похоронахъ онъ казался совершенно убитымъ.

— Но, любезный президентъ! сказалъ медицинальратъ, я васъ, право, не понимаю: если вы въ самомъ дѣлѣ питаете такую нѣжность къ своему братцу, чего я, впрочемъ, до сихъ поръ не замѣчалъ, то вы за него же должны радоваться, что онъ отвязался наконецъ отъ своей вѣчно-больной, вѣчно-пла-

лучей сожительницы. Я уже мѣсяца четыре тому назадъ говорѣлъ, что ея нельзя спасти; въ благодарность за мою откровенность, мнѣ предпочли демократа, доктора Бранта. Я еще не такъ-то легко забуду штатдрату этотъ аффронтъ.

— *Retourneons à nos moutons, cher ami*, перебила его президентша; вы еще не разрѣшили намъ одного вопроса: положимъ, что сосватаемъ Аврелію за Вилламовскаго и отдѣлаемся отъ Вольфганга; что же или, вѣрнѣе, кто же останется намъ для Камиллы? Если вы отнимаете у насъ одного зятя, то на васъ лежитъ обязанность замѣнить его другимъ.

Медицинальратъ фонъ-Шнепперъ вытянулъ свои ножки, откинулся въ креслѣ, завертѣлъ свою золотую табакерку между большимъ и указательнымъ пальцемъ лѣвой руки, самодовольно взглянулъ на себя въ трюмо и проговорилъ съ какой-то странной улыбкой:

— Какъ я вамъ правлюсь, сударыня?

— *Mais Sans doute cher ami*, отвѣчала президентша, принимая его вопросъ въ буквальномъ смыслѣ и направляя на него свой лорнетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ; неправда ли, вѣдь я отлично сохранился для своихъ 60 лѣтъ? представьте къ этому, что у меня четверть милліона чистыми деньгами и практика въ 10 тысячъ талеровъ въ годъ. Вѣрная служба моя государю и отечеству была еще недавно почтена высочайшею наградою, какой только я могъ ожидать; мало того, я имѣю виды, при первой переменѣ въ составѣ министерства, получить портфель одного почтеннаго старца, успѣвшаго уже выжить изъ ума... Такого чловѣка, сударыня моя, и вы, я думаю, не прочь имѣть своимъ зятемъ.

— Ха, ха, ха! засмѣялась Клотильда. Какой вы, однако, шутникъ, *mon ami*.

Въ эту минуту въ гостиную вошелъ ассесоръ фонъ-Визе. Лицо молодого было блѣдно и носило признаки необыкновеннаго волненія.

— Что такое случилось, герръ фонъ-Визе? воскликнули присутствующіе въ одинъ голосъ.

— Неслыханная новость, проговорилъ фонъ-Визе, въ изнеможениі опускаясь въ кресло; я ни за что бы ей не повѣрилъ, если бы не узналъ ея изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ.

— Ахъ, Боже мой, вы хотите умерить меня! простонала президентша.

— Новость эта состоитъ въ томъ — только вы ужь, пожалуйста, господа, не поминайте меня лихомъ за принесенное мною извѣстiе,—что сегодня, по приказанiю оберъ-штадтанвальта, арестовавъ вашу дядюшка, генераль, и приведень сюда подъ конвоемъ.

— Блѣдное лицо президента сдѣлалось еще блѣднѣе; президентша приготовилась упасть въ обморокъ; а герръ фонъ-Шнепперъ, видимо, смѣшался отъ всей этой сцены.

— Быть не можетъ, Визе? откуда вы это узнали? пробормоталъ президентъ.

— Отъ моего брата, референдарiя, отвѣчалъ фонъ-Визе, онъ самъ велъ протоколъ перваго допроса.

— Но, Боже мой! въ чемъ его обвиняють?

— Объ этомъ мой братъ не могъ и не хотѣлъ слишкомъ распространяться, отвѣчалъ ассесоръ, показывая глазами на президентшу, которая, какъ окаменѣлая, сидѣла, прижавшись въ углу дивана.

— Я думаю, милая Клотильда, тебѣ всего лучше будетъ отдохнуть немного въ другой комнатѣ, сказалъ президентъ, подавая руку женѣ и отводя ее въ сосѣдную комнату. Потомъ онъ быстро воротился, схватилъ фонъ-Визе за руку и проговорилъ сильнѣмъ голосомъ:

— Вы знаете, въ чемъ дѣло? Говорите, ради Бога, скорѣе!

— Если вы этого непременно требуете, то дѣлать нечего, скажу: на генерала поступилъ отъ его ключницы доносъ; она обвиняетъ его въ убiйствѣ слуги, совершенномъ лѣтъ восемь или десять тому назадъ. Генераль, само собою разумѣется, отрицается отъ всего, но братъ говорилъ мнѣ, что онъ очень перепуганъ и смущенъ; немудрено, что дѣло это приметъ дурной оборотъ.

Президентъ опустился на стулъ.

— Какъ вы думаете, Визе, допустить меня повидаться съ нимъ?

— Едва ли, господинъ президентъ; вы сами знаете, что...

— Знаю, знаю, но вѣдь могутъ же хоть разъ сдѣлать исключенiе; ступайте, любезный Визе, узнайте, у васъ, навѣрное, есть связи въ этомъ кругу черезъ вашего брата!

Сдѣлайте, что въ вашихъ силахъ, вы этимъ крайне меня обяжете.

— Ваше желаніе мнѣ законъ, господинъ президентъ, отвѣчалъ фонъ-Визе, любезно раскланиваясь и направляясь къ двери.

— А вы что скажете на это, любезный другъ?

— Что все это дѣло, кажется мнѣ очень вѣроятнымъ, отвѣчалъ медицинальратъ, понюхивая щепоть табаку.

— Вѣроятнымъ? да не убивайте же вы меня! Вѣдь ужаснѣе этого для меня ничего не могло случиться. Какъ! глава нашего семейства — убійца! Вы только подумайте, что это будетъ за скандалъ. Я просто выхожу изъ себя; такой скандалъ компрометируетъ всѣхъ родственниковъ иггѣрага блемента до десятаго и двѣнадцатаго колѣна; и нужно же было этому случиться именно теперь, когда на моей сторонѣ болѣе шансовъ, чѣмъ когда-либо сдѣлаться оберъ-президентомъ или даже министромъ.

Герръ фонъ-Шнепперъ пожалъ плечами.

— Да, пренепріятная исторія, проговорилъ онъ, взявшись за шляпу.

— Но, Боже мой, другъ мой! неужели вы хотите оставить меня въ этомъ грустномъ положеніи! воскликнулъ президентъ.

— Не знаю, право, что и посоветовать вамъ, отвѣчалъ медицинальратъ; право, ничего не могу придумать!

Президентъ началъ ходить большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Не можетъ же быть, наконецъ, заговорилъ онъ, останавливаясь передъ фонъ-Шнепперомъ, чтобы осудили представителя древней фамилии, родословная которой восходитъ до XIV столѣтія, на основаніи доноса какойнибудь бабы! Вѣдь на сторонѣ стараго генерала должна быть симпатія и судей, и присяжныхъ.

— Вотъ именно въ послѣднемъ-то пунктѣ вы и ошибаетесь, мой дорогой другъ, сказалъ медицинальратъ. Генераль пользуется плохой репутаціей, да кромѣ того, вы упустили изъ виду весьма важное обстоятельство. Генераль протестантъ, а судья его и присяжные будутъ по преимуществу католики. Протестантское дворянство изъ восточныхъ про-

винціи на худомъ счету у мѣстныхъ патриотовъ и у поселянъ. А общее мнѣніе, какъ вамъ извѣстно, всегда вліяетъ въ нѣкоторой степени на судей и присяжныхъ, да къ тому же, и оберъ-прокуроръ устроитантъ чистѣйшей крови. Мнѣ же не знать этихъ отношеній? Вѣдь я самъ католикъ и происхожу изъ древняго дворянскаго рода, хотя всѣ мои политическія симпатіи и тяготеютъ къ столицѣ.

— Но, мой дорогой другъ, сказалъ президентъ, именно, какъ католикъ, какъ интимный другъ оберъ-прокурора, вы можете оказать намъ величайшую услугу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ медицинъ-арать, поднося золотой набалдашникъ трости къ своимъ тонкимъ губамъ, тутъ мое вліяніе можетъ сдѣлать очень немногое. А вотъ, какъ дѣло дойдетъ до медицинскаго осмотра тѣла, тогда...

— Другъ, благодѣтель! воскликнулъ президентъ, кидаясь обнимать маленькаго человѣчка. Вы нашъ спаситель, приказывайте, я все готовъ исполнить, благодарность моя не будетъ имѣть границъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? проговорилъ медицинъ-арать, насмѣшливо улыбаясь. Однако, мнѣ пора, прощайте! выпейте бутылку содовой воды, вы лихорадочно возбуждены.

Герръ фонъ-Шнепперъ уже дошелъ почти до двери, какъ президентъ остановилъ его:

— Шнепперъ, на слово!

— Что прикажете?

— Что вы давеча говорили относительно... гм! относительно Кампаллы, то была не шутка?

— И, любезный другъ, какъ это вы не умѣете отличить шутку отъ дѣла, осклабяясь, отвѣчалъ собесѣдникъ. Ну, прощайте!

XI.

Президентъ угадалъ: взятіе подъ стражу рейнфельденскаго генерала возбуждало сильныя толки не только въ самомъ Рейнштадтѣ, но и въ цѣлой провинціи. Легко можно было замѣтить, что сильное ощущеніе, вызванное въ публикѣ этимъ происшествіемъ, вытекало вовсе не изъ симпатіи, а изъ злорадства: Гогенштейны вообще не пользовались популярностью среди

коренного мѣстнаго населенія. Въ публикѣ ходили самыя баснословныя слухи. Одни говорили, что убитый былъ слуга генерала, осмѣлившійся стать въ слишкомъ близкія отношенія къ генеральской ключницѣ. Другіе увѣряли, что былъ убитъ богатый ювелиръ изъ евреевъ, на драгоценности котораго польстился генералъ. Третьи утверждали, что тутъ дѣло идетъ не объ одномъ убійствѣ, а о цѣломъ рядѣ душегубствъ, совершенныхъ старикомъ съ корыстными цѣлями въ сообщничествѣ съ ключницей; въ пользу этого послѣдняго мнѣнія склонялось большинство. Рейнфельденскій замокъ превратился въ воображеніи публики въ разбойничью пещеру, и ожидали, что слѣдствіе выведетъ на свѣтъ божій ужасныя тайны. А между тѣмъ дѣло, казавшееся въ началѣ такимъ яснымъ, запутывалось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, и показанія свидѣтелей, то и дѣло, вносили въ него новыя противорѣчія. Въ силу этихъ показаній, подозрѣніе въ сообщничествѣ ключницы стало такъ сильно, что оберъ-прокуроръ вынужденъ былъ распорядиться объ арестованіи Бригиты Шмальгансъ. Лишь только успѣли засадить Бригиту въ тюрьму, какъ явилось новое затрудненіе: по ходу дѣла, необходимо было снять показанія съ герра Шмальганса, который, какъ всѣмъ было извѣстно, пользовался сперва особеннымъ расположеніемъ генерала и даже удостоился чести жениться на его любовницѣ. Оказалось, что Шмальгансъ исчезъ. Обстоятельство это наводило на предположеніе, что и онъ былъ сообщникомъ злодѣянія; по всѣмъ вѣроятіямъ, главные преступники спровадили его на тотъ свѣтъ, чтобы отдѣлаться отъ опаснаго свидѣтеля; таково было, по крайней мѣрѣ, общее убѣжденіе публики.

Для фамиліи Гогенштейновъ процессъ этотъ былъ ужаснымъ ударомъ. Правда, первый министръ простеръ свою милость до того, что прислалъ и полковнику, и президенту, черезъ непосредственное ихъ начальство, увѣренія въ неизмѣнномъ своемъ расположеніи; правда, что, какъ только узнали объ этомъ въ городѣ, всѣ знакомые поспѣшили засвидѣтельствовать имъ свое неизмѣнное, высокое уваженіе, но все же случай былъ крайне неблагоприятный.

Старикъ генералъ упорно заширался во всемъ. Его не могли запутать, не смотря на самыя ловкіе переспросы. Онъ сто-

ялъ на своемъ первомъ показаніи, именно: что ночью 11 августа 1839 года онъ проснулся отъ сильнаго припадка кашля и позвонилъ своего слугу Анзельма Юргенса, изъ Кирхгейма. Послѣ повтореннаго, но тщетнаго звонка, онъ самъ всталъ съ кровати, чтобы разбудить слугу. Не найдя его въ комнатѣ, онъ (т. е. генераль) отправился въ одну изъ башенъ замка, гдѣ помѣщалась кладовая, думая, что Анзельмъ, какъ это водилось за нимъ и прежде, утащилъ ключъ отъ кладовой и напился тамъ до пьяна. Придя въ башню, генераль нашелъ Анзельма лежащимъ около винтовой каменной лѣстницы, которая вела на верхній этажъ; черепъ у него былъ раздробленъ и онъ уже не дышалъ. Генераль немедленно разбудилъ ключницу и другихъ слугъ и велѣлъ имъ положить тѣло несчастнаго на столъ въ залѣ. Тутъ его видѣли на слѣдующее утро различные личности, между прочимъ, и учитель Бальтазаръ Шмальгансъ. По причинѣ сильной жары, стоявшей въ то время, тѣло очень скоро начало разлагаться и потому принуждены были его хоронить на слѣдующую же ночь; хоронили Шмальгансъ и два лакея: Антонъ Штюцъ и Яковъ Штильеръ (оба уже умершіе съ тѣхъ поръ). Всѣ форменныя показанія были сдѣланы по закону и въ свое время; пасторъ Амброзіусъ Кандель, изъ Кирхгейма, не могъ совершить обрядъ погребенія по причинѣ болѣзни. О мѣстѣ, гдѣ погребено тѣло Юргенса, генераль неосвѣдомлялся, а потому и не знаетъ его.

Показаніе Бригиты Шмальгансъ было, конечно, совсѣмъ иное. Она показала, что находилась въ любовной связи съ Юргенсомъ и что въ ночь на 11 августа они были застигнуты генераломъ, который съ бѣшенствомъ кинулся на Анзельма и замахнулся на него топоромъ; Анзельмъ въ ужасѣ палъ передъ нимъ на колѣни и молилъ о пощадѣ; но генераль отвѣчалъ ударомъ топора, который разсѣкъ ему правую сторону черепа; несчастный тутъ же испустилъ духъ. Затѣмъ генераль хотѣлъ было убить и ее, Бригиту, но она упросила его даровать ей жизнь; онъ принудилъ ее стащить вѣстѣ съ нимъ трупъ къ подножію лѣстницы и придать ему то положеніе, въ которомъ его впоследствии нашли. Потому она должна была, по приказанію генерала, отправиться въ свою комнату и лечь въ постель, съ которой генераль поднималъ ее въ присутствіи лакея. Что-жъ касается до похоронъ

и всего остального, то показанія совершенно согласовались съ показаніями генерала. Бѣгство мужа она объясняла тѣмъ, что Балътазару не хотѣлось взять ее опять къ себѣ въ домъ, куда она было задумала воротиться послѣ ареста генерала. Но куда онъ дѣвался, этого она рѣшительно сказать не могла, потому что и сама не знала.

— Дѣло, сударыня, какъ видите, страшно запутанное, говорилъ президентшѣ ассесоръ фонъ-Визе. Теперь явился новый свидѣтель, нѣкто Кильяль Эммерихъ, бывшій слуга генерала.

— О, я его хорошо знаю, высокій, статный мужчина, воскликнула президентша.

— Онъ самый, сударыня. Какъ кажется, этотъ Кильяль былъ съ той особой, какъ, бишь, ее? съ Бригитой... однимъ словомъ, они вмѣстѣ страшали генерала доносомъ и высасывали изъ него такимъ образомъ кучу денегъ.

— Ахъ, они злодѣи! воскликнула президентша.

— Вы совершенно правы, сударыня! но бѣда въ томъ, что на слѣдствію оказывается, что эта чета помѣстила въ одинъ небольшой частный банкъ довольно значительныя суммы; а вѣдь это аргументы противъ генерала.

— Но дѣло ясное, что бѣднаго старика обокрали! простонала президентша.

— Это весьма вѣроятно, отозвался фонъ-Визе; но въ теченіи послѣдняго года генераль бралъ отъ своего банкира очень и очень крупныя куши — тоже обстоятельство, на которое онъ ссылается для объясненія этого факта, и которое остается пока недоказаннымъ...

Когда президентша передала этотъ разговоръ своему мужу, то президентъ былъ сильно пораженъ послѣдними словами фонъ-Визе.

— Боюсь, сказалъ онъ, что это проклятое слѣдствіе выведетъ все на свѣжую воду, что мы такъ тщательно старались скрывать, между прочимъ, и нашу заднюю мысль при обрученіи Камиллы съ Вольфгангомъ. А чего не въ состояніи выболтать старый грѣшникъ? Если мы въ настоящую минуту дадимъ замѣтить, что согласились на этотъ бракъ только изъ видовъ наслѣдства, то мы пропали. Намъ надо, болѣе чѣмъ когда нибудь, любезничать съ Вольфгангомъ. Пор-

вать съ нимъ отношенія теперь не возможно; съезъ Шнепперъ долженъ съ этимъ согласиться; вѣдь до тѣхъ поръ, пока трусъ не найденъ, притязанія Шнеппера не имѣютъ никакого вѣса. Однако, все же мнѣ надо переговорить съ этой старой обезьяной.

Герръ фонъ-Шнепперъ вполне согласился съ мнѣніемъ президента.

— Я приду въ свое время потребовать свою драгоценную плату; а до тѣхъ поръ, пускай все идетъ по старому. Старайтесь угождать Вольгангу и успокойте его ревность...

— Но какимъ же образомъ, любезнѣйшій?

— Выдайте замужъ Аврелію.

— За Вилламовскаго?

— Да, за Вилламовскаго.

— Да захочетъ ли онъ жениться именно теперь?

— Именно теперь! пощекотите его тщеславіе, затроньте его великодушіе, онъ достаточно глухъ, чтобы нейти на эту удочку.

Президентъ воспользовался добрымъ совѣтомъ. Склонить Аврелію на этотъ бракъ было дѣломъ вовсе не труднымъ. Оставалось, слѣдовательно, заручиться согласіемъ барона, на что было достаточно и одного вечера. Позаботились такъ устроить, чтобы въ одинъ изъ пріемныхъ дней у президентши никого не было изъ гостей, кромѣ Вилламовскаго. Президентша начала жаловаться на непостоянство друзей, которые, чуть набѣжитъ облако, спѣшатъ скрыться; пѣла она въ этомъ тонѣ, пока Вилламовскій въ самомъ дѣлѣ не вообразилъ себя героемъ. Потомъ почтенная дама перешла къ тому, какъ тяжело бываетъ материнскому сердцу видѣть дочерей еще не пристроенными, и закончила словами:

— Я пойду взгляну на минуту на мою больную Камиллу; вамъ, любезный Вилламовскій, я вѣдь могу поручить на четверть часа дитя?

Вилламовскій, въ знакъ благодарности, поцѣловалъ жирную руку президентши, распахнулъ передъ нею двери и возвратился опять къ чайному столу, за которымъ сидѣла Аврелія и ваза ла кошелекъ.

— Для кого вы вяжете эту хорошенькую вещицу, «рейлейнъ» Аврелія, спросилъ баронъ.

— Ужь, конечно, не для себя, отвѣчала Аврелія, мнѣ нечего класть въ кошелекъ.

— Гмъ! промышчалъ баронъ.

— Что вы сказали?

— О, ничего, ничего; я хотѣлъ только замѣтить, что вѣдь въ сущности зависить только отъ васъ... гмъ!

— Что вы этимъ хотите сказать, любезный Стильфридъ?

— Я думаю... *sarpristi!* я не мастеръ много говорить; я не умѣю такъ красно выражаться, какъ Бринкманъ, и таланта у меня нѣтъ, какъ у проклятаго Кеттенберга, но, если вы хотите выдти замужъ за меня, то, увѣрю васъ, у васъ не будетъ недостатка въ лукатахъ, которыми вы могли бы набивать этотъ кошелекъ, пока у меня у самого хоть копѣйка будетъ.

Аврелія была, повидимому, такъ поражена этими рѣчами, что чуть не упала въ обморокъ; она откинулась въ своемъ креслѣ и закрыла лицо платкомъ.

Догадливый баронъ опустился передъ ней на колѣни и, схвативъ прелестную ручку, воскликнулъ:

— Аврелія, божественная Аврелія! ради Бога, скажите, что вы согласны ѣхать завтра же въ моемъ кабриолетѣ по всѣмъ знакомымъ и представить меня всѣмъ, какъ вашего жениха! Я велю даже заложить вороного, хотя мнѣ и жалко мучить для этого бѣдное животное.

Аврелія такъ была тронута этимъ доказательствомъ безграничной любви, что обвила руками воротникъ драгунскаго лейтенанта.

— Ангелъ! воскликнулъ счастливый лейтенантъ.

Въ эту самую минуту отворилась дверь и президентша съ супругомъ появился на порогѣ комнаты.

XII.

Предварительное заключеніе генерала фонъ-Гогенштейна продолжалось уже два мѣсяца, но темное это дѣло все еще не разъяснялось. Публика начинала терять терпѣніе; самъ слѣдственный судья, фонъ-Кессенихъ, не разъ уже говаривалъ референдарію фонъ-Визе, что дорого бы онъ далъ, чтобы сбыть это дѣло съ рукъ.

Между нами будь сказано, вѣдь прескверное мое положеніе, любезный Визе, говорилъ герръ фонъ-Кессенихъ; вамъ, какъ коренному рейнштадтскому уроженцу и католику, я могу сказать, что охотно бы насолилъ этимъ тщеславнымъ Гогенштейнамъ; ну, да это надо было дѣлать на горячій слѣдъ. А теперь публика находитъ, что дѣло тянется слишкомъ долго, что по слѣдствію ровно ничего не оказывается и т. п. Ну, да пусть бы дѣло ограничивалось одною публикою, а то вотъ не хотите ли прочесть это письмо?

Референдарій заглянулъ въ письмо.

— Отъ министра! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ.

— Дружески и конфеденціально; читайте, читайте, возразилъ господинъ фонъ-Кессенихъ.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ фонъ-Визе по прочтеніи письма, что высшее начальство желаетъ, чтобы мы ничего не отыскивали.

— Конечно такъ, возразилъ фонъ-Кессенихъ; а теперь не угодно ли пробѣжать вотъ это!

— Отъ...

— Шт! любезный другъ, наши протестантскіе писцы въ сосѣдней комнатѣ не должны этого знать.—Хотя и не собственноручно, но все же изъ его кабинета. Что вы скажете на это?

— Да какъ же это возможно?

— Это я вамъ могу объяснить. Не припомните ли вы, что между первыми свидѣтелями явился старый, сѣдматый священникъ, изъ Кирхгейма, ужаснѣйшій человекъ! и, сдается мнѣ, плохой столпъ нашей святѣйшей церкви. Отъ него почти ничего нельзя было добиться; одно лишь его показаніе заслуживало вниманія, именно то, что, не задолго до своего ареста, старикъ выказывалъ въ бесѣдѣ съ нимъ странное безпокойство и высказалъ даже желаніе сдѣлаться католикомъ. Я не обратилъ въ тѣ поры особеннаго вниманія на это показаніе; оно было двусмысленно, какъ и все, что намъ попадаетъ въ продолженіи этого слѣдствія. А теперь-то выходитъ, кажется, что этотъ священникъ дѣйствовалъ подъ крылышкомъ главы церкви; это явствуетъ изъ одного мѣста въ письмѣ, — дайте-ка его сюда, — взгляните! тутъ прямо намекается на то, что его святѣйшество самъ интересуется этимъ дѣ-

ломъ. Что же намъ-то дѣлать? Вѣдь и у насъ совѣсть не пропала.

— Если бы намъ только добраться до *corpus delicti*, отвѣтилъ фонъ-Визе; покуда у насъ нѣтъ его въ рукахъ, слѣдствіе не можетъ быть прекращено.

— Такъ, такъ, возразилъ собесѣдникъ; да я уже потерялъ всякую надежду, вѣдь мы разрыли все кладбище и ничего не нашли, хоть бы малѣйшій слѣдъ! Это что тамъ еще?

— Письмо по городской почтѣ, отвѣчалъ вошедшій служитель.

— Что съ вами? спросилъ фонъ-Визе, замѣтивъ, что начальникъ его измѣнился въ лицѣ, читая письмо.

— Странное дѣло! проговорилъ фонъ-Кессенихъ, намъ, кажется, вѣкъ не распутать всѣхъ этихъ тайпъ.

Письмо состояло лишь изъ нѣсколькихъ строгъ, видимо, писанныхъ поддѣланнымъ почеркомъ; въ немъ говорилось:

«Могила † † †, ксторую вы ищете, находится не на кладбищѣ при часовнѣ, но въ рейнфельденскомъ паркѣ, приблизительно, шагахъ въ двѣнадцать отъ послѣдняго дерева капитановой аллеи, на лѣво отъ разрушившагося храма дружбы».

— Что вы на это скажете? спросилъ герръ фонъ-Кессенихъ.

— Что это утка.

— Которую все же слѣдуетъ провѣрить. Вы сегодня же, любезный Визе, отправитесь вмѣстѣ съ медицинальратомъ. Очень можетъ статья, что останки не выдержатъ перевоза.

— Такъ вы этому вѣрите?

— Не только вѣрю, но даже убѣжденъ, что это такъ! Смотрите же, не теряйте времени!

Передъ поѣздкою въ Рейнфельденъ, медицинальратъ Шнеперъ имѣлъ совѣщаніе съ г. президентомъ фонъ-Гогенштейномъ. Послѣ поѣздки, онъ снова заѣхалъ къ нему и просидѣлъ до поздней ночи. Медицинальратъ рассказывалъ, что трупъ дѣйствительно найденъ въ указанномъ мѣстѣ и что онъ отлично сохранился, благодаря песчаному грунту. Особенно же хорошо сохранился черепъ, такъ что не остается никакого сомнѣнія относительно рода смерти, она должна была произойти отъ удара топоромъ, точъ въ точъ, какъ показала Бригята.

— Я привезъ этотъ черепъ съ собою, предлагаю онъ. Онъ запертъ въ моемъ шкапу. Его никто не выдалъ, промѣ меня, ни даже Фомъ-Виве, котораго во время осмотра начало тошнить. Представь я завтра этотъ черепъ, какъ онъ есть, те вашего почтеннаго дядюшку казнятъ, будь онъ хоть рас-превосходительство; если же я его такъ обработаю, что про-ломъ въ черепѣ можно будетъ отнести на счетъ ушиба,—а на это нужно только немножко ловкости—то, не вѣрять вѣроятіямъ, генераль будетъ послѣ завтра на свободѣ.

— Но, любезный другъ, вы говорите такъ, какъ-будто вы можете колебаться относительно того, какъ вамъ поступить въ настоящемъ случаѣ! воскликнулъ президентъ.

Маленькій человѣчекъ пожалъ плечами.

— Это теперь вполне будетъ зависть отъ васъ.

— Но вѣдь вы знаете, что я согласенъ на все, что вы отъ меня требуете, что я васъ съ удовольствіемъ назову своимъ...

— Своимъ зятемъ, подсказалъ медицинальратъ съ ядови-тою улыбкою. Ха, ха! не дурно; ну, а что скажетъ красавица невѣста? Скинетъ ли она мнѣ годковъ такъ двадцать съ костей, а?

— Дочь моя привыкла покоряться волѣ своихъ родителей отвѣчалъ президентъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Впервые слышу! воскликнулъ меди-цинальратъ, а я такъ до сихъ поръ думалъ, что наоборотъ. Ну, если нѣтъ другой гарантіи...

— Да чего же вы требуете, любезный другъ?

— Во-первыхъ, чтобы вы представилъ меня, какъ жениха Камиллы, двумъ друзьямъ вашего дома. Ну, хоть Кеттен-бергу и Вилламовскому; представьте вы меня, положимъ, хоть и не оффиціально, но въ такихъ выраженіяхъ, что на этотъ счетъ уже не останется никакихъ сомнѣній. Во-вто-рыхъ, относительно Вольфганга, вы должны держаться на-шей прежней программы; другими словами, вы должны обра-ботать вашего брата такъ, чтобы онъ заставилъ его подать въ отставку, а затѣмъ вы съ нимъ порвете оффиціально всякія сношенія.

— Я готовъ исполнить все, что вы желаете, проговорилъ президентъ, протягивая медицинальрату свою узкую руку.

— И такъ, дѣло въ шляпѣ, проговорилъ медицинальратъ, пожимая руку президента.

Дня черезъ два, въ рейнштадтской газетѣ, подъ рубрикою: «домашняя лѣтопись,» можно было прочесть слѣдующее:

«Съ удовольствіемъ спѣшимъ извѣстить нашихъ согражданъ, что слѣдствіе, начатое мѣсяца два тому назадъ въ нашей провинціи, по ужасному довосу, надъ одной, высоко стоящей и всѣми уважаемой, особой, прекращено, къ общему удовольствію, благодаря непредвидѣнному открытію весьма важныхъ обстоятельствъ. Обвиненный выпущенъ вчера изъ темницы и немедленно отправленъ, по дошедшимъ до насъ слухамъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ родственницъ, въ свое имѣніе Р... Да ниспошлетъ небо на главу этой невинной жертвы страшнаго коварства миръ и покой послѣ столькихъ, незаслуженно претерпѣнныхъ, страданій!»

Нѣсколько дней послѣ появленія этой газетной рекламы, къ Вольфгангу зашелъ художникъ Кеттенбергъ. Нашъ герой нѣсколько удивился этому визиту; до сихъ поръ онъ держался отъ Кеттенберга довольно далеко, зная, что художникъ былъ другъ и пріятель господъ, въ родѣ Вилламовскаго, Брикмана, Гинкеля, Визе и другихъ, знакомство съ которыми вовсе не говорило въ его пользу.

— Вы удивляетесь моему раннему приходу, началъ Кеттенбергъ послѣ первыхъ привѣтствій. Видите ли, я уѣзжаю часа черезъ два изъ этого города и уѣзжаю, быть можетъ, надолго, но передъ отъѣздомъ мнѣ хотѣлось сообщить вамъ нѣчто, касающееся васъ весьма близко.

— Вы хотите насъ оставить?

— Ха, ха, ха! Вы спрашиваете такимъ тономъ, какъ будто вамъ и въ самомъ дѣлѣ очень жаль со мною разстаться. Вотъ вы, конечно, не повѣрите мнѣ, если я скажу вамъ, что чувствую къ вамъ дѣйствительное расположеніе, и между тѣмъ, мой приходъ служить лучшимъ тому доказательствомъ. Но слушайте меня и, если можете, вѣрьте. Прежде всего скажите мнѣ, пожалуйста, получили ли вы на этихъ дняхъ письмо отъ президентши или отъ Камиллы? Нѣтъ? ну, я такъ и думалъ. Васъ хотятъ хорошенько проморить, для того, чтобы вы сами сдѣлали тотъ шагъ, на который не отваживается эта честная компанія.

— Но, герръ Кеттенбергъ, я въ самомъ дѣлѣ не могу васъ...

— Понять. Буду говорить совершенно понятно. Вы, любезный Гогенштейнъ, жертва подлѣйшей интриги. Семья вашей невѣсты рѣшила подать вамъ карету. Господинъ, котораго Камила, вмѣсто васъ, желаетъ осчастливить рогами, оказалъ имъ, какъ видите, за послѣднее время важныя услуги. Этотъ господинъ никто иной, какъ тайный совѣтникъ Шнеперъ. Вы смѣтаете? Смѣйтесь, смѣйтесь! но знайте, что я и мой другъ, Вилламовскій, подъ клятвою строжайшаго безмолвія были свидѣтелями этой тайны.— Да и чего же вы хотите, въдь молодая особа дѣлаетъ великолѣпную карьеру! Вы все еще смѣтаете? Ладно! это не помѣшаетъ мнѣ обратить ваше вниманіе на серьезную сторону вашего положенія. Почтенные родичи всячески ищутъ предлога съ вами разойтись; легче всего эта цѣль достигается тѣмъ, что васъ заставятъ подать въ отставку; это еще и тѣмъ выгиднѣе, что и рейнфельденскій старикъ за это порветъ всякія сношенія съ вами. Результата этого они хотятъ достигнуть двумя путями. Во-первыхъ, разными служебными дрязгами, выговорами отъ дяди передъ цѣлымъ фронтомъ и т. п. кознями. Во-вторыхъ, имъ кажется особенно удобнымъ, придратъся къ вашимъ отношеніямъ съ хорошенькой кузиной. Ну, зачѣмъ же вы краснѣете, въдь хорошенькія кузины за тѣмъ только и существуютъ, чтобы за ними ухаживать. А дѣвушка дѣйствительно чудо какъ хороша—головка настоящей музы. Лейтенанту Куно принадлежитъ честь открытія этой красоты изъ мѣщанскаго квартала; онъ уже хвастаетъ тѣмъ, что фрейленъ Шмицъ киваетъ ему нѣжно головкой во время его прогулокъ подъ ея окнами. Но успокойтесь! рѣшительно никто не вѣритъ этимъ рассказнямъ. Всего менѣе вѣритъ имъ Вилламовскій; онъ, пожалуй, кутила, но въ сущности добрѣйшая душа, и пожелательно не хотѣлъ принимать участія въ этой подлой интригѣ. Мнѣ кажется, я смѣло могу вамъ рекомендовать барона, особенно, если вамъ придется искать порядочнаго человѣка для устройства кой-какихъ дѣлишекъ. Такъ-то, любезный Гогенштейнъ! теперь вы знаете достаточно, чтобы умѣть найдтись въ вашемъ запутанномъ положеніи. Я недавно имѣлъ случай убѣдиться, что у васъ вѣрный глазъ и твердая рука, слѣдовательно, вамъ

нечего бояться. Ну, да довольно объ этомъ, теперь скажу два слова о себѣ. Собственно, цѣлью моего прихода было попросить васъ передать отъ меня вашему другу, что если онъ намѣренъ потребовать отъ меня отчета за мои отношенія къ Антоніи, то я готовъ дурить съ нимъ вмѣстѣ, сколько ему будетъ угодно, только не ранѣе, какъ по моемъ возвращеніи. Я исхожу изъ того правила, что ужъ если люди рѣшились стрѣляться, то надо, по крайней мѣрѣ, хорошенько насладиться тѣмъ, изъ-за чего представляешь лобъ подь пулю; но игра не стоитъ свѣчь. Миѣ бы не хотѣлось, чтобы вы, да, именно вы, дурно думали обо миѣ послѣ моего отъѣзда. Не знаю, извѣстно ли вамъ, любезный Гогенштейнъ, что недавно я сталъ ухаживать за вашею хорошенькою тетушкой и имѣю счастье пользоваться ея вниманіемъ? Вы этого не знали—ну, такъ теперь знайте; и, чтобы подтвердить свои слова доказательствомъ, скажу вамъ, что сегодня въ 12 часовъ фрау фонъ-Гогенштейнъ и я уѣздаемъ, конечно случайно, и пройдемъ вмѣстѣ, какъ я полагаю, порядочное пространство. До этого, конечно, никому бы и дѣла не было, но, къ несчастью, фрау фонъ-Гогенштейнъ чуть ли не стояла съ вашимъ другомъ, докторомъ Мюнцеромъ, въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ я теперь съ нею состою; я даже сильно побаиваюсь, что она рѣшилась ѣхать со мною въ Египетъ не столько изъ расположенія ко миѣ, сколько отъ отчаянія, что Мюнцеръ ее не любитъ. Миѣ это совсѣмъ все равно, лишь бы она поѣхала со мною. Я люблю востокъ и люблю хорошихъ женщинъ.— Ну, прощайте, любезный другъ! извините, что я ухожу безъ дальнихъ околичностей, у меня остался всего часъ времени, а миѣ еще надо исполнить цѣлую кучу комисій. Adieu!

Кеттенбергъ пожалъ Вольфгангу руку, потомъ обнялъ его и поспѣшно скрылся за дверью.

Вольфгангу некогда было обдумывать слышанное имъ, ему надо было спѣшить на парадъ.

Парады, съ ихъ безмысленно монотоннымъ хожденіемъ взадъ и впередъ, всегда были предметомъ ужаса для Вольфганга, но никогда еще онъ такъ не тяготился ими, какъ сегодня. Посвященный въ таинства службы могъ тотчасъ замѣтить, что на этотъ разъ затѣвается что-то необыкновенное. Ядро колонны образовали пять генераловъ, составлявшихъ рейн-

кагдагское гарнизонное начальство; затѣмъ пригласили «господа полковыхъ командировъ» занять, подобающія имъ, мѣста; за полковыми командирами послѣдовали «господа штабъ-офицеры, за штабъ-офицерами «господа капитаны», потомъ опять штабъ-офицеры, потомъ опять капитаны, потомъ штабъ-офицеры и капитаны вмѣстѣ, наконецъ очередь дошла до оберъ-офицеровъ. Когда сомкнулся огромный кругъ и всѣ вправили руки взяли подъ козырекъ, командующій генералъ-лейтенантъ графъ фонъ-Шнабельсдорфъ началъ слѣдующую рѣчь: «Господа! я многое долженъ сообщить вамъ сегодня. Насталъ часъ доказать цѣлому свѣту, какіе вы молодцы. Всюду поднимается знамя крамолы. Мнѣ и въ мысль не приходитъ предположить, чтобы кто нибудь изъ васъ соблазнился ученіями Богомъ отверженныхъ людей. Я твердо увѣренъ, что всѣ мы готовы пролить свою кровь за короля и отечество; но, господа, между нами много молодыхъ людей, вотъ имъ-то необходимо провикнуться убѣжденіемъ, что противъ измѣны и коварства есть намъ одно средство—сила. Въ этотъ торжественный часъ я преимущественно обращаюсь къ вамъ, молодые люди, съ отеческимъ наставленіемъ. Не давайтесь въ обманъ, не вѣрьте той маскѣ честности, которою такъ любятъ прикрываться измѣнники. Докажите имъ, что вы не даромъ носите мечъ; помните, что лучше пусть погибнутъ нѣсколько невинныхъ, лишь бы не ушелъ ни одинъ изъ виновныхъ. Никогда не теряйте изъ виду, что вы ровно ни передъ кѣмъ не отвѣтственны въ своихъ дѣйствіяхъ, кромѣ вашего начальника».

Парадъ кончился. Одинъ лишь полковникъ фонъ-Гогенштейль никакъ не рѣшался, по своему обыкновенію, распустить своихъ солдатъ. Очередные унтеръ-офицеры бѣгали взадъ и впередъ, фельдфебеля успѣли уже записать цѣлые томы распоряженій, наконецъ кривобокій адъютантъ, фонъ-Цицельвицъ, прокричалъ: «офицеры впередъ!»

Офицеры 199-го иѣхотнаго полка окружили полковника фонъ-Гогенштейна.

Полковникъ былъ мраченъ, какъ гроза.—Вы слышали, началъ онъ, что говорилъ генералъ, зарубите это себѣ на носъ; я не допущу въ своемъ полку и малѣйшей тѣни демократи-

ческих бредней. Ступайте господа!—Господинъ лейтенантъ фонъ-Гогенштейнъ!

Остальные офицеры разошлись по своимъ мѣстамъ, а Вольфгангъ остался передъ полковникомъ.

— Я хотѣлъ только сказать тебѣ, что ты въ особенности долженъ быть на сторожѣ, если хочешь остаться въ полку.

— Судя по вашему образу выраженія, возразилъ Вольфгангъ, вы говорите со мною не какъ полковникъ и командиръ полка, но какъ братъ моего отца; въ этомъ случаѣ, я скажу вамъ, что, не смотря на страшный запретъ и презрѣнiе, я вполне раздѣляю демократическiй образъ мыслей, что я и минуты не желаю оставаться здѣсь и жду только удобнаго случая, чтобы отказаться отъ чести носить шпагу.

— А если я говорилъ съ вами не какъ дядя, а какъ вашъ начальникъ, господинъ лейтенантъ фонъ-Гогенштейнъ?

— Въ такомъ случаѣ, я сказалъ бы вамъ тоже, но въ другой формѣ, господинъ полковникъ.

— Хорошо, очень хорошо, господинъ лейтенантъ! позвольте попросить вашу шпагу, господинъ лейтенантъ.

— Это значить...

— Герръ фонъ-Цицельвицъ!

— Господинъ полковникъ!

— Сейчасъ же отведите лейтенанта фонъ-Гогенштейна на гауптвахту, въ фортъ Санъ-Себастьянъ. Я беру отвѣтственность на себя, герръ фонъ-Цицельвицъ, и сію же минуту иду доложить обо всемъ его превосходительству.

— Вы пойдете за мной, герръ фонъ-Гогенштейнъ? спросилъ поблѣднѣвшій Цицельвицъ.

— Безъ всякаго сомнѣнiя, герръ фонъ Цицельвицъ, отвѣтилъ Вольфгангъ; потомъ, подойдя къ полковнику, онъ продолжалъ въ полголоса: вы очень быстро исполняете возложенныя на васъ порученія, господинъ полковникъ, но смотрите въ оба, чтобы вамъ заплатили поденщину, а то вѣдь стоитъ ли мошенничать даромъ. Я къ вашимъ услугамъ, герръ фонъ-Цицельвицъ!

Когда Вольфгангъ узкимъ корридормъ проходилъ въ офицерскую арестантскую, ему мимоходомъ шепнулъ идущій за

нимъ дежурный унтеръ-офицеръ: — будьте покойны, вамъ не долго придется сидѣть, герръ фонъ-Гогенштейнъ.

Въ темнотѣ Вольфгангу показалось, что онъ слышалъ голосъ унтеръ-офицера Рюхеля.

XIII.

Въ гостиницѣ «Зеленый Римлянинъ» было очень шумно въ этотъ вечеръ. Общество раздѣлалось на небольшія группы и горячо разсуждало, мѣстами даже горячо спорило. По первому взгляду легко было убѣдиться, что мнѣнія господъ присутствующихъ сильно расходятся, и что тотъ, кто попробовалъ бы соединить этихъ людей на одно общее-дѣло, взялъ бы на себя черезъ-чуръ трудную задачу.

— Да они насъ бросятъ, говорилъ паренъ съ голоднымъ и хитрымъ лицомъ, я это съ самаго начала говорилъ.

— Молчи ты, возразилъ другой, трусь самъ, да не нагоняй же на другихъ страха.

— Я трусь! вѣтъ врешь, кто это говоритъ, тотъ трусь.

— Смирно господа! развѣ такъ говорятъ люди, которые стоятъ лицомъ къ лицу съ врагомъ? сказалъ только-что вошедшій мужчина.

По собранію пробѣжалъ ропотъ: «докторъ, докторъ!» и всѣ затаили.

Мюнцеръ подошелъ къ столу, заранѣе уже отодвинутому къ стѣнѣ, и сказалъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ:

«Засѣданіе открыто. Но прежде, чѣмъ мы приступимъ къ нашимъ занятіямъ, позвольте представить почтенному собранію моего друга, маіора фонъ-Дегенфельда».

Маіоръ, стоявшій около Мюнцера, поклонился.

— Считаю почти лишнимъ, господа, продолжалъ Мюнцеръ, объявить почтенному собранію, что герръ Дегенфельдъ поклялся мнѣ нашею обычною клятвою. Перехожу къ подвѣнному вопросу, т. е. къ тому, что намъ слѣдуетъ предпринять при настоящемъ положеніи дѣла. Кто требуетъ слова?

— Я! раздался могучій голосъ изъ угла комнаты, докторъ Гольмъ!

Пока докторъ Гольмъ, въ сопровожденіи Петра Шмица,

пробирался сквозь темные ряды присутствующих къ предсѣдательскому столу, собраніе зашумѣло и несмущался ропотъ: этотъ какъ сюда попалъ?—Ему нельзя позволить быть между нами. Выкинуть его! Убить его!

Мюнцеръ побѣднѣлъ, услышавъ голосъ Гольма, но тотчасъ же собрался съ духомъ и проговорилъ глухимъ голосомъ:—если кто нибудь осмѣлится говорить здѣсь безъ моего позволенія, то я немедленно и навсегда откажусь отъ обязанности, вами же возложенной на меня. Слово за докторомъ Гольмомъ.

Гольмъ не безъ труда поднялся на низкую трибуну, на которую составленную изъ нѣсколькихъ бочекъ и снятой съ петель двери, окинулъ своимъ привѣтливимъ взглядомъ тускло освѣщенное собраніе и началъ:

«Милостивые государи! Вы, какъ я вижу, удивляетесь моему приходу; а мнѣ такъ казалось, что мнѣ, какъ одному изъ основателей этого демократическаго клуба, не заказанъ входъ къ вамъ. Приняли мы, т. е. я и мой другъ, Петръ Шмицъ, сегодня сюда только потому, что, по нашимъ искреннѣйшимъ и святѣйшимъ убѣжденіямъ, мы должны помѣшанать собранію, на сколько хватитъ нашихъ силъ, рѣшиться на шагъ, который неминуемо губельно отзовется на вашихъ интересахъ. Не ропщите и не шумите, господа, потому что въ этой душной атмосферѣ и безъ того трудно говорить. Буду говорить ясно и коротко: я вполнѣ убѣжденъ, что каждый изъ васъ смѣло пойдетъ въ огонь, но, въ тоже время, я увѣренъ, что изъ-за пустяковъ никто изъ васъ не пойдетъ на вѣрную смерть. Скажите, что вамъ, трезвымъ, практичнымъ людямъ, за дѣло до романтическихъ иллюзіи средних вѣковъ, случайно вытасканныхъ на яркій свѣтъ девятнадцатаго столѣтія? Вамъ вѣдь нѣтъ дѣла до среднихъ вѣковъ; вы требуете теперь новой эры со всѣми ея послѣдствіями. Скажите же, во имя чего вы хотите теперь пролить вашу кровь?—Вы будете драться за принципы прямо противоположные вашимъ стремленіямъ и убѣжденіямъ. Если бы вы пошли теперь биться даже за вашу идею, я сказалъ бы вамъ, что это преждевременно и бесполезно, хотя и не могъ бы отказать въ глубочайшемъ уваженіи людямъ, которые пошли на смерть за свое убѣжденіе.

Докторъ Гольмъ вытеръ свою лысую голову краснымъ шел-

ковымъ платкомъ и, опираясь на Петра Шмица, сошелъ съ трибуны. Рѣчь его, видимо, произвела впечатлѣніе на собраніе. Мюнцеръ сидѣлъ молча и понурившись за своимъ столомъ. По окончаніи рѣчи, онъ проговорилъ, не измѣняя своего положенія:

— А кто желаетъ отбѣчать на рѣчь доктора Гольма?

— Я, отозвался Петръ Шмицъ. Я скажу немного; я желаю только пояснить рѣчь моего друга, Гольма; онъ говорилъ какъ человѣкъ мысли, я же передамъ его слова, какъ практическій политикъ. Онъ сказалъ вамъ, что слѣдуетъ умерать за свои убѣжденія, я же скажу вамъ, что это не нужно, теперь, во крайней мѣрѣ, не нужно, а если это не нужно, то объ этомъ и не можетъ, и не должно быть рѣчи. Въ политикѣ только успѣхъ имѣетъ значеніе; падъ предпріятіемъ, задуманнымъ и исполняемымъ безъ малѣйшей надежды на успѣхъ, тяготѣетъ печать отверженія. А взятыя теперь за оружіе было бы именно такимъ предпріятіемъ. Годъ тому назадъ, я первый въ этомъ собраніи стоялъ за активное движеніе; тогда была другая пора, теперь же уже слишкомъ поздно, и тотъ, кто въ настоящее время подаетъ вамъ надежду на успѣхъ, морочитъ и васъ, и себя.

При этихъ словахъ, которыя направлены были прямо противъ Мюнцера, послышался грозный ропотъ. Но Петра Шмица не такъ-то легко было утратить.

— Да! повторилъ онъ, повысивъ голосъ и устремивъ свои черные глаза на Мюнцера; да! я еще разъ повторяю: онъ морочитъ, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія, это все равно, васъ и самого себя. Ропщите и угрожайте, сколько хотите, человѣку, который вамъ смѣло высказываетъ въ лицо свои убѣжденія, а я все еще разъ вамъ скажу, что не могу признать героя челоѣка, который изъ-за ничего ведетъ васъ всѣхъ на битву; это не герой, а отчаянный игрокъ.

Петръ Шмицъ едва успѣлъ выговорить эти слова, какъ долго сдерживаемое бѣшенство приверженцевъ Мюнцера шумно вырвалось на волю. Поднялось страшное топанье, шиканье, раздались свистки. Сквозь этотъ шумъ слышались угрожающіе крики: долой его! мы ему зададимъ! не выпускать его живого!

XIV.

Между тѣмъ, въ ратушѣ совѣщались старѣйшины города подъ предсѣдательствомъ доктора обоихъ правъ, Виллиброда Даша. Почтенные старѣйшины судили и рядили о томъ, какія имъ мѣры принять для охраненія жизни и собственности своихъ добрыхъ согражданъ. Натуры не изъ храбраго десятка, какъ Гейдтманы, сенаторъ Вестермейеръ и т. п. заклинали собраніе всѣми святыми немедленно приступить къ самымъ крайнимъ мѣрамъ и потушить пламя возстанія въ крови его зачинщиковъ.

— Мы знаемъ, гдѣ теперь ихъ скопище, кричалъ герръ Гейдтманъ, перерѣжемъ ихъ всѣхъ, пока они насъ не перерѣзали! Всякое промедленіе увеличиваетъ опасность. Вѣдь это народъ отчаянный, но, съ божьею помощію, наши храбрые солдаты окружатъ ихъ, а при малѣйшемъ сопротивленіи съ ихъ стороны, перестрѣдаютъ ихъ.

Противъ этого кровожаднаго предложенія возстало незначительное меньшинство, и адвокатъ Кальтебильтъ во главѣ его.

— Мѣра эта, говорилъ Кальтебильтъ, столь же жестока, какъ и бесполезна. Я готовъ, что хотите, прозакладывать, что и нынѣшнее засѣданіе демократическаго клуба кончится ничѣмъ; но положимъ даже, что на этотъ разъ я ошибаюсь, все же мы имѣемъ въ нашемъ распоряженіи такую огромную силу, что передъ нею сила противника совершенно стушывается. По моему мнѣнію, не слѣдуетъ прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ, не будучи вынужденными къ тому крайнею необходимостью. Въ противномъ случаѣ, мы рискуемъ вмѣстѣ съ виновными поразить и невинныхъ.

— Въ разбойничьемъ притонѣ нѣтъ невинныхъ! закричалъ герръ Вестермейеръ.

— Особенно же въ томъ случаѣ, возразилъ Кальтебильтъ, если мы всѣхъ, несогласныхъ съ нашимъ мнѣніемъ, будемъ называть убійцами и поджигателями.

Это возраженіе возбудило сильное неудовольствіе между почтенными старѣйшинами города.

Но Кальтебильта не такъ-то легко было вывести изъ пассіи; онъ спокойно продолжалъ:

— Чего же вы отъ меня хотите, господа? Вы такъ горячитесь, какъ-будто я одинъ сталъ поперекъ дороги вашимъ мудрымъ рѣшеніямъ. Дѣлайте, что хотите, но не забывайте, что преувеличенный страхъ только накликаетъ опасность, которую вы намѣрены отвратить. Пламя это погаснетъ само собою, если вы не потрудитесь подложить дровъ. Но, троньте его—и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что искры полетятъ во всѣ стороны и зажгутъ, пожалуй, ваши же дома и фабрики.

— Вамъ хорошо говорить, возразилъ Вестермейеръ, у васъ нѣтъ фабрикъ, которыя могутъ сгорѣть.

— Скоро неимѣніе фабрикъ будетъ считаться преступленіемъ.

Только что затихшій шумъ поднялся съ новою силою. Неизвѣстно, до какого бы безобразія и скандала дошли бы почтенные старѣйшины, если бы имъ не помѣшалъ вбѣжавшій въ залу служитель Питтеръ. Блѣдный и растерявшійся, онъ шепнулъ что то на ухо оберъ-бургомистру.

Собраніе испуганно затихло.

Герръ Виллибротъ Дашъ подвѣлся съ своего мѣста и началъ хриплымъ и чуть слышнымъ отъ страха голосомъ:

— За дверью стоитъ почтенный герръ Пюцъ, хозяинъ гостиницы: «Зеленый Римлянинъ». Онъ имѣетъ сообщить намъ нѣчто въ высшей степени важное, касающееся дѣйствій демократическаго клуба. Прошу васъ, господа, выслушать эти извѣстія съ подобающимъ намъ спокойствіемъ и присутствіемъ духа. Введите сюда этого человѣка, Питтеръ!

Добродушный хозяинъ гостиницы: «Зеленый Римлянинъ», почтеннѣйшій герръ Пюцъ, вошелъ въ залу и неловко раскланялся передъ старѣйшинами города.

— Садитесь, герръ Пюцъ, задыхаясь, проговорилъ оберъ-бургомистръ, и рассказываете скорѣе.

— Скажу вамъ мало хорошаго, господа, началъ добродушнѣйшій герръ Пюцъ. Изъ всѣхъ заставъ валятъ теперь наши пріятели; ихъ всего наберется до трехъ тысячъ человѣкъ; они идутъ на рейнфельденскій замокъ, гдѣ хотятъ запариться оружіемъ; затѣмъ они разсѣются по сосѣднимъ селамъ, забьютъ

тамъ въ набатъ и соберутъ народъ. Потомъ они возвратятъ ся вмѣстѣ съ крестьянамъ въ городъ и зажгутъ его со всѣхъ четырехъ концовъ, такъ, чтобы камня на камень не осталось; все, что вздумаетъ имъ сопротивляться, они вырѣжутъ, а женщинъ и деньги подѣлятъ между собою. Да-съ, милостивые государи! Въ особенности же добираются они до общественныхъ кассъ, которыя хотятъ непременно разграбить. У меня волосъ становится дыбомъ отъ всего слышаннаго мною.

Старѣйшины переглянулись между собою; извѣстiе оказывалось хуже, чѣмъ даже они ожидали. Общая паника очень скоро возстановила между ними согласiе. Необходимыя мѣры были приняты съ изумительнымъ единодушиемъ. Рѣшено было отправить депутацію къ командру города, его сiятельству генералу Гнцкелю фонъ-Гакельбергу, и просить его немедленно запереть ворота города, а затѣмъ послать достаточно сильный отрядъ въ погоню за писургентами. Въ самомъ же городѣ были приняты слѣдующія мѣры безопасности: приказано было, чтобы съ 12 часовъ всѣ окна домовъ были освѣщены, всѣ общественныя зданія заняты войсками. Въ заключенiе, положили ревизовать всѣ общественныя кассы и перенести деньги въ другія, болѣе безопасныя мѣста, гдѣ не такъ-то легко могли бы отыскать ихъ мятежники.

Когда была наряжена депутація къ генералу Гнцкелю и приступили къ избранiю другой, долженствовавшей ревизовать кассы, старѣйшины, къ удивленiю своему, спохватились, что штадтратъ фонъ-Гогенштейнъ, пользуясь сумятицей, исчезъ изъ залы засѣданiя. Порѣшили на томъ, что штадтрату, вѣроятно, сдѣлалось дурно и онъ ушелъ втихомолку домой, не желая пугать товарищей. А потому положили послать къ нему на домъ магистратскаго служителя съ просьбою пожаловать, если это окажется возможнымъ, въ собранiе; въ противномъ же случаѣ, вручить посланному ключъ отъ кассы.

Лишь только былъ затронутъ вопросъ о ревизованiи кассы, какъ штадтратъ всталъ съ своего мѣста, незамѣтно прокрался къ двери и ниспiщно вышелъ. — Штадтратъ въ теченiя нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣлъ уже освоиться съ мыслью о самоубiйствѣ. Но, не смотря на то, онъ откладывалъ это

дѣло до рѣшительной минуты. Богъ вѣдаетъ, сколько времени остался бы еще штадтратъ въ этой печальной нерѣшимости, если бы сегодня, какъ нарочно, не собралось нѣсколько обстоятельствъ, отнявшихъ у него и послѣдній, слабый лучъ надежды. Съ утра еще онъ получилъ письмо отъ рейнфельденскаго генерала, въ которомъ дядя въ короткихъ, грубыхъ выраженіяхъ требовалъ уплаты всѣхъ суммъ, забранныхъ имъ за послѣдніе годы. Въ томъ же конвертѣ лежало письмо отъ президентши; въ немъ говорилось, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, ей и ея супругу было бы желательно считать обязательства, существовавшія между Камплюю и Вольфгангомъ, недействительными. Болѣе подробныя объясненія господину-штадтрату и его сыну президентша откладывала до болѣе удобнаго времени.

Съ этими письмами въ карманѣ, штадтратъ пошелъ въ засѣданіе ратуши. Тамъ судьба нанесла ему послѣдній, рѣшительный ударъ; партія была въ конецъ проиграна.

Задыхаясь отъ быстрой ходьбы, штадтратъ вошелъ въ свой домъ. Первый вопросъ его былъ о сынѣ. Въмѣсто отвѣта, добродушная Урсула заплакала слезами.—Добрая моя госпожа въ гробу бы перевернулась, если бы дошла къ ней туда недобрая вѣсть,—рыдала она. Наконецъ собравшись какъ-какъ съ силами, она сообщила штадтрату, что сегодня послѣ обѣда вошли къ нимъ въ домъ нѣсколько офицеровъ, перерыли все въ комнатѣ молодого барина, и что, вслѣдъ за тѣмъ, слуга Вольфганга принесъ отъ него записку, которая лежитъ на столѣ господина штадтрата.

Штадтратъ пошелъ въ свою комнату; тамъ на столѣ около зажженной лампы лежала записка отъ Вольфганга слѣдующаго содержанія: «Любезный батюшка! я арестованъ, за что—не знаю. Будь покоенъ; вѣроятно, все дѣло кончится пустяками».

— А хорошо, что Вольфганга нѣтъ, подумалъ штадтратъ; теперь надо сбыть съ рукъ Урсулу; не послать ли ея на гаушвахту?—чтобы сбѣгать туда и возвратиться назадъ, не надобится, по крайней мѣрѣ, часть времени.

Онъ написалъ сыну нѣсколько словъ—первыя, которыя

пришли ему въ голову; когда дошло до выраженія: «прощай, мой милый сынъ», онъ было задумался, но время было дорого, некогда было обдумывать выраженія. Онъ поспѣшно отдалъ Урсулѣ письмо и почти вытолкнулъ ее изъ дому. — Штадтратъ заперъ за нею двери и заложилъ ихъ запоромъ; потомъ отправился въ свой кабинетъ и заперся въ немъ на ключъ. Наконецъ-то онъ былъ одинъ.

Онъ вынулъ пистолеть, пощупалъ шомполомъ на мѣстѣ ли пуля и, убѣдившись, что все въ порядкѣ, снялъ пистонъ и надѣлъ другой, свѣжій. Окончивъ эти приготовленія, онъ опустился въ мягкое кресло и съ усмѣшкой обвелъ глазами великолѣпное убранство комнаты.

Сильный стукъ въ дверь заставилъ его быстро вскочить на ноги. Онъ схватился за пистолеть, — сердце его страшно билось...

Вотъ снова и громче прежняго раздался стукъ.

Онъ хорошо понималъ, что означаетъ этотъ стукъ; ему казалось, что онъ видитъ за дверью директора полиціи и сыщиковъ. Ему представлялось, что его уже ведутъ, какъ арестанта, къ ратушѣ; вотъ вводятъ его въ ту самую залу, въ которой онъ еще такъ недавно засѣдалъ, какъ равный между равными...

Стукъ послышался снова.

Онъ приставилъ дуло пистолета къ виску — и черезъ мгновеніе на великолѣпномъ коврѣ, взятомъ въ долгъ, валялся обезображенный трущъ одного изъ фонъ-Гогенштейновъ.

XV.

Первые часы своего заключенія Вольфгангъ провелъ въ сильно возбужденномъ душевномъ состояніи. Его мучило сознаніе, что его не безъ основанія могутъ упрекнуть въ двусмысленномъ поведеніи; что онъ не въ правѣ былъ стать въ положеніе, которое вело прямо въ разрѣзъ съ его образомъ мыслей. Что онъ могъ отвѣтить на такого рода упрекъ?

Краска стыда кинулась въ лицо молодого человѣка. Онъ вскочилъ съ своего мѣста и быстро зашагалъ по своей тѣс-

ной коморкѣ. Воображеніе его работало все сильнѣе; онъ видѣлъ себя передъ судьями и принялся сочинять свою защитительную рѣчь. Но тутъ онъ вспомнилъ, что этимъ не много сдѣлаешь, что великолѣпная рѣчь Дегенфельда только раздразила судей.

Чего бы онъ не далъ въ эту минуту, чтобы имѣть возможность стать за великое дѣло и отдаться ему и тѣломъ, и душою. — О, Мюнцеръ, Дегенфельдъ, плохой вы мнѣ дали совѣтъ, вы взяли себѣ львиную долю, а мнѣ кинули обглоданную кость!

Звонъ отпираемаго замка заставилъ Вольфганга очнуться. Дверь осторожно отворилась и въ комнату вошелъ унтеръ-офицеръ Рюхель.

— Это вы, Рюхель? съ живостью воскликнулъ Вольфгангъ, хватая его за руку.

— Тише, господинъ лейтенантъ! эти стѣны имѣютъ уши.

— Угодно вамъ уйдти отсюда?

— Вотъ вопросъ, отвѣчалъ Вольфгангъ.

— То есть... я хотѣлъ спросить, готовы ли вы сами сдѣлать что нибудь для своего освобожденія?

— Все, что только будетъ въ человѣческихъ силахъ.

— Въ такомъ случаѣ, будьте готовы; въ десять часовъ демократическій клубъ предпринимаетъ рѣшительное дѣло; дальше я вамъ ничего не могу сказать. Я еще долженъ буду принести вамъ ужинъ въ присутствіи юнкера, въ отвращеніе всякаго подозрѣнія; вы попросите его, чтобы онъ послалъ къ вамъ на домъ за вашими вещами. Въ десять часовъ я опять приду. Будьте готовы.

И унтеръ-офицеръ Рюхель осторожно вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, Вольфгангъ пережилъ нѣсколько мучительныхъ часовъ. Всего ужаснѣе казалось ему уйдти, не простившись съ Оттилиєю. Если бы у него еще оставалась хотя тѣнь сомнѣнія относительно того чувства, которое онъ къ ней питалъ, то тѣнь эта разсѣялась бы теперь. Размышленія его были прерваны приходомъ его двоюроднаго брата, юнкера Одо, и унтеръ-офицера Рюхеля. Первый освѣдомился, не имѣетъ ли заключенный какихъ-либо исполнимыхъ желаній,

второй подалъ ужинъ. Вольфгангъ попросилъ своего двоюроднаго брата, глупое лицо котораго смотрѣло въ эту минуту по возможности еще глупѣе, отослать незалечатанное письмо къ его отцу и приказать кому нибудь принести ему бѣлье и нѣкоторыя необходимыя вещи, обозначенныя въ другой запискѣ. Двоюродный братецъ Одо нашелъ это желаніе весьма исполнимымъ и удаллся въ сопровожденіи своего спутника, который не преминулъ обидѣсь какъ можно грубѣе съ заключеннымъ.

Когда Вольфгангъ остался одинъ, онъ попробовалъ было поужинать, но невкусенъ ему показался арестантскій хлѣбъ. Утомленный безпрерывной ходьбою, онъ прилегъ на кровать и скоро крѣпко заснулъ.

Его разбудило прикосновеніе чьей-то руки; онъ вскочилъ; кругомъ было совершенно темно, голосъ унтеръ-офицера Рюхеля проговорилъ ему на ухо:

— Пора, намъ надо уходить; вы готовы?

— Да.

— Дайте мнѣ вашу руку, да смотрите, ступайте осторожно!

Изъ двери они вышли въ узкій, темный корридоръ. Въ концѣ этого корридора Рюхель отперъ дверь и они вышли на небольшой дворъ, а оттуда длиннымъ, круглымъ ходомъ на валь бастиона.

— Ну, теперь живѣй махните черезъ валь, и бѣгомъ вплоть до изгороди, шеннулъ Рюхель.

Они вскарабкались на довольно крутой валь и тихо спустились по другой его сторонѣ до частой изгороди, отдѣлявшей валь отъ широкаго и глубокаго рва. Они пробѣжали вдоль изгороди шаговъ сто и добрались до открытаго мѣста, гдѣ былъ привязанъ маленькій челнокъ.

— Если намъ удастся счастливо пробраться черезъ ровъ, сказалъ Рюхель, тогда, труднѣйшее будетъ сдѣлано. На худой конецъ, можно намъ позволить и выстрѣлить по насъ. Но, пока еще солдатикъ соберется выстрѣлить, мы успѣемъ пробраться.

Случилось пменно такъ, какъ предсказывалъ Рюхель. Какъ

ни старались они быть осторожными при отвязываніи цѣпи, на которой держалась лодочка, все же имъ не удалось это сдѣлать безъ нѣкотораго шума. Ближайшій часовой былъ молодой малый, а потому строго придерживался буквы своей инструкціи. Онъ подошелъ къ краю вала и взглянулъ внизъ. Къ счастью, часовой былъ въ этомъ мѣстѣ очень высокъ, такъ что лодка могла пройти совершенно незамѣченною одну треть рва.

— Кто тамъ? окликнулъ часовой.

— Гребите спѣше, господинъ лейтенантъ; проговорилъ Рюхель, сидѣвшій у руля.

— Кто тамъ? раздалось снова.

Грянулъ выстрѣлъ и пуля врѣзалась въ воду подъ кормою лодки.

— Ура! закричалъ Рюхель, кидая вверхъ свою шапку; пока онъ снова зарядитъ свое ружье, мы уже будемъ на томъ берегу.

Они благополучно достигли противоположнаго берега и пустились бѣжать черезъ небольшой мѣсокъ. Рюхель схватилъ Вольфганга за руку.

— Я здѣсь лучше знаю дорогу, сказалъ онъ; намъ надо добраться до мѣста, гдѣ насъ поджидаетъ Каіусъ.

Въ концѣ рощицы они достигли лежанки, на которой было разставлено нѣсколько скамеекъ для гуляющихъ. На встрѣчу къ нимъ шелъ какой-то мужчина. Это былъ Каіусъ; въ рукахъ у него былъ узелокъ.

— Что это, какъ вы поздно, Рюхель, сказалъ онъ своимъ обычнымъ, суровымъ тономъ; опоздай вы еще пять минутъ и вы не нашли бы меня здѣсь.

— Раньше нельзя было, душа моя, возразилъ Рюхель.

— Намъ надо будетъ очень спѣшить, чтобы догнать остальныхъ, ворчалъ Каіусъ; переодѣвайтесь же скорѣе, сударь!

Говоря это, Каіусъ уже успѣлъ развязать узелокъ и вынуть платье.

— Это ваши собственныя платья, сказалъ онъ лейтенанту, я перехватилъ ихъ у вашего денщика. А вотъ это вамъ, Рюхель. Переодѣваніе продолжалось не долго; затѣмъ Рюхель

взлѣзъ на скамейку и повѣсилъ солдатское платьѣ на ближайшій сучокъ.

Въ эту самую минуту изъ форта грянула пушка.

— Ну, теперь шутки въ сторону, проговорилъ Рюхель, валий во всѣ лопатки.

Всѣ трое поспѣшили выбраться изъ лѣса на узенькую тропинку, которая вела въ поле. Тутъ Каіусъ взялъ на себя должность проводника и повелъ своихъ спутниковъ къ рѣкѣ, дойдя до которой, они взяли вдоль берега.

Дорогою Рюхель разсказалъ Вольфгангу, какими судьбами ему удалось способствовать его бѣгству; о предполагавшемся взятіи форта и о своемъ собственномъ участіи въ этомъ планѣ, Рюхель упомянулъ лишь вскользь, боясь, чтобы Вольфгангъ все-таки не взглянулъ на его поступокъ глазами офицера.

— Если бы не вашъ деньщикъ, продолжалъ онъ, намъ не такъ-то легко было бы васъ выручить; когда онъ пошелъ за вашимъ платьемъ, я сунулъ ему записочку къ Каіусу, въ которой писалъ, что вы подъ арестомъ и что если дѣло съ крѣпостью не пойдетъ на ладъ—то пускай онъ ожидаетъ насъ на лужайкѣ и сведетъ насъ къ господамъ членамъ демократическаго клуба.

— Но куда же вестъ насъ Каіусъ? спросилъ Вольфгангъ.

— Я имѣю приказаніе отъ гг. Мюнцера и Дегенфельда свести васъ къ нимъ, отвѣчалъ Каіусъ, конечно, если вы сами того пожелаете.

— Нечего и говорить, что я желаю, отозвался Вольфгангъ; куда же мы направляемся?

Каіусъ назвалъ городъ, на помощь которому двинулись инсургенты.

— Но гдѣ же мы возьмемъ оружіе? спросилъ Вольфгангъ.

— По дорогѣ мы думаемъ заготовить имъ, отвѣчалъ Каіусъ.

Больше этого отъ него нельзя было добиться ни слова. Всѣ три спутника шли молча; сталъ накрапывать дождь.

— Темнота была намъ на руку, началъ Рюхель, а уже дождикъ,—слуга покорный; если онъ этакъ пробарабанитъ еще часикъ, то отъ 200 молодыхъ едва ли и 20 останется.

— Скажите, спросилъ Вольфгангъ, гдѣ же вы здѣсь по дорогѣ хотите запасть оружіемъ?

— Въ Рейфельденѣ, въ коллекціи вашего дѣда, отвѣчалъ Каіусъ.

— Кто подалъ эту мысль? воскликнулъ Вольфгангъ.

— Я, спокойно отозвался Каіусъ.

— Да вамъ не отдадутъ ихъ добровольно.

— Такъ возьмемъ силою.

Вольфгангъ смѣшался и замолчалъ. Ему сильно не хотѣлось встрѣчаться при этихъ обстоятельствахъ съ дѣдомъ, быть можетъ, даже и съ Камиллою и ея матерью. Но раздумывать было некогда, они были уже близъ самаго замка.

— Вы здѣсь лучше знаете дорогу, господинъ лейтенантъ; не проведете ли вы насъ? спросилъ Каіусъ.

— Идите за мной, съ рѣшимостью отвѣчалъ Вольфгангъ.

У воротъ замка ихъ окликнулъ часовой.

— Свобода! сказалъ Каіусъ.

— Проходите себѣ! отвѣчалъ часовой.

— Какъ идутъ дѣла? спросилъ Каіусъ.

— Плохо; половина осталась дома, а другая половина разбѣжалась по дорогѣ.

— Такъ и зналъ, проворчалъ Каіусъ, планъ этотъ съ самаго начала вѣкуда не годился.

Они вошли во дворъ замка. Странное зрѣлище представилось ихъ глазамъ: толпа людей, человекъ въ пятьдесятъ, дѣлила между собою оружіе подъ предсѣдательствомъ Мюнцера.

— Хорошо, что ты здѣсь, Вольфгангъ, сказалъ Мюнцеръ, пожимая ему руку, хотя наши дѣла и идутъ изъ рукъ вонъ плохо. Молодцы наши, того и гляди, что разбѣгутся; Дегенфельдъ по пустому теряетъ время, отбирая лучшее оружіе. Поди къ нему и скажи, пожалуйста, что я прошу его поторопиться; намъ надо скорѣе убираться отсюда.

Вольфгангъ вошелъ въ широкія сѣни, а оттуда въ узкій и длинный корридоръ. По дорогѣ ему, то и дѣло, попадались люди, выносившіе оружіе; онъ сталъ торопить ихъ, но ему отвѣчали съ насмѣшливымъ хохотомъ: настоящая-то потѣха только теперь начнется!—Когда онъ вошелъ въ залу, къ нему долетѣ-

ли изъ комнаты генерала крики женщинъ и брань мужчинъ. Ему показалось, что сквозь шумъ ему слышится голосъ Дегенфельда. Вольфгангъ поспѣшно отворилъ дверь.

Дегенфельдъ стоялъ спиною къ взломанному письменному столу генерала, въ правой рукѣ онъ держалъ пистолеть и цѣплялся имъ въ кучку молодцовъ, которые, подъ предводительствомъ слесаря Кристофа Ункеля, наступали на него съ бѣшенными проклятіями. Разбросанныя по полу драгоценности свидѣтельствовали, что Дегенфельдъ вошелъ въ самый разгаръ грабежа.

У окна сидѣлъ въ своемъ креслѣ старый генералъ, закутанный въ теплый халатъ, около него стояли съ заплаканными лицами президентша и Камилла. Жизнь Дегенфельда подвергалась серьезной опасности. Не только Ункель, но и его сотоварищи были вооружены; по ихъ лицамъ и тѣлодвиженіямъ ясно было видно, что они рѣшились обогатить оружіе въ крови своего предводителя.

— Бейте его! исповествовалъ Ункель; такъ мы и позволимъ ему вольничать надъ нами! Прочь отъ женщинъ, а то мы вамъ проломимъ голову!

— Спасите, помогите! вопила президентша. Герръ фонъ-Дегенфельдъ, ради самого Бога, защитите насъ!

Вольфгангъ въ одну минуту выхватилъ ружье изъ рукъ близъ-стоявшаго дѣтныи и сталъ рядомъ съ Дегенфельдомъ.

— Назадъ! закричалъ онъ.

— Вотъ еще послышался чей-то голосъ изъ толпы: бей и его!

Поднявъ лѣвою рукою голову, Ункель ринулся на Дегенфельда. Дегенфельдъ выстрѣлилъ. Ункель грянулся мергвымъ. Всѣ другіе бросились вонъ изъ комнаты. Дегенфельдъ нагнулся надъ трупомъ и приподнял одну изъ этихъ могучихъ рукъ, но та, какъ плеть, снова упала на полъ.— Охъ самъ хотѣлъ этого! пробормоталъ Дегенфельдъ.— Потомъ, обратившись къ Вольфгангу, онъ продолжалъ: возьмите женщинъ подъ свое покровительство, любезный другъ, а мнѣ надо спѣшить къ Мюнцеру. До свиданія!

Онъ кивнулъ головою и вышелъ изъ комнаты. Вольфгангъ

подошелъ къ дѣду и спросилъ его, можетъ ли онъ дойти до сосѣдней комнаты.

Старшкъ безсмысленными глазами поглядѣлъ на Вольфганга и машинально протянулъ къ нему свои костлявыя руки. Крѣпко обхвативъ старика, Вольфгангъ довелъ его до сосѣдней комнаты, гдѣ посадили его въ кресло. Президентъ и Камилла послѣдовали за нимъ.

— Это ты, голубчикъ, проговорилъ старшкъ, только теперь узнавая Вольфганга; да, да, это онъ! Что же вы-то мнѣ наврали про него, бабѣ проклятое! Я всегда говорилъ, что онъ любитъ своего стараго дѣда!

Президентша опустила на стулъ и протянула къ Вольфгангу свои жирныя руки, будто моля его о пощадѣ; Камилла бросилась къ нему на шею.

— Милый Вольфгангъ! воскликнула она, простишь ли ты меня?

Вольфгангъ успѣшилъ высвободиться изъ этихъ объятій.

— Извините, проговорилъ онъ холодно, вы ошибаетесь.

— Любезный сынъ! неужели вы все еще сердитесь? протопала президентша.

— Освободи меня отъ этихъ проклятыхъ бандитовъ, воскликнулъ генераль, и красавица будетъ твоею; я заставлю ее спровадить къ чорту проклятую лисцу, медицинальрата.

— Какъ мнѣ ни грустно, возразилъ Вольфгангъ, но я долженъ всѣхъ васъ вывести изъ заблужденія. Я самъ принадлежу къ этимъ бандитамъ, хотя, какъ вы могли сейчасъ убѣдиться, ни я, ни герръ фонъ-Дегенфельдъ не считаемъ грабежъ своимъ призваніемъ. Я только что вырвался изъ тюрьмы; вѣдь вы едва ли, Фрейлейнъ, пожелаете выдти замужъ за дезертера?

— О Боже! воскликнула президентша, онъ хочетъ насъ погубить!

Камилла кинулась къ матери и скрыла свое красивое лицо на ея груди.

— Это вы довели его до этого, проклятая баба, проговорилъ генераль.

— Дамы тутъ ни при чемъ, возразилъ Вольфгангъ, я осво-

бождаю фрейленъ Камиллу отъ всякихъ обязательствъ относительно меня. — Но позвольте прекратить эту тягостную сцену, мнѣ нужно возвратиться къ моимъ товарищамъ.

Въ это мгновеніе раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, потомъ грянулъ цѣлый залпъ.

Вольфгангъ кинулся черезъ переднюю комнату, въ которой валялся на коврѣ трупъ Уккеля, въ залъ. Здѣсь его встрѣтилъ Рюхель.

— Слава Богу, что я васъ нашелъ! воскликнулъ онъ, намъ не добраться до двора, они слѣдуютъ за мною по пятамъ.

Мѣрные шаги солдатъ, раздававшіеся по корридору, подтвердили эти слова. Остался только одинъ исходъ: кинуться черезъ стеклянную дверь въ паркъ. Вольфгангъ съ Рюхелемъ бросился къ ней; нѣсколько пуль просвистало имъ въ догонку.

— Гдѣ наши? спросилъ Вольфгангъ, добѣжавъ до пруда.

— Богъ ихъ вѣдаетъ, отвѣчалъ Рюхель, мы разбиты въ прахъ.

— Намъ надо отыскать ихъ, отвѣчалъ Вольфгангъ.

— Я всюду пойду за вами, отвѣчалъ Рюхель.

Выстрѣлы, которые раздавались сперва на дворѣ, слышались теперь съ правой стороны парка, по направленію къ виноградникамъ, залегавшимъ между паркомъ и деревнею.

— Иди за мной! сказалъ Вольфгангъ, я знаю кратчайшій путь.

Они не успѣли пройти и пятидесяти шаговъ, какъ съ правой стороны по нимъ дали залпъ изъ нѣсколькихъ ружей. Они кинулись въ лѣво, но и съ этой стороны посыпались выстрѣлы. На ихъ счастье, ихъ защищала непроглядная темь.

— Они оцѣпили замокъ, прошепталъ Рюхель. Надо прокрасться сквозь цѣпь.

Они прилегли къ землѣ и осторожно поползли къ разрушенному павильону, стоявшему невдалекѣ отъ нихъ, по серединѣ лужайки. Въ это время мѣсяцъ ярко освѣтилъ полянку и заигралъ на полусотнѣ штыковъ. Пока они обдумывали, что имъ дѣлать, перестрѣлка снова началась въ виноградникахъ, и живѣе прежняго; затѣмъ послышался сигналъ къ сбору.

— Намъ надо остаться спокойно на мѣстѣ, прошепталъ

Рюхель, можетъ быть, они пройдутъ мимо, не замѣтивъ насъ.

— Мнѣ кажется, возразилъ Вольфгангъ, намъ надо проползти подальше краемъ поляны; тамъ, неподалеку въ оградѣ парка, есть маленькая калитка, вся заросшая кустарникомъ; ее едва ли кто знаетъ.

— Идетъ! отвѣтилъ Рюхель.

Имъ уже удалось благополучно доползти до края луга, какъ вдругъ они наткнулись на патруль, который, слышавъ трескъ сухихъ сучьевъ, принялъ ихъ за смѣну своихъ.

— Намъ надо пробиться, прошепталъ Вольфгангъ.

— И это идетъ! возразилъ Рюхель.

— Стой! кто идетъ? крикнулъ начальникъ патруля.

— Свои! крикнулъ Вольфгангъ и, вскочивъ на ноги, выхватилъ ружье изъ рукъ испуганнаго и оторопѣвшаго солдата. Рюхель кинулся на другого. Произошла схватка. Отчаяніе придало имъ силы; они пробились сквозь патруль и счастливо достигли калитки. Но имъ невозможно было скользнуть въ нее незамѣченными, за ними слѣдовали по пятамъ. За стѣною парка до самой деревни мѣстность была открытая и не представляла имъ никакой защиты; положеніе ихъ стало еще хуже прежняго. Не успѣли они пробѣжать и полдороги, какъ солдаты уже начали выходить изъ калитки. Со стороны деревни послышался барабанъ. Спаситься было некуда.

— Пускай ихъ нагоняютъ насъ, проговорилъ Вольфгангъ, останавливаясь; постараемся продать нашу жизньъ какъ можно дороже.

— И это идетъ! возразилъ Рюхель.

Вдругъ изъ полуразрушившейся стѣны, служившей когда-то деревенскою оградой и поросшей теперь кустарникомъ, вышла какая-то фигура и стала передъ Вольфгангомъ.

— Это я, Бальтазаръ, послышался мягкій голосъ, слѣдуйте скорѣе за мною, молодой человѣкъ; идите и вы съ нами, я ручаюсь, что никто васъ не тронетъ.

Бальтазаръ взялъ Вольфганга за руку и увлекъ его въ кусты, Рюхель шелъ за ними слѣдомъ.

— Становитесь теперь на колѣни и смѣло ползите за мною, сказалъ Бальтазаръ.

Они поползли на четверенкахъ въ расщелину стѣны; Вольфгангъ съ трудомъ подвигался впередъ, ему мѣшала ширина его плечъ; положеніе Рюхеля было тоже незавидно, онъ то ворчалъ, то острлялъ надъ ихъ отчаяннымъ положеніемъ.

— Стойте! сказалъ Бальтазаръ, здѣсь будетъ лѣстница о десяти ступеняхъ,—и онъ первый полѣзъ впередъ.

Теперь имъ можно было выпрямиться во весь ростъ; Бальтазаръ зажегъ небольшой фонарь. Они находились среди каменнаго хода, который, извиваясь круто, поднимался къ желѣзной двери. Бальтазаръ отперъ эту дверь и, какъ только они вошли въ нее, опять тщательно заперъ—заложилъ ее болтомъ. Они очутились теперь среди просторнаго, темнаго погреба; изъ него узенькая и крутая лѣстница привела ихъ въ башню, коротко уже знакомую Вольфгангу. Подъемная дверь, которою они взошли, на крѣпко захлопнулась; Бальтазаръ поставилъ фонарь на столъ, взявъ Вольфганга за обѣ руки и съ искреннимъ радушіемъ привѣтствовалъ его въ своемъ убѣжищѣ.

— Не говорилъ ли я вамъ, что придетъ время, когда я укрою васъ отъ опасности въ этой башнѣ? Какъ странно сбылся мой слова!

И онъ съ трогательною заботливостію принялся хлопотать о своихъ гостяхъ. Онъ принесъ толстое, но безукоризненно чистое бѣлье; убралъ со стола книги, принеся масла, хлѣба, сыру и бутылку вина; пока наши герои утоляли свой голодъ, онъ постлалъ имъ постель, и молодые люди, измученные происшествіями этого вечера, заснули богатырскимъ сномъ.

XVI.

Проснувшись на слѣдующее утро, Вольфгангъ долго не могъ опомниться гдѣ онъ; мало по малу происшествія вчерашняго дня выяснились въ его воспоминаніи. Онъ всталъ съ постели и началъ приводить, по возможности, въ порядокъ свое платье. Бальтазаръ позаботился еще наканунѣ чтобы, у нихъ ни въ чемъ не было недостатка: онъ поставилъ купшинъ съ водою, умывальный тазъ и рядомъ съ нимъ повѣсилъ чистое полотенце. На столѣ стоялъ готовый завтракъ

одною полною бутылкой съ виномъ лежала записка, въ которой четкимъ и красивымъ почеркомъ учителя было написано и ушелъ на реконвасцировку и возвращусь, быть можетъ, только къ вечеру. Займитесь пока осматриваніемъ батини, но избѣгайте всякаго шума. Войска еще не ушли. До свиданія, добрый молодой господынь!

Шорохъ, который невольно производилъ Вольфгангъ при одѣваніи, разбудилъ Рюхеля. Онъ сѣлъ на свою жесткую постель, протеръ глаза, съ удивленіемъ поглядѣлъ вокругъ себя, но потомъ вдругъ вскочить на ноги и весело сказать Вольфгангу: — добраго утра, господинъ лейтенантъ!

Рюхель очень быстро одѣлся и охотно послѣдовалъ приглашенію Вольфганга сѣсть съ нимъ за завтракъ. Вольфгангу еще многое надо было разузнать отъ своего освободителя; Рюхель охотно отвѣчалъ на всѣ его вопросы съ обыкновенною своею откровенностью.

— Я съ самаго начала, заговорилъ онъ, считать васъ, господинъ лейтенантъ, за добраго человѣка; вы мнѣ нравитесь больше всѣхъ офицеровъ въ полку, не исключая даже фонъ-Дегенфельда, къ которому, хотя онъ и былъ всегда очень добръ къ намъ, все какъ-то не такъ лежало сердце. Вѣрьте или нѣтъ, но васъ такъ любили у насъ, что всѣ мы готовы были идти за васъ въ огонь и воду.

Вольфгангъ спросилъ Рюхеля, давно ли онъ знакомъ съ Кауусомъ?

— Я съ нимъ познакомился прошлою зимою. Онъ приходилъ иногда вечеромъ въ кабачокъ «чѣрнаго медвѣдя», гдѣ всегда собиралось много изъ нашихъ, подсаживался къ намъ и заводилъ рѣчь объ Америкѣ, гдѣ онъ долге жель, объ индѣйцахъ, буйволовоу охотѣ, о Калифорніи и т. п. Когда мы всѣ его, бывало, заслушаемся, развѣсивъ уши, онъ начиналъ говорить объ американской конституціи, и какъ тамъ у нихъ хорошо; тамъ, говорилъ онъ, люди имѣютъ все то, чего намъ не достаетъ въ Европѣ; всякій, вишь, американскій урочепецъ можетъ сдѣлаться президентомъ, если только годова у него на мѣстѣ. Мнѣ эти рассказы очень полюбились; мнѣ всегда хотѣлось жить свободно и весело, и сбдѣломъ то я сдѣлался

собственно потому, что думалось: такъ жить будетъ все-таки вольготнѣе, чѣмъ строгаючи доски — вѣдь я, господинъ лейтенантъ, столяръ по ремеслу, но оказалось, что я ошибся: при теперешнемъ военномъ положеніи ничего-то солдату хорошаго не дождаться.

Далѣе Рюхель разсказалъ, какъ Каіусъ мало по малу открылся ему въ своихъ плавкахъ, а черезъ него вошелъ въ сношенія съ остальными, такъ, что въ цѣломъ баталіонѣ не оставалось и шести унтеръ-офицеровъ, которые не были бы съ нимъ за одно; въ продолженіе всѣхъ этихъ переговоровъ имя Вольфганга стояло на первомъ планѣ; Каіусъ говорилъ, что онъ дѣйствуетъ не отъ своего лица, а по приказанію лейтенанта фонъ-Гогенштейна.

Вольфгангъ не мало удивился, когда узналъ, какую роль играло его имя въ этомъ движеніи. Онъ догадался, что Каіусъ не стѣснялся злоупотреблять его именемъ, какъ истый фанатикъ, которому всякое средство кажется дозволеннымъ для достиженія задуманной цѣли.

Пока молодые люди разговаривали такимъ образомъ, вдругъ вблизи ихъ раздался барабанный бой. Ихъ первую мыслью было, что убѣжище ихъ открыто; но, прислушавшись, они убѣдились, что звукъ далеталъ къ нимъ со двора. Солдаты расположились на деревенской улицѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ ихъ башни; до нихъ далетали даже отрывки солдатскихъ разговоровъ. Имена Вольфганга и Рюхеля не разъ упоминались въ этихъ разговорахъ; ихъ, какъ видно, успѣли узнать при вчерашней стычкѣ съ патрулемъ.

День прошелъ для заключенныхъ гораздо скорѣе, чѣмъ они ожидали. Рюхель болталъ и острилъ безъ умолку. По желанію Вольфганга, онъ подробно разсказалъ исторію своей жизни, — и что же это была за пестрая смѣсь добродушія и легкомыслія!

Къ вечеру въ башнѣ начало темнѣть; сильный вѣтеръ, стономъ ходилъ по старому зданію и, завывая, врывается въ узкія щели, продѣланныя въ верхней части башни вмѣсто оконъ. Въ заключеніе пошелъ сильный дождь.

Лишь только начало темнѣть, Рюхель приготовилъ для Вольфганга постель. Самъ онъ расположился на голомъ полу, завернувшись въ старую шпатель Бальтазара и подложивъ себѣ подъ голову нѣсколько толстыхъ фоліантовъ.

Вольфгангъ долго лежалъ, но не могъ заснуть; онъ прислушивался къ шуму дождя и другимъ ночнымъ звукамъ, проснувшимся въ башнѣ; подъ поломъ крысы подняли страшную бѣготню; порою Вольфгангу казалось, что онъ слышитъ какой-то свистъ, но то ночныя птицы порхали между развалинъ.

Вдругъ ему послышался легкій шумъ подъ поломъ; ему казалось, что кто-то идетъ по лѣстницѣ, ведущей въ башню. Онъ вскочилъ на ноги; въ то же мгновеніе изъ щелей подъемной двери показался слабый свѣтъ; вслѣдъ затѣмъ Бальтазаръ поднялся въ комнату. Вольфгангъ радостно кинулся къ нему на встрѣчу.

— Вотъ я и воротился къ вамъ, мой добрый молодой баринъ, говорилъ Бальтазаръ, крѣпко пожимая протянутыя ему руки; вы, я думаю, сильно соскучились, но дѣлать было нечего, мнѣ нужно было дожидаться вечера, чтобы въ темнотѣ уйдти изъ города, а дорога сюда дальняя.

— Развѣ вы были въ городѣ? спросилъ Вольфгангъ.

— Конечно, возразилъ Бальтазаръ, снимая съ плечъ дорожную сумку; мнѣ казалось, что вамъ будетъ пріятно, если ваши родные въ городѣ узнаютъ, что вы въ безопасности, вотъ я и отправился туда къ моему старому другу, Кебесу.

— А вы его тоже знаете?

— Знаю уже лѣтъ 25, съ той самой поры, какъ онъ служилъ кучеромъ у стараго генерала.

— Рассказывайте скорѣе! торопилъ Вольфгангъ, вы навѣрное слышали что нибудь о моемъ отцѣ, можетъ быть, даже говорили съ нимъ?

Бальтазаръ отвернулся къ столу, такъ что Вольфгангъ не могъ разглядѣть его лицо, и отвѣчалъ:

— Видѣть мнѣ его не пришлось, но, на сколько мнѣ извѣстно, онъ поживаетъ по добру, по здорову. Кебесъ ходилъ по городу и многое разузналъ; я вамъ сейчасъ все расскажу, только позвольте мнѣ переодѣться, я промокъ до костей.

Черезъ нѣсколько минутъ они сѣли къ столу и Бальтазаръ началъ: переговоримте обо всемъ теперь, пока вашъ спутникъ спитъ. Но сперва позвольте передать вамъ эту сумку и все, что въ ней;—это гостинецъ отъ вашихъ родственниковъ.

Вольфгангъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Бальтазара, который, улыбаясь, продолжалъ: да! да! я и тамъ побывалъ, потому что узналъ отъ Кебеса, что вы тамъ свой человекъ. Герръ Шмицъ непремѣнно хотѣлъ самъ придти съ вами проститься, но я отговорилъ его и онъ меня послушался. Онъ имѣетъ вамъ поклонъ, а въ придачу вотъ это письмо и пачку съ деньгами.

Вольфгангъ торопливо развернулъ коротенькую, незапечатанную записку и прочелъ слѣдующее:

«Любезный Вольфгангъ! Событія неудержимо влекутъ тебя въ свой водоворотъ. Я предвидѣлъ, что это такъ будетъ. Ты одинъ изъ тѣхъ людей, которые идутъ своей дорогой и, рано или поздно, выходятъ на надлежащій путь. Ты знаешь, я принимаю въ судьбѣ твоей живѣйшее участіе; въ этотъ торжественный часъ я имѣю право сказать тебѣ: что я люблю сына моей Маргариты, какъ своего собственнаго; я пожурилъ бы тебя, если бы менѣ гордился тобою.»

Петръ Шмицъ.

Когда Вольфгангъ, прочитавъ это письмо, спряталъ его въ боковой карманъ, глаза его были влажны отъ слезъ.

— А вотъ, сказалъ Бальтазаръ, кольцо. Та, которая дала мнѣ его, сказала, что вы сами узнаете отъ кого оно; а это, что спрятано въ мѣшкѣ,—платье, бѣлье и другія принадлежности; ихъ положила сюда, оплававъ каждую вещьцу, та почтенная дама, которую вы называете тетужкой Беллой. Вотъ и всѣ хорошія извѣстія, остальные изъ рукъ воиъ плохи. Экспедиція, какъ вы сами того опасались, имѣла самый плачевный исходъ: толпу разогдали, многихъ похватили и засадили въ тюрьму, многихъ убили и только очень немногіе спаслись. Изъ послѣднихъ принадлежатъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, докторъ Мюнцеръ и Дегенфельдъ. Намъ ничего больше не остается

дѣлать, какъ приняться за выполненіе вашего плана: идти на югъ и стараться прикннуть къ революціонной арміи.

— Намъ, говорите вы? перебилъ Вольфгангъ, кладя руку на плечо учителя. И вы, стало быть, хотите принять участіе въ этой отвратительной борьбѣ, вы, который съ такимъ отвращеніемъ смотрите на кровавое ремесло войны?

— Я хочу только идти съ вами, возразилъ Бальтазаръ. Я не могу и не хочу драться, но въ военное время мало ли бываетъ дѣла, до котораго недосугъ бойцамъ; этому-то дѣлу я и хочу посвятить себя. Да и кромѣ того, меня и еще кое-что выживаетъ изъ моего убѣжища.

Бальтазаръ придвинулся еще ближе къ Вольфгангу и прошепталъ:—эта страшная женщина выпущена сегодня изъ тюрьмы и непременно придетъ сюда въ деревню. Одна мысль, что она опять будетъ въ непосредственной со мною близости, была для меня невыносима. Я непременно долженъ бѣжать отсюда; возьмите меня съ собою!

— Отъ души радъ идти съ вами, сказалъ Вольфгангъ, пожимая протянутую руку.

— Захватите же и меня съ собою, господинъ лейтенантъ, сказалъ Рюхель, который успѣлъ проснуться подъ конецъ этого разговора.

— Отъ души буду радъ, отвѣчалъ Вольфгангъ, протягивая ему другую руку.

— Намъ пора бы и въ путь, сказалъ Бальтазаръ; мѣсяцъ теперь зашелъ, а до восхода солнца намъ надо быть далеко отсюда.

— Я готовъ, сказалъ Вольфгангъ.

— И я тоже, сказалъ Рюхель.

ХVII.

Было прекрасное дѣтнее утро, когда наши путешественники достигли до подошвы горнаго хребта.

— Здѣсь просто рай, воскликнулъ Рюхель, растянувшись во всю длину подъ тѣнью высокихъ деревьевъ.

— Это, должно быть, Эбербургъ, сказалъ Вольфгангъ, ука-

зывая на развалины замка, украшавшія по другую сторону рѣки вершину одного изъ холмовъ.—Вы какъ думаете?

— Больше нечему и быть, какъ Эбербургу, отвѣчалъ Бальтазаръ.

— А хорошо бы, кабы мы уже были тамъ. Ничего нѣтъ мудренаго, что регулярныя войска разставили свои форпосты по рѣкѣ вплоть до горъ. Если встрѣтившійся намъ охотникъ говорилъ правду, что Эбербургъ вотъ уже восемь дней, какъ занятъ инсургентами, то намъ надо готовиться къ встрѣчѣ съ нашими друзьями.

— Не лучше ли намъ дожидаться ночи для переправы черезъ рѣку? замѣтилъ Бальтазаръ.

— Если мы станемъ дожидаться ночи, возразилъ Вольфгангъ, то мы подвергаемся опасности встрѣтить въ Эбербургѣ, вмѣсто друзей, нашихъ враговъ. Объ этомъ надо хорошенько подумать, тѣмъ болѣе, что надо же вздохнуть намъ немного. Я наблюдалъ за Рюхелемъ, онъ еле волочить ноги отъ усталости, да и намъ не худо присѣсть послѣ пятичасовой ходьбы.

— Ну-съ, на чемъ порѣшили господа? спросилъ Рюхель.

— Хотимъ сдѣлать небольшой привалъ.

— Да и большой не мѣшало бы, сказалъ Рюхель, потягиваясь на травѣ. Я усталъ какъ собака, теперь это можно сказать.

— Бѣдный малый! сказалъ Вольфгангъ. Лежите, не вставайте, я принесу вамъ масла съ хлѣбомъ.

— Этого не доставало еще! воскликнулъ Рюхель, вскочивъ на ноги, если дѣло доходить до завтрака, я всегда бодръ, какъ птица.

Не смотря, однако, на это увѣреніе, завтракъ не шелъ ему въ горло; онъ отправился опять на свое старое мѣсто, и не прошло минуты, какъ онъ крѣпко заснулъ.

— Не хотите ли и вы прилечь, милый баринъ? спросилъ Бальтазаръ. День сегодня будетъ очень жаркій. Вы знаете, я вѣдь немного сплю.

— Я не усталъ, возразилъ Вольфгангъ; да къ тому же, и утро чудно хорошо, жаль проспять такую прелесть.

Бальтазаръ подсѣлъ къ Вольфгангу на траву и они пробесѣдовали между собою, пока отдыхалъ Рюхель.

— А вѣдь намъ пора, спохватился наконецъ Бальтазаръ.— Ну, что, Рюхель, какъ дѣла?

— Свѣжъ, какъ рыба въ водѣ, отозвался Рюхель, протирая глаза; вотъ такъ спалъ, видѣлъ даже свою возлюбленную во снѣ. Это хорошій знакъ.

— Увидимъ, какъ-то оправдается эта хорошая примѣта, улыбаясь, проговорилъ Вольфгангъ; вставайте-ка, Рюхель, черезъ три часа намъ надо быть въ Эбербургѣ.

— А что намъ дѣлать, если рѣка занята солдатами? спросилъ Бальтазаръ.

— Прокрасться потихоньку, не такъ-ли, господинъ лейтенантъ? спросилъ Рюхель.

— А вотъ увидимъ, возразилъ Вольфгангъ, можетъ намъ можно будетъ спокойно пройти.

Всѣ трое двинулись въ путь; дорога была трудная. Солнцепалило съ невѣроятною силою. Къ тому же, имъ надо было идти согнувшись, чтобы не быть замѣченными людьми, которые часто показывались на большой дорогѣ. Жаръ и трудность пути истомили ихъ до нельзя, во рту пересохло отъ жажды. Они не могли отказать себѣ въ удовольствіи зайти по дорогѣ въ маленькій, обитый плющемъ шинокъ и утолить свою жажду.

Имъ прислуживала стройная, черноглазая дѣвушка. Рюхель замѣтилъ, что красавица заглядывалась на Вольфганга, и не утерпѣлъ, чтобы не задѣть ее этимъ. Дѣвушка отвѣтила ему колкостью.

— Пейте ваше вино, Рюхель, сказалъ Вольфгангъ, и не задерживайте насъ, намъ ни минуты нельзя терять.

Вольфгангъ не успѣлъ еще договорить, какъ по мостовой подъ окнами шинка раздались ровные, мѣрные шаги. Вслѣдъ за тѣмъ распянулись двери и утеръ-офицеръ вошелъ въ комнату. Онъ прямо направился къ нашимъ путешественникамъ, которые при этой неожиданности вскочили на ноги. Рюхелю и Вольфгангу достаточно было одного взгляда на загорѣлое

лицо унтеръ-офицера, чтобы убедиться, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что онъ действительно искал долга.

Унтеръ-офицеръ спробо потребовалъ шкатулку снурты. Путники наши заранее уже придумали на такую слухъ необыкновенный отвѣтъ; и Рюхель краснорѣчиво принялся объяснять, что онъ въ Волыганозъ — столяры, Бальтаваръ же — портной, кто ихъ сегодня утромъ ограбили инсургентами: отняли у нихъ всѣ кошельки, оставивъ только портному его ободранную сумку. — Но унтеръ-офицеръ не давался въ обманъ, онъ непремѣнно хотѣлъ узнать, вѣрны ли они или нѣ по большой дорогѣ, какъ всѣ честные люди, а крайнее отчаянїе. — Объясните ка мнѣ вотъ это? — Рюхель и на это не затруднился отвѣтить:

— Милосердый Боже, господни унтеръ-офицеръ воскликнулъ онъ плаксивымъ голосомъ, неужели же вѣдь кажется страннѣе, что мы не доверимся теперь ни одному человѣку. Проклятые инсургенты обираютъ насъ; солдаты не пропустятъ насъ ни гдѣ; откуда же намъ, бѣднякамъ, набраться смѣлости идти по большой дорогѣ? Но теперь мнѣ все равно; дѣлайте съ нами, что хотите, застрѣлите насъ, пожалуй, мнѣ надо блазата (прозябая, собачья жизнь).

Рюхель опять опустился на лавку и въ отчаянїи скватился на полосу. Въ такъ шовко и естественно сыгралъ свою роль, что унтеръ-офицеръ, не обладавшій особенною прозорливостью, не усомнился бы въ справедливости его словъ; но, въ неискренности, ему дано было строгое приказаніе одною не пропускать безспорныхъ; и онъ долженъ былъ немедленно доложить о задержанныхъ людяхъ офицеру, стоявшему въ ближайшей деревнѣ.

— А ну, давай далѣе еще дѣло рѣшить: отпустить васъ или нѣтъ, заключилъ унтеръ-офицеръ; пока же, вы останетесь у меня подъ карауломъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и захватилъ за собою дверь.

— Ну, вотъ и въ западню угодили, преворонилъ Рюхель, на лицѣ котораго снова печальную маску страждущаго столяра уже пробивалась обычная наутовская улыбка. — Что намъ теперь дѣлать?

— Во всякомъ случаѣ, намъ не зачѣмъ дожидаться прихода офицера, сказалъ Вольгангъ.

Въ это время послышался легкій стукъ въ деревянный ставень, который, какъ они теперь только замѣтили, былъ вѣланъ въ боковую стѣну. Рюхель подбѣжалъ къ этому мѣсту и отодвинулъ ставень; въ отверстіе показалась головка хо-рошенькой дѣвушки.

— Красасавица моя! воскликнулъ Рюхель, помоги намъ выйти отсюда и я тотчасъ же женюсь на тебѣ.

— Васъ мнѣ вовсе не нужно, сердито отвѣчала дѣвушка.

— А не бось, отъ моего товарища не прочь? спросилъ Рюхель.

Вольгангъ подошелъ къ отверстию. — Дайте я переговорю съ красавицею, сказалъ онъ, а вы ступайте къ окну и наблюдайте за часовымъ.

— Хотите вы намъ помочь, моя милая?

— Очень бы хотѣлось, скороговоркой отвѣтила дѣвушка.

— Сколько тутъ солдатъ?

— Трое; двое изъ нихъ сидятъ въ горницѣ на другой сторонѣ, я подала имъ самага лучшаго вина, среди угощаетъ ихъ тамъ, а меня прислалъ сюда.

— А то бы ты и не пришла?

— Нѣтъ, и безъ того бы пришла, возразила она съ жаромъ. Братъ переведетъ васъ черезъ рѣку, онъ уже вошелъ на переправу, продолжала она.

— Гдѣ стоятъ ихъ ружья?

— На крыльцѣ, подлѣ двери; двери-то не слышимъ крѣпкія, если вы поналяжете на нихъ и покричите, то онѣ сейчасъ соскочатъ съ петель.

— Остерегитесь, часовой идетъ къ окну, сказалъ Рюхель.

— Спасибо, милая дѣвушка, сказалъ Вольгангъ, и ставень снова затворился.

Караванный подошелъ къ залертому окну, заглянулъ въ комнату и опять началъ свою однообразную прогулку.

Вольгангъ сообщилъ товарищамъ свой планъ, состоявшій въ слѣдующемъ: въ ту минуту, когда часовой отойдетъ отъ окна, они выломаютъ дверь и овладѣютъ ружьями.

Бальтазаръ былъ поставленъ къ окну; Рюхель и Вольфгангъ вооружились длинной скамейкой и приготовились употребить ее вмѣсто стѣнбитной машины.

— Дѣвушка подносить караульному бутылку вина, рапортовалъ Бальтазаръ.

— Разъ, два, три! скомандовалъ Вольфгангъ.

Отъ сильнаго и хорошо направленнаго удара дверь съ трескомъ слетѣла съ петель; они мигомъ захватили ружья и бросились прямо на часового, который стоялъ въ самой беззащитной позѣ, держа въ одной рукѣ бутылку, а въ другой стаканъ; ружье было опущено къ ногѣ. Рюхель безъ труда обезоружилъ его.

— Прощай, душа! закричалъ онъ ему на прощаніе; если придетъ офицеръ, такъ скажи ему, что лейтенантъ фонъ-Гогенштейнъ и унтеръ-офицеръ Рюхель свидѣтельствуютъ ему свое глубочайшее почтеніе!

Вольфгангъ торопился окончить эту сцену. Къ счастью, отъ шинка до перевоза было лишь нѣсколько шаговъ; тамъ уже дожидался ихъ у лодки молодой парень, лѣтъ 16-ти, по чернымъ глазамъ котораго легко можно было узнать въ немъ брата хорошенькой дѣвушки. Онъ засмѣялся,—при чемъ выказалъ свои прекрасные зубы,—когда Рюхель, вѣрный своей разбойничьей роли, замахнулся на него прикладомъ ружья, грозя убить его, если онъ не перевезетъ ихъ хорошенько.

Когда Рюхель съ Бальтазаромъ усѣлся, Вольфгангъ протянулъ красавицѣ руку, говоря:

— Будь счастлива! Жалко, что я не могу отблагодарить тебя такъ, какъ хотѣлось бы.

Дѣвушка испуганно оглянулась, не идетъ ли кто за ними къ берегу, и проговорила, протягивая къ нему губки: храни тебя Господь!—Вольфгангъ крѣпко поцѣловалъ свѣженькій ротикъ и быстро вскочилъ въ лодку. Парень отчаянилъ и общилъ имъ по дорогѣ, что вся ихъ деревня «за нихъ» и что даже двое изъ нихъ ушло къ инсургентамъ; въ заключеніе онъ попросилъ и его взять съ собою. Рюхель живо на это согласился, но Вольфгангъ воспротивился. Все въ свое

время, голубчики, а теперь воротись-ка лучше домой, да смотри никому не сказывай, что ты по своей охотѣ насъ перевезъ.

XVIII.

Путешественники наши еще долго толковали между собою объ этомъ приключеніи. Рюхель никакъ не могъ натѣшиться испугомъ часового и наговориться о красотѣ молоденькой дѣвочки, которая, по его увѣренію, оттого только и обошлась съ нимъ такъ сурово, что онъ поразилъ ее въ самое сердце. Весельчакъ безъ умолку болталъ и смѣялся. Вольфгангъ, съ своей стороны, былъ тоже въ отличномъ расположеніи духа. Онъ обратился къ Бальтазару и чуть не покотился со смѣху, глядя на его уморительную фигуру. Рюхель нацѣпилъ ему одну изъ отнятыхъ сабель, но поясъ оказался слишкомъ широкъ, вслѣдствіе чего и сабля тащилась по землѣ. Ружье онъ держалъ на плечѣ, прикладомъ назадъ. Прибавьте: на немъ былъ его обычный, когда-то черный, фракъ, съ длиннѣйшими фалдами — неразлучный спутникъ его въ теченіи послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, — и полинялые панковые штаны, нѣкогда отличавшіеся такою опрятностью, но носившіе на себѣ теперь слѣды столькихъ ночей, проведенныхъ подъ открытымъ небомъ.

— Ну, что, какъ дѣла, Бальтазаръ? спросилъ Вольфгангъ.

Бальтазаръ очнулся отъ своего созерцанья и, ласково улыбаясь, отвѣтилъ:

— Благодаря васъ, мнѣ хорошо, только неприличная ноша давить немного плечи.

— Потерпите немного, васъ скоро избавятъ отъ этой тяжести; найдется другой, который съ удовольствіемъ воспользуется ружьемъ.

— Откровенно говоря, милый баринъ, мнѣ бы это было очень пріятно, я самому себѣ кажусь такимъ страннымъ въ этой львиной шкурѣ.

— Еще нѣсколько минутъ терпѣнія, — мнѣ кажется, что мы уже наткнулись на форпостъ нашихъ друзей.

И въ самомъ дѣлѣ, неподалеку отъ нихъ, изъ-за развалинъ

крепостной стѣны, оказалось нѣсколько человекъ, вооруженныхъ ружьями. Когда наши путешественники подошли поближе, стволы ружей приняли угрожающее направленіе. Наконецъ кричалъ имъ Вольфгангъ, что они свои; грянули выстрѣлы, по счастью, никому не повредившіе, и стрѣлки съ быстротою молніи спрятались за развалины. Въ этомъ непріятномъ положеніи, пичего болѣе не оставалось дѣлать, какъ поспѣшить къ развалинамъ, пока не въ мѣру осторожные друзья еще не успѣли снова зарядить свои ружья.

— Скажите, почтеннѣйшіе, за комъ чортъ вы сарѣлете въ насъ? спросилъ Рюкель; развѣ вы не видите, что къ вамъ друзья идутъ?

— И, да такъ всякій можетъ назваться другомъ, отозвался паренъ съ измятымъ пѣтушьимъ перомъ на измятой шляпѣ.

— Да если бы мы не были вашими друзьями, худо бы вамъ пришлось теперь, ребята, сказалъ Рюкель, ударивъ по своему ружью.

— Проведите-ка насъ безъ всякихъ дальнихъ охолоностей къ нашему начальнику, сказалъ Вольфгангъ; это разомъ прекратитъ всякое недоразумѣіе.

Все общество двинулось впередъ. Страшная сцена представилась имъ, когда они вошли черезъ ворота во внутренній дворъ замка, живописно окруженный развалинами.

Человѣкъ пятьдесятъ вусургентовъ карабкались на янтъ или на шесть маленькихъ крестьянскихъ телѣгъ; всякій хотѣлъ непременно какъ нибудь къ нимъ прицѣпиться и, такъ какъ никому не хотѣлось идти пѣшкомъ, то все странно шумѣли, и нѣстами дѣло доходило даже до драки. Особенно шумно было около одной телѣги, совсѣмъ уже готовой тронуться въ путь, но задержанной обступившей ее толпою. На ней сидѣлъ человекъ съ краснымъ, одутловатымъ лицомъ, искаженнымъ страхомъ. По широкому трехдѣльному шарфу, опоясывавшему его туловище, и по пучку красныхъ перьевъ на калабрийской шляпѣ, легко можно было узнать въ немъ начальника. На него-то и была обращена, по преимуществу, ярость окружающихъ.

— Такъ эта винная бочка хочетъ ударить! кричалъ одинъ.

— Этакимъ капитаномъ и я, пожалуй, буду! кричалъ другой.
 — Бхать, когда другимъ приходится бѣжать до упаду! кричалъ третій.

Калабрійская шляпа не находила ровно никакихъ возраженій. Приходъ Вольфганга и его сотоварищей пришелся ему въ его критическомъ положеніи какъ пельви бѣлѣ кстаги. Ему представлялся случай отвлечь вниманіе подчиненныхъ отъ своей собственной личности.

— Подведите-ка ихъ сюда! закричалъ онъ. Вы кто такіе? какъ вы смѣете стрѣлять въ моихъ людей?

— Какъ вы смѣете говорить такимъ тономъ съ людьми, которые пришли къ вамъ какъ друзья? возразилъ Вольфгангъ, который съ перваго взгляда попалъ всю комичность этой драмы.

— Я васъ научу говорить повѣжливѣе! кричала калабрійская шляпа.

— Тотъ, кто такъ открыто теряетъ уваженіе своихъ подчиненныхъ, не имѣетъ права требовать уваженія отъ чужихъ, сказалъ Вольфгангъ и повернулся спиною къ этой жалкой личности.

— Спасибо вамъ, что вы отделили этого мерзавца! сказалъ плотный мужчина въ зеленой курткѣ.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ Вольфгангъ.

— Народъ выбралъ вотъ этого монаха въ начальники, онъ владеетъ тутъ по близости виноградникомъ и прозывается Вебелемъ; сами видите, что онъ за предводитель!

Подъ предлогомъ быстраго исноменія и полученнаго имъ приказанія отступать, онъ досталъ вотъ эти телѣги, вѣроятно, съ цѣлю дать самому какъ можно скорѣе тису.

— Такъ пускай себѣ убирается! сказалъ Вольфгангъ.

— Да мы бы его и не стали держать, отвѣчала «зеленая куртка», если бы только намъ было кѣмъ его задержать. — Вошь бы вамъ стать нашимъ предводителемъ.

Не колеблясь долго, Вольфгангъ пошелъ въ своимъ новымъ приятелемъ отъ одной телѣги къ другой и во-какъ въ-становилъ порядокъ. Рюхель, съ своей стороны, не терпитъ времени. Онъ успѣлъ всѣмъ завязать знакомство и раз-

сказывалъ всѣмъ по секрету, что Вольфгангъ очень знатный баринъ, который, между тѣмъ, сражался на сторонѣ народа и обладаетъ большими военными дарованіями, чѣмъ ипой генеральный штабъ.

Предложеніе «зеленой куртки», избрать Вольфганга временнымъ предводителемъ, было принято почти единогласно. Вольфгангъ взобрался на камень и сказалъ короткую рѣчь, въ которой поблагодарилъ согражданъ за оказанное ему довѣріе и просилъ ихъ быть послѣдовательными въ разѣ уже принятомъ рѣшеніи, грозя, въ противномъ случаѣ, сложить съ себя начальство. — За тѣмъ они, не теряя времени, начали организовать свой отрядъ. Едва эти люди почувствовали, что имѣютъ дѣйствительно вожда, какъ они преобразились; они громкими восклицаніями привѣтствовали Вольфганга и принялись безпрекословно исполнять всѣ его приказанія.

XIX.

И такъ, совершенно неожиданно, Вольфгангъ увидалъ себя въ положеніи, которое давало ему возможность примѣнить къ дѣлу его познанія въ воинскомъ дѣлѣ. Походъ въ деревню, гдѣ стоялъ болѣе многочисленный корпусъ инсургентовъ, отъ котораго было получено приказаніе отступить, тянулся очень долго; непривычные къ большимъ переходамъ, крестьяне съ трудомъ передвигали ноги. Когда же наконецъ поздно вечеромъ отрядъ достигъ своей цѣли, ему сообщили, что инсургенты выступили еще въ полдень и неизвѣстно куда направились. При этихъ условіяхъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ обождать ночь въ деревнѣ. На слѣдующій день, рано утромъ, Вольфгангъ велѣлъ приставшему къ нимъ сельскому музыканту протрубить на какомъ-то подобіи валторны сборъ; противъ его ожиданія, почти всѣ собрались довольно быстро; бѣжавшихъ почти не оказалось. — Отрядъ двинулся впередъ по тому направленію, куда, по указаніямъ сельскихъ обывателей, отправился наканунѣ корпусъ инсургентовъ. Не успѣли они отойти и мили отъ деревни, какъ имъ на встрѣчу

прискакалъ гонецъ съ письменнымъ приказаніемъ, въ которомъ говорилось, чтобы «отрядъ Эбербургъ» двинулся въ горы, въ деревню такую-то, и наблюдалъ бы тамъ за движеніями непріятеля. Приказъ былъ данъ на имя капитана Вебеля. Вольфгангъ отвѣчалъ на вырванномъ изъ бумажника клочкѣ бумаги, что капитанъ Вебель бѣжалъ, что онъ (Вольфгангъ) заступилъ мѣсто прежняго начальника и думаетъ остаться въ этой должности до тѣхъ поръ, пока ему не пришлютъ когонибудь на смѣну, и что, впрочемъ, отрядъ будетъ приведенъ въ назначенное мѣсто.

Благодаря рассказамъ Рюхеля и личнымъ достоинствамъ Вольфганга, дѣла въ отрядѣ пошли отлично. Всѣ охотно исполняли приказанія капитана. Рюхель съ рѣдкимъ умѣньемъ и легкостью успѣлъ научить своихъ сотоварищей самымъ необходимымъ военнымъ приѣмамъ.

Дорогою къ нимъ являлось много охотниковъ, но Вольфгангъ принималъ только тѣхъ, у которыхъ было оружіе, остальныхъ онъ отсылалъ въ главную квартиру. Послѣ труднаго похода, они дошли наконецъ до мѣста своего назначенія. То была маленькая деревушка, жители которой были очень бѣдны и съ трудомъ добывали себѣ хлѣбъ. Помѣщеніе въ домахъ было очень тѣсное, но объ этомъ особенно нечего было тужить: погода стояла теплая и инсургенты, подъ руководствомъ Рюхеля и «зеленой куртки», соорудили изъ камней, дерну и нѣсколькихъ отдѣлъ на скорую руку бараки. Значительно труднѣе было достать въ этой пустынной мѣстности достаточное количество провіанту.

Вольфгангъ тщетно описывалъ въ своихъ рапортахъ къ главному отряду свое стѣсненное положеніе. Ему или вовсе ничего не отвѣчали, или писали, что сами нуждаются, пускай всякій самъ себѣ промышляетъ пропитаніе. На перемѣну начальника въ главной квартирѣ не обращали никакого вниманія, только адресъ предписаній измѣнился: вмѣсто «капитану Вебелю», надписывали «капитану Гогенштейну». Вольфганга сильно давила отвѣтственность за ввѣренный ему отрядъ. Онъ истратилъ на продовольствіе почти всѣ свои деньги; раздавая хлѣбъ, купленный имъ на послѣдніе гроши, онъ не могъ

не улыбнуться при мысли: «а что сказали бы дядя Петръ, если бы узналъ, на что пошли его деньги?»—На слѣдующій день не было болѣе ни хлѣба, ни денегъ. Вольфгангу оставалось или распустить своихъ товарищей, или забирать съѣстные припасы въ кредитъ, за росписками на имя временнаго правительства; но одинъ, безъ разрѣшенія изъ главной квартиры, онъ не рѣшался взять на себя такую отвѣтственность; а потому, онъ отправилъ посланнаго съ подробнымъ рапортомъ въ главную квартиру.

Бальтазаръ съ той самой поры, какъ мы его оставили, не дотрогивался до оружія; онъ самъ выбралъ себѣ другого рода дѣятельность. Онъ сдѣлался врачомъ отряда. Заболѣютъ ли у кого ноги отъ непривычной ходьбы или свалится кто, на смерть истомленный непривычнымъ напряженіемъ, Бальтазаръ или докторъ, какъ его называли теперь, умѣлъ скоро поправить горе обмываніями, примочками и различными чаями; которыми онъ пользовалъ больныхъ. За эти услуги Бальтазаръ пользовался отъ всѣхъ глубокимъ уваженіемъ. Самый удалой молодецъ никогда не осмѣливался смѣяться надъ его безобразнымъ фракомъ и полными навковыми штанами. Платье его было теперь по прежнему тщательно вычищено и всѣ прорѣхи на немъ заштопаны.

Бальтазаръ врачевалъ не только тѣло, но и душу. Грязныя пѣсни тотчасъ замолкали, лишь только показывалась его невидная особа. Ссоры прекращались по его первому, кроткому слову, по первому взгляду его кроткихъ голубыхъ глазъ.

Однажды, Вольфгангъ принужденъ былъ выключить одного парня изъ отряда за важный проступокъ. Парень въ бѣшенствѣ удалился, грозя мщеніемъ. Черезъ часъ тотъ же парень пришелъ къ Вольфгангу съ изъявленіями раскаянья и смиренно просилъ снова принять его въ отрядъ. Вольфгангъ невольно полюбопытствовалъ узнать, что было причиною такой внезапной переменны, и парень, рыдая, рассказалъ ему, что, поговоривъ «съ докторомъ», онъ вполне сознаетъ всю гадость своего поступка.

На слѣдующій день, къ великой радости Вольфганга, воз-

вратился посланный изъ главной квартиры и принесъ съ собою деньги и приказъ. Въ приказѣ значилось, что капитанъ Гогенштейнъ утверждается въ своемъ званіи и что ему предписывается, не теряя ни минуты, присоединиться къ главному отряду. Приказъ былъ подписанъ: «Дегенфельдъ, майоръ генеральнаго штаба».

Подъ приказомъ написано было рукою Дегенфельда:

«Добрый, дорогой другъ, котораго мы уже было оплакали, какъ погибшаго, спѣшите къ намъ, на сколько то будетъ совмѣстно съ почетною обязанностью, выпавшею на вашу долю. Мюнцеръ въ настоящую минуту находится въ отлучкѣ по дѣламъ службы; я ожидаю его чрезъ нѣсколько дней; быть можетъ, вы присоединитесь къ намъ еще до его возвращенія. До радостнаго свиданья!»

Полчаса спустя по полученіи этого письма, капитанъ Гогенштейнъ выступилъ съ своимъ отрядомъ изъ деревни.

XX.

Дегенфельдъ встрѣтилъ Вольфганга, который на третьи сутки прибылъ въ главную квартиру, съ распростертыми объятіями и со слезами на глазахъ.

— Простите мнѣ, сказалъ онъ, эту слабость! Только теперь, послѣ того, какъ я чуть не потерялъ васъ, я узнаю, какъ вы мнѣ дороги. Я горжусь вами, дорогой Вольфгангъ.

Вечеромъ того же дня Дегенфельдъ рассказывалъ Вольфгангу всѣ свои похождения, съ самой той минуты, какъ они разстались въ Рейнфельденѣ. Дегенфельдъ, Мюнцеръ, Каіусъ и нѣсколько другихъ удачно пробрался виноградниками до самаго берега; тамъ имъ удалось переправиться на лодкѣ по ту сторону рѣки; и они шли, не останавливаясь, всю ночь, и утромъ сѣли на проходившій мимо пароходъ, капитанъ котораго былъ пріятель и политическій единомышленникъ Мюнцера. Черезъ нѣсколько часовъ бѣглецы были внѣ всякой опасности. Далѣе они безостановочно продолжали свой путь до самаго мѣста пребыванія временнаго правительства, гдѣ ихъ приняли съ радостью.

Дегенфельдъ считалъ своею обязанностью остаться въ той

должности, которую ему поручили съ перваго же дня его пребывания, хотя ему и предлагали другіе, болѣе почетные посты, даже постъ главнокомандующаго.

— Вы знаете, любезный Вольфгангъ, продолжалъ онъ, что я плохой полководецъ, и самъ сознаю это; я думалъ, что могу оказать болѣе услугъ нашему дѣлу, оставаясь простымъ офицеромъ генеральнаго штаба, но, признаюсь, я потерялъ и эту надежду.

Затѣмъ онъ яркими красками описалъ печальное положеніе дѣлъ. — У насъ чувствуется недостатокъ во всемъ, продолжалъ онъ; только невѣроятнаго легкомыслія и яраго тщеславія у насъ некуда дѣвать. Мы живемъ среди какого-то хаоса. У насъ нѣтъ оружія, нѣтъ необходимой одежды; но объ этомъ никто и не думаетъ. Мы сами увѣрены и увѣряемъ другихъ, что мы здѣсь въ совершенной безопасности, — но не пройдетъ и двухъ сутокъ, какъ нагрянетъ непріятель; ему уже давно бы слѣдовало быть здѣсь, если бы онъ менѣе трусилъ. Напрасно я съ утра до вечера надсаживаюсь, объясняя этимъ господамъ, что именно необходимо предпринять въ нашемъ грустномъ положеніи, — меня и слушать не хотятъ. Повторяю: я потерялъ всякую надежду на благоприятный исходъ этого дѣла.

— А Мюнцеръ?

— Мюнцеру вовсе не этого хотѣлось; онъ сѣтуетъ на себя и на все чловѣчество, что вмѣшался въ эту войну мышей и лягушекъ, какъ онъ выражается. Онъ сталъ еще болѣе нелюдимъ, чѣмъ прежде. Онъ знаетъ теперь съ однимъ Каіусомъ; это его злой демонъ.

— Но не сами ли вы возлагали сперва большія надежды на этого чловѣка?

— Безъ сомнѣнія, Каіусъ личность въ высшей степени замѣчательная; но мнѣ почему-то всегда становится не по себѣ въ его присутствіи. Онъ способенъ кинуться безъ разбора на всякое средство, лишь бы достигнуть своей цѣли. У него одна только страсть—это холодная, неумолимая ненависть къ аристократамъ. А кто у него не аристократъ? И вы, и я, и даже самъ Мюнцеръ въ его глазахъ аристократы.

— Всего страннѣе то, что Каіусъ, я въ томъ увѣренъ, внушаетъ и Мюнцеру такую же антипатію, какъ и мнѣ. У Мюнцера,

какъ я нашелъ, къ моему величайшему удивленію, натура чисто аристократическая, какъ по образу мыслей, такъ и по вкусамъ. Все вульгарное, все обыденное для него невыносимо противно, онъ презираетъ все это. Все великое, прекрасное доводитъ его до безумныхъ, судорожныхъ восторговъ. Мнѣ всегда казалось, что онъ созданъ жить въ сферѣ, высоко стоящей надъ уровнемъ повседневной жизни. Я согласенъ, что, пожалуй, и при этихъ условіяхъ онъ не былъ бы счастливъ, но тогда онъ имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, возможность быть несчастнымъ по своему. Но судьба распорядилась иначе,—не тронъ, а хижина была его колыбелью; одаривъ его инстинктами льва, она согнула его подъ ярмомъ рабочаго вола. Онъ гордъ, а потому и сдѣлалъ дѣломъ убѣжденія то, что было ему навязано суровою нуждою. Его жизнь сложилась въ цѣпь противорѣчій.

Вечеромъ того же дня Вольфгангъ и Дегенфельдъ согласились сойтись въ гостиницѣ. Придя въ гостиницу, Вольфгангъ только-что подошелъ было къ горячо разсуждавшему кружку, какъ чья-то рука остановила его за плечо: — это былъ Дегенфельдъ. Его прекрасное лицо было сумрачно.

— Не случилось ли чего? спросилъ Вольфгангъ.

Дегенфельдъ взялъ его молча подъ руку и вывелъ изъ зала.

— Что случилось? говорите! сказалъ Вольфгангъ. Я спокойно выслушаю все. Намъ отрѣзано отступление, не такъ ли? и остается честно умереть въ бою!

— Смерть-то намъ обоимъ не страшна, отвѣчалъ Дегенфельдъ. Я имѣю извѣстіе изъ Рейнштадта; мнѣ пишетъ корреспондентъ, который къ вамъ ближе стоитъ, чѣмъ ко мнѣ, именно вашъ дядюшка Петръ Шмицъ.

— Мой отецъ умеръ? спросилъ Вольфгангъ дрожащимъ голосомъ.

— Вы угадали, дорогой Вольфгангъ, грустно отвѣчалъ Дегенфельдъ.

— И я убилъ его! или, по крайней мѣрѣ, помогъ его доконавать! простоналъ Вольфгангъ. Не скрывайте ничего!—отецъ былъ совершенно здоровъ, когда я оставилъ его;—онъ умеръ естественною смертью! Я былъ его единственною послѣднею надеждою и разбилъ эту надежду;— но, герръ фонъ-Дегенфельдъ, скажите, могъ ли я поступить иначе?

— Не могли и не должны были, отвѣчалъ Дегенфельдъ твердымъ голосомъ. Отецъ вашъ умѣръ отъ своей собственной руки; онъ запутался въ денежныхъ обстоятельствахъ; даже жертвуя своею честью—если такая жертва возможна, — вы не спасли бы его. Я знавалъ вашего отца, Вольфгангъ, когда онъ былъ еще молодымъ офицеромъ въ нашемъ полку; мы были даже друзьями; я его очень любилъ; да и мудрено было не любить такого красиваго, умнаго и милаго малаго. Но ему не доставало того, что дѣлаетъ человѣка — человѣкомъ: чувства чести и правды. Онъ всегда легкомысленно относился къ жизни, и тогда уже я опасался за него подобнаго конца. Такъ, вашъ отецъ сперва сталъ фальшивымъ игрокомъ, а теперь долженъ былъ своею жизнью заплатить дефицитъ ввѣренной ему кассы.—Добрый, дорогой другъ! какъ охотно я скрылъ бы отъ васъ это печальное извѣстiе, но, рано или поздно, вы должны же были узнать правду.

Кто коротко зналъ Вольфганга, легко могъ бы замѣтить, что въ немъ съ этой минуты произошла большая перемѣна. Черты его мужественнаго лица стали какъ-то рѣзче, губы его сжимались плотнѣе, взглядъ его глазъ сталъ строже, pronunciрующѣе, даже осанка его стала какъ-то величественнѣе и походка ровнѣе, чѣмъ прежде. Энергiя его была слишкомъ велика, чтобы случайное горе могло ее сломить. Къ тому же, его несчастье, положенiе, въ которомъ онъ находился теперь, не давало ему времени слишкомъ много заниматься своими личными дѣлами.

То, что уже давно предвидѣлъ Дегенфельдъ, начинало теперь сбываться. Революционная армiя была окружена въ шесть разъ болѣе сильными врагами; инсургенты были разбиты на всѣхъ пунктахъ. Объ открытомъ сраженiи, о которомъ такъ много мечтали въ дни покоя, теперь никто и не думаетъ. Надо было позаботиться, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтобы выставить отрядъ, который, сдерживая напоръ непрiятеля, далъ бы остальной армiи возможность отступить въ порядкѣ. Дегенфельдъ до послѣдней минуты убѣждалъ всѣхъ въ необходимости этой мѣры; онъ даже предлагалъ самъ взять на себя начальство надъ арьергардомъ. Ему отвѣчали: берите на себя какое вамъ угодно начальство, если вы найдете людей, готовыхъ васъ слушаться.

Дегенфельдъ поспѣшилъ къ Вольфангу.

— Вы увѣрены въ вашихъ людяхъ, Вольфангъ?

— Думаю, что могу за нихъ поручиться.

— Такъ будьте же готовы; черезъ часъ мы выступаемъ противъ непріятеля. Сколько у васъ народу?

— Теперь наберется человѣкъ 400. Я бы могъ имѣть вдвое больше, но я выбиралъ только лучшихъ молодцовъ.

— Тѣмъ лучше. Я думаю, у меня тоже наберется сотня, другая. Недостатокъ численныхъ силъ намъ надо наверстать быстротою и смѣлостью движеній.

Въ этотъ же день возвратились Мюнцеръ и Каіусъ. Съ трудомъ пробившись они сквозь валившія имъ на встрѣчу волны копницы, пѣхоты и багажныхъ подводъ. Все это съ громомъ, съ крикомъ и съ ругательствами подвигалось впередъ; наконецъ, кое-какъ добрались пріѣзжіе до той площади, гдѣ Вольфангъ и Дегенфельдъ дѣлали передъ выступленіемъ смотръ небольшой кучкѣ своихъ удалцовъ. Мюнцеръ скрежеталъ отъ бѣшенства зубами, глядя на путаницу, происходившую кругомъ; Вольфангъ и Дегенфельдъ предложили ему присоединиться къ ихъ отряду. Мюнцеръ тотчасъ же согласился.—Иду куда угодно, отвѣчалъ онъ, только бы отвязаться отъ общества этихъ жалкихъ трусовъ, не имѣющихъ ни головы, ни сердца, и имѣющихъ только ноги для бѣгства. Миссія моя въ городъ не удалась, какъ и все, что я здѣсь ни предпринималъ. Пойду съ вами; на то, чтобы убивать или самому быть убитымъ, я еще годенъ.

Каіусъ мрачно улыбнулся, слушая эту гнѣвную рѣчь. Онъ не проронилъ ни одного слова; молча взялъ онъ ружье у случившагося тутъ парня-подростка и сталъ въ рядъ вмѣстѣ съ другими. Маіоръ обнажилъ свою шпагу и скомандовалъ: батальонъ! на лѣво кругомъ, маршъ!

XXI.

Знойное было лѣто въ 1848 г., особенно сильныя стояли жары въ іюнь и іюль.

Страдная то была пора для горсти отважныхъ людей, ко-

торые, подъ предводительствомъ Вольфганга и Дегенфельда, не разъ уже схватывались съ болѣе сильнымъ врагомъ.

Бригада Дегенфельда хорошо была извѣстна въ непріятельскихъ рядахъ. Тамъ уже узнали, что эта страшная бригада управляется двумя офицерами, перешедшими на сторону возстанія; указали тотчасъ же на Дегенфельда и Вольфганга; подосланные лазутчики подтвердили эту догадку. Офицеры регулярной арміи дали слово, живыми или мертвыми, схватить этихъ «перебѣжчиковъ». Такъ говорили, по крайней мѣрѣ, плѣнные, захваченные бригадою Дегенфельда, — въ особенности же, сказали они, озлобленъ командиръ 99-го пѣхотнаго полка, полковникъ фонъ-Гогенштейнъ.

— Нѣтъ, не удастся намъ взять насъ живыми, Вольфгангъ, сказалъ Дегенфельдъ, положивъ ему руку на плечо.

— Чтожъ! кинемся на наши мечи, какъ Брутъ и Кассій, улыбаясь, отвѣчалъ Вольфгангъ.

— Да, если бы мы вмѣли дѣло съ Цезаремъ, тогда бы хоть не такъ обидно было умирать, проговорилъ Дегенфельдъ.

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ мужчина, стройный станъ котораго былъ опоясанъ трехдвѣтнымъ шарфомъ, обозначающимъ офицерское достоинство. Вытянувшись во фрунтъ и приложивъ руку къ измятой калабрійской шляпѣ, онъ проговорилъ:

— Позвольте, господинъ маіоръ,..

— Не хотите ли вы къ намъ присѣсть, господинъ лейтенантъ Рюхель? улыбаясь, перебилъ его Дегенфельдъ.

— Покорно благодарю, господинъ маіоръ, мнѣ еще надо присмотрѣть за чисткой ружей. Я пришелъ только доложить вамъ, что трое солдатъ изъ 99-го полка предлагаютъ намъ свои услуги. Они хорошіе малые, господинъ маіоръ, и пополнять немного нашу убыль.

— Вы что думаете, Вольфгангъ? спросилъ Дегенфельдъ.

— Я думаю, что мы можемъ вполне положиться на свидѣтельство нашего друга, Рюхеля, отвѣчалъ Вольфгангъ.

— Такъ примите ихъ въ батальонъ, Рюхель, сказалъ Дегенфельдъ; но смотрите за ними въ оба; поставьте ихъ при слѣдующей же стычкѣ на опасный постъ; если они окажутся молодцами, *tant mieux*, — то тѣмъ лучше, поправился Де-

Дегенфельдъ, замѣтивъ, что Рюхель при послѣднихъ словахъ съ недоумѣвающимъ видомъ посмотрѣлъ на Вольфганга.

— Слушаю-съ! сказалъ Рюхель и, снова приложивъ руку къ шляпѣ, повернулся на лѣво кругомъ.

— Странное дѣло, замѣтилъ Дегенфельдъ по удаленіи Рюхеля, какъ въ насъ живутъ старыя предрассудки! Я не могу привыкнуть считать этого человѣка за офицера, хотя и отдаю полную справедливость его таланту и знанію дѣла; онъ, съ своей стороны, никакъ не можетъ заставить себя относиться къ намъ, какъ равный къ равнымъ, хотя мы обходимся съ нимъ за панобрата. Ужъ если намъ, горящимъ, по крайней мѣрѣ, желаніемъ стать людьми разумными, такъ трудно воздерживаться отъ нелѣпостей, то чего же ожидать отъ другихъ? Я, право, начинаю думать, что вашъ другъ, Бальтазаръ, вполне правъ въ своей теоріи безкровной революціи. Мы только убиваемъ другихъ, но никого не умѣемъ научить.

Дегенфельдъ успѣлъ не меньше Вольфганга полюбить Бальтазара; по цѣлымъ часамъ проводилъ онъ въ бесѣдахъ съ «новымъ секретаремъ,» какъ они называли его въ шутку. — Передъ этимъ человѣкомъ, говаривалъ онъ часто Вольфгангу, мы всѣ должны краснѣть: въ немъ стало всеневнымъ чувствомъ то, чѣмъ мы гордимся въ лучшія минуты нашей жизни. Я бы завидовалъ ему до нелзя, если бы не боялся черезъ это окончательно потерять уваженіе Каіуса.

И точно, Каіусъ относился къ Бальтазару почти съ явнымъ презрѣніемъ, хотя онъ и не высказывалъ это чувство въ присутствіи Дегенфельда и Вольфганга. Но тѣмъ свободнѣе высказалъ онъ Мюнцеру; онъ называлъ его жалкимъ мечтателемъ, годнымъ только на то, чтобы услаждать такихъ идеалоговъ, какъ Дегенфельдъ и Вольфгангъ.

Мюнцеръ временами, какъ казалось, также раздѣлялъ эту антипатію къ Бальтазару; а можетъ быть, онъ просто радъ былъ какому нибудь предлогу, чтобы удалиться отъ общества своихъ друзей. Въ теченіи послѣдней недѣли Мюнцеръ сталъ еще мрачнѣе и сдержаннѣе, чѣмъ когда-либо. Только общество Каіуса его не тяготило. — Онъ наотрѣзъ отказался принять мѣсто офицера и остался простымъ солдатомъ, не смотря на то, что въ батальонѣ сильно нуждался въ офицерахъ; даже Каіусъ принялъ начальство надъ небольшимъ отрядомъ,

на что онъ имѣлъ полнѣйшее право, благодаря своимъ замѣчательнымъ военнымъ способностямъ. Во время совѣщаній Мюнцеръ почти всегда хранилъ молчаніе; только изрѣдка онъ высказывалъ свое мнѣніе двумя-тремя словами, да и тутъ всегда принималъ сторону Каіуса.

Вольфгангъ не могъ обижаться поведеніемъ Мюнцера; было слишкомъ очевидно, что душевныя муки заставляли его такъ сторониться отъ друзей. Во время схватокъ съ непріателемъ, Мюнцеръ постоянно кидался на самый опасный пунктъ; въ батальонѣ распространилось даже повѣрье, что Мюнцеръ заговоренъ отъ непріятельскихъ пуль; но иначе думалъ Вольфгангъ; для него было ясно, что Мюнцеръ просто искалъ смерти.

Однажды вечеромъ, когда, послѣ жаркой схватки, отрядъ занялъ относительно безопасную позицію, Вольфгангъ упрекнулъ его въ этомъ. Мюнцеръ отвѣчалъ ему спокойно:

— Я достаточно пожилъ на свой пай и убѣдился, что я лишній человекъ на бѣломъ свѣтѣ.

— А семья ваша? спокойно и твердо возразилъ Вольфгангъ. Что станется съ вашею женою? съ дѣтьми?

Глубокая тѣнь легла на лицо Мюнцера.

— Мои дѣти, проговорилъ онъ медленно, они обезпечены; моя жена...

Онъ опустилъ голову на руки и прошепталъ:

— Бѣдная женщина! ты была достойна лучшей доли. Не въ добрый день мы свидѣлись съ тобою въ первый разъ.

— Вы часто упоминали мнѣ объ анонимныхъ письмахъ, которыя вы получали прошлою осенью изъ Рейнштадга, сказалъ Вольфгангъ; вы высоко цѣнили эти письма и часто высказывали желаніе узнать, кто былъ ихъ авторъ; по нѣкоторымъ примѣтамъ, вы предполагали, что они были писаны женщиной. Хотите узнать теперь кто ихъ писалъ?

— Ты знаешь? спросилъ Мюнцеръ, подымая голову и глядя на него большими глазами.

— Да.

— Кто же?

— Ваша жена.

— Быть не можетъ! воскликнулъ Мюнцеръ, быстро вскакивая на ноги; я самъ такъ думалъ, но письмо, которое я

получилъ отъ нея прошлою осенью, по возвращеніи въ Рейнштадта, порѣшили всѣ мои сомнѣнія.—Нѣтъ, быть не можетъ!

— А я говорю вамъ, что это такъ, настаивалъ Вольфгангъ, и рассказалъ ему все, что онъ узналъ касательно этого дѣла отъ Бальтазара.

Мюнцеръ ходилъ неровными шагами назадъ и впередъ; наконецъ онъ остановился передъ Вольфгангомъ и сказалъ:

— Мы поговоримъ еще объ этомъ, Вольфгангъ, а теперь мнѣ необходимо остаться одному.

Онъ пожалъ Вольфгангу руку и быстро удался.

XXII.

Между тѣмъ мѣсяцъ уже взошелъ и серебрилъ верхушки высокихъ сосенъ. Мюнцеръ бродилъ безъ цѣли по лѣсу. Наконецъ онъ вышелъ на поляну, гдѣ былъ поставленъ Дегенфельдомъ передовой пикетъ. Люди лежали, завернувшись въ шинели, подъ черною тѣнью деревьевъ; только двое или трое изъ нихъ шагали назадъ и впередъ по полянѣ.

Мюнцеръ бросился на землю поодаль отъ другихъ. Темная фигура отдѣлилась отъ тѣни деревьевъ и подошла къ Мюнцеру: то былъ Каіусъ.

— Я не обладаю вашимъ желѣзнымъ тѣлосложеніемъ.

— Тѣло-то ваше было бы достаточно крѣпко, если бы сердце поспокойнѣе билось въ груди.

— Дайте мнѣ средство противъ этого.

— Поживите моею жизнью и я ставлю все противъ ничего, что вы перестанете жаловаться на сердцебіеніе.

— Моя жизнь вовсе не походила на свѣтлый весенній день.

— Знаю, иначе мнѣ бы до васъ и дѣла не было, какъ мнѣ вѣтъ дѣла до остальныхъ людей. Я ненавижу счастливицевъ, они принадлежатъ къ другой расѣ.

— Кого вы называете счастливымъ?

— Человѣка, который не можетъ совершить преступленіе, потому что у него не хватаетъ страсти, необходимой для такого дѣла.

Мюнцеръ взглянулъ на его загорѣлое лицо, обросшее щетинистою бородою, на его сверкающіе глаза; ему показалось,

что онъ видитъ Каіуса въ первый разъ, и онъ невольно отъ него отшатнулся.

— Не бойтесь, докторъ, сказала Каіусъ съ короткимъ сильнымъ смѣхомъ, я пока еще не совершилъ ни единого преступленія. Много крови на моихъ рукахъ, но она была пролита въ сраженіи, по необходимости. Но знаю, что настанетъ время, когда я не въ честномъ бою буду убивать, а просто зарѣжу.

— Кто же оскорбилъ васъ такъ смертельно?

— Близкій родственникъ вашего друга, молодого аристократа, котораго я ненавижу за проклятое имя, герръ Гисбертъ фонъ-Гогенштейнъ.

— Возможно ли это? спросилъ Мюцеръ; я думалъ, что вы видѣли полковника всего какъ нибудь три-четыре раза съ той поры, какъ вы въ Рейнштадтѣ, или вы прежде...

— Бывалъ ли я прежде въ Рейнштадтѣ? договорилъ Каіусъ; я не американецъ, хотя теперь и американскій гражданинъ. Я родился въ Рейнштадтѣ. Мой отецъ былъ пьяница, моя мать, — публичная женщина; я росъ среди величайшей нищеты и глубочайшаго разврата. Но я былъ гордъ и положилъ себѣ стать путнымъ человѣкомъ. Я сдѣлался наборщикомъ, а потомъ солдатомъ. Я любилъ дѣвушку, которая, подобно мнѣ, выросла въ величайшей нищетѣ и, подобно мнѣ, осталась честною среди окружавшей ее грязи; это была честная, славная дѣвушка, — ради ея, я самъ оставался честнымъ. Полковникъ фонъ-Гогенштейнъ былъ юнкеромъ въ моемъ полку. Онъ былъ буйный, развратный человѣкъ и уже давно помѣтилъ мою невѣсту. Однажды ночью, онъ встрѣтилъ насъ съ нею на улицѣ. Онъ шелъ патрулемъ и велѣлъ схватить насъ обомъ. Насъ привели на гауптвахту; меня засадили въ арестантскую, а беззащитная дѣвушка стала жертвою скотскаго, адскаго сладострастья. Потомъ ее вытолкали полунагую на улицу. На утро, когда меня выпустили, мимо меня пронесли трупъ несчастной: она не вынесла позора и утопилась. Двѣ недѣли спустя, я угодилъ подъ судъ за покушеніе на жизнь начальника; судьи, принявъ во вниманіе смягчающія обстоятельства, милостиво присудили меня къ пожизненной каторгѣ. Я бѣжалъ и благополучно пробрался во Францію. Потомъ побывалъ въ Испаніи, дрался тамъ противъ пиратовъ, попался въ плѣнъ и былъ проданъ въ

рабство въ Марокко; тамъ я цѣлыхъ десять лѣтъ влачилъ въ неволѣ. Мой господинъ называлъ меня Каіусомъ; впоследствии, когда я бѣжалъ въ Америку, я сохранилъ это имя, чтобы вѣчно помнить тѣ благодѣянія, которыми наградили меня сильные земли, богатые и власть имѣющіе. — Зачѣмъ утомлять васъ длиннымъ перечнемъ приключеній, которыя пережили человѣкъ, не имѣющій отчизны, да и не жалающій имѣть ея. Я дрался подъ всѣми широтами; на моемъ тѣлѣ болѣе ранъ, чѣмъ звѣздъ на груди мирнаго генерала. Но что эти раны въ сравненіи съ тою одною раною, которая отравляетъ всю мою жизнь, которая никогда не заживетъ и жгетъ, и жгетъ, и вѣчно будетъ жечь, пока не околѣетъ тотъ, кто ее нанесъ! — Что тамъ еще случилось?

Въ лагерѣ вдругъ все зашевелилось; всѣ тѣснились къ только что возвратившемуся патрулю, который привелъ съ собою двухъ подозрительныхъ людей.

— Это шпионы, что съ ними долго разговаривать, — убейте ихъ!

Послышался плаксивый голосъ:

— Я пошелъ съ нимъ только потому, что онъ мнѣ далъ много денегъ; добрые господа! сжальтесь надъ бѣднымъ парнемъ, у котораго дома слѣпая мать на рукахъ.

Каіусъ и Мюнцеръ подошли къ шумной группѣ. Мѣсяцъ свѣтилъ ярко, такъ что можно было разсмотрѣть всѣ подробности картины. Одинъ изъ захваченныхъ былъ молодой мальчикъ изъ сосѣдней деревни, по тупому лицу его струились слезы; спутникъ его былъ стройный, ловкій молодой человѣкъ, одѣтый въ темную блузу, съ соломенной шляпой на головѣ.

— Не жмите меня такъ крѣпко, молодець, обратился молодой человѣкъ къ солдату, державшему его за локоть. — Добрый вечеръ господа! не можете ли вы сказать вашимъ молодцамъ, чтобы они повѣжливѣе обходились съ путешественниками?

Эти слова были сказаны мелодическимъ, полу-гнѣвнымъ, полу-шутливымъ голосомъ. Мюнцеръ остановился, какъ громомъ пораженный. Возможно ли это? она здѣсь! мелькнуло у него въ головѣ.

— Я живо пойму вашу веселость, молодой баронъ, ска-

заль Каиусъ съ мрачной усмѣшкой; вамъ, видно, захотѣлось поскорѣе надѣть эполеты? Эй, вы! парнишкѣ свяжите руки, а будетъ еще больше рюнить, такъ приколите его; а вотъ съ этимъ молодчикомъ мы сейчасъ порѣшимъ дѣло.

И онъ обважилъ короткій и острый кинжалъ.

Однимъ прыжкомъ Мюнцеръ очутился возлѣ него и схватилъ его за руку.

— Въ умѣ ли вы, Каиусъ? воскликнулъ онъ; потомъ, отведя его въ сторону, онъ шепнулъ ему на ухо: развѣ вы не видите что это женщйна?

— Ого! проговорилъ Каиусъ, вотъ оно что!— Ребята, пустите его. Докторъ знакомъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ и ручается за него.

При первыхъ звукахъ мюнцераго голоса, стройный молодой человѣкъ испустилъ легкій крикъ изумленія и радости. Какъ только выпустилъ его на свободу, онъ быстро кинулся къ Мюнцеру, обхватилъ его шею руками и проговорилъ тихимъ, ласкающимъ голосомъ:

— Наконецъ-то я опять съ тобою.

Мюнцеръ рѣзкимъ движеніемъ освободился отъ этихъ объятій.

— Пора покончить эту игру, милостивая государыня, проговорилъ онъ; здѣсь не время и не мѣсто для подобной комедіи.

Антонія отступила шагъ назадъ и посмотрѣла на Мюнцера пристальнымъ взглядомъ. Потомъ она взяла его за руку и проговорила:

— Бернгардъ! чтобы переговорить съ тобою, я рисковала жизнью; неужели ты послѣ этого откажешь мнѣ въ свиданьи?

И не дожидаясь отвѣта, она взяла Мюнцера за руку и увлекла его за собою въ лѣсъ. Оба шли молча. Антонія сѣла на древесный стволъ, вывороченный бурей. Мюнцеръ стоялъ рядомъ съ нею. Онъ былъ въ какомъ-то опьяненіи и не замѣчалъ, что кругомъ его дѣлается. Тихое рыданіе, слышавшееся возлѣ него, заставило его очнуться и обратиться къ Антоніи.

— Сжался надо мною! проговорила Антонія, падая на колѣни и поднимая къ нему обѣ руки.

— А ты щадила меня? отвѣчалъ Мюнцеръ; что могло тебя привести сюда, послѣ того, какъ ты съ такою холодною

разсчитливостью порвала послѣднюю связь между нами? Встань, Антонія! къ чему эта безсмысленная сцена? Вставай же!

— Нѣтъ, я не встану до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь мнѣ, что вѣришь, что послѣ твоего послѣдняго поцѣлуя ни одинъ мужчина ко мнѣ не прикасался.

— Вѣрю; ты слишкомъ горда, чтобы лгать, отвѣчалъ Мюнцеръ.

Антонія быстро вскочила на ноги.

— Благодарю тебя, Бернгардъ! стократъ тебя благодарю! Это-то слово мнѣ и хотѣлось услышать отъ тебя. Теперь я могу спокойно уйдти; я ничего больше не хотѣла и не хочу отъ тебя!

Она поняла свою шляпу, покрыла ею свои темныя кудри и хотѣла было удалиться.

— Антонія! воскликнулъ Мюнцеръ, ты съ ума сошла? Куда ты хочешь идти?

— Зачѣмъ же мнѣ здѣсь оставаться, вѣдь ты гонишь меня отъ себя?

— Я не гоню тебя, я не могу тебя оттолкнуть отъ себя, Антонія!

Съ легкимъ крикомъ восторга, страстная женщина кинулась къ нему на грудь.

— Дай мнѣ свою руку, проговорила она, и пойдемъ ходить взадъ и впередъ, какъ мы, бывало, хаживали въ моей гостиной; я расскажу тебѣ, какимъ образомъ я была доведена до безумнаго поступка, за который такъ дорого заплатилась. Видишь ли, Бернгардъ, ты глубоко оскорблялъ меня своею холодностью. Въ тотъ вечеръ, когда ты засталъ у меня художника, я кинула тебѣ перчатку, но, клянусь тебѣ, Бернгардъ! кинула ее съ замвращающимъ сердцемъ, въ тречетной ожиданіи, что, можетъ быть, ты не поднимешь ее. Ты принялъ вызовъ; я была виѣ себя. Художникъ думалъ воспользоваться этимъ; онъ предложилъ мнѣ планъ, который мы съ нимъ на слѣдующій день привели въ исполненіе, но не совсѣмъ такъ, какъ онъ его задумалъ, а такъ какъ мнѣ хотѣлось. Глупый фатъ! онъ воображалъ, что отъ тебя можно бѣжать, что тебя можно замѣнить такимъ созданіемъ, какъ онъ! На ближайшей станціи я распростилась съ нимъ. Я про-

должала скитаться съ мѣста на мѣсто; я чуть съ ума не сошла отъ отчаянья; наконецъ я твердо рѣшилась отыскать тебя, хотя бы для того, чтобы умереть у твоихъ ногъ. Я знала, что ты находишься въ революціонной арміи. Я тотчасъ же отправилась и пріѣхала на сосѣднія воды. Тамъ мнѣ сказали, что по желѣзной дорогѣ нельзя ѣхать, что мѣстами рельсы сняты, да кромѣ того, придется ѣхать между враждующими арміями. Я не долго раздумывала: надѣла мужское платье, наняла извозчика, чтобы онъ меня довезъ до вашей главной квартиры, и отправилась, выдавая себя за студента, желающаго поступить въ отрядъ Дегенфельда. Въ главной квартирѣ мнѣ дали нѣкоторые указанія, какъ отыскать вашъ отрядъ. Мой возница не могъ или не хотѣлъ ѣхать далѣе; я наняла молодого крестьянина, который вызвался быть моимъ проводникомъ, и пошла пѣшкомъ въ горы. Послѣ обѣда мы услышали перестрѣлку; я пошла прямо по направленію выстрѣловъ, къ величайшему ужасу проводника, котораго я едва могла заставить слѣдовать за собою просьбами, угрозами и обѣщаніями. Вечеромъ стрѣльба вдругъ прекратилась; я пошла впередъ на удачу и счастье мнѣ благопріятствовало; оно привело меня къ тебѣ, мой милый, безцѣнный, и я болѣе не оставляю тебя. Вѣдь ты, не правда ли, послѣдуешь за мною? Всѣ говорятъ, что ваше дѣло потеряно. Что тебѣ оставаться съ этимъ жалкимъ народомъ? Для дѣла, которое погибло безвозвратно, вѣдь ничего нельзя сдѣлать?

— Можно сложить за него голову, проговорилъ Мюнцеръ.

— Но ты самъ не вѣришь въ это дѣло! Ну, да хорошо, хорошо, Бернгардъ, я ничего не буду говорить; я хочу, чего ты хочешь; я хочу умереть съ тобою, потому что безъ тебя я не могу жить.

Такъ говорила эта женщина, лаская и цѣлуя его.

Сердце Мюнцера надрывалось отъ противорѣчащихъ ощущеній. Еще часъ тому назадъ, Вольфгангъ ясно какъ день доказалъ ему, какъ жестоко онъ ошибался въ Кларѣ. А теперь, словно для того, чтобы доказать ему все безсиліе его раскаянья, нужно же было снова явиться этой Антоніи, близость которой производила на него такое опьяняющее дѣйствіе.

Погруженные въ свою личную жизнь, они и не замѣтили, какъ мало по малу собиралась гроза, пока наконецъ яркая

молнія и сильный раскатъ грома не напомнили имъ объ опасности ихъ положенія. Мюнцеръ пошелъ по направленію къ лагерю, но, чѣмъ болѣе они углублялись въ лѣсъ, тѣмъ яснѣе становилось, что они заблудились.

— Напрасный трудъ идти далѣе, сказала Антонія; намъ надо подождать утра, а то мы заблудимся еще болѣе.

— Но что съ тобою станется, бѣдное дитя?

— Мнѣ хорошо съ тобою.

Они отыскали подъ нависшею скалою глубокую впадину, въ которую и укрылись; Мюнцеръ устроилъ для Антоніи ложе изъ моху и предложилъ ей прилечь.

— Хорошо! если ты ляжешь со мною, отвѣчала Антонія; иначе я не лягу. Мюнцеръ снялъ съ плечъ ружье и поставилъ его возлѣ себя, прислонивъ къ скалѣ, такъ что онъ легко могъ достать его рукою. Антонія сѣла рядомъ съ нимъ и прилегла головою къ нему на грудь.

Такъ провели они ночь. На разсвѣтѣ Мюнцеръ проснулся первый; онъ наклонился къ Антоніи и шепнулъ: проснись, Антонія, пора! — Антонія раскрыла глаза и дико повела ими на все окружающее. Вдругъ она захохотала.

— Это мы здѣсь провели ночь? воскликнула она. Нечего сказать! славная спальня.

Она кинулась на грудь къ Мюнцеру и поцѣловала его. Мюнцеръ тихо высвободился изъ ея объятій и проговорилъ:

— Намъ пора въ путь, Антонія, давно пора!

— Пойдемъ, отвѣчала Антонія.

Они вышли изъ пещеры и окинули взглядомъ окрестность. Густой туманъ лежалъ широкими полосами на лугахъ; мѣстами только виднѣлись темныя пятна кустарника, точно острова, выплывавшіе среди этого туманнаго моря.

Долго блуждали они по незнакомой мѣстности, пока наконецъ не добрались до опрокинутого бурей дерева, на которомъ они отдыхали наканунѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого дерева находилась тропинка, пролегавшая прямо въ лагерь.

— Наконецъ-то! проговорилъ Мюнцеръ. Но чу! что это такое?

Изъ за пригорка все ближе и ближе слышался какой-то страшный шумъ, переходившій на трескъ ломавшихся сучьевъ. Къ этому шуму присоединялся какой-то глухой, мѣрный то

потъ, какъ-будто цѣлая толпа людей ступала по мягкому грунту.

— Это непріятель, шопотомъ проговорилъ Мюнцеръ, хватаясь за ружье.

— Что ты хочешь сдѣлать?

— Подать нашимъ сигналъ, пока еще время.

И онъ выстрѣлилъ. Почти въ тоже мгновеніе со стороны приближавшагося непріятели раздалось нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ имъ на обумъ, и Мюнцеръ свалился на землю къ ногамъ Антоніи.

Съ дикимъ крикомъ упала она возлѣ него на колѣни и приподняла его окровавленную голову. Первою ея мыслью было, что онъ убитъ, но вскорѣ она удостовѣрилась, что пуля только вскользь задѣла високъ. Она зажала рану своимъ платкомъ, но увы! неудержимо струилась кровь и обаграла дрожащія руки. Она сорвала съ себя шелковый галстукъ, разорвала на себѣ блузу и перевязала рану, какъ умѣла. Она присѣла на траву и положила любимую голову къ себѣ на колѣни; а между тѣмъ на право и на лѣво раздавались выстрѣлы; какіе-то сѣрые образы, точно призракы, мелькали въ туманѣ и оглашали воздухъ изступленными криками; но она ничего не видѣла, ничего не слышала.

Отрядъ за отрядомъ валилъ съ барабаннымъ боемъ прямо по направленію къ опушкѣ лѣса, который, какъ оказывалось, былъ на скорую руку занятъ инсургентами и защищался ими съ отчаянною храбростью.

Но вотъ изъ-за деревьевъ вмѣстѣ съ выстрѣлами раздалось ура нападающихъ и отрядъ солдатъ вышелъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ неподвижно сидѣла Антонія съ своею печальною ношею.

— Э! да тутъ еще притаилась парочка плѣнныхъ демократовъ! воскликнулъ одинъ солдатъ, прицѣливаясь въ Антонію.

— Побереги-ка лучше свои патроны, пріятель, вмѣшался офицеръ и лезвемъ свой сабли вышибъ ружье съ даннаго ему направленія.

Лейтенантъ фонъ-Тодвицъ разглядѣлъ, что человекъ, окровавленная голова котораго покоилась на колѣняхъ красиваго юноши, былъ или убитъ, или тяжело раненъ. Зрѣлище

это возбудило его состраданіе. Онъ подошелъ къ несчастному и встрѣтилъ умоляющій взглядъ Антоніи; она узнала молодого человѣка, съ которымъ не разъ танцевала на балахъ.

— Спасите его, герръ фонъ-Тодвиць, восклицнула она, забывая всякую осторожность.

Офицеръ остановился какъ окаменѣлый: это ли была Антонія, блестящая Антонія фонъ-Гогенштейнъ! Тодвиць былъ добрый малый, и то, что онъ видѣлъ теперь, не могло его не тронуть.

— Я сдѣлаю все, что лежитъ въ моей власти, проговорилъ онъ, но боюсь, что мнѣ не много удастся сдѣлать.

Въ эту минуту показался одинъ изъ начальствующихъ чиновъ; онъ скакалъ прямо на нихъ и кричалъ еще издали хриплымъ голосомъ:

— Лейтенантъ фонъ-Тодвиць! тронетесь вы что ли впередъ? Какого чорта вы тамъ застряли?

Заслышавъ этотъ голосъ, Антонія вскрикнула.

— Ради Бога, Тодвиць, сказала она, не предавайте насъ во власть этого человѣка! Ужь лучше убейте насъ обоихъ.

Но въ ту самую минуту полковникъ осадилъ передъ ними своего дымящагося коня.

— Чортъ васъ догадалъ, господинъ лейтенантъ... началъ было онъ, но тутъ его взглядъ упалъ на Антонію. Онъ залился сиплымъ хохотомъ.

— Вотъ это мило, по чести! воскликнулъ онъ; ай да милосердая самаритянка новѣйшаго покроя.

Онъ соскочилъ съ коня и подошелъ къ Антоніи.

— Будьте благоразумны, Антонія, сказалъ онъ шопотомъ. Вы видите, онъ исходитъ кровью; передайте его на руки нашему доктору, онъ перевяжетъ ему руку. Такимъ образомъ вы сохраните ему по крайней мѣрѣ жизнь.

Антонія хотѣла было что-то отвѣтить, но силы измѣнили ей; она упала безъ чувствъ въ ту самую минуту, какъ нѣсколько солдатъ, по знаку, данному полковникомъ, подняли раненаго съ земли.

Полковникъ простоялъ съ минуту, уставившись глазами въ землю и закусивъ нижнюю губу. Потомъ онъ выпрямился и проговорилъ грубымъ, повелительнымъ тономъ:

— Проводите ихъ обоихъ, Тодвиць, въ нашъ аррьергардъ;

вы мнѣ за нихъ отвѣчаете. Да вотъ что, Тодвицъ, добавилъ онъ, смягчая токъ; устройте такъ, чтобы это дѣло имѣло какъ можно менѣе огласки. Вѣдь вы, я знаю, мастеръ ладить съ бабьемъ.

XXIII.

При первомъ же выстрѣлѣ, Дегенфельдъ и Вольфгангъ поспѣшили съ своимъ батальономъ на помощь угрожаемому пикету. Имъ удалось вытѣснить непріятеля изъ лѣса и самимъ продержаться нѣсколько времени въ опушкѣ, пока, наконецъ, превосходство непріятельскихъ силъ не принудило ихъ къ отступленію. Не безъ большого урона выбрались они изъ лѣса, переправились черезъ протекавшую тутъ рѣчку и остановились на другомъ ея берегу, чтобы дать вздохнуть измученнымъ людямъ. Теперь только оказалось, какъ великъ былъ ихъ уронъ: они не досчитывались цѣлой трети тѣхъ удалцовъ, которые, еще не далѣе какъ сегодня утромъ, съ такою готовностью откликнулись на зовъ своего предводителя и взялись за оружіе; тутъ только съ ужасомъ замѣтили наши друзья, что между уцѣлѣвшими не оказывалось на лицо ни Мюнцера, ни Каіуса. Послѣдняго они вскорѣ отыскали за околицей сосѣдней деревни, гдѣ Бальтазаръ помогалъ докторамъ перевязывать раненыхъ. Каіусъ сидѣлъ на землѣ, передъ нимъ на колѣняхъ стоялъ Бальтазаръ и разрѣзалъ блузу на могучей груди и на мускулистой рукѣ. На первый вопросъ пришедшихъ, опасна ли его рана, онъ отвѣчалъ: — Нѣтъ, но я не могу тронуться лѣвою рукою.—На второй вопросъ о Мюнцерѣ его мрачное лицо еще болѣе омрачилось.—Я былъ убѣжденъ, что онъ съ вами, отвѣчалъ онъ ворчливо. Ну что пріятель, какъ дѣла? Дайте-ка мнѣ взглянуть на рану. И, пустяки! пуля тутъ близехонько подъ кожей; вырѣжьте ее, перевяжите рану повязкой и дѣло съ концомъ. Вотъ такъ! Теперь, ступайте къ другимъ, а мнѣ дайте немного всхрапнуть.—И Каіусъ, прислонившись спиною къ стѣнѣ, закрылъ глаза.

Все правое крыло инсургентовъ представляло картину страшнаго хаоса. Въ дикомъ смятеніи пятилась конница, пѣхота и артилерія черезъ мостъ по направленію къ деревнѣ.

Дядево стараются предводители выстроить бѣгущихъ посю сторону рѣки въ боевую линію; въ довершеніе бѣдствія непріятель открылъ по нимъ съ высотъ противоположнаго берега сильный огонь, который уничтожилъ много народу въ ихъ рядахъ. Инсурденты отбивались все слабѣе и слабѣе и отдѣльные отряды нападающихъ дѣлали уже попытки переправиться черезъ рѣчку, которая въ этомъ мѣстѣ была довольно мелка. Дегенфельдъ тотчасъ же увидѣлъ новую опасность. — Слѣдите, Вольфгангъ, обратился онъ къ своему другу; возьмите половину нашихъ людей, да по дорогѣ захватите, сколько будетъ можно; а я ужъ кое-какъ здѣсь продержусь.

Вольфгангъ съ кучкою надежныхъ людей бросился къ угрожаемому пункту. Проходя мимо дома, за которымъ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, онъ увидѣлъ Бальтазара, неутомимо исполнявшаго свою печальную обязанность. Вольфгангъ позвалъ было его съ собою, но тотъ отвѣчалъ: Мѣсто мое здѣсь, мой добрый молодой баринъ; я не хочу, чтобы сказали, что Бальтазаръ до времени оставилъ свой постъ.

Всюду царствовало самое малодушное смятеніе; цѣлые батальоны, почти не успѣвъ понюхать пороху, въ безпорядкѣ кидались назадъ. Крики: мы погибли, непріятель заходитъ намъ въ тылъ! быстро распространяли панику по всей линіи.

— Ну, господинъ капитанъ, намъ не на кого болѣе полагаться, какъ на самихъ себя, проговорилъ вѣрный Рухель, не отстававъ и отъ Вольфганга.

— Да, кажется, что такъ, отвѣчалъ Вольфгангъ.

— Силы небесныя воскликнулъ Рухель, глядите, цѣлыя толпы непріятели валяютъ на нашъ берегъ, а наши-то олухи и стрѣлять перестали.

— Маршъ, маршъ, командовалъ Вольфгангъ.

Горстѣ храбрецовъ подоспѣла на мѣсто своего назначенія какъ разъ въ самую рѣшительную минуту. Въ садахъ и въ лугахъ, спускавшихся къ берегу, они нашли достаточное количество людей, но людямъ этимъ не доставало боевыхъ снарядовъ и путнаго предводителя. Вольфгангъ построилъ ихъ въ колонну и кинулся съ ними въ штыки на непріятеля, который въ эту минуту только-что успѣлъ переправиться черезъ рѣчку, а потому еще не привелъ свои ряды

въ надлежащій порядокъ. То, что самому Вольфгангу казалось невѣроятнымъ, случилось: регулярныя войска уступили неожиданному напору, берегъ снова остался въ рукахъ инсургентовъ.

Но на другомъ флангѣ счастье далеко не благоприятствовало имъ. Удаленіе Вольфганга съ половиною Дегенфельдова отряда значительно ослабило силы защищающихся; въ довершеніе бѣдствія, непріятельская канонада зажгла деревню и лишила, такимъ образомъ, инсургентовъ ихъ единственнаго прикрытія.

До сихъ поръ Дегенфельдъ съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ распоряжался обороной, и только его геройское присутствіе духа могло такъ долго удерживать отрядъ въ позиціи, очевидно, не имѣвшей другой цѣли, какъ, цѣною жизни нѣсколькихъ храбрыхъ, доставить остальнымъ, малодушнѣйшимъ, возможность отступленія. Дегенфельдъ стоялъ на пригоркѣ и съ телескопомъ въ рукѣ слѣдилъ за движеніями непріятеля. По временамъ раздавался его голосъ, звонко и спокойно отдававшій приказанія или же ободрявшій сражающихся. Онъ зналъ, что, пока онъ стоитъ на этомъ мѣстѣ, въ виду у своихъ, не пошатнется ни одинъ изъ тѣхъ молодцовъ, которыми онъ предводительствовалъ въ теченіи столькихъ недѣль. Твердо рѣшился Дегенфельдъ не отдаваться живымъ въ руки непріятеля; пистолетъ у него за поясомъ былъ уже на готовѣ, но роковая минута еще не настала. Вотъ видитъ онъ, непріятель двинулъ противъ нихъ новый батальонъ, за нимъ другой, третій; нѣтъ никакого сомнѣнія, онъ хочетъ взять мостъ приступомъ. Дегенфельдъ оставляетъ свой наблюдательный постъ и кидается къ угрожаемому пункту; но, едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ пуля ранитъ его въ правую руку; онъ беретъ свою шпагу въ лѣвую, но въ эту минуту новая пуля раздробляетъ ему лѣвое колѣно и онъ безъ чувствъ падаетъ на землю. Какъ молнія пробѣгаетъ по рядамъ роковая вѣсть, что майоръ упалъ.—Все пропало, спасайся, кто можетъ!

Напрасно старался Каіусъ и другіе удержать бѣгущихъ; инсургенты бросаютъ оружіе и кидаются опротивѣею назадъ между тѣмъ батальоны регулярныхъ войскъ занимаютъ мостъ и высаживаются на берегъ рѣки, который никто уже не думаетъ защищать.

Нѣсколько человекъ, случившихся около Дегенфельда въ ту минуту, какъ онъ упалъ, подняли его и отнесли въ походный госпиталь. Дегенфельдъ очулся на рукахъ Балтазара,

— Какъ идетъ бѣва?

— Если не ошибаюсь, то все пропало, отвѣчалъ Балтазаръ; нашу бѣгутъ, куда глаза глядятъ.

— Такъ бѣгите же и вы, мой другъ, мнѣ никого не нужно, чтобы умереть.

— Въ эту минуту въ непосредственной ихъ близи раздался ружейный огонь! громогласное ура, свидѣтельствовавшее, что неприятель уже тутъ.

— Бѣгите, Балтазаръ, повторилъ Дегенфельдъ и вынулъ пистолеть изъ-за пояса; вамъ нельзя терять ни минуты.

— Я не покину васъ и этихъ остальныхъ несчастныхъ, отвѣчалъ Балтазаръ кроткимъ, но твердымъ голосомъ.

Регулярная войска вломилась въ деревню. Дейтенантъ фонъ-Гинкель, безбородый юноша, лѣтъ девятнадцати, увидѣлъ джаканата Дегенфельда и бросился на него съ обнаженной шпагой.

— Сдавайтесь, майоръ! крикнулъ онъ ему искливымъ голосомъ.

Дегенфельдъ приподнялся, опираясь на здоровую руку, и на помертвѣвшихъ губахъ его мелькнула улыбка презрѣнія; онъ пригавилъ себѣ къ виску дуло пистолета и спустил курокъ. Прежде, чѣмъ эта благородная голова коснулась земли, герой испустилъ духъ.

Фонъ-Гинкель явился къ своему начальнику съ рапортомъ о томъ, что майоръ фонъ-Дегенфельдъ...

— Живой или мертвый?

— Мертвый, господинъ полковникъ.

— Такъ проваливайте же вы къ чорту, въ бѣшенствѣ закричалъ полковникъ; намъ важно было изловить этого пса живьемъ; вы намъ все дѣло испортили.

Балтазаръ былъ горестнымъ свидѣтелемъ кончины Дегенфельда; но еще ужаснѣйшее зрѣлище было для него впереди: обезумѣвшіе отъ рѣзни солдаты кинулись на раненыхъ и полуживыхъ и докалывали штыками; Балтазаръ рванулся было заслонить одного изъ несчастныхъ собственнымъ тѣломъ, но его съ насмѣшками и ругательствами оттокнули въ сторону.

Вскорѣ дошелъ чередъ и до него: съ пощаженьемъ солдатъ погнало его прикладами передъ собью.

— А подайте-ка сюда этого пса, задрочаго полковника! Онъ смотритъ чѣмъ-то въ родѣ полковничьихъ пистолетовъ, что это у него за сумка надѣта поверхъ истасканнымъ краемъ?

Сумка эта принадлежала Каусу, который ее потерялъ; это самое время, какъ Балтазаръ перевязывалъ ему раненую руку. Полковникъ пробѣжалъ содержавшіяся въ ней бумаги.

— Эге! заговорилъ онъ, да этомаг одного изъ зачинщиковъ поддѣлки! Така воть онъ, знаменитый Каусъ! Ну, думали ли вы, господа, чтобы у молодца была такая шутовская рожа? И этотъ-то уродъ другъ и приятель моего дражайшаго племянника! Не сканьбиль ли ты намъ, гдѣ онъ изволяетъ скрываться?

— Мое имя не Каусъ, отвѣчалъ Балтазаръ; гдѣ скрывается въ настоящую минуту мой добрый молодецъ баринъ, этого я не знаю, да если бы и зналъ, то не сказалъ бы вамъ.

— Однако, живо, уберитеесь отсюда, командовать полковникъ солдатамъ. Побѣдите, господа, а то мы здѣсь заживо сгоримъ.

XXIV.

Горе побѣжденнымъ! Старое, гнусное, жестокое слово, позорящее человѣчество! Неужели ты никогда не утратишь свое страшное значеніе? Неужели ты вѣчно будешь раздаваться тамъ гдѣ измученный боецъ падаетъ на землю? Горе побѣжденнымъ! Это слово звенѣло въ ухахъ и отзывалось въ сердцахъ красавицы Антонія, когда она, нѣсколько дней спустя послѣ катастрофы сидѣла у окна въ номерѣ небольшой гостиницы завоеваннаго городка и машинально смотрѣла, какъ на улицѣ полушьяные солдаты приставали съ своими любезностями къ крестьянкамъ, возвращавшимся съ рынка. Она ничего не видѣла, не слышала, не думала; вся ея жизненная дѣятельность сосредоточилась на одной мысли, не покидавшей ее ни днемъ, ни ночью; она думала только о томъ, какъ бы спастись дорогого узника отъ тюрьмы или, по крайней мѣрѣ, отъ смерти.

На другой день ему предстояло явиться передъ судомъ.

Послѣ всего, что произошло, можно было вѣрнѣе догадываться о томъ, каковы будутъ приговоры. Мюнцеръ ли увидится до просьбы о помилованіи? Или захотятъ ли его помиловать? Нѣтъ! судьба его была рѣшена: только чудо могло спасти ему жизнь.

Антонія вскочила съ своего мѣста и принялась ходить по комнатамъ, ломая руки. Она была такъ погружена въ свою печаль, что и не замѣтила, какъ дверь отворилась, и вошелъ посетитель.

— Прощу извиненія у моей очаровательной невестки...

Антонія вскрикнула и обернулась. Какъ она смѣла явиться передъ нею?..

Она подняла руку и, дрожа отъ гнѣва, страха и отвращенія, указала на дверь.

— Моя прелестная невестка все еще не смеетъ своей обычной суровости, проговорили полковникъ. А я было рассчитывалъ сегодня на болѣе милостивый пріемъ. Впрочемъ, какъ хотите.

И онъ повернулся, дѣлая видъ, что хочетъ уйти. Рука Антонія опустилась.

— Оставайтесь! проговорила она, задыхаясь,

Полковникъ улыбнулся.

— Никоненко токъ проговорилъ: онъ. Ну-съ, коли вы ужь разрешите мнѣ остаться, то позвольте мнѣ, прежде всего снять свое вооруженіе; а теперь мы съ вами сидимъ рядомъ и потянуемъ мирно и любовно, какъ и подобаетъ старымъ пріятелямъ.

Антонія нерѣшительно покачалаась знаку, которымъ онъ приглашалъ ее занять мѣсто вблизи себя.

— Я давнымъ давно набывалъ бы у васъ, милая Антонія, заговорилъ полковникъ, медленно снявая перчатки, но вы поймете, что суровость, съ которою вы постоянно отталкивали отъ себя ту дань поклоненія, которую я не могъ не воздавать вашему уму и красотѣ, обязывала меня соблюдать въ отношеніи васъ величайшую осторожность.

— Что же привело васъ ко мнѣ сегодня? спросила Антонія, тупо глядя передъ собою въ землю.

— Съ прискорбіемъ слѣдилъ я за вашими усиліями спасти Мюнцера, продолжалъ полковникъ, какъ будто не слыжавъ ей

вопроса, тѣмъ съ большимъ прискорбіемъ, что я, во-первыхъ, предвидѣлъ ихъ бѣзполезность, во-вторыхъ же, въ качествѣ судьи надъ этимъ самымъ Мюнцеромъ, и еще болѣе, вслѣдствіе моихъ личныхъ отношеній къ вамъ, не могъ вамъ предложить свою помощь.

— Такъ что же привело васъ ко мнѣ сегодня, повторила Антонія.

— Удостойте меня, моя красавица, еще нѣсколькихъ минутъ вниманія. Вамъ, конечно, не извѣстно, что я уже не мало хлопоталъ въ вашемъ интересѣ. Безъ моего заступничества, вамъ не такъ-то легко сошло бы съ рукъ то двусмысленное положеніе, въ которомъ мой отрядъ засталъ васъ на полѣ сраженія; вы мнѣ обязаны тѣмъ, что вамъ позволили безпрепятственно здѣсь оставаться. Согласитесь, что подобный образъ дѣйствій съ моей стороны, если прицѣпить въ соображеніе тѣ чувства, которыя вы, не стѣняясь, выказывать относительно меня, *passablement* великодушныя. И какъ охотно сдѣлалъ бы я для васъ еще болѣе! Какъ прискорбно мнѣ предсѣдательствовать завтра въ томъ самомъ судѣ, которому предстоитъ рѣшить судьбу Мюнцера! И что всего прискорбнѣе, это то, что въ моемъ лицѣ должны случайно соединиться и судья, и обвинитель. Вы видите этотъ бумажникъ? Ну, кто подумаетъ, что въ этомъ засаленномъ кускѣ кожи вопросъ жизни или смерти для Мюнцера?

Антонія бросила быстрый взглядъ на сумку, находившуюся у полковника въ рукахъ, и по всему ея тѣлу пробѣжалъ трепетъ. Полковникъ улыбнулся.

— Я нашелъ этотъ бумажникъ на полѣ битвы; хозяинъ его, одинъ изъ вождей возстанія, по имени Каіусъ, погибъ мой молодецъ, къ сожалѣнію, погорячился и распорядился съ нимъ, не дожидаясь военнаго суда. Нѣкоторымъ вознагражденіемъ въ этой потерѣ можетъ служить намъ сумка убитаго; въ ней, между прочимъ, находится нѣсколько писемъ Мюнцера; документы эти имѣютъ большое значеніе, такъ какъ они представляютъ единственную письменную улику, свидетельствующую о его измѣннической дѣятельности.

Полковникъ снова спряталъ бумажникъ въ свой боковой карманъ.

По видимому, продолжалъ онъ, Мюнцеръ не занималъ въ

такъ называемой революціонной арміи никакого вышлага про-
сда; онъ никогда не состоялъ, на сколько мнѣ извѣстно, на
службѣ въ нашей арміи; если бы между судьями его нашел-
ся благопріятель, который надлежащимъ образомъ выставилъ
бы эти обстоятельства на видъ, и если бы въ заключеніе
умолчать о вышеупомянутыхъ запискахъ, которыя свидѣтель-
ствуютъ о его организаторской дѣятельности на службѣ воз-
станія, то по моему мнѣнію, крайне снисходительный приго-
воръ и, даже, полное оправданіе были бы дѣломъ ни невоз-
можнымъ.

Полковникъ всталъ.

— И какой же награды потребовалъ бы себѣ этотъ...
благопріятель? спросила Антонія глухимъ голосомъ.

Полковникъ снова сѣлъ.

— Однако вы съ разу передоспите вопросъ на чертовски
практичную почву, отвѣчалъ онъ, захохотавъ; мнѣ сдается,
что вы всего лучше самцъ съумѣете на него отвѣтить. На
войнѣ, моя прелестная Антонія, всѣ средства позволены; мы
съ вами находимся въ открытой войнѣ и всѣ преимущества
безспорно на моей сторонѣ. Такая практичная женщина, какъ
вы, не поставитъ же мнѣ въ вину, что я пользуюсь этими
преимуществами.

У Антоніи пробѣжалъ по тѣлу морозъ.

— Только поймите меня хорошенько, продолжалъ полков-
никъ: мнѣ нужно или все, или ничего; и нужно, если уже вы
рѣшитесь, не поздиѣе нынѣшняго вечера. Такъ рѣшайтесь же!

И онъ снова всталъ съ мѣста.

— Я рѣшилась, отвѣчала Антонія. Онъ могъ бы только
презирать ту женщину, которая, для спасенія его жизни, по-
жертвовала бы его честью, да и наконецъ, если бы онъ даже
не презиралъ меня, для меня онъ все равно былъ бы поте-
рянъ, потому что я утопила бы свой позоръ въ первомъ по-
павшемся пруду. Условія торга, какъ видите, слишкомъ не-
выгодны для меня.

— Какъ вамъ угодно, холодно проговорилъ полковникъ,
застегивая португезу; но, можетъ статься, вы еще одумае-
тесь. Въ такомъ случаѣ, вамъ стоитъ только написать мнѣ
росписку; я буду ждать до девяти часовъ. А до тѣхъ поръ,
прощайте!

Едва онъ успѣлъ выйти, какъ Антонія вскочила съ своего мѣста и начала, какъ безумная, бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. — О Боже мой, Боже мой! что мнѣ дѣлать? твердила она, ломая руки.

Хорошенькая молодая дѣвушка, дочь содержателя гостиницы, заглянула въ дверь.

— Ахъ, извините, сударыня, проговорила она; тамъ васъ спрашиваютъ какая-то дама; она говорить, что ей очень нужно васъ видѣть.

— Кто она такая?

— Она не говоритъ своего имени; должно быть она родственница кого нибудь изъ заключенныхъ; она смотритъ такой печальной.

— Введите ее сюда, проговорила Антонія.

Войдя въ комнату, незнакомка остановилась и, какъ только дѣвушка притворила дверь, откинула вуаль. Антонія никогда не видала Клэркенъ, но одного взгляда на блѣдное, страдавшее лицо молодой женщины было достаточно, чтобы объяснить ей, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Она торопливо подошла къ своей гостьѣ и проговорила, взявъ ее за руку:

— Вы жена его?

Двѣ крупныя слезы, медленно покотившіяся по блѣдымъ щекамъ были единственнымъ отвѣтомъ Клэркенъ. Дрожавшими руками принялась Антонія развязывать ленты ея шляпки; она помогла ей сѣсть и усадила ее на диванъ. Видя это она дѣлала съ какимъ-то суетливымъ, почти смиреннымъ радушіемъ.

— Давно вы здѣсь?

— Со вчерашняго дня.

— И видѣли вы его?

— Меня не хотѣли къ нему допустить; обѣщались, что пустятъ завтра, но мнѣ намерся, что имъ просто хотѣлось отдѣлаться отъ меня. Не можете ли вы мнѣ помочь?

Бѣдная, бѣдная женщина! проговорила Антонія, какъ бы про себя. Она не могла свести глазъ съ лица Клэрны; не такую воображала она себѣ жену Мюнцера. И вѣжливы ли у него не было глазъ для крѣпкой прелесть этого лица?

— Бѣдная, бѣдная женщина! повторила она снова.

— Я хочу только увидѣть его въ послѣдній разъ, продол-

жана Клерхенъ, хочу этого не для себя, а для него. Вѣдь я знаю, что, хотя онъ и не любитъ меня такъ, какъ любить васъ, все же сердце его сжимается каждый разъ, какъ онъ обещаетъ думать. Я хочу только сказать ему, что если бы были за нимъ какія вины передо мною, то я давно простила ему, что онъ можетъ умереть съ спокойною совѣстью. Да, я должна сказать ему, что отъ всего сердца, изъ глубоко прочувствованнаго убѣжденія снимаю съ него отвѣтственность за то, что было несчастіемъ его жизни, за то, что онъ слишкомъ поздно встрѣтилъ единственную женщину, достойною стать его подругой.

— Ради Бога, не говорите такъ, воскликнула Антонія. Каждое ваше слово—мнѣ ножъ острый! О Боже мой, Боже мой, что я сдѣлала!

И она упала въ поламъ. Клерхенъ, покрывая ея руки слезами и поцѣлуями.

— Нѣтъ, нѣтъ! ридала она, не мешайте мнѣ стоять передъ вами на коленяхъ дайте мнѣ молиться на васъ, какъ молится святому. О, какъ я странно согрѣшила передъ вами! Какъ могла я до сихъ поръ не думать объ этомъ? Но я заплачу свою вину, клянусь вамъ, заплачу!

Она встала, прошлась нѣсколько разъ по комнатѣ и снова сѣла рядомъ съ Клерхенъ.

— У кого вы были? спросила она какимъ-то странно спокойнымъ голосомъ.

Клерхенъ назвала нѣсколько именъ изъ генералитета.

— Все не туда вы обращались, куда слѣдуетъ, проговорила Антонія съ мрачною улыбкой. Одинъ только человекъ можетъ намъ съ вами помочь, и поможетъ, ручаюсь вамъ!

— Кто это?

Клерхенъ принуждена была повторить свой вопросъ нѣсколько разъ. Антонія сидѣла какъ окаменѣлая, кусая нижнюю губу и мрачно уставившись въ землю. Наконецъ она встрепенулась, какъ бы очнувшись отъ страшнаго сна.

— Кто? Этого я не могу вамъ сказать, но потожитесь на меня. Сегодня, врядъ ли я еще успѣю что нибудь сдѣлать, но, что вы увидите его завтра, въ этомъ я вамъ ручаюсь. Я надѣюсь сдѣлать для васъ еще больше, но оставьте меня, оставьте до завтра.

— Что вы такое задумали? спросила Клерхенъ, встревоженная ея страннымъ голосомъ.

— Пока я ничего болѣе не могу вамъ сказать; но умоляю васъ, положитесь на меня: вполнѣ. А теперь расскажите мнѣ про себя, про дѣтей.

— На лицо Кларвы набѣжала черная тѣнь.

— У меня остался всего только одинъ ребенокъ, проговорила она тихо.

— Какъ, что вы говорите?

— Мой Карлъ умеръ, отвѣчала Клерхенъ; сегодня ровно двѣ недѣли, какъ мы его схоронили.

— Боже мой, Боже мой! проговорила Антонія, какъ бы про себя.

— А теперь, дайте же мнѣ васъ утѣшить сказала Клерхенъ, обвивая ея шею руками; понесемте вмѣстѣ то горе, которое поразило насъ обѣихъ. Вы любите его всюдушою; я это вижу; и я буду любить васъ, какъ прекрасную сестру, которой я могу только желать всего лучшаго.

Антонія спрятала лицо на груди Клерхенъ и дала волю слезамъ. Такъ сидѣли эти двѣ женщины, крѣпко обнявшись и обмѣниваясь словами утѣшенія и любви, раскаянія и прощенья.

Часы съ сѣдней башнѣ пробили семь. Антонія быстро вскочила.

— А теперь уйдите отъ меня, проговорила она; оставьте себя спокойно дома и дожидайтесь отъ меня вѣсти; быть можетъ, она будетъ лучше, чѣмъ вы даже ожидаете.

Проводивъ Клерхенъ, Антонія сѣла къ письменному столу, поспѣшно набросала нѣсколько строкъ и позвала служанку:

— Отнесите это письмо тому... адресъ тутъ написанъ. Только, смотрите, непременно сами спешите.

— Слушаю, сударыня.

Молоденькая служанка съ удивленіемъ поглядѣла на говорившую; звукъ ея голоса показался ей такимъ страннымъ. Она чуть не вскрикнула при взглядѣ на блѣдное, искаженное лицо Антоніи.

— Вы, сударыня, должно быть, нездоровы? проговорила она.

— Нѣтъ, я совершенно здорова, отвѣчала Антонія; спѣшите, дитя мое; да не забудьте же сами отдать письмо.

Станнымъ казалось все это дѣло молоденькой дѣвушкѣ; она знала, что у знатной дамы «сидѣлъ родственникъ въ казематахъ». — Должно быть, дѣло этого родственника рѣшилось, а то зачѣмъ бы было этому черному офицеру, который былъ у дамы ноутру, приходитъ еще вечеромъ? Онъ пробылъ у нея съ полчаса, и когда онъ уходилъ, молоденькая дѣвушка могла только слышать, какъ дама сказала ему: если вы не сдержите вашего обѣщанія, я задушу васъ! — а черный офицеръ отвѣчалъ ей хриплымъ смѣхомъ и сказалъ что-то такое, изъ чего молодая дѣвушка могла только слышать слова «бумажникъ» и «безопасность».

На слѣдующее утро, когда маленькая Кэти стояла на дворѣ гостиницы, къ ней подошелъ крестьянинъ огромнаго роста, съ гладко выбритымъ глупымъ лицомъ, изъ котораго тупо глядѣла пара косыхъ глазъ.

— Проводи меня, дѣвушка, къ госпожѣ фонъ-Гогенштейнъ, сказалъ онъ ей; я знаю, что она дома, а у меня есть про нея важныя извѣстія.

— Хорошія извѣстія? спросила Кэти.

— Еще бы, отвѣчалъ крестьянинъ.

— Ну, коли ты съ добрыми вѣстями, то иди за мной, проговорила Кэти и ввела его къ Антоніи въ комнату.

Какъ скоро незнакомецъ очутился съ глазу на глазъ съ Антоніей, первымъ его движеніемъ было запереть дверь на замокъ. Лицо его мгновенно преобразилось и приняло совсѣмъ другое выраженіе.

— Кто вы такой? воскликнула Антонія, невольно отступая шагъ назадъ.

Человѣкъ въ блузѣ приложилъ палецъ къ губамъ и проговорилъ шопотомъ и скороговоркой:

— Мое имя—Каіусъ; вы, конечно, не разъ его слышали. Я переодѣлся, чтобы разузнать, нельзя ли какъ нибудь спасти его. Я знаю, что вы сдѣлали для него все, что могли, но многого вы не могли сдѣлать. Быть можетъ, я буду счастливъѣе васъ, только мнѣ понадобятся деньги, которыхъ у меня нѣтъ; за ними-то я и пришелъ къ вамъ.

— Знаете ли вы вотъ это? проговорила Антонія, вынимая изъ стола бумажникъ и показывая его Каюсу.

— Какже! Это мой бумажникъ; онъ былъ найденъ на томъ бѣднякѣ, котораго разстрѣляли вмѣсто меня. Я знаю всю эту исторію отъ одного пріятели — унтеръ-офицера. Но я было думалъ, что этотъ бумажникъ въ рукахъ полковника?

— Со вчерашняго дня онъ въ моихъ рукахъ, отвѣтила Антонія.

— Ну, дай-то Богъ, только чтобы вы не купили его случайно дорогою цѣною, проговорилъ Каюсъ съ какойто странной усмѣшкой.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Если полковникъ завѣрилъ васъ, что передаетъ вамъ бумажникъ во всей неприкосновенности, то онъ солгалъ. Важнѣйшія письма, или, вѣрнѣе, единственное важное письмо, которое было единственною, дѣйствительно опасною уликою для Мюнцера, лежало сегодня на столѣ аудиторіата.

Антонія, шатаясь, ухватилась за спинку кресла.

— Не мучьте меня, воскликнула она. Что вы еще знаете? Его осудили?

— Да; я знаю это отъ того же самаго пріятели, унтеръ-офицера, который былъ членомъ аудиторіата. Мой пріятели да лейтенантъ фонъ-Тодвицъ, чтобы спасти Мюнцеру хоть жизнь, предложили пожизненное заключеніе; но остальные приговорили его къ смерти; больше всѣхъ стоялъ за смертный приговоръ полковникъ фонъ-Гогенштейнъ. Такъ какъ мнѣнія судей раздѣлились, то принуждены были заключить приговоръ обращеніемъ къ монаршему милосердію.

Въ лицѣ Антоніи не было ни кровинки; сквозь стиснутые ея зубы послышалось одно только слово, — «мщеніе».

При этомъ словѣ въ глазахъ Каюса вспыхнулъ мрачный огонь.

— Если не ошибаюсь, заговорилъ онъ, интересы знатной дамы и интересы пролетарія сходятся въ настоящемъ случаѣ на диво. Вы любите Мюнцера, я тоже люблю его по своему. Вы ненавидите полковника, и я его ненавижу. А коли цѣли у насъ однѣ, то отчего бы намъ не идти рука объ руку? У васъ есть то, чего у меня нѣтъ; съ другой стороны, быть

можетъ, и у меня окажутся свойства, которыхъ вамъ, при всѣхъ вашихъ преимуществахъ, не достааетъ. Хотите?

— Да, да, проговорила Антонія.

— Можете вы мнѣ дать денегъ?

— Пятьдесятъ луидоровъ немедленно, а черезъ нѣсколько дней, сколько хотите.

— Давайте!

Антонія вынула свертокъ изъ своего письменнаго стола и передала его Каіусу.

— Скажите, что думаете вы сдѣлать?

— Пока въ человѣкѣ есть жизнь, не слѣдуетъ терять надежду, это я на самомъ себѣ разъ двадцать испыталъ. Дѣла Мюнцера еще вовсе не такъ плохи; пока еще изъ резиденціи придетъ отвѣтъ на оффиціальную просьбу о помилованьи, пройдетъ, по крайней мѣрѣ, восемь дней; а въ это время много можно будетъ сдѣлать. У меня много пріятелей въ девяносто девятомъ полку; къ тому же, золотой ключъ отпереть какія угодно двери.

Въ эту минутку послышался легкій стукъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Это я, сударыня; отъ господина полковника фонъ-Гогенштейна принесли записку.

Антонія твердою рукою распечатала записку, которую подала ей Кэти.

«Спѣшу увѣдомить васъ, моя очаровательная невѣстка, писалъ полковникъ, что всѣ наши усилія спасти вашего друга остались тщетными. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ; быть можетъ, еще монаршая милость даруетъ вашему другу жизнь, которой онъ долженъ лишиться по приговору суда, приговору, состоявшемуся противъ моего желанія и противъ моихъ ожиданій. Такъ какъ здѣшніе казематы переполнены и необходимо размѣстить часть заключенныхъ по другимъ крѣпостямъ, то я думалъ вамъ угодить, причисливъ господина М. къ транспорту, отправляющемуся сегодня въ Рейнштадтъ, куда его, кстати, вызываютъ къ суду по рейнфельденскому дѣлу. Такъ какъ вы, по всѣмъ вѣроятіямъ, пожелаете находиться какъ можно ближе къ вашему другу, то я желаю вамъ, на случай, если дѣло не позволитъ мнѣ еще разъ увидѣться передъ отъ—

ѣздомъ, счастливаго пути. Остаюсь съ тѣми чувствами, которыя вы такъ вполне раздѣляете.»

Преданный вамъ Гисбергъ фонъ-Гогенштейнъ.

— Прочитайте это! проговорила Антонія, передавая Каиусу записку.

Каиусъ внимательно ее прочиталъ.

— Гм! проговорилъ онъ; отъ васъ хотятъ отдѣлаться, это ясно; но въ Рейнштадтѣ намъ будетъ, безспорно, легче спасти Мюнцера, чѣмъ здѣсь. На всякій случай, вы нынче же должны уѣхать отсюда. Если дорогою ничего не удастся сдѣлать, то я, вмѣстѣ съ транспортомъ, прибуду въ Рейнштадтъ. Тогда я, быть можетъ, обращусь къ вамъ съ просьбою приютить меня на время въ вашемъ домѣ. А до тѣхъ поръ, прощайте! да смотрите, держите побольше наличныхъ денегъ на готовѣ.

— Могу ли я взять съ собою жену Мюнцера, которая тоже здѣсь?

— Возьмите ее! отвѣчалъ Каиусъ, подумавъ; двухъ женщинъ еще менѣе опасаются, чѣмъ одной.

XX.

Однажды вечеромъ, въ началѣ сентября, два мѣсяца спустя послѣ описанныхъ нами событій, тетушка Белла и Оттилія сидѣли у лампы за большимъ столомъ и работали. Но дѣло что-то не шло на ладъ; тетушка Белла покачала головою, стегнула раза два иглой, потомъ поглядѣла на Оттилію, наконецъ съ рѣшительнымъ видомъ сняла очки и проговорила сердито:

— Нѣтъ, не могу больше шить; я нынче все только пугаю.

— Что съ тобою, милая тетя? воскликнула Оттилія, вздрогнувъ, какъ-будто ее разбудили отъ сна.

— Что съ тобою, что съ тобою, передразнила ее тетушка Белла; не бойсь, я сама три раза въ продолженіе вечера дѣлала тебѣ тотъ же вопросъ, да такъ и не удостоилась отвѣта.

— Не сердись, тетя! если бы ты знала, какъ у меня тяжело на душѣ!

— Да я и не сержусь, проворчала тетушка Белла; пора бы, кажется, тебѣ знать, что я вообще не умѣю на тебя

сердиться. Или и ты такъ же, какъ и другіе люди, думаешь, что у меня вовсе нѣтъ сердца? — Сердце-то у меня есть, только я его не бросаю всякому встрѣчному и поперечному, и, кажется, Гольму грѣшно бы было этого не знать.

— Но Гольмъ не хотѣлъ тебѣ сказать ничего обиднаго, онъ былъ слишкомъ возбужденъ.

— Хотѣлъ ли онъ тамъ или не хотѣлъ меня обидѣть, онъ не въ правѣ былъ говорить такія вещи старой пріятельницѣ... т. е. старой, потому что онъ ее столько лѣтъ знаетъ. Онъ, вѣшь, возбужденъ былъ! точно я меньше его возбуждена! только это не мѣшаетъ мнѣ смотрѣть, на вещи, какъ онъ есть, и хотѣть убейте вы меня, я не могу не сказать, что Мюнцеръ заслужилъ свое наказанье. Кто покидаетъ жену и дѣтей, тотъ не заслуживаетъ, чтобы солнышко его грѣло. И если завтра къ его пожизненному заключенію прибавятъ еще годочка два, то я буду душевно рада... та есть, рада-то не рада, а скажу, что по дѣломъ ему.

— Тетушка, начала Оттилія твердымъ голосомъ, ты ошибочно понимаешь положеніе дѣла. Мюнцеръ готовится пострадать за то, что онъ дѣйствовалъ согласно съ своимъ убѣжденіемъ; въ этомъ отношеніи онъ провинился не болѣе Вольфганга и многихъ другихъ; остальное же онъ долженъ порѣшнить съ своею собственною совѣстью, и не дѣло судей въ это вмѣшиваться.

— Прошу покорно! не ихъ дѣло вмѣшиваться! — Не трудись, я и одна сложу коверъ. — Не ихъ дѣло вмѣшиваться! Такъ, по твоему, если человѣкъ ведетъ себя въ отношеніи своей жены ни дать, ни взять, какъ какой нибудь турецкій султанъ или тунисскій дей, то его за это надо по головкѣ гладить? — Ну, по мнѣ, пожалуй! вѣдь я, слава Богу, состарѣлась въ дѣвкахъ; а вотъ какъ ты можешь такія рѣчи держать, этого я, признаюсь, не возьму въ толкъ. Хотѣла бы я знать, чтобы ты сказала, если бы сама была на мѣстѣ Клерхенъ.

— Вѣроятно, и я поступила бы такъ же великодушно, какъ Клерхенъ. И кто же въ правѣ осуждать Мюнцера, когда сама Клерхенъ ему простила? Да и наконецъ, тутъ вопросъ не въ томъ, правъ ли онъ или виноватъ, а въ томъ, чтобы спасти его отъ участи, которая ужаснѣе самой смерти. И какъ

можешь ты хоть минуту колебаться въ томъ, желать ли тебѣ его освобожденія или нѣтъ? Понятно, что доктора Гольма взяла досада и онъ сгоряча сказалъ, что у тебя нѣтъ сердца, чему онъ въ душѣ такъ же мало вѣритъ, какъ и всякій другой.

Неожиданное энергичное возраженіе совершенно сконфузило тетушку Беллу; она ничего болѣе не нашла сдѣлать, какъ залиться слезами и повести рѣчь о томъ, какъ она несчастна и какъ ее всю жизнь ложно понимали. — Но я не долго буду обременять васъ, продолжала она. Вотъ, когда я буду лежать въ сырой землѣ, тогда вы, быть можетъ, поймете, что старая тетка не о себѣ хлопотала, а о васъ же; что по ней, пускай бы Мюнцеръ и былъ свободенъ, какъ птица, лишь бы только изъ-за него не подвергались опасности тѣ, которые ей всего дороже. О господи! и вѣчные заговоры, да шушуканье, да подкупанье тюремной стражи когда нибудь съ ума меня сведуть. Я ночью, то и дѣло, просыпаюсь; такъ мнѣ и слышится, что за дверью говорятъ: во имя закона, отойдите! — Одного только еще не достааетъ, чтобы мой голубчикъ Вольфгангъ, котораго злые, глупые люди приговорили къ смерти, сунулся сюда, очертя голову.

На этомъ мѣстѣ Оттилія вдругъ зарыдала и бросилась къ теткѣ на шею.

— Перестань, тетя, всхлипывала она; я не могу слышать, когда ты такъ говоришь про Вольфганга.

Гнѣвъ тетушки Беллы мигомъ утишился.

— Полно, полно, дурочка, заговорила она, поглаживая курдючную головку, лежавшую на ея груди; вѣдь я только пошутила. Что Вольфгангъ дуракъ, что ли, чтобы придти въ этотъ городъ, гдѣ его тотчасъ же могутъ узнать?

— А вотъ увидишь, тетя, что онъ придетъ, проговорила Оттилія съ какою то непонятной увѣренностью.

— Пустяки!

— Это такъ же вѣрно, какъ...

— Какъ что?

Оттилія не договорила и принялась убирать работу.

— Ну да, конечно, заворчала тетушка Белла; ужъ если дошло до того, что отъ единственной тетки у тебя есть секреты, то лучше всего приняться за уборку, — авось, либо отъ этого

на сердцѣ будетъ легче. И точно я врагъ какой Вольфгангу; а между тѣмъ, кто его такъ любитъ, какъ я?

— Знаю, знаю, тетя, что ты его любишь, проговорила Оттилія, улыбаясь сквозь слезы.

— Такъ отчего же ты мнѣ не хочешь сказать, почему ты думаешь, что онъ непремѣнно придетъ?

— Ужь у меня такое предчувствіе есть.

— Вотъ какъ! Предчувствіе! Отчего же вы послѣ этого надъ мои-то предчувствіями смѣетесь? Оно конечно, вотъ и Петръ тоже толкуетъ, что онъ придетъ; но я спрашиваю васъ, можно ли забрать себѣ такое въ сумасбродство въ голову? Я благодарю творца небеснаго, что Вольфгангъ безопасно себѣ поживаетъ въ чужихъ краяхъ и нашелъ себѣ такого друга, какъ братъ убитаго Дегенфельда; а у нея вдругъ являются такія странныя предчувствія. Слушай, племянница, скажешь ли ты мнѣ наконецъ толкомъ, любишь ты его или нѣтъ?

Не разъ уже въ теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ тетушка Белла предлагала Оттиліи этотъ вопросъ и регулярно каждый разъ дулась потомъ по двое сутокъ, потому что оказывалось, что Оттилія все еще не имѣетъ довѣрія къ своей «единственной теткѣ». И въ этотъ вечеръ повторилась та же исторія. Тетушка Белла встала и объявила, что идетъ спать. На обычный вопросъ Оттиліи: — не помочь ли тебѣ, тетя, раздѣться, она заранѣе приготовилась отвѣтить: — покорно благодарю, я одна управлюсь. — Но каково же было ея удивленіе, когда Оттилія, вмѣсто обычнаго вопроса, проговорила: — прощай, тетя, покойной ночи! — Возможно ли было такое вызывающее равнодушіе, такое неумѣнье понять ея лучшія намеренія? Ну, да ей не привыкать было къ людской несправедливости; а ночную кофту она могла и одна надѣть (хотя ей не совсѣмъ легко было загибать правую руку). — И тетушка Белла вышла изъ комнаты, метнувъ на Оттилію убійственнымъ взглядомъ.

Оставшись одна, Оттилія позабыла обиженную тетушку и задумалась о томъ, что могъ значить странный тонъ, которымъ дядя Петръ сказалъ ей сегодня вечеромъ, отправляясь вмѣстѣ съ докторомъ Гольмомъ со двора: смотри, уложи тетку пораньше въ постель, а сама не засыпай; шы вернемъ

ся поздно и приведемъ съ собою такого гостя, ради котораго можно не поспать часокъ-другой.

Ей не сидѣлось спокойно на мѣстѣ; что-то душило ее: была ли то спертая атмосфера комнаты, почная тишина или же предчувствіе чего-то необыкновеннаго, долженствовавшаго имѣть вліяніе на всю ея судьбу? Вдругъ ей послышались чѣм-то быстрые шаги, звонко раздававшіеся по пустынной улицѣ и остановившіеся у двери ихъ дома. Вотъ кто-то вложилъ ключъ въ замочную скважину... Только дядя Петръ и докторъ Гольмъ имѣли ключъ отъ наружной двери. Вотъ кто-то взбѣжалъ по лѣстницѣ, чья-то рука безъ труда отыскала въ темнотѣ дверную ручку, чья-то стройная фигура показалась на порогѣ и подошла къ ней съ распростертыми объятіями. Передъ ней, будто во всѣ, мелькнуло лицо Вольфганга; она кинулась къ нему на встрѣчу и упала къ нему на грудь.

Черезъ нѣсколько минутъ, Оттилія первая пришла въ себя; она вырвалась изъ его объятій, поспѣшно опустила шторы въ окнахъ, приперла вплотнѣе двери, потомъ вернулась къ нему и усадила его на низенькій диванчикъ, стоявшій въ углу комнаты. Что это было за блаженство держать его руки, чувствовать, что онъ дѣйствительно тутъ, и слушать его любовныя рѣчи!

— Ты мнѣ все расскажи, Вольфгангъ, всю правду, — я сильнѣе, чѣмъ ты думаешь; я все могу выслушать, одна неизвѣстность для меня невыносима. Что вы такое затѣваете?

— Я ничего отъ тебя не скрою, моя дорогая, отвѣчалъ Вольфгангъ. Мы задумали остановить Мюндера. Мы знаемъ черезъ нашихъ лазутчиковъ, что завтра, по окончаніи суда, его увезутъ тайкомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ челоуѣкъ жандармовъ, и провезутъ его берегомъ нѣсколько миль въ каретѣ; отправить его по желѣзной дорогѣ боятся. И такъ, завтра вечеромъ Каусъ и Рюхель, которые въ настоящую минуту находятся у Антоніи, въ Рейнскѣ, будутъ дожидаться въ небольшомъ лѣсоуѣ, недалеко отъ Рейнфельдена; мы съ Кеттенбергомъ явимся туда же и, если счастье будетъ на нашей сторонѣ, то Мюндеръ еще до полуночи будетъ свободнымъ челоуѣкомъ. Жандармовъ намъ нечего особенно

опасаться, потому что Антонія не мало тысяч просорила между ними.

— Но что это у васъ была за мысль взять Кеттенберга въ сообщники? Ходили слухи, что онъ отверженный любовникъ Антоніи фонъ-Гогенштейнъ и заклятый врагъ Мюнцера.

— Вотъ тутъ-то ты и подивись прощительности этой женщины и ея знанію человѣческаго сердца: когда зашла рѣчь о четвертомъ сообщникѣ, который былъ намъ необходимъ, Антонія объявила, что напишетъ Кеттенбергу и что онъ черезъ недѣлю будетъ здѣсь.

И точно, онъ черезъ недѣлю пріѣхалъ и, въ угоду красавицѣ Антоніи, съ такимъ жаромъ принялся хлопотать объ этомъ дѣлѣ, какъ-будто Мюнцеръ былъ ему родной братъ; намъ же онъ очень полезенъ своею расторопностью и смѣлостью.

— Ну, а какъ же вы думаете далѣе устроить это дѣло?

— Вотъ тутъ начинается самая трудная часть нашей задачи. Представляется теперь вопросъ: какъ переправить Мюнцера черезъ границу? Въ этомъ намъ обѣщается помочь нашъ пріятель, капитанъ буксирнаго парохода. Но онъ не можетъ быть здѣсь раньше трехъ дней, и мы порѣшили спрятать на это время Мюнцера въ Бальтазаровой башнѣ, въ которую и ходъ-то никто не знаетъ, кромѣ насъ съ Рюхелемъ. Эта мѣра представляетъ еще и ту выгоду, что, пока его будутъ караулить по границамъ, онъ будетъ себѣ преспокойно сидѣть въ «спитонѣ вѣдьмъ» и можетъ выждать удобнаго случая для бѣгства.

— Однако, Вольфгангъ, что скажетъ тетушка, если узнаетъ, что ты былъ здѣсь и не повидался съ нею?

— Тетушка Белла не должна вовсе знать, что я былъ здѣсь; а теперь мнѣ пора къ доктору Бранту; у него всѣ наши въ сборѣ и ждутъ моего возвращенія.

— Но, скажи мнѣ, у кого ты скрываешься? въ безопасности ли ты самъ?

— О, въ совершенной безопасности. Я остановился у моего стараго друга, Кебеса, и проживаю въ павильонѣ въ обществѣ веревочной лѣстницы, которая при первой же тревогѣ поможетъ мнѣ перелѣзть черезъ городскую стѣну и бѣжать въ чистое поле; а тамъ, шагахъ въ двадцати, въ ста-

ромъ сараѣ Кебесъ денно и ношно держитъ про меня осѣдланную лошадь. Старикъ всегда былъ яримъ республиканцемъ, но съ той поры, какъ умерла моя мать, онъ еще болѣе возненавидѣлъ аристократовъ, преимущественно же Гогенштейновъ, которые являются ему олицетвореніемъ всего гнуснаго на землѣ. Меня, впрочемъ, онъ любитъ за то, что я сынъ моей матери. Онъ и на нашей-то Урсулѣ женился только за тѣмъ, чтобы имѣть человека, съ которымъ бы онъ могъ говорить о покойницѣ матушкѣ.—Однако, прощай, моя милая, безцѣнная, дорогая! Мнѣ нельзя долѣе оставаться.

— Я провожу тебя.

Оттилія взяла лампу и сошла съ нимъ въ сѣни. Тутъ она поставила лампу на послѣднюю ступеньку лѣстницы и взяла его за руку.

— Вольфгангъ, проговорила она, я не спрашиваю тебя, скоро ли мы снова свидимся; но если ты погибнешь, я не переживу тебя.

— Я не погибну, милая; я останусь жить, жить для тебя, мое сокровище.

И, поцѣловавъ плачущую дѣвушку, онъ кинулся изъ дома.

XXVI.

Сегодня окончился процессъ-монстръ противъ рейнфельденскихъ обвиненныхъ. Шутка ли! пятьдесятъ четыре подсудимыхъ, сто свидѣтелей противъ нихъ и восемьдесятъ въ ихъ пользу! Весь городъ въ продолженіе цѣлой недѣли находился въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи. Съ утра до вечера зданіе суда осаждалось толпою любопытныхъ, изъ которыхъ только самая маленькая часть могла проложить себѣ дорогу въ залу засѣданія. *Habituis* этой залы съ гордостью указывали новопривышцѣмъ на главныя дѣйствующія лица этой потрясающей драмы.—Онъ тотъ высокій, блѣдный мужчина на скамьѣ обвиненныхъ, это докторъ Мюнцеръ. Господинъ, сидящій на второй скамьѣ, который еще вытираетъ себѣ лицо носовымъ платкомъ—это докторъ Гольмъ; а вотъ этотъ невысокій, сѣдой господаинъ, что сидитъ возлѣ него, это Петръ Шмицъ. Видите вы эту блѣдную даму на передней скамьѣ, которая еще такъ пристально глядитъ на Мюнцера? Это его жена.

Ее все это время не допускали къ мужу; она свидѣлась съ нимъ здѣсь въ первый разъ; когда она приходитъ, всѣ разступаются передъ нею и обнажаютъ головы, какъ передъ какою королевой. Видите, докторъ Мюнцеръ оглянулся на нее и она ему улыбается. Рассказывали, что Мюнцеръ былъ не совсѣмъ вѣренъ ей и имѣлъ связь съ одною госпожею фонъ-Гогенштейнъ; только это не болѣе, какъ наглая клевета, распущенная аристократами съ цѣлю повредить ему въ общественномъ мнѣніи. Я самъ своими глазами, видѣлъ, какъ обѣ дамы прѣхали вмѣстѣ въ каретѣ фрау фонъ-Гогенштейнъ и вмѣстѣ же уѣхали. Но вотъ докторъ Мюнцеръ встаетъ; послушайте-ка, какъ онъ будетъ говорить; этакого краснорѣчія вы въ жизнь свою не слыхали.

По всему собранію пробѣжалъ какой-то шорохъ, потомъ все затихло и притаило дыханіе. Мюнцеръ всталъ. Его прекрасное лицо было очень блѣдно, и тѣ, у кого было острое зрѣніе, могли замѣтить, что его темныя, густыя кудри посѣдѣли; но то, что всѣ могли разглядѣть, былъ широкій, красный шрамъ отъ только-что зажившей раны, тянувшейся отъ угла глаза и вплоть до корня волосъ. Глаза его сохранили прежній блескъ, а голосъ прежнюю полноту и звучность.—«Я нахожусь въ томъ исключительномъ положеніи, началъ онъ, которое позволяетъ мнѣ обо всемъ, касающемся меня, говорить съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто бы я съ облаковъ взиралъ на землю. Дѣло въ томъ, милостивые государи, что отъ вашего приговора нечего опасаться и нечего надѣяться. Другой судъ уже присудилъ меня искупить пожизненнымъ заключеніемъ то, что я совершилъ на болѣе широкой аренѣ; для того, чтобы усилить мое наказаніе, вы должны были сперва ухитриться продлить число дней, назначенныхъ мнѣ судьбою. И такъ, я изъять отъ всѣхъ тѣхъ ощущений, которыя обыкновенно волнуютъ подсудимаго; чуждый страха и надежды, гнѣва и ненависти, я могу смѣло сказать вамъ всю истину и скажу ее. Не утаю отъ васъ, милостивые государи; я бы и не воспользовался этимъ случаемъ молвить въ послѣдній разъ въ жизни свободное слово передъ лицомъ добрыхъ людей, если бы мнѣ предстояло защищать себя одного; по мое дѣло—въ тоже время дѣло и вотъ этихъ монахъ товарищей и сподвижниковъ, которые по моей винѣ селятъ на

скамьѣ обвиненныхъ. Рабы невѣжества и нищеты, они и не подумали бы возстать и сопротивляться, если бы я не явился къ нимъ, какъ олицетвореніе ихъ глухо бродившаго недовольства, и не подвинулъ ихъ на дѣло; между прочимъ, и на то дѣло, за которое они въ настоящую минуту ожидаютъ своего приговора. Сознаніе лежащей на мнѣ обязанности заявить объ этомъ въ настоящій неофициальный часъ передъ лицомъ моихъ согражданъ, передъ лицомъ моихъ друзей и недруговъ, это сознаніе, говорю я, помогало мнѣ съ бодрымъ терпѣніемъ переносить страданія духа и тѣла. И такъ, я сознаюсь передъ вами, сознаюсь передъ тѣмъ высшимъ судилицемъ исторіи, передъ которымъ всѣ мы, господа, стоимъ, что половина вины лежитъ на мнѣ. За то другая половина, и, быть можетъ, большая, падаетъ... Но объ этомъ рѣчь впереди; а теперь, позвольте мнѣ возстановить въ надлежащемъ видѣ самую суть моей вины, искаженную официальнымъ обвинительнымъ актомъ».

«Въ этомъ актѣ я изображенъ человѣкомъ съ сердцемъ Катиллины и съ умомъ Платона. А между тѣмъ, поистинѣ, я далеко не такой мудрецъ и далеко не такой злодѣй, какъ изображено въ официальномъ обвинительномъ актѣ,—не такой мудрецъ, потому что, впрочемъ, я не стоялъ бы передъ вами; не такой злодѣй, потому что, опять такъ, я тогда не стоялъ бы здѣсь. За то-то я и несу наказаніе, что возрѣнія мои были ошибочны, а это въ политикѣ — преступленіе; если бы я обладалъ только практическимъ умомъ, я бы сдумалъ спастись во время; если бы я былъ дѣйствительно мудрецъ, я понялъ бы, что подкопъ, которымъ я думалъ взорвать зданіе современнаго общественнаго устройства, далеко не достаточно глубокъ для этого».

«И многое бы я могъ сказать, господа, въ этомъ родѣ, если бы хлопоталъ только о томъ, чтобы на мѣсто каррикатуры, набросанной въ официальномъ обвинительномъ актѣ, представилъ вамъ свой дѣйствительный портретъ. Но я обѣщался сказать вамъ правду, всю правду; такъ знайте же, что въ тотъ вечеръ, когда я подалъ своимъ примѣромъ сигналъ къ походу на Рейнфельденъ, я и самъ не вѣрилъ въ успѣхъ этого предпріятія и кинулся въ него съ отчаянія. А между тѣмъ, ни какъ политикъ, ни какъ человѣкъ, не имѣлъ

я права увлекать за собою въ пропасть моихъ ученковъ и приверженцевъ, какъ-будто ихъ жизнь была не болѣе, какъ отраженіемъ моей собственной жизни. Если бы я въ тотъ вечеръ внялъ совѣту нѣсколькихъ друзей, которымъ я теперь жму мысленно руку, и громко возвысилъ бы голосъ противъ этого безумнаго похода, то эти несчастные не сидѣли бы въ настоящую минуту на скамьѣ обвиненныхъ. Что они здѣсь сидятъ, это моя вина, и сознаніе ея тяготитъ надо мною хуже всякаго наказанія».

Когда Мюнцеръ, блѣдный и утомленный, опустился на свое мѣсто, въ залѣ поднялась такая буря, что, казалось, стѣны сейчасъ обрушатся на присутствующихъ. То были крики не ура, не крики одобренія; то былъ странный шумъ, напоминавшій раскаты грома или грохотъ водопада. Женщины плакали навзрыль.

Пергаментное лицо президента еще болѣе пожелтѣло, и онъ бросилъ умоляющій взглядъ на Мюнцера. Мюнцеръ всталъ и обратился къ публикѣ, знаками прося ее успокоиться. И въ то же мгновеніе въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Президентъ воспользовался этимъ затишьемъ; онъ объявилъ, что публика нарушаетъ благочиніе и потому должна удалиться изъ залы суда.

Все собраніе поднялось тихо и торжественно, какъ въ ту минуту, когда священникъ призывалъ на вѣрующихъ благословеніе божіе. Петръ Шмицъ подошелъ къ Клерхенъ Мюнцеръ и предложилъ ей руку, чтобы проводить ее къ выходу; за нимъ слѣдовалъ докторъ Гольмъ. И вдругъ, среди этой страшной тѣсноты, точно чудомъ какимъ передъ нимъ образовалась широкая уллица; всюду видны были заплаканныя лица, печальные, почтительно-пристальные взгляды. За ними уллица снова замкнулась и медленно повалилъ потокъ въ широко распахнувшіяся двери.

Тысячи народа, стоявшія на площади, обнажили головы, когда Клерхенъ Мюнцеръ, въ сопровожденіи Петра Шмица и доктора Гольма, сошла съ лѣстницы и сѣла въ карету, куда за ней послѣдовали и оба ея спутника.

Засѣданіе суда продолжалось до одиннадцати часовъ вечера. Мюнцеръ и половина обвиненныхъ были приговорены къ болѣе или менѣе продолжительнымъ срокамъ тюремнаго заклю-

ченія. Разказывали, что Мюнцера отвезли въ темницу окольными путями и подъ строжайшимъ секретомъ. Было далеко за полночь, когда толпы народа очистили площадь передъ зданіемъ суда.

Но сѣдующій день принесъ съ собою новыя чудеса. По городу разнесся слухъ, что карета, въ которой везли Мюнцера, была остановлена не далеко отъ деревни Рейнфельденъ толпою вооруженныхъ людей въ маскахъ; конвойные жандармы, послѣ отчаяннаго сопротивленія, принуждены были бѣжать, а Мюнцеръ скрылся вмѣстѣ съ своими похитителями.

XXX.

Освобожденіе Мюнцера стало предметомъ разговоръ не только въ тѣхъ кругахъ, которые были ареною его политической дѣятельности, но и во всѣхъ остальныхъ слояхъ общества. Связь Мюнцера съ Антоной фонъ-Гогенштейнъ была въ свое время привилегированною тѣмою салонныхъ сплетенъ. А тутъ еще подоспѣли изъ дѣйствующей арміи письма нѣкоторыхъ офицеровъ, въ которыхъ подробно описывался извѣстный читателю эпизодъ на полѣ сраженія. Тодвицъ, бывший очевидцемъ этого эпизода, сдѣлался героемъ дня. Но всего загадочнѣе казалось настоящее поведеніе самой Антонин; не скрывая своего сочувствія къ подсудимому, она, между тѣмъ, ничего не дѣлала, чтобы заявить это сочувствіе: не искала доступа къ нему въ темницу и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала вертѣться въ вихрѣ удовольствій. Одни удивлялись ея мужеству, другіе называли ее бездушною эгоисткой; но всѣ эти толки замолкли послѣ того, какъ она дала нѣсколько великолѣпныхъ баловъ. Порѣшили на томъ, что она «существо исключительное и что ей надо извинять ея странности; вѣдь эти Гогенштейны всѣ такіе; они вѣчно не тѣмъ, такъ другимъ заставляютъ о себѣ говорить.»

И точно, эта особенность въ семействѣ Гогенштейновъ проявлялась особенно рѣзко за послѣднее время. Арестъ генерала, самоубійство штадтрата, бѣгство Вольфганга и наконецъ безчисленныя сплетни, ходившія о президентскихъ дочкахъ, все это слѣдовало одно за другимъ. Поговаривали, что между Камиллою и ея женихомъ, докторомъ

Шнепперомъ, дѣло уже теперь доходить до отчаянныхъ сценъ; утверждали также, что счастье Вилламовскаго далеко не безоблачно, особенно съ той поры, какъ живописецъ Кеттенбергъ возвратился въ Рейнштадтъ. Тѣмъ не менѣе, день обѣихъ свадебъ былъ назначенъ и пригласительные билеты разосланы. Двойное торжество это должно было совершиться въ Рейнфельденѣ, и въ публикѣ ходили самые баснословные слухи о тѣхъ великолѣпныхъ приготовленияхъ, которыя дѣлались въ замкѣ къ этому дню.

День двойного торжества насталъ; еще за цѣлую недѣлю передъ тѣмъ, рейнфельденскій паркъ кипѣлъ рабочими; всюду воздвигались триумфальныя арки съ вензелями, развѣшивались цвѣтные фонари, къ вечеру готовился великолѣпный фейерверкъ; всѣми этими приготовлениями распоряжался живописецъ Кеттенбергъ. Въ самый день свадьбы пришло извѣстie, что корпусный командиръ, принцъ фонъ-Лобенъ-Рейценштейнъ почтитъ торжество своимъ присутствiемъ.

— Знаемъ мы для кого онъ прѣдетъ, сказала президентша Камиллѣ.

— Ужь будто для меня? улыбаясь, проговорила Камилла.

— А то нѣтъ? Ты думаешь я не видала, какими влюбленными глазами онъ смотрѣлъ на тебя въ первый вечеръ, когда онъ былъ у насъ въ домѣ?

— Но, маменька, вѣдь онъ самъ скоро женится?

— И, мой другъ! владѣтельныя особы женятся изъ видовъ государственной пользы, а сердце свое берегутъ для себя. Ахъ, дитя мое, я просто сказать тебѣ не могу, какъ я этому рада! Владѣнія его, конечно, не богъ знаетъ какія, но твой папенька говоритъ, что онъ имѣетъ большое вліяніе при дворѣ.

— А Шнепперъ?

— Шнепперъ покорится своей судьбѣ, которую онъ долженъ былъ заранѣе предвидѣть; если же не покорится, то тѣмъ хуже для него.

— Ты думаешь, что мы съумѣемъ съ нимъ справиться?

— Умная и красивая женщина съумѣетъ справиться съ какимъ угодно мужчиной, дитя мое.

Между тѣмъ фрейлейнъ Аврелія, посланная матерью въ паркъ передать Кеттенбергу кое-какія порученія, не слышкомъ

то торопясь отойти отъ лѣстницы, на которую взгромоздился Кеттенбергъ, чтобы обозначить мѣломъ вензель, который впоследствии предполагалось иллюминировать цвѣтными фонарями.

— Ну вотъ, теперь, кажется, будетъ хорошо, проговорилъ Кеттенбергъ, слѣзая съ лѣстницы и любуясь рисункомъ. — Вамъ какъ нравится, Фрейлейнъ Аврелія?

— Будто вамъ и въ самомъ дѣлѣ очень нужно знать мое мнѣніе!

— Что это у васъ сегодня за трагическій тонъ?

— И вы еще спрашиваете, измѣнникъ!

— Гмъ, измѣнникъ! а между тѣмъ, если не ошибаюсь, сегодня день вашей свадьбы, а не моей.

— Но отчего же я и выхожу замужъ?

— Ну, ужъ если вы сами не можете отвѣтить на этотъ вопросъ, то я и подавно.

— Будто вы не знаете?

— Клянусь честью, не знаю!

— Вы ждете!

— Однако, вы, Аврелія, начинаете говорить дерзости.

— Чтожъ! вы скажете, что не любите Антонію?

— Даю вамъ честное слово, нѣтъ!

— Отчего же вы въ послѣднее время такъ часто у нея бывали?

— За то я вотъ уже цѣлыхъ три дня хлопочу надъ приготовлениями къ вашей свадьбѣ.

— И вамъ не грѣшно, и у васъ достаетъ духу хлопотать о приготовленияхъ къ моей свадьбѣ!

Аврелія зарыдала.

— Аврелія!

— Оставь меня, я ненавижу тебя.

И Аврелія быстрыми шагами пошла отъ него прочь по аллеѣ, въ которую они удалились, разговаривая между собою.

— Полно, милая Аврелія, полно, моя дорогая! развѣ не было между нами и прежде рѣшено, что ты, рано или поздно, должна же будешь выйти замужъ? Вспомни, какъ мы смѣялись надъ этимъ, какъ ты увѣряла меня, что я все же оставусь твоимъ возлюбленнымъ! А теперь, когда случилось то, чего мы давно ожидали, ты говоришь, что ненавидишь меня!

Милая! неужели ты за то только возненавидишь меня, что я бѣдный живописецъ?

Цѣлый мѣръ скорби слышался въ звукахъ его голоса. Она взглянула на его поблѣднѣвшее лицо, и какъ же прекрасенъ показался ей этотъ демоническій человекъ въ сравненіи съ добродушнымъ, слабоумнымъ и истасканнымъ денди, который черезъ нѣсколько часовъ долженъ былъ сдѣлаться ея мужемъ! Рыдая, она бросилась къ нему на грудь.

— Я твоя, на вѣки твоя! прошептала она.

И въ чащахъ парка послышалось какое-то прощическое хихиканье. Бородатые садовые боги, казалось, подыргивали на своихъ козлиныхъ ногахъ, указывая каменными пальцами на любящую чету, и повторяли своими толстыми, сладко-страстными губами: на вѣки, на вѣки!

Рейнфельденскій замокъ горѣлъ огнями; изъ высокнхъ растворенныхъ оконъ неслись звуки вальсовъ и полкъ, въ паркѣ тѣснились цѣлыя толпы деревенскихъ жителей и гдазили на иллюминацію.

Старикъ генераль, присутствовавшій въ началѣ шрощества, черезъ нѣсколько врсмені извинился передъ принцемъ и попросилъ позволенія удалиться въ свою комнату. Принцъ проводилъ до самой двери «почтеннаго ветерана» и передалъ его съ рукъ на руки камердинеру.

Очутившись въ своей комнатѣ, старикъ замѣнилъ мундиръ покойнымъ шлафрокомъ и усѣлся передъ каминомъ, мигая своими покраснѣвшими вѣками. Въ теченіе послѣдняго года отъ статнаго старика осталось не болѣе, какъ высохшая мумія; его красное лицо приняло выраженіе, напоминавшее мертвую голову.

— Жанъ! а Жанъ! обратился генераль съ какою-то претивною фамиллярностью къ слугѣ, оправившему постель.

— Что прикажете, ваше превосходительство?

— Гдѣ страичи, которые составляютъ свадебные контракты для молодыхъ?

— Онъ сидитъ наверху и что-то пишетъ.

— А знаешь ли ты, Жанъ, что онъ пишетъ?

— Мнѣ хочется знать!

— Онъ пишетъ мнѣ новое завѣщаніе; и тебя, Жанъ, я

тоже въ немъ не забылъ; если ты до моей смерти будешь мнѣ вѣрно служить, то получишь пятьсотъ талеровъ.

— Не вѣрится мнѣ что-то!

— А вотъ самъ увидишь; ты же и подпишешься свидѣлемъ подъ завѣщаніемъ.

Какъ-то странно передернулось лисье лицо камердинера; онъ бросилъ безпокойный взглядъ на окна, въ которыя глядѣла одна ночная тьма; потомъ онъ посмотрѣлъ на мумію, продолжавшую мигать и шамкать губами. Волненіе его было такъ сильно, что онъ даже не замѣтилъ, какъ кто-то постучался въ дверь; генераль долженъ былъ его два раза окликнуть, прежде, чѣмъ онъ пошелъ отпереть.

Поздній гость былъ пасторъ Амброзіусъ; быстрыми шагами подошелъ онъ къ самому генералу, стукнулъ своею палкою по ковру и проговорилъ своимъ обычнымъ, рѣзкимъ голосомъ:

— Ну, вотъ я и пришелъ.

— Ага! встрепенулась мумія, это нашъ добрый пасторъ Амброзіусъ! Ступай, Жанъ, и когда я позвоню, то ступай къ стряпчему и скажи ему, что прошу его придти къ намъ.

— Что вамъ еще отъ меня понадобилось? спросилъ Амброзіусъ, оставшись съ генераломъ наединѣ. И вѣчно-то вы умѣете позвать меня не во время! Моя бѣдная племянница, съ той поры, какъ Мюндеръ бѣжалъ, просто сама не своя, и мнѣ вовсе не хочется оставлять ее одну. Говорите же, что вамъ надо отъ меня?

— Милый мой Амброзіусъ, я хочу сдѣлаться католикомъ.

— Опять пошла писать! Слушайте-ка вы меня, сударь, будетъ вамъ дурачиться! Какъ только совѣсть начинаетъ васъ мучить, такъ вы принимаетесь за эту уловку; сидя въ тюрьмѣ, вы тоже толковали, что хотите сдѣлаться католикомъ; а небось, какъ епископъ васъ выручилъ, такъ и думать объ этомъ забыли! Что до меня касается, то ей богу не моя вина, что васъ не повѣсили; ужь коли сказать вамъ правду, такъ анонимное письмо, которое получилъ оберштатсанвальтъ, писано мною: я зналъ отъ бѣдняка Бальтазара о мѣстѣ, гдѣ похоронили Анзельма Юргенса; написалъ же я потому, что былъ убѣжденъ, да и до сихъ поръ остаюсь при убѣжденіи, что убили его вы. Отъ суда и наказанья вы избавились, отъ лю-

дей вамъ, стало быть, нечего бояться, чего же вамъ еще? Не чорта же вы боитесь!

— Охъ, нѣтъ, голубчикъ пасторъ, простонала мумія, въ томъ-то и бѣда, что я его боюсь, особенно по ночамъ; если бы вы знали, какія страсти мерещатся мнѣ по ночамъ во время бессонницы! оттого-то я и хочу сдѣлаться католикомъ. За деньгами я не постою; я сдѣлалъ новое завѣщаніе, въ которомъ и васъ не позабылъ, голубчикъ пасторъ: въ немъ отказана вамъ тысяча талеровъ. Рейнфельденскій замокъ я завѣщаю подъ католическій сиротскій домъ; всѣ доходы съ помѣстья идутъ на поддержаніе того же заведенія,—а помѣстье-то стоитъ добрыхъ триста тысячъ талеровъ!

— Не вѣрю я ничему этому! проговорилъ Амброзіусъ.

— Нѣтъ, душа моя, ей богу такъ. Пока я вамъ говорю, наверху сидятъ нотариусъ и строчитъ завѣщаніе. Я вытребовала назадъ изъ суда то, которое мнѣ продиктовалъ Шпенперъ; они съ Камиллой хотѣли, чтобы я имъ отказалъ и имѣнье, и деньги, безсовѣстные! Нѣтъ, шалишь! будетъ съ нихъ и одного капитала,—вѣдь я того наберется до двухсотъ тысячъ; пускай-ка ихъ подѣлятъ между собою. Чтожъ, развѣ я дурно распорядился, пасторъ, душа моя?

Амброзіусъ внимательно слушалъ старика, склонивъ нѣсколько на бокъ свою большую голову. Чтожъ! если все дѣйствительно такъ обстояло, какъ говорилъ генералъ, то не слѣдъ было ему, Амброзіусу, отказываться отъ того, что ему предлагали. Вопросъ объ участи бѣдныхъ сиротъ съ давнихъ поръ былъ близокъ благородному сердцу этого шероховатаго человѣка; съ родственниковъ же было за глаза довольно и тѣхъ двухсотъ тысячъ талеровъ, которыя, за всѣмъ тѣмъ, останутся на ихъ долю.

— Призовите нотариуса, проговорилъ онъ, я хочу прежде убѣдиться, что все дѣйствительно обстоитъ такъ, какъ вы говорите.

Генералъ дернулъ звонокъ и черезъ минуту Жанъ ввелъ нотариуса.

— Останься и ты Жанъ, обратился къ нему генералъ; ты намъ будешь нуженъ, какъ свидѣтель.

Нотариусъ прочиталъ завѣщаніе.

— Стой! воскликнулъ пасторъ Амброзіусъ, не надо мнѣ

вашихъ тысячи талеровъ; раздѣлите ихъ лучше между вашими остальными слугами; я все вижу, почему этотъ молодой чикъ въ бѣломъ галстукѣ болѣе заслуживаетъ награжденья, чѣмъ другіе.

— Это подлинно что такъ, ваше преподобіе, отозвался Жанъ, ухмыляясь.

Когда была сдѣлана требуемая приниска къ завѣщанію и выставлены подъ нимъ подписи завѣщателя и свидѣтелей, нотаріусъ распростился съ генераломъ, при чемъ вызывался взять съ собою документъ съ тѣмъ, чтобы на слѣдующее утро предъявить его въ судѣ. Амброзіусъ хотѣлъ было послѣдовать за нимъ, но генераль окликнулъ его:

— Пасторъ, голубчикъ, на пару словъ! Не правда ли, мій милый пасторъ, вы одѣваете меня католикомъ и будете ходить по мнѣ каждый день? Вы единственный человѣкъ, къ которому я имѣю довѣріе. Я знаю, что вы считаете меня за великаго стараго грѣшника, но все же вы сжалитесь надо мною. А тѣ всѣ,—и онъ указалъ пальцемъ по направленію къ потолку, — только о томъ и думаютъ, какъ бы меня съ рукъ сбрызнуть; за то-то я и лишилъ ихъ всѣхъ наследства. Вѣдь не правда ли, пасторъ, имъ это по дѣломъ?

— Объ этомъ мы еще поговоримъ въ другой разъ, отвѣчалъ Амброзіусъ. Вы дѣйствительно пристрашный субъектъ, въ которомъ нельзя не принять участія, хотя, какъ вы сами выразились, вы не великій старый грѣшникъ; я побываю у васъ завтра; а до тѣхъ поръ, прощайте!

Проводивъ пастора до стеклянной двери гостиной, выходящей въ паркъ, Жанъ сѣлъ на ступеньку передъ открытыми дверями; въ толпѣ онъ выслѣдилъ парочку: мужчину въ шляпѣ, сильно нахлобученной на лицо, и женщину подъ зеленой вуалью. Проходя мимо нихъ, онъ шепнулъ имъ слова два и тѣ мигомъ отдѣлились отъ толпы и скрылись за кустами, окружавшими террасу. Вокорѣвъ назадъ ихъ тамъ и Жанъ.

— Ну что, спросилъ мужчина въ нахлобученной шляпѣ, углономъ онъ наконецъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Жанъ.

— Однако, пора бы, чортъ возьми! вѣдь такъ мы, пожалуй, ничего не успѣемъ сдѣлать.

— Слушай-ка, Киліанъ, заговорилъ Жанъ, не лучше ли намъ отложить это дѣло? Вѣдь старикъ и безъ того не долго проживетъ, а тогда намъ оно будетъ больше съ руки.

— Да, съ руки тебѣ, но не намъ, вмѣшалась женщина подъ зеленой вуалью. Ишь, какой ловкій; да мы-то, жаль, не такіе простаки тебѣ дались.

И Бригита, откинувъ вуаль, погрозилась на него кулакомъ.

— По мнѣ, пожалуй, хоть теперь дѣлайте, отвѣчалъ Жанъ. Оно конечно, онъ мнѣ отказалъ пятьсотъ талеровъ въ своемъ завѣщаньи...

Бригита захохотала. — Пятьсотъ талеровъ! А у него ихъ сотни тысячъ лежатъ въ шкапу. Да говори же, наконецъ, толкомъ, согласенъ ты или нѣтъ?

— Эхъ вы, умный народъ! Конечно согласенъ. Я еще не затворялъ ставень; онъ безъ того не ляжетъ, чтобы не позвать меня его затворить: я сдѣлаю видъ, что никакъ не могу справиться со ставнемъ и отворю окно; вотъ тутъ-то и держите лѣстницу на готовѣ.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ Киліанъ; дѣлай только скорѣй свое дѣло.

По уходѣ пастора, старикъ съ трудомъ поднялся съ своего кресла, отправился въ самый дальній уголокъ комнаты и досталъ изъ невзрачной коробочки небольшой ключъ, которымъ онъ отперъ шкапъ, помѣщавшійся возлѣ самой его кровати; изъ шкапа онъ досталъ шкатулку и отправился съ нею на свое прежнее мѣсто у камина. Задыхаясь, поставилъ шкатулку на маленькій столикъ передъ собою и опустился въ кресло. Оправившись немного отъ усталости послѣ столькихъ необычайныхъ усилій, онъ пожалъ пружину шкатулки, началъ вынимать изъ нея какія-то бумаги. То были государственные кредитные билеты, закладныя и другіе цѣнные документы. Каждую бумагу поодиночкѣ онъ подносилъ къ лампѣ, внимательно разсматривалъ ее и бросалъ въ каминъ; каждый разъ, когда огонекъ ярче вспыхивалъ въ каминѣ, онъ хихикалъ и бормоталъ про себя: — тысячу меньше — тысяча острыхъ ножей вамъ въ сердце, проклятое племя! двумя тысячами меньше... пляшите, пляшите себѣ надъ моею головою; увидимъ, много ли вы напляшетесь!.. Такъ продолжалъ онъ бормотать и бросать бумаги въ огонь, пока шкатулка

не смущала. Тогда онъ откинулся въ своемъ креслѣ и, кивая головою и покашлявая, пристально уставился на горячіе уголья, начинавшіе поддерживать легкою золою; голова его все кивала и кивала и наконецъ упала на грудь; и вотъ ему приснилось, что Жанъ входитъ въ комнату и тѣло предстаетъ какъ ому; вотъ онъ тихо открываетъ окно и холодный ночной воздухъ врывается въ комнату; вотъ видитъ генераль лицо Киліана медленно передвигается между нимъ и каминомъ и вглядитъ на него пристальнымъ взглядомъ.....

Съ крикомъ испуга очнулся старикъ отъ своего одѣпенія; лицо Киліана глядѣло на него и на яву, и на яву руби Киліана потянувшись къ его горлу... Генераль пзо всѣхъ силъ дернулъ за звонокъ...

— Обрѣвъ омерѣ спурокъ, светина! кричуль Киліанъ, бросаясь на генерала....

— Отчего ты раньше шпурокъ не обрѣзалъ, болванъ?

— Не могъ.

— Проклѣтая разнизя!

— Торопитесь окончить дѣло, раздался у окна голосъ Фриити.

— Ничего расперть шестежъ и въ намъ ничего дѣтъ, прошепталъ Жанъ, аромка всѣми членами.

— Ты прежде обсиралъ его, мошенникъ!

— По корридуру близится шагъ, задыхаясь выговорилъ Жанъ, прислушивавшійся у двери.

Отъ ужаснѣйшаго просятіемъ бросился Киліанъ въ окно; Жану, который съ испугу затерялъ ключъ отъ двери, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ поспѣдовать за нимъ. Предшествовавши пробовали стучаться, пробовали вать, — надрасно! Наконецъ, самый сильный шагъ никакъ рѣшился выломить дверь... въ креслѣ передъ каминомъ лежалъ старый генераль задумчивый; постылая рука заморла на ручкѣ звонка; передъ нимъ стояла пустая шматушка; распертый шматъ и отворенное окно ясно доказывали въ чемъ дѣло....

Между тѣмъ въ базовой свалѣ горѣли огни и гремѣла мушкетка. Антонія фонъ-Попемштейнъ, какъ бы на зло всѣмъ живущимъ про нее слухамъ, являлась какъ ни въ чемъ не

бывало на балъ; не прошло и получаса послѣ ея появленія, какъ она увидѣла себя окруженною теплою поклонниковъ; общественное негодованіе, готовое разразиться надъ той, которая осмѣлилась принимать въ своемъ домѣ жену Бернгарда Мюндера, замерло въ присутствіи прекрасной грѣшницы. И хороша же была Антонія, вся осыпанная брильянтами, блескъ которыхъ какъ-то странно протпверѣчалъ мрачному блеску ея страшно глубокихъ глазъ.

— Если бы мнѣ понадобилось рисовать медузу или сѣпюка, то я избралъ бы васъ своею моделью:—Съ этими словами подошелъ къ ней Кеттенбергъ.

Болтая, повидимому, о томъ, о семъ, они отошли въ сторону.

— Сегодня, шепнула Антонія живописцу.

— Когда?

— Въ десять часовъ.

— Все обстоитъ благополучно?

— Да. А здѣсь?

— Какъ нельзя лучше. Я играю свою роль на дѣло; будьте спокойны, сударыня! никому и въ голову не приходитъ насъ подозрѣвать; всѣ здѣсь своими дѣлами заняты. И что же за дѣла здѣсь, я вамъ скажу, творятся!...

— Тс! за нами наблюдаютъ, обойдите отъ меня.

Кеттенбергъ громко захохоталъ и, раскланявшись передъ Антоніей, смѣшался съ толпою.

— Мать или война? шепнула, проходя мимо Антоніи, полковникъ фонъ-Гогенштейнъ.

Антонія ничего не отвѣчала; только смертельною недовольствомъ сверкнули ея глаза и она приложила руку къ сердцу.

— А чюра бы вамъ образумиться, право такъ! продолжалъ полковникъ. Видѣ онъ бѣжалъ и ужь навѣрное теперь въ безопасности; чего же вамъ еще?

Антонія оставалась по прежнему неподвижна и безмолвна. Полковникъ пожалъ плечами и пошелъ въ сторону.—Опъ или я, пробормотала Антонія, глядя ему вследъ, или мы оба вмѣстѣ!

Въ эту минуту въ балную залу ворвался страшный крикъ: разбей, убійство!—Кто? кого?—Я ничего не знаю—старый генералъ!....

— Быть не можетъ!... ужасное злодѣяніе!... такъ гудѣло по

залѣ изъ конца въ конецъ и всѣ присутствующіе беспорядочною толпою вошли въ двери.

Едва слышала Антонія эти крики, какъ какое-то предчувствіе кольнуло ее въ сердце; что-то говорило ей, что этотъ случай будетъ имѣть роковое вліяніе на бѣгство Мюнцера, который сегодня въ десять часовъ долженъ былъ оставить свое убѣжище въ башнѣ. И точно, не успѣла она, вмѣстѣ съ другими, достигнуть комнаты убитаго, какъ слухъ ея поразили слова: я видѣлъ, какъ они бѣжали по направленію къ деревнѣ; надо за ними послать погоню.

Покорствуя мгновенному рѣшенію, Антонія бросилась, какъ была, въ паркъ; мѣстность была ей хорошо знакома и она прямо направилась къ маленькой калиткѣ на концѣ парка; она знала, что этою калиткою всегда ближе пройти къ тому мѣсту, гдѣ Мюнцеръ долженъ былъ сѣсть въ карету. Но въ своемъ волненіи она не замѣчала, что кто-то слѣдитъ за нею по пятамъ, укрываясь за кустами и деревьями. Вотъ она достигла своей калитки, вотъ она идетъ узкою тропинкою, извивающеюся на окраинѣ рва; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя она уже видитъ остановившуюся карету, но боится крикнуть, изъ опасенія, чтобы ее не поняли ошибочно и не надѣлали глупостей; въ эту минуту изъ подъ тѣни дерева отдѣляется какая-то человѣческая фигура и идетъ къ ней на встрѣчу — это самъ Мюнцеръ. Она кидается къ нему на грудь, она хочетъ сказать ему, чтобы онъ спасался, не теряя ни минуты, но языкъ не повинуется ей и она только молча можетъ отталкивать его отъ себя; онъ прощается съ нею, онъ клянется свято исполнить ея волю, но говоритъ, что никакой долъ, никакая сила не помѣшаетъ ему любить ее. А она все тревожише и тревожише отталкиваетъ его отъ себя и наконецъ, сдѣлавъ надъ собою немовѣрное усиліе, выговариваетъ: бѣги, Бернгардъ!

Но въ эту минуту человѣкъ, слѣдившій за нею съ самаго парка, кидается на Мюнцера и вонзаетъ ему шпагу въ грудь; Антонія узнаетъ полковника фонъ-Гогенштейна, выплываетъ изъ-за лифа острый кинжалъ и ранитъ его; полковникъ шатается и съ яримъ проклятіемъ замахивается на нее рукояткой своей сабли, переломившейся отъ перваго удара; но въ эту самую минуту двѣ могучія руки хватаютъ его за горло, бросаютъ на землю и волокутъ ко рву.

Антонія склонилась надъ Мюнцеромъ; она не видитъ, не слышитъ ничего, что творится вокругъ нея; она видитъ только лицо любимаго человѣка, покрывающееся смертельною блѣдностью; слышитъ только дыханіе, которое становится все тише и тише.

Вольфгангъ, подоспѣвшій вслѣдъ за Каіусомъ на мѣсто кровавой драмы, хочетъ поднять Мюнцера, но у раненаго кровь хлынула горломъ; онъ можетъ только съ трудомъ проговорить: къ ней везите меня, къ ней! Въ эту минуту подходятъ Каіусъ и говоритъ Вольфгангу, чтобы онъ выше держалъ верхнюю часть туловища; при этомъ голосъ его звучитъ нѣсколько грубѣе и глуше обыкновеннаго, но онъ спокоенъ и вы не разглядите что у него на рукахъ, которыя онъ утираетъ платкомъ: вода или кровь? Раненаго переносятъ въ карету; Вольфгангъ и Антонія садятся съ нимъ; Каіусъ вскакиваетъ къ Рухелю на козлы, беретъ возжи и погоняетъ лошадей. Карета направляется прямо въ Кирхговъ и останавливается у пасторскаго дома, варота котораго отпираетъ самъ Амброзіусъ.

Клерхенъ бросается къ каретѣ, но Вольфгангъ останавливаетъ ее и говоритъ ей то, что она неизбѣжно должна узнать. Клерхенъ испускаетъ страшный крикъ и шатается; но черезъ минуту она снова собирается съ силами и идетъ за Мюнцеромъ, котораго переносятъ въ домъ и кладутъ на диванъ Амброзіуса; она бросается передъ нимъ на колѣни и безъ слезъ глядитъ на это помертвѣвшее лицо. Онъ поднимаетъ на нее усталыя вѣки, силится улыбнуться и съ улыбкою испускаетъ духъ. Жалобный стонъ вырывается изъ груди Клерхенъ и она почти безъ чувствъ падаетъ на трупъ любимаго человѣка; Антонія неподвижно стоитъ у изголовья,—на нее страшно глядѣть. Она обращаетъ на Вольфганга потухшій неподвижный взглядъ и говоритъ ему:—а я было все хотѣла поправить.

Въ эту минуту Каіусъ входитъ въ комнату и говоритъ:—Я слышалъ свистокъ; черезъ десять минутъ пароходъ будетъ здѣсь; намъ нужно пять минутъ, чтобы добѣжать до берега; слышите же, здѣсь ваше присутствіе уже не нужно.

ЭПИЛОГЪ.

На второе лѣто послѣ всѣхъ этихъ событій, въ жаркій июльскій день три человѣка осматривали неоконченную постройку, возвышавшуюся на уступѣ горы въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Швейцаріи. Старшій изъ этихъ господъ, бодрый мужчина лѣтъ пятидесяти, съ умнымъ, красивымъ лицомъ, шелъ подъ руку съ младшимъ изъ своихъ товарищей и внимательно выслушивалъ все, что тотъ сообщалъ ему о ходѣ постройки; третій спутникъ, черноглазый, кудрявый молодецъ, видимо главный надсмотрщикъ, шелъ рядомъ и принималъ похвалы пожилого господина, какъ подобающую дань.

— Хорошо, очень хорошо, говорилъ пожилой господинъ; оба вы молодцы, хоть куда; этакъ мы къ зимѣ, пожалуй, и до крыши доберемся, что превзойдетъ мои самыя блестящія ожиданія.

— Если я вамъ, господа, больше не нуженъ, то позвольте мнѣ идти къ рабочимъ; я еще не свелъ счета съ каменщиками.

— Ступайте себѣ съ богомъ, проговорилъ пожилой господинъ.

Надсмотрщикъ приложилъ по военному руку къ козырьку и удалился.

— А славный малый этотъ Рюхель, замѣтилъ пожилой господинъ своему спутнику: спокоенъ, расторопенъ, честенъ... да, не житье этакимъ людямъ въ вашей странѣ; вотъ цѣвы тоже, на мое счастье, оказались у себя въ отечествѣ лишнимъ человѣкомъ, а то что сталъ бы я здѣсь бѣжать?

— Однако, обходились же вы до сихъ поръ безъ меня, проговорилъ Вольфгангъ.

— Да, поневолѣ обходился, потому что не находилъ человѣка, который умѣлъ бы понять мои идеи; но пора, пора было мнѣ найти помощника; пока мы молоды, намъ кажется, что мы все сдѣлаемъ сдѣлать одни, но, по мѣрѣ того, какъ старѣешься, все глубже и глубже убѣждаешься, что мы можемъ быть селны только въ союзѣ съ другими. Вотъ поче-

му тоже я такъ дорожу содѣяніемъ вашего дяди; онъ действительно гений въ дѣлѣ народнаго хозяйства, и я убѣждена, что на плечахъ этого человѣка лежитъ отчасти будущность не только Германіи, но и всей Европы. Съ своей стороны, я считаю себя счастливымъ, что могъ удружить этому человѣку единственной вещью, которой ему не доставало — напѣталомъ.

Герръ фонъ-Дегенфельдъ съ довольнымъ видомъ потеръ себѣ руки и поглядѣлъ на высокія подмости, на которыхъ еще виднѣлись рабочіе.

— Работа какъ подвигается! проговорилъ онъ. Воображаю, что здѣсь будетъ на будущій годъ. Больные стекутся сюда со всѣхъ странъ свѣта; гдѣ вы найдете столько условій, благоприятствующихъ возстановленію здоровья? — Теплый климатъ, чистый воздухъ, очаровательная природа.

Но молодой человѣкъ не слышалъ послѣднихъ словъ своего спутника; все вниманіе его было поглощено небольшимъ обществомъ, шедшимъ въ эту самую минуту къ нимъ на встрѣчу. Впередѣ шелъ Петръ Шмицъ и велъ подъ руку Оттилію, за ними слѣдовали докторъ Гольмъ и тетушка Белла. Оттилія, какъ только завидѣла мужа, выпустила руку дяди и подошла къ мужу.

— Гедда спитъ превосходно, проговорила она; щочки у нея такія розовенькія, она смотритъ настоящимъ ангеломъ.

Петръ Шмицъ пошелъ съ герромъ Дегенфельдомъ, тетушка Белла осталась съ докторомъ Гольмомъ, но взглядъ ея не могъ оторваться отъ молодой четы.

— И какъ подумаю, что я ихъ больше не увижу! проговорила она сквозь слезы.

— Охота вамъ завтра уѣзжать! замѣтилъ докторъ Гольмъ. Оставались бы здѣсь, а то вы у насъ совсѣмъ стоскуетесь по малюткѣ, которую нянчили цѣлыхъ два мѣсяца. Право, оставайтесь.

— Ни за что, отвѣчала тетушка Белла рѣшительнымъ тономъ. Оттилія я больше не нужна, — третій человѣкъ между молодымъ мужемъ и женою всегда лишній. Да и могла ли бы я здѣсь спокойно оставаться, зная, что вы съ Петромъ садитесь себѣ за столъ одни одинешиньки и что вы сами должны накладывать себѣ кушанье, чего Петръ совсѣмъ не

умѣть дѣлать, и что супъ у васъ пересоленъ, чего вы, Гольмъ, терпѣть не можете? Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ нечего и думать.

И тетушка Белла залилась слезами.

— Мужайтесь, тетушка Белла! нельзя же служить двумъ господамъ. Ваша правда, вы намъ рѣшительно необходимы; ужь про себя я и не говорю, но Петру просто не прожить безъ васъ ни одного дня.

— Это онъ самъ говорилъ вамъ? спросила тетушка Белла и глаза ея снова наполнились слезами.

— Эй, господа! куда же мы направимъ сегодня прогулку? окликнулъ Дегенфельдъ все общество.

— Да думаю, что на вершину горы; для болѣе дальней прогулки слишкомъ поздно, замѣтилъ Вольфгангъ.

Тихая, торжественная красота времени и мѣста совершенно соответствовала настроенію честныхъ и добрыхъ людей, коротавшихъ этотъ послѣдній вечеръ вмѣстѣ наканунѣ долгой разлуки. Мысли ихъ невольно обращались къ прошлому; то, что было печальнаго въ этихъ воспоминаніяхъ, давно успѣло утратить свою горечь. Герръ фонъ-Дегенфельдъ рассказывалъ про своего брата; вспоминали о Мюнцерѣ, вспоминали и Антонію, тѣло которой уже цѣлый годъ покоилось въ землѣ и которой сама тетушка Белла отдавала теперь справедливость; вспоминали Клерхенъ, которой Антонія завѣщала все свое состояніе, и дочку ея Эллу, начинавшую все болѣе и болѣе походить на отца; вспоминали мрачнаго Каиуса, который, послѣ происшествій той ужасной ночи, бѣжалъ въ Америку и могъ такимъ образомъ считаться умершимъ для знавшихъ его въ Европѣ; вспоминали бѣдняка Бальтазара, мечтавшаго спасти распадающійся міръ своею филантропией; вспоминали и все то странное время, которое такъ глубоко взволновало народную жизнь и выкинуло со дна ея много тины, но за то и не одну драгоценную жемчужину.

ПОСЛѢДНІЙ ФИЛОСОВЪ — ИДЕАЛИСТЪ.

Четыре года тому назадъ, въ Германіи умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей ея, Артуръ Шопенгауеръ. Литературная дѣятельность его продолжалась почти полвѣка, но до послѣдняго времени, когда онъ приобрѣлъ наконецъ европейскую извѣстность, публика совершенно не подозрѣвала о его существованіи, а литературные противники, которыхъ онъ уничижалъ своею критикою, даже не удостоивали его отвѣтомъ. Между тѣмъ философія Шопенгауера была явленіемъ въ высшей степени замѣчательнымъ, потому что положила конецъ всѣмъ метафизическимъ системамъ и устранила навсегда возможность абстрактныхъ умствованій. Не смотря на свой трансцендентальный идеализмъ, или, лучше сказать, вслѣдствіе его, Шопенгауеръ расчищалъ поле для дѣятельности естественныхъ наукъ и доказалъ и словомъ, и примѣромъ необходимость замѣнить метафизическія разглагольствованія эмпирической философіей.

Пока естественныя науки представляютъ только груды фактовъ, безъ всякихъ выводовъ, — онѣ приносятъ обществу очень мало пользы, и то лишь пользу случайную. Посчастливится, на примѣръ, ученому сдѣлать открытіе, имѣющее непосредственное практически-полезное приложеніе — вотъ и польза; большинство же ихъ, какъ бы ни были полезны для науки, обществу непосредственной пользы не приносятъ; люди, служащіе исключительно наукѣ для нея самой — такіе же филистеры въ естествознаніи, какъ и въ другихъ наукахъ.

Дѣятельность ихъ была бы нигуда негодна, если бы рядомъ съ ними не существовало другихъ людей, умѣющихъ дѣлать выводы изъ данныхъ фактовъ и извлекать громадную общественную пользу изъ филистерскаго служенія наукѣ. Благодаря этимъ людямъ, филистеры

могутъ заявлять нѣкоторыя претензіи на благодарность общества, потому что труды ихъ идутъ въ прокъ. Умные люди пользуются накопленными фактами и въ одно прекрасное утро объявляютъ публикѣ: до сихъ поръ ты думала такъ-то и такъ-то, но ты ошибалась; ученые улитки высидѣли слѣдующіе факты, изъ которыхъ вытекаютъ такіе-то и такіе-то выводы; постарайся понять эти выводы и согласно съ ними исправить свои понятія. Только такимъ образомъ наука и приноситъ пользу: она даетъ обществу возможность очищать свои воззрѣнія, расширять свой кругозоръ, понимать явленія, которыхъ оно или вовсе не замѣчало, или ложно понимало, а изъ ложнаго пониманія вытекали для него ошибки и бѣдствія; слѣдовательно, правильное пониманіе, устраняя и тѣ, и другія, приноситъ прямую, существенную пользу. Ученый филистеръ копался 40 лѣтъ и собралъ 10 томовъ статистическихъ данныхъ: но для публики труды его бесполезны; она не можетъ понять ихъ, съ ихъ результатами и выводами; для нея они все равно, что не существуютъ; для нея все равно, трудился ли сорокъ лѣтъ этотъ ученый или толчокъ воду. Разумѣется, ее напрасно бы было винить въ этомъ: ее надо брать такою, какова она есть. Филистеръ же или не хотѣлъ приносить ей пользу, или хотѣлъ. Въ первомъ случаѣ, о заслугахъ передъ обществомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи; во второмъ случаѣ, онъ долженъ былъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и соображать, что не общество должно поддѣлываться подъ пониманіе своихъ дѣятелей, а дѣятели сообразоваться съ пониманіемъ общества. Человѣкъ, хотя и менѣе ученый, но умный и не филистеръ, воспользовавшись его 40 томами, сдѣлавъ изъ нихъ надлежащіе выводы, подведя итоги ученому знанію и пустивъ результаты ихъ въ обращеніе въ публикѣ, будетъ способствовать ей просвѣщенію, поможетъ ей отстать отъ нѣкоторыхъ заблужденій и мало по малу ввести въ жизнь узнанныя отъ него научныя истины; такой человѣкъ будетъ имѣть полное право на благодарность общества, которому онъ оказалъ прямую пользу. Ученые филистеры обыкновенно смотрятъ свысока на такихъ людей; называя ихъ диллетантами и популяризаторами. Это конечно вдоръ, потому что такими людьми могутъ быть ученѣйшіе изъ ученыхъ. Если бы, напр., Дарвинъ со всею своею ученостью ограничился только сборомъ фактовъ, то былъ бы филистеромъ; но тотъ же Дарвинъ, сдѣлавъ изъ своихъ громадныхъ наблюденій умные выводы и показавъ отдаленные результаты дѣятельности по избранному имъ пути, принесъ обществу прямую пользу,

на переставъ быть ученымъ, но и сдѣлавшись, сверхъ того, философомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что изученіе природы въ смыслѣ только собиранія фактовъ, лишь потому стоитъ выше толченія воды или рижоплестства, что даетъ умнымъ людямъ нужный матеріалъ; само же по себѣ лишено всякой важности. Значеніе же можетъ имѣть только та естественно-научная дѣятельность, которая пользуется этимъ сырымъ матеріаломъ, подводитъ итоги ольнстерскому знанію, дѣлаетъ изъ него выводы, показываетъ результаты, словомъ, та, которой приличное названіе философіи природы.

Но это названіе можетъ съ двухъ сторонъ компрометировать такую дѣятельность. Во-первыхъ, натуръ-философіей называла себя самая безобразная и безтолковая болтовня о явленіяхъ природы, до объясненія которыхъ она доходила не путемъ индукціи, а что называется «своимъ умомъ». Болтовня эта отличалась такимъ невѣжествомъ и шарлатанствомъ, что названіе натуръ-философа сдѣлалось браннымъ именемъ. Впрочемъ, хотя прозванія этого стыдятся, но самой натуръ-философіи, въ этомъ видѣ ея, еще многіе придерживаются, въ томъ числѣ даже ученые мужи, толкующіе, напримѣръ, о «живоюй силѣ».

Если подъ натуръ-философіей подразумѣвается шарлатанство, то и съ понятіемъ философіи вообще, благодаря такъ называемымъ великимъ философамъ-идеалистамъ, отъ Декарта до Гегеля, соединяется понятіе о праздныхъ и безплодныхъ мудрствованіяхъ, лишенныхъ всякаго практическаго значенія, разрушающихъ другъ друга безъ остатка и основывающихся на игрѣ и злоупотребленіи общими понятіями. Шюенгауеръ считалъ себя принадлежащимъ къ этимъ людямъ, самъ называлъ себя философомъ-идеалистомъ, однако вполнѣ откровенно сознавался въ безплодности и бесполезности такихъ мудрствованій. Такъ, перечисляя людей, не приносящихъ обществу никакой пользы, онъ составляетъ имъ слѣдующій, далеко неслышанный списокъ: панатные плясуны, цирковые наездники, балетные танцоры, фокусники, актеры, пѣвцы, музыканты, композиторы, поэты, архитекторы, живописцы, ваятели, философы.

Извѣстно, что главная тема философскихъ мудрствованій есть отношеніе духа къ природѣ или, какъ говорилъ Гегель, «въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ безконечнаго, конечнаго и ихъ отношеній.» Но духъ—такая задача, которую понимаешь, какъ хочешь; слѣдовательно, всякій воленъ говорить о немъ, что ему вздумается. Конечное, т. е.

природа—предметъ болѣе опредѣленный, и умствованіе о немъ должно имѣть предѣлъ, которымъ служить наука. Но философы такими пустяками, какъ наука, не стѣсняются. Наука преслѣдуетъ слишкомъ мелочныя для философа цѣли, ищетъ истинъ далеко не абсолютныхъ, а потому имѣетъ мало цѣны въ глазахъ изыскателей абсолютнаго. Выводы изъ научныхъ данныхъ могутъ, конечно, быть обширны и полны великаго значенія; но они вовсе не ведутъ къ уразумѣнію причины причинъ и другихъ обольстительныхъ ребусовъ, особенно, если наука сама не впадаетъ въ философствованіе и не говоритъ ни о жизненной силѣ, ни объ атомахъ вообще, и ни о чемъ, представляющемъ удобный случай пуститься, сломя голову, въ область отвлеченностей. Поэтому философы питаютъ справедливое отвращеніе къ ограниченности опытныхъ наукъ и принимаютъ за правило не стѣсняться ими. Если бы они считали себя обязанными соображаться съ научными данными, то на вопросъ: что такое міръ? пришлось бы отвѣтить, что это вопросъ не научный и потому рѣшать его они не берутся. Но, отбросивъ въ сторону всякія мѣры и границы, полагаемыя опытомъ, они бойко отвѣтствуютъ: «міръ есть силлогизмъ.» Доказывать такое положеніе фактами, очевидно, нельзя; поэтому факты прочь, а вмѣсто нихъ является на сцену игра словами, благодаря которой, можно доказать что угодно, тѣмъ болѣе, что вѣдь никто же не возразитъ, что міръ есть не силлогизмъ, а наприимѣръ, швейцарскій сыръ или параллелепипедъ; если кто нибудь будетъ возражать, то скажетъ просто, что философъ несетъ дичь, что ни такихъ вопросовъ, ни подобныхъ отвѣтовъ нельзя задавать, и что порядочному человѣку некогда слушать людей, занимающихся игрой словами. Но такія возраженія не страшны, потому что въ отвѣтъ на нихъ можно разразиться краснорѣчивой выходкой противъ ограниченныхъ эмпириковъ, неспособныхъ возвыситься до абсолютнаго, т. е. сверхъ-опытнаго знанія. Затѣмъ уже остальной публикѣ можно подтвердить и доказать, что «міръ» дѣйствительно «силлогизмъ,» и публика будетъ вполне довольна, постигнувъ такимъ образомъ всю суть. Для того, чтобы имѣть право рассуждать такимъ образомъ и получать за это деньги и даже славу, надо только внушить публикѣ, что знаніе можетъ даваться помимо всякаго опыта, чистымъ наитіемъ, «непосредственнымъ усмотрѣніемъ истины». Къ внушенію этого убѣжденія и клонятся всѣ усилія философовъ. Такъ, напр., Гегель серьезно говорилъ, «что не трудно усмотрѣть, что исти-

ну нельзя открыть обыкновенной манерой доказательствъ», причѣмъ утверждается положеніе, приводятся за него доводы и доводами же опровергается противное мнѣніе. «Истина, говорилъ этотъ философъ, открывается сама собою», т. е., слѣдовательно, по интуй. — Мнѣніе это, разумѣется, давнымъ давно опровергнуто не только сепсуалистами, Локкомъ и его послѣдователями, но и Кантомъ, котораго историки философіи ставятъ рядомъ съ Гегелемъ. Но конечно, философамъ нельзя разстаться съ нимъ, потому что отказаться отъ него, значить подрѣзать себѣ крылья. Врожденныя идеи и непосредственное усмотрѣніе будутъ проповѣдываться ими, не смотря ни на чью критику, до тѣхъ поръ, пока у нихъ будутъ находиться слушатели. При помощи этихъ благодѣтелей, они могутъ совершенно удобно обходиться безъ науки и предавать тисненію все, что только приходитъ въ голову. На что имъ астрономія, геологія, химія, физика? они и безъ нихъ рѣшатъ, по непосредственному усмотрѣнію истины, что «магнетизмъ есть наивное выраженіе силлогизма», «земля—общій кристалъ», «металлы—застывшій свѣтъ», «кристаллы обнаруживаютъ безпокойную дѣятельность успокоившагося магнетизма», «звѣзды—сыпь на небесномъ сводѣ» и т. д.

Впрочемъ, это съ ихъ стороны особенная роскошь говорить о такихъ конкретныхъ предметахъ, какъ металлы, земля, звѣзды, кристаллы; о нихъ говорится больше для красоты слога. Гораздо удобнѣе разсуждать о конечномъ и безконечномъ мірѣ, идеѣ, духѣ, матеріи и т. д. Фразы: «звѣзды—сыпь на небесномъ сводѣ» или «металлы—застывшій свѣтъ» такъ паразитически нелѣпы, что изъ всѣхъ людей, говорившихъ подобныя вещи, одинъ Гегель не попалъ въ домъ умалишенныхъ. Что же касается до субстанціи, природы и духа, то понятія эти до того сами по себѣ неопредѣленны и не ясны, что, не скажи о нихъ, сразу простой человѣкъ не сообразитъ и, чего добраго, изумится собственной глупости, неспособной проникнуть въ смыслъ таинственныхъ словъ философа. Если простому человѣку скажутъ, что «міръ есть силлогизмъ», что «природа есть идея въ другой формѣ своего существованія», что «идея создаетъ себѣ тѣло», а «идея абсолютнаго есть ночь божественной тайны», что «міръ—существованіе конечнаго въ безконечномъ», а «разумъ—отраженіе безконечнаго въ конечномъ»—простой человѣкъ, услышавъ это и не имѣя никакого понятія о томъ, что такое міръ, идея, абсолютное, субстанція и т. д., преклонится передъ мудрецомъ, знающимъ и опредѣляющимъ всѣ эти

хитрия штука. Если найдется упрямецъ, который, котя и готовъ согласиться съ тѣмъ, что мiръ есть силлогизмъ, но которому сентимелью, откуда философъ потерпелъ свои познанiя о такихъ вещахъ, то философъ укажетъ ему на непосредственное усмотрѣнiе, какъ на общiй источникъ познанiя истины, а на свой личный гений, какъ на специальный источникъ. Собственно бы слѣдовало ожидать, что за подобный отвѣтъ философъ прогонять съ пьедестала метафi, посадить въ додочечницу или подвергнуть исправительному наказанiю; но, къ стыду чelовѣчества и XIX вѣка, это не только сходило мнѣ съ рукъ, но даже заслуживаетъ вселенское поощренiе. Одинъ изъ такихъ ораторовъ, посвящавшiй своихъ слушателей за нѣсколько талеровъ за секретъ во все тайны бытiя, объявлялъ мнѣ съ сущности бытiя и приемы такъ: «мiръ есть, ибо есть; и онъ есть, мановъ есть, ибо таковъ есть.» (Die Welt ist, weil sie ist; und ist, wie sie ist, weil sie so ist. (Фихте). Чelовѣкъ этотъ, не смотря на такую глубокую мудрость и не взирая на то, что «училъ», будто, крокъ идей, ничего не существуетъ, не только не получалъ вмѣсто талеровъ никакой картофель и рѣпу, но прiобрѣлъ великую славу, и благодарные соотечественники яраздуютъ его юбилей. Причина такой тупости публики была бы совершенно необъяснима, если бы мы не видѣли, что въ воспитанiи ея есть много и другихъ мистификацiй. Даже естественныя науки не совсѣмъ освободились отъ стремленiя устанавливать неопредѣленныя, произвольныя и бездоказательныя понятiя, и доселѣ встрѣчаются въ нихъ «атомы», «живленная сила», «движенiя молекулъ» и тому подобная дряль. Это прiучаетъ публику вслушиваться, не сморгнувъ, какой угодно вздоръ, потому что, почему же не быть мiру силлогизмомъ, если «право есть вмѣшiй масштабъ, заключенный внутри насъ? Почему разуму не быть «отраженiемъ безпечнаго въ копечномъ», если «мысль есть движенiе молекулъ»? Все эти фразы можно сравнить съ таинственными, но безсмысленными словами заговариванiя, въ которыхъ прибѣгаютъ въ казуальныхъ случаяхъ, гдѣ разумомъ не возьмешь. Въ такихъ случаяхъ мудрецы прибѣгаютъ въ своимъ формуламъ, чтобы отвязаться отъ вопросовъ, подобно тому, какъ простой народъ въ перечисленiю сорока вѣшневыхъ, чтобы пересталъ дождь.

Привыкнувъ получать, вмѣсто опредѣлительныхъ отвѣтовъ, таинственныя формулы, публика уже не приходитъ въ негодованiе отъ философскихъ рѣшенiй. Тогда задача философовъ упрощается; кадо

говорить и писать такъ, чтобы какъ можно болѣе пазумлять слушателей и внушать имъ, что они сами виноваты въ томъ, что ничего не понимаютъ въ словахъ философа. Собственно философу говорить не о чемъ, потому что для рѣчи чужды опредѣленные понятія, которыхъ въ его головѣ нѣтъ; но съ другой стороны, та же причина даетъ ему возможность говорить сколько угодно, потому что игра словами и фразами дѣло такое, которому конца предвидѣть нельзя. Поэтому является, какъ говоритъ Шопенгауеръ, «гомеопатическая метода разводить minimum мысли на 50 страницахъ набора словъ.» Дѣло сводится къ тому, что философъ точно насмѣхается надъ читателемъ: «на вотъ тебѣ фразу; попробуй ка понять, что я хочу сказать ею; что, братъ, не раскусышь? И когда читателя съ прискорбнымъ видомъ покажутъ, что дѣйствительно неспособны измѣрить глубь философскаго міросозерцанія, тогда, довольный собою, философъ, забывая, что онъ мистифицировалъ глупцовъ, начинаетъ воображать, что въ самомъ дѣлѣ сказалъ что-то великое, столь великое, что даже и самъ теперь не совсѣмъ понимаетъ сказанное.

Шытливый, реальный XVIII вѣкъ, вѣкъ Локка и Бюша, плохо слушалъ такия уместованія и произвелъ на свѣтъ самыхъ тащихъ философвъ, Лейбница и Мальбранша; между тѣмъ, какъ на долю XVII столѣтія припались самые главные оракулы, Декартъ и Спиноза, а XIX представилъ самое лучшее поприще и самую благодарную почву для дѣятельности «трехъ софистовъ». (О Кантъ я не упоминаю, потому что у него такъ много общаго съ Локкомъ, что слѣдующіе за нимъ философы нашли даже нужнымъ отступить отъ него). XVIII вѣкъ вообще не любилъ формулъ и заговариваній и немедленно принимался искать въ нихъ смысла, а это было крайне неблагопріятно для умозрительныхъ философвъ. За то, къ стыду нашего вѣка, они нашли въ немъ необыкновенный успѣхъ; не говоря уже о Гегелѣ, вѣданіе котораго забралось даже въ Курскую губернію, Щигравскій уѣздъ. Въ первой половинѣ нашего столѣтія повоскресали Лейбница и богъ вѣсть какое старле. Всѣ герои романа въ Жоржъ-Занда, которыхъ авторъ желаетъ представить людьми мудрыми и просвѣщенными, непременно берутся съ монадами и проповѣдуютъ по Лейбницу. Мало того, Прудонъ — и тотъ даже любить поговорить объ антиноміяхъ и категоріяхъ, вслѣдствіе которыхъ договорился до несчастной книги о «Войнѣ и Мирѣ».

Впрочемъ, въ настоящее время, по пословицѣ «славны бубны за горами», умозрительныя разглагольствованія уважаются только тамъ, гдѣ о нихъ имѣется лишь смутное понятіе, составленное по разнымъ Кузенамъ и Катковымъ. Въ Англии слишкомъ преобладало всегда индуктивное знаніе, а въ Германіи посмертная слава Шопенгауера и успѣхъ направленія, представителями котораго служатъ Вирховъ, Молешоттъ и Фогтъ, показываютъ, что гегелевщипѣ пришелъ конецъ; разумѣется, еще до сихъ поръ въ нѣмецкихъ университетахъ желающимъ предлагается умозрительная мудрость за дешевую цѣну, и разные Куно Фишеры воздвигаютъ многотомныя сочиненія во славу идеалистической философіи. Но все это также крайне мелко и безсильно; профессора философіи читаютъ въ пустынныхъ аудиторіяхъ, и дѣло дошло до того, что названіе философіи скорѣе компрометируетъ, чѣмъ рекомендуетъ попытку сдѣлать выводы изъ данныхъ, представляемыхъ опытными науками.

Чрезвычайно плохимъ признакомъ для дальнѣйшаго существованія умозрительной мудрости служить то обстоятельство, что послѣдняя трансцендентально-идеалистическая философская система, т. е. философія Шопенгауера, есть именно не что иное, какъ философія природы. Познанія его были достаточно обширны для такого предпріятія: онъ слушалъ на медицинскомъ факультетѣ геттингенскаго университета (1809—11) курсъ естественныхъ наукъ, между прочимъ, лекціи Блументбаха, и основательно изучилъ физику, химію, астрономію, геогнозію, фзіологію, анатомію и зоологію. Не будучи специалистомъ ни въ одной отрасли естествознанія, онъ однако прилежно слѣдилъ за его прогрессомъ до послѣдняго дня жизни. Поэтому, хотя онъ называлъ себя трансцендентальнымъ философомъ, но могъ быть и былъ эмпирикъ, и хотя самъ считалъ себя продолжателемъ Канта и говорилъ его языкомъ, но въ сущности на столько же былъ послѣдователемъ Кабани и Биша. Поэтому Бюхнеръ совершенно неосновательно издѣвается надъ философіей Шопенгауера; она гораздо ближе къ школѣ, которой онъ слѣдуетъ, чѣмъ онъ думаетъ. Либихъ говоритъ, что «умственная сторона человѣка на столько же продуктъ его чувствъ, на сколько дѣятельность чувствъ—продуктъ интеллигентной воли въ человѣкѣ». Изъ этого Бюхнеръ заключаетъ, что Либихъ—послѣдователь философіи Шопенгауера.

Изъ этого можно вывести только то заключеніе, что Бюхнеръ

не читаль Шопенгауера. (*) За это, конечно, его нельзя винить, потому что Шопенгауеръ, хотя и припяль девизомъ слова: «я пишу затѣмъ, чтобы меня читали», но весьма любилъ прибѣгать къ схоластическимъ фразамъ и философскимъ формуламъ, которыя, разумѣется, способствуютъ лишь помраченію смысла, подобно хваленнымъ прежде геометрическимъ приемамъ изложенія. Какъ скажете вамъ человѣкъ съ перваго слова, что «міръ есть представленіе и воля», то вы, конечно, струсите и будете помышлять объ отступленіи. Винить некого, кромѣ самого автора. Можно даже радоваться, что людей, выступающихъ передъ публикой съ подобными магическими формулами, швыряютъ, не читая, подъ столъ. И хотя у Шопенгауера нѣтъ ничего, подобнаго тому, что приписываетъ ему Бюхнеръ, но я далеко отъ намѣренія тоже рекомендовать чтеніе его произведеній. Гораздо лучше брать тѣже идеи у другихъ авторовъ, не облакающихъ ихъ въ кабалистическія фразы; поэтому я предпочитаю Шопенгауеру не только новѣйшихъ писателей, слѣдующихъ той же направленію, но и французскихъ натуралистовъ прошлаго столѣтія. Однако, я считаю не бесполезнымъ представить краткій очеркъ его мыслей, главнымъ образомъ для того, чтобы показать самоотреченіе идеалистической философіи.

Кабалистическая формула Шопенгауера, достойная хотя бы самого Гегеля, «міръ есть представленіе», выражаетъ у него общепризнанную со временъ Локка и Канта истину, что умственная дѣятельность человѣка есть продуктъ его пяти внѣшнихъ чувствъ. Со времени паденія «врожденныхъ идей» пришлось сознаться, что nihil est intellectu, quod non fuerit in sensu, т. е. что въ умѣ нѣтъ ничего, кромѣ воспринятаго чувствами.

Истина эта далась не скоро и не сразу; человѣчеству пришлось наслушаться не мало вздора, пока оно поняло условія своей умственной дѣятельности. Декартъ, отъ котораго пошли всѣ позднѣйшія лукавыя мудрствованія метафизиковъ, полагалъ, что духъ вступаетъ въ тѣло уже со всевозможными свѣдѣніями; но едва только

(*) Впослѣдствіи Бюхнеръ, познакомившись ближе съ Шопенгауеромъ, судилъ о немъ справедливѣе. Онъ называетъ его «истиннымъ философомъ» и даже «гениемъ» (Aus Natur und Wissenschaft, s. 103 u. 111). Тѣмъ не менѣе онъ не вполне понялъ его, что я объясняю тѣмъ, что не имѣлъ передъ глазами мнѣній французскихъ сенсуалистовъ, которые, будучи тѣсно связаны съ Шопенгауеромъ, чрезвычайно облегчаютъ пониманіе его.

человѣкъ выходитъ на свѣтъ божій, какъ немедленно забываетъ все, и потомъ мало по малу припоминаетъ свои «врожденные идеи.» Впрочемъ, случается, что онъ навсегда забываетъ всѣ свои знанія, какъ можно видѣть у идіотовъ и кретиновъ. Впрочемъ, идіоты и кретины созданы нарочито для того, чтобы ставить въ тупикъ метафизиковъ не по одному только этому вопросу. Въ новѣйшихъ антропологическихъ спорахъ они такъ насолили психологамъ старой школы, что послѣдніе, устами физиолога Бишофа, не хотѣть считать ихъ за людей. Какъ бы то ни было, но, по ученію картезианцевъ, благодаря идеямъ, засѣвшимъ въ человѣкѣ до рожденія его, онъ можетъ не только познавать, при пособіи внѣшнихъ чувствъ, внѣшніе предметы, но и непосредственно усматривать отвлеченныя истины, безъ помощи чего бы то ни было. Правда, при такой теоріи, постояннымъ камнемъ преткновенія былъ вопросъ о томъ, когда забираются въ человѣка эти идеи, причемъ одни переважно доказывали, что входятъ онѣ во время первыхъ движеній зародыша, а другіе точно также возражали, что вмѣстѣ съ сѣменемъ. Впрочемъ, критика Локка давно уже разрушила вѣру въ «врожденные идеи», и такъ какъ событіе это случилось сто лѣтъ тому назадъ, то возобновленные толки о нихъ деруть уши.

Послѣ Локка, французскими сенсуалистами было окончательно установлено, что интеллектуальная дѣятельность есть результатъ впечатлѣній, воспринятыхъ органами внѣшнихъ чувствъ и ощущеній, сопровождающихъ внутренніе процессы организма. Однако, наши люди, которые, начавъ развивать воззрѣнія Локка, быстро зарпортовались и договорились до грандіознаго абсурда: «нѣтъ объекта (то есть, внѣшнихъ предметовъ) безъ субъекта» (то есть, мыслительнаго органа человѣка) (Беркли). Такимъ образомъ, они проповѣдывали, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ идей, или, что реальныхъ предметовъ не существуетъ, а существуютъ только человѣческія представленія о нихъ. Выходить, стало быть, что если Иванъ или Петръ умеръ, слѣдовательно представленія, существовавшія въ ихъ сознаніи, уничтожились, то уничтожилось и все реальное, все, что не было идеями Ивана или Петра, т. е. весь внѣшній ихъ міръ. Впослѣдствіи тоже самое утверждалъ Фихте (и къ этому относится названіе *нигилизмъ*, такъ неумѣстно приданное г. Тургеневымъ нашей молодежи). Но на первый разъ люди вскорѣ образумились, благодаря Канту, который, признавъ существованіе реаль-

наго міра, «нуменовъ,» «вещей самихъ по себѣ», доказалъ, что человѣческія свѣдѣнія о внѣшнихъ предметахъ ограничиваются производимыми ими впечатлѣніями на наши внѣшнія чувства. Въ настоящее время мнѣніе это признано всеми; позитивисты, материалисты и трансцендентальный идеалистъ Шопенгауеръ согласны между собою въ томъ, что человѣкъ не можетъ знать ничего, кромѣ своихъ собственныхъ состояній, положеній, движеній и измѣненій. Человѣкъ можетъ знать только свои впечатлѣнія или отрывочно, если они не повторяются, или, если они неоднократно повторяются, то сопровождаются увѣренностью, основанною только на этомъ повтореніи, что могутъ быть во всякое время по произволу вызваны, независимо отъ внѣшнихъ вліяній. Человѣку доступны лишь свои ощущенія цвѣта, звука, сопротивленія, движенія и т. д. Когда онъ говоритъ о свойствахъ и качествахъ внѣшнихъ предметовъ, то это только «уловка языка (по выраженію Милля), къ которой онъ прибѣгаетъ, чтобы удобнѣе группировать факты.» Къ подобнымъ уловкамъ языкъ прибѣгаетъ для удобства нерѣдко; говорятъ, на примѣръ, огонь горитъ, хотя очень хорошо знаютъ, что горитъ не огонь, а сало, дерево, уголь и т. п. Подобнымъ же образомъ, желая сказать, что данный предметъ производитъ на него ощущеніе краснаго цвѣта, человѣкъ для удобства говоритъ о красномъ предметѣ. Неправильностей, въ родѣ перваго примѣра, избѣгать можно и должно. Но нельзя бы было, желая сказать о красной рубашкѣ, начать перечислять все впечатлѣнія, возбуждаемыя этимъ предметомъ; поэтому такой неправильности языка избѣгать нельзя.

Изложенное только-что воззрѣніе составляетъ всю сущность ученія Канта о «нуменахъ» и «феноменахъ»; въ немъ же весь Милль; и наконецъ оно признается тѣми мыслителями, которыхъ школьная философія, занимающаяся, отъ нечего дѣлать, навлеваніемъ ярлыковъ на людей и книги, называетъ материалистами. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей этого направленія говоритъ весьма опредѣлительно: «психическій актъ не можетъ явиться въ сознаніи безъ внѣшняго чувственнаго возбужденія. Стало быть, и мысль подчиняется этому закону.» Бюхнеръ также повторяетъ за Молешотомъ, что «человѣкъ есть продуктъ своихъ чувствъ» и что «все, что мы знаемъ, мыслимъ, чувствуемъ, есть лишь воспроизведеніе въ умѣ воспріятого чувствами извнѣ.» Узнать цѣну своего состоянія почти также полезно, какъ получить чистую прибыль; по-

тому что кто не знает своих средствъ, тому грозитъ разореніе; онъ по необходимости будетъ дѣлать на всякомъ шагу ошибки, то мотая не по состоянію, то отказывая себѣ въ необходимомъ. Поэтому, открытіе, что «человѣку недоступно подлинное знаніе реальнаго, вещи самой по себѣ», словомъ, «высшее знаніе», къ которому стремятся метафизики, такъ же драгоценно для людей, какъ какое нибудь практически-полезное открытіе. Съ этихъ поръ вопросы о томъ, что такое самая суть, міръ, субстанція и т. п. невозможны, и потому нѣтъ надобности шарлатанить, отвѣчая: «суть есть, ибо есть, и она есть, какова есть, ибо такова есть.»

Заслуга Канта въ этомъ отношеніи, кромѣ возстановленія реальнаго, отрицаніе котораго совершенно бессмысленно, состоитъ еще въ томъ, что онъ выбилъ картезианскую философію изъ послѣднихъ убажищъ ея. Доказавъ чувственное происхожденіе всѣхъ нашихъ представленій, Локкъ призналъ, однако, нѣкоторыя понятія наши о предметахъ, какъ то: протяженіе, форму, непроницаемость, число, движеніе или покой, присущими «вещи самой по себѣ,» потому что они обусловливаются временемъ, пространствомъ и причинностью, реальное бытіе которыхъ онъ не подвергалъ сомнѣнію. Тому же мнѣнію слѣдовалъ первый представитель сенсуалистической школы, Кондильякъ. Но уже Юмъ подвергнулъ сомнѣнію реальность закона причинности. Юмъ обратилъ вниманіе на то, что опытъ, единственный источникъ нашего знанія, показываетъ намъ лишь простую послѣдовательность нашихъ состояній во времени, а не причинную связь ихъ. Слѣдовательно, понятіе причинности не дается намъ опытомъ и возникаетъ изъ понятія о времени. Кантъ, слѣдуя этому, утверждалъ, что время и пространство не существуютъ какъ нѣчто реальное, а только въ нашемъ представленіи. Онъ выражалъ это на своемъ языкѣ, что понятія эти трансцендентально-идеальны, а Шопенгауеръ выражаетъ матеріалистически ту же мысль, говоря, что эти понятія — перебрачная фантазмагорія. Онъ справедливо замѣчаетъ, что извѣстный законъ косности показываетъ наглядно, что время не имѣетъ реального существованія, потому что само по себѣ неспособно измѣнить движеніе или покой тѣла. Такимъ образомъ время и пространство суть только извѣстныя формы, подъ которыми въ умѣ возникаютъ представленія. Это тоже великій выигрышъ для человѣчества. Теперь же

мы знаемъ, что, въ противоположность другимъ предметамъ, которые существуютъ и сами по себѣ, и въ нашемъ представленіи, какъ нумеры и какъ феномены, время, пространство и т. п. существуютъ только въ нашемъ представленіи, т. е. какъ феномены. Такимъ образомъ Иванъ, Петръ и всякій другой имѣетъ полное право сказать, что по смерти его, т. е. съ уничтоженіемъ его способности воспринимать впечатлѣнія и получать представленія, уничтожаются также и эти понятія. Но Кантъ не видѣлъ никакой возможности объяснить присутствіе въ сознаніи этихъ понятій и потому нашелся вынужденнымъ принять ихъ за особыя *категоріи ума*, признать ихъ присущими органу мысли, словомъ, чѣмъ-то въ родѣ врожденныхъ идей. Приходилось думать, что эти понятія всегда сидѣли въ мозгу, гдѣ для нихъ отведены особыя кѣтки. На этихъ категоріяхъ, которыя давнымъ давно сданы въ архивъ, свихнулся, между прочимъ, Прудонъ. На самомъ же дѣлѣ, нѣтъ никакой необходимости свихиваться на нихъ, вытаскивать ихъ изъ архивовъ и отдавать имъ въ умѣ особыя конуры. Происхожденіе понятій времени и пространства и постоянное присутствіе ихъ въ сознаніи при всѣхъ умственныхъ представленіяхъ прекрасно объяснены однимъ знаменитымъ физиологомъ, подобно тому, какъ Браунъ объяснилъ ощущеніями осязанія и тѣмп, которыя происходятъ въ самихъ мускулахъ, понятія наши о протяженіи и наружномъ видѣ. Физиологъ этотъ показалъ, что понятіе о пространствѣ мы получаемъ посредствомъ ассоціаціи зрительныхъ впечатлѣній съ осязательными (въ мускулахъ, управляющихъ движеніями глазъ). Эти впечатлѣнія сочетаются чрезвычайно легко и притомъ безарестанно, вследствие чего, мы никакъ не можемъ избавиться отъ порождаемаго ими понятія, потому что, съ одной стороны, слишкомъ привыкли къ нему, а съ другой, невозможно устранить ихъ сочетанія. Въ нашемъ сознаніи происходитъ нѣчто подобное тому, что случается при нѣкоторыхъ физическихъ опытахъ, гдѣ никогда не получается вполне чистый результатъ, потому что этому препятствуетъ вліяніе тѣхъ инструментовъ, которые мы употребляемъ при опытѣ. Подобно тому, на примѣръ, какъ при многихъ опытахъ мы не можемъ устранить вліяніе тренія, такимъ же образомъ не можемъ получать чисто зрительныхъ или чисто-слуховыхъ впечатлѣній, такъ какъ, независимо отъ нашей воли, получаемъ вмѣстѣ съ ними осязательныя,

мышечныя и другія. Факторъ времени, по словамъ нашего физиолога, — слухъ. «Обыкновенно говорятъ, продолжаетъ онъ, что время—понятіе очень общее, потому что въ немъ чувствуется очень мало реального. Но именно послѣднее обстоятельство и указываетъ на то, что въ основѣ его лежитъ лишь часть конкретнаго представленія. Въ самомъ дѣлѣ, *только звукъ и мышечное ощущеніе даютъ человѣку представленіе о времени*, притомъ не всѣмъ своимъ содержаніемъ, а лишь одною стороною, тягучестью звука и тягучестью мышечнаго чувства. Передъ моими глазами двигается предметъ; слѣдя за нимъ, я двигаю постепенно или головою, или глазами, или обоими вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ, зрительное ощущеніе ассоціируется съ тянущимся ощущеніемъ сокращающихся мышцъ, и я говорю: «движеніе тянется подобно звуку». Дневная жизнь человѣка проходитъ въ томъ, что онъ или двигается самъ, получаетъ тянущіяся ощущенія, или видитъ движеніе постороннихъ предметовъ, — что то же, или, наконецъ, слышитъ тянущіеся звуки (и обонятельныя и вкусовыя ощущенія имѣютъ тоже характеръ тягучести). Отсюда выходитъ, что день тянется подобно звуку, 365 дней тянутся подобно звуку и т. д. Отдѣлите отъ конкретныхъ представленій движенія дня и года характеръ тягучести — и получится понятіе времени».

И такъ, понятіе времени дается ассоціаціей слуховыхъ ощущеній съ мускульными и проч., столь же неизбѣжными, какъ ассоціація зрительныхъ съ осязательными; поэтому, понятіе времени и пространства мы получаемъ посредствомъ чувствъ, и они нераздѣльны со всѣми представленіями, потому что не въ нашей волѣ задержать производящую ихъ ассоціацію и выйти изъ подъ вліянія привычки къ ней.

Такимъ образомъ мы знаемъ реальные предметы только какъ ощущенія, производимыя ими на насъ, и какъ поражаемыя этими ощущеніями наши представленія. Какъ разъ эту самую мысль хочеть выразить Шопенгауеръ первой половиной своей кабалистической формулы, говоря: «міръ есть представленіе». Въ этомъ случаѣ онъ называетъ себя послѣдователемъ Канта; но общій характеръ его сочиненій доказываетъ, что онъ гораздо ближе къ Молешту и Фогту. Со всей идеалистической философіей, въ томъ числѣ и съ Кантомъ, онъ расходится окончательно, прямо называя странною и недостойною

метафизическую манеру философствовать, не основываясь на фактахъ опыта и наблюденія. «Истинную философію, говоритъ онъ, нельзя сплести изъ чистыхъ отвлеченій; она должна основываться на опытѣ и наблюденіи, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Философія не алгебраическая задача.» Эткихъ словъ достаточно, чтобы показать, какъ мало общаго имѣлъ Шопенгауеръ со старой метафизикой; другихъ доказательствъ не нужно, чтобы убѣдиться, что онъ былъ не умозрительный философъ-идеалистъ, а философъ-натуралистъ, руководившійся эмпиріей.

Гораздо труднѣе объяснить смыслъ другой половины формулы Шопенгауера: «міръ есть воля». Въ этой части своей философіи онъ является окончательнымъ реалистомъ въ томъ смыслѣ въ какомъ называютъ этимъ именемъ замѣчательнѣйшихъ представителей естествознанія въ Германіи. Но за то здѣсь же находятся важнѣйшія ошибки и промахи Шопенгауера и ярче выказывается неудобство его пристрастія къ формуламъ абракадабры. Опемь-то сказавъ Гете, что его легко понимать, если развѣ навсегда принять за свѣдѣнію, что лошадь называется у него не лошадью, а салаШю, богъ—не богомъ, а діо и т. п. Но весьма ошибаются тѣ, которые видятъ въ этомъ отзывѣ нѣчто глубокомысленное. Известно, что Гете не понималъ Шопенгауера, по той простой причинѣ, что не читалъ. Отказывая же онъ такимъ образомъ изъ любезности, потому что былъ любовникомъ матери философа Юганны Шопенгауеръ, известной въ свое время писательницы. Зная это, можно не придавать его отзыву серьезнаго значенія, которое было бы невыгодно для Гете, потому что, по правдѣ сказать, фраза его бессмысленна. Говорить по немѣцки, вставляя, для лучшей важности, иностранныя слова, крайне нелѣпо и не можетъ быть нпчѣмъ объяснено. Въ этой замашкѣ всего замѣтнѣе вліяніе на Шопенгауера схоластическихъ пріемовъ идеалистической философіи.

Подъ словомъ *воля* Шопенгауеръ присвоиваетъ себѣ право подразумѣвать вовсе не то, что разумѣютъ обыкновенные смертные. Шопенгауеръ подразумѣваетъ подъ волей всѣ ощущенія, порождаемыя внутренними процессами организма. На первый взглядъ это должно показаться неяснымъ и потому требуетъ объясненія. Я надѣюсь, что дѣло разъяснится, если мы обратимся къ мнѣніямъ тѣхъ мыслителей, которымъ Шопенгауеръ слѣдовалъ.

Въ первомъ отдѣлѣ своего ученія онъ, какъ мы видѣли, не безу-

словно шелъ за Кантомъ, потому что выходилъ изъ опыта, но, подобно Миллю и Молешотту, сходилъ съ нимъ въ воззрѣнїи на сущность умственной дѣятельности человѣка. Во второмъ же отъѣздѣ онъ окончательно расходитъ съ идеалистической школой и прямо признаетъ своими авторитетами французскихъ сенсуалистовъ, особенно Кабани и Биша.

Въ понятїяхъ его пѣтъ при этомъ никакой двойственности, какъ напрасно думаетъ французскій критикъ его, который говоритъ, что, «исходя отъ кантовскаго идеализма, онъ соединилъ съ нимъ бэконскій эмпиризмъ и сенсуализмъ Локка и Кондильяка.» Это неправда, потому что истина, что «мы знаемъ предметы только какъ представленїя, возникающїя въ умѣ вслѣдствіе ощущенїй», принадлежитъ на столько же Канту, на сколько Миллю, Локку и Кабани. Всѣ они выражаютъ ее только различно; одинъ говоритъ: «мы знаемъ предметы лишь какъ феномены,» другой—*«nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu,»* третій—«наши сужденїя о предметахъ ограничиваются производимыми ими ощущенїями,» четвертый—«представленїе есть ощущенїе» и т. д., но всѣ эти фразы выражаютъ одну и ту же мысль. Слѣдовательно, здѣсь о дуализмѣ не можетъ быть и рѣчи.

Школьная философія, затупѣвшая въ общихъ фразахъ, относится съ возмутительною дерзостью къ тѣмъ французскимъ философамъ XVIII вѣка, къ которымъ она приклеила ярлыкъ съ надписью «сенсуалисты», и воображаетъ, что тѣмъ можно и покончить съ ними. Это съ ея стороны самая отчаянная наглость, какую она когда либо совершала, потому что у любого изъ этихъ писателей въ одной строчкѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ строченїяхъ школьной философіи.

Конечно, большая часть положенїй этихъ мыслителей рухнула съ открытїемъ новыхъ фактовъ, что очень понятно, если вспомнимъ, какую массу данныхъ обогатились въ XIX вѣкѣ естественныя науки, изъ которыхъ они исходили. Но путь, указанный ими, и коренныя основанїя ихъ ученїя остались и останутся навсегда, потому что, какъ говорить Шопенгауеръ, это единственная, узкая дверь, вѣдущая къ истинѣ.

Писатели эти были люди ума колоссальнаго, великіе обобщатели и популяризаторы, и однимъ изъ величайшихъ изъ нихъ былъ Кабани, и однимъ изъ величайшихъ произведенїй была его книга:

«Объ отношеніяхъ физической и нравственной сторонъ человѣка.»

Кабани былъ такимъ же послѣдователемъ Локка, какъ и Кантъ. Въ то время, какъ въ Германіи Кантъ развилъ и дополнилъ ученіе Локка, но, не покинувъ скользкаго пути абстрактныхъ выкладокъ, довелъ его до совершенной бесплодности, такъ что не могъ имѣть на этомъ пути ни одного порядочнаго послѣдователя и только далъ поводъ «тремъ софистамъ» договориться на эту тѣму до чортиковъ, до отрицанія реального у Фихте и до проповѣдыванія полнаго тождества между реальнымъ и идеальнымъ у Шеллинга,—въ это время французы обратились къ изученію природы, какъ единственному источнику истины. Исходной точкой ихъ было положеніе Локка, что *всѣ идеи даны чувствами и суть продукты ощущеній*. Это положеніе было приложено ими къ дальнѣйшему изслѣдованію процессовъ организма и дало блистательные результаты, которыми эти писатели, столь же глубокіе мыслители, какъ и драгоценные популяризаторы, спѣшили подѣлиться съ своими соотечественниками и черезъ нихъ со всѣмъ образованнымъ міромъ. Не даромъ возлились они такъ съ Локкомъ, не даромъ такіе умы, какъ Вольтеръ, Гельвецій, Кондильякъ, пожертвовали свои лучшія усилія на распространеніе или развитіе идей Локка. Со временъ Локка, который былъ врачъ и естествоиспытатель, французы завоевали для естествознанія высокія области психологіи и философіи, въ которыхъ доселѣ господствовала лишь абстрактная ерунда. Они совершили тогда разомъ двѣ величайшія реформы, какія когда-либо міръ видѣлъ,—умственную и политическую, которыхъ вліаніе быстро охватило Европу, не смотря на Гегелей и Питтовъ.

Кабани воспользовался идеями и научными данными, чтобы основать на нихъ рациональную антропологию, тремя отраслями которой должны быть физиологія, идеологія и мораль. Но признавая, что разумъ и воля человѣка обусловливаются тѣми же явленіями, какъ и всѣ прочіе процессы организма, онъ смотрѣлъ на антропологию, какъ на естественную исторію человѣка и, слѣдовательно, на идеологію и мораль, какъ на отрасли естествознанія. Кабани выражаетъ это съ обыкновенною точностью, характеризующею французскихъ писателей XVIII вѣка. «Физическое и нравственное начала совпадаютъ въ своемъ источникѣ или, лучше сказать, *нравственное начало есть физическое, разсматриваемое съ особой точки зрѣнія.*»

Но Кабани обратилъ еще особенное вниманіе на то, что мозговые

отправленія зависят не только от впечатлѣній, переданныхъ общему нервному центру внѣшними органами чувствъ, но и от тѣхъ ощущеній, которыя сопровождаютъ внутренніе процессы организма. Мозгъ съ воспріимчивыми внѣшнихъ впечатлѣній составляетъ часть живого, чувствующаго организма, и не только естествоиспытателю, но и самому отчаянному спиритуалисту было бы невозможно отвергать вліяніе на него этой, неразрывно всѣми узми связанной съ нимъ, среды. Кабани, опредѣлявшій животное существованіе способностью чувствовать и двигаться, говоритъ: «способность чувствовать есть способность нервной системы знать впечатлѣнія, производимыя на нее.

Впечатлѣнія эти или внутреннія, или внѣшнія.

«Внѣшнія впечатлѣнія суть тѣ, которыя сознаются явственно и называются *ощущеніями*.

«Внутреннія впечатлѣнія часто смутны и невняты.

Первыя происходятъ отъ соприкосновенія внѣшнихъ предметовъ съ органами чувствъ; вторыя отъ нормальныхъ функций или болѣзней, свойственныхъ различнымъ органамъ.

«Отъ первыхъ происходятъ представленія; отъ вторыхъ явленія *инстинкта*.

Вѣрный своему учителю, Биша написалъ цѣлую книгу, въ которой развилъ эту мысль. Въ книгѣ этой (*Recherches physiologiques sur la vie et la mort*) проводится строгое различіе между тѣми явленіями организма, которыя Биша относитъ къ *жизни животной*, и тѣми, которыя онъ причисляетъ къ *жизни растительной*. Органы первой—мозгъ и внѣшнія чувства, второй—всѣ остальные. Такимъ образомъ, слѣдовательно, къ области животной жизни относится интеллектуальная дѣятельность представленія, поражаемая внѣшними впечатлѣніями, происходящими, въ свою очередь, отъ соприкосновенія внѣшнихъ предметовъ съ органами чувствъ. Къ жизни же растительной относятся явленія инстинкта, т. е. страсти и желанія, которыя поражаются внутренними процессами организма.

Вѣроятно, внимательный читатель уже догадался, что Шопенгауеръ, котораго я назвалъ послѣдователемъ ученыхъ, мнѣнія которыхъ вкратцѣ только что мною изложены, называлъ *волею* тѣ явленія организма, которымъ Кабани давалъ названіе инстинктивныхъ, и которыя Биша причислялъ къ жизни растительной. Но прежде, чѣмъ будемъ продолжать этотъ разборъ, необходимо замѣтить, что, не

смотря на значеніе, которое доселѣ могутъ имѣть воззрѣнія сенсуалистовъ, мнѣнія Кабади и Биша не могутъ быть допущены безусловно въ наше время. Теперь уже дознано, что въ дѣйствительности нѣтъ такого абсолютнаго различія между явленіями сознательными и инстинктивными, произвольными и непроизвольными, какое они прицимали. Тѣмъ не менѣе остался непоколебимъ тотъ выводъ, что на мозгъ вліяютъ не только внѣшніе предметы, но и внутренніе процессы организма: въ умѣ могутъ существовать представленія, порожденныя не только внѣшними чувствами, но и самимъ организмомъ. Бюхнеръ напрасно поэтому вооружается противъ этого *шестого чувства*, какъ онъ выражается; что же нелѣпаго въ томъ, что если человекъ страдаетъ сердцебіеніемъ и чувствуетъ страхъ безъ всякой внѣшней причины; очевидно, что это психическое состояніе возбуждается въ немъ не внѣшними чувствами, а состояніемъ внутренняго органа? Противъ этого Бюхнеру нечего возставать.

Теперь мы можемъ обратиться къ Шопенгауэру.

Мы видѣли выше, что всѣми признано, что человекъ знаетъ не самыя внѣшнія предметы, а лишь ощущенія, производимыя ими на него, впечатлѣнія или, говоря языкомъ Канта, знаетъ не нумены, а феномены. Видя или осязая какой нибудь предметъ, человекъ сознаетъ впечатлѣнія, производимыя имъ на него, и считаетъ эти ощущенія произведеніемъ чего-либо совершенно внѣшняго ему. Этотъ предметъ, дораждающій ощущенія, есть реальное, «вещь сама по себѣ». «Ощущенія, говоритъ Милль, я равнаю непосредственно, но я считаю ихъ производеніемъ чего-либо не только существующаго независимо отъ моей воли, но чего-либо внѣшняго относительно органовъ моего тѣла и духа. Это-то внѣшнее нѣчто я называю тѣломъ.» Къ этому редакторъ русскаго перевода «Системы логики» дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе, которое прекрасно опредѣляетъ точку зрѣнія Шопенгауэра. «Говоря здѣсь о тѣлахъ внѣшняго міра или о веществѣ вообще, замѣчаетъ Н. Л. Лавровъ, *Милль упускаетъ изъ виду одно важное обстоятельство, именно принадлежность нашего собственнаго тѣла къ тому же внѣшнему міру, такъ что наше тѣло служитъ намъ точкою еравненія для реальности всѣхъ прочихъ предметовъ, между тѣмъ, какъ ощущенія нашего тѣла составляютъ первый шагъ въ ряду явленій нашего сознанія и однородны прочимъ явленіямъ сознанія.*» Установивъ невозможность для насъ узнать

реальное, «вещь саму по себѣ» во внѣшнихъ предметахъ, Шопенгауеръ обращается къ собственному организму человѣка; онъ говоритъ; что мозгъ человѣческій есть не только органъ мысли и представленій, но и одинъ изъ органовъ тѣла, тѣсно и непосредственно связанный съ остальными частями организма. Подобно мозгу, и все наше тѣло; ощущенія котораго мы сознаемъ непосредственно, то есть помимо внѣшнихъ чувствъ, есть также не только представленіе въ нашемъ сознаниі, но и реальный предметъ. Я мыслю свое тѣло, какъ всякій другой предметъ, ощущаю его внѣшними чувствами и имѣю его въ представленіи; но въ то же время это совершенно реальное тѣло производитъ на меня впечатлѣнія другого рода, которыхъ я не испытываю отъ другихъ реальныхъ предметовъ, именно: оно влияетъ непосредственно на мой органъ мысли и поражаетъ въ немъ ощущенія безъ помощи внѣшнихъ чувствъ, но тѣмъ не менѣе сознаваемые мною. Такимъ образомъ, въ представленіи человѣка являются не только ощущенія внѣшнихъ предметовъ, но и растительная жизнь его собственнаго организма, какъ сказалъ бы Биша, его собственныя страсти и другія психическія явленія, зависящія отъ ощущеній, порождаемыхъ внутренними процессами организма. Мы уже знаемъ, что этотъ рядъ явленій носить у Шопенгауера названіе *воли*. Теперь намъ понятны будутъ слѣдующія слова Шопенгауера, въ которыхъ онъ резюмировалъ свое воззрѣніе: «чисто объективному познанію реальное недоступно, потому что при немъ предметъ бываетъ лишь въ представленіи, слѣдовательно, въ самомъ субъектѣ, и не можетъ быть различенъ отъ порождаемыхъ имъ ощущеній. Реальное можетъ быть узнано лишь въ томъ случаѣ, если мы изберемъ другую точку зрѣнія, а именно, будемъ исходить не отъ *представляющаго*, а отъ *представляемаго*. Но каждому человѣку такая исходная точка доступна лишь относительно одного предмета, къ которому онъ можетъ приблизиться съ двухъ сторонъ: предметъ этотъ—собственное тѣло (организмъ) каждаго, которое представляется ему, во-первыхъ, въ объективномъ мірѣ, какъ представленіе въ пространствѣ, но въ то же время обнаруживается въ *самосознаніи*, какъ *воля*».

Такимъ образомъ, на ученіе Канта о недоступности нашему познанію «вещи самой по себѣ» Шопенгауеръ возразилъ, что это недоступное намъ реальное есть нашъ собственный организмъ, мы сами. А такъ какъ организмъ нашъ является нашему сознанию не только

какъ представленіе, но и посредственно, то мы не можемъ не знать его, слѣдовательно, реальное доступно намъ. Лучше всего пояснить это примѣромъ: подобно тому, какъ я могу рукою ощущать или глазами видѣть внѣшній предметъ, точно такъ же могу я видѣть и ощущать свое тѣло, и тогда оно явится въ моемъ сознаниі, какъ представленіе. Но вотъ происходитъ въ моемъ организмѣ процессъ, не связанный съ внѣшними чувствами, и тогда, помимо ихъ, возникаетъ въ моемъ сознаниі ощущение, произведенное имъ. Напримѣръ, я чувствую и сознаю голодъ; что породило во мнѣ это ощущеніе? Внѣшній предметъ? нѣтъ, явно, что оно порождено самимъ организмомъ моимъ, но является въ сознаниі непосредственно. И такъ, реальный предметъ явился въ моемъ сознаниі непосредственно. Это факты жизни растительной, переходящіе непосредственно въ факты жизни животной. Шопенгауеръ самъ говоритъ, что, принимая теорію Биша, онъ переименовываетъ жизнь животную въ сознаниі, а жизнь растительную въ *волю*. Теперь ясно, стало быть, значеніе второй половины замысловатой формулы: «мїръ есть воля». Вся же формула «мїръ есть представленіе и воля», въ переводѣ на человѣческій языкъ, будетъ значить: «реальные предметы являются въ сознаниі человѣка, какъ впечатлѣнія, производимыя ими на его внѣшнія чувства, и какъ ощущенія, дораждаемыя процессами собственнаго организма». Физиологъ, на мнѣнія котораго я уже ссылался, говоритъ объ этомъ слѣдующее: «Къ разряду же явленій самосознанія относятся тѣ неопредѣленныя, темныя ощущенія, которыя сопровождаютъ акты, совершающіеся въ полостныхъ органахъ груди и живота. Кто не знаетъ, напримѣръ, ощущеній голода, сытости и переполненія желудка? Незначительное разстройство дѣятельности сердца ведетъ уже за собою измѣненіе характера человѣка; нервность, раздражительность женщины изъ 10 разъ 9 зависитъ отъ болѣзненнаго состоянія матки. Подобнаго рода факты, которыми переполнена патологія человѣка, явнымъ образомъ указываютъ на ассоціацію этихъ темныхъ ощущеній съ тѣми, которыя даются органами чувства». «Но, прибавляетъ авторъ, къ сожалѣнію, относящіеся сюда вопросы чрезвычайно трудны для разработки, и потому удовлетворительное рѣшеніе ихъ принадлежитъ будущему. А рѣшеніе было бы въ высокой степени важно, потому что разбираемыя ощущенія всегда присущи человѣку, повторяются, стало быть, чаще, чѣмъ всѣ остальные, и представляютъ

такимъ образомъ одинъ изъ самыхъ могучихъ двигателей въ дѣлѣ психическаго развитія».

Въ шахматной игрѣ говорятъ, что постороннему зрителю, хотя бы и плохому знатку этой игры, легче замѣтить выгодный ходъ, чѣмъ самому играющему, хотя бы онъ былъ мастеръ своего дѣла. Быть можетъ это справедливо не только относительно одной шахматной игры. Это соображеніе даетъ мнѣ смѣлость замѣтить знаменитому ученому, которому принадлежать только что приведенныя слова, если глаза его упадутъ на эти страницы, что, по моему мнѣнію, онъ имѣлъ въ рукахъ средства хотя до нѣкоторой степени разъяснить эти вопросы, важность которыхъ онъ признаетъ. Мнѣ кажется, что онъ добровольно отказался отъ возможности воспользоваться этими средствами, повторивъ нѣсколько разъ, что «психическій актъ не можетъ явиться въ сознаніи безъ *внѣшняго* чувственнаго возбужденія». Я рѣшаюсь высказать сомнѣніе въ справедливости этого положенія, причѣмъ опираюсь на собственныя слова автора, который говоритъ, что ощущенія, сопровождающія *внутренніе* процессы организма, «представляютъ одинъ изъ самыхъ могучихъ двигателей въ дѣлѣ психическаго развитія». Возможность согласовать эти два положенія кажется мнѣ сомнительною, и такъ какъ второе не можетъ подлежать сомнѣнію, то я не могу признать безусловно справедливымъ первое. Чтобы сдѣлать для читателя понятною трудность согласованія этихъ положеній, я скажу, что если мы признаемъ страхъ явленіемъ психическимъ и допустимъ, что онъ можетъ произойти отъ сердцебіенія, произведеннаго, въ свою очередь, чисто внутренними условіями организма, напр. лихорадочнымъ пароксизмомъ, то возможно ли послѣ этого допустить, что психическія явленія могутъ происходить только при помощи *внѣшняго* чувственнаго возбужденія? Я полагаю, что нѣтъ.

Наперекоръ всѣмъ академическимъ словарямъ и «языку человечества», въ которому такъ любитъ апеллировать Прудонъ, Шопенгауеръ рѣшительно отказывается называть вещи по присвоеннымъ имъ именамъ. Назвавъ волею явленія растительной жизни, онъ, по примѣру Биша, исключаетъ изъ нихъ какъ разъ то, что всѣми прочими людьми называется волей. Волю безстрастную и сознательную, выраженія которой нашъ физиологъ навываетъ хотѣніями, и о которой было наговорено разными писателями, въ томъ числѣ и самимъ Шопенгауеромъ, много всякой чепухи, онъ совершенно исклю-

часть изъ своего понятія о волѣ. Но въ вознагражденіе за ущербъ, нанесенный словаремъ, и за неуваженіе, оказанное «языку человѣчества», онъ озаряетъ насъ такимъ яркимъ свѣтомъ, даетъ намъ такую блистательную, гениальную мысль, что ею освѣщается даже непроницаемый мракъ, который господствуетъ въ вопросахъ объ ощущеніяхъ, вызываемыхъ внутренними процессами организма. Впрочемъ, заслуга въ этомъ случаѣ принадлежитъ на половину его великому учителю, Биша.

Мнѣ кажется, что если бы авторъ статьи о свойствахъ психической дѣятельности организма, которой, быть можетъ, суждено составить эпоху въ психологіи человѣка, обратилъ вниманіе на мысль Биша, то отдѣлъ его статьи, въ которомъ онъ рассуждаетъ о страстяхъ, значительно выигралъ бы въ полнотѣ и всесторонности. Авторъ, вѣрный своему мнѣнію, что психическія явленія могутъ быть возбуждаемы только впечатлѣніями *внѣшнихъ* чувствъ, пренебрегъ мнѣніемъ Биша, который, допуская, что такія явленія могутъ быть поражаемы *внутренними* ощущеніями организма, утверждалъ, что послѣднимъ принадлежатъ тѣ психическія явленія, которыя всѣми называются страстями, а Шопенгауеромъ волею. Это очень важно: авторъ самъ вынужденъ прибѣгнуть до известной степени къ различію между *хотѣніями*, какъ отраженными явленіями съ менѣе выраженною страстностью, и *желаніями*, какъ явленіями того же рода, гдѣ страстность выражена ясно. Болѣе рѣзкаго или, лучше сказать, постояннаго различія между хотѣніями и желаніями авторъ не дѣлаетъ, и это, мнѣ кажется, составляетъ важный пропускъ въ его анализѣ страстей. Я полагаю, слѣдуя Биша и Шопенгауеру, что желанія отличаются отъ хотѣній тѣмъ, что въ нихъ спеціально выражаются страсти и инстинкты, т. е. вообще внутреннія ощущенія; хотѣнія же суть отраженныя явленія, происходящія отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Правда, я полагаю—и прошу читателя замѣтить, что *безстрастныхъ хотѣній нѣтъ*, но причина этого другого рода, и ниже я постараюсь объяснить ее. Такой взглядъ на сущность страстей нисколько не противорѣчитъ ничему въ системѣ нашего автора, но напротивъ, еще болѣе освѣщаетъ ее. По опредѣленію автора, страсть есть отраженное явленіе съ усиленнымъ концомъ, т. е. такое, которое слѣдуетъ роковымъ образомъ за чувственнымъ впечатлѣніемъ, но съ тою разницею отъ другихъ актовъ человѣческой дѣятельности, что наружное проявленіе его, т. е. конецъ, по силѣ

не соответствует производящему его впечатлѣнію, такъ что заставляетъ предполагать существованіе въ нервной системѣ усиливающихъ отраженныя явленія аппаратовъ, подобно задерживающимъ ихъ, открытымъ самимъ авторомъ. Очевидно, что если допустить существованіе въ сознаніи впечатлѣній внутреннихъ, то ничто не мешаетъ принять, что такія впечатлѣнія могутъ отражаться на мускулахъ и, слѣдовательно, что отраженія эти, проходя черезъ предполагаемый усиливающий отраженія аппаратъ, могутъ являться въ концѣ усиленными. Но какъ не всё отраженія отъ внѣшнихъ чувствъ являются въ концѣ усиленными, такъ точно и не всё отраженія отъ внутреннихъ ощущеній будутъ являться въ концѣ таковыми. Въ случаѣ, гдѣ конецъ отраженного явленія усиленъ, а причина его лежитъ во внутреннемъ возбужденіи, оно называется *желаніемъ*; если же конецъ усиленъ, но причина лежитъ во внѣшнемъ возбужденіи—*хотѣніемъ*. На простомъ разговорномъ языкѣ и у психологовъ старой школы говорится, что и желаніе есть актъ страсти, а «хотѣніе—актъ воли.» Протестовать противъ этихъ выраженій излишне, потому что они очень удобны и къ нимъ всё привыкли; но надо помнить, что когда говорится объ актахъ страсти, то это значитъ, что рѣчь идетъ объ усиленныхъ отраженныхъ явленіяхъ, возбужденныхъ внутренними ощущеніями организма; когда же говорится объ актахъ воли, то это значитъ, что отраженное явленіе, о которомъ упоминается, возбуждено внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Здѣсь необходимо снова замѣтить, что безстрастныхъ хотѣній нѣтъ.

Теперь, я полагаю, читателямъ совершенно выяснился взглядъ Шопенгауера на психическую дѣятельность человѣка. Мы уже видѣли, что предметомъ его изысканій служитъ именно вопросъ о ея свойствахъ, а не метафизическія задачи объ отношеніи конечнаго къ безконечному. Хотя сакраментальная формула «миръ есть представленіе и воля» даетъ поводъ предполагать, что авторъ намѣренъ разсуждать объ абсолютномъ и т. п., но на дѣлѣ оказывается, что онъ желаетъ лишь разъяснить важнѣйшій вопросъ антропологии о предѣлахъ, свойствахъ и условіяхъ психической дѣятельности. Трансцендентальный идеализмъ приводитъ его лишь къ отрицанію метафизическихъ задачъ. Онъ вооружается имъ, чтобы, слѣдуя Канту, доказать, что наше знаніе внѣшнихъ предметовъ ограничивается познаніемъ представленій, производимыхъ чувственными впечатлѣніями; поэтому абсолютное совершенно не можетъ быть разумно пред-

метомъ нашихъ изысканій, такъ какъ чувственныя впечатлѣнія, которыми ограничиваются наши знанія, не имѣютъ ничего общаго съ абсолютнымъ или безконечнымъ, но, напротивъ, условны и конечны. На этомъ основаніи онъ возстаетъ противъ умозрительнаго уствѣванія. «Неудачи, говоритъ онъ, которыя доселѣ постоянно постигали философію, были неизбѣжны, и объясняются тѣмъ, что вмѣсто того, чтобы ограничиваться уразумѣніемъ даннаго міра, она постоянно забѣгала за него и хотѣла открыть конечныя причины всякаго бытія и разрѣшить вопросы, которые не могутъ быть поставлены. Философія должна ограничиваться стараніемъ понять данный міръ, который представляетъ все, что необходимо для его уразумѣнія».

Опредѣлявъ и установивъ такимъ образомъ свою точку зрѣнія, Шопенгауеръ, разсматривая психическую дѣятельность, находитъ, что она исключительно обуславливается внѣшними и внутренними ощущеніями. Первыя производятъ весь интеллектуальный міръ, міръ представленій, идей. Вторыя же производятъ міръ страстей и инстинктовъ, который онъ называлъ волею.

Однако, слова повторяю, такъ строго разграничивать жизнь животную и растительную, продукты ощущеній внѣшнихъ и внутреннихъ—нельзя. Ихъ можно и даже, для лучшаго уразумѣнія каждаго процесса особо, должно разсматривать въ частности каждый, но никогда не слѣдуетъ забывать, что въ дѣйствительности они такъ тѣсно связаны между собою, что, такъ сказать, проникаютъ другъ друга. Иначе возраженія всегда будутъ готовы. Можно возразить, что существуютъ страсти, какъ напримѣръ, страсть къ музыкѣ, которыя могутъ имѣть своимъ источникомъ только внѣшнія ощущенія. Притомъ, не есть ли противорѣчіе разграничивать желанія и хотѣнія, проявленія страстей и воли, т. е. усиленныя отраженныя явленія отъ внутреннихъ и внѣшнихъ впечатлѣній, и въ тоже время утверждать, что нѣтъ хотѣній безстрастныхъ? Но дѣло въ томъ, что всѣ ощущенія могутъ до безконечности ассоціироваться между собою, и вслѣдствіе сочетанія ихъ, возникаетъ все неисчислимое множество разнообразныхъ представленій въ сознаніи. Мы видѣли уже, что вслѣдствіе подобныхъ сочетаній являются въ нашемъ сознаніи понятія времени и пространства, имѣющія такую важность. Понятно, что какъ внѣшнія ощущенія сочетаются между собою, точно такъ же сочетаются они и съ внутренними. Такія сочетанія происходятъ постоянно и неизбѣжно. Такимъ образомъ неудивительно, что очень часто можетъ

показаться, будто страстные явленія вызываются только внѣшними ощущеніями, а напротивъ, интеллектуальныя—внутренними. Однако, въ большинствѣ случаевъ, не трудно замѣтить, при тщательномъ разсматриваніи, такого рода сочетанія и понять, что хотя *желаніе* возникло, повидимому, только отъ внѣшняго впечатлѣнія, но въ сущности отъ ассоціаціи ихъ съ внутренними. Такъ, ошибочно было бы думать, что музыкальная страсть имѣетъ источникомъ только слухъ. Люди безсознательно чувствуютъ несправедливость такого мнѣнія и выражаютъ это чувство, говоря, что «любить музыку отъ всей души» или «что наслаждаются музыкой всеѣмъ существомъ своимъ.» Въ отношеніи страсти къ музыкальнымъ наслажденіямъ должна непременно лежать ассоціація слуховыхъ впечатлѣній съ внутренними ощущеніями. Самъ цитированный мною выше авторъ не могъ избѣжать косвеннаго признанія этого, сказавъ, что въ страсти къ женщинѣ есть инстинктивная сторона—половое стремленіе. Эта инстинктивная сторона и есть впечатлѣнія чувствующихъ первовъ органовъ жизни растительной и размноженія, отраженныя на движущихъ нервахъ мускуловъ. Необходимо допустить такія ассоціаціи, чтобы имѣть возможность удачно анализировать страсти. Въ гнѣвѣ, напр., ассоціація эта замѣтна еще болѣе, потому что одна и та же внѣшняя причина можетъ сто разъ не вызвать гнѣва, а въ сто первый произвести самыя сильныя проявленія этой страсти. Участіе въ ней внутреннихъ впечатлѣній такъ очевидно, что оно признается, хотя безсознательно, даже самыми необразованными людьми, которые говорятъ о «болѣзненной раздражительности, вспыльчивости» и т. д. Не признаютъ этого только юристы, для которыхъ это составляетъ слишкомъ щекотливый вопросъ.

Такъ какъ всякое внѣшнее впечатлѣніе неизбѣжно сочетается съ внутреннимъ, то я и говорю, что нѣтъ хотѣнія безстрастнаго. Но хотя это можетъ пролить много свѣта на психологію страстей, однако цитируемый физиологъ справедливо замѣтилъ, что вопросы касательно внутреннихъ ощущенийъ организма очень трудны для разработки и пока слишкомъ мало извѣстны. Поэтому, безъ сомнѣнія, можно найти множество примѣровъ страстныхъ явленій, гдѣ разобрать или доказать участіе этихъ ощущенийъ пока невозможно. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что наука идетъ именно къ тому, чтобы разъяснить эти вопросы. Заслуга передовыхъ мыслителей, къ числу которыхъ должно отнести Шопенгауера, состоитъ именно въ томъ,

что, устранивъ безмысленные вопросы, они поставили совершенно вѣрно новые, которые наука можетъ рѣшить, если не тотчасъ, то по мѣрѣ накопленія фактовъ. Открытіе въ первой системѣ механизмовъ, задерживающихъ отраженное движеніе, и, весьма вѣроятное, скорое открытіе механизмовъ, усиливающихъ его, пролили цѣлые потоки свѣта на психологическіе вопросы. Но внутреннія ощущенія организма остаются по прежнему загадочными и темными. Только съ разоблаченіемъ этой тайны сдѣлается возможнымъ вполне удовлетвори- тельный анализъ страстей.

Шопенгауеръ считаетъ всѣ акты человѣческой дѣятельности лишь отраженіемъ его виѣннихъ и внутреннихъ впечатлѣній и ихъ сочетаній. Онъ не принимаетъ для хотѣній и желаній лишь представленія, возбуждаемыя въ сознаніи этими впечатлѣніями, и онъ не принималъ для нихъ никакихъ метафизическихъ субстратовъ. Онъ неоднократно повторялъ, что вся дѣятельность человѣка имѣетъ роковой характеръ. «Встрѣчая человѣка, который упорно не сдавался на его доводы, рассказываетъ его французскій биографъ (Фуше де-Карейль), онъ отправлялся съ нимъ въ *Englisch hof* и въ ту минуту, какъ тотъ протягивалъ руку къ стакану, онъ останавливалъ его и обращалъ его вниманіе на то, что это движеніе не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ механическаго движенія, произведеннаго ударомъ или столкновеніемъ тѣлъ отъ дѣйствія слѣпой силы, что вся разница въ случайныхъ производящихъ причинахъ. Въ первомъ случаѣ, причина — чувственное впечатлѣніе: стаканъ, замѣченный и почувствованный; во второмъ, причина чисто механическая: полученный или сообщенный толчокъ. И затѣмъ онъ съ истиннымъ глубокомысліемъ прибавлялъ: «Что же, понятіе ли вамъ движеніе шара отъ толчка или ваше собственное движеніе, слѣдующее за даннымъ ему толчкомъ, тѣмъ ваше движеніе, слѣдующее за сознаннымъ впечатлѣніемъ? Вы, быть можетъ, скажете да; но я вамъ отвѣчу напротивъ, и вы увидите, что сущность явленія въ обоихъ случаяхъ тождественна». Затѣмъ онъ начиналъ развивать свою главную мысль и убѣждалъ собесѣдника, пойманнаго au flagrant délitъ отраженнаго движенія.

Такимъ образомъ онъ дѣлалъ слово *воля* совершенно вакантнымъ, доказывая, что связанное съ нимъ обыкновенно понятіе ложно и не соотвѣтствуетъ ничему, дѣйствительно существующему. Онъ доказывалъ, что все сознаніе человѣка наполнено представленіями, возбужденными только виѣнными или внутренними впечатлѣніями,

что на его языкѣ выходило:—«миръ есть представленіе и воля;» что изъ всѣхъ реальныхъ предметовъ нашему сознанию доступенъ только одинъ: нашъ собственный организмъ или, вѣрнѣе, его ощущенія. Этимъ внутреннимъ впечатлѣніемъ онъ имѣлъ отчасти право давать собирательное имя *воли*, потому что оно имъ же самимъ было лишено своего прежняго содержанія и, слѣдовательно, могло быть приложено къ какому нибудь новому понятію. Однако, къ сожалѣнію быть можетъ, именно оно было виною того, что Шопенгауеръ въ этой части своей философіи, гдѣ онъ сдѣлалъ такъ много хорошаго, надѣлалъ множество ошибокъ и наговорилъ столько метафизическаго вздору. Впрочемъ, иначе и быть не могло, потому что приниматься за полный анализъ внутреннихъ ощущеній въ его время (когда онъ въ первый разъ высказалъ свои мысли, т. е. въ 1818 г.), нельзя было, да и теперь слишкомъ рано. Притомъ, вмѣсто того, чтобы анализировать ихъ, онъ рассуждаетъ такъ, какъ будто эта темная сторона психологіи была ему совершенно ясна и достовѣрно известна до мельчайшихъ подробностей; нигдѣ не встрѣчается, чтобы онъ воздержался отъ какихъ нибудь умствованій, сказавъ, что основныя данныя неизвѣстны. Онъ не ограничивается тѣмъ, что утверждаетъ возможность познать свои внутреннія ощущенія; онъ поступаетъ такъ, какъ будто это уже совершилось; какъ будто совѣтъ мудреца: познай самого себя, приведенъ буквально въ исполненіе. Не збоясь о томъ, извѣстны или неизвѣстны факты, онъ начинаетъ строить теоріи на теоріяхъ, упуская изъ виду свое собственное замѣчаніе о причинахъ неудачъ философіи. Въ этихъ мудрствованіяхъ видно пагубное вліяніе метафизики, на которой выросло все XIX столѣтіе въ Германіи и отъ послѣдствій которой оно не можетъ отдѣлаться, не смотря на свою справедливую ненависть къ ней. Отъ вліянія ея не избавились самые страшные и непримиримые враги ея, многіе современные нѣмецкіе естествоиспытатели. Правда, при своемъ гениальномъ умѣ, Шопенгауеръ сумѣлъ разгадать и объяснить многое такъ вѣрно, что теперь наука подтверждаетъ его мысли. Кто читалъ объясненіе г. Свѣновымъ памяти, тотъ будетъ изумленъ, встрѣтивъ у Шопенгауера, если не тоже самое объясненіе, то мысли, совершенно близкія къ нему и весьма не двусмысленныя намеки на полное объясненіе.

Однако, смѣлость Шопенгауера въ выводахъ далеко не вознаграждаетъ нѣсколькими такими мыслями за ущербъ, нанесенный ею че-

большинствѣ случаевъ его произведеніямъ. То, что онъ сдѣлалъ съ своимъ понятіемъ воли, лучше всего покажетъ, до чего можетъ дойти человѣкъ, если во время не обуздастъ своей страсти объяснять безъ фактовъ.

Изъ того, что внутреннія ощущенія организма могутъ производить въ сознаніи представленія помимо виѣшнихъ чувствъ, онъ заключаетъ, что мы можемъ знать непосредственно *однѣ* реальныя предметъ, нашъ организмъ. Но не останавливаясь на этомъ, онъ ударяется, сломя голову, въ метафизику, и начинаетъ рассуждать, не хуже Гегеля, обо всемъ, что только приходитъ въ голову, объясняя все при помощи игры общимъ понятіемъ *воля*. Оказывается, что названіе это затѣмъ только и прилагалось безъ всякой нужды къ совокупности внутреннихъ ощущеній человѣка, чтобы имѣть возможность въ послѣдствіи злоупотреблять имъ, когда рѣчь зайдетъ о такихъ вопросахъ, которые, какъ онъ самъ доказалъ прежде, нельзя и ставить. Изумленный читатель, который слушалъ доселѣ разумаго фізіолога, вдругъ видитъ, къ своему ужасу, фразы въ родѣ того, что «мѣръ есть огромная воля, безпрестанно вторгающаяся въ жизнь»; слышитъ рассужденія о «волѣ камней, растеній», о «волѣ, основывающей государства», о «волѣ, выражающейся въ электричествѣ», о «тѣлѣ, какъ воплощеніи воли» и т. д. *ad infinitum*. И счастливъ читатель, который можетъ бросить подъ столъ книгу, гдѣ рассуждается обо всемъ этомъ, вспомнивъ слова, написанныя самимъ авторомъ ея: «у меня есть дѣло поважнѣе, чѣмъ толковать съ подобнымъ глупцомъ; прощай!»

Но кто задастъ себѣ задачу увидѣть въ очію безобразія, совершаемыя метафизиками, каковыя является здѣсь Шопенгауеръ, тотъ встрѣтитъ еще худшія вещи. Онъ уже прежде, слѣдуя Биша, ошибочно провелъ слишкомъ рѣзкую черту между жизнью животною, т. е. сознаніемъ, и жизнью растительною, т. е. внутренними ощущеніями. Теперь эта ошибка приноситъ свои плоды. Нервная система и внутренніе органы рассматриваются уже не такъ, какъ они дѣйствительно существуютъ, т. е. въ неразрывной связи, а какъ какіе-то абстракты; функціи ихъ совершенно разъединяются. Впрочемъ, хотя все это нехорошо, но здѣсь еще Шопенгауеръ сохраняетъ, по крайней мѣрѣ, приличную виѣшность волтеріанца прежнихъ временъ. Врагъ схоластической психологіи прежде всего, онъ съ особенною любовью упираетъ, совершенно какъ Биша, на подчиненность мозга

внутреннимъ органамъ. Съ особенной злобой производится нападеніе на мозгъ и разумъ, какъ будто они виноваты въ нецѣлостяхъ старыхъ психологовъ или какъ будто послѣдніе слишкомъ избаловали ихъ! Этого то ужь никакъ нельзя сказать; если плоть не мало пострадала отъ бичей, костровъ и висѣлицъ старыхъ психологовъ, то развѣ разумъ обязанъ имъ чѣмъ нибудь, кромѣ схоластики, предразсудковъ, метафизикъ, гоненій на науку и просвѣщеніе? — Нѣтъ, если давно пора избавить отъ мученій человѣческое тѣло и позаботиться о его благосостояніи, то пора также подумать, что разумъ неразрывно съ нимъ связанъ, и человѣку можетъ быть хорошо лишь въ томъ случаѣ, если они оба будутъ въ чести. Впрочемъ, теперь люди сознаютъ это, и умнее изъ нихъ какъ, напр., Массе, даже дѣтямъ внушаютъ, что если мозгъ есть слуга желудка, то и желудокъ — слуга мозга. Желудокъ работаетъ и кормитъ тѣло, въ томъ числѣ и мозгъ; но онъ кормитъ и его, себя, и всѣ остальные органы только потому, что накормленный имъ мозгъ даетъ ему постоянно новый матеріалъ. Безъ желудка тѣло жить не можетъ; но и безъ мозга оно умретъ съ голоду, потому что кто же отыщетъ ему нищу и кто доставитъ ее въ желудокъ? Всѣ члены организма тѣсно связаны между собою и вся дѣятельность всѣхъ ихъ координируется къ поддержанію жизни во всемъ организмѣ. Можетъ ли, слѣдовательно, теперь быть серьезный споръ о первенствѣ органовъ?

Шопенгауеръ началъ жить въ то время, когда оскомила эта еще не проша. Поэтому онъ не могъ воздержаться отъ размышленій объ относительной важности органовъ человеческого тѣла. Такъ какъ внутреннія ощущенія наши до сихъ поръ не разобраны и такъ какъ до сихъ поръ почти невозможно анализировать ихъ по причинѣ ихъ постоянныхъ сочетаній съ впечатлѣніями внѣшними, то Шопенгауеръ въ своихъ разсужденіяхъ о свойствахъ своей «воли» и разума не могъ руководствоваться ничѣмъ инымъ, кромѣ собственнаго воображенія. Онъ говорилъ, напримѣръ, — все-таки по волтеріанизму своему, желая задѣть разумъ внѣшнихъ чувствъ, — что отправления внутреннихъ органовъ, т. е. страсти, инстинкты, гораздо важнѣе отравленій внѣшнихъ чувствъ, потому, будто бы, что первыя способствуютъ сохраненію вида, а вторыя только наслажденію индивидуума. Послѣднее справедливо. Человѣкъ ѣсть и пить, чтобы существовать и поддерживать видъ; но онъ лакомится для индивидуальнаго наслажденія; между

тѣмъ голодъ есть ощущеніе внутреннее, тогда какъ лакомиться любимымъ блюдомъ онъ можетъ, даже будучи сытъ; для этого достаточно, чтобы на зрѣніе, вкусъ или обоняніе его подѣйствовало внѣшнее возбужденіе. Но почему же изъ этого слѣдуетъ, что отправленія внутреннихъ органовъ важнѣе, чѣмъ отправленія внѣшнихъ чувствъ?

Мораль Шопенгауера совершенно противорѣчитъ здоровой и справедливой части его ученія. Онъ утверждалъ, что человѣкъ не можетъ быть счастливъ, и нерѣдко выражалъ эту мысль такъ сильно, что, не смотря на свою лживость, она производитъ сильное впечатлѣніе. «Чтобы произвести краткій опытъ по вопросу: перевѣшиваетъ ли въ мірѣ наслажденіе горе, должно сравнить ощущенія животнаго, которое пожираетъ другое, съ тѣми, которыя испытываетъ пожираемое». — Онъ неходилъ, что люди, которыхъ онъ презрительно постоянно называлъ *Vipeda*, — самые злые и гнусныя животныя и не могутъ быть счастливы, потому что хотятъ жить, а жить — значитъ страдать. Выходки его противъ рода человѣческаго иногда очень забавны своимъ наивнымъ, неподдѣльнымъ озлобленіемъ. «При первомъ взглядѣ на новое лицо, говоритъ онъ, обыкновенно пугаешься, и лишь постоянно привыкаешь къ производимому имъ впечатлѣнію. Но вообще это печальное зрѣлище. Бываютъ такіе люди, на фizioноміи которыхъ отпечатлѣна такая наивная пошлость и низость, такая животная ограниченность, что удивляешься, какъ рѣшаются они съ подобнымъ лицомъ являться въ общество, и отчего не носятъ масокъ? Бываютъ даже лица, одинъ видъ которыхъ оскверняетъ зрѣтеля». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что при видѣ многихъ лицъ становится за себя стыдно, что принадлежишь къ человѣческому роду. Счастливы же *Vipeda* быть не могутъ, потому что хотятъ жить, а жизнь даетъ только страданіе. Но благоразумный человѣкъ долженъ не хотѣть жить. Это не значитъ, что онъ непременно долженъ повѣситься — хотя, впрочемъ, это самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать, — но достаточно будетъ, если онъ перестанетъ желать жить, то есть, если уничтожить въ себѣ всякія желанія. На этомъ основаніи самыми уважаемыми людьми Шопенгауера были индѣйскіе факиры и трапписты. Но все это, конечно, совершенно бессмысленно, лишено даже достоинства оригинальности и, вдобавокъ, противорѣчитъ главнымъ чертамъ его собственнаго ученія.

Шопенгауеръ училъ, что все, существующее въ сознаніи человѣка,

есть продуктъ вѣшнихъ и внутреннихъ ощущеній. Конечно, ощущенія эти могутъ быть непріятны и человекъ можетъ черезъ нихъ страдать; но за то они же даютъ ему наслажденія. Если возникаетъ вопросъ о томъ, какихъ ощущеній человекъ получаетъ больше, пріятныхъ или непріятныхъ, наслажденій или страданій, то необходимо прежде всего условиться, что подразумѣвать подъ наслажденіями и страданіями. Шопенгауеръ обратилъ вниманіе на то, что внутреннія ощущенія способствуютъ сохраненію вида, а вѣшнія — удовольствію недѣлимаго. Стало быть, необходимо прежде всего, чтобы внутреннія ощущенія не были непріятны, а такъ какъ для этого достаточно только поддерживать условія, необходимыя для нормальной дѣятельности организма, то ясно, что въ первомъ случаѣ все зависитъ отъ здоровья. Но такъ какъ даже теперь, при самыхъ скверныхъ условіяхъ, здоровье все-таки нормальное явленіе, а болѣзнь — исключительное, то въ этомъ случаѣ люди находятся въ благопріятныхъ условіяхъ; прежде условія эти были хуже и болѣзни были чаще и страшнѣе; можно, стало быть, надѣяться, что съ успѣхами общественнаго быта, гигиены и медицины условія эти сдѣлаются еще благопріятнѣе. (Впрочемъ, въ медицину Шопенгауеръ не вѣрилъ, за то вѣрилъ въ ясновидѣніе и животный магнетизмъ). Что же касается до вѣшнихъ впечатлѣній, то хотя тысячи причинъ доставляютъ черезъ нихъ большинству людей больше страданія, чѣмъ наслажденія, но это вовсе не можетъ считаться непреложнымъ закономъ. Съ другой стороны, легко видѣть, что счастье вовсе не такъ недостижимо, какъ кажется. Говорятъ, что желанія людей безграничны и потому неудовлестворимы. Но это вздоръ: граница желаній существуетъ и есть способность вѣшнихъ чувствъ воспринимать впечатлѣнія; желанія ограничиваются вѣшними чувствами, помимо которыхъ человекъ не можетъ наслаждаться. Съ другой же стороны, самыя наслажденія весьма ограничены, граница ихъ есть вредъ. Поэтому настоящимъ наслажденіемъ можетъ быть лишь то, что безвредно. Вредъ же есть понятіе, противоположное понятію пользы; слѣдовательно, наслаждаться можно только тѣмъ, что полезно. Предметовъ, которые не были бы ни вредны, ни полезны, нѣтъ. И такъ, стало быть, для счастья нужно, кромѣ здоровья, только побольше полезнаго и поменьше вреднаго, а воспримчивость къ нему ограничена вѣшними чувствами. До сихъ поръ, правда, истина эта большинствомъ не признается; большинство видитъ свое наслажденіе въ томъ, что часто

наносить ему вредъ, слѣдовательно ошибается. Оно все еще похоже на ребенка, который обжигается, желая схватить пламя. Это, между прочимъ, весьма важная причина въ числѣ тѣхъ, которыя даютъ поводъ думать, что количество страданія непремѣнно перевѣшиваетъ количество удовольствія. Отъ этого также многіе предметы, которые сами по себѣ безвредны и потому были бы полезны, теперь положительно вредны, потому что служатъ только для удовольствія людей и отклоняютъ ихъ отъ болѣе существенныхъ цѣлей.

И такъ, если страданіе обусловливается вліяніемъ вредныхъ предметовъ, а наслажденіе ограничивается тѣмъ, что полезно, то совершенно нѣтъ причины отчаяваться, подобно Шопенгауеру, въ чело-вѣческомъ благополучіи и считать его недостижимымъ. Между тѣмъ такой взглядъ на страданіе и наслажденіе — единственный, который можно вывести изъ главныхъ положеній Шопенгауера. Если же онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ проповѣдывать факирство и выдавать за идеалъ аббата Ла-Траппа, то въ этомъ, конечно, всего менѣе виноваты положенія, принятые имъ въ основаніе своихъ воззрѣній. Впрочемъ, непоследовательность его въ этомъ отношеніи слишкомъ очевидна, и ею онъ обязанъ растлѣвающему духу метафизики, господствовавшему въ Германіи. Милль, какъ англичанинъ, на которыхъ вліяніе это не распространялось, оказался последовательнѣе, написавъ послѣ «Системы логики» книгу объ «Утилитаріанизмѣ».

Но Шопенгауеръ точно въ рубашкѣ родился. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ счастливицевъ, которымъ удастся даже ошибаться удачно и нести чепуху впопадъ. Его пессимизмъ, какъ ни нелѣпъ въ сущности, но на дѣлѣ оказывается очень полезенъ, какъ противовѣдіе безнравственному гегелевскому оптимизму. Съ своей стороны, Шопенгауеръ сдѣлалъ все, чтобы быть врагомъ той стороны, которой поневолѣ, и самъ того не зная, служилъ. Въ политическихъ и общественныхъ вопросахъ онъ прежде всего былъ индифферентистъ, за что последователи его, напр. Гвиннеръ, осыпаютъ его величайшими похвалами, точно за положительную заслугу. Но, во-первыхъ, не принимать въ чемъ нибудь участія очень легко и не составляетъ никакой заслуги, хотя бы дѣло, въ которомъ чело-вѣкъ не принимаетъ участія, было самое безобразное. Во-вторыхъ, индифферентизмъ Шопенгауера вовсе не былъ логичнымъ послѣдствиемъ его воззрѣнія на *Vipeda*. Дѣло объясняется гораздо проще

тѣмъ, что онъ былъ зажиточный бюргеръ и потому уже не сочувствовалъ народнымъ бѣдствіямъ; притомъ же онъ былъ замѣчательный трусъ. По этому поводу біографы его рассказываютъ уморительныя подробности. Говорятъ, что, боясь воровъ, онъ велъ счеты на англійскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, пряталъ деньги по разнымъ угламъ, въ аптечныхъ коробкахъ, старыхъ конвертахъ и т. п., не брился у цирюльниковъ, носилъ въ табль-доты складные стаканы для питья, спалъ, обложенный оружіемъ и т. п. Кромѣ того, его преслѣдовали постоянно различныя опасенія, большею частью вымышленной опасности. Въ 1813 г. онъ чуть съ ума не сошелъ отъ страха, что его возмуть въ военную службу; постоянно мучился страхомъ различныхъ болѣзней, холеры, оспы, чахотки; однажды долго думалъ, что печально отравился табакомъ; въ 1833 онъ чуть не бѣжалъ изъ Мангейма, гонимый неопредѣленнымъ страхомъ; нѣсколько лѣтъ боялся разныхъ уголовныхъ дѣлъ и потери состоянія. Можно себѣ представить его ужасъ и смятеніе, овладѣвшее имъ, при событіяхъ 1848 года, которыя были въ Германіи особенно грозны, именно во Франкфуртѣ, гдѣ онъ жилъ. Конечно, онъ помышлялъ болѣе о бѣгствѣ, чѣмъ объ участіи въ политическихъ дѣйствіяхъ. Слѣдовательно, ненужно искать въ его философіи причину его индифферентизма, а напротивъ, его мрачный взглядъ на жизнь и людей можетъ быть вполне объяснимъ этими индивидуальными его свойствами. Жизнь дѣйствительно не могла представляться ему въ розовомъ свѣтѣ среди этихъ вѣчныхъ мученій страха.

Однако, такъ какъ ему все-таки приходилось иногда выражать свое мнѣніе о жизни современнаго ему общества, то у него можно тоже, пожалуй, найти нѣчто въ родѣ политическаго взгляда. Можно сказать, что онъ былъ въ этомъ отношеніи не только индифферентистъ, но и обскурантъ. Однако, въ его желаніи, чтобы современныи ему порядокъ Германіи не измѣнялся, не было замѣтно ничего, что вытекало бы изъ цѣльныхъ, но сколько нибудь опредѣленныхъ убѣжденій; это было простое желаніе трусливаго бюргера, чтобы его ничто не тревожило и не беспокоило. Настоящей политической низости въ немъ не было; напротивъ того, лично онъ былъ вполне независимый человѣкъ, никогда не искалъ ничего покровительства и при случаѣ жестоко бранилъ рабствующихъ писателей. Его филиппики противъ современнаго ему направленія, враждебнаго драгоцѣнному для него спокойствію, и противъ молодой Гер-

маніи не только не возбуждаютъ къ нему презрѣнія, но отличаются крайне увеселительнымъ свойствомъ. Его выходки такъ стариковски-наивны, что никому не можетъ войти въ голову оскорбиться ими или счесть автора низкимъ человѣкомъ; это не инсинуаціи и не серьезные нападки на честное и свѣжее направленіе, а самыя забавныя бутады. Можно ли, на примѣръ, не смѣяться, когда въ пылу негодованія на современную ему молодежь онъ не находить ничего сказать серьезнаго, какъ-то, что считаетъ модо носить стеклышко въ одномъ глазу «очевиднымъ признакомъ развращенности *Vipeda*»; равнымъ образомъ невозможно безъ смѣха читать его тирады противъ бороды. Противъ бороды онъ ратовалъ среди философскихъ статей съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто онъ—источникъ величайшихъ несчастій, и даже приглашалъ полицію запретить носить ихъ. Онъ утверждалъ, что борода — признакъ величайшаго скотства, звѣрства и жестокости. Съ потѣшнымъ ужасомъ и забавною неаппетитностью описываетъ онъ современныхъ людей: «Посмотрите на нихъ! плѣшивыя головы, длинныя бороды, очки вмѣсто глазъ, сигара въ скотской мордѣ, какъ суррогатъ мыслей, на плечахъ мѣшокъ вмѣсто сюртука!» Озлобленіе въ этихъ строкахъ такъ неподдѣльно, что нельзя читать ихъ безъ смѣха, если принять въ соображеніе, что возбуждено оно такими невинными предметами, какъ очки, бороды и пиджаки. Но я не думаю, чтобы кто нибудь могъ сердиться на стараго чудака за его ворчаніе.

Иногда, правда, онъ говоритъ вещи дѣйствительно возмутительныя, какъ, напр., похвалы фухтелямъ и восхваленіе закрытыхъ судовъ въ ущербъ судамъ присяжныхъ. «Судъ присяжныхъ, говоритъ онъ, самый худшій, особенно въ дѣлахъ политическихъ. Давать присяжнымъ судить политическія дѣла, значитъ, пускать козла въ огородъ.» «Я не могу, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, не порицать правительство и законодательныя собранія за ревностныя старанія ихъ отмѣнить всѣ тѣлесныя наказанія; кого нельзя наказать лишеніемъ собственности, за неимѣніемъ ея, и лишеніемъ свободы, потому что пужны его услуги, того слѣдуетъ наказать тѣлесными побоями, что будетъ и справедливо, и естественно.» Такія пошлости могутъ возбудить противъ Шопенгауера негодованіе и показать его въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, какъ, напр., непроходимаго обскуранта. Но, во-первыхъ, все говорилось это, хотя со злобой, но безъ всякихъ признаковъ убѣжденія. Весь эффектъ этихъ изрѣченій пропадаетъ, если

мы заглянемъ давши, и тогда онъ возбуждѣтъ въ насъ не негодованіе, а смѣхъ. Комментаріемъ къ нимъ можетъ служить цѣлая глава о городскомъ шумѣ, входящая въ составъ его *философскихъ статей*; она показываетъ, что всё эти абсурды просто старинное брюзжанье. Въ ней авторъ высказываетъ свои страданія, причиняемыя ему уличнымъ шумомъ, и клянетъ, и ругаетъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, смѣхъ, производящихъ его. Особенно свирѣпыми варварами оказываются извозчики, хлопающіе бичами. О нихъ мы читаемъ цѣлую диссертацію, и въ заключеніе Шопенгауеръ говоритъ: «Если бы я имѣлъ власть (неправда ли, какъ наивно?), то въ головахъ извозчиковъ составился бы неразрывный nexus idearum между хлопаниемъ бичомъ и полученіемъ побоевъ.» Прочтя это, нельзя не расхохотаться, и все, что въ наказаніе можно пожелать было автору, это то, чтобы какой нибудь извозчикъ захватилъ бичомъ по спинѣ его элементной особы. Они были бы квиты. Мы же не можемъ за эти выходы серьезно негодовать на автора, потому что рядомъ съ ними встрѣчаемъ у него прекрасныя и свѣтлыя мысли даже касательно социальныхъ вопросовъ, въ которыхъ онъ прослылъ такимъ безнадержнымъ глупцомъ.

Въ числу такихъ мыслей принадлежитъ его взглядъ на современное рабство. «Между крѣпостною зависимою, какалъ существуетъ въ Россіи (писано, конечно, до освобожденія крестьянъ) и положеніемъ народа въ Англіи, между рабами и крѣпостными съ одной стороны и арендаторами, фермерами и т. д. съ другой разница заключается въ формѣ, а не въ сущности. Коренной разницы нѣтъ, принадлежитъ ли мнѣ крестьянинъ или земля, которой онъ существуетъ; птица или ея кормъ; плодъ или дерево. Шейлокъ справедливо говорить у Шекспира:

You take my life,
When youzdo take the means, whereby у live.

(Отнимая у меня средства къ существованію, ты отнимаешь у меня жизнь).

«Пищета и рабство суть, слѣдовательно, лишь двѣ формы, два названія одной и той же вещи, сущность которой состоитъ въ томъ, что силы человѣка расходуются большею частью не въ его собственную пользу, а въ чужую. Отсюда проистекаетъ то зло, которое во всё времена тяготѣло надъ человѣкомъ, прежде подъ именемъ раб-

ства, теперь подъ названіемъ пролетаріата. *Причина ея* — роскошь. Следовательно, пока на одной сторонѣ роскошь будетъ существовать, до тѣхъ поръ другая будетъ жить подъ чрезынрнымъ трудомъ и вести страдальческую жизнь, подъ именемъ ли рабовъ или пролетаріевъ — все равно. Разница между рабами и пролетаріями только въ томъ, что рабство порождено силой, а пролетаріатъ — хитростью. Все неестественное состояніе общества, общая борьба съ нуждою и войны имѣютъ причиною роскошь. Затѣмъ онъ выражаетъ надежду, что съ прекращеніемъ ихъ прекратятся всѣ бѣдствія, коренившаяся въ ней. Но тутъ онъ спохватывается, припоминая свою роль эгоистическаго ворчуна и аскетическаго пессимиста, и съ неудовольствіемъ останавливаетъ себя, говоря, «впрочемъ, я не желаю писать утопій.»

И дѣйствительно, пора было остановиться, а то онъ совсѣмъ бы вышелъ изъ своей роли и уклонился отъ своей мрачной морали. Онъ уже и то сказалъ довольно для того, чтобы можно было уличить его въ противорѣчіи съ его моралью и въ несослѣдовательности своимъ основнымъ положеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если причина громаднаго большинства страданій заключается въ роскоши, то ясно, стало быть, что причина эта можетъ быть устранена и люди могутъ быть наконецъ счастливы. Ясно также, что если доселѣ страданіе преобладало въ человечествѣ надъ счастьемъ, то это происходило отъ неравноты людей, большинство которыхъ не понимало, что наслаждаться можно только полезнымъ, и, какъ дитя, хваталось за свѣчку, не рассчитавъ послѣдствій. Люди, вышедъ изъ естественнаго состоянія наги и сыры; вмѣсто того, чтобы сразу понять, что прежде всего имъ нужно необходимое, они бросались на погрѣмушки. Это было весьма естественно, иначе и быть не могло, потому что люди были невѣжественны и несообразительны. Но, по мѣрѣ совершенствованія, они должны доседавать, что прежде всего надо искать необходимаго и съ этою цѣлью бросить покуда въ правѣ все, хотя бы самое невинное, но не дававшее существенной пользы, а лишь отвлекавшее отъ полезныхъ предметовъ. Когда понятіе наслажденія станетъ понятіемъ пользы, тогда люди избавятся отъ большей части своихъ страданій. Следовательно, за будущіе ихъ надо отчаяваться, и напротивъ, каждый можетъ способствовать счастью единаго *via desideria*, поставивъ противъ всего, что носило на себѣ характеръ роскоши, т. е. безцельнаго наслажденія.

Такимъ образомъ этотъ коротенькій, но логичный и здравый выводъ изъ главнѣйшихъ положеній Шопенгауера былъ понятъ и сдѣланъ имъ самимъ. Онъ совершенно разрушаетъ его траппистскій, мрачный взглядъ и нелѣпую мораль, вытекавшую изъ этого взгляда. Можно сказать, что этотъ выводъ сдѣланъ философомъ изъ его естественно-научнаго ученія о человѣкѣ; факирская же мораль и всѣ озлобленныя выходки были отпечаткомъ, положеннымъ на сочиненія философа его угрюмымъ характеромъ. Говоря его собственнымъ языкомъ, можно сказать, что первое есть произведеніе его ума, а второе—его воли.

Но я уже сказалъ, что Шопенгауеру такъ посчастливилось, что всѣ его странности и нелѣпости имѣли свою полезную и хорошую сторону. Для современнаго ему германскаго общества онъ имѣлъ важное значеніе, какъ страшный врагъ Гегеля и всѣхъ послѣдствій господства этого, какъ его называетъ Шопенгауеръ, безстыднаго и грубаго шарлатана надъ направлениемъ общества.

Ненависть Шопенгауера къ тремъ людямъ, которыхъ онъ называлъ «тремя софистами», т. е. къ Фихте, Шеллингу и Гегелю, безпримѣрна почти. Гейне болѣе уважалъ Менцеля, Бёрне былъ снисходительнѣе къ Раупаху, Шлоссеръ менѣе презираетъ барона Лагенна, Фохтъ даже не питаетъ такой ненависти къ Р. Вагнеру, какъ Шопенгауеръ къ Фихте и Шеллингу, а особенно къ Гегелю. Фихте, напр., онъ характеризуетъ такъ: «вмѣсто доказательствъ въ пользу своего чудовищнаго положенія, онъ пускался въ софистическія, пошлыя декламации, скрывая бессмысленность ихъ подъ личиною глубокомыслія.» Онъ съ торжествомъ ссылается на презрительныя отзывы о личности Фихте, Шиллера и А. Фейербаха, а біографы его рассказываютъ, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ передразнивалъ философа, говорящаго свои знаменитыя изрѣченія. Но главный потокъ остротъ и жолчи изливается на Гегеля. «За Шеллингомъ послѣдовала, говорить онъ, философская креатура министровъ, прославленный Гегель, плоскій, бездарный, тошнотворный, невѣжественный шарлатанъ, который маралъ бумагу съ безпримѣрною наглостью, пошлостью и бессмыслиемъ.» О гегелевской же мудрости онъ отзывался такъ: «Вся исторія литературы древнихъ и новыхъ временъ не представляетъ ни одного примѣра такой незаслуженной славы, какъ гегелевская философія. Нигдѣ и никогда такая гнусность, яв-

ная ложь, нелѣпость, очевидная бессмыслица, размазываемая такимъ противнымъ и тошнотворнымъ образомъ, съ такою возмутительною наглостью, съ такимъ желѣзнымъ лбомъ, не считалась еще величайшей мудростью и великолѣпнѣйшимъ произведеніемъ, какое когда-либо видѣлъ міръ. Правда, этому не мало содѣйствовало покровительство свыше. Но, къ стыду нашему, надо сознаться, что и въ нѣмецкой публикѣ Гегель пользовался постояннымъ успѣхомъ. Нагло созданная слава считалась истинной болѣе четверти вѣка, и *bestia triūfante* (такъ называется Шопенгауеръ Гегеля) процвѣтала и владычествовала въ нѣмецкомъ ученomъ мірѣ». — «Философія Гегеля есть тотъ жерновъ, который сидѣлъ въ годовѣ ученика въ Фаустѣ. Кто желаетъ намѣренно одурить юношу и сдѣлать его совершенно неспособнымъ мыслить, не можетъ найти лучшаго средства для этого, какъ прилежное изученіе оригинальныхъ произведеній Гегеля. Эти чудовищные наборы словъ, взаимно уничтожающихъ и противорѣчающихъ другъ другу, такъ что умъ тщетно силится поймать какую бы то ни было мысль, и наконецъ падаетъ утомленный, до того уничтожаетъ въ человѣкѣ способность мыслить, что онъ начинаетъ принимать за мысли пустые, клочки фразъ. Прибавьте къ этому внушенія всѣхъ достойныхъ довѣрія особъ, что этотъ наборъ словъ есть истинная, высокая мудрость!

Быть можетъ, эти отзывы покажутся слишкомъ рѣзкими и строгими. Однако въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ правды. Говорять, что когда соотечественники Гегеля, добродушные швабы, узнали объ его неожиданной громадной славѣ, то наивно сказали: «Вотъ чего мы не ожидали отъ Гегеля!» Дѣйствительно, молодость Гегеля не предвѣщала, ничего подобнаго. Какъ многіе швабы, онъ ѣлъ капусту и пилъ пиво, изучая богословіе и фабрикацію сыра. Оба предмета интересовали его равно. Затѣмъ онъ былъ доцентомъ въ Іенѣ; но здѣсь его постигла неудача. Его пошлость, ограниченность и непродолимая скука, господствовавшая на его лекціяхъ, заставляли студентовъ, въ теченіи почти десяти лѣтъ, избѣгать аудиторіи бездарнаго шваба. Случалось, что онъ долженъ былъ прекращать свои лекціи за неимѣніемъ слушателей; причина этого заключалась отчасти въ его полной бездарности, какъ оратора, но, съ другой стороны, онъ и тогда уже любилъ высказывать, вмѣсто мыслей, бессмысленныя фразы.

Но тупоуміе его обнаружилось въ болѣе яркомъ свѣтѣ, когда онъ сдѣлался педагогомъ въ Нюрнбергѣ. Въ педагогикѣ онъ держался теоріи автора «трехъ пощечинъ» и т. п.; усердно преслѣдовалъ курильщиковъ, запрещалъ дѣтямъ играть. Онъ написалъ программу гимназическихъ лекцій, замѣчательную по глупости. Гегель полагалъ, что гимназистамъ слѣдуетъ преподавать, начиная съ низшаго класса, право, мораль, психологію и, наконецъ, его собственную энциклопедію. Все это сдобривалось правилами въ родѣ того, что не слѣдуетъ читать популярныхъ сочиненій, что не должно желать поппмать читаемое.

Оставивъ педагогигу, онъ сдѣлался журналистомъ и издавалъ Бамбергскую газету, хотя и подъ наполеоновскою цензурою, какъ говоритъ Розенкранцъ, но за то на наполеоновскія деньги. Все это время онъ мечталъ о профессурѣ, которая дала бы ему возможность, если не блистать на кафедрѣ, то имѣть обезпеченное существованіе «со всѣми своими домочадцами,» какъ говоритъ Шопенгауеръ. Этого благополучія онъ достигъ наконецъ на сорокъ седьмомъ году отъ роду. Но славу и государственное значеніе онъ приобрѣлъ только съ 1818 г., когда сдѣлался наконецъ королевско-прусскимъ профессоромъ въ Берлинѣ. Эти послѣдніе тринадцать лѣтъ его жизни составляютъ единственный замѣчательный періодъ его дѣятельности.

Періодъ этотъ совпадаетъ какъ разъ со временемъ реакціи. Порядочнымъ людямъ было до нельзя душно, и даже масса понимала, что дѣло не ладно. Лицамъ, отъ которыхъ происходили всѣ главныя тогдашнія неудобства, было бы конечно очень желательно, чтобы нашлись люди, которые взяли бы увѣрить массу, что все обстоитъ какъ только можно благополучно и не оставляетъ желать ничего лучшаго. Подъ массою я разумію здѣсь конечно не народъ, который былъ виѣ соображеній политикановъ, я разумію здѣсь большинство образованнаго общества, которому лучшіе люди указывали на неудобства современнаго положенія. И естественно, что въ расчетъ политикановъ входила особенно та часть общества, которая не была еще доведена до надлежащей глупости долговременнымъ равнодушіемъ, т. е. молодежь. Поэтому политиканамъ было бы крайне лестно, если бы нашелся человекъ, который могъ бы показать современное положеніе въ розовомъ свѣтѣ именно этой части общества. Такой человекъ нашелся въ лицѣ Гегеля.

Съ этихъ поръ этотъ «невѣжественный философастеръ,» какъ называетъ его Шопенгауеръ, сталъ играть въ Пруссіи и вообще въ Германіи роль политической Пифіи. Но древняя Пифіа имѣла при-

вычку одурять самую себя, тогда какъ Гегель предоставлялъ нюхать чадъ своего жертвенника германской молодежи. У насъ на русскомъ языкѣ вышло недавно одно сочиненіе Гегеля, по которому можно судить, чѣмъ былъ этотъ философастеръ и какимъ образомъ внушалъ онъ германской молодежи розовый взглядъ на современную ему жизнь. Книга эта, «Философія духа», состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ одна сравнительно очень велика, а другая отличается краткостью. Первая представляетъ собою «тошнотворный наборъ словъ;» если кто нибудь попытается отправиться въ это море безсвязной ерунды, то вскорѣ согласится съ Шопенгауеромъ, что усердное штудированіе сорока томовъ такой нелѣпицы можетъ быть дѣйствительно употребляемо съ пользою. Пагубное послѣдствіе такого занятія обнаруживается на большинствѣ людей, предающихъ ему. Изъ русскихъ читателей со мною согласятся въ этомъ тѣ, которые знакомы съ произведеніями г. Косицы, и возблагодарятъ небеса за то, что нашъ Бѣлинскій, по незнанію нѣмецкаго языка, не могъ близко познакомиться съ этой «философской гансвурстлядой.» Чтобы безъ вреда совершить такое знакомство, необходимо имѣть такую же вѣрность головы, какъ и для того, чтобы уцѣлѣть, удавившись на всемъ скакѣ у косяка.

Отъ большинства публики такой способности ожидать нельзя. Гегель наводилъ на нее угаръ, толкуя о субстанціи и природѣ, какъ о такихъ предметахъ, которые ему подробно извѣстны и о которыхъ можно такъ же удобно разсуждать, не опредѣляя ихъ, какъ о пивѣ и кислой капустѣ. Гегелю покровительствовали свыше, свыше прославляли его; высокія особы говорили о немъ, какъ о величайшемъ мудрецѣ и посѣщали его лекціи; за ними тяпуло и общество, и долгое время не нашлось ни одного человѣка, который сказалъ бы обществу: «Что вы его слушаете, вѣдь это самый грубый шарлатанъ, вѣдь онъ смѣется надъ вами, декламируя передъ вами о такихъ словахъ, подъ которыми ничего нельзя подразумѣвать, и на которыхъ, какъ уже давно доказано, могутъ говорить только шарлатаны. Спросите же у него, какими средствами обладаетъ онъ, чтобы знать что нибудь такое, что прочимъ людямъ недоступно? Если онъ указываетъ вамъ на непосредственное усмотрѣніе, то отчего же не возразите вы ему, что это уже слишкомъ большая наглость и что вы живете въ XIX, а не IV вѣкѣ.»

Однако, до Шопенгауера не нашлось никого, кто бы постарался вну-

шить это обществу. Когда Гегель говорилъ, что по вдохновенію знать, что «духъ есть отраженіе безконечнаго въ конечномъ», а «природа отраженіе конечнаго въ безконечномъ», то всё вполне этимъ удовлетворялись и принимали за великія истины эти шутовскія фразы, матерью которыхъ, какъ говоритъ Шопенгауеръ, была утка, съѣденная за обѣдомъ, а отцомъ — ночной колпакъ. И вотъ молодежь стала отправляться въ Берлинъ вкушать мудрость у самаго источника ея; по словамъ Гейне, «караваны верблюдовъ стали собираться въ берлинскомъ каравансераля, у источника гегелевской мудрости, преклоняли передъ нимъ колѣна, нагружались владью и отправлялись по домамъ черезъ песчанья бранденбургскія степи.» Молодежь считала безмыслицу, которую онъ несъ, за величайшую премудрость, глупѣла и обезсилывалась въ тщетныхъ поискахъ человѣческой мысли въ этой абракадабрѣ. Гегель сдѣлался законодателемъ не только въ метафизикѣ, но и въ другихъ наукахъ. Онъ получалъ ордена и деньги, «цвѣлъ и жирѣлъ», а поклонники его распространяли данное имъ направленіе въ безчисленныхъ книгахъ. Кто благоговѣлъ передъ Гегелемъ и повторялъ его фразы, — получалъ кафедры, ученныя степени и преміи. Такъ продолжалось около двадцати лѣтъ и по смерти его, и, по словамъ Шопенгауера, нѣсколько поколѣній заразились гегелизмомъ. Послѣ него философскіе паяцы, которымъ понравилось положеніе Гегеля, еще долго дурачили общество, прославляли другъ друга и успѣвали при жизни его играть видную второстепенную роль, а по его смерти, удачно рисоваться нѣкоторое время, хотя и не достигая его значенія. Шопенгауеръ гораздо больше преслѣдовалъ этихъ профессоровъ философіи, какъ онъ презрительно называлъ ихъ, чѣмъ Бюхнеръ и Молешоттъ. О способахъ, которыми они достигали репутаціи, онъ говоритъ слѣдующее: «Какойнибудь профессоръ вдругъ объявляетъ, что ученіе его коллега, процвѣтающаго въ сосѣднемъ университетѣ, есть достигнутая наконецъ вершина человѣческой мудрости. Немедленно послѣдній объявляется великимъ философомъ и, безъ отлагательства, занимаетъ принадлежащее ему мѣсто въ исторіи философіи, а именно въ той, которую, вслѣдъ за тѣмъ, издаетъ третій коллега; послѣдній, съ полной наивностью, сопоставляетъ безмерныя имена учениковъ, истины всѣхъ вѣковъ, съ драгоценными именами своихъ коллегъ; пылитъ процвѣтающихъ, измаравшихъ множество бумаги и пользующихся всеобщимъ коллегіальнымъ уваженіемъ. Являются книги

подъ такими заглавіями: «Аристотель и Гербартъ, Спиноза и Гегель, Платонъ и Шлейермахеръ и т. д.» Въ другомъ мѣстѣ Шопенгауеръ говоритъ: «Философъ производитъ на свѣтъ своего уroda, выдавая его за тщетно ожидаемую Софію, а усердный коллега, воспринимавшій урода отъ купели, спѣшитъ прогрезвонить о немъ.» Этихъ профессоровъ философіи Шопенгауеръ называетъ гегелевской кликой, торгашами духовной мудрости, гидроцефальными пахидермами, педантными кастратами, апокалиптикой торжествующаго звѣря (*bestia triumphante*).

Ненависть его къ кликѣ заслуживаетъ полнаго уваженія, особенно если мы припомнимъ вторую, кратчайшую часть произведеній Гегеля. Эту часть можно удобно наблюдать въ упомянутой книгѣ: «Философія духа.» Ерунда, растянутая на нѣсколькихъ стахъ страницахъ, оканчивается нѣсколькими десятками страницъ, носящихъ заглавіе: «объективный духъ» и содержащихъ въ себѣ воззрѣніе Гегеля на общество и государство. О собственности, преступленіи, семействѣ, обществѣ и государствѣ разсуждается здѣсь такимъ нагло-докторальнымъ тономъ, какъ будто все проповѣдуемое здѣсь Гегелемъ такъ же несомнѣнно, какъ дважды два четыре. Между тѣмъ эти догматы были не болѣе, не менѣе, какъ принципы временъ реакціи. По смерти мудреца, даже прусское правительство отступилось отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ догматовъ и такимъ образомъ обличило во лжи своего оратора, кото́рый доказывалъ, что они абсолютны. Такимъ образомъ, политическая роль его состояла въ томъ, чтобы не только оправдывать явленія реакціи, но и возводить ихъ въ перлъ созданія, доказывая, что принципы, дѣйствующіе въ нихъ, непреложны, прекрасны и неизмѣнны. Словомъ, это истинная апофеоза филдистерства, по выраженію Шопенгауера. Противъ подобнаго-то отвратительнаго оптимизма возсталъ Шопенгауеръ и, надо сознаться, что, какъ противоядіе, его цѣлѣный и односторонній пессимизмъ былъ какъ нельзя болѣе кстати. Гегелевская абракадабра, его разсужденія о духѣ и природѣ клонились къ тому, чтобъ напустить дурману въ головы общества, и особенно молодежи, съ цѣлю, когда они достаточно поглупѣютъ, внушить имъ свои политическія воззрѣнія. Шопенгауеръ возсталъ противъ абракадабры.

Такимъ образомъ Шопенгауеръ былъ въ дѣйствительности вовсе не тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть при другихъ обстоятельствахъ. Какъ мы слитель, онъ, не смотря на свой трансцендентальный идеализмъ, былъ

въ союзѣ съ новѣйшей антропологіей противъ старой психологіи и метафизики. Этимъ онъ не только способствовалъ ея торжеству, но и, называя себя идеалистическимъ философомъ, доказалъ своимъ собственнымъ примѣромъ, что въ наше время замѣчательнымъ мыслителемъ можетъ быть только тотъ, кто, не смотря на свои симпатіи къ идеализму, слѣдуетъ по пути, указываемому естествознаніемъ. Съ другой стороны, Шопенгауеръ не безъ основанія заслужилъ репутацію обскуранта. Но, не смотря на свои ошибки и заблужденія, тѣмъ не менѣе, стоялъ въ лагерѣ честныхъ людей противъ Гегеля. Его факирскій пессимизмъ можно было бы разсматривать поэтому какъ крайность, въ которую онъ впалъ въ борьбѣ съ гегелевскимъ оптимизмомъ, если бы мы не знали, что онъ соответствовалъ его личному характеру. Но эта непривлекательная сторона его ученія и его стариковскія бутады не должны мѣшать видѣть въ немъ истиннаго мыслителя и полезнаго общественнаго дѣятеля. Взглядъ Шопенгауера на женщину и ея общественное положеніе такъ оригиналенъ, что, не смотря на свою нелѣпость во многихъ отношеніяхъ, заслуживалъ бы упоминенія; но такъ какъ онъ не составляетъ существенной части его ученія, то я долженъ пока умолчать о немъ, хотя, быть можетъ, впоследствии и возвращусь къ нему.

В. Зайцевъ.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ.

(Думы преступника).

Съ площадки узкой эшафота
Гляжу на міръ въ послѣдній разъ.
Мнѣ смутно въ жизни жаль чего-то —
Чего-жь?., Миѣ, люди, жалко васъ!
Вся жизнь поидеть, какъ шла и прежде
Въ незнаны собственной вины,
Что вами-жь грубому невѣждъ
Быть лучше—средства не даны...
Помочь вы падшему не въ силѣ—
Труда-жь немного умертвить...
Но вы дѣтей своихъ забыли—
За что-же жизнь дѣтей губить?..
Не братъ я вашъ—отвержень вами.
Еще живымъ затоптанъ въ грязь,—
Для васъ я—звѣрь! но между нами
Еще палачъ—живая связь...
Еще я вашъ... вы всѣ миѣ братья,
Пока дыханье есть въ груди...
Не сыпьте-жь на меня проклятья!
Чѣмъ жизнь васъ встрѣтитъ впереди?..
Преступникъ я! но, все-же, братья,
Какъ человекъ—я не угасъ...
Не сыпьте-жь на меня проклятья
Въ послѣдній мой тяжелый часъ!..

В. Шугаевъ

*
*
*

Все еще видится доля привѣтная —
Молодость много сулить!
Ярко мнѣ мысль одна свѣтитъ завѣтная,
Вслѣдъ за собою шапнть...
Вижу я жизнь трудовую, но вольную!
Славно на этомъ пути!
Только-бъ, *какъ путь этотъ вольный*, мнѣ гордую
Душу другую найти!..

И. Тхоржевскій.

ЭСКИЗЫ ЧИНОВНИЧЬЕГО БЫТА.

III *).

УЧИТЕЛЯ.

I.

Иванъ Матвѣичъ Рудневъ, служащій въ Т-скомъ губерньскомъ правленіи, былъ чиновникъ въ полномъ смыслѣ слова, т. е. былъ уже титулярный совѣтникъ, въ скоромъ времени ждалъ пряжку за усердную и безпорочную службу, имѣлъ многочисленное семейство, упоминая о которомъ онъ, не пропуская случая вставить словца «обремененъ», будто давая тѣмъ знать, что въ многочисленности семьи онъ не виноватъ ни на волосъ, и терпитъ эту обузу неизвѣстно изъ-за какой благодати. Впрочемъ, подобныя оправданія Рудневу приходилось говорить уже тогда, когда обстоятельства скрутили его не на шутку и когда ему пришлось разнообразить жизнь исключительно нюхательнымъ табакомъ да попойками и слушать ежеминутныя упреки жены, постоянно повторявшей ему: «полно тебѣ цѣдить-то?.. Что это такое? Какъ ни бьется, какъ ни бьется,— а къ вечеру все пьянъ напьется...» Жена смутно предчувствуетъ, что конца этому не будетъ никогда, потому что никогда не кончится загонъ ея мужа... Муженекъ до загона добрался не вдругъ, а шагъ за шагомъ: и у него тоже былъ свой золотой вѣкъ, который конечно не повторится; и все измѣня-

*) Русск. Сл. № 3 (Мартъ) 1864 г.

лось самымъ постепеннымъ образомъ. Незмѣннымъ оставалось только ежегодное рожденіе дѣтей, которыя въ настоящую минуту составляютъ огромную, массу ртовъ, требующихъ работы. Разношерстныя эпохи, въ которыя родились и росли дѣти, развили ихъ совершенно различнымъ образомъ, и разбили ихъ на дѣтей *съ призоромъ* и на дѣтей *безъ призору*, причѣмъ главную роль играли учителя и воспитатели, подъ вліяніемъ которыхъ росли дѣти.

Золотой вѣкъ палъ на долю первенца сына, Павла. Въ это время Рудневъ быстро шелъ въ гору; въ какихъ нибудь два или три года, изъ оборваннаго, смирнаго, но въ высочайшей степени прилежнаго писца, онъ превратился въ секретаря: почти съ невѣроятной скоростію явился у него свой домикъ со службами и съ баней, хоть и плохенькая, но своя лошадь и наконецъ породная жена, которая пришлась какъ разъ по мыслямъ молодого секретаря: была молчалива съ мужемъ, величала его по имени по отчеству, и въ видахъ хозяйскихъ интересовъ грызлась съ кухарками и горничными. Картина семейнаго счастья была скоро окончательно пополнена рожденіемъ сына; стало быть, Рудневъ обладалъ полнымъ довольствомъ: свой домъ, лошадь, супруга, дѣтки,—все какъ слѣдуетъ. Павлуша, такимъ образомъ, родился при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ; это глубоко сознавалъ его родитель и не сомнѣвался въ счастьи сына, хотя тотъ родился и не въ сорочкѣ. Толпы бабъ, нахлынувшія въ домъ Руднева неизвѣстно откуда, и неизвѣстно какъ пронюхавъ про родины, сумѣли привести тысячи примѣровъ, гдѣ родившіеся въ сорочкахъ оказались самымъ несчастнѣйшими людьми, негодаями, а нѣкоторые изъ нихъ просто таки родились мертвыми. А напротивъ того, родившіеся безъ сорочекъ были головы надъ многими головами. Стало быть, и тутъ хорошо. Влюбленный отецъ, задолго еще до рожденія сына, далъ искреннѣйшій обѣтъ, не щадить живота для того, чтобы сытъ вышелъ человѣкомъ какъ слѣдуетъ, т. е. могъ вылѣзть въ люди и распродать родъ свой. Хлопоты и жертвы начались со дня рожденія. Сообразно блестящей будущности сына, Рудневъ, во-первыхъ, устроилъ великолѣпнѣйшія креселны: купель раздобылъ новую, люлька тоже чуть не губернаторская: двѣ въ городѣ только и было такихъ люльки: у губернатора да у Руднева. Парше-

ство крестинъ совершается шумно и торжественно; бабка изловчилась пробку отъ шампанскаго вонзить въ самый потолокъ, гдѣ образовалось по этому случаю пятно, никогда не закрашиваемое и оставленное для ежеминутнаго напоминанія радостнаго дня. Пьянство затѣялось невыносимое, такъ что нѣкоторые изъ сослуживцевъ Руднева долго потомъ вспоминали, какъ проснулись они послѣ крестинъ въ какой-то чужой банѣ и проч., и проч. Отецъ, въ приливѣ радости, какъ съумасшедшій совадся съ бутылками, угощая гостей, и въ это время выслушивалъ разные пожеланія и совѣты опытныхъ людей.

— Дай Богъ растить—себѣ на утѣшенье... Выростеть—вельможей будетъ, не забудьте насъ тогда, говорили одни.

— Дитя есть мягкій воскъ, вставляялъ приходскій батюшка.

— Ты вотъ что, Иванъ Матвѣичъ, совѣтовалъ Рудневу одинъ изъ сослуживцевъ, опытный въ битвахъ семейной жизни. Какъ ты думаешь дѣтей растить?

— Какъ нибудь... Какъ Богъ укажетъ... Выкушайте...

— Ты стой, я выкушаю... А ты, я тебѣ откровенно скажу, даже не знаешь, какъ пороть ребятъ... Знаешь-ли?

— Кушайте, Семенъ Прокофьичъ! Истиннымъ Богомъ говорю вамъ — знаю.

— Врешь!.. Ничего ты не знаешь, и долженъ слушать меня; драть ты будешь такъ: первое дѣло старайся нападать на ребенка съ маху, и въ тоже мгновеніе хватай за вихоръ, ежели вихоръ есть; ежели же вихра нѣту, то, видѣвшися за ухо, влеки мерзавца внизъ, и зажавъ голову въ козляныхъ, дабы не позволять ему кричать, исполняй, что скадуеть. — Понялъ?

— Понялъ-съ... Выкушайте...

— И помни это... Ну, за твое здоровье!.. А то—знаю!..

Учитель этотъ, весь вечеръ распространялся о воспитаніи дѣтей и, уходя передъ свѣтомъ, не могъ удержаться, высунуль снова въ дверь свою фазіономию и нѣжнымъ языкомъ произнесъ:

— Такъ помни, Рудневъ!.. Ущемивъ младенцу ухо и... въ козляни... счастливо оставаться!..

Но первенецъ былъ такъ счастливъ, что положительно не могъ рассчитывать на воспитаніе такого рода. Отецъ стыдился мысли учить такимъ образомъ будущаго генерала, и, под-

дакивая совѣтамъ товарищей, вовсе не хотѣлъ имъ слѣдовать. Онъ не хотѣлъ дать сыну своего печальнаго дѣтства, потому что уже загодя полагалъ его вполне счастливымъ; при этомъ онъ не думалъ о развитіи его, ибо никогда не слышалъ такого слова; не думалъ подмѣчать тѣ или другія его склонности, потому что никогда бы не подмѣтилъ ихъ; вмѣсто этого, онъ только твердо вѣрилъ въ счастье сына, не думая о томъ, какъ оно случится и чѣмъ возьметъ при этомъ его сынъ. Съ своей стороны, отецъ, по понятіямъ множества такихъ же отцовъ, дѣлалъ все: одни крестины чего стокуютъ? сколько шуму и грому, сколько высыпано денегъ и проч., и проч.; давши сыну хорошую кормилицу, отецъ, такимъ образомъ, сдѣлалъ все для дѣтства любимаго первенца, и, не могу утаить, съ пріятностію ждалъ въ будущемъ процентовъ на затраченный капиталъ въ видѣ безпредѣльной преданности и безпредѣльной сыновней благодарности.

Дѣтскія уши слишкомъ чутки, дѣтскія впечатлѣнія слишкомъ сильны, они остаются на долго, и иногда управляютъ человѣкомъ въ теченіи всей жизни. Павлуша былъ выкормленъ и сложенъ хорошо; все, что ни дѣлалось вокругъ него, все, что не говорилось кругомъ, онъ сохранялъ навсегда въ своей памяти. Дѣлалось все для Павлуши, говорилось только о немъ и о желаніи ему всякихъ благъ,—а между тѣмъ, въ настоящую пору, когда онъ имѣетъ время сознательно проклясть свое пріятное дѣтство,—ему видится несчастье, корень всякихъ бѣдъ,—именно въ этой безграничной и крайне безпутной любви, которая окружала его. Хороша награда за родительскія ласки! Отецъ, цѣлые дни занятый на службѣ, принужденъ былъ ограничивать изъявленія своей любви покупкою игрушекъ; игрушки эти были всегда дорогія и самыя лучшія,—лучше ихъ уже не было; но они почему-то скоро бросались Пашей; какойнибудь покачивающійся на крутыхъ полозьяхъ конь или изящный домикъ съ окнами и дверями, какъ у настоящихъ домовъ, скоро валялись заброшенными гдѣнибудь подъ кроватью и вовсе не занимали Павлушу. Разъ только отецъ купилъ ему коня, который самъ бѣгалъ на колесахъ по комнатѣ, — этотъ конь былъ скоро тоже заброшенъ, но не потому, чтобы не занималъ Павлушу, а потому, что весь былъ разобранъ, до послѣдней ниточки, и всѣ

колесики составляющие скрытый механизм игрушки, и были тщательно пересмотрѣны. Эту игрушку Папа долго помнилъ и все просилъ купить еще такую-же; но любящій отецъ покупалъ ему игрушку другую, втрое дороже: какойнибудь раззолоченный киверъ или саблю и вѣрилъ, что онъ дѣлаетъ для сына втрое больше, нежели тотъ хочетъ.

Цѣлые дни, по уходѣ отца въ должность, Павлуша оставался на рукахъ матери, которая тоже каждую минуту готова была положить за него жизнь, и какъ-будто въ силу этой безграничной любви старалась очистить голову сына отъ всякой работы. При этомъ она руководствовалась тѣмъ же правиломъ, какъ другіе; у другихъ главнымъ достоинствомъ въ дѣтяхъ считалось,—чтобы они не мѣшали и не шумѣли; настоящей хозяйкѣ куда неприятно, если рѣзвый ребячій смѣхъ и говоръ мѣшаетъ ей думать надъ шитьемъ мужниной мавишки или заглушать бой часовъ въ залѣ: чего добраго, пропустишь когда пробьетъ два, время прихода мужа, и время обѣда. За этимъ, конечно, слѣдуютъ неприятности. Мать Павлуши принимала всѣ мѣры, чтобы сдѣлать изъ сына какого-то тихоню, который бы не нарушалъ гармонію семейнаго быта, былъ вполне прилаженъ къ ровному, тихому житью; въ видахъ достиженія своихъ цѣлей, она словно макомъ онаивала, нагружая его разными наставленіями о кротости и смиренствѣ. Мать была крайне счастлива, видя, что изъ Павлуши выходилъ не сорванецъ, а «дите», имѣющее терпѣніе почти молча высидывать цѣлые дни около матери, смотрѣть на кухарокъ, являющихся за приказаніемъ: «класть ли корицы или вѣтъ?» слушать, какъ гдѣ-то вдали, въ кухнѣ, едва внятно стучать ножами и т. п. Такія доблести сына поощрялись лакомствами, развивавшими самую назойливую изъ всѣхъ прихотей,—прихоти брюха, которая потомъ выдавала Павлушу съ головой во время всей его невеселой жизни. А въ ту пору отецъ, мать и толпы родни не нарадовались на такое послушное дитя, которое мало по малу дѣлалось вялѣе, апатичнѣе и постепенно превращалось въ настоящее «степенство». Случалось ли ему въ окошко глядѣть на улицу, причемъ его хорошенькая головка приходилась между двухъ бутылей съ наливкою, говорившихъ о полномъ довольствѣ въ домѣ,—его иногда подзадоривало желаніе покататься на ледянкѣ, но это было не-

возможно, иначе пришлось бы сдѣлаться мужицкимъ мальчишкой, а Павлуша уже хорошо понималъ, что это весьма незавидный санъ, старался тушить это желаніе и, не удовлетворивъ требованіямъ организма, раздражался продолжительными капризами. Все поощряло такое замираніе молодой жизни. Даже отцовъ начальникъ, упоминая о которомъ Рудневъ нѣсколько блѣднѣлъ и произносилъ слова съ какимъ-то страхомъ, что конечно видѣлъ Павлуша и невольно заражался отцовскимъ благоговѣніемъ,—и этотъ начальникъ назвалъ Павлушу «умное дитя» и хотѣлъ поставить его въ примѣръ своимъ «сорванцамъ», за то именно, что на елкѣ, куда былъ приглашенъ Павлуша и его отецъ, они оба имѣли столько уваженія къ старшимъ, что цѣлый вечеръ недвижимо проторчали въ углу, робко поглядывая на гостей и не рѣшаясь завязать съ ними разговора.. Павлуша съ завистью смотрѣлъ на генеральскихъ дѣтей, обиравшихъ елку, но таилъ это въ душѣ и забылъ горе со-всѣмъ, когда его *самъ* погладилъ по головкѣ. Поощренія были и другого рода. Приходить вечеромъ къ отцу гость, сидитъ въ гостиной на диванѣ и куритъ трубку; Павлуша крадется по стульямъ, не спуская глазъ съ гостя, и хватается за ручку отцовскаго кресла...

— Вашъ сынокъ-то?..

— Мой...

Отецъ гладитъ Пашу по головкѣ...

— Бѣянь?

— Нѣтъ, благодаря Бога, тихъ... Я имъ доволенъ... «Я, говоритъ, напаша, шумѣть не буду... нѣчто я мальчишка?..»

— Умница!.. право умница, хвалитъ гость...

— И цѣлый день его не слышать...

Отецъ опять гладитъ по головѣ...

Гость слишкомъ умильно и масляно смотритъ на Пашу и потомъ говоритъ:

— А рисовать любишь?

Паша молчитъ.

— Ну, скажи же: любишь или нѣтъ? допрашиваетъ отецъ. Коли спрашиваютъ, отвѣчай...

— Люблю...

— И краски есть?

Паша молчитъ опять.

— Ну, скажи же, будь учтивъ... Есть у тебя краски? Нѣту, ну, такъ скажи, моля, нѣту...

— Нѣту...

— Ну, вотъ!. одобрительно произносить отецъ.

— Ну, поди же сюда...

— Поди, говорить отецъ, не бойсь..

Паша подходитъ. Гость запускаетъ руку, украшенную кольцами, въ карманъ и, погремѣвъ въ немъ деньгами, вынимаетъ золотой...

— На-ка вотъ.

— Напрасно вы Иванъ Федоровичъ, вяло сопротивляется отецъ.

— Берп-ка, бери, молодець! У насъ съ нимъ свои счеты...

— Право напрасно!

Паша не знаетъ: брать или не брать?..

— Ну, возьми, говорить отецъ. Когда даютъ бери. Самъ не напрашивайся, а это ничего...

Паша беретъ золотой.

— Неси къ матери, говорить отецъ...

Скоро Паша и золотой производятъ великій восторгъ въ дѣтской, въ присутствіи матери и множества старухъ нянекъ.

— Ахъ, милое дитя! Вотъ ангельская душенька! Всѣ его любятъ, всѣ-то его жалуютъ,—слышится со всѣхъ концовъ, и нѣсколько костлявыхъ рукъ пощрительно ползаютъ по головѣ Павлуши.

— Будешь слушаться,—больше дадутъ... Только слушайся.

— Я слушаюсь.

— И слушайся... И всѣ будутъ довольны. Всѣ скажутъ умница и проч., и проч.

Въ такомъ-то родѣ шло воспитанье со стороны родителей, оказавшееся никуда негоднымъ, когда Павелъ принужденъ былъ ступить на другую, не генеральскую, а трудную дорогу.

II.

На ряду съ этими ученьемъ, шло ученье и по книжкамъ; но все какъ-то урывками. Голова у Павлуши была свѣжа, и поэтому въ короткое время, начиная съ довольно глубоко

мысленныхъ складовъ, въ родѣ фрю, хрю и пр., онъ достигъ возможности рассказать Свящ. исторію вплоть до столпотворенія вавилонскаго, и во всѣхъ подробностяхъ излагалъ, какъ жена Лота превратилась въ соляной столбъ и проч. Изъ арифметики зналъ, что счисленіе происходитъ отъ правой руки къ лѣвой, и съ прописи выводилъ *«Мудрость у разумнаго предъ лицомъ, а глаза глупца ищуть ее на концѣ свѣта»* или что-то въ этомъ родѣ. Иногда среди такихъ рьяныхъ занятій учитель Паши, большею частію семинаристъ, — отбывалъ пзъ города за пріисканіемъ невѣсты, по случаю открывшагося дьяконскаго мѣста, — и Паша оставался безъ учителя, имѣя счастливую возможность забыть всю недавнюю науку. И дѣйствительно, съ появленіемъ новаго учителя, Пашѣ большого труда стоило отыскать линейку, грамматику; чернильница дѣлалась обиталищемъ мухъ, а перо исхищала вянька, находя очень удобнымъ обметать имъ клоповъ, населявшихъ малѣйшія трещины въ стѣнѣ около ея логовища. Каждый новый учитель приносилъ съ собою и новые порядки; все, что ни дѣлалъ его предшественникъ, все было не такъ: линейку необходимо было сдѣлать длиннѣе и толще, учебники должны быть другіе. Прежде подъ именемъ горизонта было «пространство на которое спирается сводъ небесъ», новый же учитель, утверждая что это вздоръ, говорилъ что горизонтъ есть «какъ бы пространство на которое спирается хрустальный сводъ небесъ и проч., и проч.

Много переѣзжало учителей у Паши, а толку все не было. Наконецъ родители порѣшили все ученіе сына начать снова, съ самаго начала, и притомъ благословясь; для этой цѣли рѣшено было подыскать хорошаго богослова и отслужить молебень пророку Науму. Но случай какъ-то долго не представлялся. Наконецъ, передъ рождествомъ, когда ходятъ съ разрѣшительной молитвой, дождался таки молебна.

Послѣ молебна, батюшка пожелалъ съ нимъ самъ почитать азбуку, утверждая, что это будетъ много способствовать къ преуспѣянію его. Являлась азбука московскаго изданія, гдѣ на оберткѣ изображены были какія-то долгоязыкія фигуры, весьма напоминавшія сидѣльцевъ въ мучныхъ лабазахъ, только одѣтыхъ въ женскія платьица и калошки; по всей вѣроятности, художникъ здѣсь изобразилъ особенно при-

лежныхъ дѣтей, ибо всѣ онѣ ходили съ книжками, держа ихъ или передъ самымъ лицомъ, или даже выше головы,—это ужь самыя прилежныя.

Пропустивъ *азы*, батюшка остановился на прописныхъ буквахъ и читалъ ихъ по *нонѣшнему*, причемъ выходило: пе, ре, се, и пр. Очевидно, что батюшка плохо зналъ какъ по нонѣшнему, да притомъ его развлекали приготовленія къ закускѣ; въ сосѣдней комнатѣ раздавался стукъ тарелокъ, ножей и проч.

Попросили закусить; за столомъ пошли разговоры.

— Охъ дѣти, дѣти, говорила задумчиво мать.

— Дитя есть мягкій воскъ, присовокуплялъ батюшка, до такой степени осторожно подкрадываясь вилкой къ груздю, что, казалось, онъ боялся, какъ бы груздь не вспорхнулъ. Для ловкости, батюшка придерживалъ конецъ рукава рясы другой рукой.— Въ передней, чавкая, закусывала дьячекъ, помѣщаясь на оконпкѣ, около батюшкиной палки, шапки съ ушами и длинной, какъ колбаса, муфты.

— Благодаря Богу, Сушкинъ купецъ лошадку прислалъ, говорилъ священникъ отъ нечего дѣлать по окончаніи закуски; все не такъ по морозу-то.. А то ужь очень скверно...

— Съ вечера началось,—тоже отъ нечего дѣлать прибавила мать.

— Да...

Въ передней кашлянулъ дьячекъ.

— Ну, намъ пора.. и священникъ поднялся съ своего мѣста. Уходя, онъ снова благословилъ всѣхъ и обѣщалъ прислать знакомаго учителя, семинариста, утверждая, что человекъ онъ тихій и притомъ богословъ не изъ послѣднихъ.

Богословъ явился только великимъ постомъ, потому что отъ рождества до масленицы никто объ дѣлѣ помышлять не могъ, точно также, какъ не могъ опохмѣлиться. Великимъ постомъ какъ-то такъ случается, что опохмѣляются разомъ и сразу принимаются за дѣло. Въ одинъ день послѣ обѣда, по залу у Рудневыхъ кто-то дѣлалъ довольно медленные, но звучные шаги. Это и былъ присланный батюшкой богословъ.

Ожидая выхода хозяина, онъ по временамъ сморкался, причѣмъ исходилъ весьма пріятный и гармоническій звукъ, и если случалось ему плюнуть, то выходилъ въ переднюю, выбиралъ самый темный уголъ и, харкнувъ туда, разтиралъ непременно ногою, желая такимъ образомъ изгладить самые ничтожные слѣды своего посѣщенія.—Наконецъ хозяинъ вышелъ. Начались переговоры, причѣмъ учитель, между прочимъ, сообщилъ, что онъ кончилъ курсъ въ первомъ пяткѣ, и особенной похвалы заслужилъ своимъ сочиненіемъ на какую-то мудреную тѣму.

— Да, мудрена, сказалъ хозяинъ, когда учитель произнесъ и самую тѣму.

Настало небольшое молчаніе; подвели Павлушу, который засталъ бесѣду между отцомъ и учителемъ на слѣдующей фразѣ:

— Вотъ его... говорилъ отецъ, указывая на Павлушу.

— Въ какое заведеніе?..

— Куда же?.. Въ гимназію хотѣлось бы.

— Въ гимназію? спросилъ учитель, и, очищая носъ платкомъ, смотрѣлъ на Павлушу такимъ взглядомъ, какимъ смотритъ портной на кусокъ сукна, соображая: можно ли выкроить изъ него жилетъ.

— Въ гимназію? можно, заключилъ онъ.

— Вы его поэкзамекуйте, добавилъ отецъ.

Учитель запахнулъ платокъ въ боковой карманъ, сложилъ на животѣ руки, спрятавъ ихъ въ рукава, и произнесъ:

— Ну, скажите молитву ангелу хранителю.

Павлуша зачиталъ:

— «Ангелу мой святой, покровителю...»

— Не та! холодно остановилъ учитель... Тутъ есть молитва иная... Мы выучимъ се... ну... учитель задумался и потомъ произнесъ: что такое экваторъ?.. не знаете ли?..

— Кругъ.. робко отвѣчалъ Павлуша.

— А эклиптика?

— Кругъ..

— Все круги?

— Круги-сь...

Учитель ухмыльнулся и произнесъ снисходительно:— Ну, это мы еще пройдемъ.

Во время экзамена отецъ бѣгалъ глазами съ Павлуши на учителя, и подь конецъ заключилъ, когда дѣло шло о книгахъ: — Какъ же это брать ты такъ? все круги... а? Видно, ты плохо учишь?... Ужь вы, Петръ Ивановичъ, хорошенько его поучите... Комнату вамъ дадимъ особую... Что хотите дѣлайте съ нимъ... Только не бить.

— Будьте покойны-съ.

— Пожалуйста!.. Такъ, стало быть, когда же вы переѣзжаете?..

— Да я и теперь могу остаться...

И учитель остался.

Съ появленіемъ учителя житье пошло нѣсколько разнообразнѣе. День проходилъ такимъ образомъ: просынаясь, учитель теропился умыться, одѣться, и по своей разсѣянности, непремѣнно оставлялъ гдѣ нибудь разстегнутыми нѣсколько пуговицъ, которыя и существуютъ именно для того, чтобъ быть застегнутыми на глухо. Въ такомъ видѣ учитель отправлялся кушать чай.

— Съ добрымъ утромъ! говорилъ онъ. Павелъ Ивановичъ, цѣлуйте ручки у папеньки, у маменьки.

— Здравствуйте, говорилъ отецъ, потомъ кивалъ рукою учителю, показывая тѣмъ, чтобы тотъ наклонился къ нему, и когда учитель поднеслъ свое ухо къ губамъ хозяина, тотъ шопотомъ говорилъ:

— Застегните-те...

Учитель поспѣшно работая руками около забытыхъ пуговицъ, и потомъ продолжался утренній разговоръ.

— Вотъ, Петръ Ивановичъ, мы съ женой все думаемъ, что бы это значило, видѣть, напримѣръ, лошадь во снѣ...

— Лошадь-съ?

— Да... Мы вотъ вмѣстѣ одинъ сонъ видѣли...

Учитель откусываетъ сахаръ, отряхаетъ кусокъ въ блюдечко, дѣлаетъ нѣсколько глотковъ и говоритъ, держа стаканъ съ чаемъ на колѣнѣ:

— Да вѣдь какъ вамъ это сказать? равное имѣютъ значеніе... Одинъ разъ то, другой — другое... Весьма это трудно постигнуть...

— Трудно, говорить жена... Иной разъ ничего же поймешь, а глядишь—къ прибыли отзовется.

— Вотъ и это!.. подтверждаетъ учитель, снова поднося полное блюдечко... Въ послѣднее время снамъ даже никакой вѣры давать не стали...

— Поживешь, повѣришь, опять говорить жена.

— Это точно... Какъ не вѣрить.. По снамъ и живешь... Стало быть, нужны они, когда Богъ посылаетъ...

— Противъ Бога не возьмешь, вставляетъ отецъ.

— Куда! Учитель махаетъ рукой, ставитъ опорожненный стаканъ на столъ и, садясь на прежнее мѣсто, говоритъ:

— А что вотъ лошади изволили видѣть, то это означаетъ ложь... Облыжно обзовутъ или что...

— Ну вотъ, Иванъ Матвѣичъ, примѣчай, какъ кто... совѣтовала жена...

Послѣ чаю начинались обыкновенные скучные будни. Мужъ уходилъ въ палату, жена хлопотала по хозяйству, а въ залѣ начиналось ученье.

Передъ началомъ урока, учитель всегда соблюдалъ такого рода формальность: Павлушу посылалъ съ книгами и тетрадями въ залу, а самъ надѣвалъ шинель, шапку и калоши, обходилъ дворомъ на варадный ходъ, и являлся такимъ образомъ какъ совершенно чужой человѣкъ; дѣлалось это для того, чтобы ученикъ, видя не просто Петра Ивановича, который спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ и про котораго ученикъ не могъ не имѣть особеннаго загадочнаго понятія, а чужого человѣка, чувствовалъ къ нему въ некоторый страхъ, и такимъ образомъ былъ бы особенно покоренъ во время урока.

Ученье Петръ Ивановичъ началъ снова, то есть, чуть не съ азбуки, и живая головка Павлуши, которая въ эти минуты могла бы переварить здоровое развивающее свидѣнiе, оставивъ его въ своей памяти навсегда, — принуждена была довольствоваться снова безмысленными двусложными и многосложными словами, въ родѣ: епархіальный, гортанобісіе, дѣтубійство, пристанодержательство и проч., и проч., которые ломали только языкъ, но ничего не трогали въ головѣ.

Далѣе, какъ на главный предметъ, вниманіе было особенно обращено на Законъ Божій.

Послѣ Закона, съ особенною ревностію занимались чисто-

писаніемъ. Учитель цѣлые часы, стоя за стуломъ Паши, съ непритворнымъ страхомъ слѣдилъ за перомъ ученика, боясь, чтобы тотъ толще не вывелъ тамъ, гдѣ нужно тоньше.—Косѣй, косѣй! замирающимъ голосомъ шепталъ онъ; налегайте! налегайте тутъ, ради самого Господа!.. Тоньше, тоньше!.. Какъ можно слабѣе, такъ, такъ, такъ.. сссспрр!.. Что вы сдѣлали? азъ съ брюхомъ вышелъ... Что это такое? и проч.—Учитель въ этихъ случаяхъ совершенно уходилъ всѣмъ своимъ существомъ въ разные почерки, раскѣпы, очинки, росчерки и пр., и пр. Онъ замиралъ надъ перомъ Павлуши, словно имъ совершалась какая нибудь труднѣйшая операція, гдѣ отъ малѣйшей неосторожности могла произойти смерть. Паша, невольно поддаваясь вліянію учителя, самъ начиналъ впиваться въ интересы правильности буквъ и чувствовалъ великую провинность, гдѣ выходила буква брюхатая. Кромѣ учителя, необходимость чистоты почерка подтверждалъ и самъ отецъ.

— Какъ же можно! Письмо—это первое дѣло, говорилъ онъ... Вотъ у насъ Щукниъ.... самый закурузлый пишчишко, какъ поналегъ на чистописаніе—сразу въ Петербургъ потребовали, къ самому царю писать.. во-о! Это братъ никогда за плечами не виснеть...

Нагруженный такими знаніями, Паша къ концу урока просто на просто застывалъ всѣмъ своимъ существомъ; поднятыя къверху брови, при напряженномъ вниманіи надъ безмыслицами, дѣлали всю его фзіономію совершенно глупою; члены ходили вяло; на губахъ бродила какая-то короткая, но безпрестанно повторявшаяся неопредѣленная и почти глупая улыбка. Павлуша начиналъ оттаивать только тогда, когда снова видѣлъ мать, няньку, кошку и проч. По окончаніи урока, учитель снова надѣвалъ шинель, опять черезъ дворъ и заднія сѣни возвращался въ свою комнату, раздѣвался и говорилъ:

— Фу! усталъ... Пашенька! сходите къ мамашѣ, скажите, молъ, Петръ Ивановичъ очень уставши.

Паша черезъ нѣсколько времени возвращался съ рюмкой водки въ одной рукѣ, а въ другой съ тарелкой, на которой лежали куски икры и булки... Петръ Ивановичъ пилъ и, водя рукой по груди и животу, говорилъ:

— Какъ чудесно!.. По всѣмъ жилкамъ прошло... Такъ и расплылось...

— Петръ Иванычъ! говорилъ Паша, мамаша зоветъ васъ въ чайную, монашенки пришли... чай пьютъ.

Петръ Ивановичъ охотно принималъ приглашеніе, потому что, какъ и другіе, радъ былъ убить ненужное куда-то время. А за самоваромъ оно исчезаетъ куда какъ скоро; въ эту пору какъ-то особенно клейко бѣжать разговоръ, поддерживаемый разказами монашенокъ объ ихъ трудномъ, но и невыразимо радостномъ житіи.

Такъ тянется время до обѣда. Къ обѣду обыкновенно является братъ Руднева, Егоръ, живущій здѣсь изъ бѣдности и поэтому помѣщающійся въ общей съ Петромъ Ивановичемъ комнатѣ, на длинномъ, устойчивомъ сундукѣ. Господинъ этотъ, о которомъ я подробнѣе скажу нѣсколько ниже, всегда приходилъ изъ палаты прежде брата, и такимъ образомъ торопился и хозяйку, и кухарокъ къ приготовленію трапезы. Послѣ него приходилъ и самъ Рудневъ.

Раздѣвшись и потирая подъ мышками, подходитъ онъ къ графиню и говоритъ Петру Ивановичу:

— Нуте-ка передъ обѣдомъ...

Учитель пьетъ. Дожилаясь рюмки, Рудневъ смотритъ на фигуру Петра Ивановича, вслѣдствіе чего тотъ снова слышитъ надъ своимъ ухомъ:

— За-сте-гни-те...

Учитель работаетъ пальцами гдѣ нужно.

— Ну, какъ учились?

— Ничего... прилежно.

— Не лѣнился Павелъ?

— Слава Богу, не пожалуюсь.

Обѣдъ начинается молчаливымъ образомъ. Разговоры слышатся только подъ конецъ, при послѣднемъ блюдѣ.

Послѣ обѣда въ домѣ наступаетъ спящее царство. Вездѣ раздаются носовой свистъ и сапъ, только кухарка звонко икаетъ въ кухнѣ, прибирая посуду... Паша, закутанный въ теплую шубенку, гуляя на дворѣ, и въ это время, даже среди дѣтскихъ забавъ, все-таки вспоминались ему сами собою отвратительныя книжки и отвратительное ученье, и онъ даже сердился на себя за то, что онъ одинъ только такъ не любитъ этихъ книжекъ, и что ихъ любятъ всѣ другіе. Желая быть какъ другіе, онъ противъ воли старался полюбить то,

что училъ, и поэтому мучился больше, чѣмъ слѣдуетъ. Только къ чаю возвращался онъ въ комнату, гдѣ уже встрѣчалъ проснувшихся отца, учителя, Егора Матвѣича и мать. Учитель сидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, держа стаканъ на колѣняхъ. Егоръ Матвѣичъ стоялъ у притолки, держась рукою за дверь, такъ какъ росту онъ былъ гигантскаго. Отецъ, оставивъ безъ вниманія любимую чашку съ чаемъ, рассказывалъ учителю, какъ онъ видѣлъ во снѣ покойника шурина.

— Подходить, будто, ко мнѣ... Жолтый такой... Въ рукѣ безмянь, и говорить: Иванъ! Что же ты споручницѣ обѣщаль отслужить молебенъ.—Тутъ я и проснулся... Чтобы это значило?

— Разное предвѣщаетъ, тѣмъ же тономъ, какъ и утромъ, рѣшалъ учитель, наливая на блюдечко чай. Отслужить надо— вотъ и все, рѣшаетъ жена.

— Надо! Самъ знаю:.. Что будешь дѣлать? — за хлопотами пообщаешься и забудешь.

Слышалось всеобщее всхлебываніе съ блюдечекъ.

— Иной разъ Богъ знаетъ что пригрѣзится, говорить чиновника.

— Проснешься и не вспомнишь, добавляетъ она послѣ.

За чаемъ слѣдуетъ долгій и скучный вечеръ. Паша принужденъ зубрить уроки, его мать шьетъ, а отецъ, если не идетъ въ палату спустить двѣ-три срочныхъ бумажонки, то бесѣдуетъ въ залѣ съ Петромъ Ивановичемъ, предварительно упомянувъ о пуговицахъ. Въ бесѣдѣ съ учителемъ, Иванъ Матвѣичъ воспоминалъ семинарію, какъ его сѣкли, какъ сидѣли они въ карцерахъ.

Во время спора друзья неоднократно прикладывались къ рюмкамъ, и часовъ въ девять ужинали. А потомъ мярымымъ порядкомъ расходились спать... Дремавшій уже Паша слышалъ, какъ дядя Егоръ и учитель, стоя рядомъ, шептали молитвы.

Затѣмъ наступала безмолвная ночь съ мнѣрами зловѣщихъ и радостныхъ сновъ.

Такимъ образомъ тянулось Пашино ученье. Учитель все больше и больше осваивался съ чужими людьми, и чужіе люди, въ свою очередь, за панібрата сходились съ нимъ. Петръ Ивановичъ существовалъ въ свое удовольствіе, и, удѣляя на

уроки нѣсколько меньше и меньше времени, чаще посылалъ Пашу доложить, что онъ уставши, и получалъ водку. Кромѣ педагогическихъ занятій, на Петрѣ Ивановичѣ лежала обязанность по субботамъ ходить съ ученикомъ ко всеночной и въ баню, причемъ Паша замѣчалъ, что учитель всякій разъ посылалъ куда-то кучера, ожидая въ передбавникѣ его возвращенія, и потомъ уже влѣзалъ на полокъ. Паша никакъ не могъ понять, что дѣлаетъ Петрѣ Ивановичъ, и зачѣмъ всегда ему велить идти впередъ. Вниманіе его всякій разъ привлекалъ запахъ водки и кусокъ ветчины, валявшійся на подоконникѣ, котораго онъ не видалъ при входѣ въ баню.

Жизнь учителю было покойное, и поэтому онъ не снѣшилъ подготовкой, стараясь, какъ можно больше времени посадить на усовершенствованіе въ разной предварительной дребедени, почему-то считающейся необходимою. Вслѣдствіе такой учительской пытки, Павлуша совсѣмъ бы могъ отупѣть, если бы ему не пришлось еще разъ отдохнуть отъ наукъ и снова забыть ихъ. Этому помогъ отчасти Егоръ Матвѣичъ—дядюшка, а отчасти принадлежащій этому дядюшкѣ сюртукъ. Чтобы рассказать, какъ это случалось, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ Егорѣ Матвѣичѣ.

III.

Въ то время, когда еще дядюшка Павлуши находился въ утробѣ матери, простой деревенской дьячихи, вся родня и въ особенности знаменитая бабка-голанка, утверждала, что надо ждать если не тройней, то двойней по меньшей мѣрѣ; каково же было общее изумленіе, когда на свѣтъ божій явился будущій Егоръ Матвѣичъ, единственною персоною. Явившись, такимъ образомъ, сразу въ двойномъ изданіи, Егорушка быстро началъ увеличиваться въ силѣ, и еще въ юномъ возрастѣ отличался способностію одной рукой задушить поросенка, схвативъ его за горло. Обладая исполнскою силою, онъ въ той же мѣрѣ былъ скорбень главою. Впрочемъ, этого положительно утверждать нельзя, потому что угрюмость, которая составляла отличительную черту Егорушки, не давала ему большой возможности высказывать свои воззрѣнія. Съ

самаго дня рожденія онъ былъ чѣмъ-то обиженъ; словно во время родовъ его разбудили на самомъ интересномъ мѣстѣ сна и такимъ образомъ заставили сразу изъ-подлобья смотрѣть на все окружающее. Нелюдность отталкивала отъ него братьевъ и родныхъ: всѣ называли его недотыкой и безцеремонно пускали ему въ глаза колкости, т. е. попросту, брехали на него, не боясь получить хоть кокогонибудь отвѣта, кромѣ самаго мертваго молчанія, говорившаго не о беззащитности, а о томъ, что его ничѣмъ не проймешь. Егорушкѣ больше всего хотѣлось спать, и все, что ни дѣлалось съ нимъ,—дѣлалось будто въ просонкахъ. Въ просонкахъ очутился онъ въ духовномъ училищѣ; здѣсь, во время постояннаго пребыванія въ камчаткѣ, не отличался ничѣмъ, кромѣ способности въ одну недѣлю истребить весь запасъ лепешекъ, присланный изъ деревни на трехъ братьевъ и на цѣлую треть. Въ просонкахъ чувствовалъ онъ, что его сѣкутъ; въ просонкахъ поднимался онъ на вопросъ учителя, напоминая своимъ поднятіемъ колеблющуюся гору, вралъ и городилъ всякій вздоръ, который для смѣху подсказывали ему сосѣди; смѣшилъ весь классъ, оставаясь вполнѣ серьезнымъ, ибо не понималъ и не хотѣлъ понять и прислушаться, что такое творится кругомъ. Сколько лѣтъ сидѣлъ онъ въ классѣ, онъ не зналъ; переводили ли его или нѣтъ—тоже не зналъ и продолжалъ изумлять своими отвѣтами: у него, на примѣръ, къ атмосфернымъ явленіямъ причислялись кирпичи, такъ какъ ему разъ въ спину попалъ кирпичъ сверху, съ лѣсовъ строявшагося дома, а учитель спрашивалъ: ну, что еще кромѣ дождя сверху падаетъ? и проч., и проч. Нѣкоторое пробужденіе Егорушка почувствовалъ, когда его выключили изъ семинаріи, и когда кто-то, почти надъ самымъ его ухомъ, произнесъ: «въ солдаты попадешь Емелюшка-дурачокъ. Нониче исключенныхъ дьячковскихъ дѣтей-то въ милицію велѣно. Начнутъ тебя драть не розгами, а прутьями желѣзными»... Дѣло было дѣйствительно похоже на правду, потому что братъ Иванъ, служившій уже и удачно, тотчасъ же засадилъ его въ писцы, хоть и сознавалъ, что онъ годится только въ водовозы. И вотъ Егорушка съ силами, годными только свалить соборную колокольню, если бы это потребовалось когданибудь, принужденъ теперь выводить гусинымъ перушкомъ Богъ знаетъ что значація, сло-

ва и фразы. А кругомъ на него смотрѣли какія-то зеленыя, испитыя рожи и ухмылялись надъ его войвой съ такимъ тщедушнымъ врагомъ, какъ перо, которое, словно муха льву, не давало ни минуты покою и мучило невыносимо. Съ горя или отъ истощенія силъ, въ бесполезной сѣрѣ, Егорушка засыпалъ на бумагахъ и чернильницахъ, и не обращалъ бы по прежнему ни на что вниманія, еслибъ его не разбудили здѣсь окончательно слишкомъ часто повторявшися толчки брата и сослуживцевъ. Онъ дѣйствительно проснулся вполне. Пробужденіе Егорушки было не для того, чтобы успокоиться, а для того, чтобы почти испуганно вытаращить глаза. И глаза эти скоро доложили ему, что онъ здѣсь совсѣмъ чужой; что въ немъ и слѣда нѣтъ того, что называется чиновничествомъ; это совсѣмъ какіе-то другіе люди, которые не понимаютъ, что такое онъ, Егоръ, и Егоръ не понимаетъ кто они; про что говорить и что такое самъ онъ же, Егоръ. Оказывается, что онъ чиновникъ. Немного погодя, оказывается, что онъ хуже всѣхъ... Не будь брата, его, можетъ быть, давно бы гоняли сквозь строй. И Егоръ Матвѣичъ оскорбленъ и униженъ... Какъ спастись? Утопиться—грѣхъ, на томъ свѣтѣ за языкъ повѣсятъ и будутъ клещами огненными разжигать,—неудобно. Въ монахи пойти—все равно, въ святые не попадешь... Надо, стало быть, чиновникомъ, какъ слѣдуетъ, сдѣлаться... Но это было невыразимо трудно, ибо Егоръ Матвѣичъ рѣшительно терялся, какимъ образомъ попасть въ кругъ чиновничьихъ интересовъ? Съ какой стороны заходить? Дѣло въ высшей степени темное и непобѣдимое. Егоръ Матвѣичъ дѣйствительно не побѣдилъ; но и не помирился, а сталъ въковѣчнымъ мизантропомъ. Все это привело его къ мысли—никого не знать, жить своимъ хозяйствомъ и, по возможности, на все плевать.

На такомъ рѣшеніи мы застаемъ Егора Матвѣича въ періодъ дѣтства Паши и самаго сильнаго разгара учительской дѣятельности Петра Ивановича. Съ цѣлью завести свое особое хозяйство, Егоръ Матвѣичъ по воскресеньямъ шлялся по рынку покупалъ разныя вещицы, необходимыя для хозяйства: такъ, въ короткое время онъ купилъ шкафъ, молочникъ и наконецъ сшилъ новый сюртукъ. Но и это не разбѣгло его несчастій. По временамъ ему ясно казалось, что и шкафъ,

и помѣщавшійся въ немъ молочникъ ведутъ между собой враждебные переговоры: шкафъ, сознающій свое назначеніе, недоволенъ мизерной посудной, поставленной въ немъ хозяиномъ; молочникъ разыгрываетъ роль невиннаго страдальца, и оба виѣстѣ принимаются трунить надъ хозяиномъ: «ну, хозяинъ», будто слышитъ Егоръ Матвѣичъ, — «Вотъ такъ хозяинъ!» и проч. Но злѣе всякихъ враговъ былъ сюртукъ: стоило Егору Матвѣичу надѣть его хоть на минуту, какъ его ударило въ потъ, нападала страшная засѣнчивость, какое-то упорство къ засѣнчивости, хотѣлось отворотить свою фязіономію отъ людей и сунуть ее въ неисходную тьму, чтобы люди не видали, — а сюртукъ, какъ нарочно, хваталъ своего хозяина за плечи, насильно поворачивалъ его прямо на проклятые чужіе взгляды и будто говорилъ: «подвигитесь, добрые люди, что это за харя!»

Однимъ словомъ, сюртукъ оказался какою-то казнію египетскою, и Егоръ Матвѣичъ принужденъ былъ его оставить. Нищенствующая чиновная братія, прониухала объ этомъ, и въ отсутствіи хозяина являлась къ нему въ комнату, надѣвала сюртукъ, увѣривъ домашнихъ, что Егоръ Матвѣичъ самъ приказалъ, и таскала до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не ловилъ гдѣ нибудь похитителя и собственными руками не стаскивалъ съ воровскихъ плечъ свое добро. Наконецъ, чтобы прекратить всякія посягательства на эту вещь, Егоръ Матвѣичъ обвязалъ сюртукъ веревками, повѣсилъ его на гвоздь, а концы веревокъ припечаталъ къ стѣнѣ, твердо вѣря, что ничья рука прикоснуться не посмѣетъ.

Настало дѣто; былъ Петровъ день. Павлуша, проснувшись, бойко открылъ свои быстренькія глазки и увидѣлъ предъ собою учителя, который сидѣлъ напротивъ, около столика, и брился, обтирая бритву о колѣно, прикрытое рванымъ халатомъ, и для ловкости во время бритья подкладывая языкъ то подъ одну, то подъ другую щеку; руки учителя какъ-то особенно неловко ходили во время работы, отчего на щекахъ и подбородкѣ были обрѣзы, заклеенные синими лоскутками отъ табачнаго картуза. Учитель объявилъ, что по случаю именинъ сегодня рекреация, учиться не будутъ, и тотчасъ же нужно проситься у матери къ обѣднѣ въ соборѣ. Въ ожиданіи пока одѣнется Павлуша, Петръ Ивановичъ ходилъ по комнатѣ, по временамъ останавливался за перегородкой, за-

пускалъ руку за сундукъ, доставалъ оттуда нѣкоторую посудину и Паша слышала черезъ нѣсколько времени довольно рѣзкій и рокошущій глотокъ; послѣ чего учитель тихими шагами возвращался назадъ и потомъ опять торчалъ за перегородкой, размышляя около заколдованнаго сюртука.

— Одинъ разъ-то? слышалось Пашѣ... Эка важность!..

Молчаніе.

— Развѣ надѣтъ? гм!

Молчаніе.

— Надѣну!

Спустя нѣсколько времени послѣ этого рѣшенія, слышался снова глотокъ, и веревки, обматывавшія сюртукъ, затрещали.

— Надѣну! еще разъ, громче и рѣшительнѣе, сказала учитель и вошелъ въ комнату въ дялюшкиномъ сюртукѣ. Одѣвшись въ чужое, учитель какъ будто вдругъ почувствовалъ за собою погоню и сталъ торопить Пашу. Скоро мать отпустила ихъ; они тронулись въ путь и провели день, полный самыхъ многообразныхъ впечатлѣній. Они были въ соборѣ, слушали пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ, среди котораго Петръ Ивановичъ иногда пускалъ октавой, подымая къ верху голову и оставляя недвижимымъ раскрытый ротъ. Въ это время подходитъ къ нимъ какой-то пріятель учителя; они жмутъ руки, шепчутъ что-то другъ другу на уши, смѣются и, чтобы скрыть это, присѣдаютъ за народъ. Потомъ учитель беретъ Пашу за рукавъ, дѣлаетъ скорые короткіе кресты и выходятъ всѣ вонъ.

— Теперь въ ресторацію, говоритъ учитель... Тамъ весело, органъ играетъ.

Тамъ дѣйствительно весело, — органъ играетъ «по улицѣ мостовой», половые бѣгаютъ съ чайниками, пьяные подъячье и чиновники горланятъ во всю мочь, и черезъ полчаса учитель выходитъ, усиленно держась за перилы.

— Теперь, Павлуша, мы съ тобой въ зарѣчье тронемъ... Никогда не бывалъ за рѣкой?..

— Не бывалъ.

— Ну, вотъ пойдемъ.

Въ зарѣчѣ они зашли къ знакомому дьячку, но не застали его дома; дьячиха со слезами на глазахъ объявила,

что мужъ допился до послѣднихъ границъ и теперь зачѣмъ-то побѣжалъ на паперть. Петръ Ивановичъ заглянулъ и сюда: дьячокъ стоялъ дѣйствительно на церковной паперти, бурчалъ что-то подъ носъ и стаскивалъ черезъ голову рубашку; а кругомъ было полное безлюдье; въ зарѣченской рабочей слободѣ въ эту пору нѣтъ ни души, кромѣ бабъ, которыя занимаются стряпней; иногда вдали, среди тишины жгучаго полдня, слышалась звонкая-звонкая дѣвчья пѣсня, и только эта заунывная пѣсенка, пропѣтая свѣжимъ, молодымъ голоскомъ, будила мертвую повсюдную тишину.— Очувтившись гольшомъ, дьячекъ подперъ руками бока и сказалъ:

— Каковъ!

— Хорошъ! сказалъ учитель.

Дьячекъ пристально началъ смотрѣть на учителя какими-то особенно живленными глазами; потомъ началъ присѣдать, словно подкарауливая птицу и, не спуская глазъ съ физиономіи учителя, загребалъ въ руку кусокъ кирпича...

Учитель и ученикъ бросились бѣжать; на дорогѣ ихъ обогналъ скакавшій по землѣ кирпичъ.

Посѣтивъ еще многихъ знакомыхъ, поздно, темнымъ вечеромъ возвращались наши домой. Приближаясь къ дому, Петръ Иванычъ все больше и больше робѣлъ и приходилъ въ трезвость. Чувствовалась гроза.

Въ самыхъ воротахъ встрѣтилась какая-то фигура.

— Кто? грозно спросила она.

— Я-съ! робко произнесъ Петръ Иванычъ, узнавъ голосъ ожидаемой грозы... Егоръ Матвѣичъ? ласково добавилъ онъ.

— Свои! грозно брякнула фигура, хлопнувъ калиткой...

Совершенно оробѣвшій учитель счелъ необходимою поскорѣе проникнуть въ гостиную, гдѣ вировали уже гости, и цѣлый вечеръ не могъ придти въ себя, боялся выйти за двери, чувствовалъ, что сюртукъ сковалъ его члены и огнемъ жегъ все существо.

Егоръ Матвѣичъ тотчасъ же вернулся изъ-за воротъ въ свою комнату, загасилъ свѣчу и лежалъ, пожарасмый всяческими муками. Онъ рѣшился мстить.

До момента пробужденія Егора Матвѣича отъ сна—мечь его была особаго рода. Разсердившись и чувствуя себя обиженнымъ, онъ въ лютые морозы уходилъ на сѣнникъ и на отрѣзъ

отказывался идти къ чаю, къ обѣду или ужину. Горничный, кухарки, кучера, одинъ за другимъ посылались къ нему съ приглашеніями, но все получали отвѣтъ «не хочу».

Онъ чувствовалъ, что въ это время братъ съ женою говорятъ: — «что мы надѣлали? Егоръ Матвѣичъ осерчалъ; какъ быть» и проч. Ему казалось, что это была самая жестокая мечь. Наконецъ являлся самъ братъ на сѣвникъ и перемиріе заключалось. Впослѣдствіе времени такіе дѣтскіе капризы гиганта надѣли; никто звать его къ обѣду не ходилъ, утверждая, что ежели лежить онъ, — то и пускай! «Отлежатся, — захочетъ самъ придеть»... Гигантъ смутно понималъ, что такого рода мечь падаетъ только исключительно на его же гигантское брюхо; не дождавшись зова до позняго вечера, онъ вскакивалъ съ сѣновала, вламывался въ кухню, молча сдвинувъ брови, таскалъ собственноручно изъ печки горшки и оставлялъ весь домъ безъ ужина, считая себя послѣ этого вполне удовлетвореннымъ. Такимъ образомъ онъ убѣдился, что мечь только тогда сильна и имѣетъ смыслъ, когда наноситъ ущербъ и поражаетъ бока и животы враговъ. Вооружившись этия взглядомъ, онъ въ настоящую минуту и рассчитывалъ исключительно только на бока Петра Ивановича.

Но Петръ Ивановичъ не шель... Изъ отдаленной комнаты доносилось пѣніе пьяныхъ гостей и среди ихъ слышался голосъ учителя. Это почему-то еще больше обозлило Егора Матвѣича... «Забылъ, думалъ онъ, погоди-жь! Не такъ запоешь».

Паша между тѣмъ, утомленный ходьбой, засыпалъ за перегородкой, слушая стукъ неустойчиваго сундука, на которомъ поворачивается до бѣла раскаленный злобой дядюшка...

Вдругъ раздается какой-то трескъ... Паша открываетъ глаза: не погаснувшая еще свѣчка валяется по полу, мѣдный подсвѣчникъ отлетѣлъ подъ стулъ... Дядюшка сидитъ верхомъ на учителѣ, растянувшемся на полу навзничь, и, дѣлая какія-то эволюціи, повторяетъ сквозь стиснутые зубы:

— Нѣтъ вврррешь!...

— Мми... мычитъ учитель, вывертывая голову изъ подъ могучей руки, задавившей все лицо и плотно прижавшей губы. Паша послѣшно спряталъ голову подъ одеяло.

— А? слышался злобный голосъ дядюшки и — пощечина.

— А?.. рычалъ опять Егоръ Матвѣичъ, превратившійся въ лютаго звѣря.

А вдали орали пьяные гости...

... На другой день, когда Павлуша открылъ глаза, онъ увидѣлъ няньку съ половой щеткой въ рукахъ.

— Ишь, волосищевъ-то натресь... Мерень!.. говорила она, подметая. Право мерень!.. Поди теперича, у Петра-то Иваныча ни единого волоска не осталось... Живодеръ! Вставайте, Павелъ Ивановичъ, нонече ученья вашего не будетъ...

— Не будетъ? радостно спросилъ Паша...

— Учитель вашъ отошелъ въ лазаретъ... Дяденька, господь съ нимъ, можетъ ни одной косточки въ живыхъ не оставилъ у него...

Пашѣ было жаль переломанныхъ костей учителя, но за то онъ и радовался же, что не будетъ ученья!

Ему дали опять вздохнуть; потомъ снова служились молебны пророку Науму, снова подыскивались богословы и начинались многосложныя слова, новыя линейки и проч., и проч. Въ такихъ работахъ стукнуло Павлушѣ десять лѣтъ, а онъ не годился въ первый классъ. Рудневъ принужденъ былъ взять гимназиста, которыхъ онъ вобщемъ не долюбивалъ. Только послѣ цѣлаго года занятій, набитая всякимъ мусоромъ голова стала привыкать къ занятіямъ сколько нибудь осмысленнымъ. Все-таки поступленіе Павлуши въ гимназію обошлось безъ того, чтобы Рудневъ и тутъ не *пожертвовалъ*, не *жалія*. Жертвы эти шли каждый годъ, пока не настали новыя времена, не позволявшія никакихъ жертвованій за отсутствіемъ жертвуемаго. Другой сынъ Руднева, которому пришлось явиться въ эту другую пору, оставался уже безъ всякаго привору.

IV.

ДРУГАЯ ПОРА.

Безпризорныя дѣти явились у Руднева совершенно въ другую пору его жизни. Эта другая пора, хлынувшая на чинов.

ный людъ кучею разныхъ новинъ, прозвана въ провинціи *всемирнымъ потопомъ*. Потопъ этотъ поразилъ чиновниковъ своею неожиданностью и настала именно въ то время, когда люди беззаботно веселились и по возможности все устраивали къ своему благополучію.

Вода начала прибывать помаленьку. Сначала съ почты при-тащили объявленіе о какой-то газетѣ, съ почтительнѣйшимъ висьмомъ къ управляющему канцеляріей, въ которомъ просили содѣйствія и сочувствія общему дѣлу у чиновниковъ, находящихся подъ его управленіемъ, — сочувствія, необходимаго именно теперь, когда настала пора отличить истинное отъ ложнаго, злое отъ незлого, доброе отъ недобраго и проч. Въ заключеніе говорилось, что настало время говорить своимъ голосомъ, и что подписка принимается тамъ-то. Въ доказательство же того, что онъ, редакторъ, отличилъ истинное отъ ложнаго, — прилагался нумеръ газеты, имѣвшій совершенно другое названіе, нежели «Московскія Вѣдомости.» Это-то послѣднее обстоятельство и повергло чиновниковъ въ уныніе; до сего времени они полагали, что подъ словомъ *газета* разуміются исключительно «Московскія Вѣдомости»; а тутъ оказывается что-то не то. Ни о битвѣ при Башѣ Кадыкъ-Лирѣ вѣтъ ни слова, — ни о Снопскомъ сраженіи, ни о генералѣ Андрониковѣ, ни о какомъ-либо подвигѣ русскаго рядового, изловчившагося подъ пулями ставить самоваръ и сквозь тучу ядеръ умѣвшаго пронести горшокъ шей и проч. Куда дѣвались всѣ эти герои, сіи чародѣи мужества и проч., и проч. невѣстно. Въ прилагаемомъ листкѣ о вышесказанныхъ герояхъ не упоминалось; словомъ, было совсѣмъ не то. Упоминалъ ли въ этой газетѣ авторъ о тротуарномъ столбѣ, о который онъ спотыкнулся, возвращаясь домой, онъ не пропускалъ случая сказать: «пора намъ наконецъ сознать, что въ настоящее время и проч.» Упоминалъ ли онъ о покачнувшемся фонарѣ, — онъ и тутъ прибавлялъ, что «пора сознать и проч., и проч.» Всѣ чувствовали, что пора. Въ доказательство пробужденія провинцій, приводилось множество корреспонденцій, въ которыхъ значилось, что вплоть отъ Шадринска до Мозыря и отъ Гиперборейскаго моря вплоть до Понта Эвксинскаго все возмиковало, все желаетъ кого-то благодарить, обнять, разцѣловать, — и пользуясь этимъ

радостнымъ временемъ, устраиваетъ литературные вечера, на которыхъ читаютъ «Бѣжинъ лугъ» разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ, и «остаются въ восторгѣ». Все видимо совершенствуется, растутъ не по днямъ, а по часамъ и, по примѣру столичныхъ счастливцевъ, порицаетъ мѣстные тротуарные столбы и покачнувшіеся фонари, и точно также заканчиваетъ эти порицанія желаніемъ, что «пора наъ сознатъ.» Время было превосходное, и теперь эти фонари и столбы, еще болѣе покачнувшіеся къ землѣ, съ пріятностію вспоминаютъ то время, когда обширное отечество, пользуясь правою голоса, занялось исключительно ими.

Эта газета произвела на всю братію Палаты, въ которой служилъ Рудневъ, какое-то смутное, не предвѣщавшее добра, впечатлѣніе. Не знали куда дѣть ее, и что съ ней сдѣлать. Наконецъ рѣшили поступить по законамъ. Для сего сочувствовавшіе общему дѣлу чиновники (оказалось, что всѣ до одного сочувствуютъ) росписывались собственноручно на поимѣ редактора: «считаю и сочувствую до послѣдней капли крови». Контролеръ такой то и т. д. Листъ съ подписями отправленъ къ редактору, съ почтительнѣйшимъ увѣдомленіемъ о готовности на все, не запрещенное закономъ (кромѣ подписки), а самая газета, поступивъ въ архивъ, и теперь значится за номеромъ, подъ названіемъ: «дѣло о журналѣ такомъ-то» и «о сочувствіи ко благу отечества» на столькихъ-то листахъ, — началось, и кончилось тогда-то.

Появленіе этой газеты, представляя собою совершенно небывалое доселѣ явленіе, понемногу считалось предвѣстіемъ недобраго; точно такъ, какъ комета съ хвостомъ недремѣнно наводитъ на мысль о войнѣ или холерѣ. Кромѣ того, изъ Петербурга доносились зловѣщія слухи, что не только нельзя ждать прибавки, но напротивъ, въ скоромъ времени воспослѣдуетъ отбавка. Народъ находился въ тревожномъ состояніи.

Въ такую пору, какъ сѣнь на голову, обрушился въ Т-ское губернскае правленіе новый начальникъ. Сердца замерли. Старый начальникъ, удаляясь съ насиженнаго мѣста, заливался горячими слезами, присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ чиновниками въ складчину, на которомъ произносились самыя искреннія, и задушевныя рѣчи или надробныя слова прошлому. Рѣчи эти потому и были искренны, что говорившіе ихъ и сочув

дствовавшіе нмъ, чутьемъ догадывались, что здѣсь надъ всѣми ими совершается зауспокойная литія.

Новый начальникъ началъ съ того, что самымъ деликатнѣйшимъ образомъ отказался отъ хлѣба-соли и просилъ его впредь не подбивать.

Сослуживцы начинали костенѣть.

Изумленіе общее возрастало ежеминутно. Вслѣдъ за отказомъ отъ хлѣба-соли, новый начальникъ изумилъ еще тѣмъ, что тутъ же, подавая всѣмъ руку, говорилъ: «надѣюсь найти въ васъ честныхъ и дѣльныхъ *товарищей* и проч., и даже сторожамъ говорить *вы*.

Ошеломленные невиданной доселѣ начальнической лаской, чиновники, послѣ пожатія руки, такъ и окаменѣли на своихъ мѣстахъ: У каждаго рука оставалась протянутою впередъ, глаза, мутные, словно у замерзакшаго человѣка, смотрѣли въ одну точку.

Когда страхъ прошелъ и чиновники сообразили все случившееся, то всѣ разомъ заключили, что съ такимъ мягкимъ начальникомъ можно жить за нанибрата... И вслѣдствіе этого возликовали.

Но ликованіе было непродолжительно. Новый начальникъ, къ великому изумленію, не считалъ особеннымъ достоинствомъ годами приобретеннаго искусства подписыванія бумагъ, которое при его предшественникѣ выводило въ люди многихъ изъ чиновной мелкоты, не считалъ особенно полезнымъ для отечества—сидѣть въ присутствіи непременно во фракѣ, и являлся просто въ пиджакѣ, что на начальника вовсе не походило. Не считалъ особенно вреднымъ для отечества закурить въ присутствіи сигару и проч., и проч. Все это было чѣмъ-то необыкновеннымъ; представленіе о начальникѣ сходилось въ головахъ сослуживцевъ съ представленіемъ опять о кометѣ въ видѣ огненного меча; мечъ этотъ не рубилъ головы ни одному изъ смотрѣвшихъ на него, а все-таки было жутко...

Взыгравшіе духомъ чиновники начинали снова костенѣть и скоро окостенѣли окончательно, когда начальникъ обратился къ цѣлому полчищу отборныхъ служаекъ съ пожатіемъ руки и съ присовокупленіемъ къ этому фразы: «я бы васъ покорнѣйше просилъ прискаты себѣ другой родъ службы.»

— Ваше право! Да у насъ дѣти, жены... хоромъ заголосили пришибенные.

— Ничего не могу сдѣлать... Впрочемъ, надѣюсь, что послѣ многолѣтней службы своихъ супруговъ и отцовъ, они не умрутъ съ голоду...

Слѣдовало вторичное пожатіе, потомъ фраза:—Очень, очень жаль, господа. Впрочемъ, все что только будетъ отъ меня зависѣть и проч., и проч.

Затѣмъ начальникъ удалился, а толпа чиновниковъ совершенно застыла съ разставленными руками и неподвижными глазами, смотрѣвшими въ полъ.

Такимъ образомъ всемірный потопъ обнаружилъ первыя попытки къ опустошенію. Нѣкоторые изъ развращеннаго рода человѣческаго или старались укрыться въ ковчегъ, т. е. заблаговременно выхлопотать пенсію и закупориться въ благопріобрѣтенныхъ лачужкахъ, другіе же, подражая Ною, но не отъ избытка счастья, а отъ горя, нажали соку изъ виноградныхъ гроздій и валялись цѣлые дни безъ заднихъ ногъ.

Опустошеніе было ужасное.

Между множествомъ народа, снесеннаго при общемъ крушеніи, были оба брата Рудневы: Иванъ Матвѣичъ и Егоръ Матвѣичъ. Рудневы въ эту пору почти-что вылезли въ люди, почти-что стали не хуже другихъ,— и въ этотъ моментъ вода поглотила ихъ. Иванъ Матвѣичъ въ послѣднее время былъ даже приглашенъ на обѣдъ къ губернатору, но случаю какого-то табельнаго дня, и хотя онъ тамъ не рѣшался взять куска въ ротъ, боясь начальниковъ, но все-таки одно присутствіе, одинъ выборъ изъ цѣлаго стада желающихъ, хоть глазкомъ взглянуть на это пиршество и потомъ умереть, — что нибудь да значить... И вдругъ потопъ!

Егоръ Матвѣичъ тоже нашелъ себѣ мѣсто въ ряду окружающихъ людей и предметовъ; говорю предметовъ, потому что, въ припадкѣ унынія и убѣжденія въ собственной венужности и негодности, Егоръ Матвѣичъ часто сожалѣлъ, почему онъ не доска, не стужъ: на немъ бы хоть рубашки гладили, на немъ бы сидѣли. Почему онъ, наконецъ, не полюбно, ибо въ такомъ случаѣ онъ давно бы сгорѣлъ въ печи, и вслѣдствіе этого въ настоящую минуту не терзался и не-

мучался-бы. Но полѣномъ ему быть не суждено и обстоятельство устроили ему иное тихое пристанище.

Новый начальникъ, осматривая палатскія комнаты, мимоходомъ вопросительно взглядывалъ на попадавшіеся въ шкафахъ съ бумагами бутылки, колбасы и прочее съѣстное, для подкрѣпленія силъ, отворилъ дверь въ чертежную и остановился, не рѣшаясь сдѣлать шага далѣе.

Чертежная была совершенно отдѣльная комната съ большимъ столомъ и высокими табуретами; въ комнатѣ этой не происходило никакихъ занятій, и Егоръ Матвѣичъ Рудневъ потому избралъ ее своей резиденціею. Въ послѣднее время, этотъ мужъ, совершенно приросъ къ палатѣ и никогда не оставлялъ ее, словно сросся съ ея стѣнами и поломъ. Послѣ долгой борьбы за существованіе, Егоръ Матвѣичъ вздумалъ навести атаку на чиновничьи карманы. Ближайшимъ средствомъ къ этому было наниматься за другого дежурить и получать за это четвертакъ. Такого рода занятія понравились ему; они не требовали никакихъ терзаний головы, исключали всякое присутствіе людей, надобныхъ Егору Матвѣичу до тошноты, и такимъ образомъ доставляли ему и покой, и нѣкоторый верхъ надъ прочей братіей, потому что скончавшіеся мало по малу четвертаки навели его на мысль еще болѣе познеплуатировать народъ. Чиновная братія, въ большинствѣ своихъ представителей ежедневно являющаяся съ похмѣлья, очевидно жаждала опохмѣлиться, и въ такой крайности прибѣгала за четвертаками къ Егору Матвѣичу, который получалъ долгъ вдесяти отъ своего казначея при мѣсячной раскладкѣ. Поведя такимъ образомъ свои дѣла, Егоръ Матвѣичъ скоро держалъ въ рукахъ всю палату, всѣмъ говорилъ ты и знать никого не хотѣлъ.

Привыкнувъ дежурить чуть не каждый день, Егоръ Матвѣичъ счелъ удобнымъ переселиться совсѣмъ въ палату; съ этою цѣлію въ пустую чертежную комнату вскретащались его сундукъ и шкафъ; въ углу помѣстилось множество образовъ съ лампадами въ черныхъ законченныхъ кіотахъ; спалъ онъ на столѣ, подложивъ подъ голову книгу о входящихъ и исходящихъ, и одѣвался шинелью, все болѣе и болѣе превращавшуюся въ одинъ лохмотья. Въ эту пору онъ не заботился объ одѣждѣ и вообще о какихъ-бы то ни было расходахъ на

-свою персону, такъ какъ чувствовалъ призывъ величайшей скудости и скотидомства, которое заставляло его вести войну съ сторожемъ, претендовавшимъ на оставшіеся салыные огарки или разорванные конверты. Огарки эти, послѣ продолжительной схватки съ сторожемъ, оставались въ рукахъ Егора Матвѣича и помѣщались въ огромномъ дубочномъ ящикѣ изъ подъ салыныхъ свѣчей, стоявшемъ подъ столомъ и заключавшемъ въ себѣ самое разнообразное содержаніе: старыя голенища, пуговицы, клубки нитокъ, ремешки, веревки, гвозди, оторванные подошвы, сломанные и залитые саломъ мѣдные подсвѣчники, галуны и проч., и проч. Сюргучныя печати Егоръ Матвѣичъ аккуратно вырѣзывалъ изъ отбитыхъ у сторожа пакетовъ и, перетонивъ ихъ въ печи, уступалъ регистратору, т. е. журналисту, занимавшемуся запечатываніемъ конвертовъ, который вслѣдствіе этого спихался съ казначеемъ и дѣлалъ съ нимъ пополамъ сумму, назначенную на покупку новаго сюргуча.

Никто поселявшася здѣсь Егора Матвѣича не смѣлъ пальцемъ тронуть: — брать секретаремъ, остальная братія въ рукахъ, старичокъ управляющій до этого дѣла не доходилъ.

Поэтому понятно, что новый начальникъ, остановившись въ дверяхъ чертежной, впалъ въ нѣкоторое изумленіе: передъ нимъ, вмѣсто комнаты присутственнаго мѣста, открылось цѣлое хозяйство, свое житье; хозяинъ былъ, по обыкновенію, совершенно не въ парадной формѣ. Поверхъ рубашки и палатонъ надѣта была та же шинель, которою онъ одѣвался; на ногахъ были сапожные опорки съ дырами, изъ которыхъ выплывали пальцы; на столѣ избитый самоваръ съ проломанными боками и проч., и проч.

— Что вы изволите здѣсь дѣлать? спрашивалъ начальникъ.

— Живу...

— Служите?

— Иисцомъ служу-сь.

— Да-сь... Да-сь... Дѣ-сь.

Начальникъ помолчалъ, держа руки въ карманахъ и закусивъ нижнюю губу, и потомъ произнесъ:

— Ну, не смѣю вамъ мѣшать, и ушелъ.

На утро Егору Матвѣичу стоило великаго труда одѣться

въ панталоны, сапоги и напялить галстукъ. Дѣлать было нечего.—звалъ новый начальникъ.

Когда Егоръ Матвѣичъ вышелъ послѣ аудіенціи снова въ толпу братій, къ нему посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы:

— Что? какъ?..

— Ничего...

— Не кричалъ.

— Ни-ни...

— И ласковъ?

— Такой разсыпчатый...

— Руку жалъ?

— Жалъ.

— Ну, стало быть, въ шею.

Когда дѣйствительно это предсказаніе сбылось, Егоръ Матвѣичъ вдругъ почувствовалъ, что рука, которую жалъ начальникъ, словно отвалилась или кто отсѣкъ ее.

Черезъ недѣлю послѣ аудіенціи, на пенелищѣ Егора Матвѣича суетилось нѣсколько поденщиковъ изъ отставныхъ солдатъ съ искалѣченными членами послѣ битвы при Снопѣ,—и, вооружившись заступами, метлами, скребками, швабрами и проч., старались отчистить глыбы грязи, которую по всему огромному пространству комнаты расплодилъ недавній ея обитатель.

Чтобы покончить съ Егоромъ Матвѣичемъ, скажу, что онъ поселился гдѣ-то за заставой, въ лачужкѣ, и принималъ заклады. А когда всемірный потопъ прошелъ и животныя были выпущены изъ ковчега, то и Егоръ Матвѣичъ, сонававъ, что онъ ничуть не хуже любого животного, выползъ и началъ проситься на службу опять... Но этому не бывать въ другой разъ.

Иванъ Матвѣичъ Рудневъ былъ въ большомъ запое. Обстоятельства, видимо, перемѣнились и сама судьба смѣялась надъ нимъ: каково было видѣть его мягкой и легко разтрогиваемъ й душѣ, когда толпы мужиковъ, такъ недавно приходившія не иначе, какъ къ нему, теперь идутъ съ обваженными головами къ другому секретарю, проживающему напротивъ дома Руднева. Секретарь былъ изъ новыхъ, былъ холостъ, танцоръ и имѣлъ за душой какую-то темную исторію съ одной дѣвицей, недопущенной врачомъ къ подачѣ жа-

любы на секретаря въ уголовную палату. Отставной секретарь терзался: совѣсть его была чиста; какъ голуби ворковали они съ супругой десятки лѣтъ, — наворковали десятки ребятъ, и, къ несчастію, воркуютъ и теперь....

Отставной секретарь сразу съежился; правда, у него были небольшія залежныя деньжонки, но такъ какъ на виду у него, денежный потокъ направился совершенно въ другое бездонное море новаго секретарскаго кармана, то Егоръ Матвѣичъ считалъ долгомъ поскрепиться маленько, и отдалъ поэтому въ наемъ полъ-дома... Кромѣ новаго секретаря, его весьма убивала возрастающая годъ отъ году семья; послѣ ряда дѣвочекъ, предвѣщавшихъ счастье и добро, поползли мальчпки, — къ горю конечно; Рудневу стоило большихъ усилій настроить себя на радостный манеръ при всякой новой прибыли. Какихъ трудовъ стоило переносить ему утѣшенія и радости родни, являвшейся на каждыя крестины съ одними и тѣми же фразами:

— Вельможа будетъ... Не забудьте насъ... говорилъ по прежнему родственникъ.

— Дитя есть мягкій воскъ, повторялъ священникъ.

А самъ Рудневъ занялъ роль совѣтовавшаго ему при рожденіи первенца драть ребятъ, и говорилъ только что женившемуся чиновнику:

— Ребятъ ты учи такъ: старайся нападать съ маху, и ущемпвь ухо, влекп въ колѣни и проч., и проч.

Дѣти, которымъ суждено было жить въ эту пору загонятеньки, не могли разсчитывать даже на самый незначительный уходъ. Съ первыхъ дней послѣдній сынъ Петръ видѣлъ, что на него смотрятъ, какъ на обузу. Для него не разыскивали лучшихъ и самыхъ свѣжихъ кормилицъ, не покупалось новыхъ люлекъ, не покупалось игрушекъ; все было старое, — изъ подъ кроватей, изъ подъ шкафовъ вытаскивались лошади съ оторванными ногами, хвостами и головами, люльку не смазывали даже въ пегляхъ, чтобы она не скрипѣла, — а вмѣсто кормилицы, кормили съ рожка, поручивъ всего Петрушу и процессъ ухода за нимъ старухѣ-вишкѣ, исполнявшей вмѣстѣ съ тѣмъ и должность кухарки. И такъ какъ ей поэтому нельзя было разорваться, чгобъ уснѣть и за ребенкомъ ходить, и въ кухню стряпать, то Петруша большую

часть дѣтства провелъ въ кухнѣ... Здѣсь постоянно стоялъ столбомъ чадъ и царствовалъ горячій, удушливый воздухъ; подъ люлькой Петруши пищали гусенята, рядомъ на логовищѣ няньки вывелись кошки, и вмѣстѣ съ этой народившейся желтозой жилъ и развивался Петруша... Надъ нимъ нянька не рассказывала сказки, въ которыхъ ходятъ люди въ золотѣ, всѣ счастливы и довольны,—ей некогда было; Петруша долженъ быть благодаренъ и за то, что она хоть укачивала его иногда по вечерамъ, при свѣтѣ сальнаго огарка. Закачивая Петрушу, старуха рассказывала ему свое прежнее житье. Рассказывая свою жизнь, старуха иногда брала рученку Пети и, отыскивая ея подъ повойникомъ большую яму на своей головѣ, говорила: — видишь какъ господа-то? Это утюгомъ мнѣ... Да что, такъ ли тиранили!.. По двѣнадцатому году было, барыня пойдеть гулять-эной, въ морозъ, а я за ней босикомъ иду... Подожмешь ногу, потопчешься,—вдешь... Мочи нѣтъ... А она видитъ и нарочно по вершочку шаги даетъ... Не стерпишь, покатишь-ся по земи замертво...»

Сердце Петрушино болѣло за старуху.

— «Терпѣла я, терпѣла, рассказывала старуха въ другой разъ,—нѣту моей моченки, вскочила чуть свѣтъ,—сбѣжала.. куда бѣгу, сама не знаю. Иду босыми ногами, въ одной затрапезной рубашкѣ да юбкѣ, по снѣгу, по сугробамъ... Нѣту дороги,—думаю замерзну. Прѣшла къ рѣчкѣ,—дорожка санная, вижу, чернѣетъ,—къ ночи дѣло шло, и прорубь прорублена,—стала надъ прорубью,—думаю утону... пуцай уголюсь, некому жалѣть... Вдругъ санки, священникъ ѣдетъ...—Что ты дрожишь?..—Такъ и такъ...—Садись, дура...—Батюшка, увезите меня куда нибудь... барыня узнаетъ, убьетъ...—Садись, дурища... Съѣла я въ сани, прѣехали въ городъ, отыскали мнѣ мѣсто такое, что лучше и не надо... Только, спуетя эдакъ полгода, подъ самое рождество, хожу я съ хозяйской по базару за покупками,—вижу барыня... Такъ я и обмерла: ноги, руки затряслись...—А, шлюха, садись! закричала барыня. Я неиду; взяли силкомъ сбуторили ввалили въ сани, привезли домой... били-били... Тутъ мнѣ и голову-то прошибли. Вотъ она, людя-то, каторжные...»

Петруша только и слышалъ такіе рассказы... Онъ жилъ

въ кухнѣ, вмѣстѣ съ народомъ, который работаль для го-
нодъ и терпѣль отъ нихъ, а слѣдовательно думаль и гово-
рилъ не такъ какъ они. Здѣсь, кромѣ вѣковѣчной труженицы
няньки,— всѣ окружавшіе Петрушу вѣли въ своемъ прощ-
домъ одно и тоже горе, и жили одной надеждой, на будущее;
вучера, горничныя,— все это на глазахъ Петруши думало и
гадало о своей каторжной участи, и всѣ были обижены, тож-
ко не своей братіей. Понятно, какое вліяніе должны были
имѣть эти люди на умственный складъ ребенка.

Призоръ няньки продолжался до тѣхъ поръ, пока
Петруша не выучился самъ бѣгать и самъ не находилъ для
себя занятія. Петруша на свободѣ забавлялся, какъ умѣль.
Отыскавъ какой нибудь старый завалящій сапогъ, онъ на-
ходилъ удовольствіе въ темномъ уголку напяливать его на
свою ножонку, и въ такомъ костюмѣ медленно путешество-
валъ по двору. Друзьями его, какъ и всегда, были ужъ ни
какъ не чиновничьи ребятинки, а кучеръ или дворникъ. Пе-
труша все больше и больше привыкаль понимать мужицкія
боли и все больше и больше отбивался отъ дому. Кучеръ
иногда доставляль Петрушѣ удовольствіе: носилъ его на ру-
кахъ подъ качели, кормилъ пряниками, водилъ даже въ
театръ.

Мать Петруши, давнымъ давно охладѣвшая къ дѣтямъ,
точно такъ же, какъ и отецъ, рада была, что ихъ мень-
ше ползаетъ въ комнатахъ, и поэтому вспоминала о Пе-
трушѣ только тогда, когда слышала его пронзительный плачь
гдѣ нибудь въ заднемъ углу двора, плачь, продолжавшійся
нѣсколько времени. Только тогда она говорила:

— Что тамъ съ нимъ? Кто его? Посмотрите.

И если плачь этотъ продолжался еще, то мать иногда и
сама поднималась съ мѣста, шла узнать, не подавился ли онъ
чѣмъ и проч., и проч.

Какъ и мать отецъ, желаль, чтобы въ комнатахъ меньше шумѣли
болтались дѣти, и поэтому рѣдко вспоминаль Петрушу. Какъ-
то разъ онъ, впрочемъ, вспомнилъ объ немъ...

— Что тамъ Петька-то какъ? живъ?

— Живъ, что ему, отвѣчала мать.

— Покажите его... Чай, мужикъ-мужикомъ...

Петя въ это время уже кой-что говорилъ... Чтобы пока-

вать барину его дѣтище, нянькѣ стоило большого труда очистить его отъ всякой грязи, покрывавшей руки, ноги и щѣки.

Когда Петруша былъ отскобленъ и принесенъ въ комнату, то сразу почувствовалъ, что ему всё здѣсь чужіе; и папашу, и мамашу, и всѣхъ и вся онъ готовъ бы былъ промѣнять на кухонныхъ котятъ и гусенятъ, своихъ первѣйшихъ друзей. Здѣсь особенно папаша какъ-то недоброжелательно смотрѣлъ на него.

— Ну, сказалъ онъ серьезно, чтожъ ты не говоришь ничего?..

Плебей дулся и хватался руками за шею няньки...

— Ну, скажи, молъ: «папаша...», учила нянька.

Плебей надувался еще пуще и еще сильнѣй прижимался къ нянькѣ.

— Говори! произнесъ отецъ.

Плебей молчалъ.

— Эге-ге, братъ... Такъ ты вотъ какой... проговорилъ самымъ тоненькимъ голоскомъ отецъ... Дайте-ка вѣшникъ!..

И отецъ скоро показалъ сыну, что онъ дѣйствительно отецъ.

Нянька отняла изъ рукъ родителей плебея-ребенка и увела его въ кухню, цѣлуя дорогою и говоря:

— Ахъ ты моя умница!..

Петруша не понималъ, за что его нянька называетъ умницей и за что папаша отодралъ его.

Такимъ образомъ мало по малу, съ годами, сама судьба незаметно развивала въ немъ любовь къ этимъ угнетеннымъ труженикамъ, и нѣсколько подозрительно глядѣлъ онъ на всѣхъ людей, именовавшихся господами. Онъ удивлялся, какъ могла жить съ спокойною совѣстью та барыня, которая избила его няньку, старуху. Удивлялся, почему всѣ смотрѣли на Петрушину мать, какъ на добрую и хорошую женщину, хотя она часто на глазахъ сына грызлась съ прислугою, ни въ чемъ не виноватую? Отецъ Петруши тоже считался хорошимъ человекомъ и назывался добрымъ бариномъ, а между тѣмъ дралъ же его, Петрушу. Баринъ, который вчера избилъ его знакомаго солдата, и котораго Петрушкѣ удалось какъ-то видѣть, не возбуждалъ ни въ комъ никакого негодованія?..

Отецъ его, замѣтивъ наконецъ, что Петруша на свободѣ совсѣмъ отбился отъ рукъ, — принужденъ былъ поду-

мать сынишкѣ: что теперь съ нимъ дѣлать, драть ли его или учить?

Мать тоже подумала и сказала:

— Ты сначала маленько похворостинь его, а потомъ само собою и учить.

И родители начали сначала драть...

Впослѣдствіи времени Петрушѣ нашли учителя гимназиста, который и началъ готовить его въ 1-й классъ. Петръ былъ, относительно ученія, счастливѣе брата тѣмъ, что имѣлъ возможность начать прямо съ того, до чего брату пришлось додуматься гораздо позже. Не скажу, чтобы ученіе Петруши шло особенно успѣшно: рваные и затхлые учебники неприковывали его настолькоъ къ своимъ страницамъ, чтобы онъ могъ бросить бѣгать на рѣку купаться или ловить рыбу, играть на погостѣ въ лапту, или устраивать змѣи... Все это предвѣщало въ немъ сорванца... Сорванецъ дѣйствительно вышелъ. И въ настоящую минуту, когда Павелъ стоитъ посрединѣ поляго бездорожья, не зная куда преклонить голову, чѣмъ интересоваться, за кѣмъ бѣгать, и наконецъ жить ли, — Петръ крайне надоѣдаетъ начальству ежеминутными продѣлками, требующими карцера, черной доски, и пока о дорогахъ не думаетъ. Впрочемъ можно положительно сказать, что человѣкъ этотъ не выйдетъ разбойникомъ, какъ полагаетъ начальство, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выйдетъ и двадцати лѣтнимъ ребенкомъ, какимъ вышелъ братъ его Павелъ.

Г. Успенскій.

У ГРОБА.

(Изъ Менау).

Холодная осень... пронесется вѣтеръ, свистя...
Надъ матери гробомъ съ отчаяньемъ плачетъ дитя;
Пасторъ—проповѣдникъ толпою ровныхъ ок;ужень,
Съ чувствительной рѣчью ко всѣмъ обращается онъ;
Тепло вспоминаетъ умѣшей благія дѣла,
И то, какъ душою она благородна была,
И то, какъ любила ребенка она своего,
Какъ свѣтъ не щадила для счастья, для блага его...
Не знаетъ старикъ, какъ жестоко въ собраньи друзей
Хвалить отошедшихъ изъ міра борьбы и страстей.
Въ пылу назиданья ему и на умъ не придетъ,
Что въ сердцѣ ребенка онъ страшныя раны кладетъ.
А дождь все сильнѣе на гробъ упадаетъ, стуча;
Но также, какъ прежде, надгробная рѣчь горяча,
И, тѣсно столпившись, всѣ слушаютъ жадно его.
Одна лишь не слышитъ... не слышитъ она ничего,
Не слышитъ ни рѣчи, ни вѣтра, что ходитъ свистя,
Не слышитъ, какъ горько рыдаетъ надъ гробомъ дитя,
Не слышитъ, какъ дождикъ о гробъ монотонно стучитъ...
А старшій пасторъ все живѣй и живѣй говоритъ,
Что тѣло лишь бренно, что наша безсмертна душа,
Что жизнь за могилою спокойна, свѣтла, хороша!..

Е. Зинковъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОМАХИ НЕЗРѢЛОЙ МЫСЛИ.

I.

Прежде, чѣмъ я приступлю къ настоящему предмету моей статьи, я долженъ поправить одинъ *промахъ* моей собственной мысли, которую я во многихъ отношеніяхъ считаю очень *незрѣлою*. Лѣтъ пять-шесть тому назадъ я прочиталъ раза два или три повѣсти и рассказы графа Л. Н. Толстого, печатавшіеся тогда въ «Современникѣ». Читалъ я ихъ съ увлеченіемъ; они мнѣ очень нравились, но я былъ еще до такой степени молодъ, что рѣшительно не въ силахъ былъ бросить на нихъ общій взглядъ, и вдуматься въ настоящій смыслъ тѣхъ типовъ, которые изучилъ и воспроизвелъ графъ Толстой. Вниманіе мое останавливалось на удивительно тонкой отдѣлкѣ мелкихъ подробностей, ландшафтныхъ, бытовыхъ и, преимущественно, психологическихъ. Въ эти дни моей самой ранней юности, я былъ помѣшанъ, съ одной стороны, на величіи науки, о которой не имѣлъ никакого понятія, а съ другой, на красотахъ поэзіи, которой представителями я считалъ, между прочими, г. Фета и моего университетскаго товарища, г. Крестовскаго. Прочитавши повѣсти Толстого, я, разумѣется, рѣшилъ, что Толстой — поэтъ, и что я долженъ быть ему очень благодаренъ за доставленное мнѣ эстетическое наслажденіе. Въ 1860-мъ году въ моемъ развитіи произошелъ довольно крутой поворотъ. Гейне сдѣлался моимъ любимымъ

повтомъ, а въ сочиненіяхъ Гейне мнѣ всего больше стали править-ся самыя рѣзкія ноты его смѣха. Отъ Гейне понятенъ переходъ къ Молешоту, и вообще къ естествознанію, а далѣе идетъ уже прямая дорога къ послѣдовательному реализму и къ строжайшей утилитарности. Когда эти переходы совершились, тогда, конечно, всякую чистую художественность я съ величайшимъ наслажденіемъ выбросилъ за бортъ. Мнѣ такъ много надо было читать, учиться и работать, что рѣшительно не было возможности пересматривать отдѣльно каждую изъ тѣхъ бездѣлушекъ, которыя составляли въ совокупности пеструю кучу поэзіи, возбуждавшей недавно мои юношескіе восторги. Я осудилъ и осмѣялъ въ своемъ умѣ всю эту кучу гуртомъ, не боясь ошибиться, потому что общее впечатлѣніе было еще очень свѣжо въ моей памяти. Память меня не обманула, но вѣдь память сохраняетъ только то, что вы сами даете ей на сохраненіе. Если вы въ сумеркахъ рассматривали какую нибудь матерію, которая тогда показалась вамъ прочною и красивою, то память такъ и отмѣтитъ у себя, что-моль въ такомъ-то магазинѣ есть такая-то матерія, прочная и красивая. Но будетъ-ли замѣченная матерія дѣйствительно соответствовать вашимъ ожиданіямъ, не разочаруетесь ли вы въ ея достоинствахъ, когда увидите ее днемъ? — это уже такіе вопросы, на которые никакъ не можетъ отвѣчать ваша память. Память моя говорила мнѣ, что пестрая куча правилась мнѣ своею чистою художественностью. Умъ мой отвѣчалъ на это: значить, ни куда не годится! — Но не было ли въ этой кучѣ, кромѣ чистой художественности, какихъ нибудь золотыхъ крупинокъ мысли, незамѣченныхъ и неоцѣненныхъ мною въ то время, когда я способенъ былъ восхищаться только сладкими звуками? — это такой вопросъ, котораго не могли рѣшить ни память, ни умъ, произносившій свой приговоръ на основаніи общихъ воспоминаній. Вотъ тутъ-то и случился промахъ. Въ статьѣ моей: «Цвѣты невиннаго юмора» я мелькомъ упоминаю о литературной дѣятельности графа Толстого, замѣчаю, что публика отнеслась къ ней довольно равнодушно, и объясняю это равнодушіе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ произведеніяхъ графа Толстого нѣтъ ничего, кромѣ чистой художественности. Это объясненіе никуда не годится. Въ нынѣшнемъ году вышли сочиненія Толстого въ изданіи г. Стелловскаго. Я прочиталъ «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика» и «Люцернъ». На этомъ я покуда остановился. Меня изумили обиліе,

глубина, сила и свѣжесть мыслей. Мнѣ пришло въ голову, что критика наша молчала о Толстомъ, или, еще того хуже, говорила о немъ ласкательные пустячки, единственно по своему признанному безсилію и скудоумію. Добролюбову пеловко было черезъ-чуръ много говорить о постоянномъ сотрудникѣ «Современника», ну а кромѣ Добролюбова, — извѣстное дѣло, — хоть шаромъ покати! Аполлонъ Григорьевъ, у котораго, при всей его безалаберности, были очень живые проблески мысли и чувства, Аполлонъ Григорьевъ, говорю я, понималъ, что произведенія Толстого затрагиваютъ что-то очень большое и очень важное; понималъ онъ, что тутъ хорошо было бы пошевелить мозгами и кое-что разъяснить; и началъ онъ во «Времени» статью о Толстомъ; и, разумѣется, ничего не разъяснилъ. Всѣмъ статьямъ этого критика постоянно суждено было оставаться размашистыми вступленіями во что-то такое, о чемъ ни Григорьевъ, ни его читатели не имѣли, не имѣютъ и никогда не будутъ имѣть никакого понятія. Толстой остался по прежнему въ тѣни. Его читаютъ, его любятъ, его знаютъ, какъ тонкаго психолога и граціознаго художника, его уважаютъ, какъ почтеннаго работника въ ясно-полянскій школъ, но до сихъ поръ, никто не подхватилъ, не разработалъ и не подвергнулъ тщательному анализу то сокровище наблюдений и мыслей, которое заключается въ превосходныхъ повѣстяхъ этого писателя. О каждомъ романѣ Тургенева кричатъ и спорятъ, по крайней мѣрѣ, по полугоду. Толстого прочитаютъ, задумаются, ни до чего не додумаются, да такъ и покончатъ дѣло благоразумнымъ молчаніемъ. Это молчаніе я попробую нарушить. Въ моей статьѣ читатель не найдетъ, разумѣется, ни похвалъ, ни порицаний писателю. Онъ найдетъ только анализъ тѣхъ живыхъ явлений, надъ которыми работала творческая мысль графа Толстого.

II.

Читатели мои знаютъ, конечно, что повѣсти «Дѣтство», «Отрочество» и «Юность» составляютъ три отдѣльныя части воспоминаній Николая Иртеньева. Эти воспоминанія начинаются съ одиннадцатаго и доходятъ до восемнадцатаго года его жизни. Въ концѣ своего «Отрочества», за нѣсколько мѣсяцевъ до вступленія въ университетъ, Иртеньевъ сближается съ княземъ Нехлюдовымъ, кото-

раго характеръ, набросанный довольно яркими чертами въ «Юности», дорисовывается вполне въ отдѣльныхъ разсказахъ: «Утро помѣщика» и «Люцернъ». — Иртеневъ и Нехлюдовъ принадлежать оба къ тому поколѣнью, которому, во время крымской войны, было около тридцати лѣтъ. Это поколѣнне лѣтъ на десять моложе Рудиныхъ и Печориныхъ, и лѣтъ на десять или на пятнадцать старше Базаровыхъ. Въ настоящую минуту людямъ базаровскаго типа можно положить возрастъ отъ двадцати до тридцати лѣтъ; Иртеневымъ и Нехлюдовымъ — около сорока, а Рудинымъ и Печоринымъ слишкомъ пятьдесятъ. Впрочемъ, границы базаровскаго типа еще не могутъ быть обозначены, потому что въ настоящую минуту мы не видимъ его конца. Трудно сдѣлаться раньше двадцати лѣтъ зрѣлымъ, то есть, вполне сознательнымъ и непоколебимымъ Базаровымъ, но изъ этого обстоятельства никакъ нельзя выводить то заключеніе, что молодые люди, еще не достигшіе двадцатилѣтняго возраста, составляютъ крайній предѣлъ базаровскаго типа; пятнадцатилѣтній мальчикъ, конечно, не можетъ быть Базаровымъ, потому что въ эти лѣта характеръ и образъ мыслей едва начинаетъ формироваться; но утверждать, что этотъ мальчикъ никогда не будетъ Базаровымъ, было-бы очень опрометчиво. Напротивъ, можно сказать почти навѣрное, что черезъ нѣсколько лѣтъ умный пятнадцатилѣтній мальчикъ сдѣлается непременно Базаровымъ. Въ настоящую минуту, въ умственной жизни нашего общества нѣтъ еще рѣшительно ни одного признака, на основаніи котораго мы могли бы предположить, что на смѣну Базаровыхъ вырабатывается какой-нибудь новый типъ. — Иртеневы и Рудины находятся въ совершенно другомъ положеніи. Это — типы прошедшаго, скромно доживающіе свой вѣкъ, и уже не обновляющіеся притокомъ новыхъ представителей. Иртеневы и Нехлюдовы, какъ по своему возрасту, такъ и по характеру, занимаютъ середину, между Рудиными съ одной стороны, и Базаровыми съ другой. Рудины — чистые говоруны, неимѣющіе даже понятія о возможности какой-нибудь дѣятельности, кромѣ дѣятельности языка. Базаровы — чистые работники, допускающіе дѣятельность языка только въ томъ случаѣ, когда она содѣйствуетъ успѣху работы. А Иртеневы и Нехлюдовы — ни рыба, ни мясо. Они за все хватаются, вездѣ хотятъ произвести что-нибудь изумительно хорошее, и, въ то же время, совѣмъ ничего не знаютъ, и рѣшительно ничего не умѣютъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Рудины бе-

рутся за какуюнибудь работу только въ самомъ крайнемъ случаѣ, то есть, когда имъ ѣсть нечего. Да и тутъ работа идетъ у нихъ такъ нескладно, что они сидятъ впроголодь и ходятъ съ разодранными локтями. У Иртеневыхъ жажда дѣятельности гораздо сильнѣе, чѣмъ у Рудныхъ, а на счетъ практической сметливости они другъ друга стоятъ. Настоящее назначеніе Иртеневыхъ и Нехлюдовыхъ заключается въ томъ, чтобы сидѣть на мягкомъ креслѣ и кушать страбургскіе пироги. Это единственное занятіе, которому они могутъ предаваться съ полнымъ успѣхомъ. Но ихъ неугомонная добродѣтель никакъ не позволяетъ имъ удовлетворяться такою безмятежною отраслю дѣятельности. Ихъ все подмываетъ сотворить какоенибудь удивительно мудреное добро. Они вскакиваютъ съ мягкаго кресла, хлопчутъ до обморока и кончаютъ свои добродѣтельные упражненія тѣмъ, что разоряются въ пухъ. Впрочемъ, этотъ результатъ самъ по себѣ очень недурень, потому что нѣкоторые обломки нехлюдовскаго или иртеневскаго состоянія попадаютъ иногда въ руки такихъ людей, которые, во-первыхъ, нуждаются въ деньгахъ, а во-вторыхъ, умѣютъ съ ними обращаться. Такимъ образомъ, Нехлюдовы и Иртеневы приносятъ иногда пользу совершенно произвольно, подобно тому, какъ многіе люди оказываютъ обществу незамѣнимую услугу своею мирною кончиною. А между тѣмъ, Иртеневы и Нехлюдовы — люди очень неглупые и совсѣмъ не подлые. Тѣ изъ нихъ, которые родились и выросли въ знатныхъ семействахъ, готовы даже, для совершенія великихъ подвиговъ добра, переломить свои привычки къ роскошной жизни и разорвать свои связи съ аристократическимъ обществомъ. Стало быть, въ недостаткѣ усердія ихъ упрекнуть нельзя; и объяснять ихъ бесполезность исключительно расслабляющимъ вліаніемъ барственнаго воспитанія было бы также не совсѣмъ основательно. Причины ихъ практической непригодности и ихъ бесплодныхъ страданій оказываются гораздо сложнѣе и лежатъ гораздо глубже, чѣмъ можно было бы подумать при бѣгломъ взглядѣ на общій очеркъ ихъ неудачной дѣятельности. Причины эти показаны графомъ Толстымъ такъ ясно, такъ подробно и такъ убѣдительно, что мнѣ остается только сгруппировать для общихъ выводовъ тѣ бытовые и психологическіе факты, которые разбросаны въ отдѣльныхъ сценахъ и отрывочныхъ эпизодахъ «Дѣтства», «Отрочества» и «Юности».

III.

Съ самаго ранняго возраста, Иртеневъ чувствовалъ мучительный разладъ между мечтою и дѣйствительностью. Вотъ короткій отрывокъ изъ его воспоминаній о классной комнатѣ. «Изъ окна на право видна часть террасы, на которой сживали обыкновенно большіе до обѣда. Бывало, покуда поправляетъ Карлъ Иванычъ листъ съ диктовкой, выглянешь въ ту сторону, видишь черную головку матушки, чью нибудь спину и смутно слышишь оттуда говоръ и смѣхъ; такъ сдѣлается досадно, что нельзя тамъ быть, и думаешь: когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, а съ тѣми, кого я люблю? Досада перейдетъ въ грусть и, Богъ знаетъ отчего и о чемъ, такъ задумаешься, что и не слышишь, какъ Карлъ Иванычъ сердится за ошибки.» (Стр. 9). Мальчишкѣ лѣнь, мальчишкѣ учиться не хочется, скажутъ эксперты по части педагогики. Мы къ этому давно привыкли, и ничего тутъ имѣтъ особеннаго. — Знаю, господа. Но именно это-то и скверно, что вы давно къ этому привыкли, и не видите тутъ ничего особеннаго. Это-то искверно, что подобныя исторіи повторяются аккуратно каждый день, въ каждомъ семействѣ, въ которомъ есть учащіяся дѣти. Это-то и скверно, что мы всегда принимаемъ господствующій обычай за законъ природы. Присмотримся къ тому отдѣльному случаю, который представляется намъ въ воспоминаніяхъ Иртенева. Ребенку хочется быть вмѣстѣ съ матерью и съ большими. — Зачѣмъ его туда не пускаютъ? — Ребенку не хочется сидѣть за диктовкою и за діалогами. — Зачѣмъ его къ этому приневоливаютъ? — Что за глупые вопросы? заговорятъ хоромъ всѣ читатели, эксперты и не эксперты, мужчины и женщины, старики и молодые. — Зачѣмъ? Надо же ребенку учиться! Нельзя же ему баклушничать! — А я опять свое: зачѣмъ же надо? И отчего же нельзя? — Ну! часъ отъ часу не легче! Надо ребенку учиться, напримѣръ, хоть-бы для того, чтобы, по достиженіи извѣстнаго возраста, поступить въ учебное заведеніе. — А зачѣмъ же ему, по достиженіи извѣстнаго возраста, надо поступить въ учебное заведеніе? — Фу, какія глупыя шутки! Зачѣмъ, чтобы учиться, чтобы сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ, чтобы составить себѣ какую нибудь карьеру. — (Слова «учиться» и «сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ» приведены здѣсь для украшенія рѣчи. Поэтому я пропущу ихъ мимо ушей и задамъ еще одинъ

вопросъ, который уже окончательно выведетъ изъ терпѣнія всѣхъ моихъ собесѣдниковъ).—А зачѣмъ же ему надо составить себѣ какую нибудь карьеру?—Что-жъ ему, по вашему, собакъ гонять въ деревнѣ, или въ свинопасы опредѣлиться? Или пить, ѣсть, спать и баловаться съ горничными? Что это вы, у госпожи Простаковой, урожденной Скотининой, что-ли, заимствовали педагогическую философію?—Напрасно вы, волнующіеся читатели, думаете застрашать меня именемъ госпожи Простаковой, урожденной Скотининой. Не въ обиду вамъ будь сказано, госпожа Простакова, урожденная Скотинина, окажется геніальною мыслительницею, если мы сравнимъ ея идеи о воспитаніи съ тѣмъ жалкимъ наборомъ перепутанныхъ и непонятыхъ полу-правиль и полу-фразъ, который считается обязательнымъ кодексомъ общепринятой домашней педагогики. У Простаковой есть одно драгоценное свойство; у нея есть послѣдовательность, а у васъ, господа эксперты, ея нѣтъ; и вы даже инстинктивно боитесь ея, и ненавидите эту проклятую послѣдовательность въ другихъ людяхъ. Простакова говорить, напримѣръ, что географія совсѣмъ не дворянская наука, потому что на то есть кучеръ, чтобы везти, куда ему прикажутъ безо всякаго описанія земли. Превосходная мысль! Изумительная логика! Самый прямой и необходимый выводъ изъ крѣпостнаго права! Когда подъ моею властью находятся люди, обязанные удовлетворять всѣмъ моимъ потребностямъ и исполнять всѣ мои прихоти, тогда я смѣло отрицаю всякую науку, въ томъ числѣ и географію. Такъ всегда было, и того требуетъ сила вещей или логика исторіи. А просвѣщенные педагоги разсуждаютъ о географіи совсѣмъ иначе. Они говорятъ, что географія есть одна изъ отраслей знанія, и что знаніе вообще расширяетъ умъ человѣка и умягчаетъ его душу. И говоря эти хорошія слова, они, въ то же время, понимаютъ какъ нельзя лучше, что ни учебникъ Арсеньева, ни учебникъ Ободовскаго, ни учебникъ Павловскаго не расширили до сихъ поръ ничьего ума и не умягчили ничьей души. Хорошія слова произносятся такимъ образомъ даже безъ малѣйшей надежды обмануть ими кого бы то ни было. Сужденія Простаковой гораздо разумнѣе этихъ хорошихъ словъ, потому что Простакова, по крайней мѣрѣ, сама крѣпко вѣритъ въ истину того, что она говоритъ.—Когда Митрофанушка объявляетъ: «не хочу учиться, хочу жениться!»—тогда Простакова начинаетъ его ублажать: «ты, говоритъ, хоть для виду поучись! А тамъ мы тебя

сейчасъ и женимъ.»—Здѣсь опять Простакова оказывается правдивѣе и благоразумнѣе просвѣщенныхъ педагоговъ. Она понимаетъ, что когда человѣкъ не хочетъ учиться, тогда онъ можетъ учиться только для виду. Понимая это дѣло такъ просто и разумно, она и высказываетъ свое желаніе совершенно прямо и откровенно. Просвѣщенные педагоги, повидимому, знаютъ натуру дѣтей гораздо глубже, чѣмъ знала ее госпожа Простакова; они пишутъ цѣлыя статьи о томъ, что ребенка слѣдуетъ приохочивать къ ученію. Кромѣ того, они такъ глубоко уважаютъ науку, что ни за что не рѣшатся сказать воспитаннику: поучись только для виду! Но, такъ какъ писать статьи и уважать науку гораздо легче, чѣмъ возиться съ шаловливыми ребятами, — то, при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, то есть, съ живымъ, а не съ воображаемымъ воспитанникомъ, просвѣщенные педагоги тотчасъ замѣняютъ слово «приохочивать» словомъ «приневоливать.»—Хорошія слова вставляются по прежнему въ книжки и въ разсужденія, а ребенокъ все-таки учится для виду, и педагогъ, изучившій дѣтскую натуру и уважающій науку, видитъ это очень хорошо, но смотритъ на дѣло сквозь пальцы, или утѣшаетъ себя тѣмъ извѣстнымъ разсужденіемъ, что самая вѣрная теорія непременно должна пускаться на уступки, при столкновеніяхъ съ практикою. Значитъ, и въ этомъ случаѣ, госпожа Простакова, урожденная Скотинина, можетъ дать нашимъ экспертамъ хорошей урокъ по части послѣдовательности и прямоты. *Приохочивать* гораздо труднѣе, чѣмъ, *приневоливать*. Это несомнѣнно. Если бы отъ каждаго воспитателя требовалось непременно умнѣе приохочивать ребенка къ ученію, то навѣрное, девяносто дѣвять сотыхъ тѣхъ людей, которые, въ настоящее время, называютъ себя гувернерами и гувернантками, были бы принуждены отказаться отъ своего ремесла. Отцы и матери ужаснулись бы, увидѣвъ такое запустѣніе, отнимающее у ихъ дѣтей всякую надежду сдѣлаться когда нибудь образованными людьми, но сами дѣти не потеряли бы ровно ничего, потому что все, что изучается по принужденію, забывается при первомъ удобномъ случаѣ. Десятилѣтнему мальчику, Колѣ Иртеневу, хочется сидѣть на террасѣ, возлѣ матери, вмѣстѣ съ большими; ему хочется слушать ихъ разговоры и участвовать въ ихъ смѣхѣ. Ребенокъ понимаетъ инстинктивно свою собственную пользу гораздо вѣрнѣе, чѣмъ ее понимаютъ взрослые. Онъ своими ребяческими желаніями тянется именно въ то мѣсто, гдѣ ему слѣ-

дуетъ быть, гдѣ онъ можетъ приглядываться къ дѣйствительной жизни, и гдѣ умныя рѣчи взрослыхъ должны будить и шевелить его любознательность. Но взрослые гонятъ его прочь отъ себя, по известной пословицѣ: «знаетъ кошка чье мясо съѣла.» Взрослые чувствуютъ очень хорошо, что ихъ рѣчи совсѣмъ не умныя, а напротивъ того, постоянно вздорныя, и подчасъ очень грязныя. Присутствіе ребенка стыдитъ и стѣсняетъ ихъ, и они загоняютъ его куда нибудь подальше, въ класную, не только затѣмъ, чтобы онъ зубрилъ діалоги, но преимущественно затѣмъ, чтобы онъ не мозолилъ имъ глаза и не мѣшалъ имъ вратъ пошлости. Съ одной стороны, въ этомъ желаніи удалить ребенка можно видѣть смиренное сознаніе собственной замаранности; мы, дескать, пустые и дрянные люди, и мы это чувствуемъ, и поэтому мы боимся загрязнить собою нашего чистаго ребенка. Съ другой стороны, въ этомъ же самомъ желаніи можно видѣть полную умственную пустоту и безнадежную нравственную распущенность. Мы, дескать, любимъ нашего ребенка, но и для его пользы, и для удовольствія быть съ нимъ вмѣстѣ, не оставимъ ни одной изъ нашихъ глупыхъ или предосудительныхъ привычекъ. Значитъ, съ одной стороны выходитъ трогательно, а съ другой стороны—скверно; но, кромѣ того, съ обѣихъ сторонъ глупо, потому что, въ большей части случаевъ, это систематическое удаленіе ребенка изъ общества взрослыхъ рѣшительно ни къ чему не ведетъ. Рано или поздно, тѣмъ или другимъ путемъ, черезъ лакейскую или черезъ дѣвичью, ребенокъ непременно узнаетъ всѣ тайны, семейныя или физиологическія, которыя скрывались отъ него самымъ тщательнымъ образомъ. Если ребенокъ считалъ папеньку и маменьку полубожественными существами, то онъ въ нихъ непременно разочаруется, и будетъ въ душѣ своей относиться къ нимъ тѣмъ суровѣе, чѣмъ больше они съ нимъ лукавили. Онъ будетъ понимать ихъ слабости, да еще, кромѣ того, будетъ презирать ихъ за систематическій обманъ. Туда-же, скажетъ, на пьедесталъ лезутъ! Если ребенокъ полагалъ, что дѣти рождаются въ капустѣ, то онъ и тутъ разочаруется и, сверхъ того, узнаетъ настоящую сущность вещей отъ какого нибудь смышленнаго сверстника съ такими заманчивыми украшеніями, которыхъ не придумаетъ ни одинъ взрослый, и которыя могутъ сдѣлать это открытіе дѣйствительно опаснымъ для юнаго слушателя. Какъ хотите разсуждайте, а вѣдь все-таки не было на свѣтѣ ни одного человѣка, ко-

торый въ теченіе всей своей жизни считалъ бы своихъ родителей полубогами, и который дожилъ бы до сѣдыхъ волосъ въ томъ пріятномъ убѣжденіи, что дѣти рождаются въ капустѣ. Изъ чего же мы такъ хлопочемъ о той чистотѣ ребенка, которая непременно должна исчезнуть безъ остатка при первомъ проблескѣ его умственной самодѣтельности? Или, можетъ быть, мы дѣлаемъ это для симметріи?—Природа даетъ дѣтямъ молочные зубы, которые потомъ выпадаютъ и замѣняются настоящими. Ну, а мы—должно быть для симметріи—вкладываемъ имъ въ голову молочныя идеи, которыя потомъ также выпадаютъ, и также замѣняются настоящими. И для этого мы удаляемъ дѣтей изъ нашего общества, которое все-таки, несмотря на всѣ наши пошлости, могло бы принести имъ гораздо больше пользы, чѣмъ заучиваніе діалоговъ въ ненавистной класной комнатѣ.

IV.

Если старшіе члены семейства — люди дѣльные, умные и образованные, то лучшею первоначальною школою для дѣтей будетъ та комната, въ которой отецъ и мать работаютъ, читаютъ или разговариваютъ. Ребенокъ всегда интересуется тѣмъ, что дѣлаютъ взрослые. И прекрасно. Пусть присматривается къ ихъ работѣ, пусть вслушивается въ ихъ чтеніе, пусть старается понимать смыслъ ихъ разговоровъ. Онъ будетъ предлагать свои вопросы; ему будутъ отвѣчать какъ можно проще и яснѣе; но въ самыхъ простыхъ и ясныхъ отвѣтахъ ему будутъ попадаться—нѣкоторыя вещи, превышающія его ребяческое пониманіе. Ему захочется поработать вмѣстѣ съ взрослыми; всѣ мы знаемъ по вседневному опыту, съ какимъ усердіемъ и съ какою радостною гордостью дѣти бѣгутъ помогать взрослымъ, когда они видятъ, что помощь ихъ приноситъ дѣйствительную пользу. Но, при первой попыткѣ поработать вмѣстѣ съ взрослыми, ребенокъ нашъ увидитъ, что работа только съ виду кажется легкою и простою штукою, а что, на самомъ дѣлѣ, тутъ необходима такая сноровка, которая сразу никому не дается. Любопытность ребенка будетъ, такимъ образомъ, затронута тѣмъ, что осталось для него неяснымъ въ разговорахъ и отвѣтахъ старшихъ. Самолюбіе и стремленіе къ дѣятельности будутъ постоянно

возбуждаться въ немъ тѣмъ зрѣлищемъ, что вотъ-моль большіе работаютъ, а я то ни за что не умѣю приняться. И ребенокъ самъ начнетъ приставать къ отцу и къ матери, чтобы они его чему-нибудь поучили; и когда, уступая этимъ слезнымъ мольбамъ, отецъ или мать возьмутся за книгу, или начнутъ показывать ребенку основныя начала какого-нибудь рукодѣлія, тогда ребенокъ будетъ смотреть на нихъ во все глаза, и слушать, разиня ротъ, боясь проронить что-нибудь изъ тѣхъ наставленій, которыхъ онъ самъ добивался. Каждый наблюдательный человѣкъ можетъ, навѣрное, припомнить множество случаевъ, въ которыхъ восьми или десятилѣтній ребенокъ выучился читать и писать почти самоучкою. А всякій, конечно, согласится съ тѣмъ, что механизмъ чтенія и писанія составляетъ самую скучную и, быть можетъ, даже самую трудную часть всей человѣческой науки. Извѣстна русская поговорка: первая коломъ, вторая соломомъ, а тамъ полетѣли мелкія пташки. Эта поговорка, вѣсьма любезная всѣмъ кутиламъ, можетъ быть приложена съ полнымъ успѣхомъ не только къ поглощенію вина и водки, но и ко всякому другому, болѣе полезному занятію. Вездѣ первый шагъ труднѣе и страшнѣе всѣхъ остальныхъ. Стало быть, если даже этотъ первый шагъ въ дѣлѣ книжнаго ученія можетъ быть сдѣланъ ребенкомъ по собственному влеченію, то о другихъ шагахъ нечего и толковать. Надо только, чтобы взрослые до самаго конца не измѣняли великому принципу невмѣшательства, то есть, чтобы всегда и во всякомъ случаѣ ученикъ приставалъ къ учителю, а не на оборотъ. Что ученіе можетъ идти совершенно успѣшно, не только безъ розогъ, но даже — что несравненно важнѣе — безо всякаго нравственнаго принужденія — это доказано на вѣчныя времена практическимъ опытомъ самаго же графа Толстого, въ яеполянскій школъ. Но, если вы никогда не задумывались надъ этимъ вопросомъ, то вы даже и представить себѣ не можете, какое громадное вліяніе будетъ имѣть на весь характеръ ребенка, на весь складъ его ума и на весь ходъ его дальнѣйшаго развитія — то обстоятельство, что онъ, съ самаго начала, не дѣлалъ въ книжномъ ученіи ни одного шага безъ собственнаго желанія, и безъ внутренняго убѣжденія въ разумности и необходимости этого шага. Вглядитесь въ развитіе Николая Иртеньева и, на этомъ превосходномъ примѣрѣ, вы увидите, до какой степени важны и вредны могутъ быть первыя тяжелыя впечатлѣнія, вынесенныя ребенкомъ изъ классной ком-

наты. Я замѣтилъ выше, что Иртеневъ рано почувствовалъ разладъ между мечтою и дѣйствительностью. Вы скажете, можетъ быть, что всѣ мы, рано или поздно, начинаемъ чувствовать этотъ разладъ, и что самое превосходное воспитаніе не можетъ вполне предохранить человѣка отъ этого тягостнаго ощущенія. Я съ вами согласенъ, но не совсѣмъ. Разладъ разладу рознь. Моя мечта можетъ обгонять естественный ходъ событій; или же, она можетъ хватать совершенно въ сторону, туда, куда никакой естественный ходъ событій никогда не можетъ придти. Въ первомъ случаѣ, мечта не приноситъ никакого вреда; она можетъ даже поддерживать и усиливать энергію трудящагося человѣка. Представьте себѣ, что вы занимаетесь какою нибудь ученою работою; вы устали, идете гулять, и начинаете мечтать о томъ, что вы сдѣлаете, когда трудъ вашъ будетъ оконченъ. Вотъ, думаете вы, заплатятъ мнѣ хорошія деньги; заговорятъ обо мнѣ въ журналахъ; дадутъ кафедру; поѣду за границу; женюсь на такой-то; буду жить такъ и такъ.—Потомъ, когда прогулка ваша приходитъ къ концу, и когда наступать время спѣшить куда нибудь въ лабораторію, въ клинику, или въ публичную бібліотеку, вы тотчасъ соображаете, что, для осуществленія всѣхъ вашихъ привлекательныхъ мечтаній, вамъ, прежде всего, слѣдуетъ поработать, и шибко поработать.—Ну что жъ, думаете вы, развѣ я отъ этого прочь? И поработаю. Согласитесь, что въ подобныхъ мечтахъ нѣтъ ничего такого, что извращало или парализировало бы вашу рабочую силу. Даже совсѣмъ напротивъ. Если-бы человѣкъ былъ совершенно лишень способности мечтать такимъ образомъ, если-бы онъ не могъ изрѣдка забѣгать впередъ и созерцать воображеніемъ своимъ, въ цѣльной и законченной красотѣ, то самое твореніе, которое только что начинается складываться подъ его руками,—тогда я рѣшительно не могу себѣ представить, какая побудительная причина заставляла бы человѣка предпринимать и доводить до конца обширныя и утомительныя работы въ области искусства, науки и практической жизни. Мечта какого нибудь утописта, стремящагося пересоздать всю жизнь человѣческихъ обществъ, хватается впередъ въ такую даль, о которой мы не можемъ даже имѣть никакого понятія. Осуществима-ли, не осуществима-ли мечта,—этого мы рѣшительно не знаемъ. Видимъ мы только то, что эта мечта находится въ величайшемъ разладѣ съ тою дѣйствительностью, которая находится передъ нашими глазами. Существованіе

разлада не подлежит сомнѣнію, но этотъ разладъ все-таки насколько не вреденъ и не опасенъ, ни для самаго мечтателя, ни для тѣхъ людей, на которыхъ онъ старается подѣйствовать. Самъ мечтатель видитъ въ своей мечтѣ святую и великую истину; и онъ работаетъ, сильно и добросовѣстно работаетъ, чтобы мечта его перестала быть мечтою. Вся жизнь расположена по одной руководящей идеѣ, и наполнена самою напряженною дѣятельностью. Онъ счастливъ, не смотря на лишенія и непріятности, не смотря на насмѣшки невѣрующихъ и на трудности борьбы съ укоренившимися понятіями. Онъ счастливъ, потому что величайшее счастье, доступное человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы влюбиться въ такую идею, которой можно посвятить безраздѣльно всѣ свои силы и всю свою жизнь. Если такой мечтатель, или вѣрнѣе, теоретикъ, дѣйствительно открылъ великую и новую истину, тогда уже само собою разумѣется, что разладъ между его мечтою и нашею практикою не можетъ принести намъ, то есть, людямъ вообще, ничего, кромѣ существенной пользы. Если же мечтатель ошибался, то даже и въ такомъ случаѣ онъ принесъ пользу своею дѣятельностью. Его мечта была одностороннею и незрѣлою попыткою исправить такое неудобство, которое чувствуется болѣе или менѣе ясно всѣми остальными людьми. Значить, во-первыхъ, мечтатель заговорилъ о такомъ предметѣ, о которомъ полезно говорить и думать. Онъ, во-вторыхъ, собралъ кое-какія наблюденія, которыя могутъ пригодиться другимъ мыслителямъ, болѣе образованнымъ, болѣе осмотрительнымъ и болѣе даровитымъ. Въ-третьихъ, онъ вывелъ изъ своихъ наблюденій ошибочныя заключенія. Если эти заключенія своею внѣшнюю логичностью поразили слушателей и читателей, то эти же самыя заключенія побудили, навѣрное, болѣе основательныхъ мыслителей заняться серьезно разработкою даннаго вопроса для того, чтобы опровергнуть въ умахъ читающаго общества соблазнительныя заблужденія нашего мечтателя. Экономисты, напримѣръ, очень не любятъ социалистовъ. Мы съ читателями твердо знаемъ по «Русскому Вѣстнику,» что экономисты люди почтенные, а социалисты — прощальги и сьумасброды. Но все-таки совершенно невозможно отрицать, что экономисты давнымъ давно обратились бы въ стадо барановъ и воловъ, пережевывающихъ старую жвачку Адама Смита, если-бы социалисты своими предосудительными глупостями не заставляли ихъ ежеминутно бросаться въ полемику и отражать новыя нападенія новыми аргумента-

ми. Стало быть, разладъ между мечтою и дѣйствительностью не приноситъ никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно вѣрить въ свою мечту, внимательно вглядывается въ жизнь, сравниваетъ свои наблюденія съ своими воздушными замками, и вообще, добросовѣстно работаетъ надъ осуществленіемъ своей фантазіи. Когда есть какое нибудь соприкосновеніе между мечтою и жизнью, тогда все обстоитъ благополучно. Тогда или жизнь уступить мечтѣ, или мечта исчезнетъ передъ фактическими доводами жизни, и въ концѣ концовъ все-таки получится примиреніе между мечтою и жизнью. То есть, или мечтателю дѣйствительно удастся завоевать себѣ то счастье, къ которому онъ стремится, или мечтатель убѣдится въ томъ, что такое счастье невозможно, и что надо выбрать себѣ что нибудь попроще. Но есть мечты совсѣмъ другаго рода, мечты, ослабляющія человѣка, мечты, рождающіяся во время праздности и безсилія и поддерживающія своимъ вліяніемъ ту праздность и то безсиліе, среди которыхъ онѣ родились. Это маниловскія мечты о лавкахъ на каменномъ мосту. Мечтая такимъ образомъ, человѣкъ самъ знаетъ очень хорошо, что онъ не въ состояніи пошевелить пальцемъ для того, чтобы мечта перешла въ дѣйствительность. Представьте себѣ, что вы бѣдный человѣкъ, и что только самый усиленный трудъ можетъ поддерживать вашу жизнь и вашу нравственную самостоятельность. Въ томъ же усиленномъ трудѣ заключаются и всѣ ваши далекія надежды на нѣкоторое улучшеніе вашей незавидной участи. Лѣтъ черезъ пять, вашъ хозяинъ прибавитъ вамъ жалованья, потомъ дастъ вамъ какое нибудь болѣе важное порученіе, потомъ еще прибавитъ—вотъ все, на что вы можете рассчитывать; но во-первыхъ, все это далеко, очень далеко, а во-вторыхъ, все это надо взять упорнымъ трудомъ. И нынче, и завтра, и послѣ завтра надо работать пристально, и — что гораздо труднѣе — надо тянуть ножки по одежкѣ, и отмѣривать себѣ по золотникамъ все то, что люди зажиточные считаютъ безусловно необходимымъ. И вдругъ вы въ этакое-то подлѣйшемъ положеніи начинаете мечтать о томъ, что какъ-бы это было хорошо, кабы у васъ было тысячь десять годового дохода; сшили бы вы себѣ теплую шубу, купили бы себѣ хорошихъ книгъ; заказали бы вашему повару обѣдъ, отъ котораго васъ не стало бы тошнить; поѣхали бы на лѣто за границу; а то хорошо было бы и въ деревню поѣхать, чистымъ степнымъ и лѣснымъ воздухомъ подышать, за вальдшнепами по боло-

ту пошляться; потомъ не жѣшало бы сдѣлать предложеніе той барышнѣ, которую вы видѣли въ зеленомъ бархатномъ салопѣ на англійской набережной. Въ вашей молодой головѣ складываются обаятельныя подробности простаго и невиннаго романа съ самую добродѣтельную развязкою, и вы герой этого романа; но вдругъ герой слышитъ, что за сосѣднею деревянною перегородкою охаетъ и ворчитъ старуха хозяйка на тѣхъ шаромыжниковъ жильцовъ, которые вотъ уже два мѣсяца не платятъ денегъ ни за квартиру, ни за столъ. Васъ этотъ ворчаливый голосъ поражаетъ въ самое сердце, потому что завтра первое число, а за квартиру вы заплатитъ не можете, потому что почти все ваше жалованье ушло на обмундированіе вашего младшаго брата, только что поступившаго въ гимназію и живущаго подъ вашимъ покровительствомъ. Голосъ хозяйки совершенно разсѣялъ ваши мечты, и вы видите, что передъ вами, на покривившемся деревянномъ столѣ, лежитъ какой-то глухойшій конторскій счетъ, который къ завтрашнему утру необходимо провѣрить. И знаете вы, что вамъ приходится провѣрять въ мѣсяцъ сотни подобныхъ счетовъ, такъ что даже трудно сообразить, какое незначительное число копѣекъ вамъ достается за провѣрку каждаго отдѣльнаго счета. И у васъ опускаются руки; и является вопросъ: зачѣмъ работать? зачѣмъ морить себя медленною смертію? И чтожь это, въ самомъ дѣлѣ, за жизнь? И является бесплоднѣйшее размышленіе: «*tant pour les uns, et si peu pour les autres!*» — бесплоднѣйшее потому, что вѣдь вы все таки не пошевельнете мизинцемъ для того, чтобы устроить дѣло какъ нибудь иначе. А такъ только: пофилософствуете, потоскуете, повздыхаете, да и приметесь за провѣрку конторскаго счета, и эта работа идетъ у васъ гораздо хуже, и внушаетъ вамъ гораздо болѣе сильное отвращеніе послѣ того, какъ вы побаловали себя ребяческими мечтами о теплой шубѣ, о сносномъ обѣдѣ и о барышнѣ въ зеленомъ бархатномъ салопѣ. Вотъ такия мечты я называю вредными и губительными во всѣхъ отношеніяхъ. Мечты перваго рода можно сравнить съ глоткомъ хорошаго вина, которое бодритъ и подкрѣпляетъ человѣка во время утомительнаго труда. Но послѣднія мечты похожи на пріемъ опиума, который доставляетъ человѣку обаятельныя видѣнія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безвозвратно разстроиваетъ всю нервную систему. Люди бѣдные, лишенные всѣхъ дѣйствительныхъ наслажденій, легче другихъ могутъ пристраститься къ опиуму, и также больше другихъ людей способны,

баловать себя тѣми *завѣдомо* несбыточными мечтами, которыя я сравнилъ съ вреднымъ наркотическимъ веществомъ. Но и зажиточные люди ухитряются иногда губить свою жизнь, какъ опиумомъ, такъ и вредными мечтами. То воспитаніе, которое мы обыкновенно даемъ нашимъ дѣтямъ, ведетъ ихъ самымъ прямымъ и вѣрнымъ путемъ въ безвыходную область *наркотической* мечты.

V.

Для десятилѣтняго Коли Иртеньева діалоги и диктовка составляютъ презрѣнную и ненавистную дѣйствительность, а пребываніе на террасѣ вмѣстѣ съ большими любимую, но неосуществимую мечту. Дѣйствительность ничѣмъ не связана съ мечтою. Какъ-бы усердно мальчикъ ни зубрилъ свои діалоги, и какъ-бы успѣшно онъ ни избѣгалъ орфографическихъ ошибокъ, все-таки онъ ни на одну секунду не приблизитъ къ себѣ то желанное время, когда всѣ будутъ признавать его большимъ, постоянно принимать его въ свое общество, и разсуждать и смѣяться съ нимъ, какъ съ равнымъ. Онъ самъ очень хорошо понимаетъ все это, и возится съ діалогами и съ диктовками только потому, что такъ приказано, и что его непременно заставятъ учиться, если онъ обнаружитъ слишкомъ очевидный недостатокъ усердія. За діалогами и диктовками послѣдуютъ болѣе серьезные уроки; за серьезными уроками послѣдуютъ университетскія лекціи. За послѣднимъ университетскимъ экзаменомъ начнется мелкая толкотня практической жизни, и молодой человекъ, снимая студенческой мундиръ, скажетъ себѣ съ самодовольною улыбкою, что его научное образованіе окончено самымъ блистательнымъ образомъ, и что теперь надо смотрѣть на вещи глазами зрѣлаго мужчины, то есть, заботиться о хорошемъ мѣстѣ, о связяхъ, о повышеніи, о протекціи, о выгодныхъ акціяхъ, о богатой невѣстѣ, вообще, о прочномъ и комфортабельномъ положеніи въ обществѣ. Переходы отъ діалоговъ къ серьезнымъ урокамъ, и отъ серьезныхъ уроковъ къ университетскимъ лекціямъ и экзаменамъ совершаются обыкновенно такъ постепенно и незамѣтно, что мальчикъ, превращающійся понемногу въ юношу, въ большей части случаевъ переноситъ на серьезные уроки тотъ взглядъ, которымъ онъ смотрѣлъ на діалоги, а потомъ относится и къ университетскимъ занятіямъ такъ, какъ онъ относился къ серьезнымъ урокамъ. Все научное

Образованіе, отъ азбуки до кандидатской диссертациі, оказывается для нашего юноши длиннымъ и утомительнымъ обрядомъ, который непременно долженъ быть исполненъ изъ уваженія къ установившимся привычкамъ общества, но который все таки не имѣетъ никакого вліянія на умственную жизнь исполняющаго субъекта. Бываютъ, конечно, въ жизни нѣкоторыхъ молодыхъ людей счастливыя встрѣчи съ мыслящимъ человѣкомъ или съ очень дѣльной книгою; эти встрѣчи открываютъ молодымъ людямъ глаза, и вдругъ бросаютъ имъ въ голову ту поразительно-новую для нихъ мысль, что наука совсѣмъ непохожа на діалоги и на диктовку, что въ научныхъ занятіяхъ можно находить себѣ постоянно возрастающее наслажденіе, что университетъ только отворяетъ человѣку двери въ область знанія, что эта область безпредѣльна и необозрима, что умственное образованіе человѣка должно оканчиваться только съ его жизнью, и что умственное образованіе пересоздаетъ весь характеръ отдѣльной личности, и даже всѣ понятія, обычаи и учрежденія гражданнѣйшихъ человѣческихъ обществъ. Послѣ такой встрѣчи, наука перестаетъ казаться молодому человѣку презрѣнною и ненавистною прозою жизни. Научныя занятія перестаютъ быть для него мертвымъ обрядомъ. Проза и поэзія, мечта и дѣйствительность заключаютъ между собою вѣчный миръ и неразрывный союзъ. Умственный трудъ дѣлается для него живѣйшимъ наслажденіемъ, потому что онъ видитъ въ этомъ трудѣ самое вѣрное средство ловить и осуществлять ту любимую мечту, которая постоянно носится передъ его воображеніемъ, и постоянно увлекаетъ его за собою все дальше и дальше, впередъ и впередъ, въ область новыхъ размышленій, изслѣдованій и открытій. Такія счастливыя встрѣчи бываютъ точно; но, во первыхъ, не всѣмъ онѣ выпадаютъ на долю, а во вторыхъ, далеко не всѣ умѣютъ ими воспользоваться, то есть, не на всѣхъ такія встрѣчи производятъ сразу достаточно глубокое и прочное впечатлѣніе. Шевельнется въ головѣ какой-то зародышъ плодотворнаго сомнѣнія, блеснетъ какая-то молнія новой мысли, да тѣмъ дѣло и покончится, за недостаткомъ такихъ матеріаловъ, которые могли бы поддержать и направить работу неопытнаго ума. Такимъ образомъ, множество молодыхъ людей остаются совершенно нетронутыми въ научномъ отношеніи, и выходятъ изъ университетовъ большими двадцатилѣтними школьниками, выучившими громадное количество скучныхъ и мудреныхъ уроковъ, которые послѣ выпускнаго экза-

мена непременно должны быть забыты, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.—Природный умъ этихъ молодыхъ людей, часто очень живой и сильный, и притомъ, разумѣется, совершенно неудовлетворенный холодными, формальными и обязательными отношеніями своими къ наукѣ, совершенно отвертывается отъ книжныхъ премудростей, проникается глубокимъ недовѣріемъ ко всякой научной теоріи, о которой онъ въ сущности не имѣетъ никакого понятія, — старается проложить себѣ свою собственную, совсѣмъ особенную дорогу, производить какіе-то курьезнѣйшіе эксперименты надъ собою и надъ жизнью, терпитъ на всѣхъ пунктахъ очень естественныя пораженія, и наконецъ приходитъ къ полнѣйшему банкротству, то есть, къ самому безвыходному унынію и къ самой тупой апатіи. Такія траги-комическія кувыркація неразвитаго и голоднаго ума проявляются, напимѣръ, въ добросовѣстныхъ усиліяхъ какого нибудь деревенскаго механика открыть *regretium mobile*. И такія же точно кувырканія слышатся намъ ежеминутно въ разсужденіяхъ сантиментальныхъ, но необразованныхъ журналистовъ о почвѣ, о народности, о недосыгаемыхъ и непостижимыхъ совершенствахъ русскаго человѣка, о необходимости смириться умомъ передъ народною правдою. У кого умъ наполненъ только смутными воспоминаніями объ учебникахъ. Устрялова, Кайданова и Ободовскаго, тотъ, конечно, можетъ смирить гордыню своей мысли передъ мудростью любой деревенской кликуши; но кто не ограничился такою легкою умственною пищею, тотъ уже навсегда потерялъ возможность принижать свой умъ до уровня вопіющей нелѣпости. Очень многіе, читающіе и даже пишущіе люди серьезно и добросовѣстно убѣждены въ томъ, что можно сдѣлаться превосходнымъ человѣкомъ и чрезвычайно полезнымъ гражданиномъ, помимо всякаго научнаго образованія. Не всѣмъ же быть учеными, толкуютъ они. Давайте намъ только добросовѣстныхъ практическихъ дѣятелей. Давайте намъ людей непосредственнаго чувства, не засушенныхъ книжными теоріями, не приучившихъ себя вносить всюду разлагающее начало холоднаго сомнѣнія и дерзновеннаго анализа. Давайте намъ людей строго-правственныхъ, преданныхъ своему долгу, проникнутыхъ желаніемъ добра, способныхъ жертвовать собою для пользы общества. И такъ далѣе. Такими восклицательными «давайте» можно наполнить цѣлыя страницы, но, къ счастью, все это давно уже было высказано на сценѣ Александринскаго театра, когда г. Самойловъ, въ роли солдубовскаго чиновника Надимова,

приглашалъ всю почтенную публику клиннуть кличь на всю Россію, и вырвать взятки, или, какъ говорилось тогда «злю», съ самымъ корнемъ. Въ сущности, всё добрые люди, восклицающіе «давайте намъ того-то и того-то», требуютъ невозможнаго, потому что въ ихъ требованіи заключается внутреннее противорѣчіе. Они говорятъ: не нужно топить въ кухнѣ печку. Давайте намъ только горячаго супу и жареныхъ рябчиковъ.—Они относятся холодно и почти враждебно къ научному образованію, и въ тоже время требуютъ себѣ такихъ предметовъ, которые не могутъ быть изготовлены рѣшительно ничѣмъ, кромѣ того же самаго научнаго образованія. Особенно печально то обстоятельство, что дѣло очень часто не ограничивается нелѣпыми словами. Многіе люди не только кричатъ: «давайте, давайте», но еще, кромѣ того, насилуютъ и ломаютъ свой собственный умъ и характеръ, стараясь домашними средствами выработать изъ своей личности что-то очень возвышенное и прекрасное, что-то такое, о чемъ они сами не могутъ составить себѣ яснаго понятія, и что вырабатывается изъ человѣческой личности единственно и исключительно вліаніемъ широкаго и глубокаго научнаго образованія. Не всѣмъ надо быть изслѣдователями, — съ этимъ я совершенно согласенъ. Не всѣмъ надо быть популяризаторами науки, съ этимъ я также согласенъ; но всякому, кто хочетъ быть въ жизни дѣятельною личностью, а не страдательнымъ матеріаломъ, всякому, говорю я, совершенно необходимо твердо усвоить себѣ и основательно передумать всѣ тѣ результаты общечеловѣческой науки, которые могутъ имѣть хоть какое нибудь вліаніе на развитіе нашихъ житейскихъ понятій и убѣжденій. И это еще не все. Надо укрѣпить свою мысль чтеніемъ гениальнѣйшихъ мыслителей, изучавшихъ природу вообще, и человѣка въ особенности, не тѣхъ мыслителей, которые старались выдумать изъ себя весь міръ, а тѣхъ, которые подмѣчали и открывали путемъ наблюденія и опыта вѣчные законы живыхъ явленій. И надо, кромѣ того, постоянно поддерживать серьезнымъ чтеніемъ живую связь между своею собственною мыслью и тѣми великими умами, которые, изъ года въ годъ, своими постоянными трудами, расширяютъ по разнымъ направленіямъ всемірную область человѣческаго знанія. Только при соблюденіи этихъ условій можно быть превосходнымъ человѣкомъ, превосходнымъ семьяниномъ и превосходнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Только такимъ путемъ постоянного умственного труда можно выработать въ себѣ ту выс-

шую гуманность и ту ширину пониманія, безъ которыхъ человѣку не дается въ руки ни разумное наслажденіе жизнью, ни великая способность приносить дѣйствительную пользу самому себѣ, своему семейству и своему народу. *Превосходными* я называю только тѣхъ людей которые развернули вполнѣ, и, постоянно употребляютъ на полезную работу, всѣ способности, полученныя отъ природы. Такихъ людей, очень немного, и вдумавшись въ мое опредѣленіе слова «*превосходный*», читатель, вѣроятно, согласится съ тѣмъ, что человѣкъ дѣйствительно можетъ сдѣлаться превосходнымъ только по тому рецепту, который я представилъ въ предыдущихъ строкахъ. Всякая другая метода умственного и нравственного совершенствованія производитъ только глупости, ошибки, самообольщенія и разочарованія, разбиваетъ разными утомительными волненіями всю нервную систему чловѣка, и наконецъ доводитъ его до безсилія и до апатіи. Подробный, правдивый и чрезвычайно поучительный перечень такихъ бесплодныхъ попытокъ и такихъ печальныхъ *промаховъ незрѣлой мысли* представляется намъ въ воспоминаніяхъ Николая Иртеньева о его юности.

VI.

Во время своего отрочества, Иртеневъ мечтаетъ точь въ точь такимъ же образомъ, какъ онъ мечталъ въ дѣтствѣ. Краски и чертанія мечты измѣняются вмѣстѣ съ окружающею обстановкою, но основной характеръ остается въ полной неприкосновенности: Иртеневъ забавляется процессомъ мечтанія, сознавая совершенно ясно, что онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага для того, чтобы приблизиться къ своей мечтѣ, и захватить ее въ руки. Наконецъ, ему однако надоѣдаетъ эта пассивность. Его пробуждающійся умъ начинаетъ изобрѣтать разныя средства, которыми можно было бы сблизить міръ мечты съ міромъ всендневной жизни. Этими стремленіями, перейти отъ мечтательной праздности къ энергической дѣятельности — начинается и характеризуется первая половина юности нашего героя. А вторая половина этой юности общана, но до сихъ поръ еще не написана графомъ Толстымъ. Я очень жалѣю объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, но нисколько не нахожу его удивительнымъ. Первые три части воспоминаній Иртеньева были такъ смут-

но поняты критикою и публикою, что авторъ могъ считать продолженіе своего труда несвоевременнымъ и бесполезнымъ. Очень жаль, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ второй части «Юности»; но, за неимѣніемъ ея, мы и въ первой части найдемъ огромный запасъ психологическаго матеріала, о которомъ придется потолковать довольно подробно. — Сближеніе съ Нехлюдовымъ составляетъ для Иртеньева ту эпоху, съ которой онъ самъ считаетъ начало своей юности. Сближеніе это начинается неопредѣленно-страстными разсужденіями о жизни, о добродѣтели и объ обязанностяхъ человѣка, тѣми милыми бреднями, къ которымъ всѣ очень молодые люди питаютъ непреодолимое влеченіе, и изъ которыхъ никогда не выходитъ ничего, кромѣ горячихъ и очень непрочныхъ привязанностей. Послѣ многихъ продолжительныхъ бесѣдъ о высокихъ матеріяхъ, бесѣдъ, которыя, къ счастью, только подразумеваются, а не выписываются въ полномъ своемъ объемѣ въ повѣсти графа Толстого, послѣ многихъ изліяній, Нехлюдовъ и Иртеньевъ заключаютъ между собою контрактъ, которымъ они обязываются помогать другъ другу въ процессѣ постояннаго нравственнаго совершенствованія. — «Знаете, какая пришла мнѣ мысль, Nicolas, говоритъ Нехлюдовъ; *сдѣлаемте* это, и вы увидите, какъ это будетъ полезно для насъ обоихъ: дадимъ себѣ слово признаваться во всемъ другъ другу. Мы будемъ знать другъ друга, и намъ не будетъ совѣстно; а для того, чтобы не бояться постороннихъ, дадимъ себѣ слово *никогда, ни съ кѣмъ и ничего* не говорить другъ о другѣ. Сдѣлаемъ это. — И мы дѣйствительно *сдѣлали это*», прибавляетъ Иртеньевъ. (Стр. 79). Трудно было придумать что нибудь нецѣлѣе и вреднѣе этого взаимнаго обязательства. — Начать съ того, что оно неисполнимо. «*Признаваться во всемъ*» значитъ признаваться въ каждой мысли, которая остановила на себѣ ваше вниманіе. И наши юные друзья дѣйствительно понимаютъ свой контрактъ въ этомъ смыслѣ; они считаютъ этотъ контрактъ надежнымъ громовымъ отводомъ противъ гадкихъ и подлыхъ мыслей. «Такія подлые мысли, говоритъ Нехлюдовъ, что ежели бы мы знали, что должны признаваться въ нихъ, онѣ никогда не смѣли бы заходить къ намъ въ голову». (Стр. 79). Неестественный контрактъ, разумѣется, ежеминутно нарушается. Иртеньевъ, почти на каждой страницѣ «Юности», признается въ томъ, что, даже во время самаго разгара своей дружбы съ Нехлюдовымъ, онъ, совершенно невольно, то умалчивалъ, то искажалъ,

въ разговорахъ съ нимъ, разные тонкіе оттѣнки своихъ мыслей, или побудительныя причины своихъ поступковъ. Иногда дѣло доходитъ до настоящаго актерства. Въ первый день своего студенчества, Иртеневъ затѣваетъ преглупую ссору съ своимъ добрымъ знакомымъ, Дубковымъ. Ссора эта, начатая изъ-за пустяковъ, кончается также пустяками. «И я тотчасъ же успокоился, рассказываетъ Иртеневъ, притворяясь только, передъ Дмитриемъ (Нехлюдовымъ), разсерженнымъ на столько, на сколько это было необходимо, чтобъ мгновенное успокоеніе не показалось страннымъ» (стр. 101). Это наивное признаніе, повидимому даже не замѣченное самимъ Иртеневымъ, доказываетъ лучше всякихъ аргументацій, что полная откровенность совершенно невозможна. Каждый долженъ быть самъ полнымъ хозяиномъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и другаго полнога хозяина тутъ не можетъ и не должно быть. Но, заключивши свой контрактъ совершенно добровольно, и считая его дѣйствительно очень полезнымъ, наши молодые люди все таки стараются соблюдать его по возможности добросовѣстно, и постоянно осыпаютъ другъ друга разными интимными признаніями. Въ этомъ обстоятельстве и заключается именно настоящій вредъ. Читатель уже замѣтилъ вѣроятно, что Нехлюдовъ и Иртеневъ оба страдаютъ какою-то странною мыслебоязнью: контрактъ ихъ направленъ почти исключительно противъ *гаджихъ и подлыхъ* мыслей. Какія это такія бываютъ *гаджія и подлыя* мысли? Я этого не понимаю. Когда я обдумываю какойнибудь вопросъ, или обсуживаю характеръ какойнибудь личности, то я дѣлаю въ умѣ своемъ разныя предположенія, рассматриваю ихъ съ разныхъ сторонъ, одни изъ нихъ нахожу правдоподобными, другія несостоятельными, сближаю одно предположеніе съ другимъ, подтверждаю или опровергаю ихъ различными аргументами, и наконецъ, результатомъ всѣхъ моихъ размышленій является то или другое убѣжденіе, которое опредѣляетъ собою дальнѣйшій ходъ моихъ поступковъ. Многія изъ предположеній, сдѣланныхъ мною во время размышленія, могутъ оказаться совершенно нецѣпными или даже оскорбительными для той особы, о которой я думаю, и все таки въ этихъ предположеніяхъ нѣтъ ничего дурного. Если бы я остановился на такомъ предположеніи и принялъ его за норму для моихъ поступковъ, тогда, конечно, я обнаружилъ бы несостоятельность моихъ умственныхъ способностей, и оскорбленная мною особа имѣла бы полное право отвернуться отъ меня, какъ

отъ пошлаго дурака. Но вѣдь нелѣбое предположеніе не есть окончательный результатъ моего мышленія. Это только одна изъ первыхъ или низшихъ фазъ въ развитіи моей мысли. Это одна изъ ступеней той длинной и крутой лѣстницы, по которой мой умъ идетъ вверхъ, къ познанію настоящей истины. Это одинъ изъ тѣхъ ингредиентовъ, которые, въ своей совокупности, послѣ долгой и сложной химической переработки, дадутъ мнѣ готовый продуктъ, имѣющій уже практическое значеніе для меня и для другихъ людей. Въ природѣ ничто не возникаетъ мгновенно, и ничто не появляется на свѣтъ въ совершенно готовомъ видѣ. Самая красивая женщина и самый гениальный мужчина были все-таки, въ свое время, очень безобразными и бессмысленными зародышами, а потомъ очень плаксивыми и сопливыми ребятишками. Но никому же не приходитъ въ голову вырѣзывать зародышъ изъ утробы матери для того, чтобы глумиться надъ безобразіемъ и тупоуміемъ этого куска органической матеріи. И ни одному здравомыслящему человѣку не приходитъ также въ голову ненавидѣть и презирать трехлѣтняго пузыря за то, что онъ часто плачетъ и плохо сморкается. Надъ картиною, надъ статуею, надъ научною теоріею мы также произносимъ нашъ приговоръ только тогда, когда произведеніе окончено, то есть, доведено до той степени совершенства, какую только способенъ придать ему его творецъ. — Когда вы пообѣдали, то вы очень хорошо знаете, что въ вашемъ желудкѣ находится пережеванная пища въ видѣ такъ называемой кашицы; вы знаете, что эта кашица имѣетъ очень некрасивый видъ и довольно непріятный запахъ; но васъ это обстоятельство нисколько не смущаетъ; вы преспокойно оставляете неблагодарную кашицу тамъ, гдѣ она должна быть, и изъ этой кашицы вырабатывается понемногу ваша кровь, ваши мускулы и ваши нервы, то есть, все, что даетъ вамъ возможность жить въ свое удовольствіе, и дѣйствовать на пользу вашихъ ближнихъ. Значитъ, некрасивая кашица — вещь очень хорошая, но если-бы вы стали вытаскивать ее изъ вашего желудка, показывать ее вашимъ друзьямъ и горевать вмѣстѣ съ ними надъ ея непохвальной цвѣтомъ и запахомъ, то вы доставили бы только себѣ и друзьямъ нѣсколько непріятныхъ минутъ, а въ случаѣ частаго повторенія подобныхъ продѣлокъ, вы бы даже очень серьезно разстроили свое здоровье, что все таки не обратило бы на путь истины законсѣлую мерзавку кашицу. А возмущаться противъ тѣхъ законовъ, по которымъ со-

вершается процессъ нашего мышленія, это, въ своемъ родѣ, точно такая же нелѣпость, какъ убиваться надъ несовершенствами трехмѣсячнаго зародыша, или желудочной кашицы. Мысли не могутъ быть ни гадкими, ни подлыми, пока опѣ остаются въ головѣ мыслящаго субъекта, который пользуется ими, какъ сырыми матеріалами. Но такое первобытное сырье совсѣмъ не должно показываться на свѣтъ, во первыхъ потому, что оно часто бываетъ очень уродливо и бессмысленно, а во вторыхъ потому, что такое заглядываніе въ лабораторію мысли вредитъ процессу умственной работы. Когда вы знаете, что вамъ придется представлять другому лицу докладъ о томъ, что происходитъ въ вашемъ умѣ, тогда вы стараетесь сами смотрѣть на вашу умственную работу со стороны, и запоминать, въ какомъ порядкѣ одна мысль развивалась изъ другой. На этотъ, совершенно лишній, трудъ подглядыванія и запоминанія, тратятся тѣ силы, которыя гораздо полезнѣе было бы употребить на болѣе быстрое или болѣе основательное разрѣшеніе затронутыхъ вами вопросовъ, имѣющихъ для васъ живое практическое значеніе. Подглядывая за собою, вы сами раздваиваете свой умъ и ослабляете или извращаете его дѣятельность. Стало быть, и подглядываніе ваше даетъ вамъ совершенно искусственные результаты. Вы подглядѣли работу вашей ослабленной и извращенной мысли, а не ту естественную работу, которую вы старались опредѣлить. Можетъ быть, всѣ гадости, въ которыхъ вы кааетесь вашему другу, произошли именно отъ того, что вы начали подглядывать. Извѣстное дѣло, ничто такъ не раздражаетъ мысль, какъ боязнь мысли и инквизиторскій контроль надъ мыслью. Вы отъ нея отталкиваетесь, вы ее преслѣдуете, — тутъ-то именно она и лезетъ къ вамъ въ голову, тутъ-то она и становится для васъ неотвязнымъ контролемъ. — Говорятъ, одинъ алхимикъ открылъ какому-то благодѣтелю своему вѣрнѣйшій способъ дѣлать золото. Возьмите, говоритъ, того-то и того-то, по столько-то золотниковъ и долей, всыньте въ такую-то посуду, поставьте на такой-то огонь, мѣшайте вотъ этою палочкою и произносите такія-то слова. — Разказалъ и ушелъ. — Благодѣтель сейчасъ принялся за работу, но, на бѣду его, добросовѣстный алхимикъ воротился назадъ. — Ахъ, говоритъ, самое-то главное условіе я и забылъ. Когда будете варить золото, ни подъ какимъ видомъ не думайте о бѣлыхъ медвѣдяхъ, а то ничего не выдетъ. — Ну, это пустяки, отвѣчаетъ благодѣтель. Я объ нихъ и безъ того никогда не

думаю. Однако вышло не пустяки. Благодѣтель, никогда не думавшій о бѣлыхъ медвѣдяхъ, сталъ думать о нихъ аккуратнѣе каждый день, и притомъ именно въ тѣ великія минуты, когда эта проклятая мысль должна была помѣшать процессу волшебнаго броженія. Поэтому, золота не получилось, но предсказаніе алхимика о томъ, что ничего не выдетъ, оказалось все таки не совсѣмъ вѣрнымъ. Вышло то, что благодѣтель сошелъ съ ума и началъ съ крикомъ и со слезами умолять своихъ докторовъ вырѣзать изъ его головы бѣлаго медвѣдя, который будто-бы съѣлъ у него весь мозгъ, и всякій разъ плюетъ и чихаетъ въ ту посуду, гдѣ варится самое чистое золото. Если съ Нехлюдовымъ и съ Иртенъевымъ не случилось такой пакости, то они обязаны своимъ спасеніемъ единственно тому обстоятельству, что ихъ желаніе раздавить въ себѣ *gadnia* и *подмыя* мысли было гораздо менѣе сильно и серьезно, чѣмъ желаніе благодѣтеля пріобрѣсти себѣ золотыя горы. Для нашихъ юныхъ моралистовъ борьба съ предосудительными мыслями была только пріятною потѣхою. Оно и въ самомъ дѣлѣ увеселительно. То маленько погрѣшишь, то маленько пораскаешься, да легонько постегаешь самага себя невинными розгами. Вотъ тебѣ и покажется, что ты точно какое-то дѣло дѣлаешь, умомъ своимъ работаешь, нравственность свою исправляешь, полезнаго дѣятеля изъ своей особы приготавливаешь. Если даже и крѣпко грѣшишь, и часто падаешь на пути добродѣтели — все это для тебя не велика бѣда. У тебя сейчасъ фарисейскія утѣшенія найдутся, потому что весь твой умъ постоянно устремленъ на казуистическія тонкости, и, посредствомъ навыка, пріобрѣлъ себѣ замѣчательное мастерство по части иезуитской изворотливости. Умъ твой тоненькимъ голоскомъ станетъ шептать тебѣ: успокойся! другіе грѣшатъ вдесятеро больше тебя, но и ухомъ не ведутъ, потому что у нихъ нѣтъ твоей чуткости. Ты неизмѣримо выше ихъ, потому что ты замѣчаешь за собою каждую малѣйшую слабость. Ты человекъ высокой нравственности, потому что ты строгъ къ самому себѣ. — Ты будешь слушать эти льстивыя рѣчи съ глупѣйшею улыбкою самодовольнаго блаженства; но, такъ какъ ты уже измощенничался насковозъ, благодаря твоимъ любезнымъ подглядываніямъ, то ты тотчасъ состроишь постную рожу и прикрикнешь на самага себя: молчи мерзавецъ! Какъ ты смѣешь гордиться твоими совершенствами, когда тебѣ слѣдуетъ оплакивать твои беззаконія! — И вслѣдъ за тѣмъ, тебя еще пріятнѣе охватитъ

сознаніе, что ты ни въ чемъ не даешь себѣ спуску, и даже умственную гордость свою подавлять умѣешь. — Да. Точно. Потѣха весьма увеселительная, но еще болѣе вредная. Во первыхъ — вся штука основана на глупой мыслибоязни. Во вторыхъ — происходитъ громадная трата времени. Кто дѣйствительно хочетъ уберечься по возможности отъ тяжелыхъ практическихъ ошибокъ, тотъ долженъ не бояться *гадкихъ и подлыхъ* мыслей, а напротивъ того, смѣло подходить ко всякой мысли и совершенно спокойно разсматривать ее со всѣхъ сторонъ. Не мѣшаетъ еще при этомъ принимать въ расчетъ ту старую истину, что тратить свои молодые годы на какія бы то ни было увеселительныя потѣхи, значить, на вѣрняка готовить, изъ себя въ будущемъ дряннаго, тяжелаго и несчастнаго человѣка. Но, разумѣется, Нехлюдовъ и Иртеневъ не виноваты въ томъ, что они надъ собою творять. Въ нихъ дѣйствуетъ то отвращеніе къ научнымъ занятіямъ, которое влочено въ ихъ головы прежнимъ приневоливаніемъ къ діалогамъ и диктовкамъ. Болѣзненная мечтательность ребенка, при переходѣ въ юношескій возрастъ, породила изъ себя уродливыя и вредныя кривлянія нравственной гимнастики.

VII.

Настоящимъ специалистомъ по части нравственной гимнастики оказывается князь Дмитрій Нехлюдовъ, а Иртеневъ является въ этомъ отношеніи только его подражателемъ, и, къ счастью своему, останавливается на степеніи дилетанта. У Нехлюдова заведены какія-то росписанія пороковъ и прегрѣшеній; онъ каждый вечеръ пишетъ подробно свой дневникъ, и еще, кромѣ того, записываетъ въ особую тетрадь свои будущія и прошедшія занятія. Впрочемъ, собственно о его занятіяхъ мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Можетъ быть, у него и времени не хватало на занятія, потому что ему было необходимо постоянно держать въ порядкѣ свою душевную бухгалтерію, и подводить различные итоги въ приходо-расходной книгѣ грѣховъ и добродѣтелей. Нехлюдовъ по университету былъ однимъ курсомъ старше Иртенева, но, повидимому, во взглядахъ своихъ на науку они оба были совершенными школьниками. Нехлюдовъ придавалъ большое значеніе тому, чтобы Иртеневъ блиста-

тельно выдержалъ свой вступительный экзаменъ въ университетъ, и чтобы ему поставили очень хорошіе баллы; а потомъ, когда Иртеневъ сдѣлался студентомъ и когда дружба между юными моралистами находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, Нехлюдовъ не умѣлъ возбудить въ своемъ другѣ ни малѣйшей любви къ серьезнымъ занятіямъ, такъ что Иртеневъ цѣлый годъ проболтался глупѣйшимъ образомъ, и, разумѣется, провалился или *сръзался* на переходномъ экзаменѣ самымъ постыднымъ манеромъ. Вообще, Нехлюдовъ и Иртеневъ совершенно не похожи на тотъ типъ студента, который каждому изъ насъ хорошо знакомъ и дорогъ по нашимъ собственнымъ, недавнимъ студенческимъ воспоминаніемъ. Когда мы были студентами, мы всюду втискивали *науку*, кстати и некстати, съ умысломъ и безъ умысла, искусно и неискусно. Мы очень много врани о наукѣ, мы часто сами себя не понимали, но наука дѣйствительно владѣла всѣми нашими помыслами; мы ее любили чрезвычайно горячо и чистосердечно; мы готовы были работать, и дѣйствительно работали; для насъ жизнь была немыслима безъ науки, и гдѣ, бывало, сойдутся два-три студента, тамъ уже, черезъ пять минутъ, непременно свирѣпствуетъ научный споръ, въ которомъ воюющія особы; наперерывъ другъ передъ другомъ, съ восторгомъ обнаруживаютъ крайнюю слабость своихъ фактическихъ знаній, и столь-же крайнее могущество своихъ молодыхъ и здоровыхъ голосовъ. Много у насъ было безтолковщины, но это было именно то «мутное броженіе» молодой мысли, изъ котораго «творится свѣтлое вино» разумныхъ убѣжденій и сознательнаго трудолюбія. Смѣшно было смотрѣть на насъ со стороны, но ужъ совсѣмъ не грустно. И тѣ самые пожилые и опытные люди, которые смѣялись надъ нами, какъ надъ преуморительными мальчишками, — они сами не могли отказать намъ ни въ своемъ сочувствіи, ни въ своемъ уваженіи, ни даже въ своей *зависти*. Имъ становилось завидно, глядя на насъ. Вспоминая свою собственную молодость, они признавались съ глубокимъ вздохомъ намъ, «преуморительнымъ мальчишкамъ», что наше развитіе идетъ болѣе здоровымъ и разумнымъ путемъ, что мы живемъ болѣе полною жизнью, что у насъ есть мысли, чувства и желанія, которыя имъ были совершенно неизвѣстны, и которыя послужатъ намъ надежною опорой во время житейскихъ испытаній и «въ минуту душевной невзгоды». И рѣшительно ничего подобнаго нѣтъ у Нехлюдова и у Иртенева. Они оба, и особенно Нехлюдовъ, не

возбуждаютъ въ постороннемъ наблюдателѣ никакого другого чувства, кромѣ глубочайшаго и совершенно безнадежнаго сожалѣнія о погибающихъ человѣческихъ способностяхъ. Въ ихъ жизни наука не играетъ никакой роли. Объ умѣ они рѣшительно не заботятся. Имъ нужна только добродѣтель. И въ тоже время они всё навсось пропитаны пошлостями своего общества, и со всѣхъ сторонъ опутаны разными свѣтскими и велико-свѣтскими связями и предразсудками. Добродѣтельный Иртеньевъ никакъ не можетъ удержаться, чтобы не заявлять всѣмъ и каждому о своемъ родствѣ съ княземъ Иваномъ Ивановичемъ, и для этого онъ даже однажды, въ семействѣ Нехлюдова и въ присутствіи самаго Дмитрія, сплетаетъ экспромптомъ неимовѣрнѣйшую ложь о дачѣ этого князя и о какой-то удивительной рѣшоткѣ, цѣпою въ триста восемьдесятъ тысячъ рублей. А еще болѣе добродѣтельный Нехлюдовъ всѣми своими бухгалтерскими упражненіями никакъ не можетъ побѣдить въ себѣ страшную наклонность бить своего крѣпостнаго мальчика, Ваську, кулаками по головѣ. Но все это еще не очень большая бѣда. Родиться во время полного господства крѣпостныхъ понятій и всосать въ себя съ молокомъ матери фамусовскую слабость къ вельможному родству — это, конечно, несчастье, но тутъ еще нѣтъ ничего непоправимаго. Шестнадцатилѣтній фамусовъ можетъ сдѣлаться черезъ годъ семнадцатилѣтнимъ громителемъ московскаго чванства; и даже колотить Ваську не значить еще быть отпѣтымъ негодяемъ. Очень можетъ быть, что и Базаровъ во времена своего дѣтства и отрочества показывалъ свою барскую прыткость надъ ребятишками своей крѣпостной дворни. А потомъ выросъ, поумнѣлъ и прекратилъ свои подвиги. Главная бѣда Нехлюдова и Иртеньева заключается въ безнадежности ихъ умственнаго положенія. Въ головахъ ихъ царствуетъ глубочайшее, лепчатое невѣжество, и сношенія ихъ съ университетомъ скользятъ по этому невѣчеству, не производя въ немъ ни малѣйшаго измѣненія. Нехлюдовъ^ъ оказывается еще гораздо безнадежнѣе Иртеньева. Иртеньевъ за все хватается, всѣмъ интересуется и увлекается, дурачится и важничаетъ, какъ настоящій шестнадцатилѣтній ребенокъ; поэтому, онъ еще двадцать разъ можетъ перемѣниться и выскочить на прямую дорогу, лишь-бы только нашлись въ его жизни, сначала отрезвляющіе толчки, а потомъ умные товарищи и руководители. Впрочемъ и на Иртеньева нравственная гимнастика положила свою проклятую печать; отъ привычки постоянно копаться

въ своихъ душевныхъ ощущеніяхъ, у него выработалась чудовищная мнительность и подозрительность, ежеминутно отравляющія ему всё его сношенія съ другими людьми. Въ каждомъ словѣ и въ каждомъ взглядѣ онъ угадываетъ какую нибудь особенную, затаенную и обыкновенно пакостную или оскорбительную мысль своего собесѣдника. Такъ какъ Иртенъевъ отъ природы очень неглупъ — гораздо умнѣ Нехлюдова, — то онъ очень часто угадываетъ совершенно вѣрно, и все таки для него было бы несравненно лучше вовсе не обладать этимъ даромъ ясновидѣнія. Излишняя воспримчивость какого-бы то ни было чувства, зрѣнія, слуха, обонянія, и такъ далѣе, всегда ведетъ за собою очень много непріятностей. Сова не можетъ видѣть днемъ именно отъ того, что зрѣніе ея слишкомъ остро и чувствительно; то количество лучей, которое намъ необходимо для того, чтобы мы могли ясно различать предметы, дѣйствуетъ на сову такъ сильно, что рѣжетъ ей глазъ, и заставляетъ ее задвигать наглухо отверстіе зрачка.

Та музыка, которая намъ доставляетъ удовольствіе, оказывается мучительною для тонкаго слуха кошки или собаки. Тоже самое можно сказать и объ иртенъевскомъ ясновидѣніи. Заглядывать въ душу другихъ людей такое же пустое и непріятное занятіе, какъ выносить другимъ людямъ на показъ свои собственныя душевныя тайны. Что вамъ за удовольствіе подмѣчать въ каждомъ изъ вашихъ знакомыхъ каждое движеніе мелкой досады, или зависти, или сваредности, или трусости, каждое изъ тѣхъ мимолетныхъ движеній, которыя рождаются и умираютъ въ душѣ, не дѣйствуя на общее направленіе поступковъ, и выражаясь только изрѣдка въ какомъ нибудь подергиваніи губъ или въ какой нибудь дребезжащей нотѣ голоса?! Всѣ ваши отношенія къ людямъ сдѣлаются только болѣе шероховатыми, а въ сущности все останется по старому, потому что нельзя же удалиться отъ людей въ пустыню, на томъ основаніи, что люди не всегда могутъ и умѣютъ быть или вполнѣ искренними друзьями, или вполнѣ непроницаемыми актерами. А главное дѣло, какъ у васъ достаетъ времени и охоты возиться съ этою психологическою дрянью? Надо быть безконечно празднымъ человѣкомъ, чтобы по губамъ Семена Пафнутьича, или по бровямъ Пелагеи Сидоровны читать тайныя оттѣнки ихъ душевныхъ волненій. И замѣчательно, что это чтеніе *поддерживаетъ* въ человѣкѣ праздность, потому что служить ему источникомъ неисчерпаемыхъ изслѣдованій, которыхъ привлекательность,

разумѣется, совершенно непостижима для того, кто занимается какимъ-нибудь полезнымъ дѣломъ. Но, не смотря на гибельную страсть Иртеньева къ ясновидѣнію, Нехлюдовъ все таки гораздо безнадежнѣе своего друга. Нехлюдовъ, при своемъ кругломъ невѣжествѣ, серьезенъ и настойчивъ. У него есть принципы, которые онъ почерпнулъ чортъ знаетъ изъ какой лужи, но за которые онъ держится очень крѣпко. Бьетъ онъ Ваську, конечно, не по принципну, а по увлеченію, и принципы его осуждаютъ эту баталію, и онъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что принципы переработаютъ всю его природу, и даже осясчастливятъ со временемъ всѣхъ его Васекъ. По своимъ принципамъ онъ влюбился, или, точнѣе, *влюбилъ себя* въ рыжую, старую, кривобокую, да въ добавокъ еще и глупую барышню, Любовь Сергѣевну, которая все бесѣдуетъ съ нимъ о правилахъ, о сердцѣ и о добродѣтеляхъ. Графъ Толстой этихъ бесѣдъ не выписываетъ, и прейрасно дѣлаетъ. Вѣдь тутъ ужъ, дѣйствительно, «мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ», когда они начнутъ разводить свою психологію сладкими вздохами и любовнымъ жеманствомъ. Также по своимъ принципамъ Нехлюдовъ, подъ руководствомъ Любви Сергѣевны, ѣдетъ къ московскому прорицателю, Ивану Яковлевичу; и также по принципамъ, студентъ второго курса Нехлюдовъ находитъ, что Иванъ Яковлевичъ очень замѣчательный человѣкъ, и что только самые легкомысленные люди могутъ считать его съумасшедшимъ или мошенникомъ. А Любовь Сергѣевна, по словамъ самаго Нехлюдова, понимаетъ совершенно Ивана Яковлевича (видите, какая умница!), часто ѣздитъ къ нему, бесѣдуетъ съ нимъ и даетъ ему для бѣдныхъ деньги, которыя сама вырабатываетъ. Изъ всѣхъ этихъ доблестныхъ подвиговъ рыжей барышни Нехлюдовъ выводитъ то заключеніе, что она удивительная женщина, что она необходима для его совершенствованія, и что въ нее никакъ нельзя не влюбиться. Познакомившись съ этими любопытными подробностями, читатель вѣроятно согласится, что голова Нехлюдова, какъ сплошная чугунная масса, совершенно обезпечена противъ вторженія какихъ-бы то ни было современныхъ идей. Человѣколюбствовать онъ можетъ, потому что на это способна даже усердная собесѣдница Ивана Яковлевича, но ужъ дальше московскаго сердоболія онъ не пойдетъ. А вѣдь могло бы быть совершенно иначе, если-бы любознательность его была затронута въ дѣтствѣ, и если бы живая струя свѣта и знанія попала въ его голову, когда надъ нею еще не успѣли воцариться мертвящіе принципы нравственной гимна-

стики и Ивана Яковлевича. Эти принципы такъ безнадежно мрачны и такъ безвыходно-губительны для ума, для чувства и для дѣятельности, что въ сравненіи съ ними даже общій колоритъ московской великосвѣтскости представляется какою-то небесною лазурью.

VIII.

Исторія объ избіеніи Васьки бросаетъ такой яркій свѣтъ на спеціальныя достоинства нравственной гимнастики, что я считаю очень полезнымъ разсказать и разобрать этотъ любопытный эпизодъ довольно подробно. Иртеневъ, только что поступившій въ университетъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ деревню на лѣто, пріѣзжаетъ на дачу къ Нехлюдовымъ, знакомится съ семействомъ своего друга, проводитъ у нихъ вечеръ, и остается ночевать въ комнатѣ Дмитрія. У Нехлюдова въ этотъ вечеръ разбаливаются зубы; кромѣ того онъ взволнованъ споромъ съ своею сестрою Варенькою; дѣло идетъ въ этомъ спорѣ объ Иванѣ Яковлевичѣ. Варинька отзывается о немъ съ презрѣніемъ, и ея непочтительные отзывы о московскомъ предсказателѣ очень сильно возмущаютъ Дмитрія, тѣмъ болѣе, что они косвеннымъ образомъ бросаютъ тѣнь на великія достоинства самой Любови Сергѣевны, которая живетъ въ семействѣ Нехлюдовыхъ, и присутствуетъ при этомъ горячемъ спорѣ. Кромѣ того, старая княгиня Нехлюдова, мать Дмитрія и Вареньки, очевидно держитъ сторону своей дочери, и это обстоятельство еще болѣе усиливаетъ волненіе юнаго моралиста. Пораженный въ своемъ обожаніи къ Ивану Яковлевичу и разобитый зубною болью, Нехлюдовъ уходитъ въ свою комнату и садится за свои вычисленія погрѣшностей и обязанностей. Въ это время, Васька спрашиваетъ у него, гдѣ будетъ спать Иртеневъ. Нехлюдовъ, въ отвѣтъ на этотъ неумѣстный вопросъ, топаетъ ногой и кричитъ: «убирайся къ чорту!» Васька ступовывается. Тогда Нехлюдовъ начинаетъ *тотчасъ же* кричать: «Васька, Васька, Васька!» Васька входитъ. Стели мнѣ на полу! командуетъ Нехлюдовъ. Нѣтъ, лучше я лягу на полу говоритъ Иртеневъ. Ну, все равно, стели гдѣ нибудь, ворчитъ Нехлюдовъ. Васька рѣшительно не знаетъ, за что ему взяты: убирайся къ чорту! Стели на полу! Стели гдѣ нибудь! три противорѣчивыя приказанія въ три минуты, и наконецъ послѣднее приказаніе совер-

шенно неопредѣленное; что значить «гдѣ нибудь»? Гдѣ жъ ему стлать постель? Васька останавливается въ недоумѣніи, и ждетъ, чтобы ему приказали толкомъ. А въ распросы пускаться онъ боится, потому что его только что отправили къ чорту за неумѣстную любовзвательность. Васька стоитъ и ждетъ, но Нехлюдовъ начинаетъ бѣсноваться. «Васька, Васька! Стели, стели!» И все это съ крикомъ и съ неистовствомъ. Васька окончателно теряется. Тогда Нехлюдовъ подбѣгаетъ къ нему и бьетъ его кулаками по головѣ «изо всѣхъ силъ». Васька куда-то убѣгаетъ, и Нехлюдовъ заноситъ въ свою тетрадку новый грѣхъ. Уже достаточно поучительно то, что Нехлюдовъ послалъ мальчика къ чорту, и потомъ обработалъ ему голову кулаками, *въ то самое время*, когда совершались упражненія нравственной гимнастики. Размышлять о неописанной красотѣ нравственнаго идеала, и тутъ же, не сходя съ мѣста, нарушать самыя простыя обязанности человѣка самымъ постыднымъ и скотскимъ образомъ—это фактъ въ высшей степени краснорѣчивый. Не трудно, кажется, сообразить, что всѣ эти ежедневныя разглядыванія своего поведенія не дають человѣку ровно ничего, кромѣ педантическаго высокомерія и фарисейской нетерпимости. Но дальше пойдетъ еще интереснѣе. Вы, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ желаете узнать, какую же физиономію соорилъ добродѣтельный Иртетьевъ, когда, на его глазахъ, другъ и руководитель его разыгрался, какъ пьяный ди-каръ. А вотъ, полюбуйтеся. Вотъ что произошло въ ту самую минуту, когда избитый Васька выбѣжалъ изъ комнаты. «Остановившись у двери, Дмитрій оглянулся на меня, и выраженіе бѣшенства и жестокости, которое за секунду было на его лицѣ, замѣнилось такимъ кроткимъ, пристыженнымъ и любящимъ дѣтскимъ выраженіемъ, что мнѣ стало жалко его, и, какъ ни хотѣлось отвернуться, я не рѣшился этого сдѣлать. (Стр. 117). Если-бы на мѣстѣ Иртеньева находился человѣкъ дѣйствительно развитый и гуманный, и если бы этотъ человѣкъ могъ чувствовать хоть малѣйшее состраданіе къ негодяю, толкующему о добродѣтели, и въ тоже время подпимающему руку на беззащитнаго и безответнаго ребенка, то этотъ развитый и гуманный человѣкъ отвернулся бы въ сторону именно изъ состраданія къ Нехлюдову, чтобы не показать ему, во всемъ выраженіи своего лица, того подавляющаго презрѣнія, которое возбуждено въ немъ этимъ безсовѣстнымъ поруганіемъ человѣческой личности. Я вовсе не думаю утверждать, что безобразный поступокъ

Нехлюдова долженъ навсегда отнять у него уваженіе всѣхъ честныхъ людей. Напротивъ. По моему мнѣнію, нѣтъ того злодѣянія, которое могло бы положить на челоуѣка вѣчное и неизгладимое пятно безчестія. Самый грязный преступникъ можетъ снова сдѣлаться мыслящимъ и любящимъ существомъ; и дѣйствительно развитое общество никогда не должно отнимать у ожесточеннаго и загрубѣлаго челоуѣка надежду на самую полную реабилитацію. Но въ ту минуту, когда совершается грязное и безчестное насиліе, порядочный челоуѣкъ невольно отвернется отъ мерзавца, для того, чтобы не плюнуть ему въ лицо. Но Иртеневъ, повидимому, такъ мало пораженъ избіеніемъ Васьки, что, въ самую минуту этого событія, все его вниманіе обращено исключительно на игру лицевыхъ мускуловъ въ фізіономіи Нехлюдова. Замѣчая въ этихъ мускулахъ быстрое передвиженіе, вслѣдствіе котораго скотское выраженіе бѣшенства переходитъ въ гримасу слезливаго раскаянія, Иртеневъ совершенно забываетъ объ участи Васьки, у котораго въ это время, по всей вѣроятности, лицевые мускулы также находятся въ сильномъ движеніи, и у котораго, кромѣ того, -созрѣваютъ на чередѣ синяки и кровяныя шишки. Иртеневъ дачинаетъ соболѣзновать не о томъ, кого избили, а о томъ, кто билъ. Того и гляди, что онъ подойдетъ къ своему Дмитрію, и, взявъ его за руку, спросить у него со слезами въ голосъ: о мой кроткій другъ! о мой сизенькій голубчикъ! Не зашибъ ли ты свою нѣжную ручку о поганую головушку этого грубаго невѣжи? У него, у подлеца, такая твердая голова. И не поранилъ ли ты свое любвеобильное сердце припадкомъ негодованія, возбужденнаго въ тебѣ закоснѣлостью этого пакостника. И зачѣмъ ты самъ утруждалъ себя? Развѣ нельзя было отправить сквернаго мальчишку въ ближайшую полицейскую часть, для надлежащаго вразумленія? — Въ подобныхъ изліяніяхъ дружественнаго сочувствія не было бы ничего особенно удивительнаго. Этого совсѣмъ немудрено ожидать отъ Иртенева, который совершенно откровенно признается, что еще сильнѣе прежняго любилъ Дмитрія, увидѣвъ на его лицѣ выраженіе стыда и кротости. Значить, вся исторія съ Ваською показала Иртеневу нѣкоторымъ легкимъ проявленіемъ юношеской рѣзвости, такимъ проявленіемъ, которое выкупается съ избыткомъ нѣкоторою игрою лицевыхъ мускуловъ. Окончивъ потасовку, Нехлюдовъ начинаетъ съѣчь себя вещественными розгами. «Дмитрій легъ ко мнѣ на постель, рассказываетъ

Иртеневъ, и, облокотясь на руку, долго, молча, ласковымъ и пристыженнымъ взглядомъ смотрѣлъ на меня. Ему, видимо, было тяжело это, но онъ какъ будто наказывалъ себя. Я улыбнулся, глядя на него. Онъ улыбнулся тоже.» (Стр. 117).

Скажите пожалуйста, какіе милые младенцы! Лежать рядомъ на одной постелькѣ и улыбаются, глядя другъ на друга. Чему жъ это они такъ чистосердечно радуются? Оно и видно, что Дмитрій наказывалъ себя не въ самомъ дѣлѣ, а только какъ будто. Прелюбезное дѣло — эти невещественныя розги, когда можно ими сѣчь себя съ улыбкою наслажденія. Вотъ Васька такъ ужъ навѣрное не улыбался, потому что кулакъ — штука вещественная и съ улыбками несовмѣстная. Глядя на улыбающихся младенцевъ, мы съ читателемъ можемъ ожидать, что они немедленно заговорятъ о Васькиной головѣ, даже съ нѣкоторымъ юморомъ. Однако, братъ Дмитрій, скажетъ Иртеневъ, ты ловко распорядился. Я и оглянуться не успѣлъ, а ужъ онъ ему четыре шишки наставилъ. Теперь Васька-то, я чай, почесывается. Долго не забудетъ, мошенникъ. Ну, что за важность? отвѣчаетъ Нехлюдовъ съ нѣкоторою скромностью. Онъ у меня къ этому давно привыкъ. Ему не въ первой! — Да вѣдь и не въ послѣдній! подхватилъ съ пріятною усмѣшкою Иртеневъ. Еще-бы! закончилъ Нехлюдовъ, влагая въ этотъ лаконическій отвѣтъ самое солидное выраженіе барственной величавости. И знаете-ли, господа читатели, подобный разговоръ не такъ противно было бы слушать, какъ тотъ, который дѣйствительно завязался между нашими улыбающимися друзьями. Въ томъ разговорѣ, который я самъ сочинилъ, есть, по крайней мѣрѣ, та прямота и простота взглядовъ, которыми я восхищался въ госпожѣ Простаковой. Грязь, такъ ужъ грязь на голо, безъ малѣйшей примѣси солодковаго корня и розовой водицы. Хочу, дескать, сокрушить морду, и сокрушаю, и ни у кого на этотъ счетъ совѣта и позволенія просить не намѣренъ. Въ такой нетронутой дикости часто не бываетъ даже никакой силы, и ни какихъ задатковъ развитія. Но иногда въ ней есть и силы и задатки. Есть или нѣтъ — этого большею частью и разобрать невозможно. Темно, хоть глазъ выколи. Ничего не видать. Но именно эта-то темнота и оставляетъ еще нѣкоторую надежду. Кто его знаетъ, можетъ быть тамъ и есть что-нибудь. Поэтому, мерзости, совершаемыя чистымъ дикаремъ, совсѣмъ не такъ отвратительны, какъ тѣ мерзости, которыя творить полуцивилизова-

ная особа. И всего хуже не то, что она дѣлаетъ мерзости, а то, что она относится къ нимъ чрезвычайно хитро и деликатно. Каждая мерзость представляетъ ей удобный случай погладить себя же по головкѣ. Дикарь ничего не знаетъ, и, вслѣдствіе своего незнація, не слушаетъ никакихъ резоновъ. А деликатная особа кляузничаетъ, то есть, пользуется своимъ неполнымъ знаніемъ, чтобы отуманивать себя и своихъ собесѣдниковъ, и чтобы, во всякомъ случаѣ, ставить свою деликатность выше всякаго сомнѣнія, даже послѣ совершенія мерзостей. Впрочемъ, это уже очень старая и, однако, очень мало сознанныя истина, что полу-образование совмѣщаетъ въ себѣ всѣ пороки варварства и цивилизаціи. Всѣ усилія мыслящихъ людей всѣхъ человѣческихъ обществъ уже съ давнихъ поръ направлены на борьбу съ полуобразованиемъ. Нашему обществу варварство уже, теперь неопасно. Я могу смѣло хвалить Простанову, нисколько не опасаясь, чтобы кто-нибудь изъ моихъ читателей прельстился ея идеями. Но полуобразование, со всѣми своими фокусами и кляузами, должно внушать намъ самыя серьезныя опасенія, и типъ милѣйшихъ джентльменовъ, совмѣстившихъ въ себѣ чувствительность Манилова съ остроуміемъ Хлестакова — еще очень долго будетъ тормозить или извращать умственное развитіе нашего общества. Ощутивъ на своихъ губахъ присутствіе улыбки, Нехлюдовъ подумалъ, вѣроятно, что вещественныя розги истрепались, и что не мѣшаетъ взять въ руки новый пучокъ, или, еще того лучше, предоставить все дѣло сѣченія добродѣтельному и улыбающемуся другу. И начинается, вслѣдствіе этого, поучительная бесѣда.

— «А отчего же ты мнѣ не скажешь, сказалъ онъ, что я гадко поступилъ? вѣдь ты объ этомъ сейчасъ думалъ?» — Этотъ пошлый вопросъ могъ быть предложенъ только Нехлюдовымъ, и рисуетъ чрезвычайно ярко подлѣйшую приторность отношеній, существующихъ между юными друзьями. Порядочный человѣкъ, сдѣлавши гадость, даже гораздо поменьше Нехлюдовской штуки, конечно не осмѣлился бы фамильярничать съ своимъ другомъ, валяться на его постели, тарачить на него глаза, и скалить виѣсть съ нимъ зубы. Порядочный человѣкъ понялъ и почувствовалъ бы, что его другу, также человѣку порядочному, непріятно, тяжело и даже больно смотрѣть на него въ ту минуту, когда впечатлѣніе сдѣланнаго безобразія еще совершенно свѣжо. Тотъ стыдъ, который мы невольно чувствуемъ послѣ очень глупой выходки, у человѣка искренняго и

неизломаннаго бываетъ всегда очень цѣломудреннѣмъ и глубоко за-таеннѣмъ ощущеніемъ. Пристыженный человѣкъ ступовывается, хочетъ, чтобы его въ эту минуту всѣ забыли, чувствуетъ, что онъ тяготитъ другихъ своею замаранною особою; такого пристыженнаго человѣка вамъ дѣйствительно становится жалко; вы подходите къ нему осторожно, какъ къ больному, и стараетесь подкрѣпить, ободрить и утѣшить его, и при томъ такъ, чтобы ваше приближеніе и ваши слова не оскорбили въ немъ то цѣломудріе стыда, которое неразлучно со всякимъ искреннимъ естественнымъ раскаяніемъ, то есть, съ томительнымъ сознаніемъ важной и вредной ошибки. Но когда накуралесившій нахаль самъ лезетъ къ вамъ съ своимъ раскаяніемъ, когда онъ преслѣдуетъ васъ своимъ присутствіемъ и пристальными взглядами, когда онъ приглашаетъ васъ любоваться его стыдомъ, когда онъ обращается къ вамъ съ безтолковѣйшими вопросами о такомъ дѣлѣ, которое не требуетъ ни малѣйшаго разъясненія, — тогда вамъ остается только сказать: убирайся ты къ черту, скотина, съ твоими глупыми подвигами самобичеванія! Ты хочешь погеройствовать, силу воли твоей обнаружить, а я вовсе не расположенъ быть для тебя ни плетью, ни пудовою гирею, которыми ты выдѣлываешь свои дурачкіе фокусы. Нельзя-ли для гимнастическихъ прогулокъ подальше выбрать закоулокъ? — Затѣмъ надо было повернуться на другой бокъ и оставить милѣйшаго Нехлюдова наединѣ съ его растрепанными чувствами. Такой неожиданный отпоръ могъ положить рѣзкій конецъ всякимъ дружескимъ отношеніямъ; но о такой дружбѣ, которая не выдерживаетъ прикосновенія голой правды, не стоитъ и жалѣть. Туда ей и дорога. Дружба должна быть прочною штукаю, способною пережить всѣ переменны температуры и всѣ толчки той ухабистой дороги, по которой совершаютъ свое жизненное путешествіе дѣльные и порядочные люди. При такой прочности, дружба—вещь драгоценная, потому что она, лучше всякой другой ассоціаціи, утроиваетъ и учетверяетъ рабочія силы и мужественную энергію друзей. Но Мартеньевъ и Нехлюдовъ, какъ по молодости своихъ лѣтъ, такъ и по неразвитости своего ума, такъ и, въ особенности, по своему совершенному незнакомству съ серьезною работою жизни,—способны только къ той компанной или тепличной дружбѣ, которая вся основана на капризныхъ симпатіяхъ, и распадается въ прахъ также подъ вліяніемъ мигутнаго каприза. Нѣтъ въ этой дружбѣ никакой серьезной причины существованія, а по-

этому нѣтъ и ни малѣйшей серьезности въ отношеніяхъ между друзьями. Послѣ исторіи о Васькѣ, когда надо было дѣйствительно сказать другу очень жесткое слово, или, еще лучше, не говорить совсѣмъ ничего, Иртеневъ мямлитъ, миндальничаетъ и говоритъ безцвѣтными плоскостями; а потомъ, черезъ годъ, когда дружба утратила прелесть новизны, тотъ же кроткій Иртеневъ, въ минуту чисто личнаго и совершенно безпричиннаго раздраженія, высказываетъ Нехлюдову, безъ малѣйшей надобности, самыя рѣзкія и оскорбительныя истины. Между тѣмъ, можно сказать навѣрное, что два-три безжалостно правдивыя слова, произнесенныя Иртеневымъ по поводу Васкиной головы, подѣйствовали бы на Нехлюдова гораздо, неизмѣримо глубже, чѣмъ цѣлыя десятилѣтія нравственной гимнастики. Но, чтобы сказать человѣку такое слово, которое вывернуло бы на изнанку всю его душу, и не забылось бы имъ до сѣдыхъ волосъ, надо быть не Иртеневымъ, а чѣмъ нибудь почище и покрѣпче. У Иртенева же выходитъ вотъ что:—«Да, это очень нехорошо, я даже и не ожидалъ отъ тебя этого. Ну, что зубы твои?»—Хотя невозможно выдумать что нибудь безцвѣтнѣе этого скромнаго порицанія, однако крутой поворотъ къ зубамъ показываетъ ясно, на сколько Иртеневъ стоитъ выше Нехлюдова. Видно, что Иртеневу все-таки тяжело говорить пустяки о такой крупной гадости, а говорить о ней серьезно онъ или не умѣетъ, или совѣстится, вотъ онъ и сворачиваетъ въ сторону при первомъ удобномъ случаѣ. Но Нехлюдовъ не понимаетъ, что его другу тяжело этотъ разговоръ, и пускается въ длинныя и совершенно безплодныя размышленія на ту же печальную тему. Вотъ его слова:—«Прошли. Ахъ, Николинъка, мой другъ! заговорилъ Дмитрій такъ ласково, что слезы, казалось, стояли въ его блестящихъ глазахъ. (Удивительная логика! поколотилъ Ваську, а подлачивается къ Николинъкѣ, точно будто именно передъ Николинкой виноватъ). Я знаю и чувствую, какъ я дурень, и Богъ видитъ, какъ я желаю и прошу его, чтобъ онъ сдѣлалъ меня лучше; но чтожь мнѣ дѣлать, ежели у меня такой несчастный, отвратительный характеръ? Что же мнѣ дѣлать?» О, милѣйшій моралистъ, какъ же вы плохи по части опытной психологіи! Вы спрашиваете, что вамъ дѣлать, чтобы не колотить Ваську? А вотъ что. Объясните мнѣ, почему вы не поколотили вашу сестру Вариньку, которая очень разогорчила васъ во время спора, а поколотили Ваську, который ничѣмъ васъ не обидѣлъ и не могъ обидѣть? Главная причина та,

что в спокойныя минуты вашей жизни вы обращаетесь съ вашею сестрою совсѣмъ не такъ, какъ съ Ваською. Переходъ отъ почти-тельнаго и дружелюбнаго обращенія жъ ударамъ почти невозможенъ. Поэтому, вы сестрѣ вашей сказали только вѣжливую кождость; горничной, пришедшей узнать о вашихъ зубахъ, крикнули: «ахъ, оставьте меня въ покоѣ!», а мальчика, котораго вы зовете «Васькой», послали къ чорту, а потомъ прибили кулаками. Градация соблюдена вполне. Значить, если вы дѣйствительно желаете, чтобы Васькина голова была въ безопасности, обращайтесь съ нимъ въ спокойныя минуты вѣжливо и даже почтительно. Называйте его не только полнымъ именемъ, но даже по имени и по отчеству, и говорите ему «вы». Это, конечно, очень смѣшно называть вѣрнѣшаго мальчика Василюмъ Степановичемъ или Василюмъ Антоновичемъ, но вы, какъ великій моралистъ, должны находить, что лучше быть посмѣшищемъ для дураковъ всей Москвы и даже цѣлаго міра, чѣмъ быть грязнымъ и подлымъ злодѣемъ. Если вы, не боясь насмѣшекъ умныхъ людей, преклоняетесь передъ Иваномъ Яковлевичемъ, то вѣдѣть Васьки вы и подавно должны поставить себя выше зубоскальства вашихъ пустоголовыхъ знакомыхъ, которые сначала добоятся и посмѣются, а потомъ и привьнутъ къ вашей необыкновенной почтительности. Послушаемъ теперь вашу дальнѣйшую іереміаду. «Я стараюсь удерживаться, исправляться, но вѣдь это невозможно вдругъ, и невозможно одному. (Вы были не одинъ, когда колотили Ваську). Надо, чтобы кто нибудь поддерживалъ, помогалъ мнѣ. (Выражаясь яснѣе, вамъ необходимы люди, которые хвалили бы васъ за красоту души и твердость воли. Невещественныя розги и невещественныя пряники — безъ этихъ пособій вы не можете быть порядочнымъ человѣкомъ). Вотъ Любовь Сергѣевна, она понимаетъ меня и много помогла мнѣ въ этомъ. (Оно и замѣтно по всему!?) Я знаю по своимъ запискамъ, что я въ продолженіе года уже много исправился. (Приятно слышать. Значить, по сколько же снаковъ въ день ложилось прежде на Васькину голову? До исправленія, его голова была, въ своемъ родѣ, очень любопытною лѣтописью. Примѣчайте, кромѣ того, какъ уже въ послѣдней фразѣ тонъ слезливаго раскаянія переходитъ въ тонъ тихаго самовосхваленія. Это значить, милое дитя уже потянулось за невещественнымъ пряникомъ). Ахъ, Пиколинька, душа моя! продолжалъ онъ съ особенной непривычною нѣжностью и ужъ болѣе спокойнымъ тономъ, послѣ этого признанія:

какъ это много значить вліяніе такой жѣнщины, какъ она! Боже мой, какъ можетъ быть хорошо, когда я буду самостоятеленъ, съ такимъ другомъ, какъ она! Я съ ней совершенно другой человѣкъ. (Что значить эта послѣдняя фраза? Значить ли это: «я ее не бью, какъ прибилъ Ваську», или же это значить: «я никого не бью, когда нахожусь подъ ея вліяніемъ». Въ первомъ случаѣ, это безсмыслица. Во-второмъ, это сладкая ложь. Вы, господинъ Нехлюдовъ, ходили къ Любви Сергѣевнѣ и бесѣдовали съ нею, какъ-разъ передъ той минутой, когда Васька предложилъ вамъ первый вопросъ о постеляхъ. Или, можетъ быть, вы хотите сказать, что только «въ ея присутствіи» вы совѣмъ не безчинствуете. Это, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ вамъ много чести, во вѣдь отъ этого мало пользы. Стало быть, когда вы женитесь на ней, вы будете находиться безотлучно при ея особѣ; а чуть она на минуту отвернулась — тутъ сейчасъ и пойдетъ крушеніе физиономій? Вѣрнѣе же всего, что вы просто сказали одну изъ тѣхъ совершенно бессмысленныхъ фразъ, безъ которыхъ жить не могутъ все моралисты, подобные вамъ и вашей Любви Сергѣевнѣ). Затѣмъ, друзья наши забываютъ совершенно презрѣнную прозу жизни, и Дмитрій начинаетъ «развивать свои планы женитьбы, деревенской жизни и постоянной работы надъ самимъ собою». Оба совершенно веселы и болтаютъ «до вторыхъ пѣтуховъ». Пріятная полезная бесѣда заканчивается слѣдующими словами: — «Ну, теперь спать, сказалъ онъ. — Да, отвѣчалъ я: — только одно слово. — Ну. — Отлично жить на свѣтѣ! сказалъ я. — Отлично жить на свѣтѣ, отвѣчалъ онъ такимъ голосомъ, что я въ темнотѣ, казалось, видѣлъ выраженіе его веселыхъ, ласкающихся глазъ и дѣтской улыбки». (Стр. 148). О прелестныя малютки! что за «атласистость сердечная», какъ говорить г. Щедринъ о своихъ глуповцахъ! «Отлично жить на свѣтѣ!» Какъ вамъ это нравится? Это заключительный выводъ изъ того ряда размышленій, который былъ вызванъ актомъ подлѣйшаго [насилія]. Преступленіе и раскаяніе не оставили послѣ себя рѣшительно ничего, кромѣ безпричиннаго восторга и полнѣйшаго самодовольства, и все это въ теченіе одной, короткой лѣтней ночи. Это стоитъ матери Гамлета, съ ея неизношеною парюю башмаковъ. И ни одинъ изъ юныхъ моралистовъ не оглянулся назадъ, на исходную точку разговора. Трехъ или четырехъ часовъ, посвященныхъ глупѣйшимъ мечтамъ, было совершенно достаточно, чтобы рѣшительно сбить ихъ съ толку, и отшибить у нихъ вся-

ную память. Вѣдь они бы поблѣднѣли и вскрикнули отъ ужаса, у нихъ выступилъ бы холодный потъ на лбу и дыбомъ поднялись бы волосы, если бы одинъ изъ нихъ догадался задать другому вопросъ: съ чего мы начали и къ чему мы пришли? И что же это значить, что такое начало привело насъ къ такому заключенію? И какъ же это мы ухитрились извлечь для себя превеликое удовольствіе изъ... изъ... стыдно и страшно сказать, изъ чего? Гдѣ же наше нравственное чувство, гдѣ наша любовь къ людямъ, гдѣ же, наконецъ, нашъ умъ? Любовь къ людямъ! Подумалъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Нехлюдовъ на минуту о томъ, какъ бы утѣшить избитаго ребенка? Даже намека не было на подобную мысль. Нехлюдовъ и не помышляетъ о томъ, чтобы ласкою, добрымъ словомъ и добрымъ дѣломъ уменьшить то впечатлѣніе боли, которое онъ нанесъ живому существу; онъ старается только соскоблить какъ нибудь то отвлеченное пятно, которое онъ положилъ на свою собственную, опрятную личность и щекотливую совѣсть. Бездушный фарисей остается вѣренъ себѣ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Да и совѣсть-то, совершенно по фарисейски, засыпаетъ очень быстро во время пріятнаго разговора. И эти-то дрябленькіе человѣчки, съ такимъ неразвитымъ умомъ, который, въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ, уже теряетъ изъ виду руководящую идею разговора, эти-то маленькія и жалкія созданыща берутся тоже разсуждать о высшихъ вопросахъ жизни, нравственности и общаго міросозерцанія. Точно пятилѣтніе дѣти, толкующіе о томъ, какъ они пойдутъ, въ гусары или въ кирасиры! Поучиться надо сначала, милыя малютки. Тогда авось и поумнѣете, и въ гусары поступите. А до тѣхъ поръ, играйте въ куклы, или, иначе, размышляйте о триюфеляхъ и пулярахъ.

IX.

Доживши до девятнадцати лѣтъ и дойдя до третьяго курса университета, князь Дмитрій Нехлюдовъ убѣждается въ томъ, что онъ достаточно образованъ, и что ему давно пора приниматься за практическую дѣятельность. Онъ пріѣзжаетъ на лѣто въ свое имѣніе, видитъ тамъ, что мужики его разорены до тла, и, рѣшившись посвятить свою жизнь на улучшеніе ихъ участи, выходитъ изъ университета, съ тѣмъ, чтобы на всегда поселиться въ деревнѣ. Очеркъ

его сельско-хозяйственной дѣятельности представленъ графомъ Толстымъ въ отдѣльной повѣсти: «Утро помѣщика». Нехлюдовъ занимается своимъ дѣломъ безкорыстно, добросовѣстно и очень усердно. По воскресеньямъ, напримѣръ, онъ обходитъ утромъ дворы тѣхъ крестьянъ, которые обращались къ нему съ просьбами о какомъ нибудь вспомошествованіи; тутъ онъ внимательно вникаетъ въ ихъ нужды, присматривается къ ихъ быту, помогаетъ имъ хлѣбомъ, лѣсомъ, деньгами, и старается посредствомъ увѣщаній внушать имъ любовь къ труду, или искоренять ихъ пороки. Одинъ изъ такихъ обходовъ составляетъ сюжетъ нашей повѣсти. Приходитъ Нехлюдовъ къ Ивану Чурисенку, просившему себѣ какихъ-то кольевъ или сошекъ для того, чтобы подпереть свой развалившійся дворъ. Видитъ Нехлюдовъ, что все строеніе дѣйствительно никуда не годится, и Чурисенокъ рассказываетъ ему совершенно равнодушно, что у него въ избѣ накатила съ потолка его бабу пришибла. «По сплнѣ, какъ полыхнетъ ее, такъ она до ночи замертво пролежала». Нехлюдовъ, думая облагодѣтельствовать Чурисенка, предлагаетъ ему переселиться на новый хуторъ, въ новую каменную избу, только что выстроенную по герардовской системѣ. «Я, говоритъ, ее, пожалуй, тебѣ отдамъ въ домъ за свою цѣну; ты когда-нибудь отдашь.» Но Чурисенокъ говоритъ: «воля вашего сіятельства,» и въ тоже время прибавляетъ, что на новомъ мѣстѣ имъ жить не приходится; а баба, та самая, что замертво лежала, бросается въ³¹ ноги къ молодому помѣщику, начинаетъ выть и умоляетъ барина оставить ихъ на старомъ мѣстѣ, въ старой разваливающейся и опасной избѣ. Чурисенокъ, тихій и неговорливый, какъ большая часть нашихъ крестьянъ, придавленныхъ бѣдностью и непосильнымъ трудомъ, становится даже краснорѣчивымъ, когда начинаетъ описывать прелесть стараго мѣста. «Здѣсь на міру мѣсто, мѣсто веселое, обычное; и дорога и прудъ тебѣ, бѣлье, что-ли, бабѣ стирать, скотину ли поить—и все наше заведеніе мужицкое, тутъ искони заведенное, и гумно, и огородишка, и ветлы—вотъ, что мои родители садили; и дѣдъ, и батюшка наши здѣсь Богу душу отдали, и мнѣ только бы вѣкъ тутъ свой кончить, ваше сіятельство, больше ничего не прошу». Что тутъ будешь дѣлать? Нельзя же облагодѣтельствовать насильно. Нехлюдовъ отказывается отъ своего намѣренія, и совѣтуетъ Чурисенку обратиться къ крестьянскому міру съ просьбою о лѣсѣ, необходимомъ для подчинки двора. Къ міру, а не къ помѣщику прихо-

дится обращаться въ этомъ случаѣ потому, что Нехлюдовъ отдалъ въ полное распоряженіе самихъ мужиковъ тотъ участокъ лѣса, который онъ опредѣлилъ на подчинну крестьянскаго строенія. — Но у Чурисенка на всякое дѣло есть свои собственные взгляды, и онъ говоритъ очень спокойно, что у міра просить не станетъ. — Нехлюдовъ даетъ ему денегъ на покупку коровы, и идетъ дальше. Входить онъ во дворъ къ Епифану или Юхванкѣ-Мудреному. Нехлюдову извѣстно, что этотъ мужикъ любитъ, по своему, сибаритствовать, курить трубку, обременяетъ свою старуху-мать тяжелою работою, и часто продаетъ для кутежа необходимыя принадлежности своего хозяйства. Теперь Нехлюдовъ узналъ, что Юхванка хочетъ продать лошадь; помѣщикъ хочетъ посмотрѣть, возможна ли эта продажа безъ разстройства необходимыхъ работъ. Оказывается, что продавать не слѣдуетъ, и Нехлюдовъ рѣшительно запрещаетъ Юхванкѣ эту коммерческую операцію. Юхванка, въ разговорѣ съ барининомъ, лжетъ ему въ глаза самымъ наглѣйшимъ образомъ, и нисколько не смущается, когда Нехлюдовъ на каждомъ шагу выводитъ его на свѣжую воду. Нехлюдовъ, какъ юноша и моралистъ, старается растрогать юхванкину душу увѣщаніями и упреками, а Юхванка, продувная бестія, каждымъ своимъ словомъ показываетъ своему барину совершенно ясно, что онъ непремѣнно расхотался бы надъ его совѣтами, если бы его не удерживало тонкое пониманіе галантерейнаго обращенія. — Пороть меня ты не будешь, думаетъ Юхванка, потому что совѣтъ никого не порешь; на поселеніе тоже не сошлешь — пожалѣешь; а въ солдаты я не гожусь, спереди двухъ зубовъ нѣту. Значитъ, ничѣмъ ты меня не озадачишь, и на всѣ твои разговоры я вѣжливымъ манеромъ плевать намѣренъ. — И Нехлюдовъ, совершенно отмѣнившій въ своемъ хозяйствѣ тѣлесныя наказанія, до такой степени живо чувствуетъ свое безсиліе передъ сорванцомъ Юхванкой, что принужденъ по временамъ умолкать и стискивать зубы, для того, чтобы не расплакаться тутъ же, на Юхванкиномъ дворѣ, передъ глазами нераскаяннаго грѣшника. Кончается визитъ тѣмъ, что баринъ, строго запретивъ продавать лошадь, тайкомъ отъ безпутнаго Юхванки, даетъ денегъ его матери на покупку хлѣба. Затѣмъ, слѣдуетъ картина другого безпутства. У Давыдки Бѣлаго нѣтъ въ избѣ ни крошки хлѣба; весь дворъ представляетъ собою мерзость запустѣнія, а самъ Давыдка цѣлые дни и ночи лежитъ на печкѣ, подъ тулупомъ, даже весь отекъ и распухъ отъ сна. Баринъ

будить «лѣниваго раба» и начинаетъ аргументировать, очень убѣдительно доказывая необходимость труда. «Лѣнивый рабъ слушаетъ тупо и покорно.» Онъ молчалъ; но выраженіе его лица и положеніе всего тѣла говорило: знаю, знаю, ужъ мнѣ не первый разъ это слышать. Ну, бейте же; коли такъ надо — я снесу. Онъ казалось, желалъ, чтобъ баринъ пересталъ говорить, а поскорѣе прибилъ его, даже больно прибилъ по пухлымъ щекамъ, но оставилъ поскорѣе въ покоѣ». (стр. 160). Приходить въ эту минуту мать Давыдки, дѣятельная и бойкая женщина, которая одна работаетъ за весь свой дворъ. Она начинаетъ жаловаться на своего лядащаго сына, ругаетъ и дразнить его, рассказываетъ, что жена Давыдки извела себя тяжелою работою, а потомъ умоляетъ барина, чтобъ онъ во второй разъ женилъ безпутнаго лѣнтяя. Нехлюдовъ говорить: съ Богомъ! но штука заключается въ томъ, что за Давыдку ни дна дѣвка по своей волѣ не пойдетъ, и что мать просить у барина не позволенія для Давыдки, а приказанія для дѣвки. Баринъ отвѣчаетъ ей, что это невозможно, что хлѣба онъ имъ дать, а невѣсту сватать не берется. Потомъ Нехлюдовъ пошелъ въ богатому мужику Дутлову, предложилъ ему очень выгодное помѣщеніе для его денегъ, но мужикъ, разумѣется, съезжился и тщательно затаилъ свой капиталъ отъ помѣщика, и баринъ извлекъ изъ этого посѣщенія только тотъ результатъ, что его маленько покусали Дутловскія пчелы, потому что онъ забрался на пчельникъ, и, по юношеской храбрости, не пожелалъ надѣть предохранительную сѣтку. Нехлюдовъ отправляется домой, и по дорогѣ задумывается. «Развѣ богаче стали мои мужики? думаетъ онъ; образовались или развились нравственно? Нисколько. Имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле. Если-бъ я видѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи, если-бъ я видѣлъ благодарность... по нѣтъ, я вижу ложную рутину, порокъ, недовѣріе, безпомощность. Я даромъ трачу лучшіе годы жизни, подумалъ онъ, и ему почему-то впоминалось, что сосѣди, какъ онъ слышалъ отъ няни, называли его недорослемъ; что денегъ у него въ конторѣ ничего уже не оставалось; что выдуманная имъ новая молотильная машина, къ общему смѣху мужиковъ, только свистѣла, а ничего не молотила, когда ее въ первый разъ, при многочисленной публикѣ, пустили въ ходъ въ момотильномъ араѣ; что со дня на день надо было ожидать пріѣзда вѣнскаго суда для описи имѣнія, которое онъ просрочилъ, увлек-

шись различными новыми хозяйственными предприятиями.» (Стр. 168) Странная и печальная история! Умъ, молодость, энергія, стойкость, человѣколюбіе,—все, что дѣлаетъ человѣка сильнымъ и полезнымъ, все это есть у Нехлюдова, все это проявляется въ его отношеніяхъ къ крестьянамъ, и все это приводитъ за собою только неудачи и разочарованіе, и, въ концѣ концовъ, безотрадное сознаніе той несомнѣнной истины, что «имъ стало не лучше, а мнѣ съ каждымъ днемъ становится тяжеле.» Причина всей нескладицы заключается въ томъ, что Нехлюдовъ—ни рыба, ни мясо, и что онъ, вслѣдствіе этой двусмысленности и неопредѣленности своего положенія и своего развитія, самымъ добросовѣстнымъ образомъ старается влить вино новое въ мѣха старыя. Задача неисполнимая: мѣха ползуть врозь, и вино проливается на полъ, или, говоря безъ метафоръ, новая гуманность пропадаетъ безъ пользы, и даже приноситъ вредъ, когда приходитъ въ соприкосновеніе съ старыми формами крѣпостного быта. Если бы дѣдушка, или, можетъ быть, и папенька Нехлюдова пріѣхалъ въ свое имѣніе съ цѣлью поправить разстроенное хозяйство мужиковъ, то, по всей вѣроятности, онъ, въ первую же недѣлю, послѣ своего пріѣзда, перепоролъ бы половину деревни, начиная разумѣется съ крѣпостныхъ прикащиковъ, бурмистровъ, старостъ и всякихъ другихъ деревенскихъ властей. Съ такимъ помѣщикомъ Юхванка пересталъ бы быть «мудренымъ», и Чурисенокъ переселился бы на новый хуторъ безъ малѣйшаго краснорѣчія. Если бы, кромѣ неумолимой строгости, у этого помѣщика была малая толика практическаго ума, и хоть какое-нибудь, даже самое рутинное знаніе сельскаго хозяйства, то въ пять-шесть лѣтъ мужики дѣйствительно поправили бы свои дѣлишки, и дошли бы до той степени сытаго довольства, которою пользуются быки и бараны благоустроеннаго скотнаго двора, и которая въ крѣпостномъ быту составляетъ предѣлъ, его же не преидеши. И грозный помѣщикъ, съ своей точки зрѣнія, могъ бы сказать, что онъ свято исполнилъ свою гражданскую обязанность, потому что, разумѣется, онъ стоитъ неизмѣримо выше тѣхъ современниковъ своихъ, которые проживаютъ свои доходы въ столицахъ, предоставляя своихъ мужиковъ въ безконтрольное распоряженіе управляющихъ и бурмистровъ. Да этого еще мало. Грозный помѣщикъ стоитъ даже выше такого почти идеальнаго помѣщика, какимъ является намъ Нехлюдовъ. Для помѣщика не было середины. Онъ могъ быть или суровымъ властелиномъ, или дойною корою.

На первый взгляд может показаться, что второй типъ лучше, отраднѣе и полезнѣе перваго, но это — только на первый взгляд. Дойная корова побалууетъ мужиковъ три-четыре года, а потомъ и протянетъ ноги тѣмъ, или другимъ манеромъ. Самый простой и естественный результатъ этого сантиментальнаго баловства обнаруживается намъ въ исторіи Нехлюдова: въ конторѣ ни копѣйки денегъ; имѣніе просрочено; его опишутъ, возьмутъ въ опеку, разорять еще хуже, а потомъ продадутъ съ аукціоннаго торга, и мужикамъ, привыкшимъ къ доенію коровы, придется такъ скверно при перемѣнѣ системы, что хоть въ петлю полезай. Ясно, кажется, что новое вино пролилось на полъ. Но, разумѣется, типъ суроваго властелина, въ свою очередь, хорошъ только въ той мѣрѣ, въ какой могло быть что-нибудь хорошее при существованіи крѣпостной зависимости. Сытое довольство скотнаго двора очевидно не благоприятствуетъ развитію высшихъ способностей человѣческаго ума, и не можетъ создавать людей съ сильными и самостоятельными характерами. Вамъ случалось, вѣроятно, видѣть, какъ быстро спиваются съ кругу и затягиваются въ тину самаго оподляющаго разврата именно тѣ юноши, которые, при жизни своихъ строгихъ родителей, поражали васъ своимъ безукоризненнымъ и даже неестественнымъ благонавіемъ. Эхъ, кабы старики-то были живы! говорятъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ старые друзья покойниковъ, совершенно упуская изъ виду то, что именно сами-то покойники приготовили, въ теченіе всей своей жизни, всю ту кутерьму, которая разыгралась на другой день послѣ ихъ строгости. Ежовыя рукавицы отняли у подвластнаго человѣка возможность пріобрѣтать себѣ самостоятельный житейскій опытъ, а неопытность оказалась тою широкою дорогою, по которой поѣхали на человѣка всякія искушенія и всякія ошибки. Такая-то участь и постигаетъ обыкновенно мужиковъ грознаго помѣщика, какъ только ослабѣваетъ или прекращается давленіе его тяжелой руки. — Нехлюдову слѣдовало все это сообразить прежде, чѣмъ онъ пріѣхалъ въ деревню, и предпринять свои благотворительныя нововведенія. Надо было сказать себѣ: грознымъ помѣщикомъ я быть не могу, если бы даже и желалъ имъ сдѣлаться. Дойною короивою я не могу быть, потому что это глупо и бесполезно. Значить, если я чувствую потребность расположить мои отношенія къ крестьянамъ сообразно съ моими гуманными стремленіями и убѣжденіями, то мнѣ остается только одна дорога: надо осторожно развязать, и потомъ совершенно

уничтожить всѣ обязательныя отношенія, существующія между мною и этими людьми. Приступая разумнымъ образомъ къ освобожденію своихъ крестьянъ, Нехлюдовъ долженъ былъ, прежде всего, освободить самаго себя отъ крѣпостной зависимости. Онъ живетъ трудами своихъ мужиковъ, или другими словами, доходами съ своего имѣнія. А человѣкъ, который серьезно желаетъ сдѣлать въ своей жизни что-нибудь дѣйствительно полезное, долженъ непремѣнно жить своими собственными трудами. Кто не въ состояніи, безъ посторонней помощи, прокормить самаго себя, тому нечего и думать о какой бы то ни было дѣятельности на пользу другихъ. Поэтому, Нехлюдову надо было, прежде всего, узнать свои собственные способности и выучиться какому-нибудь хлѣбному ремеслу. Сдѣлался ли бы онъ сапожникомъ или писателемъ, профессоромъ или кузнецомъ, машинистомъ или медикомъ, это уже совершенно все равно, и это вполне зависитъ отъ особенностей его умственной и вообще физической организаціи. Важно только то, что онъ сталъ въ совершенно независимыя отношенія къ своему собственному капиталу, въ чемъ бы этотъ капиталъ ни заключался, въ крѣпостныхъ ли мужикахъ, или въ землѣ, или въ деньгахъ. Весь смыслъ вещей, весь міръ неодушевленной природы и живыхъ людей совершенно измѣняется въ глазахъ человѣка, когда этотъ человѣкъ чувствуетъ и сознаетъ, что онъ самъ—рабочая сила, и что въ немъ самомъ, въ его головѣ и въ его рукахъ, заключается совершенно достаточное обезпеченіе его существованія, является смѣлость и предприимчивость, непостижимыя для капиталиста, который знаетъ очень хорошо, что капиталъ его лежитъ внѣ его личности, что этотъ капиталъ можетъ быть утраченъ, и что личность капиталиста, послѣ разлуки съ своимъ капиталомъ, должна превратиться въ нуль, или, еще вѣрнѣе, въ минусъ. Работникъ, владѣющій капиталомъ, можетъ позволить себѣ такую роскошь, на которую никакъ не можетъ отважиться простой капиталистъ; онъ можетъ рисковать своимъ капиталомъ изъ любви къ своей идеѣ; напримѣръ, онъ можетъ тратить его на научные опыты, на учныя экспедиціи, на проведеніе въ жизнь своихъ гуманныхъ тенденцій. Онъ можетъ ставить послѣднюю копѣйку ребромъ, а такая способность выдерживать, не бастуя и не уменьшая ставки, до самаго конца игры, бываетъ часто совершенно необходима для успѣха всего предприятия. Кромѣ того, кормить себя собственнымъ трудомъ—значить относиться къ какому-нибудь практическому дѣлу совершенно серъ-

езно и добросовѣстно, безъ всякой примѣси шарлатанства или дилетантизма. Чтобы относиться такимъ образомъ къ какому-бы то ни было дѣлу, надо уже кое-что знать, надо предварительно присмотрѣться и къ самому себѣ и къ разнымъ особенностямъ житейской практики. Вслѣдствіе этого, кромѣ смѣлости и предприимчивости, у работника есть опытность и смѣтливость, недоступныя очень многимъ изъ тѣхъ людей, которые спокойно питаются процѣнтами съ своихъ капиталовъ. Значить, работникъ будетъ дѣйствовать смѣло, но расчетливо, то есть, рисковать только тамъ, гдѣ дѣйствительно надо рисковать, и гдѣ важность успѣха совершенно окупаетъ собою невѣрность предпріятія. Итакъ:

Нехлюдовъ долженъ, прежде всего, сдѣлать изъ себя работника, и испытать силы своего ума и характера надъ рѣшеніемъ той задачи, которая задается въ жизни огромному большинству людей, то есть, надъ самостоятельнымъ прокормленіемъ собственной особы. Для этого ему надо было бы непременно кончить курсъ въ университетѣ, а потомъ еще поучиться очень серьезно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, во первыхъ, для того, чтобы найти себѣ специальность, а во вторыхъ, для того, чтобы достаточно усовершенствоваться въ этой специальности. Если бы Нехлюдовъ, послѣ такого приготовленія, рѣшился поселиться въ деревнѣ, то онъ, вѣроятно, придумалъ бы тамъ не свистѣлку, а настоящую молотилку. Дальнѣйшій же ходъ эмансипаціонной работы не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій. Если имѣніе заложено, и если бы, вслѣдствіе этого, нельзя было отпустить на волю крестьянъ, то надо сначала выкупить имѣніе, а для человѣка, который живетъ собственнымъ трудомъ, и, стало быть, не нуждается въ доходахъ, это дѣло окажется совершенно исполнимымъ. Выкупилъ, отдалъ крестьянамъ полный надѣлъ земли, остальную землю продалъ въ другія руки для того, чтобы крестьяне видѣли возлѣ себя просто богатаго сосѣда, а не своего бывшего барина, связаннаго съ ними патріархальными преданіями, и обязаннаго оказывать имъ разныя щедроты, совершилъ всѣ формальности, отпускныя, дарственныя, купчія, да и уѣхалъ съ вырученными деньгами заниматься своимъ ремесломъ. Вотъ самое простое и единственно возможное рѣшеніе той задачи, надъ которой такъ усердно и такъ безуспѣшно трудится Нехлюдовъ. Посвящать всю свою жизнь крестьянамъ, нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Пожалуйста, не посвящайте. Вѣдь изъ этого посвященія выйдетъ только

то, что вы будете тратить деньги, заработанные крестьянами, или на безтолковые благотворения, или на сооружение свистящих машин. Почему вы знаете, что вы способны быть помещиком, т. е. агрономом, скотоводом и отчасти администратором? Потому что вам досталось от отца имение в семьсот душ? Это причина неудовлетворительная; тогда, значит, сын сапожника должен быть сапожником, потому что отец оставляет ему в наследство колодку и шило. Таким путем мы приходим к индйским кастам, то есть, к систематическому подавлению всякой личной оригинальности. Такого результата не может желать ни один здравомыслящий человек, и, стало быть, вы, господин Нехлюдов, должны быть не помещиком, а может быть, учителем математики, или архитектором, или чемнибудь другим, смотря потому, каковы ваши личные способности. А чтобы узнать свои способности, вы должны учиться, читать, размышлять, говорить с умными людьми, а не закупоривать себя в деревню, и не аргументировать с Юханкой и с Давыдкой. Значит, с какого конца не возьми дело, везде оказывается все та же самая беда: незнание, и опять так незнание. Где нет прочного знания, там вы не замените его ни усердием, ни добродушием, ни чистотою сердца, ни цѣломудрием, ни даже Иваном Яковлевым. Все будет скверно, и все постоянно будет становиться хуже да хуже. Собственно для того, чтобы осветить с разных сторон эту очень старую истину, я остановился так долго на разборѣ повѣсти: «Утро помещика». Иначе не зачѣм было бы говорить о ней так подробно, потому что крепостные отношения, изображенные в этой повѣсти, уже давно укатились в вѣчность «hinaus in's Meer der Ewigkeit», как говорит Шиллеръ в своих «Идеалахъ». Но вопросъ о знаніи и полу-знаніи постоянно стоит на очереди.

X.

Въ послѣдній разъ мы встрѣчаемъ нашего стараго знакомаго, князя Нехлюдова, въ небольшомъ разказѣ «Люцернъ». Онъ, то есть, не разказъ, а Нехлюдовъ, путешествуетъ по Швейцаріи и записываетъ свои путевыя впечатлѣнія. Разказъ «Люцернъ» составляетъ маленькій отрывокъ изъ этихъ записокъ. Дѣйствіе происходитъ въ

Люцернѣ, и относится къ 7-му юля 1857 года. Князю Нехлюдову въ это время, по мощи хронологическимъ соображеніямъ, должно быть около 35 лѣтъ. Его характеръ надо считать уже окончательно сложившимся. Вотъ мы теперь и посмотримъ, какой результатъ выработался изъ тѣхъ задатковъ, съ которыми мы познакомились выше. Остановившись въ лучшей люцернской гостинницѣ, Швейцгергофъ, Нехлюдовъ, изъ окна своей комнаты, начинаетъ очень сильно восхищаться видомъ озера, горъ, и вообще, всякой другой природы. «Мнѣ захотѣлось, говоритъ онъ, въ эту минуту обнять кого нибудь, крѣпко обнять, зашекетать, ущипнуть его, вообще сдѣлать съ нимъ и съ собой что нибудь необыкновенное» (стр. 183). Однако онъ никого не обнялъ, не зашекеталъ и не ущипнулъ, вѣроятно потому, что его восторги въ значительной степени охладились видомъ набережной, «прямой, какъ палка», и возбуждившей въ немъ, съ самой первой минуты, неприимчивую ненависть. «Безпрестанно, жалуюсь онъ, невольно мой взглядъ сталъ впадать съ этой ужасно прямой и прямой набережной и мысленно хотѣлъ оттолкнуть, уничтожить ее, какъ черное пятно, которое видятъ на носу подъ глазами; но набережная съ гуляющими англичанами оставалась на мѣстѣ, и я невольно старался найдти точку зрѣнія, съ которой бы мнѣ ея было не видно» (стр. 184). Вѣсна Нехлюдова съ бѣлою пазкою набережной прерывается тѣмъ, что его зовутъ обѣдать за общій столъ. За обѣдомъ для Нехлюдова начинаются новыя огорченія. Его чрезвычайно волнуетъ то обстоятельство, что страстующіе англичане, которыми переполненъ Швейцгергофъ, сидятъ слишкомъ часто и занимаются во время обѣда процессомъ ѣды, а не веселымъ разговорами. Во все время обѣда онъ размышляетъ объ англійской холодности, а потомъ, разогорченный ею до глубины души, идетъ шляться по городу въ самомъ невеселомъ расположеніи духа. Тутъ ему становится еще грустнѣе. «Мнѣ становилось ужасно душевно холодно, одиноко и тяжело, какъ это случается иногда безъ видимой причины при перѣздахъ на новое мѣсто». (Стр. 185). Но въ это время, какой-то уличный музыкантъ заигралъ на гитарѣ и началъ пѣть пѣсни, и Нехлюдову вдругъ сдѣлалось ужасно хорошо и даже очень пріятно жить на свѣтѣ. «Всѣ воспоминанія, невольныя впечатлѣнія жизни вдругъ получили для меня значеніе и прелесть. Въ душѣ моей какъ-будто распустился свѣжій, благоухающій цвѣтокъ. Вместо усталости, развянья, равнодушія, ко всему на свѣтѣ, которыми я испытывалъ за минуту передъ этимъ, я вдругъ почувствовалъ по-

требность любви, полноту надежды и безпричинную радость жизни. Чего хотѣть, чего желать? сказалось мнѣ невольно, вотъ она, со всѣхъ сторонъ обступаетъ тебя красота и поэзія. Вдыхай ее въ себя широкими, полными глотками, на сколько у тебя есть силы, наслаждайся, чего тебѣ еще надо! Все твое, все благо...» (Стр. 185). Набережная передъ глазами—досадно! Англичане молчатъ—грустно! На гитарѣ заиграли—ужасно весело! Какъ вамъ нравится такой человѣкъ у котораго вся нервная система постоянно скрипитъ и ноетъ такъ или иначе, въ отвѣтъ на каждый ничтожный и мимолетный звукъ изъ окружающаго міра? Такихъ людей называютъ много впечатлительными, отзывчивыми, тонко-чувствительными, художественными натурами; извѣстное дѣло, нѣтъ той дряни, которую нельзя было бы упрасить какимъ нибудь ласкательнымъ эпитетомъ; но мнѣ кажется, что такіе тонко организованные субъекты, очень похожи на тѣхъ несчастныхъ больныхъ, которые, напивавшись ртутныхъ лекарствъ, превращаются въ ходячіе барометры, то есть, чувствуютъ ломоту въ костяхъ передъ каждою малѣйшею переменою погоды. Эта тонкость организаціи есть не что иное, какъ совершенное разстройство нервной системы, разстройство, порожденное праздною и безтолковою суетливостію. За неимѣніемъ серьезной цѣли и полезной работы, умъ лихается на пустяки, гоняется за призраками, раздражается своими тщетными попытками поймать то, что никому не дается въ руки, и наконецъ, благодаря такимъ упражненіямъ, человѣкъ доходитъ до какого-то полусумасшествія: постоянно волнуется, постоянно о чемъ-то хлопочетъ, и самъ не только не можетъ, но даже и не пробуетъ объяснить себѣ, чего ему надо, о чемъ онъ груститъ, чему онъ радуется и какой смыслъ имѣютъ всѣ его пошлыя бурн въ стаканѣ воды. Когда человѣкъ дошелъ до такого безнадежнаго положенія, тогда, разумеется, сѣбно и ожидать отъ него какой нибудь дѣятельности; тогда надо просить его объ одномъ: сядь ты, голубчикъ, на мѣсто и постарайся поменьше кричать и кривляться. Но онъ и этой просьбѣ исполнить не въ состояніи; онъ все поетъ и все прыгаетъ, но ежеминутно отшмыгиваетъ такія удивительныя штуки, какихъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ нарочно не сдумалъ бы придумать. Князь Нехлюдовъ находится именно въ этомъ положеніи совершеннаго умственнаго банкротства. Мысль и чувство его мстrepались и нисельчали до послѣдней крайности и дѣлаютъ ежеминутно негнѣйшіе скачки, но никакъ уже силъ остановиться и сосредоточиться на какомъ бы то ни было отдѣльномъ впечатлѣніи. Когда звуки гитары и пѣсни отирали Нех-

людову смыслъ всѣхъ тайнъ и загадокъ міровой жизни, тогда онъ сподобился къ тому мѣсту, откуда слышались эти волшебные звуки. Онъ увидалъ, что пѣвецъ поетъ передъ балкономъ Швейцера; все слышаетъ вся блестящая публика, живущая въ этой гостиницѣ, но ни одинъ изъ слушателей не даетъ ему ни копѣйки, когда онъ, по окончаніи пѣсни, снимаетъ шляпу и произноситъ просительнуюразу. Нехлюдовъ пользуется этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы немедленно вознегодовать. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что въ этомъ фактѣ дѣйствительно нѣтъ ничего хорошаго, но я рѣшительно не могу себѣ объяснить, какимъ образомъ мужчина зрѣлый можетъ лѣтъ находить подобные факты сколько нибудь для себя удивительными. Мальчигу позволительно кипятился при видѣ всякаго неразумнаго или безчестнаго дѣла. Для мальчика это кипищеніе даже положительнаго необходимо; оно пробуждаетъ его силы и возбуждаетъ ему желаніе бороться за то, что онъ считаетъ разумнымъ и справедливымъ. Но мальчикъ замѣтитъ очень скоро, что бороться равно противъ всего, что неразумно и безчестно, значитъ тратить свои силы на вѣтеръ. Въ результатѣ можетъ получиться только одно крайнее утомленіе слишкомъ ретиваго бойца. Чтобы успѣть хоть что-нибудь, надо непремѣнно взять себѣ какую нибудь отдѣльную задачу, и заняться добросовѣстно ея разрѣшеніемъ, не выходя съ одной стороны, и не хватаясь съ безразсудною жадностью за всѣ мелкія проявленія зла, которыя ежеминутно попадаютъ на встрѣчу каждому цивилизованному европейцу. Когда мальчикъ, такимъ образомъ, сознательно выискиваетъ себѣ свою отдѣльную задачу, и когда онъ серьезно принялся за свою специальную работу, тогда мы можемъ сказать о немъ, что онъ сдѣлался зрѣлымъ мужчиною. Этотъ зрѣлый мужчина, встрѣчаясь съ какимъ-нибудь проявленіемъ нечестности, говоритъ самому себѣ совершенно спокойно: знаю я эту штуку, и знаю, какъ ее знаю, и работаю я противъ нея такъ и такъ. А негодовать я не намеренъ, да и разучился я заниматься этимъ пустымъ дѣломъ. Негодованіе есть мимолетный взрывъ чувства, а я вовсе не намеренъ тратить мое чувство на пусканіе такихъ мыльных пузырей. Мое чувство есть сила, приводящая въ движеніе весь мой организмъ, и эта сила приложена на всегда къ той работѣ, которую я себѣ выбралъ. Чувство негодующихъ людей есть то крошечное количество пара, которое чортъ знаетъ зачѣмъ поднимаетъ къверху крышку кипящаго самовара. А мое чувство есть тотъ же паръ, но только проведенный въ такую благоустроенную машину,

которая поднимает тяжести и вертит колеса. — Нехлюдовъ, разумѣется, остановился на всегда въ положеніи самовара, оыграющаго очень громко и совершенно безтолково. Ему сдѣлалось очень досадно, зачѣмъ обитатели Швейцергова не дали денегъ странствующему пѣвцу. Ну что-жъ съ ними дѣлать? Вѣдь подь судъ ихъ отдать за это нельзя? Значить, надо было только наградить обиженнаго пѣвца, то есть, заплатить ему разомъ столько, сколько онъ могъ ожидать отъ всѣхъ своихъ слушателей. Нарушенная справедливость была-бы совершенно восстановлена, но Нехлюдовъ не можетъ поступить такимъ образомъ, потому что это было-бы слишкомъ просто. Онъ догоняетъ уходящаго пѣвца, и приглашаетъ его выпить вмѣстѣ съ нимъ бутылку вина. Чтожъ? И это недурно. Но дурно те, что Нехлюдову тотчасъ приходитъ въ голову устроить, посредствомъ этой выпивки, какую-то демонстрацію въ пику жъ въ назиданіе жестокосердымъ и скупымъ обитателямъ Швейцергова. Вотъ это ужъ пнеуда негодится, потому что такая демонстрація вовсе не-приятна для пѣвца, и не полезна ни для кого на свѣтѣ. Пѣвецъ предлагаетъ Нехлюдову войти въ простую распивочную лавочку, но Нехлюдовъ, по своей дурацкой фантази, тащитъ смущеннаго пѣвца въ пастолціи Швейцерговъ. Это значить: пляши по моей дудѣ, потому что я русскій баринъ, и потому что я тебя хожу, угощаю. Это нельзя больше напоминаетъ мнѣ Ситникова, который кричитъ на мужиковъ: «надѣньте шапки, дураки!» Шапки они должны надѣвать, потому что Ситниговъ прогрессистъ; а дураками они оказались, потому что Ситниговъ баринъ. — Приходить въ Швейцерговъ. Ихъ отводить въ залу для простаго народа, и тутъ начинается герройская борьба Нехлюдова противъ аристократизма, воплотившагося на этотъ вечеръ въ лакеяхъ блестящей гостиницы. Нехлюдову предлагаютъ простаго вина, но онъ; «стараясь принять самый гордый и величественный видъ,» требуетъ «шампанскаго и самаго душищаго.» Подаютъ шампанское, и вмѣстѣ съ шампанскимъ приходятъ два лакея посмотреть на потѣшное представление, которое даромъ разыгрываетъ нашъ полоумный соотечественникъ. «Два изъ нихъ сѣли около судомойки, и, съ веселой внимательностью и кроткой улыбкой на лицахъ, любовались на насъ, какъ любятъ родители на милыхъ дѣтей, когда они мило играютъ». (Стр. 187). Соотечественникъ нашъ чувствуетъ себя смущеннымъ, но утѣшаетъ себя тою мыслью, что путь добродѣтели всегда усѣянъ колючими терниями. Хотя, говорить онъ, нѣтъ было жъ очень тяжело и неловко

ночь огнемъ этихъ лакейскихъ глазъ бесѣдовать съ пѣвцовъ и угощать его, я старался дѣлать свое дѣло сколько возможно независимо». (Стр. 187). Это признаніе доказываетъ намъ, что наши соотечественники тратятъ за границу на безполезные подвиги не только свои деньги, но и свою энергію. Враги нашего соотечественника сдвигаютъ свои силы. «Швейцаръ, не снимая фуражки, вошелъ въ комнату, и, облокотившись на столъ, сѣлъ подлѣ меня. Это послѣднее обстоятельство, здѣвъ мое самолюбіе и тщеславіе, окончательно взорвало меня и дало исходъ той давнишей злобѣ, которая весь вечеръ собиралась во мнѣ... Я совсѣмъ озлился той кипящей злобой негодованія, которую я люблю въ себѣ (странный вкус!), возбуждаю даже, когда на меня находить (самъ сознается, что *на него находить*) потому что она успокоительно дѣйствуетъ на меня и даетъ мнѣ хоть на короткое время какую-то необыкновенную гибкость, энергію и силу всѣхъ физическихъ и моральныхъ способностей (на счетъ *моральныхъ способностей* позволю себѣ выразить сомнѣніе, потому что, какъ мы увидимъ дальше, онѣ совершенно подавляются и помрачаются той *кипящей злобой негодованія*, которую онѣ *любятъ и даже возбуждаютъ въ себѣ*). Воскипѣвшій самоваръ Нехлюдовъ тотчасъ изливаетъ на преступныхъ лакеевъ потоки глупой, но извѣстной рѣчи. — «Какое вы имѣете право смѣяться надъ этимъ господиномъ и сидѣть съ нимъ рядомъ, когда онъ гость, а вы лакей? Отчего вы не смѣялись ~~малою~~ нынче за обѣдомъ (лакей могъ-бы на это отвѣчать: я тогда еще не зналъ, что вы такой шутъ гороховой) и не садилась со мной рядомъ? Оттого, что онъ бѣдно одѣтъ и поетъ на улицѣ? Отъ этого; а на мнѣ хорошее платье. Онъ бѣденъ, но въ тысячу разъ лучше васъ, въ этомъ я увѣренъ; потому что онъ никого не оскорбилъ, а вы оскорбляете его. — Да я ничего, что вы, робко отвѣчалъ мой врагъ. Лакей. Развѣ я мѣшаю ему сидѣть. — Лакей не понималъ меня, и моя нѣмецкая рѣчь пропала даромъ. (Стр. 189).

Послѣднее предположеніе Нехлюдова совершенно несправедливо. Судя по отвѣту лакея, можно утверждать напротивъ того, что онъ превосходно понималъ, и даже разбивалъ на голову нашего свирѣпаго оратора. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, вся рѣчь Нехлюдова имѣла-бы хоть какой нибудь смыслъ только въ томъ случаѣ, когда-бы лакей мѣшалъ пѣвцу сидѣть. А иначе Нехлюдовъ попадаетъ въ безвыходное противорѣчіе. Ставя уличнаго пѣвца на ряду съ блестящими гостями Швейцаргофа; онъ упшточжаетъ сословныя перегородки, а

потомъ онъ тотчасъ, во имя этихъ уничтоженныхъ перегородокъ, кричитъ на лакеевъ, и приказываетъ имъ встать. Это еще гораздо глупѣе ситниковскаго восклицанія; «надѣньте шапки, дураки!» — Кроме того, само собою разумѣется, что эта сцена испортила пѣвцу все удовольствіе выпивки. Онъ самымъ жалобнымъ образомъ начинаетъ проситься домой, но Нехлюдовъ только-что вошелъ въ настоящій вгусъ той кипящей злобы негодованія, которою онъ любитъ угощать самаго себя. Онъ съ сильнымъ нахальствомъ гаситъ бѣднаго пѣвца на новыя мытарства. Выпилъ, дескать, каналья, такъ утѣшай барина до самаго конца. Соотечественникъ нашъ требуетъ, чтобы его, вмѣстѣ съ пѣвцомъ, вели въ народную залу. Въ рѣчи, которую онъ произноситъ по этому поводу, есть и политика, и нравственная философія, и поэтическіе образы, и арифметическія соображенія. «И отчего вы привели меня съ этимъ господиномъ въ эту, а не въ ту залу? А? допрашивалъ я швейцара, ухвативъ его за руку съ тѣмъ, чтобы онъ не ушелъ отъ меня. Какое вы имѣли право по виду рѣшать, что этотъ господинъ долженъ быть въ этой, а не въ той залѣ? Развѣ, кто платитъ, не все равны въ гостиницахъ? Не только въ республикѣ, но во всемъ мірѣ. Паршивая ваша республика!.. Вотъ оно равенство. Англичанъ вы бы не смѣли провести въ эту комнату, тѣхъ самыхъ англичанъ, которые даромъ слушали этого господина, то есть украли у него каждый по нѣскольку сантимовъ, которые должны были дать ему. Какъ вы смѣли указать эту залу?» (Стр. 190).

Если вы представите себѣ, что вся эта бурда хорошихъ словъ была вылита на голову несчастнаго швейцара, котораго держать за руку, чтобы онъ не ушелъ, то вы вѣроятно согласитесь, что, можетъ быть, никогда еще типъ неисправимаго фразера или безтолковаго идеалиста не являлся передъ вами въ болѣе смѣшномъ и печальномъ положеніи. — Не забудьте, что это положеніе вытекаетъ самымъ естественнымъ образомъ изъ всѣхъ, уже извѣстныхъ намъ, подробностей о воспитаніи и о прежней дѣятельности Нехлюдова, не забудьте, что мы, по повѣстямъ Толстаго можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ формированіе этого страшно-болѣзненнаго характера, не забудьте всего этого, говорю я, и тогда только вы убѣдитесь въ томъ, что повѣсти Толстаго дѣйствительно заслуживаютъ самаго внимательнаго изученія. — Нехлюдовъ одерживаетъ побѣду надъ лакеями и входитъ триумфаторомъ въ парадную залу. «Зала была дѣйствительно отперта, освѣщена и за однимъ изъ столовъ

сидѣли ужиная англичанинъ съ дамою. Не смотря на то, что намъ указывали особый столъ, я съ грязнымъ пѣвцомъ, подсѣлъ къ самому англичанину и велѣлъ сюда подать намъ неколченную бутылку». (стр. 190). Нехлюдовъ злится на англичанъ за ихъ чванство и за то, что они ничего не дали пѣвцу. Онъ хочетъ имъ сдѣлать какую-нибудь непріятность, и для этого пускаетъ въ ходъ своего пѣвца, какъ комокъ грязи, который онъ владеть чуть-чуть не на тарелку ужинающихъ англичанъ. Англичане очень неправы; съ ихъ стороны очеь непохвально брезгать человѣкомъ, потому что этотъ человѣкъ бѣденъ. Но Нехлюдовъ, вступающійся за этого бѣднаго человѣка, унижаетъ и тиранитъ его еще гораздо сильнѣе; вы представьте себѣ только, каково должно быть положеніе пѣвца, котораго превратили такимъ образомъ въ пассивное орудіе, и притомъ, въ орудіе наказанія. Его присутствіемъ наказываютъ другихъ людей; согласитесь, что трудно вообразить себѣ что нибудь глупѣе и мучительнѣе его роли, и Нехлюдовъ самъ сознается, что бѣдный пѣвецъ сидѣлъ въ парадной залѣ «ни живъ, ни мертвъ», и торопливо допилъ все, что оставалось въ бутылкѣ, лишь бы только поскорѣе выбраться вонъ. А тѣ англичане, которыхъ Нехлюдовъ хотѣлъ наказывать, разумѣется, тотчасъ же ушли изъ залы, такъ что вся мучительная непріятность положенія обрушилась исключительно на несчастную причину торжества, то есть, на бѣднаго пѣвца, которому Нехлюдовъ хотѣлъ сначала доставить удовольствіе. Вѣдь есть же, въ самомъ дѣлѣ, такіе люди, у которыхъ мысль не можетъ ни на минуту остановиться на одномъ предметѣ, и которые, вслѣдствіе этихъ изумительныхъ скачковъ своей мысли, не могутъ довести до конца самаго простаго дѣла. И всего замѣчательнѣе въ психологическомъ отношеніи то обстоятельство, что многіе изъ этихъ полупомѣшанныхъ людей, дѣлая поразительныя глупости каждый божій день, съ ранняго утра до поздней ночи, въ то же время никакъ не могутъ быть названы глупыми людьми. Надѣлавъ множество нелѣпостей, эти господа сами начнутъ разбирать свое дяковинное дѣло, и обнаружатъ въ своемъ анализѣ такъ много наблюдательности, тонкаго юмора и беспощадной проиіи надъ своими собственными ошибками, что вы будете вслушиваться въ ихъ рѣчи съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и съ самымъ сознательнымъ сочувствіемъ. Тотъ самый Нехлюдовъ, который держалъ швейцара за руку, чтобы пожаловаться на паршивость люцернской республики, тотъ самый Нехлюдовъ, говорю я, черезъ нѣсколько минутъ послѣ ухода не-

счастливаго пѣвца, называетъ свою *кипающую злобу негодованія* — дѣтскою и глупою. Тотъ самый Нехлюдовъ описываетъ весь этотъ эпизодъ съ неподражаемымъ оттѣнкомъ грустнаго и задумчиваго юмора. И тотъ же самый Нехлюдовъ на другой день, навѣрное, ухитрится сочинить новую нелѣпость, которая опять заставитъ его смѣяться и грустить надъ своею собственною изломанною и искривляющеюся особою. Глупить и размышлять надъ сдѣланными глупостями, размышлять и потомъ опять глупить — вотъ все внутреннее содержаніе въ жизни людей, подобныхъ Нехлюдову. И нѣтъ такого сильнаго ума, который не пришелъ бы къ тому же самому безнадежному положенію, если онъ не воспитаетъ самого себя въ строгой школѣ положительной науки и полезнаго труда. Всѣ мы знаемъ давно, что человѣкъ — существо слабое, беспомощное и несчастное, пока онъ, своими единичными силами, пробуетъ бороться противъ силъ физической и органической природы, то есть, противъ стихій и противъ дикихъ животныхъ. И тотъ же самый человѣкъ, соединяя свои силы съ силами другихъ людей, подчиняетъ себѣ воду и вѣтеръ, паръ и электричество, міръ растений и міръ животныхъ. Тотъ же самый законъ, въ полномъ своемъ объемѣ, прилагается, какъ нельзя лучше, къ развитію и совершенствованію отдѣльнаго человѣческаго ума. Умъ нашъ не можетъ развернуться правильно, онъ не можетъ даже оставаться крѣпкимъ и здоровымъ, если мы не будемъ соединять силу нашего ума съ умственными силами другихъ людей. Въ общечеловѣческой наукѣ соединяются всѣ умственныя силы всѣхъ отжившихъ и всѣхъ живущихъ поколѣній, и поэтому, искать себѣ умственнаго развитія *вне* науки, значить обрекать свой умъ на уродливое, мучительное и неизлечимое безсиліе. Въ этой мысли нѣтъ рѣшительно ничего новаго, но повторять и даже доказывать ее все еще необходимо. Мы были бы очень умными, и очень счастливыми людьми, если бы многія старыя истины, обратившіяся уже въ пословицы, или украшающія собою наши азбуки и прописи, перестали быть для насъ мертвыми и избитыми фразами. Слова наши часто бываютъ очень хорошими словами, но въ томъ-то и горѣ наше великое, что они навсегда остаются словами, и что мы сами уже давно къ нимъ прислушались, и, потерявши всякое довѣріе къ пустому звуку, забыли въ то же время и основную мысль, вѣчно живую и вѣчно плодотворную.

Д. Писаревъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, изданіе императорской академіи наукъ съ рисунками, въ рукописяхъ поэта. Стихотворенія. Т. I и II. Спб. 1864 и 1865. — Драммы Эсхила. Т. I. Спб. 1864. — Король Лиръ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ В. Лазаревскаго. Спб. 1865. — Возвратъ Чацкаго въ Москву, продолженіе комедіи Грибоедова: „Горе отъ ума“. Сочиненіе графини Е. П. Ростопчиной. (Писано въ 1856 году). Изданіе И. К. Флиге. Спб. 1865. — Лекціи по исторіи Западной Россіи М. Кояловича. М. 1864. — Наше купечество и торговля съ серьезной и карикатурной стороны. Сборникъ, изданный подъ редакціей русскаго купца. Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки Е. А. Чудинскаго. М. 1864. — Руководство къ Геологіи К. Фохта съ 483 политипажами въ текстъ. Переведено и дополнено: подъ редакцію А. Кормилева. Изданіе товарищества „Общественная польза.“ Спб. 1865. — Слуги желудка; исторія пяти чувствъ Соч. Масе. Передѣлка съ французскаго и изданіе Е. Дихачевой и А. Сувориковой. Выпускъ I. Описаніе костей. Съ рисунками. Спб. 1865. — Отвѣтъ моимъ обвинителямъ по поводу моего мнѣнія о цвѣтныхъ племенахъ.

Второе отдѣленіе академіи наукъ, неуспѣшно радѣя о благѣ отечественной словесности, а наибаче памятуя гл. II. § 2 своего устава, гласящую: «Академія старается творенія знаменитыхъ писателей, не существующихъ болѣе, и если они права печатанія оныхъ никому не оставили, вновь издавать, съ описаніемъ жизни сочинителя и съ полезными для языка и словесности примѣчаніями на оныя. Таковымъ твореніямъ академія есть природная покровительница и наследница» — памятуя, говорю я, этотъ уставъ, поручила академику Я. Гроту приготовить критическое изданіе Державина. Плодомъ неустанныхъ трудовъ этого ученаго мужа и явились нынѣ два тома сочиненій Державина, по 800 страницъ in quarto въ каждомъ. Изданіе это, безъ сомнѣнія, достойно потраченныхъ на него денегъ (если академія соблаговолитъ приложить въ концѣ послѣдняго тома итогъ расходовъ, то это будетъ самый интересный томъ, хотя бы въ немъ были помѣщены только дѣловыя бумаги Державина, издашемъ которыхъ г. академикъ Гротъ угрожаетъ въ предисловіи. Если такой итогъ будетъ приложенъ, то я даю торжественное обѣщаніе немедленно купить полный экземпляръ «Сочи-

невій». Къ несчастію, вѣроятно, мнѣ не суждено дойти до выхода этого послѣдняго тома). Равнымъ образомъ изданіе достойно издавшихъ его. Нечего говорить о его внѣшности, которая безукоризненна. Но еще поразительнѣе его полнота. Въ него, по угрозамъ г. Грота, войдутъ: всѣ варианты, примѣчанія, «которые для удобства читателя сопроваждали бы текстъ изъ страницы въ страницу»; литература и библиографія сочиненій Державина (такимъ образомъ и эти слабыя строки); биографія его; «сводъ всего, что было писано о Державинѣ въ прозѣ и въ стихахъ» (такимъ образомъ эти слабыя строки войдутъ дважды въ академическое изданіе); «указатели предметные, библиографическіе, лексическіе и другіе, какіе окажутся нужными»; «записки Державина;» переписка Державина и наконецъ дѣловые бумаги. Такимъ образомъ стихи поэта о самомъ себѣ.

Я памятникъ воздвигъ себѣ чудесный вѣчный,
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ,

до извѣстной степени могутъ сбыться, если не относительно твердости, то относительно вышины, особенно если вспомнить, что поэтъ занималъ многія высшія государственныя должности, и потому дѣловые бумаги его однѣ, если и не превысятъ пирамидъ, то, во всякомъ случаѣ, потребуютъ для полнаго собранія сочиненій гигантскаго шкафа. Кромѣ того, изданіе украшено многочисленными гравюрами, рисованными большею частью еще при жизни автора. Такія гравюры приложены почти при всѣхъ стихотвореніяхъ, одна въ началѣ, другая въ концѣ. Содержанія онѣ преимущественно аллегорическаго, символическаго или эмблематическаго, и нерѣдко носятъ слѣды воображенія до того богатаго, что безъ объясненій внизу были бы совершенно непонятны. Такъ, напр., было бы крайне трудно догадаться, къ чему можетъ относиться изображеніе верблюда, приложенное къ стихотворенію, гдѣ поэтъ проситъ какую-то Нину поменьше цѣловать его и гдѣ о верблюдѣ, равно какъ и о другихъ четвероногихъ, ни слова не упоминается. Но, какъ объясняетъ г. академикъ Гротъ, «смыслъ этого рисунка видѣнъ изъ предполагавшейся къ нему надписи: *Малымъ доволенъ.*» Такимъ образомъ верблюдъ оказывается эмблемой скромныхъ желаній поэта относительно Нины. Но главную роль въ этихъ рисункахъ играетъ змѣя, кусающая свой хвостъ. Мнѣ понравилось особенно изображеніе этой змѣи, гдѣ она виситъ на небѣ и сквозь нее пролетаетъ крылатая женщина въ одной юбкѣ. Объяснительное примѣчаніе гласитъ по этому поводу: «*Душа, отдѣляясь отъ тѣлеснаго міра, возлетаетъ на небо сквозь эмблему вѣчности.*» Судя по тому, что въ объясненіи сказано не *отдѣлившись*, а

отдѣляясь, между тѣмъ, какъ въ данную минуту изъ тлѣнныхъ предметовъ видна только юбка, должно полагать, что послѣдняя и есть аллегорическое изображеніе тлѣннаго міра. Не дурно также и слѣдующее объясненіе картинки, украшающей стихотвореніе: «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи: Дуновеніемъ какого-то вѣтра колесо фортуны полетѣло подъ гору. Разумъ показываетъ событіе сего честнаго феномена; но мужество, объемяющее премудрость, равнодушно смотритъ на случайное явленіе.»

Что касается до примѣчаній г. академика, то онѣ курьезны и характеристичны не менѣе рисунковъ; такъ есть примѣчанія подобнаго рода: На гимнъ къ счастью: «Еще древніе поэты вдохновлялись иногда идеею о счастіи. Такъ, Пиндаръ обращается къ нему въ одномъ изъ своихъ гимновъ; у Горація между одами 1 книги есть также одна (35-я) *ad fortunam*. Это одинъ изъ обычныхъ предметовъ стихотворства и въ восемнадцатомъ столѣтіи. Тогда славилась ода Жанъ-Ботиста Руссо *à la Fortune*, которую перевели Ломоносовъ и Сумароковъ. Капнистъ также сочинилъ оду на счастье, напечатанную сперва въ *Московскомъ журналѣ* за декабрь 1792 г. (ч. VIII, стр. 296), а потомъ въ собранія его сочиненій.»

По понятіямъ академика, подобныя примѣчанія должны сопровождать текстъ изъ страницы въ страницу, «для удобства читателей.» Но они дѣйствительно не безполезны, потому что надъ ними да надъ рисунками хоть посмѣяться иногда можно, что составляетъ не малое развлеченіе при путешествіи черезъ такую аравійскую степь, какъ сочиненія Державина. Многія примѣчанія г. Грота живо напомнили мнѣ слова Гейне о своей необычайной способности приводить цитаты: «Вы не можете себя представить, сударыня, съ какою легкостью привожу я цитаты. Я всюду нахожу поводъ обнаружить мою глубокую ученость. Если я говорю, напр., объ ѣдѣ, то замѣчаю въ примѣчаніи, что римляне, греки и евреи также ѣли, привожу всѣ дорогія кушанья, которыя готовила кухарка Лукулла—о зачѣмъ не родился я на 1500 лѣтъ раньше!—замѣчаю, что общественные обѣды грековъ назывались такъ-то и такъ-то, и что спартанцы ѣли скверный, черный супъ—хорошо, что меня тогда еще не было на свѣтѣ; я не могу выдумать для себя ничего болѣе ужаснаго, какъ быть спартанцемъ, потому что супъ—любимое мое кушанье,—я наѣренъ, сударыня, ѣхать въ Лондонъ, но если правда, что тамъ нельзя достать супу, то не замедлю возвратиться къ отечественнымъ горшечкамъ съ бульономъ. Я могу не распространяться

о столь древнихъ евреевъ и прямо перейти къ новѣйшей еврейской кухнѣ; я могу сказать при этомъ, какъ гуманно отзывались нѣкоторые берлинскіе ученые о столь евреевъ; вѣтъмъ перехожу къ другимъ преимуществамъ и превосходствамъ евреевъ, къ изобрѣтеніямъ, которымъ мы имъ обязаны. По поводу евреевъ я могу указать на Тацита, который говоритъ, что они поклонялись въ храмахъ ослѣмъ, а по поводу ослѣвъ, какое обширное поприще открывается мнѣ!»

Послѣ всего сказаннаго, читатель можетъ легко составить себѣ понятіе о новомъ изданіи сочиненій Державина. Что же касается до самихъ сочиненій, то я представляю писать о нихъ г. Гроту въ полной увѣренности, что и безъ того добросовѣстные издатели сочтутъ необходимымъ помѣстить эту краткую замѣтку въ одинъ изъ будущихъ томовъ своего изданія.

Древне-греческая драма отличалась отъ нынѣшней, какъ видно по изданнымъ въ русскомъ переводѣ драмамъ Эсхила, тѣмъ, что въ ней все дѣйствіе сначала предсказывалось, а потомъ уже совершалось, тогда какъ въ нынѣшнихъ оно совершается безъ предсказаній. Это и существенное, и выгодное отличіе. Читатель, не прикованный къ чтенію журнальной обязанностью, узнавъ изъ предсказаній, что все имѣющее совершиться—крайне нелѣпно и безсмысленно, можетъ во время закрыть книгу и избавиться отъ скуки. Нынѣшніе же авторы стараются, напротивъ, завязать похирѣе интригу такъ, чтобы читатель никакъ не могъ предусмотрѣть того, что его ожидаетъ. Такое коварство автора ведетъ обыкновенно ко вреду читателя, и съ этой точки зрѣнія драмы Эсхила заслуживаютъ предпочтенія. Другое отличіе ихъ, весьма, впрочемъ, индифферентное, состоитъ въ томъ, что въ нихъ *завязь падаетъ* предъ началомъ дѣйствія, а *опускается* въ концѣ. Это объясняется, конечно, устройствомъ древняго завѣса, совершенно отличнымъ отъ нашего. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что для умственнаго развитія нашего современнаго общества было бы несравненно выгоднѣе, если бы завѣсъ, оставаясь при теперешнемъ его устройствѣ, слѣдовалъ въ опусканіи и подниманіи примѣру древне-греческаго. Въ числѣ ложныхъ убѣжденій, коренящихся въ обществѣ, одно изъ самыхъ распространенныхъ то, что будто бы театръ способствуетъ развитію общества. Причина того, что ложь эта такъ долго держится, есть непониманіе слова: развитіе. Развитіе есть приобрѣтеніе знанія; между тѣмъ здѣсь ему дается какое-то другое, довольно темное зна-

ченіе. Если бы подъ развитіемъ понимали именно пріобрѣтеніе знанія, то никто бы не сталъ говорить, что театръ способствуетъ развитію общества. Нѣтъ ни одной театральнoй пьесы, которая бы давала обществу какое нибудь положительное знаніе, и сами защитники ихъ сознаются, что задача ихъ лишь вѣрно воспроизводить жизнь. Слѣдовательно, въ самомъ благоприятномъ случаѣ, зритель можетъ увидѣть на сценѣ только то, что видитъ въ жизни ежедневно и даже ежеминутно; но въ большинствѣ случаевъ даже и этого не бываетъ, а видитъ онъ просто чепуху, въ которой нѣтъ ни складу, ни ладу. Но объ этомъ ужь и говорить нечего; чепуха прямо вредитъ обществу, но весьма многимъ причинамъ. Общество привыкаетъ къ празному и безсмысленному препровожденію времени; кривляющіеся скѣпороки, трагическіе и комическіе, уничтожаютъ въ обществѣ чувство уваженія къ человѣческому достоинству, во-первыхъ, собственнымъ гримомъ, а во-вторыхъ, поселяя въ немъ убѣжденіе, что зрѣнище униженнаго человѣческаго достоинства и личной самостоятельности можетъ бѣить не только гнусно, но весьма утѣшительно, забавно или назидательно. Длѣе, театръ, преобладаніемъ въ немъ дурныхъ пьесъ, оказываетъ прямое вредное вліаніе на характеръ и умъ людей, часто посѣщающихъ его; кто имѣетъ въ числѣ знакомыхъ такъ называемыхъ *театраловъ*, тотъ знаетъ, какъ нестерпимо глупы и несомны бываютъ эти люди въ дѣйствительной жизни, до чего доходить ихъ неспособность видѣть вещи въ естественномъ, а не изуряченномъ видѣ, при дневномъ, а не при ламповомъ свѣтѣ, въ дѣйствительности, а не на подмосткахъ, какъ любить они ставить себя и другихъ на ходули, какъ терпятъ способность сочувствовать страданію безъ адекаго хохота, безъ распуцанныхъ волосъ, безъ ломаній рукъ, какъ умѣютъ мучить окружающихъ «едиственно трагизма ради,» какъ, сѣбовомъ, ничтожны и пошлы становятся они подъ вліаніемъ уродливой искусственности, которая замѣняетъ имъ настоящую жизнь.

Но, разумѣется, имъ могутъ возразить, что все это принадлежитъ къ числу злоупотребленій и что истинные поклонники театральнаго искусства готовы также и даже еще сильнѣе протестовать противъ дурныхъ пьесъ, гдѣ дѣйствительность извращается и жизнь выводится изъ румянахъ, съ распуцанными волосами, на ходуляхъ. Но я полагаю, что даже при самыхъ желанныхъ условіяхъ театръ долженъ быть вреденъ, если не прямо, то по безполезности. Лучшія театральныя пьесы, пьесы Мольера, Шекспира, Шиллера и др., все-таки не приносятъ

никакой пользы. Если Мольеръ совершенно вѣрно воспроизводитъ жизнь и только, то кто же повѣритъ, что воспроизведеніе это научить чему нибудь того, кого не научила сама воспроизводимая дѣйствительность? И чему бы, напр., научилъ Мольеръ? Какое положительное знаніе далъ онъ людямъ, которые слушаютъ его двѣсти лѣтъ? Когда же было новостью, что скупость и лицемеріе— пороки? Кто не зналъ бы безъ Мольера, что пороки эти существуютъ? Или кого исправилъ «Скупой» или «Тартюфъ»? Всякій, кто бывалъ въ театрѣ, очень хорошо, напротивъ того, знаетъ, что шелъ туда не за приобретеніемъ знанія, не для изученія дѣйствительной жизни, не для исправленія своей нравственности, а просто для удовольствія, какъ играть въ карты или танцовать. Точно также всякій знаетъ, что, выходя изъ театра, не выносилъ оттуда никакого знанія, не возвращался домой съ исправленной нравственностью, словомъ, не приобреталъ ничего полезнаго. Театръ вовсе не проповѣдь, и ни одинъ скряга, возвратясь домой, не роздалъ еще сокровища свои нищей братья и не сдѣлался человеколюбивъ. Всѣ эти защитники мнѣнія, что театръ приноситъ обществу пользу, должны зарубить себѣ на носу и не повторять такой безсмыслицы. Польза и искусство— понятія, взаимно исключительныя, а теперь общество находится еще въ такомъ положеніи, что ему вредно все, что бесполезно.

Что же касается до драмъ Эсхила, то онѣ должны имѣть большую важность для людей, специально посвятившихъ себя изученію жизни древне-греческаго общества, потому что, конечно, лучше вошло въ древнихъ историковъ показывать понятія, отношенія и нравы, существовавшіе въ древней Греціи и особенно въ Афинахъ. Но должно полагать, что историкъ, любопытствующій изучать жизнь древнихъ грековъ, будетъ знать по гречески и прочтетъ Эсхила въ оригиналѣ. Что же касается до публики нашей, то предметъ этотъ (т. е. исторія Греціи) не можетъ интересовать ее до такой степени, чтобы она могла удовлетворяться составленіемъ понятія о немъ по новейшимъ исторіямъ Греціи. Къ источникамъ обращаться для нея излишне. Сами же по себѣ драмы Эсхила не могутъ имѣть въ настоящее время никакого значенія. Онѣ до того проникнуты, совершенно чуждой современной европейской цивилизаціи, идеей романа, что не могутъ ни нравиться европейскому обществу, ни пониматься имъ. Для древнихъ грековъ, въ возрѣніяхъ которыхъ идея судьбы господствовала, драмы эти имѣли смыслъ и красоту. У насъ же въ предопредѣленіе вѣрять только старыя бабы; следовательно, для насъ греческія драмы, помимо своего историческаго значе-

нѣ, лишены смысла и кажутся наивнымъ вздоромъ. Однако, все еще встрѣчаются люди, которые о такихъ вещахъ, какъ драмы Эсхила, не могутъ говорить безъ благоговѣнія и не приходятъ въ восторгъ. Такія лица или изъ нелѣпаго приличія притворяются, или, не смотря на свой возрастъ и полъ, принадлежать къ старымъ бабамъ.

Изъ всѣхъ, кто прочелъ или прочтеть драмы Эсхила, только одинъ г. переводчикъ ухитрился найти въ нихъ современное значеніе. За то нельзя не подивиться остроумію и глубокомыслію, обнаруженному имъ при этой okazji. Къ драмѣ Эсхила «Эвмениды», гдѣ на сценѣ являются Афина, Апполовъ, Фурии, Орестъ и Клитемнестра, переводчикъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Уголовный процессъ Ореста стоитъ особой статьи, при чемъ (т. е. причѣмъ же?), вспомнивъ о древнѣйшемъ учрежденіи въ Афинахъ, объ уголовномъ судилищѣ афинскомъ, именно объ Арэонагѣ, который по мифу рѣшалъ дѣла Ореста, несколько представляешь себѣ современниковъ, русскихъ людей XIX вѣка, у которыхъ только-что возникаетъ (?) подобное арэонагу (?) учрежденіе. Мы говоримъ здѣсь о такъ называемыхъ будущихъ (то-то и есть) *криминальныхъ засѣдателяхъ*. Будутъ ли они *несомнѣемымъ* судилищемъ, а главное, *неподкупными* и *справедливыми*, это еще пока вопросъ; но нѣсколько анекдотовъ, записанныхъ имъ древностию объ арэонагѣ (если они действительно вѣрно переданы) доказываютъ несомнѣность, а главное, неподкупность и правдивость арэонагитовъ.» (Драмы Эсхила, стр. 258). Какъ вамъ это покажется, читатель? Афинскій арэонагъ напоминаетъ русскихъ людей XIX вѣка! Вотъ неожиданная и острая мысль! Увлеченный ею, я и самъ начинаю съмотрѣть на драмы Эсхила съ точки зрѣнія современности, и отрываю въ нихъ множество другихъ предметовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ русскимъ людямъ XIX вѣка. Такъ, «урна осужденія» напоминаетъ мнѣ «Московскія Вѣдомости», а «урна оправданія» — «Голосъ»; «собака — злой»; откуда *capitulae*, возбуждаетъ во мнѣ воспоминаніе о лѣтѣ 1862 года; «столбъ придорожный» переноситъ меня къ русско-американскому телеграфу; «Орфей», восхищающій бревна и камни, и «Протей, считающій талесей», обращаютъ мои помыслы къ гг. Каткову и Алсакону; «пространныя женщины» являются мнѣ въ образѣ г-жи Евгении Туръ и г-жи Кохановской; стихи:

Священный долгъ гостепріимства
Позоромъ срамнымъ заклеиваю

приводить мнѣ на память г. Тургеневъ: Амистресь, да Аржафренесь...
И Мегабазесь, да и Астаспесь

Также обращают мои помыслы къ русскимъ XIX вѣка, и слова хора кажутся мнѣ заимствованными изъ «Дня».

Наконецъ я замѣчаю, что Эсхиль полонъ современности и, если его читать прилежно, то, можетъ быть, крайне занимателенъ и завидателенъ. Меня смущаетъ только, что нельзя ли найти такія же на-мековъ на современныхъ людей во всемъ, что писалось отъ сотворенія міра до 1865 г.

Драмы Эхила, повидимому, очень недурно переведены; поворочу по-видимому, потому что не знаю греческаго языка, а слѣдовательно и подлинника. Хотя стихи какіе-то очень странные, но, быть можетъ, такъ и слѣдуетъ. Если гдѣ ужъ очень нелѣпо, то нелѣпости такого рода, что ихъ скорѣе должно отнести къ оригиналу, а не къ переводу. Изданіе книжка очень прилично и, что диво у насъ, почти безъ опечатокъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что печаталась она въ типографіи г. Головина. Эта типографія замѣчательна тѣмъ, что отлично издавать совершенно ненужныя книги. Такъ, кромѣ драмъ Эхила, можно указать на «Путешествіе въ Италию» г. Ковалевскаго, «сказки для милыхъ дѣтей» Маріи Юльсконь, какіе-то финскіе гимны, Лексиконы славянскихъ братьевъ Крестиничевъ и т. п.

Недавно изъ этой типографіи вышло еще изъ самыхъ изящныхъ русскихъ изданій, далеко оставляющее за собою академическаго Державина, не смотря на его злыя, кусающую свой хвостъ. Это переводъ короля Лира г. Лазаревскаго. Въ этой книгѣ превосходенъ не только внѣшній видъ, но и переводъ. Впрочемъ, подробную оцѣнку перевода an sich и по сравненію съ переводомъ Дружинина предоставляю г. Дулышкину. Я же замѣчу, что и въ этомъ изданіи нельзя не замѣтить тяжелой руки рока, преслѣдующей типографію г. Головина. Принимая въ соображеніе то обстоятельство, что у насъ уже есть вполне удовлетворительный переводъ короля Лира, я не вижу достаточной

причины не оставить трудъ г. Лазаревскаго на одну доску съ весьма, быть можетъ, также добросовѣтными трудами переводчиковъ скандинавскихъ мотивовъ и финскихъ гимновъ, а равно и съ трудами братьевъ Крестанинговъ.

Въ 1856 г. графиня Евдоія Ростопчина написала продолженіе грибоѣдовскаго «Гора отъ ума», которое, по неизвѣстнымъ причинамъ, найдено только теперь. Съ чего вообразила себѣ эта дама, что «Горе отъ Ума» нужно проолжать, это никому не можетъ быть вѣдомо. Ясно только, что графиня Ростопчина не понимала грибоѣдовскую комедію. Грибоѣдовъ въ «Горе отъ Ума» показалъ намъ положеніе образованнаго человѣка въ русскомъ обществѣ послѣ 1825 года; при этомъ обличеніе этого общества стоитъ у него на второмъ планѣ, и главною цѣлью его не была сатира на московскую публику. У него была задача поважнѣе, чѣмъ обличать Фамусовыхъ и князей Тугоуховскихъ, и онъ выполнилъ ее, показавъ не только пошлости и всякія безобразія, встрѣчавшіяся въ современномъ ему обществѣ, но главнымъ образомъ тѣ недостатки его, за которые ни все общество, ни отдѣльныя личности нельзя винить,—а именно крайнюю тупость и неразвитость ихъ, доходящіе до такихъ грандіозныхъ размѣровъ, что человѣкъ, рожденный среди этихъ людей, но, на несчастіе свое, вкусившій плодовъ отъ древа познанія, долженъ бѣжать отъ этихъ абдерринговъ, чтобы не попасть въ сѣмезшедшій домъ. Если бы Грибоѣдовъ ограничился тѣмъ, что осмѣялъ въ Молчалинѣ низкопоклонство, въ Фамусовѣ чиновную пошлость, въ Скалозубѣ — идиотство, въ Загорѣцкѣмъ—шулерство, то комедія его, разумѣется, не имѣла бы того значенія, какое имѣетъ въ дѣйствительности, какъ полная картина русскаго общества послѣ 25 года. Но дѣло въ томъ, что кромѣ разныхъ милыхъ индивидуальныхъ особенностей, свойственныхъ людямъ во всякомъ обществѣ, всѣ его дѣйствующія лица заражены непроходимую глупостью, въ которой они не отвѣтственны и которая составляетъ пріятную черту не только ихъ, но цѣлой эпохи. Но чтобы вѣрно и сочувственно изобразить положеніе въ этомъ обществѣ такихъ людей, какъ Чацкій, надо было самому быть выше этого общества, быть самому Чацкимъ, чѣмъ и былъ Грибоѣдовъ. Графиня же Ростопчина сама была сродни этому обществу, и остракизму въ

ней, ни въ какомъ случаѣ, не могла подвергнуться. Впрочемъ, при чтеніи «Возврата Чацкаго» читателю закрадывается въ голову подозрѣніе касательно того, дѣйствительно ли принадлежитъ это твореніе цѣлкомъ графинѣ Ростопчиной? Во-первыхъ, странно уже то, что оно вышло только теперь, пролежавъ 9 лѣтъ подъ спудомъ; во-вторыхъ, нѣкоторыя черты изумительно напоминаютъ современные произведенія гг. Писемскаго, Клюшника и Стебницкаго. Самый духъ и, такъ сказать, направленіе произведенія напоминаютъ г. Писемскаго. Подобно тому, какъ писатель этотъ собирался обличать ложь Россіи, такъ эпиграфомъ къ «Возврату Чацкаго» поставлено многозначительное восклицаніе: *à bas les masques!* Подробности же напоминаютъ разныя отдѣльныя красоты твореній упомянутыхъ писателей. Такъ, о Чацкомъ распускаютъ слухъ, что онъ шпионъ, что походитъ на изображеніе судьбы нѣкоего иностранца въ романѣ «Некуда». Слухъ этотъ распускаетъ стриженная дѣвица, что еще болѣе подозрительно, потому что въ 1856 о нигилисткахъ еще и помину не было, и слѣдовательно Ростопчина не могла писать объ нихъ. Притомъ она была женщина эманципированная, такъ что, доживи она до нынѣшняго времени, вѣроятно, не рѣшилась бы писать карикатуры на нигилистокъ, изъ опасенія попасть не въ бровь, а въ глазъ самой себѣ. Болѣе подходит къ эпохѣ, въ которую, какъ сказано на заглавномъ листѣ, писался «Возвратъ Чацкаго», самъ Чацкій, довольно близко приближающійся къ Надимовымъ и т. п. Такъ, напримѣръ, Чацкій произноситъ монологъ, въ которомъ, между прочимъ, говорить:

«Но будемте любить не на словахъ, на дѣлѣ, —
 Не кости мертвыя, не идеаль, не мифъ,
 Но мощную страну, въ которой ужъ созрѣли
 (созрѣли!)

Всѣ силы для добра!.. Да!.. Всѣ наперерывъ
 Давайте ей служить, перомъ, мечомъ или словомъ,
 На пашнѣ — мужичекъ, въ помѣстьяхъ — господинокъ,
 Въ сенатѣ и въ судахъ — полезный гражданинъ!..
 Забудемте въ единодушьи новомъ
 И распри дѣтскія, и мелочной раздоръ! .
 Какъ хочешь, думай всякъ, — лишь дѣйствуй благородно!..
 Для блага общаго, для пользы всенародной
 Составимъ братскій уговоръ!..»

Ну да, это самое и есть! Какъ не узнать стараго знакомаго!
 Теперь ужъ такихъ прекрасныхъ стиховъ не пишутъ и столь возвы-

тивныхъ предложений не слышится. Тирада эта носитъ на себѣ слишкомъ несомнѣнный отпечатокъ эпохи Ренессансъ.

Но другія тирады далеко не напоминаютъ этого радужнаго времени. Онѣ полны идоломъ гг. Каткова и г-жи П-ной. Таковы, напримѣръ, стихи:

Свѣды нужны вамъ для цѣли сокровенной,
Чтобъ ваши помыслы вездѣ распространять!

и дальше:

О! проповѣдники слѣпыя уравненья...
О! поджигатели общественнаго мѣтенья!

Воззванія эти не имѣютъ въ эпоху Ренессансъ ничего подобнаго и весьма подходятъ на причитанія «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дня». Вслѣдствіе этого я остаюсь въ убѣжденіи, что продолженіе «Горе отъ ума» исправлено и дополнено кѣмъ нибудь родственнымъ по таланту съ вышеупомянутыми беллетристами; нечего и говорить, слѣдовательно, на сколько это жалкое крошачье походитъ на комедію Грибоедова.

Когда и кому читались «Лекціи по исторіи западной Россіи» изданныя теперь въ Москвѣ, я не знаю, но знаю, что авторъ ихъ, г. Кояловичъ, сотрудникъ «Русскаго Инвалида» и «Дня», гдѣ пишетъ курьезныя статейки, въ родѣ того, что «желаютъ быть русскими». Лекціи свои г. Кояловичъ начинаетъ объясненіемъ того, что *должно* понимать подъ западной Россіей, а именно Литву и Малороссію. Затѣмъ онъ объясняетъ, что самъ родился въ этой коллективной странѣ, выросъ и вышелъ изъ нея «задатки своей настоящей дѣятельности». Какіе эти задатки и что должно понимать здѣсь подъ задатками, онъ не объясняетъ, но сознается, что вслѣдствіе всего этого, т. е. мѣста рожденія и возрастанія, а также задатковъ, ему грозитъ опасность «запутываться въ мимолетныхъ современныхъ воззрѣніяхъ» и быть одностороннимъ. На счетъ послѣдняго, г. Кояловича можно успокоить, потому что всякій, кто читалъ его статьи или «Лекціи» знаетъ, что односторонность его не можетъ быть слишкомъ неограниченною, въ которую бы сторону онъ не пошелъ. Наконецъ, въ третьихъ, онъ объясняетъ, что дѣло, которое онъ берется защищать, есть «дѣло трудное, опозоренное и непризнанное». На слѣдующей страницѣ однако онъ говоритъ, что теперь дѣло это привлекло къ себѣ «таланты и свѣжія молодая силы, посвящающія себя трудной борьбѣ; оно уже

скалчило обаяніе». Однако, не смотря на это обаяніе, которое авторъ называетъ «многозначительнымъ», на страницѣ 59 онъ говоритъ слѣдующее: «къ сожалѣнію, немногіе лучшіе русскіе пошли туда (въ западную Россію. Оно нѣсколько нескладно, что «русскіе пошли въ западную Россію», но такъ), а большею частью идутъ дурные чиновники. Терпятъ теперь отъ нихъ западная Россія (что за странность? Россія отъ русскихъ?!), особенно Бѣлоруссія!.. На дняхъ мы (т. е. г. Кояловичъ) получили нѣсколько писемъ, которыя заставляютъ сильно призадуматься. Русскіе чиновники уже ссорятъ народъ съ тамошнимъ православнымъ духовенствомъ. Результаты дурныхъ отношеній русскихъ людей къ западно-русскому народу могутъ быть очень и очень важны (опять необъяснимая странность, если обитатели Литвы и Малороссіи — русскіе, то о какихъ же отношеніяхъ ихъ къ русскимъ людямъ можетъ быть рѣчь? Русскіе люди, вѣроятно, означаютъ у г. Кояловича понятіе, которое можно противопоставлять русскому народу. Темно). Когда русскіе люди убѣляютъ народъ, что и въ нихъ нѣтъ спасенія, тогда народъ можетъ прийти къ убѣжденію, что для него врагъ вообще всякій человекъ, выше его ступеней, богатый, образованный..... тогда-то будетъ опора демократизму и социализму! Положеніе очень грустное! Но можно утѣшать себя, что, раньше или позже, найдется (сравни съ предыдущимъ) побольше лучшихъ русскихъ людей, которые поѣдутъ и исправятъ дѣло».

Историческій взглядъ г. Кояловича на западную Россію очень простъ. Онъ полагаетъ, что сосѣдство съ западною Европою было источникомъ бѣдствій этого края, потому что, вслѣдствіе этого, въ него проникла издавна западно-европейская цивилизація, которую, разумеется, г. Кояловичъ, какъ сотрудникъ «Дня», почитаетъ одиннадцатою египетскою язвою. На стр. 309 онъ изъясняетъ:

«Въ это время въ Кіевѣ основалась школа митрополита Петра Могилы, — основалась по примѣру и по началамъ польскихъ іезуитскихъ школъ. — Козаки ревностно ее защищали, поддерживали, не понимая (безумцы!), что эта школа, уравнивая малоросса-казака мещанина, холопа съ шляхтичемъ, въ тоже время отрываетъ его отъ народа и народныхъ интересовъ».

Сличивъ это съ тѣмъ, что говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, можно вывести то заключеніе, что край, исторію котораго ваялся описать

г. Кояловичъ, погубило преждевременное освобожденіе отъ татарскаго яга. Именно, стр. 162 гласить:

«Витовта спасло отъ давленія западно-европейской цивилизаціи то же, что спасало отъ нея въ свое время Данила Галицкаго, — татарь».

Изъ этого читатель можетъ видѣть, какъ жестоко ошибался въ наши историкки, представлявшіе татарское нашествіе и яго бѣдствіемъ для Россіи. Но если точка зрѣнія г. Кояловича восторжествуетъ, чего, конечно, слѣдуетъ желать, то всякій будетъ понимать, какъ много обязанъ онъ татарамъ. Кто знаетъ, быть можетъ безъ нихъ злоторное вліяніе западно-европейской цивилизаціи подѣйствовало бы на Россію двумя-тремя столѣтіями раньше. Быть можетъ, все, что мы теперь переживаемъ, всё явленія нашей жизни были бы давно и невозвратно прошедшимъ милымъ! Быть можетъ, «День» издавался бы не въ 1865, а въ 1665 году; а о «Русскомъ Инвалидѣ» не сохранилось бы даже воспоминанія; быть можетъ, вопросы о жидяхъ, о гласности, о кулачной расправѣ, о розгахъ были бы извѣстны только специалистамъ-историкамъ по немногимъ уцѣлѣвшимъ экземплярамъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», «Голоса» и «Агенея». Но, благодаренье небу — все это наше нынѣшнее достояніе. *Gaudeamus igitur!*

Der Esel heisst Esel, nicht asinus,
Die Schwaben blieben Schwaben!

Если есть о чемъ жалѣть, это о томъ, что Мамалево побѣще случилось слишкомъ рано. Впрочемъ нѣтъ, все хорошо и прекрасно такъ, какъ есть.

Такимъ-то образомъ западная цивилизація *постигла* Литву и Малороссію и сдѣлалась источникомъ всѣхъ бѣдствій, которыя преслѣдовали ее до тѣхъ поръ, пока, говоря словами г. Кояловича, передъ ними не «открылась вся широта правъ русскаго дворянства» (стр. 368). Однако и въ настоящее время страны эти находятся въ бѣдственномъ положеніи, которое происходитъ отъ представителей въ этомъ краѣ западно-европейской цивилизаціи. Однимъ изъ такихъ представителей служитъ еврейское племя, чрезвычайно многочисленное, а именно простирающееся до 1,180,000 чел. Многіе неопытные люди думаютъ, что отъ евреевъ зла не происходитъ и что они вообще люди благонамѣренные. Въ опроверженіе послѣдняго, г. Кояловичъ приводитъ слѣдующій анекдотъ:

«Въ Могилевѣ городское общество собралось писать върноподац-

нический адресъ. Мѣщане-христиане заявили, что они готовы при-
нести на алтарь отечества свое достоинствѣ, жизнь и кровью запечатлѣть
свою вѣрность Государю и Россіи. Жиды возразили, Они сказали:
защитѣмъ эта кровь, — просто сказать, что мы вѣрны и довольны.
(стр. 53).

Анекдотъ по истинѣ разительный и комментаріевъ не требующій,
ведѣтвѣю чего г. Кояловичъ, сообщивъ его, ставитъ черту и пере-
ходитъ къ другимъ предметамъ. Результатъ всѣхъ соображеній его не
удивитъ насъ, потому что «День» уже причудъ насъ къ такимъ вы-
водамъ. Г. Кояловичъ рѣшаетъ такъ:

«Жиды западно-русскіе — это люди крайне тяжелые, вредные для на-
рода, и настоятъ крайняя необходимость очистить отъ нихъ *хоть не-
много* (?) западную Россію» (стр. 53), и дальѣе «*какъ бы то ни
было*, а необходимо очистить западную Россію отъ жидовства, —
необходимо во имя челолюбія» (стр. 54). Слова «какъ бы то
ни было» относятся къ предшествующимъ этому разсужденіямъ о томъ,
что слѣдуетъ сдѣлать съ этими 1,480,000 евреевъ? Онъ, полагаетъ
сначала, что должно выселить ихъ, но куда? Или вправо, или влѣво,
или въ Польшу, или въ восточную Россію. Но первое онъ считаетъ
«невыгоднымъ», а касательно второго сознаетъ, что «безъ неудобствъ
для русскаго народа, конечно, не обойдется». Затѣмъ-то онъ уже и
рѣшаетъ, что «какъ бы то ни было», а все-таки надо во имя чело-
любія *очиститъ* край отъ евреевъ. Каждый читатель можетъ по
произволу назначать евреямъ ту или другую часть, смотря потому,
на сколько онъ поклоняется «проницательности» г. Каткова и древней
мудрости г. Аксакова.

Г. Кояловичъ въ первой же лекціи заявляетъ, «что имъ извѣстно, что
ихъ точка зрѣнія подвергается большимъ нападкамъ и клеветамъ».
Дѣйствительно, въ Россіи, къ несчастью, живутъ люди, не принадле-
жащіе къ поклонникамъ точки зрѣнія г. Кояловича и называющіе даже
миѣнія, подобныя высказываемымъ имъ, варварскимъ и изувѣрскимъ
обскурантизмомъ. Но оказывается, напротивъ того, что г. Кояловичъ
говоритъ объ обвиненіяхъ его въ слѣдованіи и проведеніи «теоріи де-
жоратизма». «Вѣдь это значить, говорятъ другіе еще сильнѣе, про-
водитъ теорію социализма!» (стр. 15).

Къ сожалѣнію, г. Кояловичъ правъ; существуетъ газета «Вѣсть»,
на столбцахъ которой г. Скарятинъ обвиняетъ въ этихъ теоріяхъ
«День» и весь его причетъ, и противъ этихъ обвиненій постоянно

преступность передовыхъ статьи «Дня». Но вина отъ этихъ обвиненій ни для кого, ни для обвинителя, ни для обвиняемыхъ, не происходитъ.

Напротивъ того, *similia similibus curantur*, — г. Коваловичъ предлагаетъ г. Скарятину такія условія, которыя тотъ не можетъ отвергнуть. Авторъ «Левчій» такъ прясняетъ г. Скарятину свою точку зрѣнія:

«Западно-русская исторія есть исторія демократизма, ищущаго своей древней родной аристократіи, т. е., вообще говоря, русской, православной аристократіи» и т. д.; «Западно-русская исторія есть исторія социализма, ищущаго возстановленія древнихъ родныхъ порядковъ жизни, т. е. тоже русскихъ и православныхъ». (стр. 15-16). Согласно съ этимъ и я скажу, что исторія г. Коваловича есть исторія «Дня», ищущаго «Вѣсти» и «Русскаго Иоваида», ищущаго въ свою очередь «Сѣверной Цяеды» (но увѣ не находящаго, по случаю ея кончины).

Недавно вышла очень замѣчательная книга: «Наше купечество и торговля съ серьезной и каррикатурной сторонъ,» изданная, какъ сказано, подъ редакціей купца. Согласно атому, она состоитъ изъ двухъ частей: въ первой разсматривается положеніе купечества и торговли, причины ихъ жалкаго состоянія и предлагаются средства и т. д., лучше сказать, только намекается на средства, какъ поправить адо. Во второй же части подробно разказаны нѣкоторые пассажи, случавшіеся въ купеческомъ мірѣ, и до того крупные, что слухъ о нихъ проникалъ и въ не торговые классы общества. Разказы эти крайне занимательны, а сцены изъ купеческаго быта написаны очень хорошо и весьма характеристичны. Особенно сильный интересъ должна возбудить эта книга въ Москвѣ.

Что же касается до «серьезныхъ» разсужденій автора, какъ онъ выражается, то нельзя не замѣтить, что они отличаются крайней непоследовательностью, не смотря на то, что нѣкоторыя замѣнанія его вѣрны. Такъ, на стр. 77 онъ весьма основательно говоритъ: у «насъ кричали и кричатъ о свободѣ торговли, разумѣется виѣшней, — хлопочите-ка лучше о свободѣ внутренней торговли.» Между тѣмъ, продолжаетъ онъ на стр. 80, «дѣло старое и извѣстное, что у насъ каждый городъ, каждая ярмарка имѣетъ своихъ властей и свой законъ, и дѣлать въ нихъ что нибудь *свободно*, а слѣдовательно и торговать — дѣло ни для кого невозможное.» Вторая часть книги подтверждаетъ

это мнѣніе такими крупными и несомнѣнными фактами, какъ напр. чертами управленія «городничего Идолова въ богоспасеомъ градѣ Плушкѣ», что спорить противъ этого невозможно.

Слѣдовательно, если торговля не можетъ существовать при такихъ условіяхъ, каковы указываемыя авторомъ, то нечего и толковать объ улучшеніи ея и торговаго сословія, пока эти условія существуютъ. Добить эту истину полезно уже и потому, что ее безпрестанно упускаютъ изъ виду и хватаются, какъ за якорь спасенія, за всякій вздоръ, который кто нибудь сплететъ. Отъ такой непослѣдовательности несвободна и редакція разбираемаго «Сборника» и это тѣмъ непростительнѣе ей, что она, какъ видно, очень хорошо понимаетъ, въ чемъ основаніе зла.

Такъ, напр., редакція ожидаетъ благихъ послѣдствій отъ улучшенія воспитанія въ коммерческихъ училищахъ. Въ этомъ случаѣ она раздѣляетъ весьма распространенное ложное мнѣніе, будто образованіе само по себѣ можетъ что нибудь сдѣлать. Но редакціи или автору «Сборника» непозволительно раздѣлять эту ошибку. Вѣдь не можетъ же онъ думать, что если воспитаніе пойдетъ въ коммерческихъ училищахъ лучше, то устранятся тѣ условія, которыя составляютъ первую и главную причину плачевнаго положенія торговли и купечества? Такое предположеніе было бы верхомъ безсмыслицы. Но мало того, авторъ выше самъ говорилъ и старался показать, какъ можно яснѣе, что образованіе не даетъ нашему купечеству ни малѣйшей выгоды, потому что дѣйствіе его слишкомъ ничтожно въ сравненіи съ коренными причинами зла. Авторъ доказывалъ весьма убѣдительно, что образованный челоувѣкъ въ купечествѣ—лишній, что ему не только не къ чему приложить свое образованіе, но, напротивъ того, оно даже мѣшаетъ ему пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользуются его необразованные товарищи по сословію. Образованный челоувѣкъ, по словамъ автора, не можетъ удержаться въ купечествѣ; его тянетъ въ чиновничество. Нѣсколько страницъ «Сборника» посвящены тому, чтобы показать, какъ неизбежно слагаются всѣ эти обстоятельства, такъ что образованный челоувѣкъ, даже сгорающій желаніемъ быть полезнымъ своему сословію, кончаетъ выходомъ изъ него.

«Изъ такихъ лицъ, сказано на стр. 16, образуются чиновники, учителя разныхъ уѣздныхъ училищъ, домашніе наставники, частные секретари, письмоводители;» всего же чаще, разумѣется, первое. За чѣмъ же, слѣдовательно, хлопотать купечеству о коммерческихъ училищахъ, за чѣмъ тратить на нихъ деньги? Вѣдь выходило бы, что

они стараются не для себя, а для чиновничьего сословія. Это ясно, какъ ясно то, что все, сказанное авторомъ о положеніи образованныхъ лицъ въ купечествѣ, — чистая правда. Другія отношенія и другого исхода и быть не можетъ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, образованный человѣкъ найти себѣ поприще въ нашей торговлѣ? Можетъ ли онъ даже, если онъ дѣйствительно образованъ, раздвѣлять ея интересы? И наконецъ, можетъ ли онъ постоянно ломать себя, чтобы имѣть возможность выносить общія условія? Но не зачѣмъ ходить далеко, чтобы дать отрицательный отвѣтъ на все это; достаточно фактовъ, характеризующихъ коммерческое сословіе и его положеніе, собранныхъ въ этой же книгѣ. Впрочемъ, и безъ книги, всякій прямо изъ жизни знаетъ, что образованные и развитые люди въ купечествѣ не уважаются, по крайней мѣрѣ добровольно.

«Народная жизнь наша мало по малу начинаетъ заявлять себя, обнаруживаться,» говоритъ въ предисловіи г. Чудинскій, собиратель русскихъ народныхъ сказокъ. — «Всѣ мы въ настоящее время живо понимаемъ интересъ ея и потому-то съ такимъ усиліемъ хлопочемъ объ изученіи ея во всевозможныхъ видахъ. — Издаваемая книжка заключаетъ въ себѣ нѣкоторые отрывки изъ нашей рукописи, посвященной (?) изученію устнаго народнаго слова. — Дай Богъ, чтобы и эта лепта принесла свой плодъ!»

Я совершенно недоумѣваю, какого плода ждать г. Чудинскій отъ своей лепты, и почему онъ думаетъ, что наша народная жизнь начинаетъ обнаруживаться и заявлять себя? О какихъ «всѣхъ насъ» говорить онъ, я также не знаю. Если подъ обнаруженіемъ народной жизни онъ разумѣетъ крестьянъ, то никто не придумаетъ, какое отношеніе имѣютъ къ этому событію сказки, собранныя г. Чудинскимъ, или лепта его.

Отличительная черта сказокъ, собранныхъ г. Чудинскимъ, есть крайнее тупоуміе. Нѣкоторыя изъ нихъ не имѣютъ въ себѣ ничего народнаго, какъ напр., «Барыня и горничныя,» содержаніе которой есть известная басня Крылова, которая называется: «Госпожа и двѣ служанки» и слѣдовательно даже анти-народна; потомъ «Мизинчикъ» — передѣлка нѣмецкой сказки «Мальчикъ-съ-пальчикъ» и т. д. Другія

составляла что неслыханно, какъ, напр. «Райская птичка», «Золотая нoga», «Цыганъ въ монастырѣ», «Мужикъ и Царь» (анекдотъ о мечѣ Дамоклеса, каменный-то обрѣзокъ забредшій въ русскія народныя сказки). Содержаніе «Райской птички», наприцѣтъ, состоитъ въ томъ, что монахъ, заслушавшись пѣніемъ райской птички, заснулъ и проспалъ 72 года. Но всево плутиѣ то, что г. Чудинскій называетъ «прибаутками». Въ числѣ этихъ прибаутокъ есть такого рода куплеты:

Съѣлъ дѣдь,
 Съѣла баба,
 Съѣло масло.
 Съѣлъ дѣдь,
 Съѣла баба,
 Съѣло масло, и такъ до безконечности.
 или: Дожжикъ, дожжикъ, перестань,
 Я уѣду во Рязань,
 Куплю себѣ горностаи!
 Останутся деньги —
 Куплю себѣ серьги.
 Дожжикъ, дожжикъ пуши!
 Я дамъ тебѣ гуши.

Насколько все это заслуживаетъ быть преданнымъ тисненію и какъ можетъ это быть предметомъ изученія, предоставляю судить читателямъ.

«Руководство къ геологіи» К. Фогта, изданное недавно товариществомъ «Общественная польза», есть вовсе не руководство, а «Основныя начертанія (Grundriss) геологіи» т. е. не болѣе, какъ справочная книжка, очень полная и полезная для людей, занимающихся этой наукой. Такое бы значеніе и могло имѣть изданіе товарищества, если бы за него не было назначено баснословной цѣны: (4 рубля сер.) Поэтому людямъ, занимающимся геологіей, гораздо выгоднѣе купить нѣмецкое изданіе, такъ какъ должно предполагать, что такія лица знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ. Какъ учебникъ же, книга эта не можетъ служить, потому что набита названіями, таблицами, цифрами, словомъ, голыми фактами, что, по обилію ихъ, составляетъ важное достоинство ея, какъ справочной книжки, но лишаетъ ее всякаго значенія, какъ руководства. Поэтому, хотя товарищество справедливо гово-

ривъ, что у насъ ошибается недостатокъ въ руководствѣ къ географіи, но это крайне ошибается, считая «Grundriss» способнымъ ликвидировать этотъ недостатокъ. Учить или учиться по нему географіи, все равно, что преподавать исторію и географію по словарю Буля.

Впрочемъ, само по себѣ русское издание «Grundriss» очень хорошо, какъ относительно перевода, такъ и рисунковъ. Очень жаль, что оно такъ дорого стоитъ.

Въ прошедшемъ году была издана «Исторія кусочка хлѣба» Маса. Въ этой книжкѣ изумительно ясно и доступно каждому ребенку была рассказана для дѣтей вся физиологія питанія. При выходѣ въ свѣтъ, она встрѣтила общее сочувствіе и одобреніе, какихъ дѣйствительно заслуживаетъ болѣе, чѣмъ какая либо другая дѣтская книжка. Теперь вышло въ русскомъ переводѣ новое сочиненіе того же автора. Однако о немъ нельзя сказать того же, что было сказано объ «Исторіи кусочка хлѣба». Уже заглавіе ставитъ читателя въ тупикъ: называется эта книжка, во-первыхъ, «Слуги желудка», во-вторыхъ, «Исторія пяти чувствъ», но, къ изумленію, первый выпускъ содержитъ въ себѣ «описаніе костей». Оно точно, что кости имѣютъ довольно прямое отношеніе къ органамъ чувствъ; но, тѣмъ не менѣе, весьма странно, что «Исторія пяти чувствъ» начинается довольно подробнымъ изложеніемъ остеологіи. Такъ, пожалуй, дѣло до пяти чувствъ не скоро дойдетъ.

Начало книги тоже очень странное. Разказы названы письмами, и вдругъ въ самомъ началѣ перваго «письма» авторъ говоритъ:

«Я хочу рассказать вамъ, милое дитя мое, исторію вашихъ рукъ и ногъ, вашего маленькаго носика, вашихъ большіхъ глазъ, которые «на меня смотрятъ» (?) и вашихъ ушей, которыя «меня слушаютъ» (?)».

Такимъ образомъ авторъ, какъ только собрался говорить съ дѣтскимъ, такъ сейчасъ же и напустилъ на себя глупости. Этой глупостью онъ уже съ самаго начала озадачить ребенка, который возьмется за его книгу, потому что вѣдь и ребенокъ сообразитъ, что «писемъ» не слушаютъ и корреспонденты другъ на друга не смотрятъ. Притомъ, что за пошлая манера говорить комплименты «другому дитяти»? Почему у дитяти должны быть непременно большіе глаза и маленькій носъ? А если на оборотъ? И такими комплиментами Маса угощаетъ дѣтей въ теченіе всего разказа, называя зубы «жемчужинами», губы—«караллами» и т. д.

Что касается до самаго разказа, то въ немъ далеко нѣтъ той

ности и простоты, которые делаютъ «Исторію кусочка хлѣба» необыкновеннымъ въ своемъ родѣ явленіемъ. Надо еще зафѣтить, что къ послѣдней сочиненіи нѣтъ рисунковъ, которые много способствуютъ пониманію разсказа. Но «Описанію костей» и рисунки не совсѣмъ помогаютъ. Общая анатомія разсказана, впрочемъ, очень хорошо въ пяти коротенькихъ письмахъ. Зато разсказы изъ описательной анатоміи довольно неудачны. Авторъ поступаетъ съ маленькими читателями крайне безперемонно. Заберетъ себя, напр., въ голову, что у «милаго дитяти» долженъ быть новорожденный братецъ, и присовѣтуетъ ощупать у него роднички. Затѣмъ уже онъ считаетъ себя въ правѣ не стѣсняться, такъ что ребенокъ, у котораго маленькаго братца нѣтъ, ничего не пойметъ. Или вздумается ему, что «милое дитя» должно заниматься гимнастикой и знать, что такое трапеція, и онъ, не задумываясь, сравниваетъ съ этой трапеціей трапецидную кость. Здѣсь, разумеется, его не пойметъ не только дитя, не занимающееся гимнастикой, но и занимающееся, потому что трапецидная кость похожа скорѣе на любой другой предметъ, чѣмъ на трапецію въ гимнастикѣ. Наконецъ, въ довершеніе нелѣпости, кости черепа описываются съ точки зрѣнія Гете, какъ позвонки! Можно быть увѣреннымъ, что даже человекъ, долго занимавшійся анатоміей на препаратахъ и имѣвшій множество разъ кости черепа въ рукахъ, затруднится признать въ нихъ позвонки, а г. Массе хочетъ, чтобы поняли его дѣти! Притомъ мнѣніе Гете очень остроумно и имѣетъ значеніе для высшихъ цѣлей сравнительной анатоміи; но къ описательной анатоміи, а тѣмъ болѣе разсказываемой дѣтямъ, оно также идетъ, какъ если бы въ «Исторіи кусочка хлѣба» Массе пустился разсуждать, напр., о содержаніи въ слюнкѣ строціанистаго калия. Анекдоты, щедро разсыпанные въ этой остеологіи, плохо вяжутся съ главнымъ разсказомъ и должны напомнить дѣтямъ тѣ минуты ихъ жизни, когда имъ подносятъ касторовое масло съ вареньемъ.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ первые пять писемъ очень хороши, а изъ остальныхъ ребенокъ все-таки узнаетъ много полезнаго, то я считаю необходимымъ рекомендовать эту книжку. Издательницамъ же советъ мой — безжалостно истреблять всѣ комплименты Массе, въ которыхъ дѣти вовсе не нуждаются.

Въ прошломъ мѣсяцѣ я не бесѣдовалъ съ вами, читатели, и потому не могъ отвѣтить на одинъ вопросъ, обращенный ко мнѣ и печатно, и пись-

менно. Въ «Библиографіи» августовской книжки «Русскаго Слова», разсматривая книгу Катрфажа объ единствѣ рода человѣческаго, я сказалъ, что большинство нынѣшнихъ ученыхъ несогласно съ Катрфажемъ и что вопросъ объ отношеніяхъ бѣлой и черной расы рѣшается съ этой точки зрѣнія иначе, чѣмъ съ чисто филантропической. Я высказалъ при этомъ, что съ этой точки зрѣнія, рабство черной расы представляется явленіемъ совершенно естественнымъ и нормальнымъ, потому что обусловливается не какими нибудь случайными причинами, а естественно-историческими. Это показалось многимъ весьма страннымъ, негуманнымъ и находящимся въ противорѣчій съ тѣмъ взглядомъ на сѣверо-американскій вопросъ, который проводитъ въ своихъ статьяхъ нашъ уважаемый сотрудникъ, Ж. Лефрель. Однако, я надѣюсь доказать, что противорѣчія здѣсь не было, и что можно не быть аболіціонистомъ, не будучи въ то же время обскурантомъ.

Дѣло въ томъ, что ученые вели безконечные споры о томъ, слѣдуетъ ли считать человѣческія расы различными видами или различными разновидностями. Послѣ Дарвина споръ этотъ долженъ прекратиться, такъ какъ строгое различіе между видами и разновидностью имъ стерто. Изъ спора вытекаетъ, однако, одно слѣдствіе, которое остается въ силѣ, а именно, что различіе, существующее между расами, весьма значительно, постоянно и отличается отъ различія, существующаго между человѣкомъ и прочими животными, не качествомъ отличительныхъ признаковъ, а количествомъ или, вѣрнѣе, степенью ихъ. Этому взгляду слѣдуютъ всѣ ученые, въ томъ числѣ люди, которыхъ еще никому въ голову не приходило называть обскурантами, какъ напр., Фогтъ, Гексли и др. Весь I-й томъ «Лекцій» Фогта о положеніи человѣка въ ряду организмовъ посвященъ доказательству коренной разницы между бѣлымъ и чернымъ племенами, и, вмѣстѣ, съ Гексли Фогтъ признаетъ негра низшимъ по организаціи, чѣмъ бѣлый челоѣкъ, и составляющимъ переходную степень отъ послѣдняго къ прочимъ млекопитающимъ. На всякомъ шагѣ у этихъ ученыхъ встрѣчаемъ выраженіе послѣдовательности такого рода: европеецъ, негръ и т. д. Доказательства, приводимыя ими въ пользу такой послѣдовательности высшихъ организмовъ, на столько сильны, что противники ихъ, напр., Бишоффъ, не нашли ничего лучшаго, какъ совершенно отрицать челоѣчность негра, что для аболіціонистовъ еще невыгоднѣе *). Если кто нибудь,

*) Указывали, говорить Бишоффъ, на скимосовъ, ботокудовъ, новозеландцевъ, которые дѣйствительно ни въ чемъ не превосходятъ животныхъ и во

на основаніи научныхъ данныхъ, будетъ оскарживать мнѣніе Фогта, Гексли и другихъ; то будетъ, конечно, имѣть полное право не признавать и результатовъ, вытекающихъ изъ такого мнѣнія. Но кто же имѣетъ никакихъ данныхъ на то, чтобы основательно возражать этимъ ученымъ,—не долженъ закрывать глаза и затыкать уши. Мнѣніе такихъ людей во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что основательнаго возраженія имъ еще не было сдѣлано. Но какъ скоро взглядъ ихъ будетъ принятъ, то должны быть приняты и вытекающіе изъ него логическіе выгоды. Неотразимый выводъ, прямо вытекающій изъ такого взгляда, это тотъ, что при совместномъ существованіи двухъ расъ, изъ которыхъ одна выше по организаціи другой, равноправность между ними невозможна,—низшая неизбѣжно раба высшей. Между тѣмъ, такъ какъ мнѣніе упомянутыхъ ученыхъ въ настоящее время побѣдноно господствуетъ, то и выводъ этотъ также долженъ быть всеми признанъ, пока взглядъ, на которомъ онъ основанъ, не встрѣтитъ серьезнаго опроверженія. На этомъ-то основаніи я и сказалъ, что «несомнѣнно и признано всеми, что невольничество есть самый лучший исходъ, котораго можетъ желать цвѣтнѣйшій человѣкъ, придя въ соприкосновеніе съ бѣлою расою». Меня могутъ упрекнуть за выраженіе «признано всеми», потому что существуетъ много людей, болѣе симпатизирующихъ вздохамъ madame Бичеръ-Стоу, чѣмъ мнѣніямъ Фогта. Но въ такомъ случаѣ нельзя равнымъ образомъ позволить себѣ сказать, что *всеми* признано вращеніе земли вокругъ солнца, потому что до сихъ поръ существуютъ люди, полагающіе, что земля стоитъ на трехъ китахъ. И такъ, я думаю, что такое воззрѣніе на невольничество не можетъ быть названо обскурантнымъ или нелѣпнымъ; иначе пришлось бы, во имя ни на чемъ неоснованнаго мнѣнія, обвинять въ обскурантизмѣ не только Фогта, но и Прудона, который во 2 томѣ «Вѣщны и Мира» также говоритъ противъ аболіціонизма.—Но это еще не освобождаетъ меня отъ упрека въ противорѣчьи съ воззрѣніями Жака Лефрени. Могутъ сказать, что въ № № 11 и 12 «Русскаго Слова» за прошлый годъ была статья Э. Реблю: «Будущая негрятанская имперія», исполненная живѣйшаго желанія неграмъ счастливой, свободной и самостоятельной политической жизни; кромѣ того, политическій отдѣлъ нашего журнала постоянно выражаетъ симпатію сѣверянамъ и

многихъ отношеніяхъ стоятъ даже ниже ихъ». (С. Vogt. Vorles. B. 1. s. 185). Ясно, что аболіціонистамъ выгоднѣе уже сойтись лучше съ Фогтомъ, чѣмъ съ противниками его по этому вопросу.

высказывается противъ неготорговли и плантаторства. Тѣмъ не менѣе я сейчасъ покажу, что здѣсь еще нѣтъ противорѣчiя съ тѣмъ, что было сказано мною въ августовской книжкѣ этого года. Въ «Библиографіи» этой книжки я разсматривалъ не политическій вопросъ о неграхъ, я говорилъ не о томъ, чего надо *желать* въ социальномъ отношеніи для чернаго племени, а указалъ на тотъ выводъ, который даютъ естественныя науки по отношенію къ невольничеству. И такъ какъ между научнымъ выводомъ и приѣніемъ его къ политической жизни народовъ есть огромная разница, то было бы довольно странно смѣшивать одно съ другимъ. Представляя этотъ выводъ своимъ читателямъ, которыхъ здравый смыслъ стоитъ гораздо выше смысла $\frac{9}{10}$ нашихъ либераловъ, я былъ увѣренъ, что они не обвинятъ меня въ симпатіяхъ къ рабству и не примутъ научнаго факта за мои политическія стремленія. Кромѣ того, я нигдѣ ни слова не говорилъ о томъ, что не считаю негровъ вообще способными жить свободно. Это было бы цѣлѣстью. Но я говорилъ, что не считаю возможнымъ равноправность европейцевъ и негровъ «при совмѣстномъ существованіи». Следовательно, все это вовсе не противорѣчитъ статьѣ г. Реклю: *о возможности въ будущемъ независимаго политическаго существованія негровъ особо отъ европейской расы*.

Далѣе, изъ того, что я не признаю возможнымъ для сѣверо-американскихъ негровъ пользоваться равными правами съ европейцами, никто не въ правѣ выводить, что я стою за вывозъ негровъ изъ Африки, за торговлю ими, за дурное обращеніе съ ними и т. д. Никому еще даже не снилось говорить объ эмансипаціи лошадей, однако изъ этого еще не слѣдуетъ, что лошадей должно мучить. Следовательно, во взглядѣ моемъ на невольничество нѣтъ ничего, что бы стояло въ разрѣзъ съ мнѣніями, выражаемыми въ политическомъ отдѣлѣ «Русскаго Слова». Подобно Э. Реклю, я желаю неграмъ всякаго благополучія и негодую на безобразныя явленія, сопровождающія невольничество въ Сѣверной Америкѣ. Но при этомъ я указываю на мнѣнія уважаемыхъ передовыхъ ученыхъ и на выводы изъ этихъ мнѣній касательно вопроса о невольничествѣ. Развѣ необходимо, чтобы не быть обскурантомъ, закрывать на это глаза и долбить свое, хотя наука говоритъ другое? Развѣ легче больному оттого, что докторъ надъ постелью его вмѣсто дѣла будетъ нюхать и предлагать ему вмѣсто операціи сахарную водичку? Для многихъ это действительно необходимо. Чѣмъ бы, напр. бралъ «Голось», если бы началъ порицать Гарибальди? Но такая необходи-

ность существует лишь для изданий, подобных «Голосу». В «Очерках» же, напр., в одномъ изъ первыхъ №№ была статья, доказывавшая, что дѣйствія Гарибальди въ 1860 были далеко не безукоризненны и что во многомъ онъ высказалъ ограниченность. «Очерки» могли высказывать это свободно. Такимъ же образомъ я полагаю, что «Русское Слово» также мало нуждается въ либеральныхъ украшенияхъ, столь необходимыхъ «Голосу» и «Сыну Отечества».

Все это я счелъ нужнымъ сказать въ отвѣтъ на письменные вопросы и на обвиненіе «Искры» въ противорѣчіи между моимъ мнѣніемъ и мнѣніями моихъ сотрудниковъ по этому вопросу. Но кромѣ «Искры», я подвергся по этому поводу нападкамъ въ «Современникѣ». Въ №№ 11 и 12 этого журнала г. посторонній сатирикъ говорить по этому поводу слѣдующее: «Русское Слово», считающее себя прогрессивнымъ и гуманнымъ, защищаетъ однако рабство и неполноправность негровъ. Вотъ это хуже всякихъ непристойностей; потому что истинно гуманные люди, особенно реалисты, какъ именуютъ себя «Русское Слово», должны заботиться о смягченіи даже рабства животныхъ, даже ихъ права защищать, не говоря уже о, неграхъ, которые все-таки люди».

Эти слова г. Посторонняго сатирика о долгѣ гуманныхъ реалистовъ защищать свободу животныхъ напоминаютъ мнѣ московскаго поэта г. Алмазова, который сказалъ въ какихъ-то стихахъ, что нигилистъ обязанъ уважать корову, какъ свою родственницу, но находящуюся пока въ дикомъ и необразованномъ состояніи. Вѣроятно, г. Посторонній сатирикъ не сообразилъ, какая же можетъ быть *гуманность* относительно *животныхъ*, и притомъ онъ понимаетъ слово *реалистъ* въ какомъ нибудь особомъ смыслѣ. Сколько мнѣ извѣстно, реалистомъ можетъ называться человекъ, который смотритъ на вещи прямо, безъ предвзятыхъ идей, дорожитъ наблюденіемъ, фактомъ, дѣйствительностью. Думая такъ, я скорѣе назову реалистомъ Карла Фогта, чѣмъ напр., почтенныхъ членовъ многочисленныхъ обществъ противъ дурного обращенія съ животными, простирающихъ свою попечительность о животныхъ до того, что рѣшительно требуютъ для нихъ эмансипаціи; благодаря подобнымъ обществамъ, множеству людей въ Европѣ была бы прямая выгода «перечислиться въ другой классъ животныхъ». Но г. Посторонній сатирикъ, вѣроятно, назвалъ бы этихъ господъ «гуманными реалистами», а Карла Фогта, въ соотвѣтствіе этому, варварскимъ идеалистомъ. Такъ, что ли, г. Посторонній сатирикъ? Или вы отказы-

взаетесь отъ вашего мнѣнія объ обязанностяхъ гуманнѣе реализовъ?

Но я, право, боюсь, что меня обвинять въ склонности къ Умерскагеи; спешу оговориться: мучить негровъ и животныхъ и считаю дѣломъ постыднымъ, какъ для варварскихъ идеалистовъ, такъ и для гуманнѣе реалистовъ. Но питаю надежду, что кто нибудь сообразитъ, что отъ этого до эмансипаціи негровъ и животныхъ еще очень далеко.

Впрочемъ, я очень хорошо знаю, что г. Посторонній сатирикъ разговаривался объ обязанностяхъ реалистовъ въ отношеніи негровъ и животныхъ вовсе не потому, что мнѣніе мое показалось ему дѣйствительно очень нелѣпымъ. Онъ возсталъ на меня вовсе не потому, что мнѣніе мое зашло его аболіціонистскія убѣжденія. Я полагаю даже, что онъ довольно равнодушенъ къ аболіціонистскимъ убѣжденіямъ и обществамъ противъ дурного обращенія съ животными. О неграхъ онъ выражается, что они «все-таки люди». Въ этихъ словахъ не выражается особенно сильнаго убѣжденія въ равной способности расъ къ совместному пользованію политическими и общественными правами. Поэтому я не стану приставать къ г. Постороннему сатирику съ запросами о томъ, что онъ желалъ сказать своимъ «все-таки людямъ».

Лучше мнѣ позаботиться о собственной безопасности. Я уже предвижу, какую бурю подыметъ противъ меня г. Посторонній сатирикъ за мое сопоставленіе его съ московскимъ поэтомъ Алмазовымъ. Чтобы предупредить эту бурю, считаю необходимымъ сказать, что глубоко върую въ пониманіе г. Постороннимъ сатирикомъ значенія реализма. Я очень хорошо знаю, что отзывъ московскаго поэта Алмазова объ уваженіи нигилистовъ къ коровѣ учиненъ имъ съ полной наивностью и чистосердечнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что послѣдовательный нигилистъ долженъ уважать корову, и что потому слова его очень мѣткі, какъ доведеніе противнаго ему мнѣнія до абсурда.

Между тѣмъ г. Посторонній сатирикъ—человѣкъ умный и такого вздора не думаетъ. Сболтнулась же у него эта чепуха сознательно; онъ понимаетъ, какъ нельзя лучше, какое должно быть отношеніе реализма къ этому вопросу, и сказалъ вздоръ, вполнѣ сознавая, что говорить вздоръ, но побуждаемый желаніемъ уязвить меня. Надобно замѣтить, въ оправданіе г. Посторонняго сатирика, что вздоръ сказанъ имъ среди весьма горячихъ нападокъ на меня за то, что мнѣ не понравилась одна острота его. А извѣстно, что въ горячности человѣкъ можетъ наговорить не мало вздора даже сознательно, чтобы только дойти не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Здѣсь же кстати будетъ сказать нѣсколько словъ и по поводу прочихъ нападокъ на меня г. Посторонняго сатирика, которыя также всѣ довольно страннаго свойства. Такъ напр., кто читалъ мою статью «Словянофилы побѣдили» (г. Посторонній сатирикъ говоритъ, что я написалъ ее по его указанію на статью подъ тѣмъ же заглавіемъ «Эпохи»; «Эпоха» и «Отечественныя записки» возликують, какъ возликовали, когда я однажды, цитируя г. Антоновича, сказалъ: «помнит-ся, г. Антоновичъ говорилъ.» Но пусть они ликуютъ и пусть г. посторонній сатирикъ утѣшается. На здоровье!) кто читалъ, говорю я, эту статью мою, (удеть крайне удивленъ, узнавъ, что, по мнѣнію г. Посторонняго сатирика, эта статья написана мною, вопреки заглавію своему, единственно противъ неприличій полемики вообще и полемики «Современника»—въ частности. Кроме того, г. Посторонній сатирикъ говорить, что я нападаю на петербургскую литературу и обожу московскую; наконецъ, что я не говорю о многомъ, о чемъ бы слѣдовало говорить. Противъ первыхъ пунктовъ мнѣ достаточно сослаться на мою статью; другого оправданія я не придумаю противъ такихъ обвиненій. Вѣдь это все равно, если бы я сказалъ, что статья изъ «литературныхъ мелочей» г. Посторонняго сатирика. «Еще влюбленный въ Россію» воздастъ должную дань уваженія патріотизму и безкорыстію г. Краевского и рекомендуетъ читать его «Голосъ». Что бы сталъ дѣлать г. Посторонній сатирикъ противъ такого обвиненія? Что же касается до послѣдняго упрека, то я долженъ сознаться, что это чистая правда и что я дѣйствительно не говорю о многомъ, о чемъ бы слѣдовало говорить. Mea culpa! Когда г. Посторонній сатирикъ беретъ за это оружіе противъ меня, то мнѣ ничего не остается больше дѣлать, какъ покаяться. Столъ упрекъ неотразимъ; но я на мѣстѣ г. Посторонняго сатирика даже въ пылу величайшаго азарта не рѣшился бы взяться за него. Кътому, если г. Посторонній сатирикъ будетъ продолжать направлять его противъ меня, то я заранѣе складываю оружіе и признаю себя побѣжденнымъ.

Съ «буттербродами» же имѣю честь поздравить г. Посторонняго сатирика.

В. Зайцевъ.

Г. ПОСТОРОННЕМУ САТИРИКУ «СОВРЕМЕННОМУ.»

Статья: «Нерѣшенный вопросъ», напечатанная въ послѣднихъ книжкахъ «Русскаго Слова», подала поводъ г. Постороннему сатирику придратъся къ нашему журналу и изъ частнаго вопроса сдѣлать предметъ общаго спора между «Русскимъ Словомъ» и «Современникомъ». Мы попытались было убѣдить нашего Юбличителя, что, расходясь съ нимъ во взглядѣ на Базарова, мы вовсе не думали вызывать «Современникъ» на полемическое состязаніе, которому г. Посторонній сатирикъ придаетъ видъ какого-то рыцарскаго турнира. Напротивъ, мы и теперь остаемся при томъ убѣжденіи, что серьезная полемика между этими двумя органами несвоевременна, неумѣстна, и слѣдовательно, кромѣ шума словъ и преломленія рыцарскихъ копій о вѣтряныя мельницы не можетъ представить ничего болѣе назидательнаго. Но г. Постороннему сатирику кажется, что побойше необходимо, что оно даже напередъ расчитано «Рус. Словомъ» на такихъ дипломатическихъ соображеніяхъ, какія не снились даже г. Некрасову, нѣкогда лобызавшему во спѣ г. Тургенева. И вотъ, собравъ старыя рыцарскіе доспѣхи, г. Посторонній сатирикъ спѣшитъ объявить намъ двукратно: «иду на васъ.» При всей нашей *аттенци* къ «Современнику», мы обязаны приготовиться къ преломленію рыцарскихъ копій.

Только напередъ не мѣшаетъ замѣтить, что г. Посторонній сатирикъ, прежде чѣмъ явился на турниръ, поступаетъ уже съ нами вовсе не рыцарски. Въ своемъ «Предварительномъ» объясненіи «Рус. Слово» (см. ноябр. и декабр. кн. «Современника», въ отдѣлѣ: «Литературныя мелочи») онъ обращается съ фактами и мнѣніями чрезвычайно странно; искажаетъ наши мысли, выворачиваетъ наизнанку наши убѣжденія и пускается въ такія изобрѣтенія, какія только нужны ему для того, чтобы набросать тѣнь на «Рус. Слово» и его главныхъ сотрудниковъ. Такъ, на примѣръ, онъ находитъ, что г. Писаревъ, не согласившійся съ Добролюбовымъ въ оцѣнкѣ Катерины и свѣтлыхъ явленій въ русской жизни, заимствовалъ свои идеи у Апполона Григорьева и отжиллъ достояніе покойника; что статья г. Зайцева: «Славянофилы побѣдили» преимущественно направлена

противъ полемическихъ непримиримыхъ г. Посторонняго сатирика; что «Рус. Слово», считающее себя прогрессивнымъ и гуманнымъ, защищаетъ рабство негровъ; что, опровергая мнѣніе г. Антоновича о Базаровѣ, авторъ «Неръшеннаго вопроса» оскорбляетъ «одно лицо», завѣдывавшее редакціею «Современника» въ началѣ 1862 года; что «Рус. Слово» усиливается набросить тѣнь весьма невыгодную на тѣхъ, которые указываютъ ему его ошибки *безъ всякаго азарта*; что г. Благосвѣтловъ нѣкогда служилъ Краевскому и что, наконецъ, «Рус. Слово» уже давно заигрываетъ съ «Современникомъ» и т. д. Чтобы укорить насъ, во чтобы то ни стало, г. Посторонній сатирикъ, не смотря на свои рыцарскіе доспѣхи даже нагибается до земли и поднимаетъ остроту, въ родѣ *буттербродовъ*, оброненную однимъ обязательцемъ на улицѣ вмѣстѣ съ очкави.

Но какъ ни искусно *рыцарская* полемика подтасовываетъ всѣ эти намеки, полунамеки и обвиненія, все же они остаются не болѣе, не менѣе, какъ карточными домиками, которые разсыплются отъ самаго легкаго прикосновенія. — Кого это думать убѣдить г. Посторонній сатирикъ въ сочувствіи г. Зайцева южнымъ плантаторамъ? Ужъ не есть ли это повтореніе тѣхъ «замаскированныхъ стрѣлъ», которыми вовсе не рыцарски швырялъ въ сотрудниковъ «Русскаго Слова» въскъ-фельетонистъ «Современника»? Кто повѣритъ на слово г. Постороннему сатирику, находящему сходство между мистическими идеями Аполлона Григорьева и идеями г. Писарева? И когда же это «Современникъ» указывалъ «Русскому Слову» его ошибки *безъ всякаго азарта*? Тогда что ли, когда онъ толковалъ о «вислоухихъ и юродствующихъ горлопанахъ, сморкающихся въ руку и готовыхъ бѣгать по улицамъ безъ одежды»? Напротивъ, «Русское Слово» можетъ сказать и доказать, что оно всегда сочувственно относилось къ лучшимъ дѣятелямъ «Современника» и не только не думало заигрывать съ нимъ, но принуждено было отыгрываться отъ его фельетоновъ. Но сочувственно относясь къ благородной сторонѣ «Современника», оно никогда не считало его непогрѣшимымъ и не смѣшивало разсказовъ г. Станицкаго и драмы Островскаго: «Кузьма Мининъ» съ статьями Добролюбова... Что же касается до обвиненія г. Благосвѣтлова въ томъ, что онъ нѣкогда участвовалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» г. Краевского, то г. Посторонній сатирикъ, кажется, могъ бы сообразить, что *нѣкогда* и Бѣлинскій участвовалъ въ томъ же журналѣ, что и «одно лицо» *нѣкогда* сотрудничало у Краев-

саго; что если г. Посторонній сатирик нѣкогда сочинялъ трактаты въ родѣ Теодора Безы, то кому же придется въ голову обвинять его за это *никогда*? Вѣдь такъ можно договориться до перво-роднаго грѣха Адама и Евы.

Изъ всего этого ясно видно, что г. Посторонній сатирикъ упражняется въ карточные домики, и если онъ намѣренъ полемизировать въ такомъ родѣ, то мы совершенно безошибочно можемъ предсказать ему, что онъ останется одинъ на своемъ турнирѣ и будетъ праздновать побѣду лишь надъ прахомъ г. Косицы.

Ваштатный юмористъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

ИТАЛІЯ. — Окружное посланіе Пія IX. — Инквизиторскій характеръ егo. — Негодованіе св. отца противъ современнаго „натуралізма“ свободы совѣсти и гражданскаго брака. — Что возмущаетъ Пія IX въ дѣлѣ меншихъ социалістовъ и коммунистовъ. — Перечень главныхъ положеній окружнаго посланія. — Возможно ли какое нибудь примиреніе между католичествомъ и современнымъ прогрессомъ? — Сборъ динарія въ пользу нашествника св. Петра. — Въ рещеніе окружнаго посланія по французскимъ епархіямъ Франціи. ФРАНЦІЯ. — Смерть Прудона и значеніе потери его для экономической науки. — Назначеніе принца Наполеона президентомъ частнаго совѣта. — Толкованіе этого факта въ публикѣ. — Рѣчь проекта Брона Тауолана, рассердившаго парламѣнтъ. — ГЕРМАНІЯ. — Желаніе Пруссіи и Австріи призвать датскую полноту къ нѣмецкимъ государствамъ. — Значеніе „покровителя“ въ смыслѣ г. Бисмарка. — Самый великій изъ самыхъ маленькихъ государственныхъ людей г. фонъ-деръ-Теорингъ предлагаетъ Бисмарку заступить въ равнѣшеніи восточнаго вопроса. — Предложеніе графа Шлезиера Голштинскій престолъ. — АНГЛІЯ. — Странное наказаніе, введенное капитаномъ Шамберленомъ во флотъ. — Вопросъ о ссыльныхъ въ Австраліи. — Обвинъ преступниковъ между Гибри IX и Вестеромъ Филандеромъ. — ИСПАНІЯ. — Монахскій процессъ кончился счастіемъ. — Испанія готовится съ Санъ-Доминго. — АМЕРИКА. — Американская война и послѣднія событія ея.

Два года тому назадъ, Пія IX созвалъ въ метрополию католическа всѣхъ епископовъ католической церкви. Носились слухи о какомъ-то необыкновенномъ событіи. *L'Armata* и *Civiltà cattolica* работали съ напряженной дѣятельностью; онѣ возбуждали міру, что будто овсюду существуетъ сильное душевное волненіе; по ихъ словамъ,

всѣ католики стремились въ Римъ, какъ нѣкогда крестonosцы стекались въ Иерусалимъ. *Такъ угодно Богу!* восклицали доминиканцы. *Такъ угодно Богу!* провозглашали иезуиты; *такъ угодно Богу!* визжали бенедиктинцы; и вслѣдъ за ними весь клерикальный сонмъ подглаживалъ имъ хоромъ: *такъ угодно Богу!* Въ тоже время игуменьямъ грезились чудесныя сны: юровиды выдавали себя за вдохновенныхъ, ханжи видѣли во всемъ великія знаменія, и всѣ предсказывали что-то необыкновенное.

Но что же такого необыкновеннаго случилось въ апрѣлѣ 1го 62 года? Изъ за чего было столько шуму? Пій IX хотѣлъ канонизировать и причислить къ списку святыхъ полторы дюжины миссіонеровъ, которые, какъ рассказываютъ, были зарѣзаны въ Японіи и пострадали, такимъ образомъ, за преданіюсть католицизму.

Какъ, неужели дѣло заключалось только въ этомъ? Неужели только подобными мышами разрѣшились отъ бремени семь холмовъ въ чнаго города?

И такъ, чтобы вписать въ римскій календарь еще нѣсколькихъ бѣдпавовъ, зарѣзанныхъ японцами, собрались триста князей церкви, епископовъ и архіепископовъ, четыре тысячи пятьсотъ аббатовъ, архіереевъ и множество монаховъ, наводнившихъ Римъ со всѣхъ концовъ Европы.

Трудно было серьезно отнестись къ этому событію, и всѣ полагали, что папизмъ воспользуется только воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы сосчитать свои ряды, выставить на показъ свои леіоны и по своему отомстить за Castfiedardo. Отчасти это было совершенно вѣрно. Дѣйствительно сдѣланъ былъ смотръ арміи черныхъ людей; но для того, чтобы увлечь ихъ въ бой, были созваны всѣ задніе ряды католицизма для выслушанія чудодѣйственнаго воззванія, которое должно было удивить и поразить весь міръ. Однако, въ рѣшительный моментъ не достало храбрости у Пія IX. Въмѣсто того, чтобы разразиться проявленіемъ надѣ дѣтьми Хаанаана, онъ поручилъ монсеньеру Дюпаалу произнести рѣчь, которая, какъ образецъ семинарскаго краснорѣчія, привела въ восторгъ всѣхъ слабоумныхъ ея слушателей.

Но справедливость требуетъ замѣтить, что въ этомъ отступленіи вовсе не былъ виноватъ Пій IX. Онъ готовъ былъ еще тогда изумить міръ своимъ окружнымъ посланіемъ, которымъ только теперь наслаждается европейская пресса; но сдерживаемый своею камарилью, непогрѣшимый отецъ уступилъ внушеніямъ и совѣтамъ людей по-

грѣшныхъ и отложилъ свои перуны надъ нечестіемъ еретическаго вѣка до болѣе удобнаго времени.

Теперь, какъ видно, это время настало, и Пій IX, безъ всякаго приготовления, безъ всякой сценической обстановки, рѣшился высказаться на удивленіе всему свѣту. Окружное посланіе св. отца надо отнести къ разряду тѣхъ психическихъ явленій, которыя греки называли олимпійскимъ помѣшательствомъ.

При чтеніи этого знаменитаго обращенія къ благочестивой братіи, вы разомъ попадаете въ затхлые, сырые и темные монастырскіе подвалы XV вѣка; вы слышите звонъ цѣпей, стоны встязуемыхъ еретиковъ; вы видите костры инквизиціи, орудія пытки, однимъ словомъ, вы присутствуете на страшномъ зрѣлищѣ той страшной силы папизма, которая тысячу лѣтъ душила всякое свободное проявленіе европейской мысли и совѣсти.

«И такъ, .. говорить Пій IX въ своемъ окружномъ посланіи, едва неисповѣдимыя намѣренія божественнаго провидѣнія даровали намъ престолъ св. Петра, — честь, которой удостоился мы не по заслугамъ, какъ видя съ глубочайшей душевной скорбью ужасную бурю, возбужденную зловредными ученіями, и плачевныя бѣдствія, причиненныя католической паствѣ этимъ множествомъ заблужденій, — мы, по обязанности нашего святительскаго сана и по славному примѣру нашихъ предѣстниковъ, возвысили голосъ посредствомъ обнародованія нѣсколькихъ окружныхъ посланій, писемъ, консисторіальныхъ, воззваній и другихъ апостольческихъ писаній и осудили главнѣйшія заблужденія нашей печальной эпохи, возбудили вашу безукорысленную епископскую бдительность и предостерегли васъ, а также многократно заклинали всѣхъ нашихъ любезныхъ сыновъ католической церкви отвергнуть и безусловно избѣгать несчастія заразиться такой ужасной язвой .. Все это неизбежно требуетъ, чтобы мы усилили нашу пастырскую заботливость для уничтоженія новыхъ возрѣній, возникающихъ изъ этихъ заблужденій, какъ изъ источниковъ.»

Разбирать подробно эту схоластическую и старческую дребедень мы считаемъ совершенно лишнимъ, но не можемъ не остановиться на общемъ смыслѣ папскаго посланія. А смыслъ этотъ таковъ, что внѣ католическаго ученія человѣческое общество можетъ существовать только въ самыхъ бѣдственныхъ и жалкихъ условіяхъ. Доводительствомъ того служить, безъ сомнѣнія, Англія, Пруссія и вся протестантская Европа, не раздѣляющая возрѣній римскаго владыки.

«Эти ложныя и безправственныя воззрѣнія, продолжаетъ Пий IX, тѣмъ болѣе ненавистны, что стремятся стѣснить и ослабить ту специальную силу, которую католическая церковь должна пользоваться свободно и, основываясь на ней, должна имѣть власть до скончанія вѣковъ, не только относительно каждого изъ людей, но также относительно странъ, народовъ и ихъ верховныхъ правителей.»

Дѣйствительно, это космополитическое стремленіе, основанное на невѣжествѣ народовъ, всегда было преобладающею частью католической власти; это идеалъ средневѣкового папства, когда римскій первосвященникъ говорилъ императору: *я солима, а ты—это лима*. Но что же осталось у Пия IX отъ этого высокаго идеала? Нѣсколько акровъ земли, и то заложеной банкиру Ротшильду, нѣсколько старыхъ и молодыхъ монсеньеровъ, сопровождающихъ въ торжественныхъ церемоніяхъ парализнаго старика, обвѣзаннаго лентой и оладелью, нѣсколько античныхъ рѣдкостей въ Ватиканѣ, сохранные для удовольствія разныхъ ротозѣевъ, достигающихъ Римъ съ эстетическими—правдыми цѣлями, нѣсколько мраморныхъ статуй, да и то обтянутыхъ желѣзными сбѣтами для избѣжанія соблазна правокѣрныхъ католиковъ, и наконецъ нѣсколько иезуитскихъ и капуцинскихъ вертеповъ, наполненныхъ ханжами и лицемѣрами въ бархатныхъ мантіяхъ гранатоваго цвѣта. Вотъ и все, что осталось отъ этого всемірнаго идеала, нѣкогда грознаго, а теперь смѣшнаго, нѣкогда обятельнаго, а теперь жалкаго, какъ римскій воръ, залускающій руку въ карманъ путешественника. Кого же хочетъ обморожить Пий IX своимъ всемірнымъ преобладаніемъ, когда для охраненія его собственной особы нуженъ былъ отрядъ французскихъ солдатъ и дюжину три парижскихъ шпионовъ? И какой найдетса простакъ, который бы повѣрилъ, что римской церкви предстоитъ до скончанія вѣковъ преобладаніе надъ всеми людьми и народами? Но послушаемъ дадше Пия IX, поражающаго своими громами растлѣнную эпоху:

«Вамъ это вполне извѣстно, цютешая братія, что въ наше время нашлось очень много людей, которые, прилагая къ гражданскому обществу *нечестивый и бессмысленный принципъ натурализма* (здесь, какъ кажется, непогрѣшимость св. отца не мѣшаетъ ему впасть въ значительную погрѣшность. Намъ неизвѣстно, чтобы какая нибудь секта или школа носила такое названіе, но мы думаемъ, что здесь рѣчь идетъ преимущественно о позитивистахъ), осмѣливаются проповѣдывать, что совершенство общества и граждан-

ский прогрессъ хотеть существовать вполне независимо отъ католическаго догмата». И потому Пий IX рекомендуетъ своей братии в смиренной братии не стѣснятьея никакими границами въ преследованіи и наказаніи этихъ проклятыхъ натуралистовъ, утверждающихъ, что прогрессъ можетъ совершиться безъ католической религіи. Таковы образы, подъ сладкими образами; разведенными на чудесной сметекой водѣ, Пий IX предлагаетъ, ни боязе, ни меще, ниже старую инквизицію... но такую, чтобы двѣсти милліоновъ католиковъ сожгли тысячу милліоновъ не католиковъ на островѣ величавой въ Церловиную область. Избѣженіе жаровы, избѣженіе альбисонцевъ быже ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что требуетъ смиренный римскій папъ; слѣдую призыву своихъ предшественниковъ, онъ утверждаетъ, что ересь есть преступленіе, которое слѣдуетъ истреблять огнемъ и мечомъ, веревкой и петлей! Какъ мелочень и ничтожень кажется намъ тотъ дагомайскій король, который сегодне выполняетъ торжественно знаменитый обычай задушенія всѣхъ несчастныхъ, которыхъ ему удастся захватить во время войны; онъ доставляетъ себѣ удовольствіе плавать среди цѣлаго озера крови. Но здѣсь для этого жертвоприношенія націй, для этой варооломеевской ночи народовъ владѣніе Пия IX, обращенное въ бойню; едва ли было бы достаточно. Въ этомъ морѣ крови монсеньерамъ пришлось бы бродить, приподнямая до колѣнъ свои рясны!

Но отъ этой картины не содрогается добрый дуня папы. Онъ, улыбаясь, мечтаетъ о томъ, что тогда бы исполнилось пророчество Исайи..

Затѣмъ смиренный отецъ продолжаетъ съ энтузіазмомъ:

«Въ силу идеи, безусловно ложной, о социальномъ правительствѣ, они (кто? натуралисты, люди нечестивые и нелѣбые), нисколько не колеблясь, распространяють воззрѣніе крайне ошибочное и вредное благу католической церкви, а также спасенію душъ. Нашъ предшественникъ, блаженной памяти папа Григорій XVI назвалъ это воззрѣніе *бредомъ*. Я осуждаю именно это воззрѣніе, на основаніи котораго свобода совѣсти и вѣроисповѣданія признается личнымъ правомъ каждаго человека»...

Слѣдовательно догадаться свободы совѣсти, — значить бредить. Желать свободно выражать свои убѣжденія, какаго бы рода они не были, — значить бредить; притомъ замѣйте, что здѣсь рѣчь идетъ безразлично объ убѣжденіяхъ вздорныхъ и важныхъ, ошибочныхъ и истинныхъ, поверхностныхъ и глубокихъ!

Слѣдственно, если я католикъ и свободно выражаю свои католическія убѣжденія, то поступаю безумно. Точно также безумно поступаетъ все человѣчество, не приобщенное къ паствѣ, управляемой Антонелли и Пиемъ IX; въ концѣ концовъ, по мнѣнію апостолическаго посланія, выходитъ, что весь міръ, за исключеніемъ только тѣхъ католиковъ, у которыхъ совѣсть несвободна, есть домъ умышленныхъ и одержимыхъ бредомъ. Но осужденные на вѣчную геенну, натуралисты не довольствуются проповѣдывать свободу совѣсти и убѣжденій; они идутъ гораздо дальше и стараются искоренять католическую вѣру въ самомъ корнѣ—въ семействѣ и въ частной жизни.

«...Проповѣдуя и научая крайне пагубному заблужденію *соціализма* и *коммунизма*, они утверждаютъ, что семейство основываетъ свое существованіе единственно на правѣ гражданскомъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что только изъ закона гражданского проистекаютъ и зависятъ всѣ права родителей надъ дѣтьми, и прежде всего право ихъ воспитывать и обучать.»

Однако Ріо попо, что же вы изволите говорить? Неужели социалистъ тотъ, кто вписываетъ своихъ дѣтей въ списки меріи? Выходитъ, что вступить въ бракъ и засвидѣтельствовать его въ присутствіи мера и мѣстныхъ свидѣтелей—значитъ быть коммунистомъ? Неужели законодатель Наполеонъ I былъ только несвоевременнымъ социалистомъ? Неужели могутъ быть названы социалистами всѣ эти добродушные буржуа, которые отдають своихъ дѣтей подъ надзоръ коммунальнаго наставника, но неохотно поручаютъ ихъ попеченію капуциновъ и иезуитовъ (уличенныхъ въ грубомъ невѣжествѣ и, кромѣ того; заподозрѣнныхъ въ другихъ грѣховныхъ поползновеніяхъ)? Мало того, всѣ протестанты тоже уличены въ социализмъ и коммунизмъ, потому что вѣдь всѣ же они, сдѣлавшись супругами и отцами, не были благословлены по обрядамъ католической церкви. Они считали себя женатыми, признавали за собой нѣкоторыя права на дѣтей, во-первыхъ, въ силу законовъ природы, наконецъ на основаніи гражданскихъ законовъ; но какъ видно они жестоко ошибались: Пій IX поучаетъ, что естественное право не существуетъ, что право гражданское совершенно лишняя вещь и что существуетъ только одно право въ мірѣ, именно право аббата, право католическаго Тартюфа!

«Иные же изъ нихъ (т. е. изъ социалистовъ, коммунистовъ, натуралистовъ и всякихъ другихъ еретиковъ), возобновляя зловерныя заблужденія, многократно осужденныя, осмѣливаются съ неслыхан-

нымъ. безстыдствомъ подчинять верховную власть папы и апостольскаго престола суду гражданской власти, и отрицають всё права церкви относительно управленія внутреннимъ порядкомъ.»

Это значить, что папство есть власть политическая, и что Соединенные Штаты не имѣють права существовать, если бы одному изъ папъ пришла фантазія провести черезъ Америку мысленную линію и назначить все, что было надъ ней, въ подарокъ Испаніи, а все, что было подъ ней, подарить Португаліи. Изъ этого слѣдуетъ, что католическая церковь по прежнему можетъ запираеть Галилея въ тюрьму и предписывать держаться системы Птолемея.

«Они не краснѣя утверждаютъ, что законы папской власти не обязываютъ совѣсти, если они не поддержаны властью гражданской; что дѣйствія и декреты римскихъ первосвященниковъ, относящіеся къ религіи и церкви, должны имѣть подтвержденіе и одобреніе власти гражданской или, по крайней мѣрѣ, должны быть ею допущены.»

Въ послѣдней фразѣ скрывается жестокий ударъ, нанесенный старшему сыну католической церкви, который присвоилъ себѣ право дозволять или не дозволять обнародованіе актовъ римскаго двора. На основаніи этого, г. Барошъ, министръ вѣроисповѣданій, съ позволенія сказать, католикъ, имѣетъ право запрещать въ французскихъ епархіяхъ обнародованіе той или другой части папской буллы. Конечно, съ точки зрѣнія католичества, нѣтъ ничего неслѣпѣе такого порядка вещей. Если папа нашъ владыка, то вы должны ему повиноваться; если онъ пояснитель и обладатель откровенныхъ истинъ, то вы должны его слушать; если онъ посредникъ вашей справедливости и истины, вы должны цѣловать его туфлю, но не запираеть ему доступъ въ вашу страну. Что подумаете вы о капралѣ, который сталъ бы у входа въ казарму и сказалъ бы своему начальнику: «генераль, я вамъ не позволяю войти, потому что вы развратите моихъ людей, высказывая ваши несообразныя и неприличныя воззрѣнія». Однако, тѣмъ не менше, г. Барошъ, простой министръ вѣроисповѣданій въ французской имперіи, позволяеть себѣ отвѣчать св. отцу гораздо грубѣе всякаго капрала. Не подлежитъ сомнѣнію, что папѣ Бонифацію было несравненно легче получить пощечину отъ Вильгельма Ногаре, притомъ данную рукою въ желѣзной перчаткѣ, чѣмъ бѣдному Пію IX получать щелчокъ, данный ему этимъ простымъ прокуроромъ, этимъ оверникомъ, котораго до сихъ поръ все великолѣпіе имперіи не могло обтесать! Даже какойнибудь гоионъ

(кто вѣдетъ въ родѣ драгуноваго капитана) и тотъ похваляется дать нравственную пощечину монсеньору кардиналу Мароду, совѣтнику и сердечному другу несчастнаго Пія IX!

Затѣмъ суровою посланіею разсылаются верою нами цѣлую массу верою, въ родѣ слѣдующихъ авторитетовъ:

Преступно вѣрить, что Александръ Борніа могъ заблуждаться во догматахъ, и относительно морали (24).

Что свидѣніи, выданные въ убійствѣ или содѣяніи, могутъ подлежать гражданскому суду (31).

Что (національные) мѣстные соборы имѣютъ какое-либо значеніе и что гражданская власть должна ввѣщать уваженіе къ ихъ опредѣленнымъ (36).

Что гражданское правительство не можетъ имѣть вліяніе на дѣла католическаго духовенства (41).

Что гражданская власть имѣетъ право признавать конкордаты недействительными (43). Последнее обстоятельство весьма несприятно Австріи, которая посмиваетъ въ Римѣ г. Баха, составителя конкордата, для того, чтобы постараться избавиться отъ закона, который ее стѣсняетъ. Это также служить узоромъ великому герцогству Баденскому, внезапно уничтожившему свой конкордатъ, на спросивши на то позволенія.

Далѣе, непозволительно думать, что управленіе общественными дѣлами принадлежитъ гражданскому правительству; наконецъ, что оно имѣетъ право надзора за монастырями (52, 53).

Что короли и князья освобождены отъ исполненія притворовъ церкви (54).

Что церковь можетъ быть отдѣлена отъ государства или государство отъ церкви, и что католическая религія можетъ не быть господствующею религіею въ государствахъ (55).

Что дѣла о бракахъ принадлежатъ, по самому роду своему вѣдѣнію законовъ гражданскихъ. Даже принципъ невмѣшательства, это певинное ученіе квакеровъ и друзей мира, и то обрагило на себя вниманіе верховнаго первосвященника и вызвало грозныя осужденія (62).

Перечень заблужденій этого сатанинскаго XIX вѣка заключается обличеніемъ самой опасной изъ всѣхъ ересей. Пій IX, человекъ, на котораго милліоны лавныхъ либераловъ въ 1847 году возлагали самыя радужныя надежды, котораго провозгласили мессіей-преобразо-

читателямъ—этотъ самый Пій IX кличется, что можно и совершенно ошибочно почитать, будто:

Римскій переселенческій мюсетъ и дамскія тримиллионскія со прогрессомъ, либерализмомъ и современно имманентизацией!

Мы бы желали, чтобы эта полюбившаяся фраза была напечатана огромными буквами, въ 10 метровъ величиною, на всѣхъ католическихъ базиликахъ и соборахъ, такъ чтобы за версту можно было прочесть эту фразу. Мы бы желали, чтобы она была изображена на дверяхъ каждой школы, каждаго монастыря; мы бы хотѣли, чтобы всѣ епископы, визаріи, священники, монахи, монахини, сестры сѣрыя и голубыя послали это объясненіе, начертанное большими буквами на ихъ рясать и кашпошахъ, — что прикреплена католическая съ современнымъ прогрессомъ рѣшительно невозможно!

Въ какой жестокой урочъ дасть Піемъ IX тѣмъ наивнымъ преобразователямъ, которые до сихъ поръ надѣялись увидѣть знаменитое примиреніе между католичествомъ и свободой, между прогрессомъ и реакціей. Наконецъ мы добудимъ этого знаменитаго объясненія, наконецъ мы ищемъ его ищущими на пергаментѣ, плохимъ кухоннымъ латинскимъ языкомъ, и припечатанное большою гербовою печатью Ватикана.

Между современнымъ прогрессомъ и католическимъ преданіемъ совершенно невозможно какое бы то ни было примиреніе. Между ними вражда непримиримая, борьба смертельная. Необходимо, чтобы это было всѣмъ извѣстно и всѣмъ понятно! Возникнуть новые событія, другія заботы займутъ насъ, и мы снова услышимъ старую пѣсню, вѣтхіе софизмы о союзѣ католичества и свободы, о первенствѣ папы, о католическомъ социализмѣ и о другихъ подобныхъ утопіяхъ, вотъ уже 18 вѣстовъ оироваемыхъ исторіей и тысячу разъ оирвергнутыхъ каждымъ изъ насъ самихъ.

Трудно указать болѣе съумасбродную выходку и до такой степени странное самоубійство. Ясно, что рѣзкость событій раздражила мозгъ Пія IX, и потому онъ упустилъ изъ виду правила римскаго благоразумія, завѣщанныя преданіемъ, пренебрегъ всякой осторожностью и выставилъ наружу все, что лежало у него глубоко на сердцѣ. «Можно подумать, что Пій IX, говоритъ одна изъ французскихъ газетъ, съ особеннымъ удовольствіемъ формулировалъ всѣ неудовольствія папской власти, вспомнилъ всѣ пораженія, возсталъ противъ всѣхъ приговоровъ, произнесенныхъ противъ нея опытомъ и разумомъ, и составилъ перечень всѣхъ вопросовъ, раздѣляющихъ церковь и се-

временное общество, — точно какъ-будто въ минуту паденія папская власть ощущала потребность собрать вокругъ своего смертнаго одра всѣ свои разбитыя ученія, всѣ свои отвергнутыя притязанія и догаательства.» Она умираетъ, изрыгая въ послѣдній разъ цѣлый потокъ оскорбленій человѣчеству и разуму; она находится въ предсмертной атоніи, провозглашая въ послѣдній разъ, что дважды два составляютъ три, что Ньютонъ былъ лжець, а Амперъ, Гумбольдтъ и Араго — жалкіе идіоты.

Но все же мы не разстанемся съ Писемъ IX, не отдавъ ему справедливости за то, что, по крайней мѣрѣ, онъ одинъ высказывается до нѣкоторой степени прямодушно и искренно. Онъ осуждаетъ на вѣчныя мученія людей, требующихъ полной вѣротерпимости; онъ бы желалъ снова зажечь для нихъ костры инквизиціи, но они ему все это прощаютъ ради искренности его убѣжденій. Спокойно сидя у домашняго очага, они повторяютъ снисходительно: *sancta simplicitas!* Это знаменитое изреченіе, произнесенное великимъ Іоанномъ Гуссомъ, когда онъ, привязанный къ костру, увидѣлъ бѣдную старуху, которая, едва преступая и пошатываясь, спѣшила принести свою вязанку дровъ для предстоящей казни. Папа человекъ глубоко искренній, что составляетъ не малое несчастье для католической церкви. Какой нибудь Фалу или Монгаламберъ обманывали бы свое поколѣніе, проповѣдая примиреніе непримиримыхъ вещей и замышляя убійство; они бы подали намъ тарелку съ ванильными конфетами изъ бѣлаго и розоваго сахара, но заключающую внутри реотное или ядъ.

Клерикалы теперь въ отчаяніи:—эта тщательно сплетенная ткацкая жи разодрана сверху до низу! И кто же разодралъ ее? — Тотъ самый, именемъ котораго она сплеталась и поддерживалась.

Самъ Пій IX ставитъ на карту значеніе и силу всего католическаго міра. Воображая передъ собою императора Генриха IV, стоящаго у ногъ его на колѣняхъ въ спѣху, онъ провозглашаетъ ничтожною и недействительною всю исторію; нѣтъ болѣе типографій, нѣтъ реформаціи, нѣтъ науки, нѣтъ Америки, нѣтъ телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, нѣтъ болѣе ничего. Такимъ образомъ, наши виконты, легитимисты и бульварныя кающіяся грѣшницы поставлены въ весьма затруднительное положеніе: имъ предписано выбрать одно изъ двухъ — или полное отрѣченіе отъ сатаны свѣта, или папское проклятіе, или признаться, что папскія доктрины суть ложь и неаѣдность, или что они сами — лицемѣры до мозга костей; онъ ста-

вить ихъ между двумя крайностями и говорить имъ: выбирайте, подѣ страхомъ адскихъ мученій, одно изъ двухъ—монастырь или гражданское общество.

Не менѣе комично положеніе и клерикальныхъ газетъ; онѣ стараются уронить окружное посланіе, отвлечь глаза отъ сущности его и обратить вниманіе на одиѣ частности и подробности. Это окружное посланіе, распространенное прессой въ числѣ нѣсколькихъ милліоновъ экземпляровъ, г. Барошъ, министръ юстиціи и вѣроисповѣданій, поддерживаемый архіепископомъ парижскимъ, запрещаетъ французскимъ епископамъ обнародывать вопли въ провинціальныхъ епархіяхъ. Забудьте, что эти епископы, присягнувшіе императорской конституціи, получающіе содержаніе, примиряющее ихъ съ всеобщимъ избраніемъ, религіозной терпимостью, съ верховной властію императора Бонапарта надъ всѣми священниками Франціи, должны бы были по полученіи окружного посланія или возстать противъ своего папы, или перестать служить императору. Чистосердечіе папы поставило нашихъ епископовъ въ сѣти, изъ которыхъ они не выскочили бы, но распоряженіе г. Бароша избавило ихъ отъ этого не пріятнаго положенія и дало имъ возможность служить папѣ и кесарю.

Всего замѣчательнѣе въ этомъ дѣлѣ то обстоятельство, что добродушный Рио попо по прежнему въ восторгѣ отъ своего донкихотски блестящаго похода. По словамъ *Journal des Débats*, въ извѣстіяхъ изъ Рима говорится, что папа, принимая поздравленіе священной коллегіи, по случаю праздниковъ Рождества, объявилъ, что торжество церкви не подлежитъ никакому сомнѣнію и что только трудно опредѣлить день, въ который оно совершится. Дождавшись этого торжества, прибавилъ Пій IX, я воскликну, какъ Симеонъ: «Очи мои увидѣли спасеніе израиля, нынѣ отпусти раба твоего, Господи!»

Очень понятно, что послѣ окружного посланія всѣ другія новости кажутся намъ мало выдающимися. Самая смерть Прудона, одного изъ лучшихъ бойцовъ XIX вѣка, не могла развлечь вниманія публики, сосредоточеннаго на курьезахъ папскаго посланія. Толпа продолжала подступать къ дверямъ Notre Dame de Paris, въ ожиданіи того, что скажетъ архіепископъ на счетъ новой буллы, отпущающей всевозможныя прегрѣшенія за одно удовольствіе быть католикомъ. Только лучшіе люди націи съ отвращеніемъ отвернулись отъ этой комедіи и обратились къ гробу знаменитаго писа-

томъ. Прудонъ умеръ! — эти вѣсты пронеслись въ извѣстныхъ кружкахъ парижской и иностранной печати озабоченно. Съ смертью этого человека, экономическая наука Франціи несетъ незамѣнимую потерю. Прудонъ былъ грозой для туземныхъ послѣдователей Адама Смита, могущественнымъ обличителемъ буржуазнаго индивидуализма и административнаго социализма. За послѣднее время, убѣжденія его поворачивали въ правое, но въ самыхъ ошибкахъ этого смѣлаго ума было большое истинное, чѣмъ у всѣхъ его враговъ и ненавистниковъ. И что было за дѣяль этого борца? Сильнѣе беззаконнаго боярства, бѣдный типогравировщикъ, онъ одной силой своего мозга пробиваетъ себѣ дорогу въ всемирной извѣстности, и болѣе двадцати лѣтъ держитъ въ своихъ рукахъ знамя экономической реформы... Рѣдкое изъ его сочиненій обобщено ему безъ торжества или судебного приговора, но онъ въ социальныхъ вопросахъ былъ неустрашимъ и, если угодно, неуязвимъ. Для него было предметомъ стріаки для французскаго буржуа, изъ этого имени пошлаки, подобныя Делюпа и Миркуру, брошши пасивныя и, неспособныя болѣе ни на что, какъ печальнато хотѣли затравить его своею собственною грязью. Но имъ это не удалось. Честность Прудона была извѣстна французскому народу; въ 1849 году, онъ избранъ былъ 77,000 голосовъ представителемъ Сены и, не смотря ни на какія личныя отношенія, указывалъ прямо на «ословъ, прикрытыхъ львиными шкурами.» И ослы его боялись. Онъ умеръ бѣднымъ человекомъ, среди самой скромной домашней обстановки, и тѣмъ ясно доказалъ, что не вся Франція можетъ быть куплена золотомъ.

Но возвратимся къ политическимъ фактамъ.

Декретомъ отъ 24 декабря, принцъ Наполеонъ назначенъ вице-президентомъ Частнаго совѣта, составленнаго для разсмотрѣнія нѣсколькихъ вопросовъ, имѣющихъ весьма важное національное значеніе; именно: 1) алжирской конституціи (которая, не смотря на то, что уже нѣсколько разъ была переизслѣдована и измѣнена, въ настоящее время гораздо хуже, чѣмъ прежде); 2) децентрализціи (она была намъ обѣщана официально еще въ прошломъ году, въ рѣчи при открытіи засѣданій, и, вѣроятно, будетъ дарована послѣ султанскаго указа о республикѣ); наконецъ 3) первоначальнаго обученія. Относительно этого вопроса приписываютъ г. Дюрюи намѣреніе ввести во Франціи безвозмездное и для всѣхъ обязательное первоначальное обученіе.

Вообще думают, что назначенію принца Наполеона вице-президентомъ, владѣнію котораго враждебны мансгой власти, служить до некоторой степени сближеніемъ съ Италіей и антикатолической демонстраціей. Последнее весьма возможно, но среди утверждений и отрицаній спеціальныхъ газетъ, одинаково заслуживающихъ довѣрія, мы не имѣемъ претензіи утверждать то или другое.

Какъ бы то ни было, но мы, повидимому, вступаемъ въ періодъ антиклерикальный. Много было шуму по поводу слуха, будто правительство намѣрено значительно уменьшить войска; къ этой мѣрѣ, будто бы приступаютъ одновременно Франція, Австрія и Италія, будучи къ тому вынуждены плачевнымъ состояніемъ своихъ бюджетовъ. Посмотримъ, какъ-то оно сбудется.

Поговариваютъ даже, что *Мастный советъ* не будетъ уже больше машинной для выставки, дѣйствующей только въ торжественныхъ случаяхъ, — въ отсутствіе или въ случаѣ смерти государя, — но войдетъ въ ежедневное употребленіе. Въ сущности, онъ замѣнитъ совѣтъ министровъ, которые въ палатахъ будутъ защищать дѣйствія по своему управленію. Это нововведеніе, только кажущееся возвращеніемъ къ былымъ формамъ парламентаризма, было бы мосьею, которую въ этомъ году дадутъ глотать французскимъ либераламъ. Въ дѣйствительности, весь порядокъ вещей будетъ продолжатъ совершаться почти точно такъ же, какъ и прежде, за исключеніемъ только того, что совѣтъ министровъ будетъ замѣненъ частнымъ совѣтомъ, а министры, сохранивъ свои должности, оклады и жалованья, будутъ исправлять обязанности, однородныя съ обязанностями своихъ нынѣшнихъ начальниковъ отдѣленій. Безъ сомнѣнія, всѣ эти подробности вамъ кажутся нѣсколько надорванными, но здѣсь, помимо окружного посланія, только о томъ и толкуютъ.

Впрочемъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней заняла многихъ дѣлъ, произнесенная г. префектомъ Сены, сильно разсердившая парижанъ. Объяснивъ имъ, что они недостойны врать своими муниципальными дѣлами, баронъ Гауоманъ положительно утверждаетъ, что въ Парижѣ не существуетъ парижанъ, или, въ крайней мѣрѣ, такъ мало, что не стоитъ о томъ и упоминать.

«Какая общественная связь соединяетъ два милліона жителей, тѣснящихся въ Парижѣ, спрашиваетъ насъ г. префектъ? *Большинство* принадлежитъ инымъ департаментамъ; *многие* — чужеземнымъ странамъ... Парижъ населенъ только мочующимъ народомъ... Парижъ для

нихъ представляется великимъ базаромъ, огромнымъ мѣстомъ работы, ареной честолюбія или только мѣстомъ свиданія для удовольствій...»

Его превосходительство соглашается, однакожь, что дѣйствительно существуетъ въ столицѣ «значительное меньшинство настоящихъ парижанъ, которые бы могли составить, *если бы возможно было ихъ разлоснать*, основной элементъ общины...»

Если бы возможно было ихъ разлоснать! Помилуйте, неужели сборщикамъ контрлбуцій можетъ представиться какое-либо затрудненіе въ разлоснаниі парижанъ въ Парижѣ?

Вопіющія несправедливости не раздражаютъ такъ парижанъ, какъ раздражила ихъ шутка барона Гаусмана. Посудите сами, какъ тутъ не разсердиться! въ припадкѣ веселаго настроенія духа, парижскій префектъ усумнился даже въ существованіи парижанъ, назвалъ ихъ номадами, бездомными бродягами и, въ пріятномъ монологѣ, на который запрещено было отвѣчать, назвалъ средневѣковымъ старьемъ право ихъ управлять своими городскими дѣлами, именно завѣдываніе заставами, бойнями, освѣщеніемъ, лавками, патентами и проч.

Между тѣмъ, едва успѣли нѣсколько успокоиться и забыть злосчастную рѣчь г. префекта и заняться исключительно окружнымъ посланіемъ, какъ вдругъ г. Эмиль Жирарденъ, какъ видно, въ свою очередь одержимый страстью идти наперекоръ доброму расположенію духа нашихъ сытыхъ буржуа, напечаталъ статью, которая пришла точно такъ же къ гати, какъ камень, пущенный медвѣдемъ въ своего загадочнаго пріятелиа за тѣмъ, чтобы согнать муху. Статья эта — восторженный диофрамбъ въ честь его превосходительства; въ припадкѣ лпризма, Э. Жирарденъ восклицаетъ: «Какъ досадно, что вмѣсто того, чтобы производить свои дѣйствія надъ однимъ Парижемъ, г. префектъ, въ послѣдніе двадцать лѣтъ, не былъ призванъ *гаусманизировать всю Францію!*»

Несправедливость отражается иногда на тѣхъ, кто ее совершаетъ. Насиліе, которое Германія дозволила себѣ относительно Даниі, не осталось безнаказаннымъ. Война, предлрнятая г. Бисмаркомъ извнѣ, продолжается теперь внутри, противъ государствъ второстепенныхъ; война эта ведется даже въ самой Пруссіи, и окончательный исходъ ея разыграется въ берлинской палатѣ депутатовъ. Экспедиція, которая, по словамъ тѣхъ, кто ее предлрнялъ, вовсе не была направлена противъ неприкосновенности датской монархіи и противъ

лондонскаго трактата, но только противъ этихъ задорныхъ демократовъ, которые стѣсняли Христиана, навязывая ему отвратительное министерство и бессмысленную конституцію, — экспедиція эта, покончивъ свое дѣло на сѣверѣ, въ настоящее время приводитъ его въ исполненіе на югѣ. Поразивъ и уничтоживъ парламентаризмъ въ Даніи, она уничтожаетъ парламентаризмъ въ Германіи, и наконецъ нанесетъ ему смертельный ударъ въ самой Пруссіи. Осилить враговъ, она возстанетъ на союзниковъ и уничтожитъ ихъ одного за другимъ. Иначе и быть не могло; послѣднее можно было предвидѣть заранѣе.

Пруссія, Австрія и второстепенныя государства соединенными усиліями ограбили Данію. Операция эта удалась какъ нельзя лучше, и потому намѣрены продолжать ее далѣе. Теперь наступила очередь Пруссіи и Австріи общими силами обогреть второстепенныя государства; а нѣсколько позже Пруссія, съ своей стороны, постарается обогреть Австрію.

Намъ кажется это до такой степени очевиднымъ, что мы даемъ диву, какъ это 50 милліоновъ нѣмцевъ до сихъ поръ не могли убѣдиться въ этой истинѣ? Между тѣмъ г. Бисмаркъ былъ на столько снисходителенъ, что самъ объяснилъ имъ свои намѣренія. *Macht geht vor Recht*, говорилъ онъ имъ, то есть, сила преобладаетъ надъ правомъ. И такъ, кто не на столько простъ, чтобы заботиться о справедливости и равноправіи, долженъ стараться быть самымъ сильнымъ. Сначала поѣдаютъ маленькихъ, послѣ того сильные пожираютъ другъ друга и наконецъ самый сильный пожираетъ менѣе сильнымъ. Однако, этимъ еще дѣло не оканчивается: когда самый могучій остается одинокъ, ему приходится умереть съ голоду, и еслибы онъ не погибъ отъ голода, то умеръ бы отъ скуки. Если не существуетъ судьи, тогда преступникъ самъ произноситъ надъ собой приговоръ.

Но, благодаря Бога, мы еще до того не дожили и присутствуемъ только при затруднительныхъ обстоятельствахъ храбрецовъ, которые доконали Данію.

Въ послѣднее время Пруссія изгнала нѣмецкія войска, которыя стояли гарнизономъ на нѣмецкой землѣ; она, повидимому, намѣренна ихъ унижать, и если она уничтожила датскую армію, то, по крайней мѣрѣ, не обезчестила ее. Вслѣдъ затѣмъ, она отказалась признать права сейма въ назначеніи правительства герцогствамъ; Баварія и Саксонія точно такъ же, какъ и нѣкоторыя другія государства, требовали присутствія федеральныхъ войскъ до тѣхъ поръ, пока дѣло о престолонаслѣдіи не будетъ рѣшено; но ихъ предложеніе

нангли весьма компрометирующимъ и это было отвергнуто большинствомъ двухъ голосовъ. Сеймъ опасался, чтобы г. Бисмаркъ не поступилъ съ ней въ томъ же родѣ, какъ съ Данией; потому-то это новинство не ставилось ей нисколько въ заслугу. «Законы большинства голосовъ, говоритъ грозный министръ, не существуютъ для насъ... Если бы иное разиѣщеніе стѣжъ двухъ голосовъ имѣло результаты голосованія, то Пруссія не считала бы себя обязанною принять во вниманіе рѣшеніе.. «Мы поставимъ на томъ, чтобы вѣрши мудрой политикѣ, которой мы имѣемъ слѣдовать въ подобныхъ случаяхъ.»—Г. Бисмаркъ, говоритъ *Neue freie Presse* изъ Вѣны, еще хуже обращается съ членами германской конфедерации, чѣмъ съ депутатами прусской палаты. Онъ дѣлаетъ разговоръ такъ какъ меньшинства, какъ школьникъ, того меньшинства, которое подавало голоса во Франкфуртѣ противъ удаченія великихъ войскъ. «Я очень сожалею, что вы не были въ значительномъ большинствѣ; я могъ бы вамъ доказать тогда, какъ мало обращаю вниманія на всѣ ваши демонстраціи.»

Органъ г. Бисмарка, *Staats-Anzeiger*, утверждаетъ, что во все войну, а Пруссія слѣдуетъ судить о томъ, какими правами и властью можетъ пользоваться Германскій Сеймъ. Такъ какъ этотъ вопросъ разрѣшается пушками и штыками, слѣдственно газета права! Кроме того, она выставляетъ на видъ, что Австрія и Пруссія—*только-что* члены германской конфедерации, и слѣдовательно государства, которыхъ существованіе возможно только посредствомъ конфедерации, поступили бы неблагоразумно, еслибы осмѣлились даять приказанія своимъ покровителямъ.» Слово *покровитель*—всегда невольное предзнаменованіе. Между покровителемъ и господиномъ, между воеводою и владѣльцемъ разница вѣрно незначительная. Великій завоеватель начиналъ тѣмъ, что былъ покровителемъ тѣмъ, которыхъ онъ впоследствии подбиралъ къ своимъ рукамъ. Бисмаркъ и Рейберъ, въ свою очередь, начали тоже тѣмъ, что покровительствовали несчастной Даниі противъ нападений Сейма. Остъ-Индская компанія начала тѣмъ, что покровительствовала каждому рабѣ, а потомъ какъ стѣрала; такимъ образомъ, переходитъ отъ одного протеге къ другому, она кончила тѣмъ, что поглотила ихъ всѣхъ. Римъ иногда также покровительствовалъ Струскамъ, латинцамъ, самнитинцамъ, грекамъ, македонянамъ и галламъ. Спартакъ тоже пользовался покровительствомъ вѣтовъ, а жуки покровителями пчелъ. Пастухъ, который на бо-

лѣе, ни менѣе, какъ слуга мясника, съ своей борзой собакой, развѣ не можетъ быть названъ покровителемъ скромныхъ и стыдливыхъ овечекъ? Несчастныя второстепенныя государства, много ли вамъ еще нужно уроковъ, чтобы понять наконецъ, что на дипломатическомъ языкѣ покровительство означаетъ приготовленіе къ завоеванію?

Г. Бейсть, которому не достаетъ только трехсотъ-тысячной арміи, какъ видно, угадалъ цѣли прусскаго правительства, но мы не видимъ, чтобы онъ нашелъ возможность отвратить катастрофу; во всякомъ случаѣ, исторія его дѣйствій была до сихъ поръ исторіей неудачъ и промаховъ. Однако онъ нашелъ союзника или, лучше сказать, соперника въ особѣ знаменитаго г. фонъ-деръ-Фюрдтена, одного изъ тѣхъ господъ, которые забавляются игрой въ Александровъ, Юліевъ Кесарей и Карловъ великихъ; недавно онъ обнародовалъ свой циркуляръ ко всѣмъ политическимъ агентамъ Баваріи.

Первый министръ прежде всего объясняетъ, что мюнхскій кабинетъ занимается главнымъ образомъ политикой и баварскими интересами, но онъ спѣшитъ добавить, что политика и интересы Баваріи тождественны съ интересами и политикой Германіи. Германія—это Баварія, а Баварія,—это г. фонъ-деръ-Фюрдтень.

Фонъ-деръ-Фюрдтень на столько еще любезенъ, что не отстраняетъ Баварію отъ участія въ великихъ европейскихъ вопросахъ. Онъ высказываетъ рѣшительно, что въ непродолжительномъ времени Баварія, съ своей стороны, выѣшется въ разрѣшеніе итальянскаго, а также и восточнаго вопроса!!!

Честолюбивый г. Фюрдтень, быть можетъ, полагаетъ, что Баварія также имѣетъ права на Константинополь? Намѣренъ ли онъ удовольствоваться Арзерумомъ или имперіей Трансзундской?

Вслѣдъ затѣмъ самый великій изъ маленькихъ государственныхъ людей объявляетъ, что имѣетъ намѣреніе заняться крайне щекотливымъ вопросомъ о національномъ представительствѣ народа нѣмецкаго, которое имѣетъ быть во Франкфуртѣ. Эта мысль, по всей вѣроятности, взволнуетъ Германію и въ особенности ея революціонныя стремленія; впрочемъ, сомнительно, чтобы реакціонерный министръ оказался способнымъ приподнять рычагъ не по его силамъ. Лучше пусть онъ подумаетъ о томъ, какъ защищаться противъ Бисмарка и поползновеній Пруссіи; это несравненно болѣе важно для Баваріи, нежели участіе ея въ разрѣшеніи восточнаго вопроса!

Всѣ съ удивленіемъ убѣдились въ слабости Австріи относительно

г. Бисмарка, той самой Австріи, которая въ былые дни отличалась своимъ высокоуміемъ и могуществомъ. Въ продолженіе спора о герцогствахъ она была скромной соучастницей Пруссіи и дозволила себя эксплуатировать послѣдней. Роли измѣнились, и въ настоящее время г. Бисмаркъ разыгрываетъ Шварценберга и доставляетъ прусской королевской власти возможность отомстить за Ольмюцъ. Австрію терзаетъ страхъ, что, рано или поздно, ожидаетъ ее возстаніе въ Венгріи или въ Венеціи; этотъ-то страхъ заставляетъ ее переносить всѣ униженія, въ надеждѣ, что г. Бисмаркъ не откажетъ поддержать ее въ случаѣ нужды. Вотъ почему она охотно дозволяетъ ему присоединять герцогства на Эльбѣ. Если бы Австрія чистосердечно пожелала быть конституціонной, если бы она искренно рѣшилась быть германской! Но увы, она во что бы то ни стало хочетъ быть тѣмъ, чѣмъ ей невозможно быть; хочетъ добиться того, чего никогда имѣть не будетъ. Такимъ путемъ великія имперіи приближаются къ своему распаденію. Ложный идеалъ—это самая опасная болѣзнь въ политическомъ организмѣ; притомъ, источникомъ идеала Австріи служатъ только идеи насилія и алчности. Австрія страдаетъ вслѣдствіе того зла, которое она сдѣлала и старается сдѣлать Венгріи и Италиі. Она дорого заплатилась за свою шлезвигъ-голлштинскую экспедицію, разоблачившую ея внутреннее безсиліе и заставившую ее признать гегемонію Пруссіи и подчинить свою политику политикѣ г. Бисмарка. Не болѣе какъ полтора года тому назадъ, когда г. Рехбергъ разыгрывалъ комедію конгресса князей во Франкфуртѣ, трудно было предвидѣть такое паденіе. Австрійская имперія несется внизъ по теченію... но куда?

Однако, возвратимся снова къ Пруссіи. Изъ послѣднихъ извѣстій, которыя сообщаетъ *Rheinische Zeitung*, можно заключить, что вслѣдствіе оживленныхъ преній въ министерствѣ, г. Бисмарку удалось восторжествовать надъ противниками и мнѣніе его одержало верхъ, такъ что это будетъ первой прочной опорой политикѣ присоединенія, которая, безъ сомнѣнія, возбудитъ жестокую бурю въ Германіи. Политика эта заключается въ томъ, что Австрія сдѣлано будетъ предложеніе раздѣлить вмѣстѣ съ Пруссіей обладаніе герцогствами до тѣхъ поръ, пока претенденты докажутъ свои права на спорную страну и примутъ условія, предложенныя нынѣшними ея обладателями.» Что касается до этихъ условій, разумѣется, Пруссія постарается устроить такъ, что ихъ невозможно будетъ принять; суще-

ствѣннѣйшимъ пунктомъ будетъ то, чтобы новый владѣтель былъ по-простоу бумажнымъ паяцомъ; котораго шнурочекъ будутъ держать въ Берлинѣ. — Относительно правъ претендентовъ, одно только можно сказать достоверно, что всѣ они заключаются въ стклянкѣ съ чернилами и потому всѣ въ равной стѣпени ясны и прочны. Всѣ они одинаково основываются на правѣ и справедливости.

Между ними на первомъ планѣ является герцогъ Аугустенбургскій; нужно полагать, что права его несомнѣнны, если, не смотря на то, что были проданы отцомъ, дѣдомъ и братомъ дѣда, они все еще остались въ полной силѣ.

Вторымъ претендентомъ является великій герцогъ Ольденбургскій и вмѣстѣ съ нимъ наслѣдникъ Норвегій, герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, и герцогъ Штормаркъ и Дитмаркъ. Обладая такими титулами, восходящими отъ самой глубокой древности, всѣ они имѣютъ тысячу правъ на герцогства.

Третій — великій князь Гессенскій.

Затѣмъ четвертый — король баварскій.

Пятый претендентъ — графъ Рантцау; опять только графъ и потому права его менѣе значительны. Но все же мы и его внесемъ въ списокъ.

Потомъ графъ Стирумъ... скажите пожалуйста, что это за графъ Стирумъ?

Вслѣдъ за нимъ представители четырехъ вѣтвей поколѣнія Эрнестины саксонской.

Наконецъ послѣдній претендентъ — Пруссія. Въ счетъ будущихъ благъ, она уже обладаетъ герцогствами въ долѣ съ Австріею, что уже составляетъ не малое преимущество. Кроме того, въ число несомнѣнныхъ доказательствъ ея правъ можно указать на четыреста тысячъ штыковъ, представляющихъ собою четыреста тысячъ убѣдительнѣйшихъ доводовъ; въ довершеніе всего, у нея есть сирхъ того старые пергаменты. Да, не шутя, она обладаетъ пергаментами; ихъ добылъ все тотъ же, неиссякаемый въ ресурсахъ, Бисмаркъ... Эти пергаменты доказываютъ, что какая-то сестра какого-то прапрадѣда Гогенцоллерновъ вышла замужъ за Гамлета принца датскаго, о которомъ упоминаетъ Шекспиръ, и если только не допустить, что сестра Гамлета принца датскаго вышла замужъ за двоюроднаго брата прапрадѣда Гогенцоллерновъ, то обстоятельство это, повидному, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Крайне любопытно въ этомъ дѣлѣ то, что это первое открытіе г. Бисмарка немедленно сопровождалось новымъ открытіемъ изобрѣтательнаго г. Меусдорфа Пуйлльи, именно, что принцъ Гамлетъ имѣлъ старшую сестру, которая вышла замужъ за отца прапрадѣда одного изъ припцевъ лоранскихъ. Это обстоятельство даетъ лоранскому дому права болѣе значительныя, чѣмъ притязанія Гогенцоллерновъ. Какъ-дежь ясно!

По этому поводу существуетъ анекдотъ, который рассказываютъ въ Баниѣ и въ Нормандіи.

Господинъ Грипонъ,

«Быль! у насъ прокуроръ, оставившій занятіе дѣлами и купившій небольшое помѣстье около кармелитскаго монастыря. Къ монастырю принадлежали сады, роши и, между прочимъ, превосходный лугъ, очень привлекавшій законника. Онъ такъ сильно желалъ приобрести этотъ лугъ, что нашелъ весьма старый документъ, утверждающій за нимъ неоспоримыя права на этотъ лугъ. Отецъ Фруменцій надѣлъ очки и, внимательно осмотрѣвъ представленный документъ, призналъ его подлиннымъ и законнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Но онъ обѣщавъ доставить еще другой, къ концу той же недѣли. Процессъ, разумѣется, былъ выигранъ.»

Вопросъ значительно усложняется тѣмъ, что всѣ претенденты требуютъ не одинаковаго участка земли. Одни заявляютъ притязанія на Шлезвигъ, другіе на Гольштейнъ; одни требуютъ все, другіе только часть; нѣкоторые требуютъ Лауенбургъ; другіе—оба герцогства; нѣкоторые заявляютъ притязанія на всю Данію, а есть и такіе, которые, кромѣ того, требуютъ еще Норвегію. Одни только жители Шлезвигъ-Гольштейна и Лауенбурга лишены права требовать что либо. Германскіе демократы и даже самые члены прусскаго парламента давно уже отказались отъ этого, будто бы существующаго права народовъ, и присоединяются къ партіи, предпринимающей войну изъ-за наслѣдственнаго права. Наслѣдственное право это по истинѣ превосходная вещь; оно бы могло всѣхъ помирить, но надо же было случиться, чтобы, по несчастію, въ шлезвигъ-гольштинскомъ дѣлѣ замѣшалось столкновение двѣнадцати наслѣдственныхъ правъ, противорѣчащихъ одно другому. Это имѣетъ нѣкоторую аналогію съ тѣмъ, что существуетъ двадцать череповъ св. Доминика, изъ которыхъ всѣ дѣйствительныя и всѣ производятъ чудеса; какъ тутъ рѣшать, который изъ нихъ настоящій? Сколько трудовъ пред-

стоятъ Сейму, обязанному переислѣдовать всё эти пергаменты! Сколько заботъ заготовляетъ г. Бисмаркъ комитету юрискоультовъ, которыхъ онъ собираетъ въ Берлинѣ съ цѣлью подвергнуть это дѣло ихъ мудрому разсмотрѣнію!

Прусскій парламентъ былъ созванъ къ 14 января: это былъ крайній срокъ. Однимъ днемъ позже—и прусскій кабинетъ нарушалъ конституцію; за это точное выполненіе законности приходится благодарить г. Бисмарка. Впрочемъ, прусская конституція выказала себя весьма добродушной и далеко не неподкупной добродѣтелью; она дозволила смѣлому министру нѣкоторыя вольности, которыя бы были встрѣчены цѣломудренной Англіей съ сильнѣйшимъ негодованіемъ. Но иныя страны—иные обычаи. Мы не хотимъ заниматься предположеніями, почти всегда крайне гадательными, по поводу предстоящихъ парламентскихъ преній. Почти всегда такого рода предсказанія бывають неудачны и измѣняются событіями, и хотя бы они должны были осуществиться, разумъ такъ же мало ихъ одобряетъ, какъ мало вкусъ можетъ оцѣнить виноградъ, висящій на гроздахъ. За свидѣтельствуемъ только, что Германія и Европа находятся въ ожиданіи.

Перечитывая газеты за послѣднее время, мы находимъ адресъ, напечатанный *Крестовой газетой*. Она подготавливаетъ почву для г. Бисмарка—это обвинительный актъ парламентаристовъ и либеральной прессы.

«Мы душевно желаемъ, говорится въ адресѣ, чтобы вашему превосходительству удалось побѣдить внутреннихъ враговъ короля и отечества, подобно тому, какъ вы побѣдили враговъ внѣшнихъ. Мы намѣрены говорить здѣсь о прогрессистахъ, клятвopреступникахъ, нарушающихъ присягу, принесенную ими въ повиновеніи королю. Они усердно работаютъ только ради одного дѣла: именно подкапываютъ могущество короля, стараются лишить его народнаго довѣрія, ведутъ нашу дорогую Пруссію къ анархіи и, такимъ образомъ, грозятъ ему раздѣленіемъ между сосѣдями.»

«Кромѣ того, мы желали бы обратить вниманіе на огромное число презрѣнныхъ журналистовъ, цѣль которыхъ распространеніе лжи, клеветы и оскорбленій. Вопреки нашимъ достославнымъ преданіямъ, вопреки конституціи, они оскорбляютъ и предають поруганію право божеское и человѣческое. Они призываютъ проклятіе господне на самихъ себя и на наше дорогое отечество.»

«Мы надѣемся, что правительство приметъ энергическія мѣры въ видахъ охраненія общественнаго спокойствія противъ наглости прессы и газетчиковъ; этихъ «свратителей чистыхъ душъ!»»

Во Франціи эту выходку благочестивой газеты назвали бы подстрекательствомъ къ междоусобной войнѣ и просьбой, адресованной г. Бисмарку, приглашающей попытаться совершить государственный переворотъ.

Въ самой Италіи оруженное посланіе далеко не произвело такого сильнаго впечатлѣнія и не надѣлало столько шума, какъ въ другихъ странахъ Европы. Тамъ свылглись уже съ подобнаго рода словоизверженіями и потому гораздо менѣе обратили вниманія на манифестъ папы, чѣмъ на весьма вѣроятное мозговое расслабленіе кардинала Андреа, одного изъ высшихъ сановниковъ церкви и *единокровнаго* папы. Этотъ Андреа вздумалъ неожиданно, какъ запоздалый понугай, громогласно превозносить познанія и добродѣтели отца Пассагліа, автора immacулатнаго зачатія, іезуита, который болѣе или менѣе очистилъ и засушилъ себя хлористою известью; въ настоящее время онъ сдѣлался простымъ *галликацемъ*.

Телеграфическія депеши изъ Турина свидѣтельствуютъ о патристическомъ одушевленіи и о послѣдственности, съ которой повсюду въ Италіи сдѣланы были преждевременные взносы налога за 1865 годъ. Изъ отчета, представленнаго королю министромъ финансовъ, мы видимъ, что взносы, совершенные въ сроки опредѣленные закономъ, составляютъ пять шестыхъ налога, изъ котораго 43% были непосредственно уплачены платящими, а остальное при посредствѣ коммунъ или провинцій. Однако министры сильно бы ошиблись, если бы заключили изъ этого, что могутъ продолжать и впредь прѣсмѣнать бюджетъ тремя или четырьмя сотнями милліоновъ ежегодно. Такое замѣчательное и добровольное согласіе платящихъ неизбежно сопровождается строгой критикой расходовъ. Народъ не любитъ, чтобы проматывали его пожертвованія. Ничего не можетъ естественнѣе подобнаго требованія.

Между тѣмъ финансы римскаго двора сильно хвораютъ и ихъ жалкое положеніе имѣло значительное вліяніе на редакцію оруженнаго посланія. Епископы и священники умоляли своихъ прихожанъ послать этому несчастному папѣ подарки въ новому году. Самое ничтожное приношеніе принималось съ благодарностью; конфеты и печенья, зеленые ашельсины, огарки, старый сюртукъ, который обыкновенно

повенно отдавался ланею, платье, ботижки, корсеты и старье бриллианы, — все принималось съ благодарностью. Недавно *Messenger du sacré-cœur de Jesus* съ отчаяніемъ заявилъ, что динаріи св. Петра далеко не покрываютъ издержекъ римскаго двора, въ слѣдствіе чего онъ умоляетъ пожертвовать въ пользу св. отца уже не одинъ су, о нѣтъ! какъ можно, это было бы слишкомъ много, но только половину су, не болѣе двухъ копѣекъ въ недѣлю!

Но да успокоятся добрыя души! эти благочестивыя особы еще не забыли вкусъ розоваго шампанскаго и пулярки съ трюфлями. Не смотря на то, они все же хныкаютъ по поводу двухъ ничтожныхъ копѣчекъ. «Этотъ налогъ на всѣ истинно католическія семейства, говоритъ благочестивый редакторъ, окончательно бы вывелъ римскій дворъ изъ затруднительнаго финансоваго положенія. Я это навѣрное рассчиталъ и совершенно въ томъ увѣренъ!» Дѣйствительно такъ; даже изъ двухъ копѣчнаго динарія можно уплачивать каждое утро одинъ изъ векселей Ротшильда.

Наконецъ мы заключимъ обзоръ движенія въ католическомъ мірѣ послѣднимъ извѣстіемъ изъ Италіи:

Римъ, 6 января.

«Сегодня утромъ, въ Ватиканѣ, въ присутствіи кардиналовъ, папа приказалъ обнародовать декретъ, въ которомъ объявляется дозволеніе приступить къ торжественной канонизаціи девятнадцати мучениковъ, пострадавшихъ въ 1572 году въ голландскихъ владѣніяхъ въ Азіи. Эти мученики были уже возведены въ санъ святыхъ папой Клементомъ X.»

Событіе это было распространено телеграфомъ по всѣмъ городамъ Европы.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ мы имѣемъ весьма мало извѣстій изъ Англіи. Во-первыхъ мы приведемъ нѣсколько слуховъ, касающихся англійской королевской фамиліи. Принцъ Уэльскій жалуется на крайнюю бѣдность: какъ извѣстно цѣны на квартиры и на всѣ необходимыя жизненныя потребности сильно поднялись въ послѣднее время; къ тому же, зима—дѣло не шуточное, перенести ее не легко. Предварительно онъ пожелалъ познакомиться, какъ отнесется общественное мнѣніе къ предположенію объ увеличеніи получаемаго имъ содержанія на полтора милліона франковъ, и увидѣлъ съ прискор-

бѣмъ, что предположеніе это было принято весьма холодно. Это заставило молодого принца просить увеличенія не болѣе какъ на 750,000 франковъ. Говорятъ, что этого мало для принца, проживающаго въ десять разъ больше. Рассказываютъ, будто принцесса Марія Кенбриджская вышла замужъ не только безъ согласія, но даже вопреки запрещенію королевы Викторіи.

Само собою разумѣется, что въ настоящую минуту, подобно тому, какъ и всегда, Англія находится въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ нѣсколькими жалкими народами, разсѣянными по земному шару. Она ведетъ войну въ Индіи съ горцами Бутана; возстаніе въ Новой Зеландіи еще не совсѣмъ подавлено. Правитель Капской земли придирается къ королю Бассутосовъ, храброму и почтенному старику, который въ продолженіи тридцати лѣтъ высказывалъ чудеса ловкости и умѣнья, чтобы охранить себя и свой народъ отъ хищности англичанъ.

Въ Японіи соединенные флоты Франціи и Англіи одержали нелгкую побѣду надъ войсками одного изъ данниковъ Тайкуна. По окончаніи дѣла при Симогосаки, владѣтель Нагато, отказавшійся уплатить огромную пеню, возложенную на него европейскими властями, былъ приговоренъ правительствомъ Іеддо къ лишенію имущества и почестей. Но такъ какъ онъ не покорился этому приговору, то Тайкунъ немедленно овладѣлъ его подданными, находившимися въ столицѣ, согласно обычаю, по которому каждый высшій сановникъ государства долженъ прислать въ столицу извѣстное число своихъ подчиненныхъ. Тотчасъ же 600 несчастныхъ были схвачены; затѣмъ имъ распоролы животы или приказали распороть, и между этими жертвами находилось двѣсти женщинъ и дѣтей. Только послѣ подобной бойни владѣтель Нагато нашелъ нужнымъ покориться своему государю. Это происшествіе можетъ быть присоединено, какъ важный фактъ, къ исторіи англо-французскаго вмѣшательства на глубокомъ востокѣ, гдѣ оно сдѣлалось источникомъ гнусныхъ жестокостей. Въ настоящее время эта политика одержала большую побѣду; она дала возможность поразить тайпинговъ, то есть, представителей элемента китайскаго и туземнаго противъ завоевателей, принадлежащихъ къ племени манджурскихъ татаръ, племени по преимуществу склонному къ разрушенію и мало способному къ развитію. Будущее докажетъ, до какой степени Англо-французы были правы, избравъ политику, доставившую имъ возмож-

ность на время занять такое выгодное положеніе, которыми они безжалостно и не въ мѣру пользуются. Нужно знать, что вся тайна нынѣшняго положенія дѣль заключается въ слѣдующемъ: Война совершенно парализовала торговлю опиумомъ, которая вообще была строго преслѣдуема начальниками Тайпинговъ. Последняго обстоятельства было достаточно чтобы обратить на этихъ гнусныхъ бунтовщиковъ зараженныя картечью пушки нашихъ христіанскихъ и цивилизующихъ армій.

Нынѣшнее положеніе дѣль, повидимому, заключается въ слѣдующемъ: Распаденіе Китайской имперіи все болѣе и болѣе увеличивается; оно вовсе не приостановлено вропейскимъ вмѣшательствомъ, а напротивъ, усилено. Имперіалистамъ не достанется то, чѣмъ обладали инсургенты; что же касается послѣднихъ, со времени потери Нанкинга, бывшаго ихъ главнымъ средоточіемъ, они не имѣютъ *армій*, а только разрозненныя *шайки*. Болѣе чѣмъ когда либо, они являются непримиримыми врагами законовъ и хотя они отбѣснены внутрь страны, далеко отъ береговъ и западныхъ флотилій, но вовсе не менѣе прежняго опасны, такъ что междусобная война далеко не утихла.

Но возвратимся къ англичанамъ и, оставивъ ихъ политику, которой весьма мало сочувствуетъ просвѣщенная народная партія, заключимъ чертой изъ англійскихъ нравовъ. Мы узнаемъ, что капитанъ *Шамберленъ*, начальствующій кораблемъ: *Сопротивленіе*, предписалъ мичману, котораго онъ засталъ спящимъ, слушать проповѣди по утрамъ и вечерамъ воскресныхъ дней, въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ сразу, и поручилъ пастору наблюдать за исполненіемъ своего приказанія. Но пасторъ былъ на столько совѣстливый человѣкъ, что отказался представлять отчетъ о присутствіи или отсутствіи мичмана, во время богослуженія, заявляя притомъ, что онъ не намѣренъ быть шпиономъ своей паствы. Слѣдствіемъ этого отказа было то, что лорды адмиралтейства сдѣлали священнику Гутери строгій и любящій выговоръ за то, что онъ не принялъ на себя пріятную обязанность доносчика въ дѣль совѣсти провинившагося мичмана.

Пѣнь вошелъ во вкусъ этой идеи и спрашиваетъ: не лучше ли будетъ, если судьи, вмѣсто наказанія трехъ и шести-мѣсячнаго тюремнаго заключенія, будутъ присуждать подсудимыхъ къ неизбѣжно-

му выслушиванию самых скучных и монотонных проучений англиканских пасторовъ.

По поводу тюремъ, английская метрополия и ея колонія въ Австраліи объявлялись весьма неприязненною корреспонденціей относительно ссыльныхъ, которыхъ великобританскія власти упорно хотять по прежнему пересылать въ Австралію, не смотря на всѣ заявленія жителей, крайне недовольныхъ этою мѣрой. Наконецъ, утомленное спорами и убѣдясь въ безуспѣшности всевозможныхъ доводовъ, законодательное собраніе Мельбёрна назначило ступи для пересылки австралийскихъ преступниковъ въ Англію; дѣйствительно, на Темзѣ нѣкоторое время ожидали появленія корабля, нагруженнаго подобнымъ грузомъ.

Тѣ же затрудненія занимаютъ теперь Женеву. Этотъ кантонъ не имѣетъ пенитенціарнаго заведенія и до настоящаго времени его преступники были заключаемы въ заведеніяхъ Берискаго кантона. Между тѣмъ трактатъ, касающійся этого предмета, уничтоженъ, и никакой другой кантонъ не желаетъ взять на свое попеченіе женевскихъ преступниковъ; такимъ образомъ Женевскому кантону, говоритъ *Bund*, какъ кажется, приходится возвратить преступникамъ свободу, за невозможностью найти имъ помѣщеніе. Вотъ ужъ послѣднее не могло бы случиться въ прекрасной Франціи; въ обидѣ остроговъ и тюремъ она можетъ поспорить даже съ Австріей!

Почти въ то же время король Викторъ Эммануилъ отослалъ папѣ триста каторжниковъ, родомъ изъ Церковной области. Папа не захотѣлъ остаться въ долгу на счетъ великодушія, и тотчасъ же приказалъ передать итальянскимъ жандармамъ восемьсотъ человекъ, находившихся въ римской каторгѣ.

Мѣсяцъ тому назадъ, мы разстались съ Испаніей наканунѣ министерскаго кризиса. Кризисъ этотъ дѣйствительно произошелъ, но такъ какъ не нашлось ни одной политической личности, достаточно сильной, чтобы стать во главѣ правленія, то, съ согласія королевы Изабеллы, высшая административная власть была снова оставлена за Нарваэцомъ. — Между прочими дѣлами, преимущественно обращаетъ на себя вниманіе дѣло о Сэнь-Доминго. Читатели, быть можетъ, помнятъ о недобросовѣстности министерства о Донпеля, которое золотомъ подкупило измѣнника, продавашаго отечество; соста-

Вылся военный заговоръ, въ известный день поддержанный войсками и кораблями, отправленными изъ Кубы. Словомъ, подготовленъ былъ государственный переворотъ, который объявилъ гибель республике и, уничтоживъ ее, отдалъ бранные ея останки въ наследство испанской монархіи. Нѣсколько патриотовъ были разстрѣляны, другіе посажены въ тюрьму; въ странѣ размѣщены были испанскія войска и чиновники. Можно было подумать, что дѣло разыгралось какъ нельзя лучше. Но, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, на островѣ вспыхнуло возмущеніе: кучка республиканцевъ вышла изъ горъ и начала вести войну гверильасовъ; это была небольшая горсть людей противъ войска, которое всегда считалось и считается однимъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Ихъ было очень мало, но на ихъ сторонѣ были справедливость и народъ, а врагамъ приходилось бороться съ угроженіями собственной совѣсти, съ огромными разстояніями, убійственнымъ климатомъ и наконецъ жестокими дивурдагами, которыя не щадили также и республиканскихъ инсургентовъ.

Послѣ двухъ-лѣтней борьбы, оказалось, что Испанія потеряла въ этой неудачной войнѣ 20,000 человекъ лучшаго своего войска и болѣе 100 милліоновъ франковъ. Слѣственно, такъ какъ народонаселеніе Сэнъ-Доминго никогда не превышало 200,000 жителей и не имѣло болѣе 10,000 человекъ подъ ружьемъ, то побѣда обошлась ему весьма дорого, и необходимо было издержать 40,000 человекъ и 200 милліоновъ франковъ. Испанская армія была вытѣснена отсюда, и въ сущности ей принадлежали еще только госпитали въ Пуэрто-Принципе; все, что осталось въ живыхъ, страдало болѣзнями, и даже часовые были вынуждены отправлять службу, сидя на стульяхъ, не будучи въ состояніи держаться на ногахъ. Ко всему этому присоедините еще то, что Англія объявила намѣреніе признать за республиканцами право воюющей державы и что, по всей вѣроятности, американскіе корабли доставляли инсургентамъ оружіе и военные снаряды; кромѣ того, имъ содѣйствовали волонтеры сосѣдней республики негровъ Гаити,

Въ такому безнадежному положенію дѣлъ присоединилось еще и то, что въ самой Кубѣ начались уже революціонныя движенія; слѣственно упорно держаться въ Сэнъ-Домингѣ, значило бы подвергать себя опасности потерять перлъ Антильскихъ острововъ, то есть Кубу. Наконецъ положеніе усложнилось еще несогласіями съ Перу и Чили:

которыя съ каждымъ днемъ могли привести къ новой войнѣ, не обѣщавшей ничего добраго. И такъ, принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, нельзя не согласиться, что маршалъ Нарваэцъ былъ въ высшей степени правъ, предлагая своей государынѣ признать себя побѣжденной.

Какая громадная противоположность въ изложеніи доводовъ, представляемыхъ каждымъ изъ двухъ великихъ маршаловъ. Рѣчь Нарваэца скромна, сдержана, почти смиренна: «Испанія, говоритъ онъ, полагала, что жители С. Доминго желаютъ быть подъ ея покровительствомъ, но сопротивление сдѣлалось слишкомъ ожесточеннымъ, чтобы возможно было обманывать себя подобными заблужденіями. Намъ предстояло бы завоевать этотъ островъ, но испанская политика не должна быть завоевательной политикой. На этомъ основаніи, я имѣю честь представить палатѣ проэктъ закона, опредѣляющаго недействительность декрета 19 мая 1861 года, объявляющаго, что республика С. Доминго вошла въ составъ испанской монархіи...»

Что касается о'Доннея, послѣдній нѣсколько не стѣснялся говорить такъ, какъ будто онъ былъ повѣренный воли провидѣнія.

«Провидѣнію, писалъ онъ въ своемъ декретѣ, обезсмертившему испанскую монархію, угодно было, чтобы она снова охватила своими объятіями націю, которая отдѣлилась отъ нея во времена смутъ и слабости, которыя никогда болѣе не возвратятся...» Это *никогда* продолжалось не долѣе трехъ лѣтъ съ половиною!

Какъ бы то ни было, мы съ удовольствіемъ запосимъ въ лѣтописи исторіи эту побѣду права и угнетенной національности. Конечно, эта побѣда одержана за четыре тысячъ миль отсюда, и одержали ее негры. Тѣмъ лучше; гдѣ бы ни становилось челоуѣку легче—въ новомъ свѣтѣ и на Антильскихъ островахъ или въ старой Европѣ, на фабрикахъ Манчестера,—народы остаются въ полномъ выигрышѣ. Солидарность добра, какъ и солидарность зла, въ общемъ итогѣ, имѣютъ одинаковую силу.

Экспедиція Шермана удалась самымъ блестящимъ образомъ. Переходъ пространства въ 600 километровъ въ совершенно враждебной странѣ и безъ запасовъ продовольствія окончился въ тотъ самый день и часъ, которые были заранѣе опредѣлены, и флотъ находился на мѣстѣ назначеннаго свиданія. Шерманъ въ своемъ первомъ письмѣ къ военному секретарю выражается, что прогулка его арміи

«была очень занимательна.» Все безъ исключенія благопріятствовало этой экспедиці, которая была для федералистовъ отступленіемъ изъ Москвы—подъ чуднымъ небомъ Георгіи! Погода была превосходная, и хотя перепадали дожди, но они нисколько не были помѣхой, напротивъ, были полезны тѣмъ, что укрѣпили песчаную почву; солдаты все время имѣли обильное продовольствіе и могли присоединить къ своимъ установленнымъ порціямъ сладкіе потаты и другіе разнообразныя произведенія богатой растительности георгійскихъ деревень. Негры служили проводниками, и милиція штата, если и появлялась иногда при переходахъ чрезъ рѣки, то только за тѣмъ, чтобы безъ труда быть разбитой. Съ цѣлью обезопасить тылъ, армія разрушила 350 километровъ желѣзной дороги; кромѣ того, она облегчала себѣ движеніе впередъ, легко и удобно перемѣняя подводы и ремонтируя всю свою кавалерію. Когда, наконецъ, она придвинулась къ берегамъ моря, спустя двадцать семь дней по оставленіи Атланта, то паходилась въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ минуту выхода изъ этого города. Мало того, на пути она усилилась четырьмя тысячами человѣкъ отборныхъ негровъ, гордившихся тѣмъ, что сдѣлались свободными существами и могутъ владѣть ружьемъ, наравнѣ съ солдатами бѣлаго племени. Наконецъ, кромѣ того, войска Шермана вели за собой тысячу плѣнныхъ, взятыхъ по дорогѣ, въ различныхъ мелкихъ схваткахъ.

Достигнувъ цѣли путешествія, и будучи увѣренъ, что легко можетъ обезпечить нѣсколько позже сообщеніе съ флотомъ Дальгрена, генералъ не захотѣлъ терять времени на переходы къ морю. Онъ тотчасъ же двинулся къ рѣкѣ Саваннѣ и сталъ въ виду города того же имени; отрѣзалъ отъ него чарльстоунскую желѣзную дорогу, а также всѣ другія сообщенія города съ западомъ и югомъ. Такимъ образомъ Саванна, лишенная своихъ желѣзныхъ и рѣчныхъ сообщеній, не могла бы болѣе получать продовольствія и гарнизонъ былъ вынужденъ рано или поздно очистить городъ. Только тогда Шерманъ занялся обезпеченіемъ своихъ собственныхъ сообщеній съ флотомъ, овладѣлъ главнымъ фортомъ охраняющимъ устья рѣки Огеши и безъ посторонней помощи могъ запретить федеральнымъ кораблямъ проходъ къ лагерю Шермана. На приступъ пошла колонна подъ предводительствомъ генерала Гацена и, такъ сказать взлетѣла на этотъ грозный фортъ, который два года передъ тѣмъ, безуспѣшно былъ атакованъ нѣсколькими броненосными кораблями.

Въ тотъ же самый вечеръ Шерманъ и его товарищи по оружію могли пожать руки морякамъ флота. Семь дней послѣ того, конфедеральный генераль Гарде, предвидя приступъ, оставилъ укрѣпленія Саванны, въ которыхъ федеральная армія нашла 30,000 тюковъ хлопчатой бумаги, 150 орудій и значительное число разныхъ военныхъ снарядовъ.

Одна изъ газетъ Ричмонда, возвѣщая своимъ читателямъ, что Шерманъ, по всей вѣроятности, достигнетъ моря, утѣшала себя той мыслью, что торжественное шествіе федеральныхъ войскъ будетъ только «посрамленіемъ» южныхъ штатовъ, но не повлечетъ за собой никакихъ важныхъ послѣдствій. А между тѣмъ Саванна взята и вмѣстѣ съ этимъ важнымъ военнымъ пунктомъ, третьимъ городомъ конфедерации по числу жителей, южане теряютъ всѣ средства сообщенія съ берегомъ Георгіи и съ штатомъ Флориды. Штатъ этотъ остается вполне отрѣзаннымъ, точно такъ же, какъ съ давняго времени отрѣзаны рабовладѣльческіе штаты по ту сторону Миссисипи. Впослѣдствіи, для обратнаго ихъ завоеванія, ибѣтъ нужды посылать солдатъ и пушки; совершенно достаточно отправить туда эмигрантовъ и лопаты. Притомъ федералисты, которые, въ этой опасной части американскаго берега, не имѣли другого основнаго пункта, кромѣ болотистаго Бѣфортскаго архипелага и острововъ Тибе и Морисъ, обладаютъ нынѣ весьма значительной точкой опоры, именно большимъ городомъ, окруженнымъ желѣзными дорогами, съ окрестностью, орошенной широкими рѣками, судоходными на нѣсколько сотъ индюметровъ отъ устьевъ. И это еще не все; театръ великой войны, тотъ, на которомъ должны были еще такъ недавно произойти рѣшительныя сраженія, распространялся на всей поверхности семи большихъ штатовъ, съ береговъ рѣки Джемса къ берегамъ Мобила; между тѣмъ, отнынѣ театръ войны ограниченъ на югѣ рѣкою Саванной и заключаетъ въ себѣ только обѣ Каролины и половину Виргиіи. Въ настоящую минуту можно утверждать навѣрное, что именно въ штатахъ, прилегающихъ къ берегу Атлантическаго океана, между моремъ и цѣпью Апалахскихъ горъ, совершаются рѣшительнѣйшіе удары, и армія Шермана, постепенно подвигаясь снова къ сѣверу, все болѣе и болѣе будетъ суживать эту спорную территорию. Прежде армія Шермана дѣйствовала совершенно независимо въ горахъ Алабамы и Георгіи, а теперь она будетъ дѣйствовать за одно съ арміей Гранта. Воображаемъ себѣ,

до какой степени глубоко озабоченъ генералъ Ли, съ тѣхъ поръ, какъ издали онъ наблюдаетъ за движеніями свѣлаго Шермана, приближающагося на помощь упорному противнику, который его осаждаетъ.

Что будетъ теперь дѣлать торжествующая армія Шермана? Конечно она не станетъ отдыхать въ Саваниѣ, но будетъ стараться съ такимъ же успѣхомъ продолжать свои послѣдующія дѣйствія. Во-первыхъ, она легко можетъ отрѣзать желѣзную дорогу изъ Чарльстоуна въ Августу, которая пока еще соединяетъ верхнюю Георгію съ берегомъ и съ Ричмондомъ; затѣмъ, исполнивъ эту предварительную работу, она, быть можетъ, займется осадой Чарльстоуна, или быстро двинется къ Ричмонду, или, пожалуй, сядетъ на транспорты адмирала Дальгрена и приметъ участіе въ осадѣ Вильмингтона, или овладѣетъ какимъ либо другимъ прибрежнымъ пунктомъ. Точно такъ же, какъ въ моментъ выхода Шермана изъ Атланты, рабовладѣльцы были въ недоумѣніи и не могли рѣшить, куда онъ намѣренъ двинуться: на Мобиль, Пенсаколу или къ иному пункту, и въдствие того вынуждены были раздѣлить свои силы, такъ и теперь они недоумѣваютъ, съ которой стороны ожидать нападенія противника. Вообще они терпятъ недостатокъ въ войскѣ и потому-то опасаются за мѣста, слабо защищенныя.

Притомъ, въ настоящую минуту на помощь Шерману произведена весьма серьезная диверсія. Пока онъ готовится на югъ къ новому движенію впередъ, армія въ 17,000 человекъ, подкрѣпленная флотиліей съ 150 пушками, сдѣлала нападеніе на крѣпость Фишеръ у входа въ рѣку Вильмингтонъ. Осада этого порта представляетъ чрезвычайныя затрудненія; во-первыхъ, вслѣдствіе двухъ входовъ въ гавань, раздѣленныхъ одинъ отъ другого разстояніемъ въ 40 километровъ, а въ особенности несчанныхъ мелей и мелководія, дѣлающихъ доступъ къ городу крайне опаснымъ. Городъ этотъ безспорно одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ рабовладѣльческой конфедерации. Онъ въ особенности приносилъ большую пользу тѣмъ, что, англійскія суда, занимающіяся контрабандой доставляютъ сюда арміямъ южанъ: порохъ, пушки и машины и получаютъ взамѣнъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ тюковъ хлопчатой бумаги въ недѣлю. Не проходитъ мѣсяца, чтобы одно изъ этихъ судовъ не попадалось въ плѣнъ флоту сѣверянъ, блокирующему берегъ; но, какъ видно, ремесло это на столько выгодно, что опасность попасться въ плѣнъ не можетъ прекратить этой торговли. Слѣдственно необходимо овла-

дѣть упомянутымъ портомъ и даже полезно было бы занять выгодную позицію на твердой землѣ близъ города, для того, чтобы овладѣть его окрестностями. Каковы бы ни были результаты этого нападенія, оно выгодно уже потому, что раздѣляетъ силы южанъ и облегчаетъ движеніе арміи Шермана. Притомъ, въ пользу этой атаки говорить еще другое важное обстоятельство: когда нѣсколько позже федеральнымъ войскамъ удастся овладѣть Вильмингтономъ, тогда армія Ли потеряетъ не только свой продовольственный центръ, но лишится также сообщенія съ Чарльстоуномъ и будетъ отрѣзана отъ берега. И такъ, мы видимъ, что вопросъ съ каждымъ днемъ упрощается и наступаетъ послѣдній актъ этой кровопролитной драмы.

Въ Тенесси, несчастный генералъ Гудъ, который по всей справедливости заслуживалъ бы лучшей участи, если бы только не служилъ такому грязному дѣлу, испыталъ жестокия неудачи, которыя можно было предсказать ему заранѣе, соображаясь съ весьма неосновательными совѣтами Джеферсонъ-Дэвиса и Борегара. Подстрекаемый личной горячностью, онъ подошелъ на близкое растояніе къ Нашвилю, поставилъ пушки на берегу Кумберленда и направилъ ихъ на городъ, и даже отправилъ во внутрь Кентуки отрядъ въ 2,500 человекъ. Осторожный Томасъ, которому Шерманъ ввѣрилъ честь федеральнаго оружія, приказалъ гарнизонамъ всѣхъ городовъ, угрожаемыхъ арміей Гуда, сойтись къ Нашвилю, чтобы составилъ такимъ образомъ одну надежно-сплоченную армію. Гарнизоны безъ затрудненія исполнили приказаніе Томаса, и въ то же время, при передвиженіи нанесли войскамъ Гуда нѣсколько чувствительныхъ пораженій, а именно предъ укрѣпленіями небольшого города Франклина. Собравшись въ Нашвилѣ, армія Томаса усилилась новыми отрядами, прибывшими изъ Кентуки, и 15 декабря вступила въ бой съ войсками Гуда. Чрезвычайно искуснымъ движеніемъ, Томасу удалось неожиданно атаковать лѣвый флангъ непріятели, заставить его смѣшаться и отступить въ безпорядкѣ; вслѣдъ за тѣмъ, онъ такъ же удачно атаковалъ центръ и взялъ приступомъ окопы, воздвигнутые на холмахъ. На слѣдующее утро сраженіе продолжалось съ ожесточеніемъ; федеральныя войска повсюду оставались побѣдителями, и къ вечеру того же дня, армія Гуда была разбита и послѣшно отступала подъ дождемъ, снѣгомъ и въ топкой грязи испортившихся дорогъ. Гудъ, вступившій въ Тенесси съ 35-тысячнымъ войскомъ, удалился оттуда столпою изъ 20,000 бѣглецовъ, нуждавшихся во всемъ, безъ арти-

лерий и почти безъ оружія. Много потребуется времени, чтобы привести въ порядокъ и снова сдѣлать годными къ дѣлу эти отряды, которымъ было обѣщано такъ много торжества и успѣховъ. Большинство солдатъ дезертируетъ и переходитъ въ федеральную армію; другіе возвращаются къ своимъ семействамъ, а нѣкоторые пристають къ разбойничьимъ шайнамъ, которыхъ расплодилось очень много въ штатахъ южной конфедерации.

По мѣрѣ того, какъ численность южныхъ армій быстро уменьшается послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ сраженій, вопросъ о вооруженіи негровъ становится все болѣе настоятельнымъ и требующимъ немедленнаго разрѣшенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ опять возбуждаетъ вражду противниковъ и защитниковъ этой неизбежной мѣры. Президентъ Дэвисъ и главнокомандующій Ли, которые лучше всѣхъ другихъ сознаютъ, до какой степени имъ необходимы солдаты, требуютъ, чтобы рабы были освобождены и вооружены; между тѣмъ фанатики рабства и плантаторы, гораздо болѣе заботящіеся о личныхъ выгодахъ, чѣмъ о своей національной независимости, горячо протестуютъ во имя священнаго догмата рабства. Обвиненія и оскорбленія щедро расточаются обѣими сторонами; губернаторы Броунъ и Вансъ обличаютъ Джеферсонъ-Дэвиса въ деспотизмъ; опять, съ своей стороны, называетъ ихъ измѣнниками. Другіе же, именно представители Сѣверной Каролины, требуютъ, чтобы сдѣланы были мирныя предложенія. Словомъ, въ лагерѣ южанъ царствуютъ жестокія несогласія, вызванныя вопросомъ о вооруженіи негровъ. Между тѣмъ Шерманъ раздастъ оружіе этимъ самымъ неграмъ, противъ которыхъ такъ яростно гремятъ теологи и плантаторы юга, а Грантъ разставляетъ на берегу Джемса пушки, которыхъ бомбы, въ скоромъ времени, потревожатъ жителей Ричмонда.

Что касается федеральнаго правительства, оно пользуется избыткомъ силъ, возбужденныхъ въ немъ послѣдними выборами, и старается, сколько возможно болѣе, усилить энергію военныхъ дѣйствій. Не довольствуясь 45,000 человекъ генерала Шермана, составляющими только дополнительную армію, оно вновь призвало къ оружію 300,000 человекъ, съ цѣлю—и лучше воспользоваться выгоднымъ положеніемъ, доставленнымъ успѣхомъ послѣднихъ сраженій, и въ особенности, какъ можно скорѣе, овладѣть Ричмондомъ и Чарльстоупомъ. Если 300,000 человекъ окажутся недостаточными, тогда еще 300,000 будутъ вооружены и, хотя бы даже пришлось

призвать къ оружію всѣхъ здоровыхъ гражданъ, правительство Линкольна не остановится и передъ таковой жертвой, лишь бы возстановить верховную власть народнаго избранія и окончательно уничтожить рабство.

Относительно этого вопроса, послѣднее письмо президента, адресованное къ конгрессу, не оставляетъ никакихъ сомнѣній. Поздравивъ Мэрилендъ съ уничтоженіемъ на вѣки постыднаго рабства, онъ снова предлагаетъ измѣненіе въ конституціи, уничтожающее рабство въ штатахъ, принадлежащихъ къ сѣверной федераціи. Что же касается рабовъ возмущившихся штатовъ, сдѣлавшихся свободными въ силу прокламаціи президента, они останутся навсегда свободными, и ничто не заставитъ «честнаго Авраама» отступить отъ своего слова. «Если бы какънибудь народъ сталъ принуждать исполнительную власть снова возвратитъ къ рабство тѣхъ, которые нынѣ сдѣлались свободными, пусть тогда выберутъ исполнителемъ кого либо другого, но только не меня!»

Рѣшительное въ политикѣ аболиціонизма, чувствующее за собою значительный перевѣсъ надъ возставшими штатами, и благодаря прочной организаціи своихъ войскъ, — федеральное правительство принимаетъ въ то же время болѣе строгое и внушительное отношеніе къ иностраннымъ правительствамъ, которыя вмѣшивались въ американскія дѣла изъ-за завистливыхъ торговыхъ соображеній или изъ ненависти къ свободѣ.

Уже въ самомъ началѣ своего письма президентъ Линкольнъ вполне ясно выражаетъ мнѣніе относительно Мексики и французскаго вмѣшательства; послѣ того онъ съ удовольствіемъ отзывается о прекрасныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ взаимно находятся между собой всѣ республики Новаго Свѣта. Это обстоятельство представляетъ собою новое подтвержденіе ученія Монрое, и если американцы, среди ужасной междоусобной войны, могли поддерживать независимость республикъ всего материка, то нѣтъ сомнѣній, что они будутъ держаться несравненно болѣе твердо, когда приобретутъ внутреннее спокойствіе и полное матеріальное могущество. Однимъ изъ самыхъ недавнихъ дѣйствій конгресса было строгое порицаніе поведенія государственнаго секретаря, Сьюарда, за то, что онъ рѣшился дать Франціи уважительныя объясненія по поводу выборовъ прошлаго года, касавшихся мексиканской независимости.

Конечно, положеніе секретаря Сьюарда чрезвычайно трудное, и нуж-

но ему извинить нѣкоторыя ошибки, если принять во вниманіе его необычайную дѣятельность и умѣнье, съ которымъ онъ находилъ возможность, не унижая достоинства своего отечества, избѣгать враждебныхъ отношеній къ иностраннымъ державамъ. Наконецъ онъ очень искусно составляетъ иногда депеши, сообщая имъ чрезвычайно ироническій оттѣнокъ, что весьма нравится народу. Недавно нѣкій лордъ Вариклифъ, вице-президентъ *англійскаго общества за независимость юга*, имѣлъ наглость обратиться къ Сьюарду, прося, чтобы ему было дозволено передать плѣннымъ изъ конфедеральной арміи 425,000 франковъ, собранныхъ въ ихъ пользу въ Англіи негодіантами Ливерпуля, ведущими торговлю съ южными штатами. При самомъ сплсходптельномъ отношеніи къ этимъ людямъ, заявляющимъ, будто ихъ одушевляетъ только чувство челоуѣколюбія, все же странно видѣть, что все ихъ сочувствіе и попеченія обращены на плѣнныхъ, преврасно содержимыхъ и получающихъ отличное продовольствіе, тогда какъ плѣнные федеральныхъ войскъ, заключенные въ тюрьмахъ юга, сотнями и тысячами мрутъ съ голоду и отъ недостатка чистаго воздуха. Но всего страннѣе то, что члены этого богоугоднаго дѣла выбрали себѣ непремѣнной задачей снаряжать пиратовъ и, во что бы то ни стало, способствовать къ продолженію войны: ихъ суда постоянно доставляютъ возставшамъ штатамъ порохъ, оружіе и военные снаряды взамѣнъ хлопчатой бумаги; эти люди живутъ войной, подобно коршунамъ, которые слѣдятъ за войскомъ въ ожиданіи труповъ. Въ своемъ высокомѣрномъ и ѣдкомъ отвѣтѣ лорду Вариклифу, Сьюрдъ замѣтилъ, что сумма въ 425,000 франковъ доказываетъ большую скупость въ людяхъ, которые составили такія огромныя богатства, вооруживъ контрабандныя суда и постоянно нарушая блокаду.

Между тѣмъ новыя происшествія, несравненно болѣе важныя, случились одно за другимъ и сдѣлались причиной крайне натянутыхъ отношеній между Соединенными Штатами и англійскими владѣніями въ Канадѣ. Южные пираты, находя убѣжище на англійской землѣ, отправляются пассажирами на американскомъ пароходѣ, совершающемъ рейсы въ большихъ озерахъ. Во время плаванія они ограбили пароходъ и пустили его ко дну; затѣмъ преспокойно возвратились въ Канаду, гдѣ ихъ судятъ только для виду и вскорѣ освобождаютъ отъ всякой отвѣтственности; въ довершеніе всего, католическое населеніе тор-

жественно заявляет имъ свое сочувствіе. Въ другомъ мѣстѣ, именно на берегахъ озера Чамплень, другіе бандиты, называющіе себя конфедератами, въ самый полдень входятъ въ небольшой мирный городъ, грабятъ банки и убиваютъ проходящихъ, и послѣ того возвращаются на англійскую территорію, нагруженные богатой добычей. Ихъ тоже сажаютъ въ тюрьму для виду, предупреждая, что они ничѣмъ не рискуютъ; оставляютъ имъ въ полную собственность награбленные деньги и, когда наступаетъ день суда, судья объявляетъ себя не въ правѣ произвести надъ ними приговоръ, основываясь на какомъ-то вздорномъ пунктѣ законовъ, всегда готовыхъ къ услугамъ любого казуиста.

Понятно, до какой степени слухи о подобныхъ происшествіяхъ должны были возбудить негодованіе всѣхъ американцевъ и обезпокоить пограничныхъ жителей. Берега великихъ озеръ и сѣверная часть штатовъ Нью-Йоркъ и Новой Англии, подверженные безпрестаннымъ нападеніямъ бандитовъ, находились въ такомъ же положеніи, какое французская политика доставила жителямъ Неаполитанскаго королевства, укрывая разбойниковъ во владѣніяхъ папы. Но, по счастью, у американцевъ не водится Пиа IX, котораго они обязаны уважать во владѣніяхъ Канады, и потому генераль Дизъ, начальствующій въ Нью-Йоркѣ, успѣлъ дать дозволеніе американскимъ войскамъ вступить въ канадскія владѣнія и самимъ наказать разбойниковъ, а также произвести судъ, отъ котораго отказались англійскія власти. Распоряженіе это, по всей вѣроятности, было бы одобрено Линкольномъ и американскія войска вступили бы во владѣнія Канады, но въ этомъ не оказалось надобности, такъ какъ генераль губернаторъ англійскихъ владѣній снова приказалъ схватить виновныхъ.

Какъ бы то ни было, но Соединенные Штаты, по всей вѣроятности, заключаютъ новый трактатъ съ Англійей, чтобы дать возможность обоимъ государствамъ имѣть военные корабли въ озеряхъ, чрезъ которыя проходитъ рѣка Св. Лаврентія. Кромѣ того поднять вопросъ объ уничтоженіи трактата, на основаніи котораго всякаго рода канадскіе товары перевозились съ оплачиваемъ чрезвычайно ничтожныхъ пошлинъ чрезъ штатъ Новой Англии. Это право было крайне выгодно для Верхней Канады, потому что устья Св. Лаврентія въ продолженіе зимы замерзали, и притомъ этотъ путь былъ гораздо длиннѣе. Если трактатъ этотъ будетъ уничтоженъ, тогда жители Верхней Канады, которые, по географическому положенію своей

земли, языку, правамъ и религіи, имѣютъ основаніе желать присоединенія къ Соединеннымъ Штатамъ, будутъ сверхъ того чувствовать пользу этого присоединенія для весьма значительныхъ торговыхъ выгодъ. Вотъ какихъ результатовъ добились канадцы-католики, подстрекаемые своими фанатическими священниками къ враждѣ противъ свободной и протестантской республики Соединенныхъ Штатовъ. Замѣтимъ кстати, что они успѣли надѣлать свою страну неогрѣненнымъ удовольствіемъ паспортовъ и осмотрамъ чемодановъ.

Гордо и съ достоинствомъ относясь къ могущественнымъ державамъ, Соединенные Штаты выказываютъ въ тоже время большую снисходительность въ сношеніяхъ съ государствами, менѣе значительными и сильными. Эти соображенія объясняютъ уступчивость и любезность секретаря Сьюарда въ отношеніяхъ къ Бразиліи по поводу дѣла *Флориды*. Консулъ американскій въ Багіѣ будетъ лишенъ своей должности; капитанъ Коллинсъ преданъ военному суду; бразильскій флагъ будетъ салютованъ обычными пушечными выстрѣлами и плѣнные съ корабля *Флорида* будутъ возвращены. Такимъ образомъ могущественная республика, доставивъ Бразиліи всевозможныя вознагражденія, быть можетъ, тѣмъ самымъ заставитъ ее извиниться въ необыкновенной поспѣшности, съ которой она признала рабовладѣльцевъ на правахъ воюющей стороны. Сознается ли она, что безстыднымъ образомъ нарушила народное право, предложивъ убѣжище корсарамъ и дозволить имъ жечь торговые суда въ водахъ, принадлежащихъ къ имперіи? Перестанетъ ли она пользоваться правомъ сильнаго противъ слабаго въ отношеніи къ республикѣ Парагвай, принудивъ послѣднюю допустить у себя существованіе рабовладѣльцевъ съ ихъ человѣческими стадами? Въ этомъ можно сильно сомнѣваться. Богатые и сильные плантаторы, присвоившіе себѣ огромныя пространства Бразиліи, не могутъ не злоупотреблять силой: они недовольны только тогда, когда невозможно одерживать верхъ при помощи насплія.

Отчеты, сопровождающіе письмо президента Линкольна, крайне любопытны на томъ основаніи, что несомнѣнно доказываютъ замѣчательное развитіе въ народонаселеніи, промышленности и богатствѣ, нисколько не подавленное жестокой междоусобной войной. Въ особеннсти важнѣе и поучителнѣе отчетъ секретаря финансовъ, и, лучше всякаго другого документа, даетъ необыкновенно выгодное понятіе о средствахъ, которыя американскій народъ нашель у себя для

поддержанія союза и сохраненія своихъ свободныхъ учрежденій. Къ 1 июля 1864 года общій итогъ всего долга Соединенныхъ Штатовъ заключался въ 9 миллиардахъ 400 милліонахъ франковъ. Въ продолженіи слѣдующаго финансоваго года, который окончится къ 1-му июля 1865 года, расходы опредѣлены въ 4 миллиарда 835 милліоновъ, а доходы въ 2 миллиарда 265 милліоновъ. Слѣдовательно, нужно пополнить дефицитъ болѣе чѣмъ въ 2 миллиарда съ половиной. Къ концу года долгъ возрастетъ до 12 миллиардовъ, и если конгрессъ не приметъ мѣры для увеличенія налога, итогъ долга возрастетъ до 14 миллиардовъ 285 милліоновъ къ 1 июля 1866 года: эта сумма была бы почти равна нынѣшнему долгу Франціи. Но до того времени прямыя налоги, а также всѣ другіе источники американскаго бюджета, равнаго по объему французскому бюджету (самому значительному въ мірѣ), безъ сомнѣнія, увеличатся; даже и теперь, въ своемъ отчетѣ, г. Фессенденъ предлагаетъ его увеличить на 250 милліоновъ, которые будутъ взимаемы съ извѣстнаго количества предметовъ и товаровъ. Въ 1866, въ случаѣ, если война продолжится, г. Фессенденъ надѣется, что доходы возрастутъ почти до 3 миллиардовъ и на столько же уменьшатъ необходимость дѣлать тяжелыя займы. Всѣ эти громадныя суммы 28 милліоновъ американцевъ уплачиваютъ, нисколько не жалуясь, потому что они собственной волей и властью налагаютъ на себя эти платежи. Между тѣмъ, три года тому назадъ, налогъ ихъ не превышалъ 300 милліоновъ франковъ. Секретарь финансовъ имѣлъ полное основаніе выразиться, что, предпринимая войну за сохраненіе единства Союза, народъ американскій не имѣлъ понятія о томъ, какими громадными средствами можетъ располагать республика въ случаѣ надобности.

Ж. Лефрель.

ОБЪЯСНЕНИЕ ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Редакція считаетъ долгомъ извиниться передъ своими читателями, что окончаніе повѣсти: «Тяжелые годы» не будетъ напечатано. Авторъ ея, г. М. Вороновъ, псмѣщая начало этой повѣсти, обѣщаль дать немедленно и продолженіе ея; но не смотря на свои многократныя увѣренія и обѣщанія, не исполниль ни одного изъ нихъ, и получивъ деньги впередъ за всю повѣсть, вѣроятно, нашель болѣе удобнымъ для себя останиться на первыхъ трехъ главахъ. Остается признаться, что противъ такихъ рѣдкихъ случаевъ не уберезешься.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

къ № 12.

- Въ Лиены 1. Кривоцу.* Жалоба Ваша на неполученіе № 8, 9 и 10 была сообщена Газ. Экспедиціи, которая отвѣтила, что № 8 посланъ Вамъ 12 октября за № 82, № 9 12 ноября за № 80-мъ и № 10 декабря 14 за № 80; №№ 8 и 9 посланы Вамъ Редакціею вторично 21 сентября.
- Въ Лохвицы 1. Сокольскому.* № 6 посланъ Вамъ вторично 28 декабря.
- Въ новую Прагу 1. Торчинскому.* №№ 10, 11 и 12 за 1863 годъ посланы Вамъ вторично 28 декабря.
- Въ Астрахань 1. Медвѣдеву.* Жалоба Ваша на неполученіе № 9 и 10 сообщена Газ. Экспедиціи. По разсчету Вы не должны были еще получить этихъ №№ того числа, отъ котораго жаловались. Если они не получены Вами до сихъ поръ, то увѣдомьте, Редакція вышлетъ Вамъ ихъ вторично.
- Въ Нерчинскъ 1. Заблоцкому.* № 2 посланъ Вамъ вторично 29 декабря.
- Въ Москеу 1-жь Мироновой.* № 5 посланъ Вамъ вторично 31 декабря.
- Въ Тифлисъ 1. Серебрякову.* №№ 1 и 2 посланы Вамъ вторично изъ Редакціи 4 января.

- Въ Борисполь і. Троцкому.** № 8 посланъ Вамъ *вторично* 8 января.
- Въ Каменскій заводъ і. Полкову.** № 8 посланъ Вамъ *вторично* 8 января.
- Въ Гори і. Цурикову.** №№ 9 и 10 по расчету не могли быть получены Вами того числа, отъ котораго Вы жаловались. Если они не получены до сихъ поръ, то увѣдомьте, Редакція вышлетъ ихъ вамъ *вторично*. Жалоба ваша сообщена Газ. Экспедиціи.
- Въ Пензу і. Виноградову.** №№ 6 и 7 были посланы Вамъ *вторично* 7 декабря, о чемъ было сообщено вамъ въ ответномъ листкѣ № 11. Если вы ихъ не получили до сихъ поръ, то увѣдомьте Редакцію.
- въ Вознесенскъ і. Прейсъ.** № 1 посланъ вамъ *вторично* 11 января.
- Въ Каменецъ Подольскъ Библ. 48 пѣхотнаго Одесскаго полка.** № 6 посланъ Вамъ *вторично* 11 января.
- Въ Москву і-жъ Коптевой.** № 10 посланъ Вамъ *вторично* 14 января.
- Въ Москву майору Лео.** № 10 посланъ Вамъ *вторично* 20 января.
- Въ Могилевъ Подольскій і. Лисовецкому.** № 9 посылается вамъ *вторично*
- Въ Красноставъ і. Пономареву.** Редакція принимаетъ второе ваше предложеніе и поэтому сочиненія Островскаго и Помяловскаго высланы Вамъ.

ПОДПИСКА НА 1865 ГОДЪ

КІЕВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Вступая въ 1865 году, въ седьмой годъ своего существованія, редакція не намѣрена завлекать своихъ подписчиковъ слишкомъ заманчивыми и блестящими обѣщаніями; будучи вѣрна своему характеру и направленію, какъ и въ текущемъ году, будетъ выходить три раза въ недѣлю: по *Средамъ, Пятницамъ и Воскресеньямъ*, въ форматѣ большого листа, состоящаго изъ 16 ти столбцовъ, компактной, убористой печати. *Программа* изданія будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; II) ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ; III) КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ИЗЪ РОССІИ И ИНОСТРАННЫЯ; IV) ВНУТРЕННІЯ И МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ; V) ФЕЛЬЕТОНЪ И СМѢСЬ; VI) ЛИТЕРАТУРА И БЕЛЛЕТРИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ; VII) СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ И ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ. Независимо отъ этихъ отдѣловъ, съ будущаго года, мы въ особенности намѣрены посвятить свои труды нашей *земской реформѣ* и знакомить публику съ дѣятельностью *Свято-Владимірскаго Братства* и состояніемъ *народныхъ школъ*. Желая придать нашему изданію болѣе интереса и разнообразія, мы, въ угоду своимъ читательницамъ, вводимъ новую рубрику **Парижскихъ модъ**, для осуществленія которой, Редакція вошла въ сношеніе съ парижскими сотрудниками лучшихъ модныхъ журналовъ, которые будутъ сообщать корреспонденціи, и извѣстнымъ парижскимъ граверомъ **г. Кофинье**, обѣщавшимъ высылать на каждаго подписчика, ежемѣсячно, по одной *иллюминированной картинкѣ модъ* (мужскихъ или женскихъ по желанію, о чемъ подписчики заявляютъ при подпискѣ) и по одному *большому листу съ изображеніемъ дамскихъ работъ, узоровъ, вышиваній и рукодѣлій*, такъ что каждый изъ подписчиковъ, въ теченіи года, получитъ 24 такихъ приложений.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ пересылкою и доставкою	9 р.
безъ пересылки и доставки	7 р.
На полгода съ пересылкою и доставкою	5 р.
безъ пересылки и доставки	4 р.

Подписчики, желающіе получать вмѣсто 12 картинокъ модъ, 24 или 12 мужскихъ и столько же дамскихъ, доплачиваютъ къ годовой подпискѣ **11 р. с.** и полугодовой **50 к. с.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ **ГАЙДЕБУРОВА**.
— Москвѣ, въ «Литературномъ Бюро» **И. В. ВАСИЛЬЕВА**.
— Кіевѣ, въ Редакціи «Кіевскаго Телеграфа» въ домѣ
Тарнавской, куда и могутъ адресоваться иногородные подписчики.

Редакторъ и издатель **А. Фонъ-Юнкъ**

ОТЪ ГЛАВНАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Е. С. БАЛЛИНОЙ.

Въ Харьковѣ на Екатеринославской улицѣ.

Развитіе книжнаго дѣла въ провинціяхъ есть единственное средство къ развитію его у насъ вообще. Единственныя для того средства—развитіе издательской дѣятельности провинцій и провинціального книжнаго комисіонерства, а также учрежденіе въ провинціяхъ многихъ солидарныхъ между собой книжныхъ лавокъ, что дѣлаетъ возможнымъ общую покупку книгъ и увеличеніе книгопродавскаго процента въ провинціи, а также доставляетъ большія удобства при сношеніяхъ съ издателями и тѣмъ увеличиваетъ книжное провинціальное комисіонерство. Имѣя это въ виду, мы открыли съ 1865 года, независимо отъ нашихъ харьковскихъ магазиновъ,—магазины въ Курскѣ и Херсонѣ. Надѣмся, что открытіе этихъ магазиновъ будетъ не мало содѣйствовать развитію книжнаго дѣла на югѣ Россіи и что мы не останемся одинокими дѣятелями на нетронutomъ почти обширномъ полѣ южно-русскаго книжнаго дѣла.

ЛИСТОКЪ

КНИЖНАГО И МУЗЫКАЛЬНАГО МАГАЗИНА

Е. С. Баллиной.

Коммисіонерши Императорскаго Харьковскаго Унверситета, Хозяй-
ственнаго Управленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Рус-
скаго Музыкальнаго Общества, Общества распространенія полезныхъ
книгъ и проч.

ХАРЬКОВЪ. ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ УЛИЦА.

ИЗДАНІЯ БАЛЛИНОЙ:

	Объявленная Книгопродав.			
	цѣна.	цѣна.		
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Арифметика Ладовскаго, кн. I-я	—	25	—	20
Тягдалль, Теплота какъ родъ движенія . .	3			40
Кремуцій, Кордъ Н. Костомарова	—	75	—	50
Подвижная азбука, за коробку	—	50	—	40
Українскі пісні, *Вид. к. Балліної	—	75	—	60

ГОТОВЯТСЯ КЪ ИЗДАНІЮ:

Учебникъ фотографіи Лисганга	—	75	—	60
Арифметика цѣлыхъ чиселъ Ковальскаго . .				

КОММИССИОННЫЯ И КУПЛЕННЫЯ КНИГИ:

* Грове, Соотношеніе физическихъ силъ . .	1	—	—	80
* Шимковъ, О сжимаемости газовъ посл.				
экз.	1	25	1	—
Лямбль, Записки пат. анатоміи	5			—
Соколовъ, Динамика	2	50	2	—
* Стояновъ, Методъ разработки пол. права				
и проч.	1	50	1	28

Книги отиѣченныя знакомъ * имѣются цѣлыми изданіями.

Объявленная Книгопродав.

	цѣна.		цѣна.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Фармакологія Кларуса 3 в.	3	—	2	70
Оболенскаго, Шапка невидимка	1	—	—	80
Повѣсти Кохаиовской	2	—	1	80
Стороженко, Українскі оповідання	1	50	1	25
Чумаки або смутни часы украины	—	50	—	45
Записки о западной руси Щебальскаго.	—	50	—	45
Арифметика Конисскаго	—	3	—	3
Оповідання Опатовича	—	5	—	5
Уроки Географіи Семенова	1	—	—	80
Отечествовѣденіе Семенова вып. 1-й	—	70	—	63
Изданія Главинскаго уст. к. 10—15%.				
Пісні українскаго люду, Лавренка К.	—	50	—	—
На Україні, романъ Дорошенка	—	75	—	—
* О Кольцовѣ и его пѣсняхъ	—	2	—	2
Географическій словарь Семенова кажд. 1 вып.	—	75	—	72
Бутлерова, введеніе въ орг. химію вып. 1-й.	—	70	—	67
Українські приказки прислів'я і таке инше				
Номиса	3	—	2	55
Народні оповідання М. Вовчка, 2 т.	1	—	—	85
Досвітки Куліша	—	75	—	64
Записки о южной Руси Кулиша 2 т.	3	—	2	55
Новісті Основаненко, 2 т. Квитки	2	—	1	70
Чорна рада Куліша	1	50	1	23
Пісанія Котляревскаго	1	—	—	85
Гейне Ратклифъ переводъ Лавренка	—	30	—	25
Повѣсти Куліша 4 т.	3	—	2	55
О Борисѣ Годуновѣ и о Дмитріѣ Самозванцѣ.	1	—	—	85
Хмѣльницина	—	25	—	21
Разсказъ изъ Священной Исторіи въ 3-хъ кн.	1	60	—	—
Хата Куліша	—	75	—	64
Горе отъ ума Грибоѣдова	—	10	—	9
Основа за 2 года, по 7 руб. за годъ.				
Сиверса, Руководство къ винокурению	1	—	—	70
Первое знакомство съ земнымъ шаромъ	1	—	—	75
Де що про сѣть божій	—	25	—	26
Инокентій, Великій постъ 200 экз.	2	—	1	60
Губернскіе очерки Щедрина	2	—	1	80
Лѣтопись Велички 3 т.				
Изданія А. Ф. Баунова 15—20%.				
Изданія Иловайскаго 10—15%.				

Объявленная Книгопродав.

цѣна. цѣна.

Руб. Коп. Руб. Коп

* Шлейденъ, Фармацевтическая ботаника.	—	75	—	65
* Каченовскій, Курсъ межд. права кн. 1-я.	1	—	—	85
* — — — Совр. состояніе пол. наукъ	1	—	—	85
* — — — О каперахъ 25 экз.	1	25	1	10
* — — — Отчетъ о путешествіи по Европѣ.	—	40	—	34
* Петровъ, Исторіографія	1	50	1	20
Леваковскій, Геологія вып. 1-й	1	—	—	85
* — — — — — вып. 2-й	—	60	—	51
— — — — — вып. 3-й по деш. ц.	—	40	—	34
Морозовъ, О солнечномъ спектрѣ и проч.	2	—	1	70
* Сидери, О способахъ открытія мышьяка	—	50	—	43
* Черняевъ, Литургика	1	—	—	85
* Правила о торговлѣ напитками	—	10	—	7
* Асотскій, Очерки и воспоминанія	—	50	—	43
* Доля, драма у пяти дѣяхъ Стеценка	—	35	—	30
* Недолубови, Трагическая опера Шаповала.	—	25	—	21
* Шульца, Нѣмецкая грамматика	—	50	—	43
Надлеръ, Опозиція католицизму	1	—	—	85
* Деларю, Общая теорія алгебр. рѣшенія уравненій	—	85	—	75
Изданія Общества распространенія полезныхъ книгъ у. кн. 17 ⁰ / ₁₀₀ .				
— — Товарищества общес. польза у. кн. 15—20 ⁰ / ₁₀₀ .				
— — А. И. Глазунова.				
— — Я. А. Исакова.				
* Вилкомірскій, Физиологическая анатомія вып. 1 и 2.	—	50	—	32
Подарокъ молод. хозяйк. или средс. сокрац. расхоль К.	4	50	3	83
Нухта, Исторія римскаго права 2 в.	2	—	1	80
Журналъ для дѣтей Чистякова 1861, 1862 в 1863 по.	5	—	—	—
Бруно Гильдебрантъ, Исторія полит. экон. системъ	1	—	—	85
Лебертъ, Практ. медицина и прѣб.	13	10	11	14
Курсель Сенель, Банки	3	50	3	15
— — — — — промышленныя предпріятія.	2	50	1	90
Журдь, Наставленіе земледѣльцу	1	—	—	70
Боквъ, Разведеніе лошадей	1	—	—	90

Объявленная Книгопродав.

	цѣна.		цѣна.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Улем Вагнеръ, Руководство къ общ. Патологiи.	2	50	—	—
Записки Палача, 4 т. по		75	—	—
Изданiя Тиблена.				
Изданiя священника Рудакова.				
Прописи разныхъ изданiй азбуки.				
Лавровскiй, Кириллъ и Меводiй	1	50	1	28
Исторiя всеоб. Шульгина древняя, средняя и новая	4	—	3	60
Сокращенный молитвословъ	—	—	—	25
Сокращенная грамматика Востокова	—	—	—	10
Арифметика Буссе 1 ч.	—	—	—	6
— — — — — 2 ч.	—	—	—	12
Задачи Буссе	—	—	—	12
Исторiя новой Сѣчи Скальковского 3 т.	6	—	4	80
Море и его жизнь Гартвига	2	—	1	60
Географiя Смирнова 1-й, 2-й и 3-й выпуски.	2	30	2	—
Гурьева Арифметика	1	75	1	58
МАКАРiЯ, Сочиненiя устуги. кн. 10—15.				
Рейфа, Словари за томъ по	2	50	2	13
Щебальскаго, записки о западной Россiи	—	50	—	45
— — — — Чтенiе изъ русской исторiи 4 в.	2	15	1	79
Гривберга, Медицинскiй словарь 2 т.	6		5	40
Начатки	—	12	—	11
Пространный катихизисъ	—	25	—	24
Пять гигиеническихъ лекцiй Нильскаго	—	50	—	45
Изданiя Медицинскаго департамента				
Разсказы Чистякова о стран. и народ. 3 т. по.	2	50	—	—
— — — — — для дѣтей отъ 8 до 12 л.	1	25	—	—
— — — — — для дѣтей отъ 12 до 15 л.	2	50	—	—
Бромме Атласъ (за пер. 50 к.)	3	50	—	—
Лѣто въ царскомъ селѣ	1	50	—	—
Швейцарскiй Робинзонъ	2	50	—	—
Пирлея разсказы Географическiе	1	25	—	—
Цимерманъ. Миръ до сотворенiя человека	3	50	3	15

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ДѢТСКИХЪ КНИГЪ.

Кромѣ означенныхъ книгъ въ магазинѣ Баллиной можно имѣть все русскiя и мадорусскiя книги, кѣмъ либо изданныя. Книгопродавцы пользуются *наибольшею* уступкою по возможности, независимо отъ общей суммы покупки.

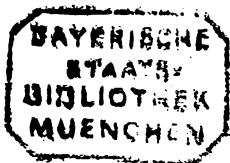
Въ магазинѣ всегда имѣется достаточный запасъ учебниковъ то всѣмъ предметамъ первоначальныхъ, гимназическихъ и университетскихъ курсовъ, а также ученыхъ, беллетристическихъ и дѣтскихъ книгъ, словарей, азбукъ, прописей, картъ и пр.

Желающіе распространять книги и книгопродавцы, доставившіе надлежащее обезпеченіе, могутъ получать нѣкоторыя книги Баллиной на коммисію.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ МУЗЫКАЛЬНАГО МАГАЗИНА БАЛЛИНОЙ.

- A.** Краль Украина кадрили 10 к.
— — Quadrille Sansnom.
— — Елена-Полька.
— Amalien polka.
- B.** Краузь. Варьяціи на пѣсню Віють витры 75 к.
— — Полька Доля 40 к.
— — Lehnstunst galop.
— — Каплуновскій кадрили изъ малорусскихъ пѣсень 60 к.
- X.** Поль. Не послѣдняя кадрили.
Вильчекъ: Варьяціи на пѣсню: Чайка 85 к.
— — Etude Angoisse 50 к.
— — Souvenir de village 40 к.
— — Scherzo 55 к.
— Enigme 30 к.
Юнвальманъ La fille du mernier.
— Rondeau brillant.

Книгопродавцамъ, выписывающимъ русскіе и иностранныя журналы, дѣлается половина уступки, получаемой магазиномъ.

ОБЩІЯ ПРАВИЛА

ПРИНЯТЫЯ КНИЖНЫМИ И МУЗЫКАЛЬНЫМИ МАГАЗИНАМИ

ЕЛЕНЫ СТЕПАНОВНЫ БАЛЛИНОЙ,

Въ Харьковѣ, Курскѣ и Херсонѣ.

- 1) Русскія и малорусскія книги продаются по цѣнамъ, объявленнымъ извѣстными столичными книгопродавцами и издателями, безъ пересылки, — за исключеніемъ нѣкоторыхъ казенныхъ и весьма немногихъ частныхъ изданій.
- 2) При продажѣ иностранныхъ книгъ считается франкъ въ 33—36 к., таллеръ въ 1 р. 10 к.—1 р. 20 к., шиллингъ въ 55—60 к.
- 3) Цоты продаются по петербургскимъ цѣнамъ.
- 4) Въ магазинахъ Баллиной принимается подписка на русскіе и иностранные журналы и газеты, (иностранные журналы по цѣнамъ петербургскаго книгопродавца Я. А. Исакова).
- 5) Книги и ноты принимаются на комиссію по соглашенію съ управляющими магазиновъ или съ главнымъ харьковскимъ книжнымъ и музыкальнымъ магазиномъ Баллиной. Равно могутъ быть отпускаемы на комиссію книги и ноты, съ оставленіемъ залога.
- 6) За пересылку книгъ и цотъ, при высылкѣ ихъ заразѣ на 3 р., ничего не платится. При высылкѣ же менѣе чѣмъ на 3 р. за пересылку платится 25 к. Исключеніе изъ этого правила составляютъ казенныя и незначительное количество частныхъ изданій книгъ и цотъ, а также карты, атласы, глобусы и пр., при пересылкѣ которыхъ платится по ихъ стоимости.
- 7) Учебнымъ заведеніямъ, бібліотекамъ и покупающимъ книгъ на 50 р. или цотъ на 5 р., дѣлается обычная уступка.
- 8) Покупающіе книги или ноты на значительную сумму получаютъ наибольшую уступку. Выписывающіе книги или ноты платятъ деньги, впередъ при заказѣ.
- 9) Учебныя заведенія и казенныя мѣста вообще или платятъ за купленные книги деньги впередъ, или доставляютъ деньги немедленно по полученіи книгъ или цотъ. При покупкѣ на значительную сумму половина слѣдующихъ денегъ во всякомъ случаѣ вносится впередъ. Выписка журналовъ всегда производится на наличныя деньги. Вообще въ кредитъ книги и ноты не отпускаются.
- 10) Купленные книги и ноты могутъ быть возвращены въ магазинъ только въ самый день покупки.

ДЕКАБРЬ. 1864.

6 x Rep.

РУССКОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- Историческіе очерки (XVIII столѣтія.) *Н. В. Шелуновъ.*
Историческое развитіе европейской
мысли. (Статья вторая) *Д. И. Писаревъ.*
Степанъ Рудевъ. (Черты изъ жизни
хорошихъ людей. Окончаніе) *Н. Холодовъ.*
Съумасшедшій въ гостиницѣ „Бѣ-
лаго Лебеда“. (Статья Берне. Перев.). *И. И. Вейнбергъ.*
Два поколѣнія. (Романъ Шпильгагена.
XVIII.—XXXII. Окончаніе).
Послѣдній философъ-идеалистъ . . . *В. А. Зайцевъ.*
Послѣднія минуты. (Думы преступни-
ка. Стихотвореніе) *В. Щилевъ.*
* * * (Стихотвореніе). *И. Тхоржевскій.*
Эскизы чиновничьяго быта.
(III. Учителя. IV. Другая пора) *Г. И. Успенскій.*
У Гроба. (изъ Ленау). *Е. Зиневъ.*

1864, 1

(См. на оборотѣ).

55 9

ОТДѢЛЪ II.

Литературное Обзоріе.

Промахи незрѣлой мысли. (Полное собраніе сочиненій Льва Толстого. Изд. Стелловскаго. 1864 г.) *Д. И. Писаревъ.*

Библиографическій Листокъ. *В. А. Зайцевъ.*

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота, изданіе императорской академіи наукъ съ рисунками, въ рукописяхъ поэта. Стихотворенія. Т. I и II. Спб. 1864 и 1865. — Драмъ Эсхила. Т. I. Спб. 1864. — Король Лиръ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Шекспира. Переводъ В. Лазаревскаго. Спб. 1865. — Возвратъ Чацкаго въ Москву, продолженіе комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ ума“. Сочиненіе графини Е. П. Ростопчиной (Писано въ 1856 году). Изданіе И. К. Флиге. Спб. 1865. — Лекція по исторіи Западной Россіи М. Коваловича. М. 1864. — Наше купечество и торговля съ серьезной и карикатурной стороны. Сборникъ, изданный подъ редакціей русскаго купца. Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки Е. А. Чудинскаго М. 1864. — Руководство къ Геологіи К. Фогта съ 488 политипажами въ текстѣ. Переведено и дополнено подъ редакціей А. Кормилева. Изданіе товарищества „Общественная польза.“ Спб. 1865. — Слуги желудка; исторія пяти чувствъ Соч. Масе. Передѣлка съ французскаго и изданіе Е. Лихачевой и А. Сувориной. Выпускъ I. Описаніе костей. Съ рисунками. Спб. 1865. — Отвѣтъ моимъ обвинителямъ по поводу моего мнѣнія о цвѣтныхъ племенахъ.

Г. постороннему сатирику „Современника“.

ОТДѢЛЪ III.

Современное Обзоріе.

Политика. *Жакъ Лефрель.*

ИТАЛІЯ. — Окружисе посланіе Пія IX. — Инквизиторскій характеръ его. — Негодованіе св. отца противъ современнаго „натурализма“, свободы совѣсти и гражданскаго брака. — Что понимаетъ Пій IX подъ именемъ социализмовъ и коммунистовъ? — Перечень главнѣйшихъ положеній окружнаго посланія. — Возможно ли какое нибудь примиреніе между католичествомъ и современнымъ прогрессомъ? — Сборы диварія въ пользу намѣстника св. Петра. — Запрещеніе окружнаго посланія во французскихъ епархіяхъ Франціи. ФРАНЦІЯ. — Смерть Прудона и значеніе потери его для экономической науки. — Назначеніе принца Наполеона президентомъ Частнаго совѣта. — Толкованіе этого факта въ публикѣ. — Рѣчь префекта барона Гаумана, разсердившая парижанъ. — ГЕРМАНІЯ. — Желаніе Пруссіи и Австріи примѣнить датскую политику къ нѣмецкимъ госу-

дарствамъ. — Значеніе „покровителя“ въ смыслѣ г. Бисмарка. — Самый великій изъ самыхъ маленькихъ государственныхъ людей, г. фонъ-деръ-Пфордтенъ, предлагаетъ Баваріи вмѣшаться въ разрѣшеніе восточнаго вопроса. — Претенденты на Шлезвигъ-Гольштинскій престолъ. — АНГЛІЯ. — Страшное наказаніе, введенное капитаномъ Шамбареномъ во флотъ. — Вопросъ о ссыльныхъ въ Австралію. — Обѣтъ преступниковъ между Цемъ IX и Викторомъ Эммануиломъ. — ИСПАНІЯ. — Министерскій кризисъ кончился ничѣмъ. — Испанія отлучается отъ Свѣтъ-Доминго. — АМЕРИКА. — Американская война и послѣдніе событія ея.

Объясненіе отъ редакціи и отвѣтныи листокъ.

Вышелъ второй и послѣдній томъ сочиненій

Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.

Цѣна обоимъ томамъ, въ 12-ю д. около 40 листовъ, съ біографіею и портретомъ автора, 2 р. 50 к.; на пересылку прилагается особо отъ 25 — 50 к.

Для подписчиковъ „РУССКАГО СЛОВА“ дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны.

Такъ какъ романъ Антонія Троллопа: «Виновата-ли она?» перейдетъ на слѣдующій годъ, то первыя главы этого романа будутъ выданы новымъ подписчикамъ, въ видѣ особаго приложенія.

При этой книгѣ прилагаются слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи Рус. Слова въ 1865 году; 2) объ изданіи въ 1865 году Литературной Новості 3) объ изданіи въ 1865 г. Книжнаго Вѣстника и Трутня 4) объ изданіи въ 1865 г. Кіевскаго Телеграфа 5) объявленіе отъ Книжнаго и музыкальнаго магазиновъ Е. С. Баллиной; 6) объявленіе объ изданіи въ 1865 году Народной Лѣтописи.

РУССКОЕ СЛОВО

въ 1865 году

будеть выходить каждый мѣсяць, книжками отъ 25 до 30 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ пересылки	12 р. 50 к.
Съ пересылкой и доставкой	14 » —

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ *С.-Петербургѣ*, въ Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», въ Дмитровскомъ переулкѣ д. № 16 кв. № 7; въ книжномъ магазинѣ Н. А. Серно-Соловьевича, и въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова. Въ *Москвѣ*, въ книжномъ магазинѣ А. О. Черенина (на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго).

При главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА» продаются слѣдующія изданія графа Г. А. Кушелева-Безбородко:

Сочиненія А. Островскаго, Спб. 1859 г. въ 2 т. 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Сочиненія А. Майкова, Спб. 1858 г. въ 2 т. 2 р. съ пересылкою 2 р. 50 к.

Сочиненія Л. Мей, Спб. 1862 г. 3 т. цѣна всѣмъ тремъ томамъ 3 р.; съ пересылкой 4 р.

Сочиненія И. Панаева, Спб. 1863 г. 4 т. 3 р.; съ пересылкой 4 р.

Повѣсти и рассказы М. Л. Михайлова: Въ провинціи. Спб. 1862 г. въ 2 т. 1 р.; съ пересылкой 1 р. 25 к.

Назидки старинной русской литературы, составленные подъ редакціей гг. Пыпина и Костомарова, въ 2 выпускахъ 2 р., а съ пересылкой 3 р.

Рисунки Боклевскаго, представляющіе типы и сцены изъ сочиненій Островскаго, въ 6 выпускахъ.

Каждый выпускъ состоитъ изъ пяти рисунковъ (in folio). Цѣна каждому — 1 р. безъ пересылки, съ перес. 1 р. 25 к., за всѣ 6 выпусковъ 5 р. безъ перес., и 6 р. съ перес.

Для подписчиковъ Русскаго Слова на помянутыя сочиненія дѣлается въ Редакціи уступка 20%₁₀ съ продажной цѣны.

Издатель
Г. Е. Благосвѣтловъ.

Редакторъ
Н. А. Благовѣщенскій.